Юрий Безелянский

Нулевые, боевые, пенсионные

Воспоминания и дневник москвича

Книга третья | 2000-2010 годы

Нулевые, боевые, пенсионные. Книга 3. 2000–2010 годы

Юрий Николаевич Безелянский

Аннотация
Юрий Безелянский. Нулевые, боевые, пенсионные. Воспоминания и дневник москвича. Книга третья. 2000–2010 годы
Предисловие
2000 год — 67/68 лет
Запад. Путешествия. Туризм. Кусочек чужой жизни
Париж
2001 год — 68/69 лет
Испания. 19–26 мая 2001 года
2002 год — 69/70 лет
Страсбург — Метц, 11–18 апреля 2002 года, Эльзас, Лотарингия, Шампань
2003 год — 70/71 год
3–16 мая 2003 года. Германия
2004 год — 71/72 года
Париж-2004
2005 год — 72/73 года
12–27 мая 2005 года — Франция: Париж, Страсбург, Довиль, Трувиль, Онфлёр

Клезмер на маленькой скрипке играет…
Больница № 24
Пятый форум молодых писателей России
2006 год — 73/74 года
Тур: Мюнхен, Зальцбург, Вена
Немного об Австрии и о знаменитых австрий-цах
2007 год — 74/75 лет
Италия, Франция, Монако (16–25 сентября 2007 года)
2008 год — 75/76 лет
Дополнения
2009 год — 76/77 лет
30 мая — в разные годы из жизни Ю. Б
Италия — 2009
Московское послесловие
2010 год — 77/78 лет
В библиотеке им. Бунина
Музыка, любовь, разочарование
Хорватия: 11–18 сентября 2010 г
Эпилог
Приложение
Большой Брат рядом
Ровесники из 1932 года
«Плач по возрасту»

Аннотация

«Нулевые, боевые, пенсионные…»-это первое десятилетие XXI века. Конец лихих 90-х и строительство новой России. Остатки демократии и свободы, но уже тоталитарный накат, цензура, многочисленные запреты и табу. И в этих условиях автор книги, пенсионер по статусу, продолжал биться на всех фронтах СМИ: книги, газеты, журналы, Радио, ТВ, творческие вечера и презентации новых книг. И всё это на фоне плохого самочувствия, нездоровья. Заработанные деньги шли на зарубежные поездки: Франция, Австрия, Италия и т. д. Жизнь бурлила и клокотала. Знакомые шипели: «Завалил Москву своими книгами». За успехом упорно шли зависть и недоброжелательство. В общем, напряжённое, но интересное время, которое располагает к различным воспоминаниям. Особенно это будет интересно прочесть ровесникам, родившимся в довоенные годы. Надеюсь, что и молодые читатели не останутся равнодушными…

Юрий Безелянский
Нулевые, боевые, пенсионные. Воспоминания и дневник москвича. Книга третья. 2000–2010 годы

Предисловие

Мы с тобой ни в чем не виноваты.

Этот мир печальным сотворен:

Храм восхода — он и храм заката.

Храм начала — и конца времен.

Не случайно свет один и тот же.

Под густой зарею розов путь.

Беззащитно жизнь свою итожа,

Мы детьми становимся чуть-чуть…

Александр Кушнер

Первый том (1932–1989) — детство, война, юность, школа, начинающий поэт, стиляга, «Нищий студент» (оперетта Карла Миллекера, 1882). Первые профессиональные шаги: бухгалтер, редактор, журналист. Командировки по стране и туристические поездки на Запад…

Второй том (1990–1999). От социализма к капитализму с нечеловеческим лицом. Но при этом свобода творчества, никакой цензуры. Весенний разлив газет, журналов, радиоканалов, ТВ — печатался и выступал почти везде: от «Вечернего клуба» до «Нового русского слова» (Нью-Йорк), от «Науки и жизни» до «Огонька», от «Работницы» до «Космополитена». Останкино, сериал «Старая квартира», «Академия любви» на «Дарьял ТВ». Первая книга «От Рюрика до Ельцина», а затем другие, одна за другой. Крутился, как белка в колесе, несмотря на свои 70 лет. 90-е годы — мой небольшой творческий Эверест.

И вот — третья книга (2000–2010). Нулевые — лично для меня как продолжение 90-х. Был популярен и востребован. Боролся, бился, сражался. В итоге сделал себе имя. Кто-то из читателей удивится, восхитится или пожмет плечами: ну и что?! Просто у одного интеллигента в очках, у москвича, родившегося на Арбате (роддом им. Грауэрмана) так причудливо сложилась жизнь, которую он скрупулезно фиксировал в своих дневниках. Не я первый и, надеюсь, не последний…

Дневники сокращены и олитературены. Быт, творчество, здоровье, погода, общественная и

политическая обстановка в стране. Все не в одном стакане, в каком-то большом котле, где текст шипит и кипит. А можно сравнить с коктейлем из разных ингредиентов. Вкушайте, вникайте, читайте. Может быть, кому-то мой личный опыт сражения с жизнью пригодится.

Итак, приступаем к многослойной исповеди одного московского пенсионера.

9 марта 2021

2000 год — 67/68 лет

Главные итоги года: выход в свет книги «5-й пункт, или Коктейль “Россия”», начало многолетнего сотрудничества с журналом «Алеф» (Нью-Йорк, Иерусалим, Москва), поездка в Париж. И еще много чего, в частности, съемки на «Дарьял ТВ» двух многосерийных программ: «Четырехугольник» (история, культура, криминал, любовь) и «Академия любви». «Горбачев-центр», творческий вечер в ЦДЛ, книжная ярмарка, Останкино, газеты, журналы, отдых и выступление в Звенигороде…

Ну, а теперь после анонса событий игра в бисер: подборка эпиграфов к 2000 году.

Человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочиняется.

Федор Достоевский

Все мы немного у жизни в гостях, Жизнь — это только привычка…

Анна Ахматова

Наша жизнь выглядит как набросок.

Жюль Ренар (1864–1910), французский писатель

Дни пролетели и годы;
Наши заботы, труды,
Наши беседы, походы, —
Вот мы и стали седы,
Вот проступила сутулость —
Сколько воды утекло!
Как это долго тянулось,
Как это долго тянулось,
Как это быстро прошло…

Семен Ботвинник, петербургский поэт (род. в апреле 1922)

3 января — как встречали новое тысячелетие? Дома, вдвоем. Была идея вечером пойти на Тверскую и посмотреть иллюминацию, но все перебил Ельцин. Днем 31 декабря последовало сообщение об его отставке, а потом показали ТВ-картинку, как он говорил: «Я ухожу…» и просит прощения у народа за несбывшиеся надежды. А потом уже в пальто, показывает рукой преемнику Путину:

вот, мол, кабинет президента, он теперь ваш. Ужасная сцена, драматическая. Мужественный акт добровольного ухода с президентского поста. Пока 47-летний Владимир Путин (7 окт. 1952) — и.о. президента, в марте выборы и нет сомнения в его избрании. Эпоха Ельцина закончилась, начинается новая: путинская.

> Реплика, спустя 19 лет: в тот момент никто не знал, как развернется Россия при молодом президенте. Она отвернулась от Запада, «встала с колен» и затеяла опасные геополитические игры на международной арене. В итоге страна, отринув демократические институты, позиционирует себя новой империей с возвратом к православию и сталинизму, что и привело ее положение «в кольце врагов», к осажденной крепости и обложенной во всех сторон санкциями. Оп-па, разворотец!.. (10 мая 2019)

Мне довелось жить при многих правителях-властителях страны: при Сталине, Маленкове, Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве, Ельцине и вот — «малыш» Путин, выходец из недр КГБ (недавно на Западе вышла книга

«Оперативник в Кремле» — 2019). Молодой, энергичный, прагматичный, жесткий (Лубянка все же!).

Все новогодние ТВ-программы в ночь на 1 января были скомканы и затерялись, разумеется, и новогодняя программа «Дарьял ТВ», где я снимался со всей командой и даже прочел какие-то стихи. А по другим каналам Лолита надрывалась про мани-мани, а Малинин исполнял вечные «7.40»…

1 января с Ще поехали на Тверскую, 2-го в дальнюю рощу. 3-го не выходил из дома и печатал для «Дарьяла ТВ» программу «Неделя в четырех гранях» (история, криминал, культура, любовь). А потом вернулся к книге «Коктейль “Россия”». Позвонил Стриж с некоторой обидой на самого себя: «Ты пишешь авторские книги, а я только составительские…» А я вспомнил своих коллег и знакомых по радио, сколько способных ребят с отменным образованием, а кончился Советский Союз, и они почти все оказались на мели: их пропагандистское умение оказалось невостребованным, и я опередил их всех, как бы заранее готовясь к неведомой новой жизни…

9 января — 3-го сидел дома, не выходил, не брился и усиленно молотил по клавишам машин-

ки, печатал на две недели «Четырехгранник» и дневник. А 4-го продолжил «Коктейль “Россия”» — фуганул одиннадцать страниц. И это пенсионная жизнь?.. 5-го на машине отвезли в Останкино, познакомился с бригадой «Доброго утра» на Первом канале (руководитель Ал. Нехорошев) и записал короткую программу с ведущей Аидой Невской. В эфир она вышла 6 января около семи часов утра, мы с Ще ее, конечно, проспали. И 6-го вышел номер «Вечернего клуба» с десятью комментариями по десятилетиям XX века: события России. Увесисто и прикладисто. А вечером по «Дарьял ТВ» маленькое шоу о Рождестве. Так что труды мои не напрасны, и знаменитому человеку на рынке продавщица-медовница подарила банку меда. Натуроплата за известность. Но почивать на лаврах некогда: продолжал «Коктейль».

14 января — раньше следил за прибавлением света, а сейчас некогда отвлекаться. А уже прибавка целого часа утреннего света.

Эдуардо заряжает нас надеждами: обещает поспособствовать поездке в Париж, и еще сообщил, что у Миши есть идея: построить большую дачу в Подмосковье, и тогда предоставим вам вдвоем целый этаж и «будешь там творить, как Дюма». Ах, дача, ах, Париж, ах, Дюма!.. Сладкие

рафинадные грезы… А пока пью свой «Коктейль» — и летят странички про национальные корни знаменитых писателей. Дошел до Набокова.

В 1919 году 20-летний Владимир Набоков со своей семьей на судне «Надежда» покинул Россию, но Россия навсегда осталась в его сердце.

«Вся Россия делится на сны», — говорил Набоков:

Мне чудится в Рождественское утро
Мой легкий, мой воздушный Петербург.

Чудится… Видится… Мерещится… А вместо старой России — новая Советская. Неведомая и чужая…

В 1999 году в Америке шумно, а в России скромно отмечали 100-летие со дня рождения Владимира Набокова. Вот несколько газетных определений: «Последний дворянин в русской литературе» («ЛГ»), «Свирепый маэстро головокружительного искусства» («Век») «Сердитый мастер слова» («НГ»).

Кому-то очень нравится Набоков, кому-то — совсем нет. «Нра…» Бубеннов с Бабаевским и прочие кавалеры Золотой Звезды. Я — двумя руками за Владимира Набокова. И виват!..

Итак, печатал «Коктейль “Россия”», а 11 января

пришлось ехать на радио, на Пятницкую и записывать очередную порцию январских событий, случившихся в старой и новой России. Встретил Косичева, и он с раздражением сказал, что видел меня по Первому каналу и как ведущая Невская не знала, как меня лучше представить: и писатель, и историк, и журналист, и публицист… Подтекст высказываний: да за что такие оценки? Сидел тут у нас в Бразильском отделе — ничего особенного…

Такое же недовольство выразила другая знакомая по радио некая Оля Б.: «Ну зачем ты так много делаешь, ради денег? Но всех не заработаешь…» Что сказать по этому поводу? Чужой успех раздражает многих. И кому нужен этот успех? Бывший центросоюзовец Олег Славный мечтает о пенсии, построить за городом дом и там сидеть спокойно, никуда не рыпаясь и ничего не делая…

Ну, а моя жизнь — сплошное дерганье. 13-го опять Останкино и выступление в программе с психологом Татьяной Базилевич (хороша пара: Базилевич — Безелянский)… Пытался вечером набросать строки, но дальше первых четырех дело не пошло:

Ничего не случилось, пожалуй,

Только был новогодний рассвет.
Только легкое время бежало.
Пролетело. И вот его нет…

Итак, сначала Первый канал, потом по «Дарьял ТВ» прошла 14-я по счету «Академия любви» об Алексее Константиновиче Толстом и его любви с романсом «Средь шумного бала», исполнял Артур Эйзен.

У меня лично не бал, сплошные трудовые будни. Начитываю, печатаю, выступаю, и стопка нечитаных газет — не успеваю. И надо готовиться к следующим выпускам «Академии». Тут выразила недовольство жена, заявив, что книг уже много, а где звания, где мантии, где приличные деньги?!

За окном ясно и лежат остатки снега, температура: –5.

18 января — в субботу 14-го поехал на съемки «Четырехгранника» и ухлопал на это 3,5 часа. Трудности с установкой света, с какими-то бликами. Текст я читаю по памяти, никакого монитора-суфлера, и поэтому иногда ошибаюсь. На следующий день, в воскресенье, снова студия «Дарьял ТВ». Две программы «Академия любви» и две любовные драмы с нашим писателем Су-

хово-Кобылиным и со звездами мирового кино: Мэрилин Монро и Ив Монтан.

В первой программе — рассказ, как русский барин привез в Россию француженку Симон-Деманш, женился на ней и, судя по всему, дал указание слугам убить ее. Любовь прошла, и Луиза мешала Сухово-Кобылину. Удивительно то, что драматург чтил память Луизы, и потом спустя 9 лет после ее гибели женился на очередной француженке Мари де Буглон, а затем на англичанке Эмилии Смит; и Мари, и Эмилия, — какая странность! — умерли в холодной Москве. А Сухово-Кобылин свою любовную драму с долгим судебным преследованием превратил в драматическую трилогию («Свадьба Кречинского» и далее), где он горько осмеял российские порядки чиновничества и судопроизводства.

Ну, а треугольник Мэрилин — Монтан — Симона Синьоре без всяких общественно-социальных обобщений, просто страсть, которая разрушает жизни. Любовь к герою-французу Монтану привела к очередной катастрофе и разбила жизнь Симоны Синьоре, разрушив ее брак с Монтаном. А на экране во время реальных событий разворачивалась милая музыкальная мелодрама «Давай займемся любовью!» (начало съемок — 1959 год).

В том голливудском фильме Мэрилин была неотразима как манкая женщина.

Обо всем этом я рассказывал в «Академии любви» пяти приглашенным студенткам, в том числе двум студенткам Литературного института. Они мало что знали об этих прошлых драмах, но пытались мне подыграть, изображая заинтересованность и удивление.

23 января — все время печатаю, разъезжаю, выступаю под ворчанье Ще: «У нас не жизнь, а сплошная работа, живем не для жизни, а только ради работы…» А что делать? Взялся за гуж… вот и книгу «Коктейль» практически делаю с листа. Что касается оплаты труда, то как не вспомнить Виктора Шкловского: «Деньги у меня постоянно бывают завтра». И, честно говоря, я иногда испытываю отчаяние. И это при 9-ти изданных книгах, при двух телепрограммах, одной на радио и прочих разовых сочинений-творений. Ну, да, есть немного популярности и известности, — и что?..

Для «Коктейля» занимался справочником «Евреи в русской культуре» — и только в литературе насчитал 128 имен…

19-го в «Радуге» собрали директоров и товароведов книжных магазинов на предмет продвижения книг, и пришлось выступать и

мне. 20-го подбирал исторические вырезки для книги в «Пашков дом» — они их потом будут расклеивать…

28 января — хотели пойти на выставку «Голубая роза», не пошли: плохое самочувствие, нет сил да времени, не вылезаю из работы, как из болота. Наташа из Дортмунда по поводу новых книг: «Ты, наверно, уже миллионер!» Да, старая забава: считать чужие деньги. А мудрый Шолом-Алейхем говорил: «Странная вещь эти деньги: то их нет, то их совсем нет».

На «Дарьял ТВ» бушует старший Вайнер, которого мы за глаза с Большаковым зовем «капиталистическим спрутом». У Вайнера идея приглашать в «Академию любви» не студенток, а зрелых дам с именем. Стал названивать и приглашать. Вероника Долина почти согласилась, Вера Глаголева не может: улетает в Америку. Амалия Мордвинова согласилась, но при этом сказала, что очень занята в различных проектах и ее надо «ловить» в Питере. Ловитель Амалии — это не для меня…

25 января в «Горбачев-центре» встречался с дочерью экс-президента, очаровательной Ириной Вирганской. Договорились о сотрудничестве в «Клубе Раисы Максимовны». Поцеловал благоуха-

ющую щечку Ирины, а она — мою. Единственный позитив за всю неделю… Хотя отпечатан третий тираж книги «Улыбка Джоконды» (всего 15 тысяч экземпляров).

Печатал шпаргалки к очередным программам «Академии любви». Поздравлял с днем рождения Римму Казакову и обещал подарить «Клуб 1932», а она: «Мне уже подарили несколько штук».

31 января — описывать, что писал, что делал, что рассказывал, честно говоря, надоело. Тем более что затем все это фиксировать в дневнике. Выделю лишь смешной прикол съемок в «Академии…» в программе о Гоголе, где снимали эпизод рассказа, как Николай Васильевич в сердцах бросает в огонь последнюю главу второго тома «Мертвых душ». Никак не мог эффектно бросить стопку листов в камин, и пришлось снимать пять дублей. И писать тяжело, и сжигать написанное тяжко…

В воскресенье 30-го с утра — на студию Горького, снимали три программы с маленькими перерывами. И вновь технические накладки с аппаратурой, то светильник падал, то еще что-то. Главный оператор Грачик исколдовался. Ну, и мне досталось. Рассказывая о Людвиге Первом Баварском и ворвавшейся в его дворцовый каби-

нет Лоле Монтес, вошел в раж и сбил микрофон. А во время живописания ночного разговора на веранде в Лутовиново между Тургеневым и Марией Савиной вдруг в соседней студии врубили дрель, и пришлось остановить съемки. И мне прервать рассказ о тишине ночного сада, о ночных ароматах цветов и о затаенном дыхании молодой актрисы, которая жаждала признания Ивана Сергеевича…

Итак, съемки, а потом еще воленс-неволенс, а почти что надо смотреть уже в эфирной сетке. Ще бурчит: «Тебе не надоело смотреть на себя?»

7 февраля — и все же выбрались на Волхонку смотреть «Голубую розу». Очень приятные и многослойные картины Судейкина, Арапова, Фонвизина, Борисова-Мусатова, Сапунова, Милиоти, Петра Уткина, графика Филофактова. И так захотелось прочитать про них, про жизнь, творчество и любовь, но жизнь не позволяет. По Вознесенскому: «Некогда, некогда, некогда!..» А тут еще приключения с зубами, пришлось дергать, потом укрепляющие уколы и, разумеется, незапланированные траты.

Один из сереньких журналистов Ф. из «ВК» получил на фестивале прессы какую-то премию. А у меня ни премий, ни призов. И это закономерно:

они все в стае и поддерживают друг друга, а я по-прежнему одинокий волк, мало с кем общаюсь и ни с кем не пью водку. Только «Трабаахо» — работа. 5-го в субботу умудрился после рынка сесть за машинку и грохнуть 10,5 страницы «Коктейля». Интересно, кто так работает из пишущих: и на рынок ходит, и сумки таскает, и книги пишет?.. Донимает музей Гольденвейзера (хотят, чтобы я о них что-то написал), журнал «Кутузовский проспект», — отказываюсь, отбиваюсь, не справляюсь…

Сегодня в офисе Георгия Вайнера на Тверской-Ямской молодой Юрий Рябинин брал двойное интервью у меня и у Жоры для «ВК» — о литературе, о жизни, о деньгах и т. д.

14 февраля — игнорирую гонорары, но сделаю исключение, чтобы прояснить картину «миллионов». В Электрическом переулке, в офисе Вайнера, получил за программы на «Дарьяле» — 190 долларов, в рублях — 5.460 (курс 28,8). А в «Радуге» получил роялти за несколько книг — 13.724. Как там у Маяковского? «Небольшие деньги — поживи для шика…» Но в той же «Радуге» окончательно отвергли рукопись «Капризы любви» (ранее не изданная в «Рипол-классик», хотя и была подготовлена к изданию, — так по-

лучилось…)

10 февраля — ездил на Шаболовку, где башня Шухова, на канал «Культура», общение с Катей Андрониковой. Подарил книги и жду вердикта.

13-го — запись трех «Академий»: 1) отец и сын Иоганны Штраусы; 2) Николай Гумилев; 3) разные судьбы: Репин и Левитан… Домой вернулся без сил, как в тумане. Поел-поспал-пришел в себя. Раскрыл газеты, а там сплошной Путинг, Путиноведение, пудель Путина и т. д.

Попал в опрос «ВК», компания: Виктор Ерофеев, Ник. Сличенко, композитор Евгений Дога, мой антагонист Станислав Куняев…

27 февраля — выделю только: фонд Сороса закупил книги «Вера, Надежда, Любовь» для российских библиотек…

22 февраля — пригласили выступить на семинаре группы из Чебоксар (Чувашия) в Литературном институте. Все прошло замечательно, общее мнение: приходил удивительный человек, настоящий энциклопедист. И, кстати, сколько весит энциклопедист? 77 килограмм. А Ще — 75. Это для истории…

24-го готовился к ТВ: начитывал последовательно Вольтера, Бальмонта и про Лилю Брик. Интересны были воспоминания Андреевой-Баль-

монт, который был «Я — весь весна, когда пою, / Я — светлый бог, когда целую». Таких божественных целовальников днем с огнем не сыщешь!.. А вечером смотрели по «Дарьялу» отснятую программу про другого кудесника жизни и карьеры — Алексея Толстого и порабощенную Тусю — Наталью Крандиевскую.

Ну, а громыхал Сергей Доренко, громил «партию грязи» и «партию подлецов». Я на такие разоблачительные взбрыки-крики не горазд. Я только лирик и ироник, не боец и не баррикадник…

2 марта — стукнуло 68 лет, а в этот день пять лет назад грохнули молодого Влада Листьева. У всех своя судьба.

27-го ездил на Пятницкую, еще одна р/с — «Открытое радио». Некто Мих. Антонов в течение 40 минут теребил меня вопросами. Разговор об истории, о книгах. А 29-го повезли в Останкино, в «Добрый день», к Андрею Малахову, по существу выполнял роль соведущего. Среди приглашенных гостей — астролог, солистка Большого театра, балерина Маша Володина и Люба Гурвич, вдова, с тремя солистками из «Летучей мыши». Программа на «ура» и это не «Дарьял ТВ», тут миллионная аудитория.

1 марта — другое мероприятие, акция «Радуги» в Доме книги на Новом Арбате, подписал книг 20. Был Засурский, но купил не меня, а том Хаксли… Что-то барахлила коленка. Внутреннюю жалобу прекратил, вспомнив цитату из Михаила Светлова: «Пока мы жалуемся на жизнь — она проходит». Возраст? Но Анатоль Франс в 68 лет написал «Боги жаждут», Вольтер работал и после 80 лет. Так что будем работать и дальше, главное, чтобы не мешали рулящие товарищи сверху. Тут Виталий Коротич точно заметил: «Наше государство, как псих со справкой, может делать все что угодно и ни за что не отвечать».

8 марта — возвращаясь ко 2 марта — было 25 поздравительных звонков. Отмечали дома вдвоем, тихо и спокойно, коньяк «Хеннесси», тюльпанчики, мороженое-пирожное, и по «Дарьялу» смотрели «Академию любви» про отца и сына Штраусов. Вена, любовь, вальсы…

3 марта поехал на Пятницкую записывать свои исторические программы «Календарь истории». Редактор Павел Морозов: «Вы наша звезда». А звезда отбарабанил текст и поехал домой продолжать национальные исследования в книге «Коктейль “Россия”».

6 марта: утром в эфире по радио, днем презен-

тации книг в магазине, вечером — на экране «Дарьял ТВ». А где адекватный материальный ответ? Его нет. Скромный гонорарный ручеек… Порой накатывает отчаяние, тогда ищу утешения в своих сборниках поэзии, в строчках моих любимых поэтов. Вот начало стихотворения Николая Гумилева «Театр»:

Все мы, святые и воры,
Из алтаря и острога,
Все мы — смешные актеры
В театре Господа Бога…

И концовка:

…Множатся пытки и казни…
И возрастает тревога,
Что, коль не кончится праздник
В Театре Господа Бога?!

13 марта — погиб в автокатастрофе успешный журналист Артем Боровик в пушкинские 37 лет (дополнение: в томе «Журналисты XX века: люди и судьбы», 2003, мы с Боровиком стоим рядом в главе «Открытый финал», я — на 601 странице, он — на 606 с подзаголовком «Он так много оставил нам…» 13 мая 2019). Печальные новости идут

косяком: жертвы военных действия в Чечне, по экрану то и дело показывают похороны и гробы. Если бы не работа, то можно сойти с ума. А так, работа выручает. «Академия любви» — кладезь отвлечений. Какие люди! Какие страсти! Стендаль, Тютчев, Софья Потоцкая — готовился к очередным программам. И как не вспомнить совет Федора Ивановича:

Играй, покуда над тобою
Еще безоблачна лазурь;
Играй с людьми, играй с судьбою,
Ты — жизнь, назначенная к бою,
Ты — сердце, жаждущее бурь…

(25 июля 1861)

10 марта в доме кино презентация книги Георгия Вайнера «Умножающий печаль», вел Армен Медведев. Потом 60 человек уселись за столики в ресторане, как, выразился Жора, «теплые и близкие друзья». А на следующий день в «ВК» вышла публикация — двойное интервью Ю. Б. и Вайнера под заголовком «Одинокие пророки» с фотоснимком: стоим оба спина к спине, и оба с ядовитыми улыбочками.

21 марта — домашнее сочинительство, потом поездки по редакциям — «Век», «Кумиры»,

«Смена». А 14-го выбрались в ЦДРИ на концерт, посвященный Майе Кристалинской (член «Клуба 1932»). Задушевно исполнила старый романс Лариса Голубкина — «У камина»:

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,

Как печально камин догорает…

15 марта — ВВЦ, павильон 20, выставка-ярмарка «Книги России». Подписывал свои книги, но не удержался и купил две чужие: дневник Суворина и воспоминания фон Мекк.

16 марта в эфире очередная «Академия»: Илья Репин и Исаак Левитан. Две противоположности. О них написано в «Улыбке Джоконды» (1999). Взрывной, энергетический Илья Ефимович. «Не ждали», натруженные бурлаки, обезумевший Иван Грозный… И совсем другой человек — Исаак Левитан, художник тоски и печали, и как тут не вспомнить строки Бальмонта:

Есть в русской природе усталая нежность,

Безмолвная боль затаенной печали…

У Левитана тоска — как основная доминанта жизни. Такова была физиология его и психоло-

гия. Ему советовали:

— Вот, Исаак Ильич, женились бы, были бы у вас маленькие левитанчики…

Но семья и дети Левитана пугали.

20 марта — рассчитался с налоговой инспекцией, сдал наконец-то рукопись «Коктейля», и заключили договор. Получил денежки от старшего Вайнера — «спрута» за съемки, и на горизонте — Париж…

Эдику сочинил строки к 24 марта:

Какие могут быть слова?
Всего лишь 60 и два.
Немного, право, — и шагать
Еще вперед и не вздыхать.
И не тужить, и не роптать,
И радость жизни собирать,
Как пчелы, что приносят мед, —
Блажен, кто счастливо живет.

24 марта — нежданный звонок от Сергея Капланяна, он издает информационно-литературный журнальчик «Нью-Йорк инфо», просил какие-нибудь материалы. Но я уже нахожусь на волне Парижа, и ничего не хочется делать. Хожу по комнатам или сижу на диване и соображаю. Ще

сделала заключение: «Ты без работы — стихийное бедствие!»

Прилетел Эдик с приглашением, и 23 марта мы с Ще с утра пошли оформлять визы на Якиманку. Постояли в очереди. Все получили. Вечером по «Дарьялу» смотрели «Академию», посвященную Вольтеру. Вольтер — это уже Франция!..

26 марта — 24-го выборы президента РФ. После того, как ВВП заявил, что будет «мочить врагов в сортире», он сразу выпал из наших кандидатов. Бороться, сражаться, ликвидировать и прочее, — это понятно, но неприятно резануло слух это бандитско-хулиганское «мочить». Извините, полковник КГБ, мы не за вас. Но и выбора нет: отвратно красный Зюганов, Подберезкин, Тулеев — все выходцы из КПРФ. Остается Явлинский, и проголосовали за Гришу. Говорит хорошо и правильно, но, увы, нет руководящей харизмы. И не мужик!..

25 марта в «ВК» опрос: «Если бы вы стали президентом, какие бы приняли первые указы?» Отвечали Мария Арбатова, Зоя Крахмальникова, композитор Вл. Дашкевич, Лев Аннинский, Шендерович, Святослав Бэлза и Ю. Б. Вот мой ответ:

«Первым же указом подвел черту под коммунистическим прошлым. Официально закончил бы

коммунистический эксперимент. Покаялись бы за содеянное, за 60 миллионов погубленных жизней. С обрубленным хвостом коммунизма можно смело входить в цивилизационное общество. Ну, а далее — борьба с нищетой, преступностью, коррупцией, экономической неразберихой».

24-го — день рождение Эдика. Преуспевающий бизнесмен Миша поинтересовался моими делами, скривился по поводу «Дарьял ТВ» (это не то!), и тут же позвонил Ирене Лесневской (она его родственница), хозяйке канала РЕН ТВ, и попросил ее «принять моего дядю».

2 апреля — свои дела идут, а чужие бушуют. Журналист-киллер убрал мэра Москвы Юрия Лужкова, и мгновенные изменения в «Вечерней Москве», туда перебросили из «ВК» «сладкую парочку» — Евсеева-Михайлова. Редакция «Вечернего клуба» в панике, назначенный Ф. — это насмешка. Я перед поездкой сократил свою деятельность и занимаюсь разборкой архивов, как будто уже старик и без всякого дела.

В 64 года знаменитый Суворин записывал в дневнике: «Только злишься на эту старость, которая съедает и энергию, и талант, съедает душу. Очень скверно, но ничего не поделаешь» (12 марта 1898).

Об Алексее Сергеевиче Суворине в советское время писали так: либеральный журналист, ставший впоследствии реакционером и черносотенцем (большевиков не поддержал?).

4 апреля — так долго ждали этого вожделенного Парижа, что перегорели в ожидании. Ще так и сказала: «Хочу, чтобы наступило 16 апреля, и мы уже приехали домой…» Следим за курсом: доллар США — 28,78 руб. Десять французских франков равны 41,82 руб. В Париже +15, дождь. В Москве +5, но дождь прекратился…

Запад. Путешествия. Туризм. Кусочек чужой жизни

Путешествия развивают ум, если, конечно, он у вас есть.

Гилберт Честертон, английский писатель

Чем дальше отдаляются годы, тем ценнее становятся воспоминания о чужих городах и странах, в которых удалось побывать. Ну, а с возрастом тем более. Это так же остро, как первая любовь или первый поцелуй. Париж, Венеция, Вена, Амстердам, Монтрё, Монте-Карло, Баден-Баден… И наплывают картины, средневековые площади и улочки, соборы и храмы, статуи и колонны, дворцы и музеи, — и замираешь от восторга. И диван, на котором ты сидишь в домашних тапочках, неожиданно превращается в прогулочный корабль, и он торжественно плывет по Рейну и Сене…

Достаю старые записи-отчеты о поездках в Европу и вчитываюсь в буковки и слова. Естественно, кое-что опускаю, сокращаю, но при этом не меняю аромат поездок и чувство востор-

женного удивления. Как писал русский поэт в эмиграции Кирилл Померанцев:

Опять по дорогам Италии, —
Порывисто дышит мотор.
Венеция, Рим и так далее,
Помпеи, миланский собор…

Итак, гаснет свет, и на экране возникают пожелтевшие кадры хроники европейских вояжей.

Титры: апрель 2000 года, Париж… (14 мая 2019).

Париж

Он часть истории, идея, сказка, бред…

Валерий Брюсов, «Париж», 1903

5 апреля — Шереметьево, аэробус А-310, взлет в 10.21. Нормальный полет, и даже покормили с вином «Пьер жавэ» в маленькой бутылочке. И разговоры с соседями, с художником Алексеем Шмариновым и его женой Кариной, живущими на Западе.

Приземлились в 13.57. Такси и с ветерком до Парижа — 196 франков. Маленькая гостиница — Hotel Charlemagne на rue Charcot — две звезды. Номер 307 на третьем этаже в торце здания, 470 франков с завтраком, 11 дней — 5.170 франков, это где-то 780 долларов — фавор от Эдика. Погода серая, как в Москве, +6. Удобство — метро рядом. 16 округ — по существу ближайший пригород Парижа. Взбодрились кофе и на метро покатили на Елисейские Поля. И в первом кафетерии «Бриош» перекусили булками с помидорчиком, ветчиной и еще чем-то, пирожное и чай — «ти».

Походили по «полям», поглазели на дорогие витрины магазинов, вернулись на авеню Мадрид,

вышли на Мориса Барреса, где стоит Мишин дом (точнее, где он снимает апартаменты) с окнами на Булонский лес. В 20.08 по-московски, в 22.08 по-парижски вернулись в отель, без ног…

6 апреля — ночью было прохладно, без раскаленных московских батарей. Скромненький завтрак: масло, джем, круассаны, кофе с молоком — и так все 11 дней, без разнообразия.

Первый маршрут: музей Орсэ (12-я линия метро, Солферино). По мнению знатоков, Musee d'Orsay — самый удобный в мире, он расположился в здании бывшего ж/д вокзала — огромное и роскошное здание. Осмотреть все выставленные картины практически невозможно, тем более с ходу нас ошеломил Густав Курбе с его знаменитыми «лоно» — с черным манящим туннелем наслаждения. Недалеко оказался скандальный «Завтрак на траве» Эдуарда Мане (1863). И нескончаемые персональные залы художников, и каждая картина знаменитее другой: Энгр, Делакруа, Коро, Пюви де Шаванн, Ренуар, Писсарро, Сислей, Одилон Редон, Тулуз-Лотрек и т. д. Новая экспозиция поляка Жака Малцевского. Стоп, хватит перечислений, сделаем отступление и вставим кусочек из будущей на тот момент моей книги «За кулисами шедевров» (2005) об Эдуарде

Мане и его «Завтраке», тем более что он — мой ранний ровесник, родившийся ровно 100 лет ранее меня — 23 января 1832 года в Париже. Умер в 1883-м, в возрасте 51 года.

Мане в молодости выгнали из студии как недостаточно одаренного. Но он настойчиво искал свой путь, ломая глухую стену непонимания, пошлости, рутины, созданную признанными академиками живописи. Когда преграды и бастионы косности пали, то неожиданно для всех открылся голубой и сверкающий мир — пленэр. Яркие лучи света заиграли на холстах. Зрители, привыкшие к коричневому полумраку и тусклому отблеску свечей, вдруг увидели на картинах золотистый солнечный свет, настоящую революцию света. Он играл и переливался. Воздух вибрировал и ломал привычные линии. Сдались даже старые адепты академизма, всех потянуло поучаствовать в завтраке на траве в обществе обнаженных дам.

Но это потом, а вначале шквал неприятия и критики. Император Наполеон III назвал картину Мане «неприличной»… Не менее ожесточенное неприятие вызвала другая картина Мане «Олимпия» с желтым животом и похожая на гориллу, — подобное сравнение было в ходу…

Последняя картина Мане «Бал в «Фоли-Бержер»

— сцена шумной и блестящей жизни Парижа. Полотно имело шумный успех и художника объявили кавалером Почетного легиона, на что художник грустно заметил, что власть «могла сделать меня счастливым, а теперь это уже слишком поздняя компенсация за 20 лет неудачи».

В день смерти Эдуарда Мане 30 апреля 1883 года его коллега Эдгар Дега сказал: «Он был более велик, чем мы думали».

Великий Эдуард Мане! Импрессионизм в живописи обязан Эдуарду Мане всем, но сам он, что удивительно, остался вне его. Он повлиял на всех своих коллег-художников, но предтечей импрессионизма не стал. Он просто вдохнул жизнь в новое направление живописи, одновременно став и новатором, и традиционалистом.

Но отложим книгу «За кулисами шедевров» и вспомним великолепные залы, своды и этажи музея Орсэ (30 метров в высоту и 140 в длину). Устав, поднялись в кафе наверх, и закружилась голова: перед нами оказался стеклянный витраж-часы, сквозь которые открылся вид Парижа. И только кофе со вкусом шоколадного торта привел нас в чувство. Добавили к увиденному еще Анри Руссо, Ван Гога, Сера и, нагруженные по самую макушку эстетизмом, вышли на воздух, на набережную

Анатоля Франса, и взошли на мост Александра III. Тоже можно сказать, чудо из чудес. Величественный, истинно имперский и не лишенный изящества (и что такое наш Крымский мост, к примеру, в Москве? Так, дорога для транспорта над водой. Без всякого шика и шарма).

Далее так называемый Дом Инвалидов — великолепный ансамбль архитектурных сооружений с потрясающим золоченым куполом. Франция всегда участвовала во многих войнах, и Людовик XIV подписал эдикт о сооружении «священного приюта для славных ветеранов».

Была построена просторная богадельня, военный музей, собраны трофейные пушки, церковь Сен-Луи-дез-Инвалид, и потрясающая гробница Наполеона (из карельского порфира, присланного из России с согласия Николая). Гробница французского императора производит сильное впечатление своим величием и художественностью. Великий император, победитель многих сражений: Каир, Абукир, Маренго, Ульм, Фридланд, Эйлау, Аустерлиц… Провел много удивительных реформ. Прославился на все времена и… плохо кончил. Невольно вспоминаются печальные строки лермонтовского «Воздушного корабля»:

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук…

Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.
Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодным России,
Под знойным песком пирамид.
И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою…

«От солдат, — говорил Наполеон, — требуется прежде всего выносливость и терпение; храбрость — дело второе». Наполеон Бонапарт был кумиром многих поколений, и в частности, юной Марины Цветаевой. Да и в моем раннем архиве хранится открытка с изображением Наполеона. Книги Тарле и Манфреда об императоре я читал почти с восторгом…

После осмотра Дома Инвалидов, — это я возвра-

щаюсь к парижской прогулке, — мы подкрепились обедом и отправились на отдых в отель (в первый поход вышли около 9 утра, вернулись в 14.35). Немного вздремнули, пополнили силы, и вновь — труба зовет!

От метро «Бастилии» к новой опере, прозванной парижанами «бегемот в ванной». Далее по рю Сент-Антуан к площади Вогезов, которая свое начало ведет с 1612 года. Очаровательная площадь. Со всех сторон ее окружают особняки с аркадами, в центре — сквер. На площади находится дом, где жил Виктор Гюго и где он написал много романов, в частности «Отверженные».

Далее улица Риволи с аркадными домами, отель де Виль (парижский муниципалитет), здание украшено статуями. Перед зданием — фонтанчики. Красиво, ну, и что-то еще видели, осмотрели, восхитились и, как говорится, без ног. Эх, Париж создан для молодых спортивных ног. Пенсионерам в Париже тяжко… Возвратились в отель, снова отдохнули, поспали и в третий тур. В метро первой линии до Шато де Венсен (до Венсенского дворца), в нем жили все французские короли, начиная с XI века. Вернулись еле-еле, но что об этом! Кто-то воскликнул: Париж стоит мессы! А я скажу: и громадной усталости!..

7 апреля — проснулись рано, и на завтрак, на столике лежит свежая газета «Фигаро» (предпочел бы «Правду» или «Советский спорт»). И вперед, к знакомому уже отелю де Вилю, по пути попали в какой-то хозяйственный универмаг и обомлели от изобилия хозяйственных «штучек» — ручек, гвоздиков, замков и т. д. и т. п. Для русского человека это непривычно пугающе, а что выбрать?! Приходили в себя у модерн-фонтана Игоря Стравинского. А дальше Бобур — Центр им. Жоржа Помпиду. По дороге готическая церковь Сент-Эсташ, где Ще поставила свечку… Знаменитое Гранд-опера, которое в эмигрантском отчаянии подумал в одном из стихотворений взорвать Георгий Иванов… Зашли внутрь и осмотрели парадную лестницу. А закончили прогулку по Елисейским Полям. Снова отель. Отдохнули, и что? Руссо-туристо неуемен: в 17.30 модный Дефанс, вскоре стало темнеть и над Парижем завис серп луны. В отеле нас навестили Эдик со Светой и подарили три роскошных розы. Немного ТВ — футбол, эстрада, — и легли в половине первого ночи по-московски.

8 апреля, 4-й день — по 13-й линии метро отправились в Сент-Дени, в собор XII–XIII веков. Ранний шедевр готической культуры. Из Сент-Дени на

Елисейские Поля, свернули и ба! — Елисейский дворец, резиденция президента. Подошли к гвардейцу-стражнику (под два метра) и наивно спросили, а можно ли подарить книгу «Клуб 1932» Жаку Шираку. Гвардеец ничего не понял по поводу книги, в ворота, естественно, не пропустил, но при этом был улыбчиво любезным и только повторял: «Россия! Путин!»… Фокус пообщаться со знаменитым ровесником не получился. Нет так нет, — мы пошли на Фобур-Сент-Оноре, где расположились дома моды самых знаменитых модельеров Кристиана Лакруа, Ива Сен-Лорана, Карла Лагерфельда, Джанни Версаче, Ашиды из Японии и др. Ну, и, конечно, Живанши и Кардена.

В глазах и голове все путалось, а мы шли и шли — Галереи Лафайет, отель «Бристоль», снова вышли на Шамс-Элизе и вновь подивились праздничной и разнообразной толпе гуляющих по Елисейским Полям, кто в дорогой меховой шубе, кто в легкой спортивной майке, кто во что горазд. Никакого казарменного однообразия. Снова «Бриош», снова бутерброд-булка, чай, пирожное, и вернулись в свой угловой отель в 13.50. Сок маракуйя и лежбище часа на три.

А вечером в гости. Эдик появился в Париже и

принимал нас на съемной квартире на улице Инкерман. Интеллигентная квартира с книгами и с выходом на крышу-садик. Там наш спонсор учинил не ужин, а скорее пир: лососина, индейка, салаты, разнообразные фрукты, соки (лично я полюбил мульти), израильское кошерное вино, ликер, — и все от пуза. Нагрузились, как два танкера. В 11-м часу вечера Эдуардо отвез нас в отель на своем «Пежо». Был такой, кажется, фильм «Сладкое обаяние буржуазии» — не помню точно. Но обаяние и запах денег…

9 апреля, воскресный день — вышли в 9.15 (11.15) и более шести часов мотались по городу. На метро миновали район Пасси, где жил Бунин, и посетили кладбище Монпарнас. Рядом 59-этажный небоскреб, как считают французы, символ больших надежд и безвкусицы. Само кладбище за бульваром Распай. Здесь могилы Шарля Бодлера, Беккета, Мопассана, Сен-Санса, Сартра и Симоны де Бовуар и еще многих других знаменитостей. Там же упокоился и русский эмигрант Хаим Сутин. Случайно набрели на захоронение Пьера Ля Русса, автора знаменитого словаря. А что касается бедного Бодлера, то у него много строк, посвященных смерти, «где правит ночь, хозяйка гробовая».

И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моленья,
Добыча гробовых гостей…

(перевод В. Левика)

А рядом с кладбищем небольшой художественный рыночек — картины, украшения и разные безделицы. Сияющая и кипящая жизнь… Загляну-ли на Монпарнаский вокзал, а далее отправились на остров Ситэ. Вышли из метро — базар цветов, птичек и разной живности. Углубились в заповедный район на остров Сен-Луи, где, как отмечают справочники, «царят покой и богатство». Посидели в каком-то ресторанчике — 263 франка, как говорил Маяковский: «небольшие деньги, поживи для шика».

В обратный путь по Орлеанской набережной вдоль острова Сите, колыбели Парижа. Дошли до конной статуи Генриха IV и немного посидели в садике, прислушиваясь к гудящим ногам. Пошли дальше и посидели в кафе Сары Бернар. И снова пошагали мимо колонны в честь побед Наполеона.

Возвратились в отель. Передых к вечеру, снова

Шанс-Элизе.

10 апреля — с утра бурчание и недовольство: номер узкий, не развернешься, завтрак скудный и прочее. Надо выползать и знакомиться дальше. Решив, поехали в район Сан-Керман-де-Пре, литературный центр Парижа. Площадь Одеон и прилегающие изысканно элегантные улицы с неповторимыми рельефами домов. И все кругом дышит историей. На улице Конде в доме № 26 Бомарше в 1773 году написал комедию «Севильский цирюльник». В легендарное кафе «Вольтер» заходили сам Вольтер и Дидро. В более поздние годы — поэты Верлен и Малларме, еще позднее — Хемингуэй и Скотт Фицджеральд, который где-то рядом с кафе написал своего «Великого Гэтсби».

В другом не менее знаменитом кафе «Маго» (Les Deux Magots) висит список знаменитых посетителей, начиная от Артура Рембо. Часто тут спорили за столиком Сартр с Симоной де Бовуар… Нашли русский книжный магазин Струве, и там я подарил и подписал свою книгу: пусть знают!..

В 12.13 — исторический момент на подъемнике на Сакре-Кер. Базилика с отражением разных архитектурных стилей, в том числе и античности. Любопытно, что этот собор возведен «во искупление грехов коммуны»… Его строитель-

ство закончили в 1919 году, и с его площадки Париж виден как на ладони. Помимо подъемника, можно подняться к Сакре-Керу и по узким ступенькам, их 217… Рядом бьется художественное сердце Монмартра, рай для художников и туристов. Посидели в кафе: кофе и кусок торта с клубникой — на 110 франков. Спустились вниз с холма на бурлящую улицу с магазинами, зашли в «Тати» — магазин бедных, купили маечку — всего 19 франков. Для смеха.

Далее учинили проход от площади Пигаль до «Мулен Ружа» — кругом эротические заведения, соблазнительные фото и картинки и пахнет пороком. «Скорей отсюда!» — тянет меня Ще, подальше, подальше «от буффонады нагих тел, женских и мужских». Вышли на станцию метро «Бланш», и в отель. Накупили разных сырков, фруктов, йогуртов — все это дешевле, чем в кафе. И устроили в номере французский ужин.

Отдохнули, и снова в дорогу. В 19.15 встретились со старой мадам Парижа — Эйфелевой башней. Когда-то она (300 метров вышины) была самой высокой в мире. Сегодня ее давно обогнали другие высотки, но не обогнали ее в кружевном железном изяществе. Она парит над 7-м округом и всем Парижем. С разнообразной цветовой под-

светкой… Полюбовались и двинулись на Марсово поле, далее на авеню Рапп и вышли к военной школе и к памятнику генералу Жофру. А на Трокадеро взглянули на другого полководца Франции, Фердинанда Фоша. А пока шли, стала зажигаться Эйфелева башня и переливаться огнями, а нам-то, бедным советским людям, казалось, что краше рубиновых звезд Кремля ничего не бывает. Далее без комментариев…

Вернулись в отель поздно. Переполненные впечатлениями. О, Пари!..

11 апреля — встали и обнаружили, что ноги сводит судорогой от нахоженности — плата за пешие прогулки. Накушались Парижем? Нет, еще нет. И отправились в Лувр, а он… закрыт. И пришлось пойти в сад Тюильри (jardin des Tuileries) наслаждаться роскошью фонтанов и скульптур. Этот сад разбили для Екатерины Медичи, чтобы она не очень скучала по родной Тоскане. Далее Риволи. Подивились конной статуе Жанны д'Арк. И далее, далее, мимо Галереи Лафайет, торгового центра «Самаритянин». И в каком-то маленьком кондитерском магазинчике я зацепил шоколадную вазу, и она с треском разбилась. Мы с Ще застали в ужасе. Прибежала какая-то уборщица, все убрала и, взглянув на перепуганную

Ще, улыбнулась ей: «Мерси, мадам!» Спасибо за происшествие! А что было бы в нашем магазине? Крик, вопли, базар, а возможно бы, и мордобой… Наши нравы — не их нравы!

После осколков шоколада приходили в себя в церкви Сент-Трините. Возвратились в отель. Отдохнули и, наконец, Эдуардо выкроил для нас время и повел в Пиццу-Хат на проспекте Шарля де Голля. Сицилианская вегетарианская пицца оказалась обалденно вкусной, да плюс еще блюдо с цыплятами. Водичка, мороженое — до отвала. Но это не все, Эдик повез нас на ул. Мориса Барреса, в Мишины апартаменты, где познакомились с 11-летней Сонечкой, внучкой Эдика, которая с удовольствием демонстрировала нам, как она дрессирует сиамскую кошку: «Прыгай! Иначе я из тебя паштет сделаю!..»

В подземном гараже Эд показал нам Мишин красный «Ягуар», а потом сели в серебристый «Пежо» и отправились в автопрогулку по Парижу, при этом ноги почему-то не гудели. Улица Лян, советское посольство, Булонский лес, туннель Альма, набережная Кеннеди, улица Моцарта и обратно в отель. Так прошел еще один парижский день.

12 апреля — прохладный день, как раз для му-

зея. И, наконец-то, Лувр. А это — бесконечный сплошной лабиринт коридоров, залов, лестниц, галерей. Скульптуры и картины. От Древней Греции, от Венеры Милосской, до шедевров Эль Греко и Гойи. По Лувру тяжелее, чем по улицам Парижа, все время надо всматриваться, восхищаться и ахать. Устали, сели на банкетку и перекусили под картиной Гвидо Рени, художника из Болоньи. Приободрились и насладились «Жилем» Антуана Ватто, а уж от «Бани» Энгра оторваться невозможно. Женские прелести — клубника со сливками… Никола Пуссен, Клод Лорен, Франсуа Буше, Жан-Оноре Фрагонар… А после, как взрыв: «Свобода на баррикадах» Делакруа. Революционный порыв с обнаженной грудью. Интересно, повлиял ли Делакруа на строки Хлебникова «Свобода приходит нагая»?..

Как всегда, клубящаяся толпа около «Джоконды». Я смотрел на Джоконду, как на свою знакомую, с которой мы встречались не один день, когда я писал книгу «Улыбка Джоконды» (она была подписана в печать 3 февраля 1999). И казалось, она улыбалась исключительно мне. А вот и мой поклонник и хроникер жизни появился. Приятно вас видеть…

Оторвавшись от Джоконды, бредем по залам

дальше. Обилие картин фламандцев и… начинается «синдром Стендаля» — головокружение от красоты. И поняли: только в отель! Первый выход закончился (9.3514.35), а потом состоялся второй (17.35–19.30). Без Эдика. По авеню де Голля, в боковые улицы, еще один памятник Жанне д'Арк. И на упокой — немного ТВ и беспокойный сон, с кошмарами из Франсиско Гойи…

13 апреля — наконец-то Эдуардо освободился от навалившихся на него дел и посвятил нам более 12 часов, с утра до вечера, возил нас туда-сюда, плохо зная парижские дороги и паникуя при этом. Меня он возвел в «штурманы», а Ще — в чтицу дорожных указателей. Так и передвигались. Начали с Мальмезона — резиденции Жозефины Бонапарт. Дворец, парк, весенняя зелень, тишина, словом, райское место. Только вот вопрос, была ли здесь счастлива Жозефина? Но историей заниматься некогда, и мы нащупываем новый маршрут: Буживаль, музей-дачу Тургенева. Но музей закрыт, открыт только по воскресеньям, на воротах большой, чисто российский амбарный замок. Так и не узнали, в какой обстановке жил здесь Иван Сергеевич…

Далее — Сен-Жермен-ан-Ле — замок и музей антиквариата. Один золотой бюстик женщины,

сделанный чуть ли не 20 тысяч лет назад. Вот это анти! Из Сен-Жермена снова путаница в дороге, въехали в какой-то длинный туннель и Эдик завопил: «Его же не было! Когда построили?!» Однако благополучно выехали на знакомого Шарля де Голля. Заехали на квартиру на Инкермане. Какой-то передых, Эдик весь в машинных делах. Наконец освободился, снова в машину и в музей современного искусства на авеню президента Вильсона. Приехали — музей закрыт. И на Барреса в Мишину вотчину.

Обратно в Нейи-сюр-Сенн, но не прямо, а через Булонский лес: Эдик решил показать нам вечерние прелести свободной любви. Почти в ряд выстроены «девочки» с открытыми интимными местами в надежде на съем. Эдик сознательно замедлил ход машины, и жрицы любви почти бросаются на машину. На лице одной четко выделяется синяк. «Что это?» — удивляется Эд. «Это на сдачу», — отвечаю я, печалясь о судьбе свободных женщин. И это не Эрот, не любовный пыл, это просто сделка купли-продажи. Недорого и быстро… Тайны Булонского леса. Дневной Булонский лес — для праздника и невинных развлечений, ночной — для торжества порока.

И тут хочется воскликнуть: а криминал?! Любая

чаща леса — криминал, а уж Булонский — тем более. Здесь 6 июня 1867 года медленно ехал на лошади русский царь Александр II. Прогулку прервали два выстрела поляка-террориста Антона Березовского (одно из покушений на «царя-освободителя»). Александр II был ранен. Возвратясь во дворец, где он пребывал, заметил своей свите: «Вот видите, господа, похоже, я гожусь на что-то, раз на меня покушаются».

25 января 1937 года там же в Булонском лесу был насмерть зарезан Дмитрий Навашин, много знавший о преступных деяниях ГПУ, и он замолчал после того, как его настигла в Париже «рука Москвы». Да мало ли чего еще происходило в обширном Булонском лесу.

14 апреля — с утра нацелились на бульвар Бомарше, на магазин русской книги. И там обменяли свой «Клуб 1932» на томик Марселя Пруста «В направлении Свана», хотели продать, но вышло так, что обменяли. Тем более что цена оказалась одинакова: 80 франков. Я вышел из магазина и не мог некоторое время прийти себя: «Я и Пруст!» Это что-то невообразимое! И разве можно возразить французскому мэтру, что «настоящий рай — потерянный рай».

В 2008 году вышла моя книга «Знаменитые пи-

сатели Запада. 55 портретов». И там эссе о Прусте: «В поисках утраченного времени». А разве любой дневник, любое воспоминание — это не поиски утраченного времени?.. Эссе вышло пространное и печальное, как и сама жизнь писателя, и чтобы скрасить немного повествование, я привел шутливые строки, адресованные одному из переводчиков Пруста — Николаю Любимову:

Даже бабы, будь им пусто,
День и ночь читают Пруста.
Только ляжешь к ней в постель,
Глянь — а там уже Марсель.
«Коля, Пруста дай прочесть,
Окажи такую честь!»

С улицы Бомарше отправились искать русскую церковь на Дарю, 12 — храм святого Благоверного Великого Князя Александра Невского.

Историческая церковь, связанная со всей русской эмигрантской жизнью. Здесь крестили, венчали и отпевали. Увы, не повезло: храм оказался закрытым. На дверях объявления по-русски о поисках работы с предложением разных услуг: менаж, глажка, коррекция бровей и т. д. И рядом с церковью ресторан «Петроградъ» — в меню есть

зубровка от ностальгии по утраченной родине…

А потом Эдик и повез нас кормить. Вкусно, аппетитно, от мазареллы до красной рыбы… И в Люксембургский сад, в любимое место парижан, где гуляют, флиртуют, любят и страдают. Именно сюда приходили великие страдальцы — поэты Бодлер и Верлен. Поль Верлен часто тосковал и хандрил, и спрашивал самого себя:

Откуда кручина
И сердца вдовство?
Хандра без причины
И ни от чего…

В Люксембургском саду деревья, боскеты, лавочки, скульптуры: и все тот же Верлен, и Жорж Санд, и другие властители дум и сердца. Осмотрели Люксембургский дворец. Аллеи, дорожки, по которым кто только не гулял: Ватто и Давид, Модильяни и Цадкин, Андре Жид и Рильке, тут бродила самовольно сбежавшая от Гумилева Анна Ахматова в 1910 году. Юная Марина Цветаева прибегала в Люксембургский сад и писала здесь стихи. Обо всем этом можно разворачивать длинные тексты, но пора покидать Люксембургский сад, чуть слышно напевая песенку о нем Джо Дассена.

Да, забыл написать, как трудно добирались до Люксембургского сада. Эдик никак не мог выехать на нужную улицу к саду, названную в честь знаменитого французского физика и химика, и недоуменно кричал:

— Где Гей-Люссак?!

— Жопа, ты на нем стоишь! — без всяких сантиментов обозлилась Ще, напомнившая, что лев далеко не мирное животное и может иногда угрожающе рычать.

Я напряг память и вспомнил, что в школе мы, кажется, проходили какого-то Жозефа Гей-Люссака, который вывел закон, согласно которому коэффициент расширения всех газов одинаков. Короче, жопа-Люссак со своими газами…

Пока искали Гей-Люссак, позвонил Миша и сообщил отцу, что он женился в третий раз (потом Светлана, чтобы не путали с мамой, переименовалась в Еву). Миша предложил выпить за брак. Мы вернулись на Инкермана (тут Эдик не спрашивал, где памятник лошади?)

и отпраздновали это событие ужином с шампанским (тогда мы не знали, что надо было пить не сладкое шампанское, а исключительно горькую водку).

15 апреля — предпоследний парижский день

посвящен Версалю. Эдик плавно катит по дороге А-13 и проскакивает место назначения, пришлось поворачивать назад. В Версале провели около двух часов и не заходили в главный дворец, зато погуляли по парку, который создал Ленотр, мастер перспективных построений со множеством бронзовых и старомодных статуй. Территория парка около 100 гектаров. В один день не обойдешь. Здесь устраивались королевские праздники и театральные представления. Все это было в Версале, лет 100 или 300 назад, а в день нашего посещения по парку Версаля гулял сильнейший ветрило, который в какой-то момент сбросил кепку с моей головы, и мы втроем бросились ее спасать. Но догнала улетевшую кепку какая-то юная Жанна д'Арк…

Из Версаля перебрались в маленький городок Севр, где расположены мастерские Севрского фарфорового завода. Севрский фарфор известен во всем мире. В мастерские, однако, не пошли, а кинулись в местный Макдональдс — все быстро и вкусно. Сам городок чудесный, как говорится, это вам не Мытищи, где уют и комфорт днем с огнем не сыщешь (даже в рифму заговорил).

Обратно плутали по дорогам и, наконец, выехали на окружную. «Перфирик — это наше

спасение!» — заключил Эдик и газанул по трассе. Поездка в Версаль заняла часов 6, не меньше. Заехали к Эдику, и он устроил очередную обжираловку, от швейцарского сыра до израильского вина, рыба, томаты и т. д. Трапеза завершена, и в подземный паркинг, но в отличие от фильма «В джазе только девушки», никто никого не расстреливал, да и «Белых гетр» не было. Ще спокойно ждала выезд у бака № 61. По выезду возникло желание проинспектировать клиентуру и живой товар в Булонском лесу, но сил уже не было. Да и Щекастик строго отверг мое скромное предложение. Только в отель, только в «Шарлемань»!

16 апреля — последний, 12-й день. Утром вышли из отеля погулять. Как назло, ясный и солнечный день без предыдущей серости и дождика. Прошлись по авеню де Мадрид. Заглянули на окраину Булонского леса. Бегают спортсмены, резвятся собачки, — все, как полагается.

В 11.05 были уже в аэропорту Шарля де Голля. Трата последних франков на шоколад. В 13.50 аэробус взлетел в парижское небо. По-московски было 15.50. В половине 9-го вечера были уже дома, на улице Куусинена. В подъезде шел ремонт и пахло масляной краской. Париж и ремонт — такое вот сочетание.

Утром 17 апреля началась послепарижская московская жизнь с тяжелым воздухом и плохой экологией. Вспоминая поездку, приведем отрывок из Николая Агнивцева:

Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!

Париж кокоток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И всех Людовиков Париж!

Париж бурлящего Монмартра,
Париж верленовских стихов,
Париж штандартов Бонапарта,
Париж семнадцати веков!..

На этом, пожалуй, закончим о Париже-2000, и до новых встреч!.. (19 мая 2019)

25 апреля

Приехали в Москву. В подъезде нашего дома ремонт. Обнаружили, что парижский транспорт — не чета московскому, особенно метро

— многолюдное, шумное, угрюмое, с длинными интервалами остановок, в противоположность парижскому — легкому, какому-то задорному и часто с музыкой и пением. Там даже в вагонах живут, а мы в Москве лишь добираемся до места назначения…

18-го начал печатать по горячим следам впечатления о Париже. В итоге 15 машинописных страниц. А еще клеил и дизайнировал фотоальбом по Парижу и, надо сказать, с удовольствием. Купил сок (в Париже все время пили), сплошной сахар, и вылили в раковину. Как говорил Остап Бендер: «Нет, это не Рио-де-Жанейро!» И не Рио-де-Пари!

23 апреля поехали на съемки «Академии», на следующий день — на радио, на Пятницкую, и пошел помолот. А еще Валера Горкин затащил меня на «Народное радио» и 50 минут эфира. Успел ответить на несколько звонков. Одна женщина посетовала, что вот уже 20 лет как вдова и ей так «не хватает поцелуев, касаний, цветов…». Это реакция на мой рассказ о жизни, о чувствах, о любви. Мадам. Простите, больше не буду затрагивать чувствительные струны. Виноват…

Встреча с Лесневской. Была очень любезна. А практически ни о чем не договорились…

30 апреля — погода сюрпризирует феноменом: то в апреле рекордное тепло, двор густо зазеленел, то в конце месяца — майские холода. И идет какой-то мор: ушел Львов-Анохин, последний из Кукрыниксов — Николай Соколов, артист Петр Глебов (Григорий Мелехов в «Тихом Доне»), писатель Сергей Залыгин, красавица Алла Ларионова. Убит Вильям Похлебкин… Ну, а я? Помимо съемок и радиовыступлений, печатаю «Россию, XX век». В «Аккорде» вышла публикация «Исповедь немузыкального человека». Сперанский устроил в своем салон-магазине изящную презентацию журнала. С музыкой, фуршетами и тостами.

9 мая — Дмитрий Дибров тут высказался с печалью, что его тянет в литературу, но «туда его еще не звали». А пока — он сын многих эфирных ТВ-программ: «Сегодня я есть, а завтра все меня забудут к чертовой матери…» Ну, я с книгами, с бумажками, с дневником, с разными публикациями, — чтоб не забыли? Нет, просто занимаюсь тем, чем мне интересно.

На 1 мая — холодрыга и мурлыкание Карела Готта: «Скажи мне, скрипка Паганини…» А она в ответ — таинственные сладкие звуки. По ТВ разные западные раскованно эротические фильмы. «Дьяволицы» — Шэрон Стоун и Изабель

Аджани на пару топят в ванне своего любовника. Французский «Романс» с порнозвездой в главной роли, фильм не эротический, а почти гинекологический… (Да, было такое время, когда Россия тянулась за Западом и проходила порно-курс. А спустя годы все резко свернули и зажали страну в патриархально-религиозные скрепы — «Господи, помилуй!» — 20 мая 2019).

2 мая ездили в гости к Людочке и ее маме. Шампанское и коньяк «Мартель». А на следующий день по приглашению Маши Володиной — в Большой театр. В ложе бельэтажа — прекрасно видно. Балет Пуни «Дочь фараона», декорации и костюмы Пьера Лакотта, помпезно-красивые. В роли дочери фараона — Нина Ананиашвили, английского лорда танцевал Сергей Филин, нубийская невольница — восходящая звезда Маша Александрова. Ще получила огромное удовольствие, и мне было любопытно. В антракте смотрительница (оказалась моя поклонница по радио и газетам) показала нам царско-правительственную ложу, и Ще даже присела в зальчике за ложей, где отдыхали верховные правители страны. У Ще был вид Кисы Воробьянинова, который подпрыгивал на стуле, где были, как ему казалось, спрятаны бриллианты… Походили по

фойе, и страшное разочарование по сравнению с Гранд-опера, в Париже — великолепие, у нас — потуги. Из Большого прошлись по Тверской, и Ще с грустью: «Я архитектурно разочарована…» Не надо ездить по Парижам, и тогда все будет патриотично и прекрасно! Запад — это отрава…

4 мая — по Первому каналу разливался Александр Дольский: «где все тосковали по эссесеру / и где воровали все в меру…». А потом в программе «Добрый день» включили мой голос, записанный по телефону, немного об Александре Вертинском. Лариса Вербицкая: «Это Юрий Николаевич Безелянский, который выступает у нас часто…»

5-го были в Союзе женщин в Глинищевском переулке на выставке картин Люды Варламовой. Пришлось выступить, я начал со слов: «Люблю трех художниц: Наталью Гончарову, Берту Моризо и Люду Варламову…»

7 мая записывал сразу три программы на «Дарьяле»: супруга Наполеона Мария-Луиза, поэт-гитарист Аполлон Григорьев и композитор Феликс Мендельсон, который считал себя счастливым человеком, но счастье его оказалось коротким… После съемок «студентки Академии» бросились к монитору, как все получилось. А я посмотрел мельком, хмыкнул, как старый бар-

бос, и уехал домой… Увиденный на днях фильм «Французский поцелуй» (США, 1995) с Мэг Райан и Кевином Кляйном мне понравился больше…

14 мая — приезжала Людочка со своим будущим мужем Бобом Харрисом, видным деятелем демократической партии США. Показывал ему архивы, переводила Люда, а Боб только цокал языком. Это было 9-го, а 11-го позвонил Андрею Вознесенскому и пожаловался на невнимание критики, на что Андрей посоветовал: «Не обращай внимания, у тебя и так уже есть имя и тебя знают в кругах…» В каких кругах? Литературных? Но круги молчат. Еще Андрей пообещал пригласить на заседание Пен-клуба. И… (вот именно «и»: ничего не состоялось. Одни обещания и никакого исполнения — 21 мая 2019).

Неприятный момент: налет черных масок на холдинг «Медиа-Мост». И пух и перья от гнезда инакомыслия. Первая президентская речь: одна Родина, один народ, одно будущее. Очень напоминает призыв печально знаменитого Адика: Германия-народ-Фюрер…

А тем временем по «Дарьял ТВ» шла одна из лучших моих программ о Бернарде Шоу. А в «Радуге» Атарова вовсю цензурирует «Коктейль “Россия”». Мне она сказала: «Вы все время пытаетесь дожать

патриотов». И снимает отдельные, на ее взгляд, крамольные фразы, вроде: «Строили третий Рим, а получили 4-й микрорайон Азиопы».

А я от России отвлекся на маркизе де Сада: скоро юбилей — 260 лет со дня рождения. Изучал переводную книгу Дональда Томаса о де Саде плюс различные вырезки, — и вот строчу черновик… Попал в очередной опрос «ВК», достойная компания: Наталья Дурова, актер Филиппенко, Юрий Мамлеев, Сличенко, Стеблов, Матвей Ганапольский, художница Татьяна Назаренко, короче, широкие круги общественности.

19 мая — я ворчу, недоволен, но при этом понимаю, что не прав, ибо разве это не счастье: сидеть дома, заниматься любимым делом и выбирать себе темы по своему вкусу. Чапаев? Нет, увольте. Маркиз де Сад поинтереснее и познаменитее…

Ездил в «Радугу», получал роялти, «Вера, Надежда, Любовь» с дополнительными тиражами — издано 20 тысяч экземпляров, «Джоконда» — 15…

28 мая — если записывать все, что сделал, куда ездил, где выступал, с кем общался, то получится длинный информационный список. Сократим его до предела.

18-го по «Дарьялу» прошла программа о Мес-

салине. Сразу позвонил Анисим и, как опытный телевизионщик, сказал, что я молодец! Программа удивительно интимная, камерная, таких нет ни на каких каналах…

По поводу заседания ПЕН-клуба решительно выступил Георгий Вайнер, прилетевший из Нью-Йорка: «А зачем? Зачем мне Гюнтер Грасс? Писать он меня научить не может. И о чем с ним тогда говорить? Как правило, все писатели неинтересные и скучные, лучше их знать по книгам». Тоже верно…

Неожиданность: прилетел Капланян и вручил журнал «info…», в номере вместе с отрывком Ерофеева «Москва-Петушки» — отрывок из книги «Страсти по Луне» и 200 долларов. Капланян сказал, что в Америке мои книги продаются. «Широкие круги» — дошли и до штатов?..

23 мая — бал в «Геликон-опере». Пригласил с собой Эдуардо, он получил большое удовольствие. А когда был фуршет, то пробивался к столу и приносил бутерброды, прирожденный Санчо Панса: «А вот с красной рыбкой — попробуй!» Интересно, если я не был писателем, стал ли он за мной ухаживать?.. В свою очередь подарил Дмитрию Бертману «Улыбку Джоконды» и напросился на приглашение на «Леди Макбет».

Культуролог профессор Шерель наговорил кучу комплиментов, что, мол, «Академия любви» — одна из лучших и интеллигентнейших программ на нашем агрессивном ТВ. Сергей Ветров: «Программа оригинальная. Смотришь на коленки девочек и возбуждаешься, смотришь на Безелянского и успокаиваешься. Полная гармония…»

Помпезно принимали в Почетные кавалеры и дамы новых членов — Спиваков и Татьяна Назаренко. Надарили всяких подарков. Чествование первых Кавалеров (Нагибина и меня) прошло куда скромнее. Но времена меняются… Пообщался со Спиваковым, Володей Вишневским, Львовичем, маститым литературоведом Бенедиктом Сарновым. Он мне пожаловался, что у него готовы три книжки, а издать их не может «А как удается вам?» — спросил Бенедикт. Что касается концертной программы, то она была на уровне. Домой нас с Ще отвез Эдик на машине, как белых людей.

А на следующий день — работа. Начал писать о пребывании Ромена Роллана в Москве в июне 1936 года для еженедельника «Эхо планеты» и о питании в Париже для новой газеты «К столу москвичей» — газету пробила Флора. Сделав два материала, взялся за Афанасия Фета для очеред-

ной «Академии».

«Сияла ночь. Луной был полон сад… Ты пела до зари, в слезах изнемогая…» Увы, мы пишем, «не изнемогая», а скороспело, на выдохе: успеть, отвезти, получить деньги. Прости нас, грешных, Афанасьевич. Добавлю в скобках: в 2008-м вышла книга «69 этюдов о русских писателях», а там — этюд «Пропали ли ласточки Афанасия Фета?».

Принимали у себя Эдуардо со Светой. Их поразили фотоальбомы. В субботу 27-го ездили в Калистово…

29 мая — вчера были на открытии научно-практической конференции «Человек и семья: преодоление насилия» в Горбачев-Фонде, в рамках «Клуба Раисы Максимовны». Собралось около 70 журналистов и экспертов, в том числе мы с Ще. Среди приглашенных Улицкая, Сараскина и др. Гениева привезла и раздала участницам мой «Клуб 1932» через фонд Сороса. В разговоре со мной Улицкая призналась: никуда не ходит, ничего не читает, переживает свой возраст. Опасная установка…

2 июня печалят уходы: Ангелина Степанова, Олег Ефремов. Культорологически я ближе к Ангелине Степановой (опять же жена Фадеева) и далек от современной Маши Распутиной… В

«Вечорке» вышел маркиз де Сад. Сократили, остались сухие факты, но исчезла концепция…

30-го с Эдом ездили в «Радугу»: переговоры, книги, заявки. Потом неожиданно на Арбате попали в стоматологический центр «32», и его шеф Сорокоумов, узнав про книги, про «Клуб-32», возбудился и закупил несколько для своих пациентов: Искандеру, Шаинскому, Роксане Бабаян, Людмиле Лядовой и др., и закатил смешной банкет из бутербродов с колбасой. Слово «банкет» он произнес весьма торжественно, что было очень смешно…

10 июня — наступило лето, в плане политики — «эпоха военной демократии» или, как кто-то выразился, «праздник послушания». Никаких возражений, несогласий, критики, все лапки кверху!.. Отказал в опросе в «ВК» по поводу деятельности РПЦ… В «Эхо планеты» вышел материал «Двуликий Сталин ошеломляет Роллана»… По ТВ был оригинальный английский фильм «Евгений Онегин» (1999). В роли Онегина — Ральф Файнс, Татьяны Лариной — Лив Тайлер. Фильм пронизан тонкой английской иронией.

15 июня — в несчастливый день 13-го был арестован олигарх Владимир Гусинский, и над его медиа-империей нависли тучи. Ще в страхе,

издадут ли теперь «Коктейль “Россия”»?.. Да, толкают страну — к изоляционизму, к железному занавесу, к тоталитаризму?..

17 июня — у Ветрова столкнулся с Екатериной Лавинской, лидером партии «Девственницы России», и Сергей загорелся идеей напечатать в своем журнале «Времечко» беседу знаменитой девственницы со старым Дон-Жуаном, то бишь со мной…

Из «Времечко» поехал на радио, получил гонорар, натолкнулся на секретаря Академии Российского телевидения. Узнав об «Академии любви», она, Елена Григорьева, предложила мне выставить на «Тэффи»: для этого нужно предоставить пленки и 100 долларов (?). Я отказался, пускай этим занимается босс Вайнер. Ну, и прочие встречи и дерганья. А в эти дни от сердечного приступа скончался в 60 лет Григорий Горин, как предупреждение: не шустри!.. Как любит говорить Боря Давидовский: «Бэнц, и Ленского не стало!..»

24 июня — еще одна возникла идея сделать книгу «10 загадочных мужчин и 10 роковых женщин», и под нее начал сочинять про Альфреда Хичкока. А там — Марлен Дитрих, Коко Шанель и пр. Ездил в «Радугу» и успел на флажке в «Кок-

тейль “России”» вставить строки Александра Городницкого:

Зодчий Карл Иваныч Росси,
И художник Левитан,
Как ответить, если спросят,
Кто вы были меж славян.
Тюрки, немцы или греки,
Из каких вы родом стран.
Имена теряют реки,
Образуя океан.

Политическая обстановка серьезная, и гложут сомнения, выйдет книга о национальных проблемах России или нет? Вопрос. На Западе против нашего наката на медиа пишут, что «Путин показывает свое кэгэбешеное лицо».

21-е — сплошной Хичкок. Добил 12 страниц. А на следующий день поехал на Пятницкую. Записал программы на р/с «Маяк»: криминал и любовь. Отказался выпить с Кудриным, и далее на Тверской бульвар — в «Эхо планеты». Оттуда в ЦДЛ платить взносы. И все надо, надо, надо… Первый канал ТВ пригласил в какую-то программу «Цивилизация», а я, как тягучий лейтенант Коломбо из ТВ-сериала, уже не успеваю…

26 июня — маленькое отдохновение: на Неглинной с Ще побывали на выставке «Парижское кафе» — Борис Григорьев, Зданевич, Дейнека, Коровин, Судейкин… Около метро «Революция» столкнулись с митингом коммунистов. Какой-то бесноватый оратор кричал, что «у нас в годы войны было все: танки, бомбы, пушки!..» А что сейчас, не хватает пушек на каждую мирную единицу? И еще митингующие несли плакаты: «Евгений Киселев, Сванидзе, Доренко — современные геббельсы!». Господи, какая же у них каша в голове!..

1 июля — на машине отвезли в Останкино, рукгруппы Сергей Алексеев горит желанием сделать со мной историческую рубрику, он хочет, а начальство? И поэтому: «Ничего не обещаю», ну, а я: «Ничего не жду». В гримерной гримировался вместе с вдовой Игоря Ильинского актрисой Еремеевой, она мне неожиданно подарила книгу о режиссере Борисе Равенских. Ну, а я рассказывал под запись о том, что происходило 100 лет назад.

28-го поехал на Арбат, в Большой Афанасьевский, в какой-то студии располагается штаб-квартира председателя партии девственниц 30-летней Лизы Лавинской. Почти рядом идет съемка обнаженной модели для «Плейбоя». Голая

модель сидит на подоконнике и в руках держит черный зонт. Слышны команды: «Открой!.. Прикрой!.. Развернись!..» — чтоб поэффектнее и поэротичнее. Потом фотограф добрался до нас с Лизой: усадил спинами друг другу и щелкнул. И где-то этот снимок наверняка мелькнул… Сама Лиза — некрасивая и бубнящая женщина о том, что все мужчины тупые и агрессивные. Подарил главной девственнице свой «Налог на любовь».

29 июня — встреча в бизнес-центре на Тверской с миллионером Б., он предложил написать книгу о том, как начинался бизнес его и друзей. О том, как студентами мыли окна, как торговали книгами и оренбургскими платками и т. д. Книга-откровение. Естественно, за деньги. «Я подумаю», — сказал я. Встреча на «Динамо» с Игорем Добронравовым: обмен книгами, я ему «Клуб 1932», а он — свое и пресс-центра детище — огромный фолиант, посвященный футбольному клубу «Динамо», на эту историческую хронику Игорь потратил почти 10-летие. Что ж, у каждого своя миссия…

7 июля — о бытовых делах — ни слова. А вот творческие закончил. 11 страниц текста «Михаил и Наталья. Русская лав стори» — о великом князе Михаиле Романове — 32 страницы. Вел перегово-

ры с Анелей Меркуловой о большой программе, а, может быть, сериале — «Русский след», о судьбе знаменитых русских эмигрантов. Долгие, тягучие и безрезультатные переговоры, ибо мало написать текст, под него надо пробить немалые деньги… А тем временем «Коктейль “Россия”» отправлен в типографию в Можайск (загнали за Можай — есть такая поговорка)… В журнале «Времечко» вышел материал о Наполеоне и Марии-Луизе, в «Эхо планеты» — о ноте Керзона.

И к вопросу, как нахожу своих героев? По-разному, иногда случайно, так, искал кого-то в своем архиве, и вдруг вывалилось досье с вырезками о Льве Троцком. И я загорелся: Троцкий — это архиинтересно!.. Одна опасность: назовут троцкистом…

11 июля — за один день проглотил два тома воспоминаний Троцкого «Моя жизнь». Лев был не без литературного таланта. Ездили на Ваганьково. 48 лет прошло после ухода мамы. И вот только что: Булат Окуджава, Горин, Брагинский… динамовцы: Лев Яшин, Игорь Численко…

16 июля — раньше мечтал о Париже, теперь о Звенигороде: передохнуть, подышать… Ну, а 12-го дышал воздухом Останкино и подвергался излучению Останкинской башни. Вез меня быв-

ший геолог, ныне работы нет, и пришлось сесть за баранку. Приехал в редакцию — сплошное уважение и респект за умение просто и доходчиво доносить исторические темы. Вместе со мной в программе была Маша Арбатова, мы с ней даже немного сцепились: Зюганов — политик или нет, моя позиция: горе-политик, даже и квази… Ну, а в эфире разговор шел о супружеских изменах, в разговоре еще участвовала Лена Левина. Я говорил о Суворове, Багратионе, Бальмонте…

14-го завершилась эпопея с «Садом любви»: поехал к Песковой, и она отдала мне рукопись с листами цветного ксерокса и кассетой с набором. Как жаль: могла бы выйти роскошная книга, но все уперлось в деньги и, как говорят в Одессе: ша!.. Чтобы сгладить так и не расцветший «Сад любви» в течение пяти лет (!), подарила изданные ею «Золотые альбомы» к 200-летию Пушкина. Пушкину повезло больше, чем мне. Не знаю, рад ли он (там, на небесах), но я за него рад. Ну, а мне пришлось утешиться вышедшей газетой с материалом «Париж — город гурманов». Еще печатал Троцкого и вполглаза смотрел «Академию любви» — Вольтер…

21 июля — в «Радуге» роялти и цифры проданных книг («Вера, Надежда…», «Джоконда», «Луна»,

«Клуб 1932») — из 45 тысяч экземпляров книг не проданы — 13. 610. А более 31 тысячи улетели… Маюсь с «Капризами любви», никак не могу пристроить, даже в «Деловом экспрессе» — не катит никак. А все начали с «Рипол-классик»…

Продолжаю печатать Троцкого, а в голове крутится идея книги «Российские монстры» — Иван Грозный, Бирон, Бенкендорф, Аракчеев, Дзержинский, Ежов, Берия… 20-го приезжали телевизионщики, обговаривали программу «Русский след». Переговоры без реального движения вперед… Пока реальность: Троцкий и лечение зубов (как получу гонорар, то тут же надо бежать к стоматологу, — такая вот странная зависимость).

27 июля — в «Эхо планеты» отвез материал «Бальзак и бальзачок». Шел по бульвару, на лавочках сидят люди, пьют, чешутся, лежат, милуются и т. д. А я, бедненький, все время куда-то иду-мчусь-опаздываю, что-то сдаю, что-то получаю и весь в круговерти. С Тверского и на Пятницкую, на радио… Приезжали брать интервью для цветного журнала «Библио-Глобус», шеф издания Екатерина Симонова утверждает, что я — популярный писатель. Неужели?!..

Вот я, вроде бы, обижаюсь на свою суматошную жизнь, а рядом со мной сколько одаренных людей

и невостребованных, и они кукуют и жалуются. В этой связи вспомнил цитату из Эразма Роттердамского: «Чаще всего побеждает тот, кого не принимали всерьез». Может быть, может быть…

Закончил Троцкого, в итоге — 81 страница. Неплохо. Перед Звенигородом взял путеводитель. Как неинтересно и блекло писали в советское время. Писали, и считали себя писателями и журналистами. Сейчас это читать невозможно.

28 июля — 4 августа. ЗВЕНИГОРОД. Если отбросить мелочи, то все было хорошо. Отдохнули, отоспались, были даже дни, когда днем к кровати прикладывались по три раза. Газеты объясняли, что все дело во вспышке на солнце. Ненормальное повышенное давление превращает человека в сомнамбулу. В Москве людей увозят с инфарктами и инсультами. Веселые дела.

Жили в полулюксе, две комнаты — спальня и гостиная, два балкона-лоджии и напротив сосны. В доме отдыха «Звенигород» явно лучше, чем в Софрино. Есть библиотека, смотрю на «Б» — Безуглов есть, а Безелянского нет: за последние три года библиотека не приобрела ни одной книги. Из библиотеки к Москве-реке. Познакомились сходу с экскурсоводом Светланой Юревич, подарил ей «Налог на любовь». Потом она сказала, что

книга ей понравилась, но… «очень жестковатая, какая-то медицинская», ей Руслан Киреев больше нравится. Киреев — так Киреев…

Первая экскурсия на «Боинге» — разбитом допотопном автобусе. Посмотрели Успенский собор. Затем в местечко Дютьково, где жил Танеев. Живописный уголок, лавочка Левитана… Экскурсовод заявила, что Звенигород и Сергиев Посад — два подмосковных Барбизона (видно, читала о Франции, но там не была).

1 августа — Щекин юбилей, 60 лет. Летний солнечный подарочный день. Вторая экскурсия — Новоиерусалим — город Истра. Идет реставрация, и полного впечатления нет. Понравился Гефсиманский сад за Гефсиманской башней. Конечно, не сад, а большое зеленое пространство куртинами. Скит Никона, речка Истра, которую называют Иорданью. Словом, своя доморощенная Палестина. Вспомнились строки Пастернака «Гефсиманский сад».

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный Путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по воздуху шагнуть…

Вечером в баре по бокалу «Мартини бланко»

и мороженое. Вот так чуть отметили круглую дату… На следующий день открыли для себя по соседству солидный санаторий «Звенигород» от мэрии со старым дворцом Лопухиной, одной из фавориток Павла I. Дворец с колоннами в коринфском стиле. Тогда мы не подозревали, что будем сюда приезжать, как к себе домой, с выступлениями перед отдыхающими «Нам не дано предугадать…»

В 11 часов утра 4 августа выехали из Звенигорода, и через полтора часа уже были дома. Первый звонок в «Радугу»: в Можайске сломалась фотонаборная машина, и, соответственно, сигнал новой книги задерживается. Взялся за накопившийся пук газет. В «Сударушке» у Ще вышел текст об Аракчееве, в «Москвичке» — колонка и поздравление с юбилеем. Я подарил Ще книгу «Сто одна поэтесса Серебряного века».

13 августа — пока я был в Звенигороде, разразился финансовый кризис на «Дарьял ТВ», и съемки были приостановлены. Вышли в свет только «Бандиты любви» в издании «Кумиры». Остальные материалы зависли.

3 августа в 19 часов включили новости — взрыв на Пушкинской в подземном переходе. Сто человеческих жертв. «Ад в центре Москвы» — на-

пишет одна из газет. Террористы пришли или доморощенные?.. И снова можно рассуждать о печальной судьбе погибших: молодую женщину Ольгу Удалову только что приняли на работу в «Московские новости», отпросилась пораньше по делам и… взрыв. Я часто хожу по этому переходу, и что теперь, не ходить?..

10 августа ездил в «Пашков дом», работа над книгой «Россия, XX век» идет полным ходом, мне дали набор, в котором я сразу утонул. Все хорошо, но денег на книгу пока нет… В «ВК» сокращенный Хичкок.

17 августа — по Игорю Северянину: «И невозможное возможно в стране возможностей больших…» — вышла в свет книга «5-й пункт, или «Коктейль “Россия”». Толстенный том, 558 страниц. Моя 10-я книга и 5-я, изданная в «Радуге». Даже не верится, что моя бредовая идея воплотилась в реальное издание. 15 августа получил книгу, и к вечеру всю ее пролистал-прочитал. Грандиозно… «Коктейль» выпит, или, скажем так: с плеч долой. А вовсю движется, громыхая в голове, книга о Москве. Все время что-то приходится дополнять найденной информацией или каким-то новым ЧП…

20 августа — и ЧП, да еще какое! Гибель подлод-

ки в Баренцевом море. Минимум информации, все засекречено, боятся западной помощи. И как написали в «МК»: все верхи и ВМФ «думали только о своей жопе! И о теплом кресле под ней…». Старый советский атавизм: главное государство, мощь, империя, а на людей можно наплевать, какие-то «винтики», и что, их надо обязательно спасать?!. Противно все это до тошноты.

18-го ездил в «Радугу». Получил авторские экземпляры «Коктейля», а Атарова еще подарила трехтомник моего любимого Киплинга. И кстати, о солдатской участи:

> *«Эй, Томми, так тебя и сяк, катись, и черт с тобой!»*
>
> *Но он — «защитник родины», когда выходит в бой.*
>
> *Да, Томми, так его и сяк, не раз уже учен,*
>
> *И Томми вовсе не дурак, он знает, что почем!..*

И, конечно: «О, Запад есть Запад. Восток есть Восток, и с места они не сойдут…» И безрадостная служба: «День-ночь, день-ночь, — мы идем по Африке…» Приехал домой с «Коктейлями» и тремя томами Киплинга и засел за свою «Африку»: за

октябрь в книге о Москве.

19 августа — историческая встреча на Болотной площади с Василием Аксеновым, автором «Звездного билета» и других популярных книг, с ровесником, которому я вручил книгу «Клуб 1932». Показал «Коктейль», но не подарил. Если захочет — купит.

С Аксеновым мило пообщались, гуляя по скверу на Болотной втроем — Василий Палыч, маленькая собачка по кличке Пушкин (тибетский терьер) и Ю. Б. Аксенов посетовал, что ему не пришла в голову идея написать о звездных ровесниках, ну, а мне — «Звездный билет» и «Остров Крым». Распрощавшись, пошел на Полянку, в магазин «Молодая гвардия» — «Коктейль “Россия”» уже в продаже — 65 ре. Рядом «Вера, Надежда, Любовь». Поговорил с продавцами, рассказали приколы от посетителей магазина, как спрашивают, есть ли в продаже «Москва-Петушки» Зощенко? А Гумилев?

— Вам какого Гумилева — Николая или Льва?

— Ну, не знаю… ну, того, который в полосочку.

26 августа — из Тбилиси прилетела Лика и гостила у нас. Способная девочка, упорно идет к профессорскому званию в области биологии, своя лаборатория в Мюнхене. И О. Ю. ничего не

добилась и не хочет, нет, хочет скорее на пенсию, чтобы ничего не делать. На вопрос, какие у нее новости? Ответила: тут с мамой мыли кота Васю. Но коммент!..

В «Радуге» был на дне рождения сразу двух сотрудников. Зимина распорядилась подарить всем собравшимся книгу «Коктейль», и я всем ее подписал, а кому-то даже посвятил строчки. К примеру, «Александру Борисовичу»:

Книжник с головы до ног.
А какой распространитель!
Все исполнит точно в срок,
Ибо «Радуги» хранитель.

23 августа добил рукопись «Московские даты — люди, события» — 922 страницы. Фолиант!.. В последний день в Москве Лика мне, старому, давала советы, как выбивать гранты, как выходить на славистов и т. д. Грант — это 50 тысяч долларов, при этой цифре Ще сползла с дивана. Это же меховое манто, поездки в Европу, ремонт в квартире, наконец!.. Я вяло улыбался, понимая, что ничего не выбью, да и хватка уже не та и энергии маловато…

30 августа — к гибели подлодки «Курск», взрыву на Пушкинской добавился пожар на Останкин-

ской башне. Какие-то зловещие знаки новому правителю России… Ну, я и печатал текст про Киплинга, а 28го поехал в «Радугу» отвозить рукопись о Москве: половина текста в сумке на плече, вторая — в руках в пакете. Писатель-такелажник, без грантов и без внимания славистов… Самочувствие? Болит голова. Ноет печатающий палец. Что-то вступает в правую ногу. Но об этом только в дневнике, по секрету…

С Эдиком ездили на Востряковское кладбище, там могилы отца и матери Эдуардо и моего отца. Возложили цветы. На обратном пути наткнулись на захоронение академика Андрея Сахарова: вогнутая вглубь стела-плита из черного мрамора. И надпись: Андрей Сахаров и годы жизни. Никаких званий. Да, и стояла осенняя скорбная погода с мелко моросящим дождем. Скорбь и память…

9 сентября. 4-го созвонился с Владимиром Войновичем, получил приглашение и пошел к нему в гости в районе станции «Аэропорт». Полчаса проговорил со своим знаменитым ровесником. И обменялись книгами: я ему «Клуб 1932», он мне свою книгу «Монументальная пропаганда» с надписью: «Юрию Безелянскому — одноклубнику 1932 — с пожеланием монументальных успехов во всех начинаниях». Я сказал Войновичу, что

никак не могу прорваться с предложением издания книги на Запад, а в ответ услышал: и не прорветесь без литературного агента. Ну да, а где взять? И еще, наверное, мне мешает незнание какого-нибудь иностранного языка. Не выучил. Не хватило воли. Не захотел отвлекаться от своих планов…

А так все по-прежнему. Стучит машинка, телефонные звонки, личные контакты, в «Вечорке» дали рекламу «Коктейля “Россия”»… 6 сентября открылась Московская международная книжная ярмарка. Только подошел к стенду «Радуги», как просят подписать «Коктейль». Какой-то бородатый доктор наук признался, что вчера читал, не отрываясь от него, до полуночи. На ярмарке распространяли рекламный номер магазина «Библио-Глобус», в котором напечатали интервью со мной под заголовком «Юрий Безелянский эпатирует…» А внутри журнала более спокойный заголовок «Хранитель времени». Я бы добавил: хранитель времени с маленьким гонораром.

7 сентября — в «Вечорке» вышел отрывок главы о театре — об актрисах и актерах, — с веселеньким подзаголовком: «Антисемитам эта книга вряд ли понравится».

8 сентября на книжной ярмарке подписывал

свой «Коктейль»: не меньше 50 книг. Среди покупателей было немало еврейского происхождения, один спросил меня: не испытывал ли я, когда писал книгу, давление органов? Я ответил, что нет, только вот за издательство боялся, что придут патриоты бить окна. Но слава Богу, окна остались целыми… Среди подошедших ко мне самым ценным человеком был академик Сигурд Оттович Шмидт, мой давний поклонник, старенький, с палочкой. Он тут же полез в книгу смотреть, что я написал об его отце, о знаменитом полярнике Отто Шмидте. В целом мне вручили охапку комплементарных слов. Параллельно «Коктейлю» покупали и другие мои книги: Луну, Клуб. Короче, был небольшой успех. Читают, знают, следят, любят… Одно плохо: вернулся с ВВЦ еле живой…

14 сентября — продолжение проекта книги «Аромат денег» (такое я придумал название). Сговорились на десять тысяч долларов, аванс на руки пять тысяч. И за работу: надо встречаться и собирать материалы о том, как начинался бизнес у заказчика и его друзей и соратников. И вот тут облом: никто не хочет говорить, вспомнить и раскрывать «производственные тайны»…

16 сентября — ездил в Радиокомитет, Валерий Горкин записал мое интервью минут на 50, ска-

зал, что разрежет его на кусочки и отдаст на р/с «Голос России» и на «Народное радио», и за меня получат денежку. С Пятницкой на Большую Татарскую (Бывшую Землячку), в «Говорит Москва». Там интервью у меня брала Марина Скалина для программы «Ближе к ночи» (или «к вечеру»?) о книге «Коктейль», о национальных проблемах. А на следующий день — приглашение на Авторское телевидение, съемки во дворце завода АЗЛК, там конкурс частушек. Ну, а я причем? Оказывается, я в жюри, председатель — актер Андрей Харитонов. Сплошной песняк «Не морозь меня, моего коня…» Народные песни и частушку про женскую попку и ядерную кнопку, про то, как поломался трактор, встали элеваторы, будем клеить мужика в губернаторы…» Народный юмор.

У меня разбита бровь,
И синяк на роже.
Если это не любовь
То скажите, что же?!

И всем этим певческим речитативом управляет Семеновна — «Эх, Семеновна!» И кто? Конечно, еврейка Марина Голуб. Уже смешно!.. Я сидел, слушал и удивлялся самому себе, куда влип исследователь Серебряного века? Зигзаги судьбы…

Да, и какие! В рамках проекта «Аромат денег» попал в офис «Альфа-Эко» на новом Арбате уже в качестве интервьюера. Слушал жуткие истории про постсоветский бизнес…

24 сентября — жизнь какая-то сумасшедшая. 2 сентября исполнилось 68 с половиной лет, и никакого покоя. Увяз в делах, как в трясине. А тут еще и правая нога барахлит, то ли артрит, то ли что, но подхрамываю. У Ще свои приключения со здоровьем. В общем, пара гнедых…

Звонил одному из олигархов, секретарь заявил: «Пока указания связываться с вами нет…» И куда сунулся!.. Так что большие деньги — это мираж в пустыне, и довольствуюсь малыми: получил 50 долларов без всякой ведомости за императрицу Марию-Луизу во «Времечко».

На горизонте возник новый журнал — ежемесячный международный журнал (издается с 1981 года Еврейской культурно-просветительской организацией Chamah). Директор издания Гиллель Зальцман. Наташа Зимянина (дочь секретаря ЦК КПСС Мих. Зимянина) с главным редактором Ларисой Токарь. И началось почти на 20 лет наше творческое сотрудничество, вылившееся в книгу «Золотые перья» (2008). А началось со скромной публикации с поминальника знаменитых людей,

родившихся в октябре, для октябрьского номера. Вариация моего старого календаря. Так был запущен новый журнал «Алеф», а в «Пашков доме» вовсю буксует книга «Россия, XX век».

21 сентября во «Французской галерее» (Витошный переулок) отмечалось 60-летие Светланы, жены Эдуардо. Юбилей был на славу, даже с музыкантами и песнями про тум-балалайку и «чирим-бо-бом». А у меня свой «чирим-бо-бом»: в «Вечерней Москве» вышел Редьярд Киплинг. Отнюдь не рядовая публикация.

В ЦДЛ на презентации книги «Итальянская поэзия» в переводах Солоневича познакомился с Евгением Рейном, другом Иосифа Бродского. Мы сразу прониклись симпатией друг к другу, и я пожалел, что не вхожу в литературную тусовку, ибо в принципе сам ее избегаю. Там все друг друга знают, а я — одинокий волк. Познакомился в ЦДЛ с Татьяной Бек, она подивилась: «Как это вам удается издать так много книг?..» Не в последнюю очередь, что чураюсь тусовок, не растрачиваю время, а дома долблю и долблю…

30 сентября — очередной вояж к стоматологу: появилась коронка и новый зуб. С этим зубом отправился 25-го в магазин «Москва» на презентацию «Коктейля “Россия”» (презентация зуба и

книги — это интересно!). Подписал книг 15, не больше. Чересчур любознательные покупатели задавали вопросы: «А ссылки есть?», «А это правда, что вы написали?..» В какой-то газете, точно не помню, появилась заметка-рецензия «Опасный пункт», 5-й, разумеется…

26 сентября по приглашению монументальной Катерины Ивановны (главный культорг санатория «Звенигород») впервые (а потом в бесчисленный раз — 27 мая 2019), приехали с Ще выступать, точнее, нас доставили на машине всего за один час. Сначала обед, а потом в зал, построенный амфитеатром, как зал Чайковского. Собралось, я подсчитал, 58 человек. Но Катерина сказала: «Это аншлаг!» Ще рассказывала о Параше Жемчуговой, я — об Инессе Арманд. Собравшиеся отчаянно хлопали. И собрали букет комплиментов. «В Анечку все влюбились», — сказала Катерина Звенигородская. А какая-то отдыхающая подошла ко мне после выступления и заявила, что для нее это счастливый день: знакомство со мной и покупка книг. Господи, как мало порой нужно людям…

В «ВК» вышел великий князь — «Не по царским правилам». Два брата Романовых с разной судьбой и одинаково ужасным концом жизни

— Николай и Михаил.

7 октября — в субботу 30-го в Театре эстрады смотрели «Птицы» — светопреставление в двух частях (Геннадий Хазанов, Вячеслав Войнаровский и Кахи Кавсадзе). Подарил Хазанову «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Думаю: точно по адресу…

Неожиданный звонок из Клуба профессиональных секретарей, там прочитали мою «Веру, Надежду…» и просят у них выступить. И выступление 7 октября в клубе-баре «Будда» на Пушечной улице.

14 октября и выступил. Тема: любовь великих. Секретари офисов засыпали вопросами. И почему-то многих волновала проблема, как относиться к изменам мужа или любовника? Я отвечал на все вопросы и даже взмок, но за доллары — платное выступление.

Ну, а я весь в заявках, в книгах. В «Радугу» отдал заявку на книгу «В садах де Сада». «Веру, Надежду…» Собираются издать пятым тиражом. А тут повстречал певицу Маргариту Суворову («Якутяночка», «Цыганка Мариула», «Мелодия» и другие песни). Она буквально бросилась мне на шею. Одни любят. Другие молчат. Третьи ненавидят. Пригласили в историко-архивный институт,

где собираются «шибко известные люди в своем мире», как сказал сын знаменитого Отто Шмидта. Но не поехал из-за живота: прихватило, и так бывает в этой жизни…

Попалось на глаза интервью Нины Садур. Она печалится: «Мне почему-то никогда не дают никаких премий». И о писателях: «Они не хотят дружить со мной…». У всех свои проблемы, жалобы, претензии. И всем хочется получить кусочек славы. Когда-то поэт Николай Доризо написал строки: «Хочу услышать похвалу. / Заметь меня, старик Державин…» На что получил ответ от пародиста Александра Иванова:

Устав коптеть в своем углу,
Решил я высказаться прямо:
— Хочу услышать похвалу.
Заметь, старик, не будь упрямым!
Ведь я писать весьма горазд,
А ты доселе не приветил…
— Иди, иди… господь подаст, —
Старик Державин мне ответил.

А я на Полянке, в магазине «Молодая гвардия», в рамках выезда издательства «Радуга» подписывал свои книги. Купили не так много, штук 20

примерно. На очереди следующая презентация…

18 октября — презентация в «Библио-Глобусе». Выложили семь моих книг, главная «Коктейль “Россия”». Подписал около 49 книг. Какая-то женщина застенчиво сказала: «Можно постоять около вас, такой свет идет…» Вот уже и светиться начал. Приехал домой — нимба нет…

19 октября — закончил печатать Марлен Дитрих, 41 страница.

У Марлен было много любовных романов, один из них развернулся в Голливуде во время американских гастролей Александра Вертинского. Как уживались две звезды? Об этом Вертинский в июле 1935 года сочинил песенку «Гуд бай»:

Надо Вас боготворить,
Ваши фильмы вслух хвалить
И смотря по двадцать раз,
Как актер целует Вас,
Прижимаясь невзначай…
Гуд бай!..
На ночь надо Вам попеть,
С поцелуями раздеть,
Притушить кругом огни.
Завтра съемка… Ни-ни-ни.

И сказать, сварив чай:
«Гуд бай!».

22 октября — Русико из Тбилиси: «Юра, на твою Джюконду стоит очередь…»

26 октября — снова Звенигород, в качестве машины приехала «скорая помощь», которая перевозила какие-то лекарства, а заодно захватила «артистов».

Собралось более 50 человек. Ще рассказывала о Марии Башкирцевой, я — о женах Наполеона — Жозефине и Марии-Луизе. И совпадение: в «Вечорке» как раз вышла публикация о Марии-Луизе.

Стоит теплая осень, какой не было, по сообщению газет, в Москве 70 лет. Сплошные аномалии. Но, несмотря на них, продолжаю творить и вытворять. После Марлен Дитрих взялся за Коко Шанель, и уже вырисовывается книга «Маркиза, ангелы и дьявол». А параллельно мне еще сотня, а, может, тысяча борзописцев строчит книги. Борис Акунин цинично заявил: «Я не считаю себя писателем. Я беллетрист. Я не ставлю задачу писать лучше Тургенева. Мое дело — развлекать читателя». Он развлекает, а я? Я не развлекатель, а просветитель. Позволю себе сказать: изящный

популяризатор и эссеист…

Кстати, мне из редакции «ВК» передали письмо некого академика Юрия Курако (главный невропатолог из Одессы), он пишет: «Лично мне очень нравятся Ваши короткие новеллы и эссе, в которых Вы очень своеобразно и интересно подаете материал…» Читают в Одессе, в городе Бабеля, Багрицкого, Ильфа и других литературных корифеев.

3 ноября — нам с Ще исполнилось 33 года, я даже попытался написать торжественные строки:

Мы спаяны. Сдружены. Слиты вовеки.
Кто знает, где Ще, где Ю. Б.
И строки вливаются в полные реки.
И все о тебе. О тебе. О тебе…

7 ноября — второй творческий вечер в ЦДЛ. Пару дней обзванивал знакомых и приглашал, а потом пошли некоторые отказы: кто-то не может, заболел. Ну, а 6-го собрали 11 книг на продажу и, сгибаясь под их тяжестью, в 17 часов вышли из дома. Приехали рано. Туалет закрыт. Спрашиваю уборщицу, почему? Она: «Готовлюсь к мероприятию».

— А что у вас будет? — прикинулся я.

— Да вечер какой-то.
— И кого?
— Какого-то поэта Безелянского.

На «поэта» пришло человек 100, почти полный Малый зал. Купили все принесенные книги. На этот раз обошлось без певцов (Суворова, Ширинский) и я спокойно солировал сам. Рассказал об исторических событиях дня и прочитал отрывок из пушкинского «Пира во время чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Прочитал, и в зале возникли две волны реакции: одна восхищения пушкинскими строками,

другая — некое раздражение, мол, нельзя ли что-нибудь повеселее, ошибочно считая, что Безелянский — это что-то вроде Жванецкого. Ну, а строки Пушкина были написаны, точнее, закончены 6 ноября 1830 года в Болдино во время карантина в связи с эпидемией холеры. И это не собственные стихи Александра Сергеевича, а перевод, и гениального, английского поэта-романтика Джона Вильсона. Впервые «Пир во время чумы» Пушкина был опубликован в 1832 году, ровно за 100 лет до моего рождения…

Кроме Пушкина, читал что-то еще и, угождая собравшимся, рассказывал какие-то веселые байки и случаи из собственной жизни. Принимали отменно и шумно аплодировали. И подношения: шесть букетов и две плитки шоколада…

Наутро после вечера — шквал телефонных звонков. Философ из Плехановки Алексей Самсин сказал, что читал «Коктейль» до двух часов ночи и потрясен, как это сделано, как удалось втиснуть столько информации и подать ее так живо и легко. Сам удивляюсь…

9-го был по приглашению в гостях у Елены Кирилловны Василенко-Дзержинской. Бабушкины архивы фотографий, хранящиеся в коробке из-под сигар. И какие персоны на снимках: вели-

кий князь Михаил Александрович, его любимая женщина Надежда Брасова, балерина Карсавина, Федор Шаляпин… Письма Брюсова, Михаила Булгакова, старые афиши, вычерченная родословная: тут и Сабашниковы, и Кандинские. Родовитые люди. Не то, что я — незнамо кто…

Еще одна интересная встреча в издательском доме «Время», где познакомился с одним из лучших современных переводчиков Евгением Витковским. Я его знаю по переводам, а он меня знает по прочитанным книгам. Обменялись любезностями…

11 ноября — снова в ЦДЛ, уже на чужой вечер Иосифа Раскина. Он издал книгу анекдотов и, соответственно, ему предоставили большой зал. Анекдоты — это не эссе. Открыл вечер Сергей Юрский. Выступали многие литераторы (на моем вечере не было никого). Марк Розовский даже пел:

Кто любит мат, а кто псалмы,
А кто не может без тюрьмы…

И далее под шумное одобрение зала: «Роза шьет для важных дам, / А Сима знает на рояле столько гамм, / А Фира строит глазки корчмарю…» Окинул взглядом собравших в ЦДЛ и подивился, сколько

из них по 5-му пункту. Выступал, конечно, сам Раскин и среди прочего неожиданно упомянул меня как замечательного энциклопедиста (слава богу, что не анекдотчика — это не мой район).

На вечере Андрей Морозов подарил свою толстенькую книгу взятых интервью, я там со своими ответами после Оскара Фельцмана и перед Ириной Понаровской, а если по алфавиту, то после Аллы Баяновой и перед Александром Бовиным. Солидная компания, но, если честно, то само интервью плохое…

26 ноября — пропускаю многие факты и фактики, и поэтому коротко. Съемки «Академии любви» на «Дарьял ТВ» в ступоре. 17 ноября на Новом Арбате презентовал свои книги вместе с Лидией Либединской, сидели за одним столом, в «Ожидании Годо». Много повидавшая на свете Либединская убеждала меня: «Вас издают? Вас знают? Вас читают? А критики? — Бог с ними!»

Что касается моих книг, то окончательно утвердились названия: «Огненный век» в «Пашков доме», и «Ангел над бездной» — в «Радуге».

30 ноября — 3-й по счету выезд в Звенигород с выступлениями. Ще об Аракчееве и Минкиной, я — о Тургеневе и Виардо. Семейный подряд, как определил однажды Павел Гусев, главный ре-

дактор «МК». В Звенигороде обед и денежка, что всегда кстати… Приехали домой. По «Дарьялу» — повтор программы о Стендале. В Звенигороде живьем, а тут на экране. Воображаемый знакомый покрутил ус и заявил: «Уважаю!..»

1 декабря — ярмарка нон-фикшн на Крымской. Все время подходил к закутку стенда «Радуги» и подписывал свои книги — «5-й пункт» и «Джоконду». Познакомился со Станиславом Лесневским. Посмеялись, мы с ним дальние родственники. Он блоковед и возглавляет издательство «Прогресс-Плеяда». Но с ним книги издавать тяжело: рукописи надо обязательно рецензировать, значит, будут делать два или три года…

3 декабря — что еще? Звонок Элины Быстрицкой — еще одна ночная чтица «5-го пункта, или Коктейля “Россия”». Были в гостях у Юрия Кочеврина с книгами и воспоминаниями о школе № 554. Познакомились у него с Ирмой Рауш, первой женой Андрея Тарковского. Мило поговорили…

10 декабря — Александр Проханов издал новый роман «Идущие в ночи», и сразу крик, правда, в патриотической прессе: супербестселлер, сравнивают Проханова с Буниным, и прочая чушь. Или Володя Вишневский — «Басни о родине».

Басни и басни, а шум какой: звезды, шампанское, обнаженные девочки! Вот это раскрутка! И, очевидно, за счет спонсоров. А у меня нет спонсоров, и никто не собирается раскручивать мои книги, а у меня ни денег, ни сил. Вся надежда, что оценят читатели. Но кто их услышит? Такова ситуация, в которой я пребываю. Только комплименты, цветы и шоколад… Правда, на НТВ заинтересовались моими книгами, но я, как Станиславский: «Не верю!»

Еще событие: я встретился с заказчиком «Аромата денег» и отказался писать книгу. Отдал обратно аванс и получил из него одну тысячу долларов за муки собирания информации (встречи и разговоры). Тайны бизнеса так и остались тайнами… А далее легкой пружинистой походкой с изрядной порцией «зелени» (так зовут иногда доллары) отправился в зал «Россия» на 77-летие «Вечерней Москвы». Послушал двух пародистов, Галкина и Пескова, плотную Надежду Бабкину, юную Юлию Началову. Какая-то группа разливалась о том, «как упоительны в России вечера…». А полицейские с охранниками и прочие представители силовиков? Упоительны и сильны…

И немного позитива. В «Радуге» сказали, что фонд Сороса оплатил 500 моих книг, разослан-

ных по библиотекам. И вышли два интервью: в «Подмосковных известиях» под названием «Для слабонервных — Безелянский», и в ноябрьском «Алефе» — «Я ленивый, но любопытный». Интервью брала Элла Митина. Дошла информация, что «Клуб 1932» вручен ровеснику, президенту Франции Жаку Шираку. Вручил некто г-н Морель из Международной ассоциации стоматологов.

17 декабря — деревья все облеплены снегом, и это выглядит красиво, но под ногами снег, вода и лед — это простудно. 14-го начал заниматься антологией Серебряного века. Составил список 167 имен, а надо 100 — так красиво для заголовка. В «Радуге» возмущался правкой редактора: вместо «глубины забвения», как у меня, — правит на «пучину забвения». О Казанове у меня: «Истинный певец сладострастья», редактор: «Истовый служитель сладострастья», и т. д. Дурацкий звонок от читательницы (и откуда взяла телефон?): зачем вы пишете о том, что Брюсов ходил к проституткам, не надо об этом, надо только о чистой любви…

22 декабря — записывал свою программу на радио, на Пятницкой, и читал «Рождественский романс» Иосифа Бродского.

Плывет в тоске необъяснимой

Среди кирпичного надсада
Ночной кораблик негасимый
Из Александровского сада…
…Плывет в тоске замоскворецкой
Пловец в несчастие случайный,
Блуждает выговор еврейский
По желтой лестнице случайной…

И концовка:

Как будто жизнь начнется снова,
Как будто будут свет и слава,
Удачный день и вдоволь хлеба,
Как будто жизнь начнется вправо,
Качнувшись влево.

28 декабря — я так не люблю темнотищу, теперь по минуткам пойдет прибавка. Еще зима, но дело движется к весне. Скорей бы…

В «Итогах» Евгений Киселев на НТВ покусывает власть, а власть разворачивается во всей красе. «Россия между распадом и оловянным взглядом», — определил Евтушенко. Строится вертикаль власти.

Нужно тепло России,

Евтушенко точно уловил тенденцию: во власть пошли, чеканя шаг, «оловянные Феликсы».

27-го выступление в «Библио-Глобусе». За час с хвостиком подписал не меньше 25 книг, в основном «Коктейль “Россия”» и «Улыбку Джоконды».

30 декабря — привычная уже поездка в Звенигород и не совсем удачная: под Новый год. В зале маловато народа, но «матч состоится при любой погоде». На этот раз отдувался один, рассказывая о жизни и творчестве двух художников — Делакруа и Ренуара. Два штриха.

Эжен Делакруа к 60 годам отрешился от всякой светской жизни и испытал кризис романтизма. Его раздражали суета и «всеобщее лицемерие».

Если Эжен Делакруа в молодые годы красовался на баррикадах истории, то Огюст Ренуар не мыслил своей жизни без женщин, он с упоением рисовал обнаженные тела. «Нагая женщина, — говорил художник, — может выйти из волн или сойти с постели. Назовите ее Венерой или Нинни — все равно лучше ничего не выдумаешь».

31 декабря — 2000 год отошел в историю. Под Новый год в сотый раз смотрели «Иронию судьбы», выступления Барышникова на Бродвее и откупорили бутылку шампанского. Короче,

здравствуй, попа-Новый год!..

ИТОГИ ГОДА, оглядываясь назад.

Вышла в свет одна книга — «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Еще три готовились к изданию: «Огненный век», «Ангел над бездной», «Московский календарь». Останкино, ТВ — пять выступлений («Доброе утро» и «Добрый день»). «Дарьял ТВ» — 20 программ «Академии любви» с повторами. Многочисленные выступления (интервью и рубрики). Творческий вечер в ЦДЛ. 22 журнально-газетных публикаций.

2001 год — 68/69 лет

Две книги: «Ангел над бездной» (Кумиры моды, кино, литературы и политики), «Огненный век» (хроника России XX века). Газеты, журналы, «Алеф», «ВК», «ВМ», ТВ, радио и т. д. Премия Союза журналистов России «За профессиональное мастерство». В гостинице «Космос» турнир по поддавкам. В мае поездка на Запад — «Испанский калейдоскоп». Выезд в Воронеж от издательства «Радуга». В программе в Останкино вместе с Ларисой Мондрус, Ларисой Гузеевой и Ириной Слуцкой. Затем в программе «Большая стирка». Звенигород. Съемки фильма о Марлен Дитрих…

7 января — первая неделя нового тысячелетия. Опускаю разные бытовые подробности, или, как говорят, бытовуху. А вот творческие моменты зафиксировать надо. Процитирую Андрея Вознесенского:

Пришло мое время. Пускай запоздав.

Вся жизнь — только тренинг

Пред высшим мгновеньем. Отходит состав.

Пришло мое время…

Если вспомнить коллег по Иновещанию, то почти у всех время прошло: работа корреспондентами за рубежом, репортажи, публикации. Рухнул Советский Союз, и соловьи советского образа жизни никому не нужны. Солнце померкло, и все бывшие политические обозреватели бродят впотьмах, ища уголок, где бы можно было приткнуться. А у меня другая жизнь: только успевай поворачиваться и откликаться на различные предложения. «Пришло мое время…» Понимаю, что оно тоже лимитировано и когда-нибудь кончится…

А пока… пока печатал «Персоны февраля» для журнала «Алеф»: Бубер, Мендельсон, Шолом-Алейхем, Пастернак, Агния Барто… В «Вечерней Москве» вышел материал «Юбилярий 2001 года». Запущена в «Вечорке» рубрика «Все это случилось в январе…» Встречи, расставания, браки, разводы и прочие страсти-мордасти знаменитых людей. В «Радуге» в связи с подорожанием бумаги пришлось сокращать 22 страницы текста книги «Ангел над бездной». Экономика буксует и, как написал Лошак в «Московских новостях»: «Подмороженная демократия с ленинским мавзолеем, сталинским гимном, с аморфной массой завхозов

в парламенте и военными в гражданской администрации…» И снова маячит дефолт.

14 января — читал верстку «Ангел над бездной» и, конечно, есть ошибки и опечатки, например, есенинские строки о собаке Качалова набрано так: «Ты за меня лизни ей нежно руху…» Какую руху?!

Выбрал время и занимался чисткой архивов. Основательно утоньшил газетные вырезки из досье Ельцина, Шолохова и прочих, о которых писать не собираюсь… Сократил и чрезмерно распухшего Евтушенко. И многие вырезки полетели в мусорный пакет. А вот историк Иван Забелин и библиограф Вукол Ундольский дорожили каждой собранной бумажкой и ничего не выкидывали…

12-го с Ще в Московском фонде культуры были на презентации книги, посвященной Индии, и стихов поэта-ученого Александра Сенкевича. Ему подарил свою «Луну», а ведущему вечера Святославе Бэлзе — «Джоконду». Бэлза сказал: «Оцените: я три года ждал вашего подарка…» А потом к публике: «Слово имеет знаменитый Юрий Безелянский…» Позвонила какая-то Лена Кудрявцева с ТВ с очередным приглашением: «О вас ходят легенды, что вы все обо всем знаете». Я лишь усмехнулся, а потом сказал жене: «Кажется,

у меня теневая популярность в стране теневой экономики».

13 января с Ще поехали в Тургеневскую библиотеку на 10-летие газеты «Москвичка». Тусовка, которая ни уму, ни сердцу, ни карману…

20 января — в «Вечорке» вышел мой Мандельштам к 110-летию поэта, а у Ще в «Сударушке» — полоса о Модильяни. Крошечные семейные успехи. Допечатал Эренбурга: «Искусство выживания». В «Литературке» Андрей Новиков о положении в стране: «Мы получим образцовый полицейский социум».

Возвращаясь к Осипу Эмильевичу, зарисовку о нем назвал «Любовь в ледяную стужу».

Ничего, голубка Эвридика,
Что у нас суровая зима!..

Эти мандельштамовские строки обращены к жене Надежде. Ирина Одоевцева вспоминает, как ее угощали пирожками и домашним вареньем, а Осип восхищенно говорил: «Это Надя сама. Она все умеет. И такая аккуратная. Экономная. Я бы без нее пропал. Ах, как я ее люблю!»

26 января — сделанный Эренбург не задержался и вышел в «ВМ» под заголовком «Водевиль с переодеваниями». О противоречивом Илье Гри-

горьевиче. Сам Эренбург писал о себе:

Не был я учеником примерным
И не стал с годами безупречным.
Из апостолов Фома Неверный
Кажется мне самым человечным.

Все хорошо, но в материал вкралась ошибка. Вместо «Падения Парижа» в книге Эренбурга я написал название фильма «Падение Берлина», что сразу заметил какой-то бдительный читатель. А я и редакция проморгали.

24 января — выступал в библиотеке в саду Баумана. Все прошло тепло и хорошо. Подписал несколько своих книг и в подарок получил чужую от некоего Леонида Пузина. А в книге строки о России:

Семьдесят лет небывалого рабства,
Семьдесят скорбных, мучительных лет.
Хватит. Устали. Пора разобраться,
Как мы такое придумали «братство»,
Что и поныне «Россия во мгле».

И дата под стихами: 1988.

2 февраля — в последний день марта, 31-го,

был первый творческий вечер в Цветаевском доме-музее. Собралось под 80 человек (обещала, но не смогла прийти Быстрицкая, и еще кое-кто из звезд). Свое выступление я начал с календаря. Афанасьевские морозы. «Русь, ты вся поцелуй на морозе!» (Хлебников). Рассказывал разные истории про Анну Ахматову, Льва Шестова, о шестидесятниках, ровесниках из «Клуба 1932» и т. д.

Именно 31 января 1847 года Александр и Натали Герцены простились с Россией в местечке Таурогоне Ковенской губернии и направились в Пруссию. С тех пор нога Герцена уже никогда не ступала по родной земле…

После моих исторических экзерсисов выступали пришедшие. Тронул и удивил профессор Александр Аркадьевич Шерель, почти ослепший после двух инсультов и пришедший в сопровождении студентки-секретаря. Он сказал, что я продолжаю пушкинскую традицию исповедальной литературы, со своим взглядом и своей интонацией оценивая исторический процесс.

О себе Шерель шутил, что он в компании Гомера, Мильтона и Паниковского… Еще одну шутку-быль рассказал Анисим о своем внуке, который удивил учительницу, объявив, что его

дед знаком с Белинским и они часто встречаются, пьют пиво и ходят на футбол. Белинский-Безелянский — для ребенка все едино!..

28 января был приглашен на ТВ в программу «Деликатесы» со Светланой Конеген. Состоялся не столько разговор, сколько взаимное пикирование: никто не хотел уступать…

6 февраля — неожиданное эхо после Цветаевского музея. Оксана Лисковая выдала в «Вечорке» материал с моей фотографией: «неизвестный шестидесятник появился на людях». Приятный сюрприз…

12 февраля — в дневнике все события развернуты с подробностями, но для книг они не нужны. Поэтому сокращенно: снимал вопросы в «Радуге». В музее Пушкина на Пречистенке с Ще участвовали в праздновании 10-летия «Москвички» с концертом: Михаил Козаков читал чеховский рассказ «На чужбине», а Валентина Толкунова пропела залу: «Стою на полустаночке…» Чего-то печатал в рамках рубрик. Разбирал архив. В какой-то день недомогал и т. д. Не отпускает 5-й пункт. Какой-то мальчик втолковал взрослой тете: «Я еврей. Еду в Израиль. Поем бананов и вернусь обратно». Какая прелесть!.. «дрейт зых ун дрейт зых дер блойердик шарф» — «Крутится,

вертится шар голубой…»

Короче, «выходила на берег Ребекка, на высокий берег, на крутой…»

14 февраля — ТВ подарило концерт, посвященный 100-летию Исаака Дунаевского. Несколько номеров были отменные. Пышнотелая, дородная Гвердцители спела: «Я вся горю, не пойму отчего…» Николай Караченцов с группой девушек из «Степ-шоу» исполнили о том, как «Черная стрелка проходит циферблат…» И Иосиф Кобзон признался, что кругом «Так много девушек хороших…» Дунаевский был блестящим мелодистом. Его звали Дуней, и хорошо бы о нем написать… А на следующий день экран задолбал фильмом «Моя морячка» (Гурченко и Державин) уже с примитивной мелодией и словами: «И пока на море качка и бушует океан, / Приходи ко мне, морячка, / Я любовь тебе отдам…» Хотя с другой стороны, вечером, наработавшись, именно примитив снимает усталость.

22 февраля — в «Алефе» вместо калейдоскопа имен вышел в гордом одиночестве Дон-Аминадо — «Акробат» (Аминад Шполянский). Первоклассный сатирик Серебряного века.

Знаю, кесарево кесарю,

Но позвольте доложить,
Что сейчас любому слесарю
Легче кесаря прожить.

Тот самый Дон-Аминадо, который горестно вздохнул по поводу Игоря Северянина: «Ананасы в шампанском окончательно скисли…»

И в этот же день в газете «Подмосковье» в рубрике «Автограф» поместили интервью под заголовком «Глотатели пустот и пожиратели смысла». Про меня было сказано, что «Ю. Н. — легкий собеседник, и писатель в том смысле, что, начнешь читать — не оторвешься, а начнешь слушать — заслушиваешься…» После чего хочется воскликнуть в стиле Корнея Ивановича: «Неужели? В самом деле?..»

26 февраля — февраль какой-то сумасшедший: много снега и мороз, с утра за окном минус 18. Из последних новостей. Был на радио, там Горкин смеется над бывшими корифеями — Солтоном, Дружининым, Потаповым, Жолквером и другими политобозревателями. Не могут перестроиться и продолжают бороться против раскручивания «маховика империализма»… А тут на меня вышел какой-то Юсупов из движения «Единство», предложил быть у них аналитиком, я

отказался. Не привлекает (а точнее: отвращает) и идея создания нового СССР — Святая Соборная Справедливая Русь. Господи, пронеси мимо!.. Общество «Мемориал» вдруг выдало как жертве (репрессированный отец) три килограмма сахара. Подсластить горькую жизнь?..

1 марта — составил заявку на книгу «100 имен Серебряного века» и поехал с ней в издательство «Жираф» на 1-ю Брестскую. Подписал договор и прописали приличный гонорар. Вышел из издательства, окрыленный, казалось бы, успехом (увы, книга готовилась, но в «Жирафе» не вышла, а была издана в другом издательстве — «Эксмо» — через шесть лет: 26 июня 2007 года, — 4 июня 2019)

В «Комсомольской правде» интервью с главным нашим противником Збигневом Бжезинским, который посоветовал властям России «переборо ть ложные, самопожирательные имперские претензии и поскорее реформировать систему, которая столько десятилетий держит в нищете талантливый, трудолюбивый, обладающий огромными природными ресурсами народ...». Я двумя руками «за!».

В «Сударушке» (тираж 45 тысяч экземпляров) вышло самоинтервью «Писатель открывает

карты». Среди прочего объяснил, почему в моих текстах много цитат и ссылок: «Обилие цитат создает эффект некоего литературного дайджеста, коллажа. Это дань времени.

Разумное дайджестирование расширяет интеллектуальное и духовное пространство текста, помогает активно работать памяти, вызывает дополнительные мысли и ассоциации…»

2 марта — 69 лет! Много звонков, поздравлений и пожеланий. Поздравили «ВК» и «ВМ», а «МК» молчит. Устроили с Ще праздник для глаз. В инженерном корпусе Третьяковки побывали на выставки «Амазонки авангарда» — Александра Эстер, Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова и Надежда Удальцова. Вечером приезжал Эдик — наш родственник, друг и спонсор. Привез магнитный альбом для фотографий. Под курицу пили молдавский коньяк «Белый аист». На столе красовался роскошный букет из пяти темно-красных роз…

7 марта — 3-го в Антикварном салоне встретился с Ириной Долинской и получил аванс за грядущий «Серебряный век» — 750 долларов как гарантию «серьезности наших намерений». Установил для себя срок: в сентябре-октябре сдать 600 страниц. И 3 марта приступил к будущей книге.

Пошел по алфавиту: Амфитеатров, Арцыбашев, Аверченко и Леонид Андреев… Знаменитое письмо Аркадия Аверченко к вождю:

«Брат мой Ленин! Зачем вам это? Ведь все равно все идет вкривь и вкось и все недовольны… Да черт с ним, с этим социализмом… Сбросьте с себя все эти скучные, сухие обязанности… сделайтесь таким же свободным, вольным человеком, такой же беззаботной птицей, как я… Будем вместе гулять по теплым улицам, разглядывать свежие женские личики… есть шашлыки в кавказских погребках и читать великого мудрого Диккенса…»

Из рассказа Леонида Андреева «Так было» (1906):

— Нужно убить власть, — сказал первый.

— Нужно убить рабов. Власти нет — есть только рабство.

5-го — Звенигород. Жуткий снегопад. Машина ползла почти что вслепую. Выступил, в основном читал стихи по своей книжечке-антологии, в частности, Шандора Петефи: «Моя любовь — не соловьиный скит…» В «Вечорке» вышла Роза Люксембург, «Красная Роза». И 7-го поездка на канал ТНТ. В эфире с Наташей Болтянской и Львом Гулько. Оба ведущих пытали меня как «амуроведа» на

всякие любовные истории поэтов и писателей.

10 марта — для «Алефа» печатал про знаменитых евреев: Маркс, Фрейд, первый чемпион мира по шахматам Стейниц, Киссинджер, Арманд, Хаммер… Отбившись от евреев, принялся за Анну Ахматову для Серебряного века.

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда…»

Дополнение спустя годы: послу революции многие поэты и писатели Серебряного века покинули Россию, и об этом я написал в книге «Отечество, дым, эмиграция» (2016) и продолжил тему в книгах «И плеск чужой воды» (2017) и «Огни эмиграции» (2018). А вот Анна Андреевна Ахматова осталась. Не захотела отделить себя от своего народа и выпила чашу горечи до дна.

Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был…

Можно процитировать многие места из трехтомника об эмиграции, но сдерживаю себя. Желающие глубины темы могут сами нырнуть в

обозначенный выше трехтомник. А в этой книге возвращаемся в 2001 год (5 июня 2019).

16 марта — мечусь между тремя книгами, между двумя рукописями и одной версткой. Сотрудница музея Гольденвейзера мучает звонками с настойчивыми просьбами написать об Александре Гольденвейзере, выдающемся пианисте: «У вас это должно хорошо получиться». Не уверен… А тут в квартире произошла протечка, и Ще предпринимает героические усилия ее ликвидировать. В «Дарьял» пришлось ехать за гонораром, а 15-го поехал на весеннюю книжную ярмарку (ВВЦ-ВДНХ). Стенд Е-21, «Радуга», пять моих книг и макет еще неизданной — «Ангел над бездной», который вызвал повышенный интерес. Подписал 20 книг. Знаменитый журналист Рубинов сообщил, что читает «Коктейль» с восторгом. Оптовик из Челябинска сказал, что мои книги хорошо продаются в городе. И весь поход на ярмарку прошел под знаком больной ноги (обязательно что-то приключается).

25 марта — заброшен дневник: некогда записывать, и вообще я в ужасе, как все успевать сделать, свалившееся на меня. С канала «Культуры» позвонили с предложением выступить в престижной программе «Блеф-клуб» и подби-

рали мне в компаньоны (Городницкий, Быков, Максакова), а остановились на Ольге Кучкиной и Ларисе Кривцовой. В субботу 17-го ездили в Пушкино на 68-летие Аркадия Болдинского.

Помимо подарков, написал ему стихи с концовкой: «И лучше Ялт и всех Ливадий / Наш дорогой дружок Аркадий!».

На следующий день, в воскресенье, было жгучее желание: лежать и ничего не делать. Чего захотел?! А на рынок за продуктами? А Серебряный век? Надо, Федя, надо!..

20-го Ще блистательно выступила в Политехническом музее на чествовании «Москвички». Я тихо завидовал. Конечно, мы не соревнуемся, но все же. И через два дня я взял реванш в салоне-магазине «Аккорд», где в одноименном журнале напечатан Феликс Мендельсон. Презентация журнала и маленький концерт.

30 марта — и «Радуга», и я ждем сигнала «Ангела над бездной», он где-то парит в типографских высях. Жду не пассивно, а за машинкой, и для Серебряного века смастерил миниатюру об Иване Алексеевиче Бунине. Коротко, эмоционально на семь страничек, художественно, стараясь не подвести лучшего русского стилиста… После Бунина — Бальмонт…

25-го приезжал в гости Витя Черняк, давно не виделись. Поговорили часа три, в основном о книгах, о литературе, о возможностях эмигрировать. Витя настроен, я — колеблюсь. Тут я востребован по макушку, а там?.. Кому нужен русский писатель?

25-го съемки «Блеф-клуба» на Старом Арбате, в Доме актера. Программа-розыгрыш: «веришь — не веришь». Я рассказал историю о встрече с Софи Лорен и показал фотоколлаж с итальянской звездой. Кривцова и Кучкина мне не поверили, но в итоге в нашей троице я занял третье место. И куча подарков: «сундучок» с конфетами от «Красного Октября», корзину с какой-то косметикой (Ще от нее урчала) и еще оригинальная зажигалка с горящим сердцем, — как дамскому писателю?.. Обратно до дома меня на своем джипе довезла Кривцова. Я до джипа еще не дорос, да никогда и не мечтал о собственном авто. Не технарь. Вылитый гуманитарий…

5 апреля — шахматный обозреватель Евгений Гик прочитал «5-й пункт» и удостоил меня приглашением в казино гостиницы «Космос» на шахматный турнир по поддавкам. А там тусовка знаменитостей: Дина Рубина, Боровой, Говорухин, экономист Александр Лифшиц (прославился

фразой: «Делиться надо!..»), политик Юшенков, артисты Белявский и Высоковский и т. д. По жеребьевке я вытащил 4-й номер и получил в соперники «магистра белой практической магии» Юрия Лонго. Не имея навыков игры в поддавки, я ему проиграл. Но Лонго чего-то во мне узрел и определил: «Какая энергетика!» Еще забава: десять фишек по пять долларов и игра в очко — в карты. Выиграл три фишки (30 долларов) и обменял на рубли: 850 ре и немного загордился: играл в казино!.. Еще был грандиозный фуршет. Я на такой тусовке был впервые, а многие персоны из них не вылезают. Встречи, дела, делишки, ты — мне, я — тебе и т. д. Как говорит Володя Вишневский (он там тоже был): «Ручная работа» Да, но в ней я не мастак. Я только пахарь. Крестьянин-одиночка…

Казино «Космос» было 1 апреля, а 2-го последовал звонок опроса из «Вечорки», как вы относитесь к аресту Милошевича? Я ответил, и вечером в газете был уже мой ответ: положительно. Диктаторы и тираны должны отвечать за свои злодеяния перед народом. И вечером наезд на канал НТВ. Журналисты кипели: «Страна становится территорией, свободной от правды».

4 апреля в «Радуге» Зимина вручила мне «Ан-

гела над бездной» — мою 11-ю по счету книгу. Стильная обложка с ликами героев книги: Наполеон Бонапарт, великий князь Михаил Романов, Чарли Чаплин, Грета Гарбо, Коко Шанель, Лиля Брик… На обложку не попали Марлен Дитрих, Ольга Чехова, писатели Вольтер, маркиз де Сад, поэты Северянин, Маяковский, Есенин, а последним в книге представлен «Люцифер революции» — Лев Троцкий. Такой вот наборчик: кумиры моды, кино, литературы и политики. Гарнитура Петербург, тираж пять тысяч экземпляров, 463 страницы.

Книга издана, а от следующей только искры летят. В раже щелкаю серебристов: Вербицкая, Максимилиан Волошин, Аким Волынский, Гиляровский… И все последующие дни — имена в серебристой оправе…

9 апреля появилась перспектива: через 40 дней — тур «Калейдоскоп Испании». И сразу прибавки к силам… 6-го обмывали «Ангела» в «Радуге». Получил десять авторских и выставил три бутылки шампанского. В воскресенье 8-го напечатал Николая Гумилева, улучшенный вариант по сравнению с ранее опубликованным.

15 апреля — согласно исследованиям английских ученых, жизнь человеческая делится на

десять периодов. Я сейчас на 8-м (62–71 год). Это: «забота о здоровье, вслед за ним следует «ничего не случилось» и родственные отношения. Интерес к работе и образованию исчезает из списка главных приоритетов»…

Я — как исключение, ибо на первом месте у меня работа и сохраняющийся интерес к образованию, точнее, к самообразованию…

22 апреля — с подачи Володи Вишневского приходила воронежская поэтесса Лилия Гущина, она собирает материалы для нового журнала «Семь сорок». Название по залихватской одесской песенке, а сама пишет иные стихи, подарила свой сборник «Еще минутку, господин палач», с примесью куртуазности:

О филигранный флирт, о флёр!
О Франце Кафке разговор…

Ну, а я весь в Серебряном веке. Миниатюра о Евгении Замятине, потом Николай Клюев:

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть небо в алмазах…

Клюев неба в алмазах не дождался: в 1937-м сгинул в Томске, в заключении по нелепому обвинению. После Клюева — Вячеслав Иванов, Георгий Иванов и ежедневные походы в поликлинику: какие-то нарывы, уколы, повязки. Я, как боец: медсестра перевязала рану, и я снова на фронт. Долг перед литературой прежде всего!..

19-го презентация книг на Новом Арбате (кто круче: «Арбат» или «Библио-Глобус»?). Подписал около 30 книг. Одна покупательница сказала, что повезет «Ангела над бездной» в Лос-Анджелес. Брали автографы, фотографировали. Неожиданно возник Игорь Фесуненко. Купил «Ангела» и шутливо ворчал: «Завалил своими книгами всю Москву...»

Побывал в престижном издательстве «Вагриус», главный редактор Костанян заявил: «Я давно вас знаю, люблю, пора оформить наши отношения в книгу...» «Вагриус» хочет издать «Сад любви».

29 апреля — Пашкову дому грант на книгу «Россия, XX век» не дали, судорожно ищут деньги. Делаю Серебряный век и просматриваю рукопись «Сада любви». И как не повторить вздох Исаака Бабеля: «главная беда моей жизни — отвратительная работоспособность». Ну, и дополнение

к книгам: «Календарь страсти» на июнь для «Вечерней Москвы», «Персоны июля» — для журнала «Алеф». Презентация книг в магазине «Молодая гвардия». Крутеж-вертеж…

27-го напечатал Мирру Лохвицкую, это 32-я персона Серебряного века, уже набралось 190 страниц. Дело идет!.. В еженедельнике «Новое время» был представлен на развороте в рубрике «Лица», там — писатель Филипп Рот, дочь Юрия Гагарина — Елена, посол США Вершбоу… Представление о Ю. Б. заканчивается так: «Он превращает сухие факты в занимательное чтиво, находя в этом удовольствие и видя в этом свою миссию: «вспомнить забытые имена и рассказать неизвестное об известном».

Значит, кто-то ценит…

1 мая — Хороший теплый и зеленый день. В прессе натолкнулся на строки некоего Смоляра: «А что, по-вашему, я — рыжий? / И я хочу гулять в Париже». У меня в голове что-то щелкнуло, и я написал свои «хотелки» (кажется, словечко Черномырдина) с испанским уклоном:

И крохи оторвав от пенсии,
Тихонько топал бы в Валенсии.
А будь покруче, будь я босом,

Слонялся только в Сарагосе.
И холя собственное «эго»,
Гулял бы гордо по Овьедо.
И поражал бы всех своим талантом
В чужом до боли Аликантре…

Такие вот шуточки. Приколы, побасенки. До Испании осталось 18 дней. Любимое словечко в Испании «маньяна»: до завтра! Так «маньяна» летит.

8 мая — 3-го сидел дома и придумывал новую вариацию Маяковского, избегая повторов, для Серебряного века. 8,5 страницы. Сочинил и за Мережковского…

11 мая — снова военный парад с милитаристским угаром. Как написал Радышевский в «Московских новостях»: «В России опять входит в моду необольшевистская ментальность, не требующая ни любви, ни ума, ни терпения, только угрюм-бурчеевская непреклонность и пламенный порыв. «Мочить католиков, протестантов и прочих сепаратистов»». Да, противно все это. Но что делать? «Времена не выбирают…»

Рецензий на «5-й пункт, или Коктейль “Россия”» нет. Критики обходят мимо, а читатели читают и кайфуют. Тут позвонил хороший человек, мой

поклонник Соломон Ефимович Кипнис («Наука и жизнь»). Удивился моей работоспособности: «Неужели это все вы? Может быть, на вас работают мальчики и девочки, как на Александра Дюма?»

10 мая отправился на весенний бал в «Геликон-оперу». Блестящий концерт, фуршет, мимолетное общение с гостями: Никита Богословский, Николай Цискаридзе, Анатолий Приставкин, Светлана Сорокина (она в дауне после разгрома НТВ), министр культуры Наталья Дементьева: «Вас знаю, читаю…» Какая-то женщина посетовала, что я не продолжаю свою серию о поэтах и их музах…

16 мая — сюрприз от погоды: похолодание. Холодрыга. Умер в больнице Володя Соловьев, из динамовского пресс-центра. Инженер, влюбленный в футбол. Лихие 90-е лишили его работы, и он пребывал в стрессе. Жутко похудел и продавал старые футбольные программки (я ему передал свою коллекцию) перед матчем, на ступеньках около метро. Жалкое зрелище. И таких, как Володя, было немало среди моих знакомых. Он моложе меня — с 1937-го, что остается сказать? Глубоко вздохнув: о, эта жизнь!.. И тут же услужливая память подсказывает строки Игоря Северянина:

Что значит жить? Для вас — не знаю…

Жить для меня — вдыхать сирень,
В крещенский день стремится к маю,
Благословляя новый день!..

Но и у Игоря Васильевича Лотарева-Северянина сломалась жизнь: революция и эмиграция поставили крест на его громкозвучной поэтической славе. Северянин жил в прибалтийском забвенье и в нищете, как поэт писал в одном из писем: «…нужда, вопиющая, ужасающая… Сидим буквально на одном картофеле и хлебе с чаем…». Северянин писал одной из своих поклонниц: «…Я как ребенок! Неужели Вы не чувствуете, не видите этого? Так что же Вам стоит, доброй и мудрой, побаловать ребенка…»

И почти крик к читающей публике: «Не сумели ценить и беречь своего соловья…» Это о знаменитом русском поэте, так что же тогда говорить о рядовом советском инженере…

Не рою. Не пашу. Не режу.
А вольной птахой щелк да щелк…

Снова Игорь Северянин. А кому нужен этот «щелк да щелк»? Единицам? Рафинированным эстетам? Вопрос без ответа… А я в некотором роде тоже щелк да щелк и дощелкался до буквы «Т»:

15 мая добил Алексея Николаевича Толстого, аж десять страниц. И тут уже совсем другая судьба. Алексей Толстой не ждал милостей от судьбы, он брал судьбу за горло и делал свою жизнь удивительно сытной, комфортной и даже роскошной. «Красный граф» был большим мастером жизни и литературных текстов.

Испания. 19–26 мая 2001 года

Тур «Испанский калейдоскоп», 8 дней / 7 ночей. Барселона, Жерона-Фишейрос-Мадрид-Толедо-Валенсия-Барселона.

Испания. Европа на краю земли. В XVI веке Сервантес утверждал: «Одинокая и несчастная страна», в XX веке Мачадо: «Мы сохраняем, соблюдаем верность традициям, наше место в хвостовом вагоне». После посещения Испании скажу: вполне благополучная, с обычными европейскими проблемами страна, и отнюдь не в хвостовом вагоне. Это мы, одинокие и замкнутые в оборонительной крепости, страна и не в вагоне, а на телеге и по ухабам в мечтах о быстрой птице-тройке…

А теперь хроника поездки.

День 1-й, суббота, 19 мая:

Встали в 4.20 — «не спится, няня…». В Шереметьево встретил Валеру Винокурова, который восторгался в ФиСе «От Рюрика до Ельцина». Он летел в Милан на матч, а мы с Ще — в Барселону. Такие вот несоветские времена!..

Взлет в 9.31, посадка в 14.45 по московскому

времени. Вышли в зал, никто группу не встречает, потом появился некто и объяснил: ждем другой самолет, и тогда обе группы поведут в автобус. Веселая накладка. Автобус двинулся в Барселону лишь в 18.10. Легко представить, как кипели обманутые туристы.

Приехали в Барселону, и нам говорят: пока гуляйте. Пошли в порт, потом в город. Жара. От моря веет прохладой. Потом вышли на замечательный бульвар Рамблас, праздничный, мимы, цветы. Гудящая, веселящаяся толпа — праздник жизни.

Собрав всю группу, а это около 50 человек, включая русских американцев из Нью-Йорка, Чикаго и других городов, везут ко дворцу Альбенис и предлагают восторгаться каскадом фонтанов. Прекрасно! Но почему-то хочется скорее в отель. Однако гид не торопится и всех везут в гору Монжуик, откуда открывается изумительный вид на Барселону и порт. И опять почему-то из памяти всплывает танго «Барселона» в исполнении Петра Лещенко:

В Испании родной,
Когда утихнет зной,
Я жду свиданья, ангел мой.
Ночь наступает, все засыпает,

Выйди, побудь со мной…

Возвращаемся вниз на площадь Порталь де ла Пау со статуей Колумба и едем в город, где расположена отведенная нам гостиница. Приезжаем. Смотрю на московское время: 00.05. Оль-ля-ля! И сразу ужин, «буфет либре», короче, шведский стол. Группа шарашила все. Мы с Ще ограничились салатом, ломтиком ананаса и кусочком арбуза, — в это время мы кушаем, а не привычно не спим…

20 мая — проснулись в номере отеля по-московски в 7.30. Пошли на завтрак, снова почти все из нашей группы, как коршуны, бросаются на еду, а на столах разнообразная вкуснятина. Поели, и в автобус в Жирону и Фигейрос. Водитель постоянный по имени Рамон (слава Богу, не Меркадер), русскоговорящий гид сеньор Паскуаль, с которым мы сразу нашли общий язык и обменялись книжными подарками: я ему «Улыбку Джоконды» (а там Сальвадор Дали), он мне — альбом про Дали.

Первая остановка — Жирона, 70 тысяч населения, 245 километров от Барселоны. Город разрезает река Оньяр, поселение возникло в V веке до н. э. Кафедральный собор строили 400 лет, с 1312 года. 90 ступеней к собору. Налюбовавшись собором, идем по так называемому археологиче-

скому бульвару, кипарисы, различная хвоя, очень красиво, поют птицы, райское местечко. На сей момент — аква минераль, на память — открытки. Обратно ехали вдоль красивых холмов, за которыми Пиренеи. Все кругом ухожено, окультурено, ни одного окурка…

Следующая остановка — Фигерос (или Фигейрос), совсем крохотный — 30 тысяч жителей. Тут расположен музей-театр Сальвадора Дали, который притягивает туристов со всего мира. Храм дадаизма. Об этом уникальном музее написано много и поэтому не повторяюсь. Особенно впечатлил внутренний дворик, а в центре огромный кадиллак, из которого возвышается скульптура огромной бабищи с задом и бюстом суперразмеров. И не умолкает музыка, торжественная, всепобеждающая, из опер Рихарда Вагнера. В дворике тебя обступает и обволакивает подлинный сюр. Сюр-сюр! Только не сгуби!..

Перекус: пицца и пепси со льдом. И обратно в отель. Все длилось 11 часов (9.15–20.15). Погуляли около гостиницы и в номер, страшась второй испанской ночи со страшными видениями почти безумного Сальвадора Дали. В своей книге «Улыбка Джоконды» (1999) я привел множество оригинальных высказываний художника, вот

только некоторые для аромата:

«Я пишу картины, потому что не понимаю того, что пишу».

«Меня совершенно не трогает, что пишут критики. Я-то знаю, что в глубине души они любят мои работы, но признаться боятся.

Музей — вот цитадель кретинизации. Посетители мечутся, картины висят, таблички перепутаны, искусствоведы что-то исследуют, психоаналитики выясняют, когда я был на пределе помешательства, а когда за гранью… Обворожительное зрелище!..»

«Живопись — это рукотворная цветная фотография, тайны, странности, утонченность и обостренность всех ощущений…»

21 мая — завтрак: бокал сока, вкусное яичко, бутерброды с ветчиной и сыром, круассан, кусочек тортика, персик, мороженое и кофе, — все в нормальных дозах, но все равно — дома мы так не завтракаем.

После заправки поехали более основательно знакомиться с Барселоной. Барселона — древний город, и не раз подвергался захватам: и финикийцы, и карфагеняне. А название свое город получил от Ганнибала, который назвал город в честь своего отца — Барсино. Ныне Барселона —

столица Каталонии, которая долгое время играла роль посредника между Испанией и Европой. Но не будем углубляться в историю. Мопассан говорил: ближе к телу, я — ближе к поездке.

От Морского проспекта устремились к шедевру Антонио Гауди, к храму Святого семейства (Саграда Фамилия) — архитектурному шедевру. Его начали строить в 1882 году, а в 1891-м был назначен главным строителем Гауди. Он сотворил нечто фантастическое и даже химерическое и ребяческое одновременно, вне всяких устоявшихся архитектурных традиций и стилей. Про храм говорят — это Гауди. Творец говорил: «В природе нет прямых линий», «природа не бывает одноцветной». Отсюда удивительная ломаность линий и поражающее разноцветие. Увы, Антонио Гауди был сбит трамваем 7 июня 1926 года, и собор достраивают — и по сей день! — другие архитекторы и строители, сохраняя и оберегая стиль гения. Часть храма в лесах и полной картины нет.

От Саграды Фамилия поехали еще к одному творению Гауди — в парк Гуэль. История такова: в 1900 году граф Гуэль передал в дар городу 15 гектаров земли, чтобы их застроил по своему усмотрению именно Гауди. И он соорудил нечто

волшебное и восхитительное — гению не мешали и не подсказали, как надо. Как надо, он знал сам. В результате возник причудливый дом Батльо, монументальная скамья и множество скамеек. Гроты. Ступени. Все извивается и притягивает. Буйство линий, форм, красок. Единственно плохо, что дали мало времени поразгуляться и понаслаждаться в парке Гуэль. Ничего подобного у нас нет и не может быть в принципе. У нас гнет традиций. У нас цензура, идеология и особый путь…

Даже за один день много увидели: и готический квартал, и всякие модернистские и сюрреалистические здания, и знаменитый Дом со шпилями (еще его называют Дом Серра), и удивительную скульптуру «Женщина и птица» Хуана Миро на площади Эскуршадор, и андалузский стиль на улице Аркос, и волшебный фонтан у Национального дворца, и т. д. и т. п.

Еще раз на бульвар Рамблас. Капучино при народе-хороводе, и всё — завод кончился. Кто-то поехал на преставление фламенко, но у нас с Ще силы иссякли, и где-то около десяти вечера мы уже ужинали и отдыхали в отеле.

22 мая — на 4-й день испанского тура отправились из Барселоны в Мадрид. Некороткая дорога — 600 километров. Виды симпатичные, то и дело

приходилось вертеть головой — направо, налево. Мимо горы Монсеррат и далее. Гид Галина рассказывала об истории Испании, о захватчиках, о реконкисте, об инквизиции.

В 14.10 выходим из автобуса. Два часа на Сарагосу, провинция Арагон. Характер арагонцев отразил Франсиско Гойя.

Свобода, что не встанет на колени
И, если может с честью умереть, —
Оканчивает жизнь без сожалений.

Строки какого-то арагонского поэта. Города не видели, ибо покрутились лишь на прямоугольной площади с главным кафедралем и двумя фонтанами. Да, еще памятник Гойе и сидящие махи.

К вечеру доехали до Мадрида. Мадрид — столица Испании, а нас селят в отеле «Италия» на одной из главных торговых улиц — Гран Виа, номер 202, со старинным бюро, кроватями и зеркалом. Если открыть ставни, то врывается шум города, закрыть тихо и благочинно. Ужин с официантом. Овощной супчик, кусочек нежной свинины с горошком и грибочками, красное — тинто вино и на десерт — клубника со сливками. Взбодрившись, вышли в поздневечерний Мадрид. Необычные

здания, оригинальная архитектура, небоскреб «Телефоника», «Метрополис» — все удивительно для рядового обывателя из России, который знает лишь то, что в Испании была диктатура Франко, велась гражданская война, в которой мы активно участвовали, и дети, вывезенные из страны к нам, в СССР, с повзрослевшими из них я бок о бок работал на радио, на Иновещании…

23 мая, 5-й день. Скудный континентальный завтрак в отеле. В 11 часов отправились в Толедо (70 километров от Мадрида). Толедо — бывшая столица Испании. В XVI веке возникло движение «комунерос» за права города, его возглавлял Хан де Падилья, а после его гибели во главе инсургентов встала его жена Мария Пачеко. У каждого народа есть свои герои…

Когда автобус подъехал к Толедо, гид Луис попросил всех закрыть глаза и открыть на счет три: уно, дос, трас!.. А когда мы открыли глаза, то возник удивительно красивый средневековый город. Как отмечал Петр Вайль: «Толедо всегда на пределе, на острие, живая гипербола и гротеск. Как Эль Греко». Сталь, шелк, керамика. Марципаны и перепелки. Лучшие женщины, мечи и айва. Айвы не видел. Особо красавиц не заметил. Но шпаг и рапир множество на фабрике, куда нас

сразу завезли. И все бросились что-то покупать. Мы тоже не удержались и купили маленькие настольные часы из керамики.

С сувенирами, а то и со шпагами, поднялись по механической лестнице (шесть эскалаторов!) и сверху увидели панораму города, узкого, готического, тянущегося вверх.

Кафедральный собор в Толедо не уступает по величине соборам Милана и Севильи, а по роскоши и торжественности убранства превосходит все остальные соборы Европы. На фасаде собора три части: Портал Башни или Ада, Портал Прощения и Портал Страшного суда. В ризнице выставлены картины Гойи, Веласкеса, Эль Греко. У входа в хор статуя так называемой Белой Мадонны. Еще гробницы. Огромные окна. Одно из них Транспаренте (прозрачное). Много роскоши и страдания. Когда покинули кафедрал, то в церкви Сантос-Томе увидели священную для Испании картину Эль Греко «Погребение графа Саргаса».

Мельком дворцовое сооружение Алькасар, площадь Пласа дель Аюнтамьеното. И не хватило времени на храмы и музеи, которых в Толедо немало.

В 17 часов мы были уже в Мадриде. Проехали по всем главным площадям Мадрида, который

когда-то был захолустьем Мадрисе — арабизированным Маджиритом. А ныне, как считает Вайль, соперник Парижа, Рима и Лондона. Современные изысканные постройки с роскошными площадями, к примеру, Поэрто дель Соль, на котором находится бывший королевский почтамт, главные часы города и памятник — геральдический медвежонок «Мадроньо», стоящий у земляничного дерева.

Магистраль Калье де Алкала — громадные здания, пышные формы, модерн и удачно выраженная эклектика… Площадь Сибелес с фонтаном… Площадь Кановас дель Кастильо и Пасео дель Прадо… Площадь Кортесов, Независимости, Колумба, четырехугольная Пласа Майор… Королевский дворец… Площадь Испании с Мадридской башней, которую мадридцы насмешливо называют Жирафой. Громадный памятник Сервантесу с фигурами Дон Кихота и Санчо Пансы в обрамлении фонтанов… Короче, все почти восхитительно. Но лучше, конечно, не бегать с группой, а индивидуально бродить самим, что мы делали в Париже…

Вечером в номере смотрели по ТВ финал Кубка европейских чемпионов из Милана, где «Бавария» по пенальти победила «Валенсию». Вратарь испанцев рыдал, а когда его наградили сереб-

ряной медалью, то швырнул ее болельщикам. Эспаньол. Темпераментно!..

24 мая. Музей Прадо. Приехали к открытию. Прадо — один из самых грандиозных музеев мира — более пять тысяч шедевров живописи и скульптур. Обширнейший Гойя. Знаменитые две махи — обнаженная и одетая. Странно, но никаких эротических чувств не вызывает. Скорее потрясает судьба художника.

Франсиско Хосе де Гойя приехал в 17 лет из Арагона в Мадрид. Он мечтал стать художником, но дважды был решительно отвергнут Академией живописи. Уехал учиться в Рим и вернулся в Мадрид уже мастером и получил официальный титул королевского художника. Получил возможность писать портреты членов королевской семьи и царедворцев. К 50 годам потерял слух, и это повернуло художника к живописному пессимизму. А тут еще разрушительная страсть к герцогине Альба. Плюс война за независимость. Гойя создает серию офортов «Бедствия войны», затем серию гравюр «Диспаратес» («Глупости», «Странности») и уже не может вернуться к светлому восприятию мира, в его картинах появляются деформированные, почти карикатурные персонажи. Все это привело к так

называемой «внутренней эмиграции», и он поселился в провинции, в сельском доме, который прозвали «Домом старика». Именно в этот период Гойя создал серию картин «черной живописи»: ведьмы, монстры, странные человекообразные существа. Под «черную живопись» Гойи в музее Прадо выделен специальный зал.

Опасаясь преследования властей, Франсиско Гойя в 1823-м переехал во Францию со своей верной подругой Леокадией, где и скончался в 1828-м.

Интересно, как картины Гойи отозвались, спустя более двух веков, в творчестве молодого Андрея Вознесенского, написавшего в сборнике «Парабола» стихотворение «Гойя» (1957):

Я — Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворон,
Слетая на поле нагое.
Я — Горе.

И концовка:

И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —
Как гвозди.
Я — Гойя.

Но не одним Гойей удивляет и потрясает музей Прадо. А Диего Веласкес — живописец правды. Знаменитые «Менины» (фрейлины), всякие инфанты, особенно инфанта Маргарита в красном… Отменно хороши и другие живописцы Испании: Хосе де Рибера, Франсиско Рибальта, Алонсо Кано, Мурильо, Вальдес Леаль… И, конечно, Эль Греко, грек с острова Крита.

Богатейшая коллекция фламандцев. Рогир ван дер Вейден — «Снятие с креста», картины Босха — «Искушение св. Антония», «Воз сена», «Сад наслаждений». Ханс Мемлинг — «Поклонение волхвов». Брейгель-старший — «Триумф смерти», глядя на который, содрогнешься…

В Прадо много Рубенса. Ще выразила бытовое удивление: «Я когда увидела эту задницу, поняла, что это — Рубенса». Есть в музее и образцы немецкой живописи: Дюрер, Кранах, Менге. Французской — Пуссен, Лорен, Ватто. Перечислять можно долго, и как не упомянуть Яна Брейгеля Бархатного — картины с двумя сидящими женщинами, с малышом и цветами. Гимн жизни… Еще Ван Дейк, Ван Эйк, Фра Анджелико, Рафаэль, как бы, между прочим. Тинторетто, Бассано, Тициан — великие итальянцы… Шедевр на шедевре и шедевром погоняет. А в целом — утомительный

пир для глаз.

Больше двух часов выдержать невозможно.

Из Прадо в парк Ретиро. Буэн Ретиро (можно перевести как «отдохновение», «благое уединение»). Парк огромный, более 40 гектаров. Некогда дворцово-парковая резиденция испанских Габсбургов. Стояла жара, и мы перебегали от тени к тени, от павильона к павильону. Когда-то при короле Филиппе IV здесь устраивались грандиозные пиры и оргии. Сегодня все тихо и благопристойно, в основном гуляющие туристы. Увы, монумент под названием «Падший ангел» не нашли (единственный монумент, посвященный дьяволу), но зато вышли к озерцу, в кафе, где взяли два бутерброда, по бокалу пива и коку со льдом. Сидели и отдыхали в благодати: голубое небо, солнце, мы в тени деревьев, поют райские птицы, льется тихая музыка, в основном гитарные переборы какого-нибудь Альбениса. Без групп, без «русо туристо». Без спешки. Без глупых разговоров, кто что купил. Одни. В тишине. Лишь полицейский вертолет иногда барражировал в небе, но в Ретиро все было тихо…

Обедали недалеко от своей Гран виа, в ресторане, из незнания языка попали на вегетарианский расклад блюд, заказали наобум, и было

вкусно. Затем в книжный и прочие магазины, все дорого — от книг до галстуков. В отель на отдых, а вечеру снова выход. В кафе кофе с пирожным, после толкались на торговой улице.

Как говорил Хемингуэй: «Мадрид, в сущности, странный город. Я уверен, что с первого раза он никому не может понравиться… Но когда вы узнаете его поближе, вы почувствуете, что это самый испанский город в Испании, что жить в нем очень приятно, что мадридцы — чудесный народ».

Да, Мадрид — испанский город, Барселона — европейский… Вышли на «Ворота солнца» — Пуэрта дель Соль — и пошли куда-то вперед и чуть не опоздали на ужин. А что дальше?

«Вообще-то спать по ночам считается чудачеством в Мадриде, — утверждал папа Хэм. — Мадридец ни за что не ляжет спать, пока так или иначе не убьет время до утра… в квартале Уэртас их «тысяча и один бар», где мадридцы устраивают себе «марча» — нечто среднее между гуляньем, весельем и кутежом. Громко говорят, шумят, спорят, жестикулируют. Так и хочется крикнуть в ответ: «пор фавор», пожалуйста, потише!..».

Нет, в бар мы не пошли. Не тот возраст, не тот доход, да и вообще здесь, в Мадриде, мы чужие.

Увы и ах…

25 мая. Валенсия. Утром погрузка в автобус и в путь — до Валенсии 350 километров.

Валенсия, край вечного цветения
И красок и лучей.

Край знаменитого танца пасодобля и вечной праздничности. А апельсины, игрушки, туфли…

— А разве вы больше не убиваете еретиков?

— Нет, сеньор, теперь мы экспортируем цитрусовые…

По дороге в Валенсию в автобусе шли разговоры о корриде: кто-то побывал на арене на представлении и задает вопросы гиду, как и что? Гид отвечает, что коррида длится 20 минут, но для того, чтобы выйти сражаться, быков выгуливают на пастбищах 5 лет и весят они полтонны. Нагулявшись, быки идут в бой, тем более что их раздражают тореро. Вопрос в автобусе: «А тореро знаком с быком?» В автобусе хохот: да, они познакомились где-то в баре…

Перекус в дорожном кафе, и въезжаем в Валенсию, температура +30. Валенсия — миллион жителей, третий город Испании. Основан римлянами до н. э. и отстроенный затем арабами. Знакомство с городом начинается со знаменито-

го валенсианского рынка (один час на осмотр и закупки). Рынок красивый и изобильный. Мы с Ще покупаем немного лакомства из миндаля (у нас ничего подобного нет), немного сыра и банку вкуснейшего кофе (что определилось в Москве) за 850 песет, это где-то около 5 долларов. Далее в отель и сходу обзорная экскурсия. Не Барселона с вычурами и супермодерном Гауди, но тоже интересно и импозантно.

Гостиница «Венеция» рядом с плазой Аунтаменто, в центре — фонтан. 501-й номер, худший из всех, в которых мы побывали. Окна выходят на каменный мешок, духотища. Но смирились: всего лишь одна ночь…

К вечеру снова экскурсия, Дворец Дос Агуас — позднее барокко, собор, базилика, торговая улица, море сувениров, в основном из керамики. Возвращаемся, лежим в гостинице, настигает волна усталости и раздражения. Поздневечерний променад и тревожный сон.

26 мая — отъезд из Валенсии в сторону Барселоны. В 12.30 перекус в кафе. И едем дальше, дорога прекрасная (это же не Россия), и где-то чувствуется, как плещется Средиземное море…

Аэропорт. Российский ИЛ-86 взлетел с испанской земли в 15.44. Как говорится, точность

— вежливость королей. Неудачно повернулся в кресле, и прихватило левый бок, еле дошел до туалета и подумал, какая нелепость умереть в самолете. Но пронесло…

Шереметьево, 19.55. Спустились по трапу. Облака, накрапывает дождь, +8. Мрачно, грозно, неуютно, таксисты беззастенчиво заламывают цены. Садимся на рейсовый автобус и бесплатно доезжаем до Речного вокзала.

Испания, адьёс! — так, кажется, по-испански (ну, все забыл!) звучит «Прощай!». В 21.45 мы дома. По сравнению с крохотным номером в Валенсии, дома — трехкомнатный простор. Почему-то Пушкин мечтал об Испании и даже учил язык. Ну, конечно, Инезилья и Гвадалквивир, хоть признавался Катенину, что «по-гишпански не знаю». Юный Лермонтов писал об Испании, «где зреет персик и лимон на берегу Гвадалквивира». Мечтатели-романтики…

28 мая — солидарен с мудрым Монтенем, который сказал: «Я не нахожу мой родной воздух самым живительным на всем свете». И Россия не вызывает во мне восторг; впрочем, как и Испания в целом. Я сознательно отказался пойти на корриду, на национальное развлечение. У нас, в России, своя коррида, правда, без быков, а между

разными социальными группами с громадным перевесом в пользу элиты, узкой прослойки богатеев, которых защищает буквально армия силовиков, полицейских и прочих мундиров («а вы, мундиры голубые…»). Расследования, наезды, аресты, суды, тюрьма, лагерь, — все в избытке, цветет и пахнет. Империя силы, а отнюдь не страна свободы. Либерти только во сне, как сладкий сон, извечная российская грёза…

31 мая — холодрыга перед летом. Контакты с «Жирафом» и искры надежд. Вайнер хочет возобновить «Академию любви». Продюсер «Блеф-клуба» предложил мне сделать программу об Аркадии Райкине, заманчиво, но не особо в это верю. Реально была презентация в «Библио-Глобусе» 29 мая. Несколько человек чуть ли не хором хвалили «Коктейль “Россия”». А кто-то спросил про снимок Ще в газете: «А это не ваша дочь печатается в “Москвичке”?»

Занимался испанским альбомом: 4 пленки, 70 снимков…

6 июня самочувствие вялое, такое ощущение, что начинаю разваливаться. Неужели старость настигает? Хотя это «неужели» неуместно: 69 лет и 3 месяца не хухры-мухры. И при бешеной нагрузке, которую сам себе устроил, — и чего

жаловаться?..

В «Вечорку» закинул Сальвадора Дали. 1 июня поход на Пятницкую, записал 4 программы для Москвы. Ошибался и был без куража. Потом запись у Горкина в «Голосе России» и еще интервью на «Маяке». А с Пятницкой в «Вагриус» на подписание «Сада любви», знакомство с редактором книги Леной Толкачевой. Красивая женщина, но сомнение, а какой редактор?..

2-го ходил один на рынок и заявление Ще: «Я так тебе благодарна. У меня теперь жизнь с горизонтом!» Ну, слава Богу: хоть одну женщину осчастливил… После рынка врубился в «Сад любви», а это рукопись под тысячу страниц!.. 4-го «Жираф» окончательно утвердил обложку: 99 имен Серебряного века. Снимал ксероксы портретов. На следующий день засел за Льва Толстого — 7 страниц густо спрессованного текста о гиганте мировой литературы, и сам ощущал себя маленьким гигантом… В «Вечорке» вышел Календарь страстей на июнь, в газете «Деловая книга» интервью: «Я — не писатель, я — просветитель».

13 июня начался ремонт: две женщины из Молдавии. Ще в нерве: «Ремонт я выдержу, но ремонт и тебя — никак нет». И пошли трудные ремонтные дни с запахом краски, с шуршанием

и стуками. Под ремонтир занимался Чеховым и Хлебниковым:

И никто не объяснит,
Отчего на склоне лет
Хочется еще бродить,
Верить, коченеть и петь.

А еще хочется поскорее, чтобы закончился ремонт и в квартире стало чисто… 10-го приступил к Марине Цветаевой. Сделал (осилил, сотворил) и бросился, аки лев, на Сашу Черного.

«Скучно жить на белом свете!» — это Гоголем открыто.

До него же Соломоном, а сейчас — хотя бы мной.

Саша Черный — это ирония, насмешка, сарказм и тихая грусть лирического аутсайдера:

О, если б в боковом кармане
Немного денег завелось, —
Давно б исчез в морском тумане
С российским знаменем «авось».

17 июня — буря под именем «ремонт» бушевала 4 дня и исчезла. Мы с Ще почти счастливы… Прощай, раскирдаж, все убрано и прибрано.

Порядок.

15-го получил смешные деньги за «Огненный век». Никчемный литературный труд, оплачиваемый хуже, чем какой-нибудь лотошницы. Может быть, пора завязать с книгами? Муторно. Трудно. Нерентабельно. Для контраста: в Думе была шикарная драка, и артистка Елена Драпеко орала во всю глотку: «Компридурки!..»

24 июня — 17-го вечер в Чеховском культурном центре. Лето, и в зале 30 человек. Но публика интеллигентная и интересующаяся. Все прошло на ура… Пришла в голову мысль написать книгу «Гибель принцесс». В «Вагриус» отвез рукопись «Сада любви»… С Ще быстренько потратили весь гонорар от «Огненного века», наиболее важная покупка — доска для глажки белья. В этом есть какой-то символ…

Да, забыл написать: звонила Людочка и рассказывала, как Боб ходил в русский магазин в Бруклине и видел там три мои книги, в том числе и «Коктейль». Долетел до Америки?..

1 июля — моя нынешняя пенсия равна 1.570 = 34 — это примерно сегодняшние по курсу 54 доллара. Не густо. Получил пенсию и продолжал долбить серебристов: Городецкий, Виктор Гофман, Зенкевич, строки последнего:

Все прошлое нам кажется лишь сном,
Все будущее — лишь мечтою дальней.
И только в настоящем мы живем
Мгновенной жизнью, полной и реальной.

После Зенкевича — Рюрик Ивнев, Василий Каменский, Короленко. Интересно, что каждый очередной материал кажется трудным, а следующий — еще труднее. Но делаю, а потом читаю и кажется, что все так легко…

Была у нас в гостях Люда Варламова и рассказывала о своих живописных успехах (тоже труженица). В какой-то момент я вышел из комнаты, и Люда мечтательно призналась Ще: вот бы мне такого, как Юра, легкого, знающего, остроумного, а все знакомые — увы, не то… На что Ще сказала: все думают, что он — тяжелый человек. Ще сознательно сгустила краски?..

4 июля — такое ощущение, что мчусь в поезде, а в окнах то и дело мелькают лики, силуэты поэтов и писателей Серебряного века: Кузьмина-Караваева, Сергей Маковский, Николай Минский… Только успевай их разглядывать и фиксировать мгновенное фото. А сегодня в ночь поездом еду в Воронеж с товароведом Ларисой представлять

«Радугу» в лучшем книжном магазине города. Я там когда-то был, сохранился клочок письма с датою — 7 марта 1965 года: «…Три ночи в доме колхозника под сокрушающий храп двух Добрыней Никитичей. А заем душой и телом в люксе… После долгой борьбы сдался директор настоящей гостиницы якобы товарищ Окулевич сдался московским журналистам…» Был я в этом Воронеже вместе с фотокором Сергеем Жарковым.

И вот второй наезд уже в другом качестве — писателя со своими книгами. Воронеж — город Алексея Кольцова, Никитина, Андрея Платонова, здесь в ссылке находился Осип Мандельштам. Но главное — в Воронеже родился мой любимый Иван Алексеевич Бунин, а в городе Боброве — почитаемый мною Сергей Муратов.

Поездка в Воронеж состоялась на фоне истерического крика коммунистической газеты «Правда России», что, де, «правительство Путина-Касьянова-Грефа начало планомерное и циничное наступление на социально-экономические права и свободы народа». Вопль коммунистов: «Дадим отпор этим зловещим замыслам!» Удивительное дело: впервые народ одели, обули, накормили, дали шанс посмотреть на Запад, свободно читать любые книги и т. д., проявить каждому, кто есть

кто, как эти зюгановы-харитоновы запричитали и зарычали. Им снова Ленина-Сталина возвращай, чтобы полились потоки крови. Мазохисты несчастные!

5 июля, ВОРОНЕЖ. Утром ночным поездом приехали в Воронеж. Нас с Ларисой встретили цветами, как артистов. Напоили-накормили и повели в книжный магазин с ласковым названием «Утюжок». Встреча с книжными руководителями и, как сказала директор Наталья Митрофанова, все боялись, что какой-то недоступный заносчивый писатель, а он оказался совсем другим и обаял своей «простотой и доступностью». Эдакая душка с юмором и улыбками…

Потом на такси повезли нам показывать город, памятник Бунину, набережная с Успенской церковью, женский монастырь, я из-за любопытства зашел внутрь и натолкнулся на табличку «Хода нет». И где-то нежно мяукал серый котяра, ну, думаю, я тут явно лишний…

Обед в летнем кафе «Роббин-боббин», и в 14 часов — встреча в магазине с «популярным московским журналистом, писателем и историком». Пришло много народа, помимо читателей, директора маленьких книжных магазинов. Я был в ударе и полтора часа без перерыва говорил и

отвечал на вопросы. Все было в позитиве, лишь один местный издатель Вадим Печенкин сотрясал воздух книгой «От Рюрика до Ельцина», доказывая, что я, как писатель, не люблю русский народ и предпочитаю все западное. На него тут же зашикали: ничего подобного! все так интересно! и патриотично!.. Как говорят, каждый читатель делает свои выводы. Одна просвещенная продавщица «Утюжка» удивила меня своим высказыванием, что я «разыгрываю в книгах настоящий бурлеск». И в Воронеже слова знают!..

После встречи с Ларисой и какой-то воронежской книжной дамой прошлись по бывшей Большой Дворянской улице, еще раз посидели в кафе, и Алла (эта самая дама) призналась, что ее вызвали из отпуска и для нее встреча с писателем оказалась «самым счастливым днем». А далее сели в поезд, и помчались по рельсам под песню:

Дорога, дорога, осталось немного,
Мы сегодня вернемся домой…

6 июля, в пятницу, в 8.07 прибыли на Павелецкий вокзал столицы.

12 июля — ну, а после Воронежа снова «Серебряный век», дошел до Оцупа, но успел напечатать для «Вечорки» в рубрику «Взгляд» и свои впе-

чатления: «Можно ли проворонить Воронеж?» (вышел в «ВМ» 4 сентября под заголовком «Побывайте в Воронеже» — 12 июня 2019). Там краткая история города и сегодняшний день:

«…Город живет своей жизнью. Люди работают, отдыхают, развлекаются. В театрах идут балет “Кармен”, “Бал в Савойе” и “Праздник Ханумы”. В кино — “Дети шпионов” и “Лара Крофт — расхитительница гробниц”. Газеты живописуют похождения маньяка, который охотится за женщинами. Есть маньяк, есть кафе, есть выставки, есть проблемы с энергоснабжением, короче, город живет нормальной современной жизнью. В газетах печатают объявления о браке и знакомстве. Но скромно: «Миловидная, миниатюрная женщина, 40/160/50, ищет друга и любимого человека, порядочного, доброго, надежного мужчину без в/п, ищущего душевного тепла и способного немного помочь материально…»

«Немного помочь материально» — это по-воронежски. И никакого столичного размаха… И вспоминается горькая судьба Платонова:

Андрей Платонов подметал дорожки,
По вечерам дописывая «Фро»… —

как написал один современный поэт.

16 июля — московские тропики, +30 и более. Невыносимо. Но я продолжаю сражаться и закончил поэтов и писателей Серебряного века, последний Илья Эренбург, 74-й по счету. На очереди философы и мыслители… Серебряный век и… зубы, а за окнами молнии и гром. А я в зубоврачебном кресле с открытым ртом. Картинка!..

14-го день взятия Бастилии. Репортаж из Парижа. Лил дождь, +10, но все равно красиво. Жак Ширак стоял вместе с Хуаном Карлосом, испанским Бурбоном, на празднике падения Бурбонов! Какая ирония!..

23 июля — африканская жара продолжается. Работаю в боевой форме: в трусах и тапочках. И как оплачивается труд? Тут в «Вечорке» Римма Казакова пыталась доказать, что «интеллектуальные ценности не хуже молока, стали и нефти». И жалуется: никто не платит гонорар. Бедная писательская доля…

19-го установил какой-то рекорд: в жарищу фуганул за день 16 страниц про издателей Серебряного века. С листа (без черновика) напечатал об Алексее Суворине.

29 июля за два дня сделал текст о Василии Розанове — 12,5 страницы. Удивительный парадоксалист:

«Мысль, что человек в самом деле делает историю — вот самая яркая нелепость; он в ней живет, блуждает без всякого волнения — для чего, к чему».

У Розанова был свой взгляд и свои оценки. К примеру: «Чехов? — ничего особенного. Что Чехов? Глядел на жизнь, что видел, то и записал. Очень милый писатель, понравился, стал читать. Но он холодный: и ничего особенного. Успех его понимаю, только не одобряю».

У Василия Васильевича Розанова была жуткая судьба. Не дожил до 63 лет. Умирал в холоде, его накрыли всеми шалями и шубами, а на голову надели нелепый розовый капор — последняя усмешка Рока…

Бытовой инцидент. В троллейбусе какой-то сумасшедший старик вдруг пронзил меня глазами: «Вы из Кавказа? А где прописка? Ночью приду вас расстреливать!..» По всей вероятности бывший чекист, которому кругом мерещатся враги народа…

А вот иное отношение. В ВК пришло письмо читательницы из Зеленограда, бывшей стенографистки из какого-то министерства. Она прочла четыре моих книги: Луну, Веру, Клуб и Джоконду. И пишет:

«Я в восторге. Книги доставили мне массу впечатлений и, если хотите, очарований. Мне очень понравился стиль изложения всего материала, я читала с упоением, как все доходчиво, так мило и понятно. Я восторгаюсь Вашим талантом… Ничего подобного я не читала нигде… Я просто читатель, никакой не рецензент, но Ваши книги стали огромной духовной пищей… Спасибо Вам, что Вы есть!..»

И подпись: Клавдия Чернышева. Ее письмо — как моральный гонорар.

5 августа — первого августа на очередной день рождения Ще написал традиционные стихи. Вот некоторые строки:

Была ты рядом. Стала близкой.
И настоящей журналисткой
Ты покоряешь вновь меня…
…Искристый текст кипит, как кола,
Все фразы — точно острый нож.
Все вертится, как в рок-н-ролле…

Это моя заслуга: почти буквально втащил Ще в журналистику. Заставил, помогал, учил…

2 августа звонок от Гали Мишты: «С вами хочет переговорить Кривцова». Как в былые времена:

с вами будет говорить товарищ Сталин… Кривцова предложила быть «вторым человеком» и помогать молодому Андрею Малахову. И на следующий день — Останкино. В гостях бывшая звезда эстрады Лариса Мондрус (ныне живет в Мюнхене), фигуристка Ирина Слуцкая, актриса Лариса Гузеева и кто-то еще. Запись, а потом эфир.

Политическая новость: по российской ж/д едет бронепоезд с Ким Чен Иром, и газеты спрашивают: что везет корейский Чебурашка?..

10 августа — все дни в работе. «Сочиняю» философов Серебряного века, начал с Бердяева и Сергея Булгакова и докатился до Семена Франка и Льва Шестова. Серьезнейшие эссе-представления, а в окно из двора доносятся какие-то строительные шумы, воют машины, пахнет мазутом… О, господи!..

15 августа — кажется, закончил весь Серебряный век. Если не ошибаюсь, начал 11 марта, а закончил 15 августа. Всего за пять месяцев (примечание: книга вышла: в «Эксмо» в 2007 году, 634 страницы — 12 июня 2019). Когда допечатывал последние страницы, прихватило голову, пришлось пить лекарства. А до этого презентация в «Молодой гвардии», подписал 15 книг. А еще

опрос в «Вечорке» и выступление по радио. Я сею «доброе, разумное, вечное», а придурки-патриоты требуют чекистский переворот во имя «Ненаглядной России»…

Уместно вспомнить строки Федора Сологуба, которого совсем недавно я представлял в книге Серебряного века:

Когда меня у входа в парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны.
И вообще, мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.
Но я — поэт». — И улыбнется он.
И разорвет стихов рукописанье.
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье…

Я — не поэт. Но поклонник литературы, любитель поэзии, сочинитель разнообразных текстов, немного историк, немного публицист, немно-

го сатирик, едкий злопыхатель современной жизни, но иногда бываю лириком и даже романтиком. Но твердый исторический пессимист. И вряд ли мне уготовано место в Парадизе… (31 августа 2018).

19 августа — поездка в Звенигород. В зале 25 человек. Рассказывал про день 19 августа — родились Блез Паскаль, Беранже, Матильда Кшесинская. Обед, гонорар в конверте, и на машине отвезли домой.

20 августа — вышла в эфир «Большая стирка», я там как маститый литературный «барбос».

21 августа — звонок с ТВЦ: пришлите все изданные ваши книги, чтобы мы поняли, кто вы… Я отказался. Вот и в журнале «Персона» рассматривают мою персону на предмет интервью. И решили: не персона с кучей книг, а вот актер Поровщиков — персона… Но дело, конечно, в другом. Статус «персона» покупают за деньги, а я, большой оригинал, хочу, как говорится, за так. А за «так» не получается…

26 августа — лето проходит. Хотя, что лето? Жизнь проходит. Что-то мы с Ще начали потихоньку разваливаться: она расстраивается, глядя на меня, а я — глядя на нее. А тут еще неожиданный холод и приходится надевать шерстяные

куртки. И какое-то уныние. «Никто с утра на кастинг не зовет», — строка из Вл. Вишневского. И я, кажется, раздваиваюсь между двумя путями: то ли успокоиться на том, что уже сделано: 11 книг издано, материалы какие-то печатаются, куда-то все время приглашают, — и это, конечно, не «Могила неизвестного солдата», как говорили на радио, на Иновещании… Или все-таки пытаться прыгнуть выше головы, добиться раскрутки? И что правильнее?..

1 сентября — снова дилемма: два приглашения: запись в Останкино, «Большая стирка» или выступление в Тургеневской библиотеке. Предпочел библиотеку, и все было весьма мило… Вышло расписание международной ярмарки на ВВЦ, не поленился и посчитал, там будет выступать со своими книгами 34 писателя, и я попал в их число с «Ангелом над бездной». Престижно? Да, но «где деньги, Зин?». Денег пока нет…

3 сентября — в «ВМ» вышел сентябрьский календарь страстей, который я веду с начала года. Длинный врез-заголовок: «Шиллер влюбился в двух сестер, Пушкин увлекся Февроньей Вильяновой, Есенин женился на внучке Льва Толстого, а Корней Чуковский вспомнил бурный роман с ученицей Ильи Репина. ВСЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В

СЕНТЯБРЕ».

И еще чего-то, к примеру, отрывок из письма Хемингуэя другу Скотту Фицджеральду: «…пора цветения у всех проходит, — мы ведь не персики, — но это вовсе не значит, что ты начинаешь гнить: оружие лучше носить, когда уже облетели цветы…» (сентябрь 1923).

5 сентября — поехал на открытие XIV Международной книжной ярмарки. Подписал десять своих книг. В журнале «Библио-Глобус» прочитал рецензию на своего «Ангела» за подписью — Мария Табак.

Она написала, что книга известного московского журналиста и писателя — «сочинение познавательное и развлекательное… никакой пошлости, никаких скабрезных подробностей… написана хорошим интеллигентным языком…». Поговорил с Сергеем Филатовым, некогда помощником Ельцина. Он сказал, что книгу «От Рюрика до Ельцина» передал президенту, но она где-то осела в президентском окружении… Еще посидели в президиуме какого-то собрания на ярмарке, а потом появился снимок «Два писателя — Жуховицкий и Безелянский».

6 сентября — с утра добил верстку «Сада любви», что-то допечатал. Сегодня я бы сделал книгу

иначе, но молю Бога, чтобы вышла в свет. Бога литературного. А вечером на Речной вокзал, на пароход «Александр Грибоедов» — круиз в честь 10-летия «ВК». Собралось человек 100. Выступления, тосты, и я сказал, что с «ВК» на века!.. В 22.15 вернулись обратно, на причал. Из общений запомнилось, как одна корректорша вспомнила, как в оные годы шла драка за «материалы Безелянского».

7 сентября — снова на ярмарку и выступал на стенде «Радуга». Разговоры с читателями. Какой-то нефтяник-книгочей собирает все мои книги. Какая-то женщина купила «5-й пункт» и отвезет в Швейцарию, там, в Цюрихе, метут русские книги. Но вопрос, как их туда доставить?.. Какой-то книжный пришелец из Иерусалима… Из 57-го павильона пошел в 20-й, а там увидел макет «Огненного века», «рыбу» — такой хорошенький фиш… В итоге приехал домой, еле волоча ноги. Тоже хорошенький…

12 сентября — вчера включил телевизор: жуткие кадры из Нью-Йорка. Непонятные самолеты врезались в две башни небоскребов. Кто это организовал? Бен Ладен? Зрелище жутковатое. Начало третьей мировой войны?.. Или по-другому: «новые варвары» бросили вызов старой

цивилизации?..

16 сентября — читаю набор «Сада любви», и куча ошибок: «гуленький» вместо «глупенький», «Коктебль» вместо «Коктебеля» и т. д. И пометки редактора: «сократить», «расширить». Я закипел, и возникло прозвище Лены — «Бастилия». Печатал эпиграфы для 12 шмуцтитулов. Для июня подошли строки Виктора Шкловского:

«Но любовь, как сказала мне Лариса Рейснер, — пьеса с короткими актами и длинными антрактами. Нужно уметь вести себя в антрактах».

Для октября — Михаил Арцыбашев: «Несчастная любовь — страдание, а чересчур счастливая — пошлость. Любовь же умеренная, как теплая вода, ни то, ни се… и не любовь вовсе».

22 сентября — жизнь полна импровизаций? Не только. И много всякой другой всячины. Боролся с простудой. Печатал октябрьские любовные страсти. Началась подготовка к съемкам телефильма о Марлен Дитрих (студия «Альма-Матер»). Очередной перл «В садах любви»: Гарибальди увидел Аниту «с палубы корабля в Бразилии». Так, по мнению редактора, прямо с палубы корабля?.. Выступал в социальном центре. По «Дарьял ТВ» пошли повторы «Академии любви», ну и т. д.

27 сентября — пришла в голову еще одна идея сделать книгу «Бал Сатаны» о террористах. Но это требует множества информационных поисков, сил на которые нет. И идею отбросил… Пришло письмо из Прокуратуры РФ от 17 сентября: «Ваш статус изменен. Вы признаны подвергшимся политической репрессии и реабилитированы». Сын репрессированного отца — понятно. А сам? Что-то из юридической казуистики…

30 сентября — два дня в Звенигороде на новых условиях: два дня бесплатного отдыха взамен на выступление, словом: бартер. Но туда и обратно на своем транспорте, то бишь, на поезде. Два медовых дня, полулюкс № 3 в корпус-флигеле около главного шереметьевского дворца. Во всем флигеле мы жили одни, и на ночь запирал охранник. Выступление было в библиотеке, собралось 27 человек. Тема: Марлен Дитрих. Отговорил, и гуляй свободно. Потом обед, еще полдник с булочкой, — спасибо не то пригласившей Катерине, не то Марлен Дитрих. Снова гуляние, ужин и перед сном телевизор с сольным концертом Буйнова, который пообещал, что

Этой ночью шальной
Будет все, что захочется…

А хотелось спать и спать. Утром встали и, как чеховские три сестры: «В Москву! В Москву!..» И уехали 30-го раньше времени, но все же два неполных дня были медовыми. Отдых без тарахтенья на машинке и звона кастрюль на кухне…

6 октября — по ТВ в «Гласе народа» Жириновский надрывался, что Россия в последнем вагоне, без буфета и туалета. Славик Шустер никак не мог угомонить Жирика.

2 октября поехал в ресторан «Огород» на проспект Мира на праздник в связи с выходом 50-го номера журнала «Новое литературное обозревание» (НЛО) с представлением, банкетом и прочим, даже с гимном:

Боже, храни НЛО,
В небе, на суше и в море,
Всем ретроградам на горе,
Жалким зоилам назло,
Боже, храни НЛО!..

Когда есть деньги, а у Ирины Прохоровой — брат миллионер, то можно позволить себе все, даже сочинить гимн… Пригласившие меня в «Огород» Юра Кочеврин и Наташа Брагина познакомили меня с поэтом Леонидом Завальнюком

(1931)… А у меня на рынке свои игры: подарил «Ангела» знакомой медовнице, а она в ответ — банку цветочного меда.

9 октября — я в четырех ожидаемых книгах. Травникова освободилась от серии «Любовные романы» в «Радуге» и грозится заняться моей Москвой. «Пашков дом» отправил «Огненный век» в типографию, а денег нет — бьются за них. В «Вагриусе» деньги есть, но очень вибрирующий редактор в книге «В садах любви»: все ставит под сомнение. И, наконец, «Жираф»: то ли дремлет, то ли читает рукопись, и никаких сигналов. Ну, а автор четырех книг сочиняет вариант для журнала «Алеф»: «Перебирая наши даты», а дат, связанных со знаменитыми еврейскими именами, немало. И иногда смотрю телевизор, особенно когда крутят западные фильмы, вот был нидерландский «Стрелочник» (1986, реж. Стеллинг), психологическая сюр-драма с отсветами Бергмана и Тарковского. После подобных кинокартин трудно воспринимается Марк Бернес с его бодрячеством: «Все у нас впереди, все у нас впереди!..» Что впереди?!

На ТВ мелькнул Николай Цискаридзе, измотанный и усталый, и заявил, что, когда выйдет на пенсию, не пошевелит даже пальцем. Вот и меня мои книги достали. Ничего не хочу… В «ВК»

ответил в опросе «Что у вас нового?» так:

«Волнует меня смешная вещь — молчание волчат от критиков и литературы. Казалось бы, книга «5-й пункт, или Коктейль “Россия”» давала повод разорвать автора в клочья, или, напротив, носить на руках и забрасывать цветами. Ни того, ни другого не произошло…» Как говорится, наболело, и рубанул!..

15 октября — из хороших новостей: 13-го, в субботу, с Ще вырвались в дальнюю рощу и схватили последнюю осеннюю красоту, мягко ступая по ярко-желтому ковру из опавших листьев. А так все по-старому: работа, машинка, вычитка. Позвонили с ТВЦ и пригласили на программу о Лермонтове, рассказать что-то эдакое, я отказался:

не хочу «раздевать» Михаила Юрьевича. А вот у некоторых спортивных комментаторов ни стыда, ни совести. «Спартак» играет в Праге. В борьбе за мяч рухнули спартаковец и чех. Маслаченко жалостливо сочувствует нашему игроку, а про чеха жестко говорит: «А этот что корчится?!» Старая гвардия: мы и они, у нас доблестный «разведчик», на Западе — гнусный «шпион».

25 октября в дневнике среди рабочих записей, что написал, куда отвез, что вышло, лирическая

про субботу 20-го числа: «Утром проснулись — снежок на ветвях деревьев и островки снега на траве, потом все, естественно, растаяло…» Благодать и покой? Нет, «Покой нам только снится!..» И прежняя круговерть плюс рукопись о Москве, которая тихо лежала год, и вдруг пожар, гонка, надо срочно сдавать в типографию…

Отмечу лишь два вечера: ЦДРИ и Цветаевский музей. В ЦДРИ — вечер, посвященный 10-летию «ВК». С приветственным выступлением прославленная балерина Ольга Лепешинская. Выступающих было немного: Весник, Львович, я, потом фуршет, все как-то стандартно, без выдумки. До выступления разговорились с Евгением Яковлевичем Весником (1923). Он, оказывается, читает мои писания и в одной из своих книг сослался на меня, а я и не в курсе. Весник подарил мне свои воспоминания, которые вышли в «Вагриусе». А еще Ирэн Морозова уговаривала меня написать для нее монолог-спектакль для «Ромэна». Я и цыгане — это уже смешно.

24-го уже другой вечер, но до Цветаевского дома зашел в ЦДЛ и отдал заявку на свой вечер на март 2002 года. Там крутился Евгений Рейн, который шуточно представил меня Познанской: «А это — Юрий Безелянский, наш Дюма, в год

выпускает по 10 книг. Дюма-отец…» Я уточнил: скорее, Дюма-правнук…

В Цветаевском чествовали Леонида Завальнюка в связи с его 70-летием. Было много стихов: читал сам юбиляр, читали Алексей Баталов и Алла Демидова. Пяток стихов отменных, остальные, на мой взгляд, средние и многовато строк о смерти, ну, прямо «Замогильные записки». Но есть и с юмором: «Облетают овощи в саду». В зале бомонд: Татьяна Лаврова, Марианна Вертинская, Виталий Вульф, Александр Гельман… Ко мне такие люди, увы, не приходят, а «ходят разнообразные не те» (кажется, из Ахмадулиной). А потом был фуршет, все по-интеллигентному, без набрасывания и урчания… Да, Виталию Вульфу я сказал, что мы с ним работаем на одном культурологическом поле и пишем подчас об одних и тех же героях. Вульф с интересом на меня смотрел: еще один сын лейтенанта Шмидта?! Ну, а что касается Завальнюка, то мне особенно понравилось его сравнение себя с лошадью на забегах-наездах на ипподроме:

— Нет ставок?

— Нет.

— Ну что ж, и слава Богу!

— Сам на себя я ставлю и бегу.

29 октября — приходится не только много печатать, но и много ходить-ездить, туда-сюда. Около метро «Революции» увидел толстенную бабищу, которая митинговала против писателей-жидомасонов и научных работников из той же серии. «И ни одного дворника-еврея!..» — надрывалась патриотка коренной национальности.

26-го вышел номер «ВК» с материалом о великом князе Михаиле — «запретная любовь», и несколько снимков с вечера в ЦДРИ, под одним подпись «Юрий Безелянский блеснул малоизвестными историческими фактами». Вечером наблюдалась семейная идиллия: Ще на диване читала газеты, а я, развалясь в кресле, слушал сестер Берри про всякие «папиросен-форгосен». И был миг какого-то залетного счастья…

А на следующий день — районный сбор жертв репрессий в кафе «Невка». Обед и речи. Все ждали, что скажет писатель, я сказал, что нужно, и при этом назвал Дзержинского людоедом. Представитель управы вздрогнул. Все собравшиеся старые, больные, но поразила одна женщина, отсидевшая в тюрьме и лагере пять лет. Выжила, родила 5 детей и всем дала высшее образование. Несгибаемый дух…

2 ноября — по-настоящему в «Радуге» взялись

за книгу о Москве и, о, ужас — надо сильно сокращать. Данные на 30 октября по другим книгам: «Вера, Надежда…» издано 25 тысяч экземпляров, продано 20.966. «Улыбку Джоконды» соответственно 15 тысяч и реализовано 14.641 и т. д. По просьбе Алевтины посидел в президиуме на презентации Шубиной «Рукописи горят» в малом зале Библиотеки им. Ленина. Пришлось выступить, коротко и энергично. После Брагина спросила, а читал ли я книгу Шубиной. Я ответил: нет. Брагина с восхищением: «Ну, профессионал!» Да, стал каким-то профессиональным выступальщиком — ЦДРИ, Мемориал, РГБ…

4 ноября — 3-го отмечали 34-ю годовщину бракосочетания. Выдал строки:

Мало кому в семейном тире
Удается выбить тридцать четыре!

Были в мастерской Варламовой, смотрели новую экспозицию ее картин.

В «ВМ» нашел мой «Взгляд»: — «Все те же бесы». Оттолкнувшись от Достоевского, написал:

«Современная бесовщина, принявшая форму международного терроризма, — это какой-то удивительный коктейль исторических предрассудков, этнической нетерпимости, религиозного

фанатизма и черной зависти бедных к богатым. Терроризм как особая форма войны…»

9 ноября — читаю набор Москвы до посинения. С каким трудом все достается. И зачем столько мучений? Виктория Токарева где-то призналась: «Желание писать — это инстинкт самосохранения: инстинкт передачи информации». Можно с ней согласиться.

8-го жуткий день серый день, голова трещала, и все же прислушивался к звонкам. Перефразируя Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Кто нам позвонит, что предложит?..

И неожиданное предложение с какой-то ТВ-студии «Бемис» сделать в программу «Настроение» ежедневный кадр по три минутки «Чудеса в Москве» за приличные доллары. Я подумал и отказался: это — кабала!.. Да, возвращаясь к комментарию «Все те же бесы», Анисим оценил: «Это лучшее, что написал… ты — почти Эренбург!..» Услышав про Эренбурга, я тут же надул щеки… Еще прикол: пресс-служба партии «Единство» (Шойгу-Лужков) выразил желание для съезда партии закупить «Огненный век», если, конечно, он выйдет к съезду (идея не осуществилась — 21

апреля 2014).

17 ноября — Миша пытается пробить программу «Клуб 1932» на канале «Культура», я веду переговоры с «Общей газетой» на предмет рубрики. И в Домжуре по поводу своего вечера. Примечательный разговор с пресс-секретарем: «А это будет?» — и провел рукой по шее ласково и волнительно. Я: «Увы, нет спонсора». В ответ разочарование: «Я понимаю…»

16-го в Цветаевский музей — презентация «Кулинарной коллекции» Брагиной. По просьбе Наташи я вел этот вечер и был даже с бабочкой вместо галстука. После во время фуршета жена Завальнюка сказала: «Я вас недооценила…» Это в каком смысле?.. Был концерт, фуршет и много-много вкусных пирожков — Брагина блеснула кулинарным мастерством…

Вот такая нескучная, муторно-забавная жизнь…

20 ноября — поход в ТРИТЭ — вотчину Никиты Михалкова. Там некая Наталья Семина — одна из рук Михалкова. Я что-то предлагал, она обещала подумать и обсудить. Дохлый номер… Вернулся из ТРИТЭ, и звонок от Льва Гущина: вы такой эрудированный и знающий, мы со Стефановичем приглашаем вас участвовать в новом проекте

на ОРТ — 104 серии о России, СССР и Российской Федерации — весь XX век. Сходу поехал в Спиридоновский переулок, в квартиру Александра Стефановича. Стефанович и Гущин — два седых 50-летних плейбоя — при деньгах и при успехе. И я с малыми деньгами и при полууспехе. Сидели и обсуждали грандиозный исторический сериал, я им нужен как консультант и как автор пары сценариев.

21 ноября — на Пушкинской в партийном архиве некий фотограф Василий устроил мне фотосессию по заданию издательства «Вагриус» — для 4-й обложки и так, и эдак (и ни одна не пошла, фотопортреты остались на память — 21 апреля 2014). Оттуда в «Вагриус», и получил набор 606 страниц для чтения и ловли ошибок…

22 ноября — засел за первую историческую «шпаргалку» (пять страниц) и начал с 1940 года, за ней приехал водитель Стефановича. А Стефанович сказал по поводу подаренного ему «1932 года», что я — уникальный человек, владеющий информацией и имеющий свой взгляд на историю. Я ему подарил пару своих книг, а он мне свою, совместную с Эд. Тополем «Я хочу твою девушку» (огромный тираж, газетная бумага). Стефанович хочет девушку, а я хочу — культуру.

Вот и вся разница…

23 ноября — трудный день: за стенкой ремонт, я сочиняю историческую шпаргалку для ТВ, а параллельно готовлюсь к съемкам о Марлен Дитрих. Как выдерживаю? Уму непостижимо…

24 ноября — съемка «пилота» в Доме актера на старом Арбате, где когда-то снималась «Старая квартира», там я был в хоре, а тут — соло. Утром Ще «провожала гармониста в институт» — даже шейный красивый платок повязала. Снимали два оператора. Все было не просто, но я поймал кураж и, когда кончилась съемка, Нелли Фил сказала: «Молоток!» Я вздохнул: отмучался. Но тут решили сделать еще дубль. И по новой… Странно, но выдержал, и оператор Олег похвалил за выдержку. Приехал домой — приглашение в прямой эфир к Вербицкой на тему «Агрессия в обществе», — отказался… Вот такая закрутилась жизнь…

25 ноября — печатал про 1917 год.

26 ноября — с утра темнотище, но сел за машинку. 1919 год… А затем пришлось ехать на совещание к новому шефу журнала «Алеф» Зееву Вагнеру, и он несколько раз цокал языком по поводу моего «5-го пункта»: «Если не еврей, то няня еврейка!..» На совещании куча народа, и

все евреи — умные, дошлые, остроумные, и, в частности, кинокритик Мирон Черненко.

27 ноября — занимался историей и прыжки: 1945, а потом 1930 год. В итоге 12,5 страницы.

28 ноября — отвез пять страниц шпаргалок и просидел со Стефановичем 2,5 часа. Он читал мои «подсказки» и комментировал, потом показывал свои альбомы: Париж, Ницца, Италия… Фото с Бродским перед вручением Нобелевской премии. Крупняк. Выдал аванс 15 тысяч ре (500 долларов) без ведомости и расписок. Черный нал… От Стефановича на Крымскую на нон-фикшн. Общение накоротке: Глеб Павловский, Ирина Прохорова, Зеев Вагнер, Майя Пешкова и др. Алевтина возмущалась по поводу невыхода «Огненного века»: деньги выделены и их кто-то прокручивает, мафия!..

29 ноября — в «ВМ» вышел мой комментарий «Назад и вперед?». Ще отметила комментарий Анатолия Макарова о нереализованном поколении. Я позвонил ему, как коллеге. Он закатил монолог: все только и говорят о Сорокине и Пелевине, а таких, как он, Макаров, не замечают. Короче, крик и боль. Значит, не я один страдаю…

1 декабря — шпаргалки — 1934 и 1938 годы. На гонорар от Стефановича купил почти черный,

тонкой шерсти костюм от фирмы «Отто Берг» (355 долларов в пересчете) — (И что? Почти не надевал, висит в шкафу и висит… 22 апреля 2014). Но странное дело: деньги есть, а счастья нет… Общался с Ал. Архангельским: он тоже в проекте ОРТ «История новой России».

3 декабря — приехал из «Вагриуса» и схватился за 1942 год, а у Ще своя программа и включила стиральную машину, и я работал под ее гул — с ума можно сойти!.. В «Вечорке» вышел календарь страсти — декабрь.

6 декабря — сплошной Стефанович: шпаргалки по годам, дополнения, консультации. Еще порция денег и договор, в котором я фигурирую как консультант.

10 декабря — длинный поход: «Аккорд», «Радуга», Домжур, радио — радиокомпания «Москва» прекратила свое существование. Бывшие латиноамериканцы, и в частности Игорь Кудрин, в унынии, как жить дальше?..

11 декабря — в «Вагриусе» просматривали оформление книги, и Костанян снял мое фото с четвертой обложки. Снял и снял. Зато отдали в подарок 13 портретов. Ще: вылитый тенор с бабочкой!..

12 декабря — с Ще на рынок, и многое себе поз-

волили: хороший чай, форель, халва в шоколаде и т. д. Реванш за скудные советские времена, где была «Продовольственная программа», но не было самих продуктов. Или по-другому: был дефицит… Из дневника: «А тем временем в стране продолжается бордель. Как написала «Комсомолка»: «Не сдается в Якутии власть. Там еще надо много украсть». Воровство, коррупция, преступность — на высочайшем уровне».

Ремарка из 2014-го: лихие 90-е еще не кончились!..

14 декабря по приглашению Сперанского — в музей им. Глинки на концерт «Джаз под Новый год». Отдых после бешеной работы и ожидания выхода книг.

17 декабря — на 20-летие «Радуги» в библиотеке иностранной литературы. Выступил со стихотворными поздравлениями:

Кто сказал «Не надо»?
Надо! И только в «Радуге»!..

Ну, и т. д. в том же духе, и все сразу взбодрились, а до этого была скучная юбилейная чушь… И еще был любопытен список ляпов из переводных любовных романов, выпускаемых «Радугой», типа «Он побродил по ее возбужденному телу своими

длинными пальцами»… «По спине пробежали знакомые мурашки…»

19 декабря — вечер памяти Раисы Максимовны в Цветаевском доме. Общение с Сигурдом Шмидтом, Ник. Шмелевым, Ольгой Трухачевой, внучкой Анастасии Цветаевой…

20 декабря — сначала в «Радуге» снимал вопросы, а потом поехал в гуманитарный Афанасьевский университет на Новослободскую, там в аудитории 803-а проходил семинар по Вольтеру (Маша Штейман ведет у второкурсников курс по литературе и философии, познакомился с ней на осенней книжной ярмарке). На семинаре 21 девушка и один парень. И все умненькие, одна даже четыре раза перечитывала «Кандида». Сначала говорила Мария, а потом я минут 10–15 о Вольтере как о человеке. И все прошло на ура!

26 декабря — Эдик привез из Парижа визитки Russe ectivain, journaliste, historien. В «Вечорке» вышла публикация о Марлен Дитрих. А Вульф, кажется, делает все, чтобы тормознуть мою Марлен на экране: опасный конкурент?.. Долинская сказала, что «Жираф» отложил «Серебряный век» и в авральном порядке делает книгу-альбом к 100-летию Ивана Леонидова (они все-таки архитектурное издательство). Я — конкурент Вульфу,

а мне конкурент — Леонидов. Все мы конкуренты друг другу…

Кстати, о Леонидове. Архитектор печальной судьбы, практически все его замыслы остались на бумаге нереализованные: Институт библиотековедения им. Ленина (1927), дом Центросоюза (1928), башня Наркомтяжмаша на территории Кремля. Так что грех обижаться, что он перебежал посмертно мне дорогу в издании книги.

В этой книге я сосредоточен, естественно, на своей судьбе и, в частности, творческой. Но приходится и отвлекаться, когда уходят из жизни какие-то знаковые люди, которые я уважаю и с которыми, как говорится, на одной волне. И вот в декабре не стало писателя и драматурга Володина (Александра Моисеевича Лифшица) и писателя беспощадной правды о войне и послевоенной жизни Виктора Петровича Астафьева.

Володин вошел в мою книгу «Золотые перья» (2008) — эссе «Уходящая натура». Он последний человек стыда, который признавался, что «Никогда не толпился в толпе. / Там толпа — тут я сам по себе…»

Удивительные сравнения:

Страна моя давно больна.

Отдельно от нее болею…

Александр Володин умер 16 декабря 2001 года, в возрасте 82 лет.

Как будто мы жители разных планет.
На вашей планете я не проживаю.
Я вас уважаю, я вас уважаю,
Но я — на другой проживаю. Привет!

Виктор Астафьев ушел из жизни 29 ноября 2001, в 77 лет. О нуворишах и ловчилах говорил: «Везде с растопыренными карманами».

В рассказе «Падение листа» Астафьев задал вопрос: «Как воссоединить простоту смысла жизни со страшной явью бытия?»

Ранее в 2001 году ушли из жизни писатели не из моего лагеря — Вадим Кожинов, Петр Проскурин, Анатолий Ананьев, из иностранных — Жоржи Амаду, Кен Кизи («Полет над гнездом кукушки»). Но вернусь к текущему дневнику:

29 декабря — на станции «Водный стадион» мне вручили три экземпляра книги «Огненный век» (открываешь — скрипит!) и предложили за мои деньги издать шикарную книгу. Я отказался. В такие игры не играю! Худо-бедно — книга вышла! Том — 718 страниц, тираж 2 тысячи экземпляров.

Держал в руках и ничего, кроме усталости, не чувствовал.

30 декабря — в «Космосе» спектакль театра-кабаре «Летучая мышь», но театр уже без Гриши Гурвича…

31 декабря — одни жалобы на здоровье: язвочки на ноге, вздутые вены, передний кривой зуб, непрекращающийся кашель… Части машины приходят в негодность… Цены успеха?..

ИТОГИ 2001

Вышли две книги: «Ангел над бездной» (4 апреля) и «Огненный век» (29 декабря). В течение года крутил еще три книги: «В садах любви», «Московский календарь» и «99 имен Серебряного века».

«Алеф»: сначала персоны, а затем события месяца плюс отдельно Дон-Аминадо — 13 номеров.

«Вечерняя Москва»: 12 выпусков Календаря страсти, 5 — «Взгляда» и 8 отдельных публикаций (Коко Шанель, Мандельштам, Эренбург, Сытин, Роза Люксембург, Аверченко и Марлен Дитрих). Итого 25.

Вечерний клуб. 5 публикаций, в т. ч. о великом князе Павле Ал. Романове.

Кумир — 1 (Свадьбы и разводы в Голливуде).

«Аккорд»: Мендельсон.

«АиФ» — История январей.

ТВ. Повторы «Академии любви». Выступления в программах «Деликатесы», ТНТ — прямой эфир с Болтянской и Гулько, «Блеф-клуб», «Большая стирка» — Цена славы (3 августа). Снятый пилот «Марлен Дитрих».

Многочисленные выступления по радио.

Выступления. По 2 раза в Доме книги и в «Молодой гвардии». Трижды в Звенигороде. Дважды в Тургеневке, по разу — в Погодинской, в Чеховском центре, на Песчаной. Еще на вечере Сенкевича, в ЦДРИ, в Ленинке у Шубиной, вечер «Радуги» в «Иностранке», соццентр на Соколе. Собственная презентация Ангела в Цветаевском музее, там же вел вечер Брагиной. Поездка в Воронеж, «Библио-Глобус». Итого 21 выступление, не считая книжных ярмарок…

Публикации о Ю. Б. — неизвестный шестидесятник («ВМ»), «Алеф», «Сударушка», «Подмосковье», «Подмосковные известия», «Новое время» («Лица»), «Деловая книга» и что-то еще… Участвовал в опросах «ВМ» и «ВК».

Короче, куча всего.

2002 год — 69/70 лет

Вышла одна книга — «Московский календарь» (совместно с Анной Безелянской) — Девять веков жизни столицы. Мучение с «Садом любви» в «Радуге», и после долгих мытарств — «В садах любви» в конце года в «Вагриусе» все же вышел. Параллельно шла работа над книгой о принцессах. Плюс 76 газетно-журнальных публикаций. Напечатано 14 интервью в различных изданиях. Презентации в книжных магазинах. Творческий вечер в ЦДЛ с бутылками брюта. 40-летие «Библио-Глобуса». Больница на Писцовой в связи с аллергией. Тур Страсбург-Метц, немного Баден-Бадена и Реймса. 27 декабря — показ фильма по «Культуре» — Марлен Дитрих.

Стремись не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл.

Альберт Эйнштейн

5 января — Год Лошади. И что?

Не водку пить, а ром.

Не быть конягой, а скакуном.

Новый год встретили вдвоем и с шампанским, и не было спасения от петард во дворе. 1 января отправились в гости к Кочевриным. Ну, а 2-го первый рабочий день. Печатал первый материал года — 5 страниц с хвостиком о российском реформаторе Михаиле Сперанском. 4-го фавор от Эдика: на машине отправились на Ленинградский рынок за продуктами: 10 килограмм тамбовской картошки (ни в жисть бы не дотащил) и еще чего впрок. Так начался мой юбилейный год в надеждах на нечто. Вознесенский съюморил:

Лучезарней Метерлинка
Что-то светлое взойдет —
Ручки две, две половинки —
Здравствуй, жопа — Новый год!

Очень изысканно. И еще Андрей: «Время ржет дурацкой шуткой…»

8 января — в советские времена я любил праздники: не надо ходить на работу и можно принадлежать себе, что-то писать в стол. Сейчас другая ситуация. И постоянно принадлежу себе, без контактов с начальством и коллективом, а праздники возмущают тем, что не выходят

газеты, не работают редакции, все вокруг как бы замирает. Отгуляли очередное Рождество и теперь начнут работать?..

Лично я немного печатал и разбирал архив (перманентное занятие). Ще находилась в простуде и, наконец, после четырех дней сидения дома я вывел ее на улицу.

По улицам Щекастика водили,
Как видно, на проветр.

Нырнул как-то в старые дневники 1990 года — 11 лет назад! И с удивлением прочитал запись от 7 января: «…Самочувствие так себе и горькое осознание, что наступившие 90-е годы — это вроде финишной прямой. Рвешь ленточку и падаешь без чувств… В 2000 году мне будет 68 лет — доживу ли? И надо ли?..»

Запись от 9 марта 1990: «Глядя в будущее, никакого оптимизма. 58 лет. Сколько осталось? Надо писать завещание. Все чаще и чаще лезут горькие мысли и печальные мысли…»

Ремарка спустя 19 лет: «Я не угадал своего будущего. Наступили лихие 90-е годы, я достал из ящиков стола свой «Календарь мировой истории», и состоялось превращение Золушки: я стал востребованным, а затем популярным

журналистом. Потом и писателем: книги, газетно-журнальные публикации, радио, телевидение, презентации, творческие вечера… Жизнь в преклонном возрасте закипела и заискрилась радужными красками…» (8 июня 2019)

Ну, а тогда — 18 марта 1990 года, — «…Как доскрипеть до пенсии? Вот в чем вопрос…»

И в этом плане интересен звонок от кадров Центросоюза, Сторожева, который неожиданно всплыл в Совете Федерации: «Никто не думал, что ты станешь писателем. Вижу тебя по телевизору, читаю в газетах… Завидую белой завистью, как можно поменять жизнь на старости лет. Я так не могу!»

Можно подумать, что это возможно просто так: сегодня — чиновник, завтра — писатель…

15 января — все вроде бы хорошо, да не очень. Донимает проблема с ногой, с венами. Пришлось идти к районному хирургу Угрюмову, он посмотрел, пощупал и авторитетно заявил: надо делать операцию. И 14-го я поехал в какую-то дальнюю клинику 200-м автобусом на Лобненскую улицу и попал к настоящему профессору Гвоздеву. Кругом в клинике туча народа, согбенных и страждущих, жертвы бесплатной медицины. И не помощь, а одно унижение. Мне повезло: кто-то из медра-

ботников меня узнал и сопроводил к профессору. Писателю — респект!.. Профессор провел осмотр и постановил: операция не нужна, нужно консервативное лечение: лекарства, мази и эластичный бинт. Я в благодарность выложил «Поцелуй от Версаче». Благодарственный поцелуй…

Из других новостей: с Ще побывали в Доме архитектора на выставке картин Нодара Мануйлова. Общался с ТВ по поводу «Клуба 1932». Принимал визитеров из журнала «Итоги». Фотокор израсходовал на меня аж две пленки. Получил декабрьский и январский номера «Алефа». В «ВК» вышел Михаил Сперанский. Печатал криминальную колонку. 12-го по приглашению Ирэн Морозовой были в театре «Ромэн» на спектакле «Мы — цыгане». Под конец появился сам Николай Сличенко и спел «Черные очи» и «Милую».

И еще. В «Вечорке» на меня «напал» работник МИДа, его дочь пишет какой-то реферат про криминал и ей нужна книга «Терра-детектив». Отец дочери: позарез!.. Я подарил «Терру» и за нее получил «мужской подарок» — бутылку шотландского виски. Выходит, что книги приносят дополнительный гонорар…

20 января — 16-го отказался ехать на программу «Чего хочет женщина?» — куда-то за метро

«Профсоюзная», темень, грязь, — и во имя чего, чтобы еще раз мелькнул на экране? Не знаю, что хочет женщина, а усталый мужчина хочет отдыхать. Так что встреча с ведущей Кларой Новиковой не состоялась, хотя тема «Белая кость и голубая кровь» — интересная. На съемки не поехал, но зато начал активное лечение с ногой: бинт, лекарства и прочее.

В связи с приближением 200-летия Виктора Гюго врубился в книгу Моруа. Позвонил Ф., в «ВК»: Гюго не нужен, он не наш (!), лучше Савва Морозов. На «Культуре» идет борьба за пилот о Марлен Дитрих между Пауковой и Пономаревым: давать — не давать? Татьяна Алексеевна из «Алма-матер»: наберитесь терпения!.. В «Вечорке» запущен и идет рубрика Календарь-триллер. В редакции «Искусство кино» встретился с Даниилом Дондуреем и подарил ему свой «Коктейль». Он взял книгу, восхитился и… ни гу-гу: отклика я так и не дождался. Интеллигент, интеллектуал, но без вежливости…

27 января — в промежутках работы хожу сдавать анализы.

По молодости тигром
Играл в любовь.

Теперь другие игры:
Анализы на кровь.

22 января получил пилотную запись Марлен Дитрих — 26 минут.

24 января вышла «Москвичка», Ще расстроилась: материал ее сократили, и в итоге какая-то вермишель. Ще идет по моему пути: все те же тернии… Ну, а я к 14 часам в Домжур, в ресторан. Столы накрыты и висит плакат «1-я экс-ассамблея» (к 300-летию русской журналистики). Вел Павел Гунтионов, а список награжденных зачитывал Владимир Вишневский. Я получил диплом «За профессиональное мастерство» и премию в конверте — 7 тысяч ре, что равно примерно 200 долларам. Не густо. Подсластил Вишневский, сказав при вручении: «Вообще имя Безелянского — почти культовое». А на следующий день в Хаммер-центре, в зале конгрессов, где стоит золотой Меркурий, грянул журналистский бал. Бал — громко сказано! Сборище журналистов, чиновников. Интересны были лишь закуски, а для кого-то и выпивка. Евгений Киселев хотел возбудить коллег на поддержку канала ТВ-6, но его не поддержали: все были заняты едой…

25-го вышла «Вечорка» с портретами трех лау-

реатов Союза журналистов РФ на первой полосе: Ю. Б., гендиректор концерна «ВМ» Бородин и главред Евсеев. А за окном свежевыпавший снежок и 0 градусов.

31 января — в «ВМ» — Савва Морозов, добивал историческую фактуру для проекта Стефановича, сочинил опус для апрельского «Алефа». Короче, контора пишет!.. И нога: к вене добавились какие-то красные пятна (микоз?).

3 февраля — нога зудит и пылает, как бы не загреметь в больницу. В Москве застрелили директора гостиницы «Пекин». 1 февраля были с Ще на бенефисе Анисима в музее им. Глинки. Прочитал со сцены стихи с такой вот концовкой:

Пусть мало на нем наградных всяких лент,

Но звонкое имя Гиммерверт,

Пари и твори, дорогой Гиммерверт,

А мы комплименты положим в конверт.

5 февраля — идут консультации с врачами, и пришлось поехать куда-то далеко, на Крылатские холмы, к профессору Кутину. Он чего-то мычал, и я решил поехать в больницу на Писцовую улицу,

где в мае 1990 года лежал с аллергической вспышкой. Вышли февральские страсти в «ВМ», темы — Джон Кеннеди, Лиля Брик, Фет, Пастернак и другие персоны. Отказался от поездки в Звенигород. А как же Европа, куда мы с Ще нацелились? А юбилейный вечер в ЦДЛ? Все рушится…

6–13 февраля. Больница на Писцовой. Аллергия…

О, закрой свои алые ноги!
Некрасивая алость на них…

В среду 6 февраля в 11.55 уже был в палате 327, стоял у окна и с тоской взирал на улицу. Свобода кончилась. Четыре кровати. Духота. Познакомился с 30-летним бизнесменом из Баку — Тахиром Искандеровым (был когда-то советский фильм «Тахир и Зухра»), и вскоре мы с ним уже резались в маленькие магнитные шахматы… Шахматы скрасили первый день пребывания в больнице.

Ну, а дальше анализы, капельница, таблетки в пузырьках с наклейкой «Утро», «Обед», «Вечер». Врачи, читавшие мою книгу «Вера, Надежда, Любовь», ко мне весьма заботливы. А я в голове прокручиваю новые книги: «Явь и сон» (художники, поэты), «Вырванные страницы из дневников Ю. Б.». Ще принесла вторую часть

верстки «Московского календаря», и я прочитал ее в больничной палате. И тем не менее не покидало уныние, которое я отразил в стихотворных строчках:

Что наша жизнь? Игра.
А, может быть, больница.
Настанет день. Придет пора,
И ты в больнице, — и не спится.
Все планы рухнули, и нет
Ни выхода, ни облегченья.
И только памяти вослед
Ты бродишь, плача с сожаленьем…

Ах, неужели все прошло?
Ах, неужели все пропало?!
И не спасет уж ремесло
И дней осталось очень мало.
И если жизнь — игра,
То выигрыша не будет.

И ветер дунет со двора
И душу холодом остудит.
Мы проиграли. Вот финал.
Для всех конец так одинаков —

И кто был шустр, и кто проспал,
И кто Иван, а кто там Яков, —
Финал, финал, и пуст фиал.

На дне бокала лишь печаль,
И отправляйся с нею вдаль.
В туман, в тупик и в никуда.
Мы проиграли, господа!..

В ночь на 11 февраля проснулся около часа ночи и долго не мог заснуть. Лежал. Думал. Соображал и опять наплывом пошли строчки:

Простите, но я не Коперник
И Блоку совсем не соперник.
Я — книжный гребец и галерник,
К тому же ужасный аллергик.
Мне дух коммунизма противен.
Я чист. Романтичен. Наивен.
Противна политиков банда.
Ах, лучше бы запах лаванды…

13 февраля у врача попросился на волю. Она подвела итог: высыпания с ног сходят, ЭКГ в норме. Сахара нет. И — выписка… День выхода из больницы был счастливым. Даже больше, чем

премия от Союза журналистов.

17 февраля — маленький передых после больницы, а с 14-го засел плотно за проект Гущина-Стефановича. Напечатал обзор событий за 1901 год и «поехал» дальше по началу XX века, листая при этом дневники Николая II и Суворина.

21 февраля — эйфория прошла. Замелькали будни. На «Культуре» отвергли мои заявки «1932 год», «Женщины XX века». Есть Радзинский, есть Вульф, есть Носик, Скороходов… И зачем еще один конкурент? Логично.

19-го в «Пашков доме» получил не левую книгу, а настоящие авторские экземпляры. 10 штук — 10 килограмм. 12-я по счету вышедшая книга. И никакого ликования…

28 февраля — последний день зимы. Зима была длинная и нудная. А завтра первый день официальной весны. Занимался приглашением на свой вечер ЦДЛ. Говорил со многими писателями, соглашались прийти, но чувствую кожей: не придут. Если соберу ползала, то уже неплохо… 25-го смотрели закрытие Олимпиады. Наши провалились, но во всем обвинили американцев. Проигрывать надо тоже уметь, а не валить на других…

Позвонили Бэлзе, он только что прилетел из

Ханты-Мансийска («чем дальше на север, тем теплее принимают…»). Я ему сообщил, что вышел «Огненный век». Бэлза почти возмутился: «Юрий Николаевич, зачем вам нужна эта политика?! Ваша тема: культура и любовь…»

26-го в «Вечорке» давал интервью Сереже Борисову, он сходу набирал мои ответы на компьютере. Быстро и удобно. Но я так не умею… Пришел домой, и тут явилась новая корреспондентка Евгения (но не Евгения Гранде, как у Бальзака). Шустрая: одно интервью дуплетом в три издания: «Московская правда», «Подмосковные известия» и журнал «Полиграфист».

Позвонил Жетвину, с которым мы начинали печататься в «Советском студенте». К телефону подошла жена: Саша умер 28 декабря, сердце… 66 лет (он с 1935). И книгу стихов, кажется, так и не издал из-за текучки на радио, и до юбилея не дотянул…

Еще один звонок — Леониду Жуховицкому. Он удивился моим успехам: «Новая книга? И когда успеваешь? У меня последняя книга вышла в 1993 году…»

1 марта — в «Вечорке» вышло интервью под названием «Ищу любовь, мотивы, страхи…» У своих героев, а не у себя, конечно.

Немного воспоминаний.

1982 — 50 лет. 2 марта. +5, солнца нет, хмарь и грязюка. На работе чествовали в кабинете Фомина. Семь гвоздик и юбилейный выпуск журнала «СПК» с фото сотрудников и их пожеланиями юбиляру. После с Половичком и Аркадием Гавриловым поехали ко мне и бодро отметили. Только ушли гости, нагрянул кузен Витя Кузнецов с женой Таней (работница фабрики «Рот-Фронт») с кучей дефицитных кондитерских коробок. А 6 марта — большой сбор гостей. (17 человек) у нас. Школьные ребята подарили красивый кубок из чешского стекла…

1992 год — 60 лет. Плохое физическое и моральное состояние, и, тем не менее, 9 гостей. Говорили всякие слова и даже сравнивали с Иосифом Флавием и нашим Карамзиным. 4 марта получил пенсионное удостоверение.

Сын одной знакомой, 29-летний социолог, прилетевший из Англии, сказал: «Мама! Какая книга «Огненный век»! Оказывается, про нашу историю можно писать интересно и захватывающе…»

2 марта 2002 года — исполнилось ровно 70 лет. У английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (1874–1965), автора исповедального романа «Бремя страстей человеческих», есть эссе «В 70

лет». Вот отрывки:

«70-летие — самая значительная из круглых дат. Этот возраст традиционно считается сроком жизни человеческой — “Дней лет наших 70 лет (Псалом), а оставшиеся до смерти годы вы можете рассматривать как случайный подарок Безносой, у которой на время затупилась коса. Нет, семь десятков лет — уже не порог старости. Это сама старость”».

«…И разве не радость — просто наблюдать за событиями, в которых уже не принимаешь участия?..»

«…Есть и еще одно преимущество — старость освобождает человека от зависти, недоброжелательства и ненависти…»

«…Меня все сильнее влечет к себе прошлое…»

Собственно, моя хроника, собранная в книгу, отражение моего влечения к прожитым годам. Как у Моэма…

3 марта — творческий вечер в ЦДЛ. Помог Эдик, и на столике перед Малым залом выставили 15 бутылок брюта, а «Радуга» продавала мои книги (купили штук 50).

В зале собралось (посчитали!) — 110 человек. Всякие юбилейные слова, дифирамбы, стихи, цветы и т. д. Ирэн Морозова из театра «Ромэн»

даже спела здравицу. Ну, а я в своем выступлении процитировал Умберто Эко: «Ирония — мой подход к жизни».

А дальше работа-работа-работа. К вечеру, устав, гонял пленки с Аркадием Северным: «…Один был по кличке Бацилла, другой был по кличке — Чума…»

12 марта — в журнале «Библио-Глобус» интервью «…Я пишу о многих», в «Ежедневных новостях Подмосковья» — «Календарный беспредел», где отмечено, что «именно с легкой руки героя нашего интервью весь этот календарный беспредел, заполнивший прилавки книжных магазинов, и начался с календарей Ю. Б.» И фото: юбиляр с любимой супругой.

13 марта — книжная ярмарка, павильон 57, список представленных 16 звезд: Ю. Б. в компании Вознесенского, Успенского, Виктора Ерофеева, тиражной Донцовой и других писателей.

14 марта — в «Москвичке» о Ю. Б. — «Рыцарь Серебряного века и летописец Огненного». В «Еврейском вестнике» — «Коктейль Безелянского».

19 марта — интервью в «Московской правде» — «Пробиваюсь в одиночку». Одна только фраза: «Жутко не люблю тусовки, почти нигде не

свечусь, редко встречаюсь с коллегами. Я сам за себя и терпеть не могу корпоративную солидарность…»

Немного дополнений. Дневник — это дневник, а книга — это книга. В дневниковых записях куча подробностей, деталей, явно лишних слов. А в книге все сжато, спрессовано и не дай бог утомить читателей, а то фыркнет и отложит книгу. Но все же надо кое-что вдогонку прошедшим дням добавить.

2 марта приезжал Эдик на «встречу без галстуков» — только рюмочку и цветочки. Большой букет, шампанское, ликер «Бейлис», магнитный альбом из Парижа. А Ще — шарлотку с яблоками. Сидели, кайфовали под беспрерывные телефонные звонки. Потом Миша из Парижа и с удивлением отметил, что на меня в Интернете 80 % сообщений и ссылок, а на него лишь 20 % — такая вот пропорция… А вечером подарок от ТВ — хороший старый французский фильм «Сезар и Розали» (1974) — Ив Монтан и Роми Шнайдер.

Среди звонков выделю Элину Быстрицкую, наговорила ворох любезностей: какой вы интересный человек и какие интересные книги пишете. И сообщила, что возможно будет создан институт театра и кино, и если его она возглавит,

то пригласит и меня в качестве профессора. Бриллиантовый дым из «Двенадцати стульев»!..

Перечислять то, что говорили на вечере в ЦДЛ, не буду. Очень пафосно и комплиментарно. И много раз отмечали, что, де, я любимец женщин. Лишь Брагина сказала нечто иное, о «какой-то внутренней элегантности». Да Мишта вспомнила прекрасные радиопрограммы «Крылатые амуры». Когда вечер закончился, и почти все ушли, появилась какая-то всполошенная женщина с охапкой цветов: «Где вечер Безелянского?..» Спутала время и пришла поздно…

И в довершение строки Самуила Маршака:

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь — на счету его круглые сутки,
И месяц, и 70 лет.

5 марта — первый выход в 70 лет. Доехал до ТАССа и получил тассовский календарь памятных дат. И можно гордиться, что обо мне написали больше, чем о Степашине, у которого был тоже юбилей — 50 лет.

6 марта — новая площадка — книжный магазин у метро «Войковская». Презентация, подписал

11 книг… Не дожил немного до своего 70-летия мой ровесник Фридрих Горенштейн, умер где-то в Германии…

16 марта — ждем визит в Страсбург, впереди маячит Европа. Ждем аванса от Стефановича. Вот жизнь, сплошное ожидание. Вечером гоняли пленки Аркадия Северного. Блатняк, примитив, а что-то цепляет.

Снилось мне: я в Париже, я в кафе,
И подходит ко мне рыжий в галифе…

10 марта — поехал на Большую Татарскую (бывшая Землячка) на р/с «Говорит Москва», прямой эфир с Жанной Волынской. В жанре легкого интеллектуального трепа 45 минут.

Поменял в банке деньги для поездки 30,50 за один доллар. Звонок из ТВ, предложили написать спортивные сценарии: Бобров, Стрельцов, Харламов и т. д. Отказался. Пока я завязан на страстях в «Вечорке», на текстах в «Алефе» и т. д.

13 марта — весенняя книжная ярмарка на ВВЦ. Среди випов был один Зюганов, но это не мой читатель… Канал «Культура» отказался от моих заявок. А вот «Еврейский вестник» уважил: напечатал рецензию «Коктейль Безелянского». Так что что-то теряем, что-то находим… В историче-

ском проекте для ТВ занимался бурными годами: 1917–1918–1919… «Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем!..»

* * *

19 марта — на электричке в Звенигород. Сероватый день, но воздух обалденный, не то что в Москве… Дали номер, обед (все на уровне: салат, печень по-строгановски, курабье, чай). Вышли к реке, надышались, а вечером в 20.30, согласно афише, выступление в старинном корпусе с камином. Собралось человек 30. Я рассказывал о тех, кто родился в этот день, 21 марта: Бах, Мусоргский, Вертинский, Утесов, Козин, Мариэтта Шагинян, Тициан Табидзе. Читал даже стихи, и с чувством, Юнны Мориц:

На Мцхету падает звезда,
Крошатся огненные волосы,
Кричу нечеловечьим голосом:
На Мцхету падает звезда…

Кто разрешил ее казнить,
Кто это право дал кретину —
Совать звезду под гильотину?

Кто разрешил ее казнить,

И смерть на август назначал,
И округлял печатью подпись?
Казнить звезду — какая подлость!
Кто смерть на август назначал?..

Когда читал стихи, казалось, что люди вздрогнули и задумались…

Утром 22 марта — завтрак, и на микроавтобусе отправились домой.

Маленький отдых с небольшим выступлением…

29 марта — просмотр видеопленки о Марлен Дитрих. Черно-белый вариант. Но очень достойно. 27-го в «Аккорде» презентация музыкального журнала с моим очерком о Глинке — «Фарфоровая душа».

2 апреля — в «Вагриусе» дела неважные, многие книги вылетают из плана издания. Финансовые трудности в «Вечорке». Кто-то спросил Евсеева, а будет ли стабильность? На что Евсеев мрачно отрезал: «Стабильность будет после смерти». Все, кто услышал этот прогноз, тут же поувяли. После совещания я спросил Михайлова: неужели все так мрачно? Он ответил: «А что вам? У вас книж-

ка за книжкой выходит…» То есть сразу отделил меня от всех сотрудников газеты: вы-то счастливец, у вас все о'кей! И мне это не понравилось, неужели за мною тащится такой шлейф? А чтобы держался этот шлейф, необходимо делать много и много, чем я, особенно, и занимаюсь…

Да, забыл записать, что в фильме слова Марлен Дитрих произносит Алла Покровская, жена Олега Ефремова, ну, а мой авторский текст.

1 апреля — в фирму «Франс-тур», окончательная стоимость поездки на двоих: 56 тысяч рублей. Далее в «Вечорку» отвез четыре материала наперед. И взял номер от 1 апреля — «Это случилось в апреле».

6 апреля — в «Пашков доме» с Алевтиной составляли рекламные письма об «Огненном веке», и некому их отвезти по нужным адресам, я отказался, не по возрасту быть книжным коробейником, и выходит, что вышедшая книга — сирота. В «Молодой гвардии» книги нет, и товароведы считают, что тираж пошел налево…

4 апреля принимали Наташу из Германии, какие-то подарочки бедным русским, не пожелавшим отправиться за счастьем на Запад.

5-го принимал корреспондента из «Маяка» Курганова. Хоть какая-то реклама «Огненного века».

9 апреля — суета с авиабилетами и с авансом от Стефановича: все откладывается со дня на день, даже от Жуховицкого за свой материал не могу выбить маленький гонорар. Билетов нет, денег нет, а хочется порядка и покоя, а в ушах звучат чьи-то наставительные слова: «Детка, это Россия!»

10 апреля — наконец-то аванс от Стефановича за сданную работу — 1000 долларов. Но ни один фильм еще не вышел: все в стадии запуска. Намечено, что с 1 сентября сериал выйдет: по фильму раз в неделю. Стефанович сказал, что он ходит по разным начальникам ТВ и, оказывается, «все вас знают, и это приятно». Пока я был у босса, к нему пришли «великие режиссеры» — Виктор Лисакович и кто-то еще. Я заторопился, а, якобы, великие режиссеры заверещали: «Ой, как жалко, что вы уходите!..» Я великодушно пообещал им ближайшую встречу. А в душе смеялся: какая-то чушь!.. Завтра — Страсбург!..

Страсбург — Метц, 11–18 апреля 2002 года, Эльзас, Лотарингия, Шампань

С чего начать? В 1849 году в Кобленце вышла книга Карта Бедекера «Путешествие по Рейну, от Базеля до Дюссельдорфа» — знаменитый путеводитель «Бедекер», который стал эталоном для подобных изданий. Я лично предпочитаю свой «Безелекер» с массой недостатков: несистемный, выборочный и с многочисленными пропусками. Увы, нет времени засесть за отчет основательно и подробно. Поэтому «извиняйте дядьку!..»

Итак, 11 апреля, четверг, день 1-й, Страсбург. На этот раз вылет из Домодедово, куда добирались на автолайне. Полет длился 3.10, раз группа компактная, всего 14 человек, гид Ирина, уроженка Риги, в Страсбурге уж живет более 10 лет.

Страсбург — не столица государства, но столица важнейших европейских организаций, с 1949 года здесь обосновался Совет Европы, с комиссией по правам человека.

Поселение основано Юлием Цезарем до нашего времени. Страсбург — город дорог. Страсбург поражает удивительной архитектурой, особенно

прелестная Площадь Рынка Молочных Поросят, самая старая аптека Европы «Олень», живописный квартал «Маленькая Франция» и еще много чего.

Знакомство с городом начинается с короткой экскурсии «Панорамы Страсбурга». Комплекс ультрасовременных зданий, в том числе Дворец Прав человека (1964). Стекло, бетон, причудливые геометрические формы. Обменяли деньги: за 300 долларов получили 323 евро и 83 цента.

Поселили нас в отеле Mercure Centre 3, номер 208. И свободное время. Первый перекус: сок Тропикано, сыр, колбаса с фисташками, четыре йогурта, хлеб, вода…

Гуляли часа два, от плас Клебера до Собора. Удивительно мало туристов и не очень тепло: +11.

Страсбург (по-французски Страсбур) — небольшой город, 252 тысячи жителей с длинной многострадальной судьбой. Римское владычество, протестантское движение, арена борьбы французов с немцами: цивилизация вина против цивилизации пива. Главная магистраль называлась аллеей Наполеона, затем была переименована в Кайзер-Вильгельм-штрассе. Затем новое название «Бульвар Республики», Рудольф-Гессе штрассе и, наконец, в честь гене-

рала де Голля. Сегодня эльзасец — это француз, живущий в немецкой среде (литературный язык — немецкий). Народ, привыкший к невзгодам, неунывающий и, как говорил Бомарше, который был истинным эльзасцем, веселье эльзасцев — «это привычка к несчастью».

Страсбургский собор производит внушительное впечатление, каменная громада, один шпиль высотою в 142 метра. И очень много скульптурных фигур.

В первый же день собор, старейшая аптека (первое упоминание о ней в 1262 году). Дом Коммерцеля — темный, резной, причудливый, памятник Гутенбергу, он жил в Страсбурге в 1433–1445 годах и именно в Страсбурге изобрел печатное устройство, положив начало книгопечатанию (все мы — дети Гутенберга!). Памятник Иоганну Гутенбергу был отлит в 1840 году Давидом д'Анже, другом Виктора Гюго. Скульптор изобразил Гутенберга, стоящего у печатного станка и держащего страницу только что отпечатанной Библии с начальными словами: «И стал свет…» («Et La Lumiere fut…»)

И еще одна памятная историческая веха: в ночь с 24 на 25 апреля 1792 года молодой офицер Руже де Лиль сочинил обессмертившую его «Военную

песню Рейнской армии», ставшую «Марсельезой» — национальным гимном Франции.

Напоследок первого дня в Страсбурге отстали от группы и заблудились. Ще перепугалась, но вскоре появилась Ирина с белым флажком спасать европейских челюскинцев.

12 апреля. «Маленькая Франция» и на пароходе по реке Иль.

Проснулись в 7 утра по местному времени (по-московски в 9 часов), и на завтрак на 7 этаж. Из окон прекрасный вид двух соборов. Шведский стол, но без горячего. Я — кофе, Ще — шоколад.

Далее пешая экскурсия. Ирина рассказывает: в Страсбурге учился Гете, жил Стендаль, немного пробыл Моцарт и уехал, Страсбург ему не понравился: публика холодная, сборы маленькие… Зашли в Кафедральный собор. Удивительный столб с Ангелами в три яруса, наверху — Христос на троне. Кругом мотивы Страшного суда… Далее на Плас-Марше-о-Кошон, на площадь Молочных поросят с домиками фахверковой эльзасской архитектуры… И вот «Маленькая Франция» — La Petite France по берегам Иля. Извивы, краски, цветы, все кажется не натуральным, а выставочным. Три уцелевшие старые Башни: башня Палача, башня Французов и башня Цепей. И сразу пахну-

ло мрачным Средневековьем…

Часовой круиз по Илю с панорамой мостов Страсбурга. Пароход плывет тихо-тихо, бережно разрезая воду. Преодолевает шлюзы, а мы успеваем только крутить головами налево-направо, любуясь открывающимися видами. Пир для глаз.

Приехали и дошли до отеля, покушали и побаловали себя тортом с клубникой, и уже самостоятельно пошли вновь в «Петит Франсе». По возвращению немного посмотрели местное ТВ: дикторша новостей немолодая, без раскраски и роскошного туалета, не наша ТВ-дива.

13 апреля. Дорога эльзасских вин. Кольмар.

Дождит, одеваемся потеплее (свитер), и на автобусике едем по Эльзасу (Альзас).

Первая остановка — маленький городочек Овернэ. Дозорная башня Лонжон. Маленькая площадь с маленьким собором. Все в миниатюре. Но в маленьких лавках магазинчиков тьма товаров и сувениров. Достопримечательность: стена с крюком позора, к которому подвешивали или прибивали в Средние века несчастных коммерсантов и женщин, позволявших себе любовную измену. В наше время в России подобных крюков позора понадобится миллионы: только успевай прибивать и вешать…

Группу ведут на дегустацию и дают попробовать рислинг из огромных деревянных бочек, сделанных из венгерского дуба. Сначала рислинг, потом серое вино, предлагают еще, но мы с Ще были единственными, кто отказался от халявных бокалов. Побродили по городку (а может, это просто поселение). Зашли перекусить: съели по две тарталетки со спаржей и миндалем и с кусочком омлета, — вкусно и сытно.

Нет, ошибся: дегустация вина была уже в другом поселении Эгинхайме. А еще неожиданно столкнулись с каким-то шествием ордена крестоносцев — в черных балахонах и с крестами на груди, шествующие возникли как будто из мглы давних веков.

Следующая остановка уже в настоящем городе Кольмар (65 тысяч жителей). Чисто эльзасский городок с живописными уголками, домами и переулками — мечта живописцев. Дома-игрушки, речушка, как с полотна художника, и все кругом утопает в цветах. Ни тебе металлургического комбината, ни какого-то закрытого оборонного предприятия. Кольмар — для жизни и для тихого счастья. Но времени для обзора было мало и, к сожалению, не попали в местный музей, где выставлена «Мадонна в беседке из роз» работы

Мартина Матиаса Грюневальда. Увы.

Но в кафе немного посидели. Пирожные цилиндрической формы на золотистой салфетке с кофе — невероятно вкусно за 11 евро. К вечеру вернулись в Страсбург, и еще одно незапланированное зрелище: проход из церкви около отеля молодоженов, далеко не молодых по возрасту, весьма солидных и респектабельных. Виден достаток на лицах и в движениях. И никакого игриво-счастливого «вуаля!».

14 апреля. Баден-Баден. Казино и дождь.

На завтрак позволил себе много: и ветчины, и яйцо, и кубики из сыра, салат из разных фруктов, включая кусочки ананаса, круассан, кекс, кофе. Ще смотрела на меня расширенными глазами: дома такого объедания не бывает никогда. Но в Страсбурге это все оплачено по туру.

Погрузились в маленький автобус, и в путь, сначала экскурсию вела некая Юля, стоматолог из Питера, и несла чушь: «Кто приехал в Баден-Баден, у них было время получать радость жизни». Время было, а деньги? Или везде были расставлены шведские столы?..

В 12 часов въехали в Баден-Баден под колокольный звон русской церкви. Баден-Баден — летняя резиденция Европы для монархов, дворян и

богатых тузов. Мы с ходу купили книгу Ренаты Эффери «Русские судьбы в Баден-Бадене», которая открывается главой «Дом Романовых и баденская династия». Из-за объема данной книги обойдемся без цитат.

Отмечу только, что в начале 20-х годов XIX века в Баден-Бадене открыли курзал, и модницы со всей Европы приезжали сюда демонстрировать свои роскошные туалеты. Дефиле до модных домов Парижа и Милана.

Летняя резиденция Европы принимала в середине XIX века до 5 тысяч русских гостей — князей, княгинь, графов, графинь, помещиков, писателей и других важных персон. После победы над Наполеоном в Баден-Бадене после битв отдыхало 16 генералов (Барклай де Толли, Милорадович и др.) со своими адъютантами. Блеск орденов и эполет, и звон шпор. Красота!..

Но лично меня не интересуют ни генералы, ни фельдмаршалы, а исключительно писатели и поэты из России.

«Баден-Баден — это райский уголок…» — отмечал Василий Жуковский.

«Я живу теперь в знаменитом курорте Баден-Баден. Хотел здесь остановиться на три дня, но уже три недели не могу вырваться отсюда…» — писал

в письме Гоголь в августе 1836 года. В Баден-Бадене Гоголь читал своим друзьям первые главы «Мертвых душ» и опубликовал в баден-баденской газете «Европа» повесть «Тарас Бульба».

В Баден-Бадене жили и умерли супруги Вяземские. На какое-то время обосновались здесь Гончаров и Тургенев (Баден-Бадену посвящены страницы романа «Дым»). Играл тут в рулетку в местном казино Лев Толстой, проиграл и «бушевал с опустевшими карманами». И, конечно, Достоевский, и мы с женой подошли к дому с памятной мемориальной доской о пребывании Федора Михайловича. Достоевский мечтал выиграть 30 тысяч франков и даже заложил свое золотое кольцо. Но не выиграл. В Баден-Бадене Достоевский пребывал с нигилисткой Аполлинарией Сусловой, а позднее — с молодой женой Анной Сниткиной, которая завидовала Гончарову, который имел возможность заказать обед из двух блюд за два флорина…

Мы с Ще побывали в знаменитом казино, которое открыл некий Жан Жак Беназе (Беназе — Безелянский, интересное созвучие). В казино два зала — Флорентийский и Красный, и много еще уголков с игровыми столиками. Играть не играли (зачем искушать судьбу), но посидели в

кафе при казино.

Покинули Германию (в Баден-Бадене стоит внушительный памятник канцлеру Бисмарку) и поехали «домой» — во французский Страсбург. Успели погулять (особенно понравилась набережная Иля с цветущими каштанами…)

15 апреля. Поездка в Люксембург и далее Метц.

С утра группа разбилась: часть поехала в Париж, а шестерка, включая нас, отправилась в Люксембург. За два часа преодолели около 250 километров. Я был в Люксембурге 29 лет назад (5 июля 1973), и вот второе пришествие. На этот раз Люксембург ничем особенным не удивил. Обычная красота и порядок.

Из «нового» — памятник герцогине Шарлотте. В годы Второй мировой войны она призывала люксембуржцев сдаваться в плен немцам, чтобы таким образом спасти свои жизни. Они сдавались, и слово «плен» не легло тяжелым камнем на их судьбе, в отличие от наших миллионов пленных, которых по возвращению ждал ГУЛАГ. Герцогине Шарлотте удалось невозможное: она вызволила из советских лагерей 5 тысяч пленных соотечественников. Великая герцогиня много сделала для престижа Люксембурга в Европе. Кстати, об истории. Государство Люксембург

ведет начало от «Маленького замка» — крепости Люсилинбургус, построенной на пересечении европейских дорог арденским графом Зигфруа в 965 году, еще до основания Москвы.

Гуляя по Люксембургу, встретили ансамбль музыкантов из… Черновиц. Музицируют и колымят ребята, а что делать?.. Мило пообщались на русском и мове.

Из Люксембурга направились в Метц, столицу Лотарингии. Размещение в «Новотеле», номер 235. Под гостиницей в три этажа под землей расположен торговый центр с магазинами, кафе и прочим. Очень удобно. Но мы начали не с торгового центра, а с прогулки по городу. И первое впечатление: город не понравился, мрачноватый, грязноватый, много африканцев и арабов. И никакого европейского шика. Улицы узкие, средневековые. Много машин. Вернулись в 10 часов вечера, без всякого очарования.

Метц основан во время Римской империи. В Средневековье тут процветали всевозможные ремесленные и торговые гильдии. Долгое время Метц переходил в руки то Германии, то Франции. Эльзас и Лотарингия — лакомый кусок… Ныне Метц — современный город, очень зеленый, с Ботаническим садом и прочими достопримеча-

тельностями, включая желтую сливу «мирабель» и витражи Марка Шагала в соборе (и как только рука повернулась напечатать сначала про сливу, а потом про Шагала, — неисповедима рука творческая…).

16 апреля. Метц. Собор. Шопинг. Набережная Мозеля.

Серое небо с утра, дождит, хочется домой — кризисный день, так бывает и остро тянет домой, к московским огромным просторам и толпищу, хламешнику и неухоженности. Но появилась гид по Метцу Ирина, пермячка, в Метце 10 лет, замужем за французом, двое детей. Господи, сколько русских женщин легло под французов!.. Ну, да ладно, Ирина бодро повела нашу петит-группу по городу. Сквер, грот с фонтаном, набережная реки Мозель. Площадь комедии и собор святого Этьенна (1220–1520), собор Франции. Витражи выполняли разные мастера, и последний — Марк Шагал, желто-синие с шагаловскими фантазиями. Главный зодчий собора — Пьер Пера.

После собора свободное время, и мы ударились в шопинг. Шопинг, как утверждают психологи, лучшее средство от тоски и депрессии. В «Сефоре» для Ще купили духи «Шанель», да еще пробников надавали, что привело Ще почти в бурный вос-

торг. А потом начали охоту за курткой для меня, и в магазине «СхА» ее купили, брусничного цвета за 69.95, и еще что-то по мелочи. На радости от покупок пошли в ресторан на площади и заказали грандиозную пиццу «Маргарита», с которой еле справились, запивая вкусным пивом. Вечер закончили в парке при набережной Мозеля. В отель возвратились без ног. Помывка с новым шампунингом и немного ТВ — дебаты французских выборов — Жак Ширак, Лионель Жоспен, троцкистка Арлетта…

17 апреля. Реймс. Погреба брюта. Возвращение в Метц.

Утром встали, за окном серость. А на завтраке полный зал смеющихся итальянцев. Пришлось подтянуться духом. В 11 часов серебристый «Форд» с водителем Франсуа стартовал в Реймс, в столицу региона Шампань-Арденны… С ветерком по отличной дороге и со скоростью, — и какой Франсуа не любит быстрой езды!..

Реймс (200 тысяч жителей) — город, в котором короновались почти все короли Франции, в том числе в 1429 году Карл VII в присутствии Орлеанской девы. Ее конная статуя стоит рядом с собором Нотр-Дам, одним из крупнейших соборов Франции. На западном фасаде изумительная

круглая розетка-окно (диаметр 12 метров). В интерьере собора 100 статуй, являющихся вершиной французской готической пластики, в том числе «улыбающийся ангел».

Экскурсия началась с винных погребов. Сели в вагонетки и покатили по подземному винному царству. На стенах изображение виноградарей и процесс изготовления шампанского. Его делают из трех сортов винограда и добавляют ликер. По дороге свет то гаснет, то вспыхивает какими-то световыми брызгами шампанского, — эффектно. В конце туннеля зал с портретами звезд Голливуда (реймское шампанское поставляется в Голливуд), и тут же дегустационный зал. Выпили бесплатно по бокалу брюта и шампанское, но уже за деньги.

После винных подвалов побродили по Реймсу. В рыбном ресторане отпугнуло меню: дорого. Перекусили длинным бутербродом «Парижьен 2» с кока-колой, а потом посидели еще в кондитерском магазине за столиком: три пирожных на двоих — с яблоком, эклер и трюфель, обалденных по вкусу, более вкусных никогда не пробовал. Покидали Реймс, урча от удовольствия.

Около 17 часов сказали Реймсу «адью», соборам, винным подвалам (40 метров глубины), статуе

Жанны д'Арк. Уютный, комфортный, изящный город Реймс!.. По дороге нам рассказали о жизни французов: потребляют много вин, сыров (до 500 сортов), воды, лекарств.

Самое популярное слово среди француженок — «депрессион». У мужчин другая напасть: любят прихвастнуть о числе любовниц… Ирине подарил «Ангела над бездной», и она чуть не прослезилась: «Я так сентиментальна…»

В последний вечер в Метце пошли в бар, выпили пива. И прогулка к собору святого Этьенна, к Мозелю, по которому спокойно плавают лебеди. И в Метце по ТВ смотрел футбол из Парижа — Франция-Россия. 0:0.

18 апреля. Последний день в Метце.

Плотный завтрак со «шведского стола», прощальный променад по городу, «Форд» Франсуа. В 17.29 «Боинг» оторвался от французской земли и взял курс на Москву. В самолете раздали ужин с отечественным пивом «Балтика». Выпил и осознал, что Россия никогда не станет Европой, а останется имперским захолустьем.

Ну, и две забытые детали: в парке в Баден-Бадене есть круг с расстояниями до столиц: до Москвы — 2.050, до Парижа — 450, до Рима — 960, до Нью-Йорка — 6.200…

И вывеска кафе-магазина с потрясными пирожными в Реймсе: Weida. И точка.

* * *

22 апреля — Европа позади. Мы возвратились, мы выдержали. Хотя Ще призналась, что эта поездка показала ее возраст. Но приехали, и снова мечтаем о новой поездке, хорошо бы в Италию…

26 апреля — 24-го отправились в санаторий Звенигород как бы по сравнению с Европой. Тоже неплохо, и номер предоставили двухместный, не хуже, чем в Страсбурге, и обед привычный: щи, говяжий язык, салат, компот. Вечером выступали «У Львовского камина». Пришло 25 человек из 60-ти отдыхающих. Аудитория твердокаменная, ее даже не пробили мои вариации: Страсбург, подвалы шампанских вин, Набоков, Заболоцкий, Агнивцев… Но в целом за некое «ля-ля» условные 100 долларов — тоже неплохо, и 25-го днем обратно. Неожиданная остановка у Одинцово — жуткая грязь и уныние привокзальной жизни. Россия без европейского глянца.

В «Вечорке» вышли два выпуска «Краткой энциклопедии мирового зла». Гущина на посту главного редактора ТВ-проекта сменил Виталий Третьяков. «Огненный век» в тени, а страсти

вокруг прохановского «Господин Гексоген» — там лоббисты, за спиной моего «Огненного века» никого. Молчание и о «Коктейле “Россия”», зато шумят по поводу всплесков антисемитизма в последней книге Солженицына… А тут еще зуб сломался. «Это к деньгам!» — радостно заявила Ще.

1 мая — возвращаясь к 26-му — пришлось идти к Ларисе Александровне. Она ловко нарастила сломанный зуб (за 500 ре.), но при этом мне пришлось выслушать ее разговор с помощницей об увиденном фильме о Бунине. Обе женщины осуждали писателя, и мне пришлось защитить Ивана Алексеевича. А поздно вечером меня повезли в Останкино на запись «Доброго утра» в программу Ларисы Вербицкой, руководитель группы Алексеев заметил, что я «дал яркую краску программе».

В воскресенье вечером 28-го не был в состоянии ни читать, ни писать.

Слушали свои пленки о том, как «Утомленное солнце нежно с морем прощалось…» В ночь показывали фильм Сокурова «Молох»: в роли Гитлера Леонид Мозговой, Евы Браун — Елена Руфанова. Кадр: голая Ева в ожидании фюрера под музыку Вагнера имитировала ногами марш гитлеровских полчищ.

Успех у Ще: в «Студенческом меридиане» опубликовали ее материал о любви Карла Брюллова к Юлии Самойловой, и приличный гонорар. Мои старания подтолкнуть Ще к журналистике не пропали даром…

1 мая уехали дышать в дальнюю рощу. Солнце, +20, весенние запахи — цветет липа, расцвела черемуха. Простому человеку всегда уютнее в толпе, в народном говоре и в стихии общих объединяющих чувств. Дух Октября 1917 года еще не выветрился. Речи ораторов и колыхание знамен еще многих волнуют…

6 мая — в конце апреля погиб в вертолетной катастрофе генерал Александр Лебедь. И страна оживилась в связи с пышными похоронами. В начале мая умер дирижер Евгений Светланов… Ще жалуется на ногу свою, а я на свою бросил обращать внимание… Теперь без жалоб на нездоровье ну никак нельзя. Донимает, окружает, тревожит…

2-го пошел в гости к Евгению Рейну, благо мы живем с ним в одном районе. Повод: он хотел посоветоваться со мною в связи с попавшейся ему на глаза исторической шпаргалкой 1921 года, очевидно, он тоже в проекте Стефановича. Мило пообщались, и Жене есть что рассказать об

Ахматовой, о Бродском, об Арсении Тарковском и многих других. Рейн по натуре поэт и одновременно баечник.

Я подарил ему том «Коктейля», а он мне — тонюсенький сборничек «Предсказание» (1994) с родственными для меня строками:

Я вырастал в забавнейшее время —
Умер Сталин! Дверь приоткрылась,
Мы пошли — пустыня!..
…поди-ка разберись.
И что же, пришлось нам
Разобраться. Все одним, почти
Без консультантов. Какие консультанты?
Глушь, туман. Кое-что, конечно, попадалось.
Кое-как во тьме энциклопедий, примечаний…

Именно так и было. Я пытался узнать новое во всем, что мне попадалось, прочесть. Разгребал кучи мусора и искал зерна истины…

Дальнейший майский расклад: 2-го Ваганьково по поводу установления нового мраморного памятника… 5-го отдых в Серебряном бору… 6-го

засел за черновик новой книги «Гибель принцесс»… Звонок от Рейна. Он прочитал «Коктейль “Россия”» и наговорил много приятностей. А на мой вопрос, почему нет рецензий, ответил: книга очень серьезная, и надо прежде всего определиться с позицией, а этого многим не хочется: вызывать огонь на себя и на автора?.. Возможно, Рейн прав…

14 мая — вчера Анисим меня сосватал на вечер в ЦДЛ, посвященный выходу книги Зиновия Каневского, «Зинка», который учился в нашей 554-й школе, к сожалению, я его не помню. Из-за своего еврейства не попал в филологи, и поехал в Арктику, стал полярником, затем инвалидом, умер несколько лет тому назад. Книгу «Зинка» издала его вдова. Вел вечер Андрей Турков, который попросил выступить меня. Я говорил в основном о том далеком времени и назвал его «подлым» — зал вздрогнул.

В «Алефе» мне передали письмо из США, от профессора Вилена Левятова. Он написал, что журнал начинает читать с моих материалов, ну, и, конечно, «5-й пункт» великолепен, советует всем друзьям, и занавес. Новый босс, очевидно, мало что смыслит в СМИ и гнобит мои материалы, пришло время сказать «Вечернему клубу»

арривидерчи, адью, прощай!..

Умер Валерий Лобановский, 63 года, великий «Рыжий» — тренер киевского «Динамо».

19 мая — торможение «Серебряного века» и «Сада любви», а еще трех книг в «Радуге» не останавливают мой творческий пыл (лучше, наверное — порыв), и я с головой ушел в судьбу принцессы Дианы, леди Ди. А у Ще в «Студмеридиане» споткнулись на Веневитинове, как выразилась Пьянкова, «нужен прищур из сегодняшнего дня». А у Ще прищуриваться не получается.

16-го — презентация книг в «Молодой гвардии». Всего лишь восемь подписанных книг, а у выступавшей до меня Марины Юденич — ни одной. После общения с читателями директор магазина Нина Егоровна пригласила попить вместе чайку и пожаловалась, что в связи с подорожанием книг продажи упали на 20–25 процентов. Се ля ви. Умерла Татьяна Окуневская и сожалею, что не сделал с ней фотографию на память. Она меня читала с восхищением…

18-го, в субботу, еще одно выступление в Чеховском центре. Интересно: в зале сидели 24 женщины и один мужчина. Чувствуется, пришедшие все с небольшим доходом и рассматривали поход в Чеховский центр как в театр. Театр Юрия

Безелянского. Я старался быть на уровне ожиданий.

26 мая — отключили горячую воду. Но разве это не событие? Мир взорван новостями, одно за другим: наводнение, землетрясение, пожары, взрывы, убийства — и все это смакуется на телеэкранах, с каким-то садистским удовольствием. Но есть и успокоения в газетах, в частности, в «МК» объявления о контактах с различным женским полом — негритянки, лолиты, мулатки, шоколадки, девчонки, модели, москвички и даже какая-то конкретная Дашенька, — на любой вкус и выбор! И главное — приписка «деш», т. е. дешево. Недорого, заплати и расслабься. Но официально никакой проституции, борделей под крышей стражей порядка.

22 мая ходил к боссу за деньгами (работодатель Стеф), а у него на диванчике какое-то бледнолицее создание, отнюдь не шоколадка, — что ж, имеет право! Какие претензии? Отсчитал мне тысячу «зеленых» и я, урча, покинул квартиру босса. И в тот же день с Ще поехали в «Снежную королеву» и купили турецкое кожаное пальто на теплой подкладке. Еще кое-что из одежды. Немного одеваемся…

31 мая — последний день весны. У Новеллы

Матвеевой есть строки:

> *Короток май и недолог. Точно досуг между делом.*
>
> *Пусть же из беглых обмолвок сложится песенка в целом!..*

Да, если бы не проект ТВ с моими историческими шпаргалками, то я, наверное бы, куковал со всеми. В 60 лет умер от инсульта Виталий Соломин, приятный актер, который страдал от безденежья вместе с другими, читал объявления о работе уборщиц и говорил: «И каждый раз поражаешься: все-таки зарплата у них повыше будет!..» Да, в новой России культуру отрезали, растоптали, испоганили — не нужно все! Только мешает любить родину своими проклятыми вопросами. В цене только попса, смехачи и анекдотчики, им почет и бабки!..

Ну, а я, как белая ворона, копаюсь в мировой истории и допечатываю бедную принцессу Диану, вышел на 101 странице. И это уже не финти-флюшки, а серьезное исследование, что, как и почему?..

29-го ездили в очередной Звенигород. Все зелено. Теплынь. Цветущая сирень, рулады соловьев. Каминный зал с белым роялем был почти

полный. Вместо отдельной темы предложил пришедшим попурри из творческих биографий поэтов, любовных историй и отдельных стихотворений моих любимых, в том числе Николая Заболоцкого: «Я трогал листы эвкалипта / И твердые Перья агавы…» И далее:

…Но в яростном блеске природы
Мне снились московские рощи,
Где синее небо бледнее,
Растенья скромнее и проще.
Где нежная иволга стонет
Над светлым видением луга,
Где взоры печальные клонит
Моя дорогая подруга…

А еще читал Игоря Северянина, Уткина, Вознесенского… Не всем пришелся по душе выкрик Вознесенского под Эдгара По:

Оза, Роза ли, стервоза —
Как скучны метаморфозы,
В ящик рано или поздно…
Жизнь была — а на фига?!

Спалось замечательно. Погуляли с утра. Сирень,

шиповник, соловьи. И отчалили в незабвенную Москву.

5 июня — хочется шагать и шагать, но ноги стреножены. 12 книг вышло, 13-я никак не родится. «Сад любви» из рукописи никак не превращается в книгу. Спрашиваю Костаняна в «Вагриусе»: «Как моя книжка?» Он: «Никак, как и все остальные. Денег нет…» В «Жирафе» заболел спонсор, и издательство на грани закрытия. «Серебряный век» в серебристом тумане… И остается обратиться к 4-му правилу Дейла Карнеги:

«Ведите счет своим удачам, а не своим неприятностям».

Соответственно: считайте вышедшие книги, а не те, которые застряли на издательских путях. А еще лучше смотрите матчи открывающегося чемпионата мира по футболу, что я и делаю. И первая сенсация: Сенегал обыграл Францию — 1:0.

11 июня — смотрю футбол и печатаю любовные страсти для «Вечорки».

Сборная России в Иокогаме сдула сборной Японии — 0:1, что вызвало пьяное безумие на Манеже. В «МК» появился комментарий «Битва при Порт-Артуре»:

«Почти 100 лет назад Россия потерпела сокрушительное поражение от Японии. Весть о

разгроме при Порт-Артуре дошла до столицы нескоро. И русские люди долго отказывались верить в то, что «какая-то Япония» сделала с Россией такое. С поражения в Русско-японской войне началась первая русская революция, бессмысленная и беспощадная, с расстрелами, погромами и баррикадами… 100 лет спустя история повторилась в виде идиотского фарса. Вместо армии и флота — сборная по футболу. Вместо снарядов — резиновый мяч. Вместо пролетариата на баррикадах — «отморозки» — бритоголовые, крушащие все и всех на своем пути. За 100 лет мы так и не научились проигрывать цивилизованно. Даже в футбол…»

На Тверской жгли машины и разбивали витрины. Одна из владелиц магазина сказала по ТВ, что ее больше всего потрясла не эта пьяно-хулиганствующая толпа, а то, как после них по Тверской пошли пенсионеры и прочие нормальные люди, которые высказывались: так вам и надо, богатенькие!..

Менталитет русского народа. Неумение наладить собственную нормальную жизнь. Черная зависть к тем, кто умеет… Эх, надо было бы в «Коктейле “Россия”» написать о народе пожестче. Да еще пугливые дамочки в «Радуге» вырезали

несколько моих острых пассажей. Да, на 71-м году жизни я испытываю горькое разочарование и Россией, и русским народом. Бездарная страна. Неспособный к созиданию режим. Глупый и идиотский народ в своей основной массе. Рабы и холопы, не желающие слушать своих гениев, пророков и светильников. Чаадаевы-Герцены-Бердяевы мало кого интересуют… Кто-то пустил удачное сочетание: «быдл-класс».

21 июня — трудно летом отказаться от Звенигорода. Приглашение, и поехали в 4-й раз в этом году. Обед, гуляние, воздух, легкое полежение в номере, — все, как полагается. А в 20.30 — салон у камина. Несмотря на духоту, собралось человек 30. Слушали, раскрыв рот, еще бы: Наполеон Бонапарт и его женщины. И маленький казус, когда я сказал, что рост Наполеона был всего 157 сантиметров, какой-то маленький человечек тут демонстративно покинул салон — обиделся…

На другой день никакого выступления, отдых на чисто кислородном масле. Пообедали и тихонечко на электричку. В 17.10 уже дома.

27 июня — звонил Басков, крепкий журналист старой формации, жаловался и жаловался: мало печатают, мизерные гонорары, а тут еще «Общая газета» закрывается (я вел с ними переговоры,

но не успел у них напечататься). Старым журналюгам тяжело (себя к ним не причисляю): народилась куча молодых акул и не пера, а диктофонов, и, образно говоря, рвут подметки. Отбивают газетно-журнальный хлеб у стариков. Такова суровая жизнь. Законы джунглей. Социальный дарвинизм. Как угодно можно назвать. Меняется и сама журналистика, становится более жесткой, агрессивной, бранчливо-ругательной и все более отходит от родной матери — литературы. И я уже начинаю чувствовать, что культурологическая основа моих текстов, мои литературные бантики не всем уже нравятся. Попроще, друг мой, и мордее!..

Поговорили об общем журфоне (хорошее сокращение от журналистского фона), ну, а я продолжаю свою биографическую серию, свои миниатюры из ЖЗЛ: после Дианы взялся за судьбу Грейс Келли, уже принцессы Монако. Получил заказ от журнала «Крестьянка». Печально то, что мне 70 лет, а моим работодателям, главным редакторам, в диапазоне от 30 до 40 лет. И это сравнение угнетает…

1 июля — сегодня на Ваганьково принимали сделанную работу — памятник черного мрамора с оригинальным вырезом. Давно собирался, и вот

все сделано. Как камень с души упал…

Еще занимался Грейс Келли, писал комментарий про страх для «Крестьянки». А на очереди — Сильвия Кристель, героиня будоражащего фильма «Эммануэль». Самому было интересно, как становятся Эммануэлями, ведь не только ради денег, но, наверное, есть и мощный внутренний позыв, секс аппиэл — зов пола… В полдень показали по ТВ французский фильм «Распутник» о философе Дени Дидро (его играл Венсан Перес). Судя по картине, Дидро увлекся не только просвещением и философией, но и многочисленными женскими юбками.

5 июля — проба фруктов. Черешня — 60 рублей, абрикосы — 40. В книжном магазине на «Соколе» для сравнения: «Страсти по Луне» — 64, «Клуб 1932» — 62, в другом магазине — «Ангел над бездной» — 124, «5-й пункт» — 120. Цены для истории… Специально для меня по ТВ — видеоряд об императрице Сисси (Роми Шнайдер). Совпадение… А вот пример несовпадения: в «Радуге» мне передали письмо от Валентины Трембицкой (в замужестве Бурнштейн), она пишет:

«Мне подарили Вашу книгу “Клуб 1932”, и я была потрясена и ошарашена. Ведь мы с Вами не только ровесники, но и еще однокашники. Я ведь

тоже училась в Плехановке в 1950–1954 годах. Почему я тогда не знала Вас?..» А мог быть роман? Сомневаюсь…

Почему-почему? В жизни все случай. Как говорил Анатоль Франс: «Случай — вообще Бог!» А письмо о невстрече пришло из Калининграда.

9 июля — в субботу 6-го в жару показал отменный результат: отпечатал 10 страниц… По ТВ и в прессе замучили сплошные ЧП, катастрофы, аресты, суды… Марк Дейч провел пренеприятную цепочку имен: Буданов-Проханов-Зюганов. Столпы красной империи…

14 июля — 9-го был прямой эфир на кабельном «ТВ-Сокол». Вела Анна Фернандес, внучка испанского эмигранта… А на следующий день с утреца в Звенигород (то ли работа, то ли отдых). Поселили в номере-люксе. Пообедали, посидели на реке, попивая бутылку пива «Стелла», почти благодать. А потом к вечеру — выступление. Около 50 человек, подносили стулья. Я рассказывал о судьбе двух принцесс — о Диане Спенсер и о Грейс Келли. В конце шумно аплодировали. Говорил энергично, эмоционально, не растягивал слова, небрежно и всезнающе, как это делает Виталий Вулф…

А так всю неделю донимала жара, которую я плохо переношу. Мечтаю об осени, о прохладе, о

куртке, о галстуке…

20 июля — постоянно что-то выходит в свет, что-то печатаю, кстати, завершал Грейс Келли — 42 страницы. Повсюду слышны нападки на литературу, мол, литературочка, благодаря усилиям писателей-патриотов, гонят какую-то лабуду…

24 июля — в небесной канцелярии — бардак. Что-то происходит с погодой. В Москве неимоверно жарко, за 30 градусов. В Тбилиси +35, Ташкенте +37. А вот в Магадане +17, благодать. «Но нам туда не надо!..» — как пел Высоцкий. А дома душно и тяжко, надоело сидеть в трусах и в тапочках. Пляж на дому, только вот плескания волн не слышно…

Читаю книгу об императрице Сисси, автор Цезарь Корти, якобы всемирно известный, а книга бездарная. Вязкая, тягучая, с трясиной ненужных подробностей.

22 июля отправился на праздник: 40 лет «Книжному миру» и 10 лет — «Библио-Глобусу». Второй этаж закрыт для праздничного действа, много чиновников, писателей — раз, два и обчелся — Евтушенко, Вишневский да я. Открыл церемонию Евтушенко и завяз в своем выступлении, тут подрулил замминистра Григорьев, директор Романова перебила Евтушенко и отдала микрофон

Григорьеву. Вот так вот: поэт в России меньше, чем чиновник!.. Евтушенко обиделся, взял свой рюкзак и покинул «Библио-Глобус». И тут Романова попросила меня и главреда АСТа Хелемского ударить в колокол, символизирующий начало праздника. Первый колокол в моей жизни, почти Герцен. Все это снимали для новостей канала «Культура». Затем фуршет и подарочек: тетрадочки-альбомчики…

Щекастику хотел написать стихи на день рождения, но вышло что-то не то:

Не надо жизнь подслащивать елеем
И говорить, что все вокруг прекрасно.
Увы и ах. Идет процесс. Стареем.
И кажется, что жизнь прошла напрасно…

А вот приложение к «НГ» — «Экслибрис» подсластил пилюлю, в информации о книжном празднике в «Библио-Глобусе» написав, что на нем были «любимые авторы — Евгений Евтушенко, Владимир Вишневский и Юрий Безелянский».

2 августа — после Роми Шнайдер принялся за Марию-Антуанетту, но сначала прочитал, что о

ней написал мэтр биографического жанра Стефан Цвейг. На день рождения Ще приехал Эдуардо с подарками. Отметили втроем с шампанским и обсуждали грядущую поездку в Париж.

8 августа — перелом погоды. И работа-работа. Энциклопедия зла, календарь страсти, прочитал Цвейга и взялся за следующую книгу — сборник «Корона и эшафот». А 6-го — очередной Звенигород. Снова люкс. Выступление, 38 человек, тема: члены Клуба 1932 года. В обед за столом сидели с Лидией Смирновой: в 1940 году, когда родилась Ще, Смирнова сыграла роль Шурочки в фильме «Моя любовь». От той Шурочки мало что осталось: Лидия Николаевна откровенно стара (1915). Сгорбленная, с палочкой, но живая и памятливая, почему-то вспомнила Марка Бернеса, который плохо относился к женщинам…

16 августа — 12-го произошла редкая встреча с олигархом, предпринимателем, бизнесменом Дмитрием Борисовичем Зиминым (1933). Достойный и честный человек, не нувориш какой-то, а один из представителей когорты дореволюционных капиталистов (Гучковы, Морозовы, Щукины, Зимины и т. д.) Его офис в здании, где был когда-то ресторан «София» на Маяковке. Зимин предложил мне поучаствовать в альбоме

старых фотографий Москвы, как старые уголки города выглядели 100 лет назад и как сегодня, и написать об этом текст. Зимин меня уговаривал (он читал мои книги), мол, у вас получится. Я ответил: подумаю. Подумал и отказался, и не потому, что не справлюсь, нет, справлюсь, но на это надо будет угрохать много времени, лезть в справочники, и отставить всю текущую работу. И я отказался. Потом была другая встреча с Зиминым, но тут отказал он: я просил спонсировать уже свою личную книгу… Да, забыл написать, что Зимин прочитал мой «Коктейль “Россия”» и выразил за нее благодарность…

На следующий день, 13-го, снова в «Библио-Глобус» на презентацию книг «Радуги» (мои в первых рядах). Какая-то женщина вручила мне письмо. Ну, думаю, любовное послание, но нет: с каким-то мистическим отсветом. Она написала, что моя книга «Страсти по Луне» мистически перекликается с катренами Бранта (кельтские предсказания XV века). К письму были приложены какие-то схемы, словом, какая-то эзотерика…

Еще одно удивление: пригласили на управу «Сокол», и глава управы предложил написать книгу об истории района Сокол. Идея, как дым. Потом этого главу, кажется, взяли под арест за

какую-то взятку. Но, как ни странно: Мария-Антуанетта мне ближе, чем Сокол, интереснее…

Да, в «Библио-Глобусе» неизвестная мне Крутикова из Большого театра заявила, что теперь я — современный Юрий Лотман. И не менее. «Дывлюсь я на небо», неужто я — Лотман… И еще подивилась театральная дама: «Почему вас нет на телевидении?..» Устный ответ: по кочану!..

21 августа — дружно вдвоем простудились и активно лечились. Но это не помешало работе: закончил Марию-Антуанетту — 47 страниц, и взялся за Марию Стюарт. И снова черпал вдохновение в Стефане Цвейге. Короче, мне впору играть мольеровского «Мнимого больного». 19 августа — звонок из «Радуги» — вышел «Московский календарь». На следующий день Ще отважно поехала в издательство (все-таки соавтор!) и привезла три книги. Алая красивая обложка, шрифт — гарнитура миньон. И странно обозначенный тираж — 6.600 экземпляров. Фокусы? Кого обманывают?.. А на самом деле тираж три тысячи экземпляров. Итак, 13-я книга. Для Ще «Московский календарь» — первая книга. Так ждала! А вышла, и Ще погрустнела. Феномен Остапа Бендера, мечтавшего о миллионе. Тут требуется повторить бессмертные строки из «Зо-

лотого теленка»:

«— Вот я и миллионер! — воскликнул Остап с веселым удивлением. — Сбылась мечта идиота!

Остап вдруг опечалился. Его поразила обыденность обстановки, ему показалось странным, что мир не переменился сию же секунду и что ничего не произошло вокруг… Стало ему немного скучно, как Руалю Амундсену, когда он, проносясь в дирижабле “Норге” над Северным полюсом, к которому пробирался всю жизнь, без воодушевления сказал своим спутникам: “Ну, вот мы и прилетели”. Внизу был битый лед, трещины, холод, пустота. Тайна раскрыта, цель достигнута, делать больше нечего, и надо менять профессию…»

И когда выходит книга, я это сам несколько раз чувствовал, то ощущение почти такое, как у Остапа Бендера, только вместо миллиона давно вожделенная книга, и почему-то нет веселой собачьей радости, лая и виляния хвостиком…

…А в Западной Европе потоп, в Венгрии вышел из берегов Дунай, у нас, в России, свои наводнения, падают вертолеты, в Чечне по-прежнему ужасы и прочие ЧП — Энциклопедия мирового зла пишется почти ежедневно…

25 августа — вышел из отпуска главный ре-

шала управы Сокол Фазиль Марданыч и заявил: «Денег нет! Какая книга?!..» А я уже прикинул проспект «Полет Сокола». Увы, не состоялся… Зато состоялся 24-го поход в далекое Марьино, метро «Братиславская» — 14 остановок и одна пересадка. Там открылся филиал магазина «Молодая гвардия». Приехал туда — новый многоэтажный город, совсем не похожий на привычную. Глава управы Марьино, не Фазиль Марданыч, а русский Николай Николаевич Лобнов, на машине повез меня и директора главной «Молодой гвардии» показывать свой район. Около нового книжного магазина собрались толпы, музыка, флаги и все прочее. Разрезали ленточку и покупатели хлынули в зал, и сразу очередь к двум приехавшим в Марьино писателям — к Дарье Донцовой и к Ю. Б. И тут Донцова обыграла меня с крупным счетом: к ней большая очередь за автографом, а ко мне — жиденький ручеек. Марьино обожает детективы Донцовой и еще не привыкло к нон-фикшн Юрия Безелянского. Но все равно за выступление получил праздничный набор, чисто российский вариант: бутылка водки «Смирновская», сушки с пряниками, ручки и блокноты…

В «ЛГ» выступил с жалобами Андрей Яхонтов: мало издают, мало платят, и рассказал, как од-

нажды с этими жалобами обратился к Сергею Михалкову, тот ответил: «Хочешь, чтобы все тебя любили, Андрюша? Это очень просто. Издавай одну книгу в 20 лет. Одевайся во что-нибудь рваненькое. И болей. Обязательно болей… Тогда все будут тебя жалеть и любить».

Мудрый гимнюк Советского Союза…

1 сентября — пошел небольшой шумок вокруг «Московского календаря». 28-го приезжала телебригада и брала интервью для третьего канала. Проводил телевизионщиков и помчался в «Литературную газету» в Костянский переулок. И договорился с Серковым делать для них Литературные даты.

Хочешь рублики —
Садись за рубрики.

Закончил Английские хроники (Анна Болейн и Мария Стюарт) — 40 страниц. 29-го был в редакции газеты «Век». Даль Орлов принял как родного. В том же комплексе «Правды» заглянул в редакцию «Советской России» (сегодня, спустя годы, читаю про свои походы и переговоры и удивляюсь, откуда только силы брались? Ныне их, к горькому сожалению, нет — 30 июня 2019). А еще в тот же день поехал в «Радугу» и подкинул

немного своих книг. Юрист издательства, только что вернувшаяся из Парижа, сделала комплимент: «Вы выглядите, как русский эмигрант в Париже: также одеты, такая же прическа, манеры…» Без комментариев.

6 сентября — творческая жизнь бьет ключом — пенсионный живой ключ. Еще один прямой эфир на «ТВ-Сокол». По просьбе ведущей вспомнил 800-летие Москвы, отмеченное в 1947 году. Потом была книжная ярмарка, но сначала надо сказать о погоде. Дождей нет, все сухо и выжжено солнцем, в Подмосковье горят леса и торфяники. Москва окутана дымом, «русский дым», как написала какая-то газета. «Такой столицу России в последний раз видел Наполеон».

Но и в дым жизнь продолжается. В воскресенье 1 сентября по ТВЦ показывали программу «Даты», в которую вмонтировали интервью со мной, которое я дал дома в красной рубашке. Седой и весьма возрастной. На ярмарке подошла ко мне одна незнакомая женщина и сказала: «О, я вас не узнала сразу, в жизни вы более молодой, чем на экране».

На ярмарке на ВВЦ был 4-го. 15-я международная. В прайс-листе «Вагриуса» дали рекламу готовящихся к выходу книг: Рязанова «Эльдар-

ТВ», Лиона Измайлова «Какие люди!» и Юрия Безелянского «В садах любви». Накануне в «Вечорке» вышла заметка «Белинского и Гоголя с базара понесут…» Ну, и мои книги продавались. И еще заметка «Ни дня без истории» с фотоснимком Александра Городницкого и Ю. Б., где Городницкий якобы обращается ко мне: «А про бардов вы в своих хрониках не забыли?..»

На ярмарке много общался: с какими-то русскими из США, которые сообщали, что мои книги пользуются спросом в Бруклинской библиотеке; кто-то собирает литературу о Джоконде и умолял продать ему мою книгу; солидный мужчина заявил, что мою «Веру, Надежду…» нужно дарить всем новобрачным, ибо там о любви есть все, что необходимо знать…

На стенде «Пашков дома» презентовал свой «Огненный век», но он не вызвал повышенного интереса, другое дело — ажиотаж, где презентовалась книга генпрокурора РФ Устинова… Домой с выставки возвращался без ног.

11 сентября — 8-го был на записи программы «Культурная революция» на Пречистенке в Пушкинском музее. Посадили рядом с Донцовой, и на экране то и дело мелькала моя лысая голова с остатками былых кудрей. Выступил с

репликой о Сталине, но ее вырезали, очевидно, сочли неуместной. Но я тем не менее написал комментарий, как я был участником культурной революции. Вот отрывочки:

«Тема была поистине революционной: имеет ли право публичный человек на частную жизнь? В зале собрались сплошные звезды, от которых рябило глаза: Павел Буре, Надежда Бабкина, Ирина Роднина, Борис Моисеев… Оппонентами дискуссии был Николай Басков и вице-спикер Госдумы Любовь Слиска… Кипели нешуточные страсти, кто был "за", кто был "против". Моя позиция: публичный человек (знаменитый, популярный, медийный) обязан платить налог обществу за свою известность, налог в виде раскрытия определенных моментов в своей приватной жизни… Интерес этот, с одной стороны, праздный, а с другой — вовсе непраздный: на подсознательном уровне нам хочется узнать секрет успеха, за счет чего публичный человек достиг своей популярности. Трудолюбие, амбиции, талант? Или за счет чего-то иного, явно ускользающего от глаз…

О, эта частная жизнь! Как невыносимо, когда о тебе сочиняют негатив. Но еще хуже, когда о тебе не пишут и не говорят. Молчание — это страшная кара для публичных людей».

9-го получил «Алеф» с материалом об Изе Кремер — «Планета Изик». Как правило, люди не любят прошлого, не знают прошлого и предпочитают настоящее (знаменитое Carpe diem — наслаждайся днем!). И, соответственно, канули в вечность кумиры эстрады прошлого — Юрий Морфесси, Анастасия Вяльцева, Надежда Плевицкая, Иза Кремер. Бенефис последней состоялся 4 января 1915 года в Одессе. Бенефис Бенефиссимус. 30 подношений. Грандиозный успех. В начале 1920 года Кремер покинула Россию, и ее комета «Изик» погасла в Аргентине.

В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине…

Журнальный вариант об Изе Кремер вошел в дальнейшем в книгу Ретроэстрады — «Серебряные трели судьбы» (2011). Лично я отдал дань великолепному прошлому и его кумирам…

15 сентября — жизнь идет, жизнь продолжается, жизнь клокочет. Обычный день — 12 сентября, четверг. С утра напечатал материал «2003-й — год Козы», затем выход из дома. Маршрут: вынос мусора (в основном газетные вырезки) — помойка, далее газетный киоск, выезд в «Литературную газету», издательство «Радуга», журнал «Новое

время», «Вопрос истории», «Новый мир», книжный магазин «Москва». Для 70 лет довольно круто! Везде разговоры-переговоры-обещания. В «Вопросах истории» некто Кантор по поводу рецензии на «Огненный век» сказал, что за рецензию платят гроши, и поэтому никто сам по себе их не пишет, только по заказу или за деньги, или по дружбе…

5-го звонок из «Вагриуса» — вышел сигнал «В садах любви». А я уже вожу хороводы и с книгой о принцессах, глава «Иван Грозный и его жены», расправился с женами царя и вышел на Марину Мнишек. Сплошные исторические прыжки и ужимки… Но при этом я не допускаю никакой желтизны, а держу высокую планку. Не копание в грязном белье, а чистое просветительство, культурология на сливочном масле…

23 сентября. Итак, одна книга вышла («В садах…»), другая пишется («Гибель принцесс»), печатаются материалы в пяти журналах («Алеф», «Крестьянка», «Берегиня», «Золотое перо» и «Аэрофлот»), в трех газетах («Вечерняя Москва», «Век», «ЛГ») и три интервью: «Тверская», «Слово», «Итоги». Можно аплодировать, можно вздохнуть, а можно и промолчать. Скромно. Но я фиксирую факты для будущего печального факта «Были

когда-то и мы рысаками…»

В «Московских новостях» Михаил Жванецкий: «…Я не старости боюсь, я боюсь оказаться нищим и ненужным своим детям. Боюсь не суметь себя прокормить. Вот что страшно…»

Я тоже боюсь, и поэтому эссе о Патрисии Каас в «Крестьянке» и запущенный Литературный календарь в «Литературной газете», первый выпуск состоялся в номере от 18 сентября. Ще возбудилась: «Литературка»! Юра, я тебя поздравляю! Ты — писатель!..» Я горько улыбнулся. Нынешняя «Литературка» — не та старая весомая газета, да и тираж 78 тысяч экземпляров. Единственно, что радует: соседство моего календаря с интервью пани Хмелевской…

Неожиданный звонок из Хайфы — двоюродный брат Борис, единственный по отцу. Десять лет молчал, как уехал из Москвы, и вот: «Видел тебя по телевизору…» (в «Культурной революции»). Взяла трубку Мера и спросила: «А Аня по-прежнему такая же красавица?..»

20 сентября — ЧП с электричеством в доме. В нашем подъезде — сгорели четыре телевизора и один холодильник. Сгорел и наш телеящик. На кого жаловаться? На Чубайса?..

После длительной командировки к нам в гости

приехал другой брат: Боря Кузнецов. Походил по комнатам:

— Как у вас хорошо!

— Да?

— Настоящая творческая лаборатория.

И я почувствовал себя алхимиком, а не писателем. Почти графом Калиостро.

29 сентября — раз Калиостро, то пригласили на книжную акцию «Бессонница на Тверской» в магазин «Москва». На дверях афиша: писатели Юрий Безелянский и Михаил Веллер (попугай, посмотревший много на своем веку, удивился: «Дожили!»). Покупали книг мало, в основном пришедшие в магазин глазели. Я в свою очередь пожадничал и не подарил книгу Светлане Сорокиной. Почему? Сам не понял, а она была прекрасна на разогнанном НТВ. «Субъективный календарист» — так назвал материал обо мне в журнале Андрей Мирошкин, и он был прав… «Бессонницу» закончил в 22 часа: потянуло на сон…

На следующий день, 24 сентября, поехали с Ще в Тургеневку на презентацию «Московского календаря» под эгидой «Москвички». И пышный букет слов: «Вы самый интересный человек в Москве!..» Хорошо, что у меня крепкая голова и от подобных похвал не кружится. Все оценки делю

на десять…

Отдыхать некогда: 25-го в Звенигород. И как в оперетте «Перикола»: «Каким вином нас угощали!..», а еще мороженым. На этот раз за столом соседом был Глеб Скороходов, мой коллега по некоторым темам. И, конечно, обсуждали ТВ-дела. На меня в зал пришли 36 человек. Темой избрал «Календарь как жанр литературы». Прошло на ура. На другой день какая-то женщина сказала, что не пропускала ни одной программы «Академии любви» на «Дарьял ТВ» и вот, наконец, увидела меня «живьем». Так и сказала. Я незаметно пощупал себя: действительно, живой…

Обратно в Москву добирались не на электричке, а на санитарной машине с мигалкой. В итоге отдохнули неплохо: и погуляли, и полежали, и повыступали. Да еще Катерина отметила, что «Московский календарь» — лучшая книга.

В последующие два дня занимался рубриками и выкинул большой скопившийся архив по мировому злу и детективам. Злом заниматься не хочу.

6 октября — никогда не бывает все хорошо. Вновь в повестке дня — стоматология. Врач Лариса считает, что надо срочно менять верхний мост слева, а протезист Тамара — нижний справа. Меняем все! — вот это весело!..

Помимо зубных проблем, без остановок действует творческий конвейер: отпечатал-отвез-снова сел за машинку, а потом отвез и т. д. Натолкнулся на строки из письма (11 мая 1931), где Осип Мандельштам сетует на судьбу: «Деньги на исходе. Бюджета никакого… Гладкое ровное место. Литература моя — весьма убыточное и дорогое занятие…» К словам Осипа Эмильевича нечего добавить.

Вчера приходила брать интервью Гузель Агишева из газеты «Трибуна» (бывшая «Социалистическая индустрия»). У нее в семье «Коктейль “Россия”» прочитали с восторгом, а на работе идут бои, кто «за», кто «против». А я не в курсе всех жарких схваток. Это уж точно: у книги своя судьба. С Гузель просидели и проговорили часа два…

13 октября — на днях Путин в каком-то интервью сказал, что он, — какая царская шутка! — производит услуги населению. Ну, а я произвожу культурно-исторический продукт. В книге о принцессах закончил Елизавету Федоровну и перешел к Аликс, к Александре Федоровне, почти физически ощущая ответственность перед историей.

20 октября — аккурат в Покров день поехал с шампанским в «Вагриус» отмечать выход своей

14-й книги «В садах любви» с подзаголовком «Хроника встреч и разлук». 606 страниц, тираж 5 тысяч экземпляров. Многострадательная книга — 7 лет ожиданий выхода. Были всякие варианты, вплоть до шикарного издания за деньги от Газпрома, и какая-то часть была даже набрана с прекрасными иллюстрациями. А кончилось изданием в Ульяновске, в типографии на ул. Гончарова… В «Вагриусе» встретился с Андреем Вознесенским, у него там выходит 5-й том собрания сочинений. А когда-то, точнее в 1975 году, Андрей жаловался в стихотворении «Невезуха»:

Друг мой, настала пора невезения,
Глядь, невезуха,
За занавесками бумазейными —
Глухо.
…Видно, эпоха черного юмора,
Серого эха.
Не обижаюсь. И не подумаю.
Дохну от смеха…

На меня Вознесенский смотрел с большим удивлением: вот уж от кого не ожидал литературных подвигов. Сам выглядит ужасно: не лицо, а маска. «Завтра улетаю в Грецию», — видно, успокаи-

ваться не хочет. Рассыпается, но творит. Впрочем, мы оба одинаковые: неугомонные труженики — он и я, — только он начал творить раньше, а я поздно, и соответственно итоги не равны. И как с горечью признался Андрей: «Но итоги всегда печальны, / даже если они хороши…»

Получил 10 авторских книг и вторую часть аванса (в конверте!) — 7.500, а моя пенсия — 2.196 = 56.

16 сентября Эдик привез журнал «Крестьянка» с публикацией о Сильвии Кристель, 80 ре за номер — у меня рука не поднялась его купить… Вышел очередной литкалендарь в «ЛГ». Допечатал «Русские страницы» — 124 страницы. Последняя фигура — Анастасия, якобы спасенная принцесса…

Пишущая машинка, рубрики, книги заслоняют жизнь, а она за окнами, как писал Владимир Маяковский в поэме «Хорошо» (1927):

Радость прет…

Жизнь прекрасна и удивительна!..

И совет от ВладиВладимыча: «Твори, выдумывай, пробуй!..» И творят, и выдумывают, пробуют — и грабят, и убивают, и ликвидируют… в субботу 19 октября на Арбате грохнули губернатора

Магадана. Москва как Чикаго, и никого не могут найти, кто убил. Отстреливают бизнесменов и крупняков почти каждый день. И никто уже не поет старую песню о том, что «Любимый город может спать спокойно…» Ах, раньше! Как говорит Жванецкий: в те годы читать было интереснее, чем жить. А сейчас никто почти не читает. А жить интересно и страшно…

25 октября — 85-я годовщина Октября. Какие были устремления, какие надежды.

Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть небо в алмазах, —

писал Николай Клюев. «Неба в алмазах» не получилось. Наворотили миллион трупов. Был убит и поэт Клюев. Все это я попытался отразить в предельно сжатой хроникальной книге «Огненный век» (2001).

А если писать свою хронику, то, к примеру, день 21 октября — с утра писал послесловие к книге «Гибель принцесс», потом собрался с духом и посетил три редакции: «Огонек», «Крестьянка», «Смена», благо все они в одном здании в Бумажном проезде. Тексты, переговоры, гонорары…

22-го — Звенигород. Был удивительно сухой голубой день. В библиотеке санатория показывал

по видео фильм о Марлен Дитрих. И весь следующий день провели в санатории. Полновесный отдых, а в 20.30 уже не фильм, а мое выступление. Рассказал о дне 23 октября в мировой и русской истории. Только несколько фактов из советской истории:

1937 год — в Лубянской тюрьме оказался выдающийся советский авиаконструктор Андрей Туполев…

1941 — Георгий Князев записывал в дневнике в блокадном Ленинграде: «Пасмурный день. Дождь. И люди радуются, как не радовались солнцу, теплу. День нелетный, бомбить не будут!»

1958 — в Стокгольме было объявлено о присуждении Борису Пастернаку Нобелевской премии. Пастернак послал секретарю шведской академии телеграмму: «Бесконечно благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен». А на следующий день началась травля поэта. ЦК КПСС объявил присуждение Нобелевской премии политической провокацией…

1990 — город Горький вновь стал Нижним Новгородом.

1991 — постановлением Госсовета СССР формально упразднен КГБ СССР.

Вернемся к вечеру 23 октября 2002 года. Я при-

ходил в себя после исторических экскурсов, смотрел по телевизору футбол из Барселоны, и вдруг экстренные новости: в Москве — ЧП. В ЦС завода шипикоподшипника во время спектакля — мюзикла «Норд Ост» группа чеченских боевиков захватила зал — более 700 заложников. И сразу на сердце легла тревога, что же делается в стране и где доблестные силовики-чекисты?..

Кто-то обронил фразу: «Жить или бояться?» Нет, надо жить… А Чечня? Все началось с царского генерала Ермолова, с завоевания Кавказа…

3 ноября — телеграфно коротко: с гонорара «В садах любви» купили утюг, радиоприемник и брюки. В советской России в 20-е годы брюки были мечтою. В «Крестьянке» вышел мой опус о Мадонне, в «Тверской, 13» (тираж 100 тысяч экземпляров) опубликовано интервью «В дар — календарь». На книжных развалах Арбата видел своего Рюрика («От Рюрика до Ельцина»). И отвез в «Радугу» рукопись о принцессах, под ворчание: «О Диане много книг написано…»

И Гузель прислала газету с интервью в «Трибуне» — «Песнь о пятой графе». И в сопроводительном письме: откликов много и хороших, и все спрашивают, где купить книгу?..

8 ноября — дневниковая запись начинается с

эмоционального выкрика на ТВ-программу Караулова «Момент истины»: волосы встают дыбом из-за того, что происходит в стране. Но в данной книге подробности опускаю. Ясно одно: в России никогда не будет порядка, и Россия обречена…

И все же. Все переживают события в Дубровке с «Норд-Остом». Афорист Вл. Дагуров сочинил:

Утром главное проснуться,
Вечером — домой вернуться.

Сергей Юрский съязвил по поводу нашего ТВ: «Ежедневный джентельменский набор — это падение самолета, убийство депутата, наводнение у нас, наводнение в отдаленной стране, визит министра иностранных дел такого государства, даже название которого сам министр произносит, приподнимая брови от удивления. Ну и напоследок скороговоркой о теннисе: Кафельников проиграл, Сафин выиграл, Курникова — первая красавица…»

В «Новой газете» Михаил Задорнов среди прочего о Путине: «Колокольчик. Звенит красиво. А толку — никакого».

В «Известиях» высказывание детей о 25-й годовщине Октября: «К власти пришли декабристы и Сталин… Ленин и еще какой-то крендель… Все

друг друга жучили…»

Детки прелестны!.. И очередные лингвистические фокусы Вознесенского:

— Лермонтов — наш российский Кьеркегор.

— Какой, на хер, кагор? Пивка бы тухлого, но чешского… За Тухачевского!

Как говорится, без комментариев.

15 ноября — странная моя жизнь: выбираю темы и пишу быстро и легко. А печатаю натужно и мучительно: плохая машинка, бледная лента и плохо воспринимаю текст. И получается работа с каким-то тяжелым преодолением. И иногда бывает настроение: бросить все и завязать! Но что тогда делать?.. А тут еще постоянные сюрпризы со здоровьем, то поясницу прихватит, то нестерпимо ноет плечо, ну, и прочее.

Позвонил Стефановичу, он раздавлен: проект приостановлен, и все виды на богатый урожай рухнули. Не все идет гладко, как хотелось, в других проектах — в газетах и журналах. Был только хороший вечер по случаю 35-летия «Аккорда» в музее Глинки с концертом. Анатолий Кузнецов, Игорь Бриль и другие джазисты. С фуршета мы с Ще сбежали. Боюсь есть и пить из-за самочувствия…

Ошарашил звонок Юрия Рябинина, он сомне-

вается: «Я думаю, что вам кто-то помогает писать книги. Один человек столько делать не может…» А вот, оказывается, может, даже при плохой машинке и бледной ленте!..

18 ноября — страдаю от жуткой серости и укороченного дня. Темнеет рано, а при электрическом свете не могу ни читать, ни писать. И соответственно, падает производительность труда… и можно пошутить: уже не стакановец, а рюмочкин.

26 ноября — новый ТВ-проект уже от Натальи Илгулдиной — «Власть факта». Я клюнул и подготовил шесть сюжетов, в том числе об ограблении Ленина бандитом Кошельковым в красном Питере. Отдал, но уверенности нет, что все будет о'кей…

22-го в «Крестьянке» получил журнал с материалом о Мадонне с отличными фотоснимками. Зашел в «Смену» и предложил два своих материала биографического плана. А мне говорят: у нас эту тему ведет Иван Зюзюкин. Короче, в схватке за лит. приз Зюзюкин обыграл Ю. Б. Подсластила «Вечорка», напечатав мой комментарий «Конец эпохи Романцева». Тряхнул, как говорится, стариной и вспомнил, что я все-таки футбольный болельщик. И оттянулся на нелюбимом мною

«Спартаке».

Поздним вечером во двор ворвалась группа молодежи и выкрикивала требования, чтобы «черные убрались из Москвы!». И — «Москва для русских, москвичей». Я как раз москвич в третьем поколении и русский по паспорту, значит, могу продолжать свою литературную деятельность…

28 ноября — идут плохие времена. «Радуга» собирается покидать свои обширные апартаменты в здании в Сивцев Вражке и куда-то переезжает, где аренда не столь высока. Был на презентации в «Библио-Глобусе»: книг покупали мало, в основном листали, вздыхали и клали на место: дорого!

Народ нищает, но имперские амбиции сохраняются. Перед матчем «Локо» — «Боруссия» (Дортмунд) болельщики надрывались речевками:

К чему вести дискуссии
И полоскать мозги?
Мы славную «Боруссию»
Порубим на куски!

И порубили, проиграв немцам со счетом 1:2. Имперский комплекс: мы сильнее всех! И получили заслуженно по мордам…

27-го на красном автомобиле поехал на «Мосфильм»: пригласили!.. в программу «Даты», канал ТВЦ. Я говорил о датах 27 ноября. Ведущая Елена Старостина. Был легок и раскован. Из «Мосфильма» на том же красном автомобиле (в марках авто не разбираюсь!) отвезли на Крымскую, на ярмарку нон-фикшн. На стендах трех издательств выставлены три моих книги: «Огненный век», «Московский календарь» и «В садах любви». На стенде «ЛГ» лежат газеты с моим литературным календарем, в каком-то еврейском издательстве — стопочка журнала «Алеф». В общем, не слабо, как говорит молодежь.

Приехал домой — звонок от Илгулдиной: мои сюжеты прочитаны, как литературные, они блестящие, а как телевизионные — непонятно, как строить «динамику» и где искать картинки? Им еще картинки подавай! И я плюнул на этот проект!.. Опять же утешил маститый Игорь Гамаюнов из «ЛГ», сказав, что они с женой читают мои литературные даты, и «какие интересные ассоциации и параллели!..».

Устал от мотаний и поездок и отдыхал за телевизором: отличный фильм по Стефану Цвейгу «Улица в лунном свете» (Франция, 1987).

5 декабря — а вот и зима подлетела. Тонкий

слой снега. И как писал Афанасий Фет: «И скрип шагов вдоль улиц белых…»

Позабавил Женя Рейн: «Будешь в Нью-Йорке, зайди в лучший русский ресторан Романа Каплина, скажешь, что от меня, — тебя накормят бесплатно!..» Рейн — прелесть!..

Но еще большая прелесть, что давно забыт праздник принятия Конституции СССР — 5 декабря 1936 года, которую Алексей Толстой пафосно определил как «Хартию человеческого счастья». И сколько было сложено стихов о ней. Все советские люди знали наизусть стихотворение Джамбула «Закон счастья»:

Сам Сталин заботится ночью и днем
О каждом из нас, как о сыне родном.

«Закон о счастье» прекратил свое существование 7 октября 1977 года, когда была принята другая Конституция времен Леонида Брежнева. Несчастье, но с Продовольственной программой. А потом пришли другие вариации и модификации законов о народном счастье.

Я пишу эти строки 4 июля 2019 года, в обычный день нового вождя и отца нации, и читаю свежий номер газеты «МК», комментарий Дмитрия Попова на «Злобу дня» — «Время врать и время

вымирать». Прикладистый текст: «…У нас две России. В одной — пустеющие деревни, а в другой — бесчисленные резиденции и дворцы. В одной — рабочие и инженеры с нищенскими окладами, в другой — управляющие ими эффективные менеджеры, собачек на самолетах катающие…» Дальше можно не продолжать.

8 декабря — эх, лучше о погоде. Ясное небо, ослепительное солнце и легкая пудра снега. И это при хорошем морозе и обжигающем ледяном ветре.

Звонил Эдуардо из Канн, был в Монако. Там «скучно». Ну, конечно, теплынь, море, яхты, парки, казино. В Москве повеселее, особенно когда пришлось выступать в каком-то историко-краеведческом музее на проспекте Мира среди учителей. У них конференция, и для весомости пригласили писателя…

14 декабря — дома — событие. Приходил мастер и вдохнул жизнь в сгоревший телевизор «Шарп». И денег не взял, но с удовольствием принял книгу «В садах любви» — книга, как разменная валюта.

10-го устроил большой архивный террор: выкидывал папки с историческими вырезками. В мусорный мешок полетели Ленин со Сталиным, революции с пятилетками. Надо признать, что всем этим заниматься уже не буду, да и сил нет

все охватить…

12-го добил по просьбе Полякова целую полосу «ЛГ» о юбилеях 2003 года — 14 страниц. В один из вечеров пришлось утешать Ще, которая плохо переносит свой возраст. И я тоже. А как скоро переживали свои немалые лета Бунин и Корней Иванович Чуковский, и разве они одни?..

Стефанович еще раз подтвердил, что ТВ-проект из 100 фильмов о России окончательно рухнул, все закончилось, как и полагается по-русски, крахом.

Большие деньги — большие интриги. Жалко, конечно, но надо не забывать, что попал немного под золотой дождь и подкормился. А вместо сериала Стефановича впоследствии появился такой же сериал о России, но уже под руководством Сванидзе.

16-го ездил в Домжур смотреть верстку к 300-летию отечественной журналистики — 115 лучших журналистов. Почетно: Ю. Б. вместе с Отто Лацисом, Венедиктовым и компанией.

18 декабря — неприятный сюрприз: неожиданно закружилась голова, полечился сном, сделал четыре попытки встать с дивана, и не смог. Ще перепугалась страшно. Лишь к вечеру пришел в себя. Да, играю с огнем…

24 декабря — отлегло, но отказался поехать на выступление в «Молодой гвардии». Не «казачка Надя», чтобы постоянно скакать, как Надежда Бабкина. И, как на грех, донимает быт: сломалась стиральная машинка «Канди», позвонили мастеру — он умер. И это посильнее, чем ремонт «Канди». Что-то с краном: подтекает вода. Вызвали другого мастера, он что-то говорил о таинственном «вентиле». Я — не Копенгаген, это не по моей части. Короче, жизнь полна осложнений, недоразумений, удивлений…

От «Молодой гвардии» отказался, а в «Библио-Глобус» пришлось идти. Продавцы на весь зал рекламировали «книги известного писателя Юрия Безелянского», но покупали мало. Подписал лишь 10 книг. До меня неделю назад был Михаил Веллер, не подписал ни одной, обиделся и ушел. Жизнь дорогая и книги в цене.

27 декабря — два позитива. 25-го вышел последний номер «Литературки», а в нем целая полоса моя — «Круглые даты в 2003 году». В конце фото автора. А какие замечательные юбиляры: Софокл, Стендаль, Максим Горький, Михаил Светлов и др. Перепечатывать 14 страниц машинописного текста не годится, поэтому выделю лишь одного — Александра Николаевича Островского. Ему

исполнится 180 лет (родился 31 марта / 12 апреля 1823). Москвич, пропитанный московским духом. Знал Москву вдоль и поперек. «Колумб Замоскворечья». Написал 47 пьес, из них 46 были поставлены в Малом театре при его жизни. И какие знаковые пьесы: «Свои люди — сочтемся», «Не в свои сани не садись», «На всякого мудреца довольно простоты», «Волки и овцы» и т. д. Островского, как драматурга, не интересовали любовные «французские штучки», он отражал имущественные отношения современных ему людей, их погоню за «бешеными деньгами» и за доходным местом. Островского волновало нарождающееся капиталистическое общество и новый идол — его преподобие Капитал, который может раздавить и растлить каждого. (На 190 лет Островскому в «Московской правде» вышла моя публикация «Бешеные деньги на сцене и в жизни» — 11 апреля 2013.)

А второй позитив — интервью в журнале «Полиграфист и издатель». В номере три интервью — с Эдуардом Успенским, Иваном Дыховичным и Ю. Б.

31 декабря — в пятницу 27 декабря в 21.25 по каналу «Культура» наконец-то появился мой первый и, очевидно, последний телевизионный

фильм о Марлен Дитрих. Перемонтированный по сравнению с первым вариантом. И стало лучше. Фильм выглядел профессионально и смотрибельно. Хороша Марлен, прекрасны ее песни, и я был на уровне, что подтвердили многочисленные звонки.

28 декабря принимал участие в программе «Книжное казино» на «Эхе Москвы» у ведущей Майи Пешковой. Несколько моих книг было разыграно в эфире. В коридоре столкнулся с Венедиктовым, который сказал, что с удовольствием читает «Московский календарь».

После «Эхо» немного передохнул и поехал с Ще на 70-летие Аркадия Богомолова (троюродный брат, как Эдик). Стол ломился. Фаршированная рыба была изумительна. А вот разговоры были исключительно бытовые и тягучие, как Аркадий собирал грибы, как закатывал в банки огурцы и т. д. Уехали домой с сумками, где были положены 11 (!) банок консервированных овощных закусок. И это тоже можно рассматривать как гонорар?

29-го сел за машинку и перелицевал, как портной Мотэле, старый материал о Розе Люксембург в «Алеф», в рубрику «Знаменитые женщины XX века».

Новый год по уже сложившейся традиции

встречали с Ще вдвоем. Фильм «Тутси» (Дастин Хоффман и Джессика Ланж) и новогодние концерты с редкими удачными номерами. А в 12 часов ночи сдали в историю ушедший 2002 год.

ИТОГИ неплохие: 3 книги — «Огненный век», «Московский календарь» и «В садах любви». Делал еще одну — «Гибель принцесс». 76 газетно-журнальных публикаций. 14 напечатанных интервью. Творческий вечер в ЦДЛ, 8 выездов и выступлений в Звенигороде. Плюс презентации в магазинах, выступления на разных радиостанциях и на ТВ. Фильм «Марлен Дитрих» по каналу «Культура». И неосуществленный проект сериала о России (проект Стефановича). Но начало сотрудничество с «Алефом».

Для 70 лет это, наверное, совсем неплохо. И тихо, чтобы никто не слыша, говорю себе: «Молодец!»

2003 год — 70/71 год

Выход книги «Жизнь и гибель принцесс». В роскошном журнале «Династия» — две публикации о Марии-Антуанетте и Грейс Келли. Рекомендация Евгения Рейна в Союз писателей. 31 января — презентация в Домжуре справочника-энциклопедии «Журналисты XX века: люди и судьбы». Попал в 111 лучших персон. Выступление в Звенигороде по теме «Календарь как жанр литературы». На р/с «Говорит Москва» — «Любви все возрасты покорны». Презентация журнала «Аккорд», в нем Имре Кальман. В «Крестьянке» — «Пикассо и его женщины». 7 марта Римма Казакова вручила билет члена Союза писателей Москвы. Май — Германия, Дортмунд с выездом в Брюгге, Мозельскую долину, Люксембург, Трир. Голландия — Утрехт. Аахен, Мюнстер… В сентябрьском «Алефе» рубрику «Золотые перья» открыл Генрих Гейне… 2 декабря — Останкино, «Город женщин». И под Новый год закончил Марселя Пруста.

Сначала нужно научиться терять, нежели приобретать…

Иосиф Бродский. Выступление в Сорбонне, март 1989

И можно еще из Бродского: «Кажинный раз на этом самом месте / я вспоминаю о своей невесте. / Вхожу в шалман, заказываю двести…» Я не Бродский и от меня не сбежала невеста. В шалман не хожу и соответственно ничего не заказал. Но я, как Иосиф Бродский, всегда вспоминаю и перебираю, как четки, свою жизнь, что сделал, правильно ли сделал и чего вообще сделал, к сожалению. Но все равно в шалман не иду, а сажусь за пишущую машинку. Долблю воспоминания…

6 января — в первый день нового 2003 года много звонков, и в основном о фильме о Марлен Дитрих по ТВ. Хвалили. Даже Элина Быстрицкая — «я ваша поклонница». И как сообщили мне: на первой летучке в «Москвичке» Волынец отметила мой теледебют, что, мол, наш автор был лучше «пошлого Вульфа». Не согласен: не пошлого, а скучного.

По «Эху Москвы» разыграли «Московский календарь», и он отправился в Саратов… 3-го прошлись по праздничной Москве, не впечатли-

ла, не Европа… 4-го в разговоре с «Крестьянкой» предложил свой старый материал о поцелуях, и вдруг осенило: а не сделать ли целую книгу о поцелуях. Загорелся и сразу стал рыскать по своим досье и архивам, где что как написано об этой первой фазе сближения между женщиной и мужчиной. Листал сборник стихов, и мгновенно находки. Георгий Шенгели:

И мальчик с девочкой целуются в подъезде,

И так им хорошо, так сумасшедше им.

А что потом? Об этом Сергей Есенин.

И с тобой целуясь по привычке,

Потому что многих целовал,

И, как будто зажигая спички,

Говорю любовные слова…

Короче, действовал, как поисковик. Поискант и поисковед. И надорвался, лег днем спать. Звонок из «Москвички». Зина:

— Можно VIP-персону?

— VIP-персона спит, — отрезала Ще.

11 января — 9-го сел за новую рубрику для «Вечерней Москвы», которую обговорили с Евсеевым

и Михайловым, — месячную полосу, и вот первая — «Январь в датах, в событиях и комментариях». А на следующий день звонит зам главного Колпаков и говорит, что Юрий Поляков распорядился, что после общей полосы юбилеев за год не имеет смысла давать уже отдельные юбилеи по неделям, тем более что в газете не хватает места для других материалов. «А полоса ваша была прекрасная!» — заявил Колпаков. Я решение Полякова расценил как удар под дых. В принципе я — пришелец в «ЛГ» и отнимаю хлеб от уже притертых писателей к «ЛГ». Мало что отнимаю место, так еще меня многие хвалят (Бэлза: «Вы — хранитель времени!»). С «ЛГ» пролетел, но вышел январский «Алеф», а там — даты и материал об Эльзе Триоле. Да, Бэлза в телефонном разговоре сказал с сожалением о себе: да, вы пишете книги, а я только все время выступаю. Но он на виду, а я — боец невидимого литературного фронта, лишь изредка появляющийся на публике.

15 января — по ТВ картины последствия морозов в стране. Рвутся батареи, люди без тепла и воды. А в Москве сплошные балы, презентации, приемы. Ну, и все время кого-то убивают. Вот и футболист погиб, Юрий Тишков. Если записывать свою жизнь, то 12-го отправился в Медведково и

выступал там в Доме книги. Подписывал свои: «5-й пункт», «Ангел над бездной». «В садах любви»… В Медведково столкнулся опять с Дарьей (Груней) Донцовой. И опять различие: она приехала туда на джипе с охранником, а я тащился на метро и без сопровождающего (Щекастика пожалел)…

19 января — на смену морозам грянула оттепель, сегодня +2. Тают сугробы и превращаются в грязные льдистые глыбы. Под ногами грязь и вода. А в квартире шпарят батареи. Как выживем? Непонятно.

Был разговор пригласить меня в «Школу злословия» к Татьяне Толстой и Дуне Смирновой, но что-то там на ТВ не получилось, а, возможно, кто-то был против моей персоны. А 16-го поехал выступать в Цветаевский дом-музей. Погода была жуткая, и добрались лишь 14 отважных слушателей. Был даже один читатель из Хабаровска, который собирает мои книги, и я ему подписал очередную. Поймал кураж, и все пришедшие громко благодарили. И в тот же день в «Вечорке» вышел «Январь в российской истории». Ну, а я с головой ушел в новую книгу, и весь зацелован цитатами из стихотворных сборников.

Ну, а вечером подарочек: по «Культуре» повтор Марлен Дитрих. Марлен и Ю. Б. во всей красе,

по крайней мере, так хочется верить. Продюсер Александрова безуспешно бьется за продолжение сериала о кинозвездах. У меня уже многое готово…

24 января — главная новость: «Жираф» выдал мне первый кусок набора Серебряного века — 96 страниц. И в этот же день, как сообщила «Вечорка», «Жирафиху показали зрителям». Но в конечном итоге издательство «Жираф» так и не издало Серебряный век…

Все остальное на неделе по мелочи: я занимаюсь женским делом — поцелуями (новая увлекательная книга), а Ще — сугубо мужским делом, развертывая биографию великого воина Шамиля. Так вот и живем… В понедельник 20-го ходил в ЦДЛ на презентацию книги Валерия Алексеева «Мир русского календаря». Красивая книга. Автор потратил на нее 30 лет жизни, как он сказал, да еще заплатил полновесными долларами. Свой календарь я не только русской, но и мировой истории сделал значительно быстрее. Алексеев рассказывал о своем детище и говорил нормально, а все выступающие несли откровенную чушь и не по делу. Я не выдержал и взял слово: «Я не буду рассказывать про атомные секреты и о том, как покупал рояль для своей

племянницы — весьма ценный рассказ предыдущего оратора.

Я буду исключительно близок к теме — к миру русского календаря…» Зал затих и у многих отвисла челюсть…

22-го звонил Жуховицкий: «Срочно вступай в Союз писателей» Я: зачем? Леня: «Что тебе, лишняя корочка помешает?» Логично. Позвонил Евгению Рейну за рекомендацией. Он: «Ради бога. Я большой мастер рекомендаций». Пришел к Рейну, Женя попросил: «Посиди у меня немного, я тебя очень люблю». И написал рекомендацию, подивившись, что я издал 14 книг, спросив: «Ну, ты не бедный человек?» А далее пообещал мне устроить осенью поездки с лекциями по Голландии или Италии, в Павию, там университет и кафедра русской славистики. Я не отказался, хотя в душе понимал, что все это туфта, всего лишь слова.

25 января — сбор ветеранов-журналистов в редакции «МК», о чем поведала газета на следующий день в заметке «о встрече “старейшин”» (вот уже и старейшина — благодарю, не ожидал!..). На встрече было 25 ветеранов, кто-то не смог прийти, а один вообще умер, что поделаешь: ветераны и у всех раны, физические и моральные,

позволю себе горько пошутить. Я был там белой вороной: относительно молодой, элегантно одетый и почти динамичный. В библиотеке на полочке на видном месте стоит мой «Огненный век» — приятно. Все коротко что-то сказали, и праздничный обед.

29 января — да, забыл написать об одном выкрике какого-то ветерана на разговор о том, что молодежь не хочет в армию, он возмутился: «А кто будет родину защищать?!» Конечно, главное, защищать, воевать и любить высшую власть, все остальное — детали, мелочь…

Вот этой мелочью я и занимаюсь. 25 января отпечатал первые четыре страницы беловика «Тысяча и один поцелуй». Лед тронулся! Губы раскрылись!.. Печатал в гриппозном состоянии, «горел» и глушил себя работой, напечатал 11 страниц. А вечером звонок от редактора «Радуги»: «Мне дали читать ваших “Принцесс”, так интересно, что слюнки текут…»

2 февраля — в последний день января, 31-го, в 11.30 я получил в руки увесистый том справочника-энциклопедии «Журналисты XX века: люди и судьбы», 824 страницы тираж 5 тысяч экземпляров. В томе 111 персон. Первый раздел: публицистическая классика: Аверченко, Бунин,

Гиляровский, Горький, Дорошевич, Короленко.

Второй раздел: публицисты русского зарубежья, от Вишняка до Шульгина, включая Осоргина и Тэффи.

Публицистика 30-х годов (Кольцов, Рейснер и др.).

В годы Отечественной войны — Эренбург, К. Симонов, Сергей Смирнов и др. Журналисты послевоенных лет: Ефим Дорош, Овечкин, Татьяна Тэсс и др.

Из оттепели к перестройке — больше всех, 46 персон, от Аграновского до Галины Шерговой. Аджубей, Бовин, Карякин, Коротич, Лиходеев, Стуруа и др.

И, наконец, последний раздел — «Открытый финал» — 31 персона. Ю. Б. поставлен в этом ряду вторым после фотокора Виктора Ахломова. За мной по алфавиту Венедиктов, Засурский, Игнатенко, Кабаков, Лацис, Листьев, Лошак, Минкин, Петровская, Сванидзе, Егор Яковлев и другие корифеи. И я, неведомо откуда пришедший и попавший в группу избранных. Это даже почище любого гонорара!..

4 февраля — в ресторане «Эривань» хачатуровское 70-летие. Юбилей как юбилей, с тостами и непомерными похвалами. Кто-то сказал, что

Хача участвовал в управлении страной. Действительно, чиновник из высшего разряда. Управлял, укреплял. А я в это время потихоньку участвовал в развале режима путем своих публикаций, махая критической шашкой и фехтуя сатирической шпагой.

8 февраля — прошла простуда, вступило в поясницу. Из огня да в полымя. Вот так и сражаемся…

Пришлось поменять заголовок «Гибель принцесс» (говорят, что мрачно!) на «Жизнь и гибель принцесс» (так пооптимистичней?).

5-го в Звенигород на неполных три дня (два дня на двоих — почти 200 евро, но оплата — выступление). Катал привычную программу «Календарь как жанр литературы».

15 февраля — «Радуга» переехала в район бывшей немецкой свободы, метро «Бауманская», обустроились в какой-то фабрике «Обуви» — падение престижа. Подписал договор о принцессах. Цифры продаж: «Вера, Надежда, Любовь» — 24.372, «Улыбка Джоконды» — 14.915, «Страсти по Луне» — 4.437 и т. д. Хуже всех продается «Московский календарь».

По подсчетам Чупринина, в РФ 30 тысяч писателей, и мы продолжаем оставаться литературноцентрической страной. И кстати, на ТВ

в программе «Апокриф» были лидеры продаж Донцова и Дашкова, и на них наезжали Пригов и другие «нормальные» писатели без бешеных тиражей. Общее мнение: «криминальное чтиво» подмяло под себя все и портит сознание и вкус читателей. Но что поделаешь? Такое время. Таково общество. Люди хотят забвения от проблемной жизни, им не нужен ни Пруст, ни Достоевский, им подавай что-нибудь легонькое и интересное, привычное и знакомое…

И сразу приходит на память фолиант Homo Legens — «Человек читающий» (более 700 страниц), где собрано множество высказываний о книгах и читателях. А в томе в самом начале приведено стихотворение Николая Гумилева «Читатель книг», и в нем такие строки:

…Неутомимо плыть ручьями строк,
В проливы глав вступать нетерпеливо
И наблюдать, как пенится поток,
И слушать гул идущего прилива…

Строки Максима Горького о книге: «Наше существование всегда и всюду трагично, но человек превращает эти бесчисленные трагедии в произведения искусства…»

Но мы должны спускаться в этот мир,
Как водолазы в сумрак Атлантиды, —
Былых веков надежды и обиды…

Это строки Всеволода Рождественского.

Ироник Эмиль Кроткий: «В книгах мы жадно читаем о том, на что не обращаем внимания в жизни».

Можно цитировать дальше, но — стоп!

23 февраля — дни отщелкиваются, как орехи. Орехов много, но все ли они годятся для воспоминаний? Несомненно, годится подарок Эдуардо — альбом Поля Дельво, который он привез из Парижа. Впервые картины Дельво я увидел на выставке в Кнокке (не то Бельгия, не то Голландия) 8 июля 1973 года. И получил альбом спустя 36 лет! И тогда, и сегодня испытал ошеломление от сюрреализма Дельво, мрачного и ледяного, с голыми женскими фигурами, вписанными в урбанистический пейзаж.

28 февраля — последний день зимы. И что? Быт, печатанье, приобретение авиабилетов на вояж в Германию. И вовсю двигаю книгу о поцелуях. Естественно, без Маяковского никак: из трагедии «Владимир Маяковский» (1913):

«Господи! — заплакал человек, —

Никогда не думал, что я так устану.
Надо повеситься!»
И пока висел он, гадкий, жаленький, —
В будуарах женщины
— фабрики без дыма и труб —
Миллионами выделывали поцелуи, —
Всякие, большие, маленькие, —
Мясистыми рычагами шлепающих губ…

Совсем иное восприятие у Игоря Северянина: «Жизнь — от поцелуя, жизнь — до поцелуя. / Вечное забвение не дает мне жить…» И он же:

Ловите женщин, теряйте мысли…
Счет поцелуям — пойди, исчисли!..

Ще ходила в логово патриотов, в издательство «Алгоритм», где готовится Щекина книга. Там ей укоризненно сказали: «Видели вашего мужа по ТВ, все о западных актрисах рассказывает…» Я был бы рад рассказать об Орловой и Раневской, да телебосы не дают. А газеты берут, и печатал про Надежду Мандельштам.

2 марта — 71 год! Утешал себя дневниковыми выдержками. Корней Чуковский писал: «Позади

каторжная, очень неумелая, неудачливая жизнь, 50-летняя лямка, тысяча провалов, ошибок и промахов…» Как строго судил себя Корней Иванович. Запись Бунина от 23 октября 1912 года: «Страшный день: мне 72!..»

Спустя годы пишу: «Сегодня мне уже 82 года, и с этой вершины кажется, что 71 год — не так уж и много. Я бы с удовольствием поменял бы 82 на 71. Но не меняют!..» (26 мая 2014)

Ну, а 2 марта 2003 года у нас в гостях были «три девушки» — Лена Толкачева, ее подруга Светлана Моисеева и Люда Варламова. Пили вино «Калипсо», ели кулебяку (шедевр Ще) и говорили о книгах.

И еще раз к Чуковскому. В 70 лет он задавал в дневнике вопрос: «Были ли у меня друзья? Были… Но сейчас ни одного человека, чье присутствие было бы мне нужно и дорого. Я как на другой планете — и мне даже страшно, что я еще живу…»

Художник Константин Сомов, певец куртуазного века, где загадочно улыбались маркизы и взрывались фейерверки, писал о себе 21 ноября 1930 года: «А мне на днях, увы, стукнет 61. Возмутительно бежит время. Ведь того и гляди 70! Не могу помириться со старостью, все мои мысли и чувства не старческие. Не запасся до сих пор ни-

какой философией и, пуще того, религией, чтобы мудро переносить эти годы. Или, может быть, так и надо, насиловать старость — забывать ее и идти вперед».

Ладно, оставим Сомова и вернемся к Ю. Б. Куча поздравительных звонков. Удивил Анисим: «Рад, что ты есть, с тобою светлее…» Неужели излучаю свет?..

7 марта — был подпольным, стал официальным писателем. 6 марта Римма Казакова вручила мне билет члена Союза писателей Москвы (Союз писателей России — правый, то бишь патриотический, Союз Москвы — левый и более интеллектуальный…)

И опять о Серебряном веке. Долинская: «Вы хотите просто книжку с текстом, а я хочу книгу с уникальными иллюстрациями». И покупает слайды по 150 долларов. Отсвет «Газпрома» в «Садах любви». И обе книги с богатым декором так и не вышли…

Еще одна панама: фонд ТРИТЭ в Малом Козихинском — вотчина Никиты Михалкова. Отдал свои книги, получил соответствующие комплименты, а в итоге ноль. Пустые хлопоты… Порадовали лишь «Крестьянка» — там вышла Патрисия Каас — и в мартовском «Алефе» — Роза

Люксембург. А тем временем для роскошного журнала «Династия» я начал сочинять про Марию-Антуанетту, супругу французского короля Людовика XVI, и оба были казнены во время французской революции.

Но это не все: в «Вечорке» вышел мой обзор «Март в российской истории». То есть по уши в работе, за что получил упрек от двоюродной сестры Веры: «Я просыпаюсь и не знаю, зачем?.. А тебе хорошо: у тебя творчество…» Ну, и кто виноват?!.. И почему-то в голову пришли строки Михаила Светлова:

Тихо по небу плывет
Месяц, как Спиноза одинокий.

Спиноза — это сильно!.. Жаль, что нет второго издания Луны, можно было бы многое вставить, продолжаю собирать лунную тему. Неугомонный собиратель…

13 марта — взвесились для истории: Ще — 78 килограмм, я — 79 килограмм. Многовато, но со временем сбросим (и как в воду глядел — 15 июля 2019).

Отдал в «Династию» королеву Марию-Антуанетту, приступил к принцессе Ди (Диане). В воображении кручусь среди коронованных особ,

а реально хожу в магазин «Магнолию» за продуктами. Н-да…

12-го в «Вечорке» столкнулись два мнения: мое — «На книжном рынке правят бал детективы и боевики», и писателей-детективщиков Сергея и Анны Литвиновых — «Люди всегда будут любить авантюрно-приключенческие романы». И в этот же день ездил на книжную ярмарку на ВВЦ. Разговоры-переговоры-контракты. Любопытные были разговоры с издательством «Вече»: «Наши издания ниже вашего уровня…» Еще с каким-то изданием с мистическим названием «Каббала».

19 марта — среди прочего пришлось писать заказной материал по просьбе «Москвички» в связи со смертью советской кинозвезды Марины Ладыниной («Свинарка и пастух», «Трактористы», «Сказание о земле сибирской», «Кубанские казаки» и т. д.). И, кстати, одна читательница еженедельника написала в редакцию, что ей не нравится употребленное мною слово «рыдательство» в материале о Некрасове: «Лучше писать по-русски и попроще». Как говорят, пастухи и свинарки?..

Но я не меняю стиль, и в своем виньеточном стиле закончил главу о поцелуях в живописи и в скульптуре. 18-го поехал на Пятницкую в

«Говорит Москва» и записал программу «Любви все возрасты покорны» с вопросами ведущей Жанны Волынской. А на обратном пути зашел в бывший родной Радиодом на Пятницкой и дал интервью Оле Басинской на р/с «Голос России». Как говорится, вали до кучи!..

23 марта — началась война в Ираке. А у меня свои войны: выдернули зуб. Вышел от врача — пурга сбивает с ног. И пушкинский вопрос: «Где Жадрино?» Домой пришел, лег, и начался колотун. Консультации, лекарства, подскочила температура, и весь вечер 20 марта больной и разбитый. А утром — упадок сил и не смог поехать за гонораром в «Крестьянку». Чего только не бывает в этой жизни: удаление зуба, сложного, трехкорневого, в сочетании с магнитной бурей.

В таком состоянии отвечал на вопросы «Вечорки» о событиях в Ираке, вот этот напечатанный в газете ответ: «Взрыв антиамериканской истерики — это зависть слабого. Если бы Россия обладала военной мощью, какая у нее была в послевоенные десятилетия (без дедовщины и комитета солдатских материй), то она бы многим странам показала “кузькину мать”. Но сегодня у льва ни зубов, ни когтей, ни даже рыка — отсюда ярость бессилия».

Вдогонку, спустя 16 лет: «Сегодня положение иное. Военно-промышленный комплекс набрал былую силу, и лидер страны все время гордится новыми мощными ракетами и тем самым вызывает ужас у западного мира. Лев обнаглел, стал циничным и хищным…» (16 июля 2019).

Ну а я несколько дней приходил в себя и разбирал архивы и натолкнулся на такой любопытный пассаж: «Кто хочет быть счастливым в Европе, пусть делает покупки в Германии, работает в Швейцарии, питается во Франции и берет в жены итальянку».

Так и хочется добавить: ну, а кто хочет адреналина и буйной жизни с драками и мордобоем, пожалуйста, в Россию. Раз и в глаз!..

25 марта — вернулся к работе и печатал про Катрин Денёв. 26-го презентация журнала «Аккорд», журнал красочный, но не литературный. Там мой Имре Кальман, автор бессмертной оперетты «Сильва», и ария героя: «Сильва, ты меня не любишь, / Сильва, ты меня погубишь…» А поэт-эмигрант Лев Лосев понизил любовный градус до низа, вспоминая былую жизнь в Советском Союзе:

Давали воблу — тысяча народу.

Давали «Сильву». Дуська не дала.

В «Крестьянке» опубликован «Пикассо и его женщины» (и как успеваю?). И, разумеется, у Пабло Пикассо проблем с женщинами не было, точнее, были психологические, но сексуальных не было…

Да, интересные совпадения, так называемые парные случаи. Не успел написать про Катрин Денёв, как на экране ТВ фильм с ее участием. И так было не раз. Пишу — бац! — и персона на экране!..

29 марта — зима тянется и тянется, и социальная обстановочка в стране под стать — мрачная и тягучая. Повальное воровство, коррупция, бандитизм и полнейшая идейная пустота, — власть озабочена лишь тем, чтобы удержаться наверху и не быть смытой народным гневом… Самочувствие неважное, а тут еще груз запущенных рубрик: «ВК», «Русская Америка», «Вечерняя Москва», «Наука и жизнь», и к этому перечню запустил в «Огоньке» — «Строки из дневников и писем из коллекции Юрия Безелянского». Гонорары в рублях и долларах — это хорошо, а что сгибаюсь под нагрузками — это плохо. Из позитива: отвез Ще в Дом журналистов и помогал оформить бумаги по приему в члены Союза. А по

дороге купили две пленки видео: мои бесконечно любимые — «Серенада солнечной долины» и «В джазе только девушки». Забавные сюжеты, прекрасные актеры, великолепная джазовая музыка…

3 апреля — тихое соревнование с Ще: у меня в «Крестьянке» вышел Пикассо, а у нее в «Студенческом меридиане» — Модильяни. Такая вот оригинальная семья, творческий тандем… Квартира заброшена и требует ремонта, а мы все это откладываем. «Ужо потом!..»

Из увиденного, прочитанного и услышанного. Андрей Битов: «Едешь по России — необъятное пространство и запустение… только две категории — территория и власть, — между которыми заблудилось русское человечество…»

Геннадий Хазанов по поводу эстрады и ТВ: «Не надо туда ходить — там лепрозорий».

И разделяю ощущение нелюбимого мною Познера, который сказал, что после 52 лет он почувствовал себя свободным и «купается» в своей работе… Я в 60 лет, и тоже после развала СССР…

11 апреля — вчера встречался с одной из деловых женщин России Ириной Прохоровой в редакции издательства «НЛО». Отдал заявку на книгу о поцелуях. Она сказала, что посмотрит, а

пока куда-то улетает. И я подумал: дохлый номер, и оказался в дальнейшем прав. Но не расстроился по Иосифу Уткину: «Нет — так нет!..»

И опять настигла простуда. И уже не по Уткину, а по Ахмадулиной:

Прост путь к свободе, к ясности ума —

Достаточно, чтобы озябли ноги...

...Простуда шлет свой поцелуй воздушный,

И медленно он достигает губ...

...Грипп в октябре — всевидящ, как Господь...

Но не только в октябре, и в апреле тоже, — добавлю я. А тут еще претензия от книжной поклонницы Мирры Евсеевны: «А почему вы не упомянули Гоголя в своем “Апреле русской истории”?» О, Господи! Да не круглая дата у Гоголя-Моголя.

8-го днем поехали в ЦДЛ смотреть фильм «Чикаго». В зале было... девять человек. А фильм роскошный и даже супер. Продажный адвокат (Ричард Гир) и ничтожная шлюшка Рокси Харт (Рене Зельвеггер), тюремная надзирательница «Мама» и др. Музыкально, остро, точно, высокий

класс.

Ну, а после 11-го — кульминация простуды с температурой. Лекарства, но тем не менее пытался что-то написать, но, кроме двух строчек, дело не шло:

Вышли мы все из простуды,
Дети простудной орды.

И пришлось отказаться от поездки в Звенигород. Жаль…

14 апреля — вернулся к рубрике: «Май в русской истории».

15 апреля — для «Алефа» «выкрутил» дамочку из начала XIX века, Рахиль Фарнхаген при минимуме информации. Профессионал!.. В «Алгоритме» меня пытались уговорить сделать для них книгу о Ладыниной. Отказался: неинтересно. Небольшой материальчик — любопытно, а целую книгу — увольте…

17 апреля — звонок с 1-го канала, отказался идти в программу «Утро»: нет настроения, времени и сил. Впереди Германия. Поменял 381 доллар на 345 евро (спустя годы это соотношение поменялось — 2 июля 2014). В «Частной жизни» в рубрике «Книжный бум» вышла публикация о книге «В садах любви». Тираж 450 тысяч экземпляров.

Неплохая реклама.

22 апреля — в «Крестьянке» получил гонорар за Пабло Пикассо, если перевести с рублей, то 121 евро. На следующий день, 23 апреля, получил гонорар за Марлен Дитрих — 10 тысяч рублями, немного добавил, поменял, и 300 евро. Для кого-то это гроши, а нам с Ще подспорье для поездки.

26 апреля — помимо июня, пришлось заниматься вставками к книге о поцелуях: письма, Стендаль, Гейне, рекорды по продолжительности поцелуев и т. д. И каждое дополнение улучшает книгу. Сохраняю надежду на свои три книги (принцессы, поцелуи и Серебряный век), может, что-то из них и громыхнет, и я выйду в хитовые авторы. А нет, значит, нет. Главное: здоровье, вот Лариса Пияшева умерла — 55 лет… Ще получила билет члена Союза журналистов и была счастлива. Теперь в одной квартире живут писатель и журналист. И о погоде: сегодня была снежная метель, и все сразу на некоторое время стало белым…

27 апреля — православная Пасха. Не печатал. У Чехова наткнулся на рассказ «Поцелуй» — иногда нужный материал сам плывет в руки…

28 апреля — по приглашению Черторицкой участвовал в совещании на Старой площа-

ди «Образование как фактор национальной безопасности». Оно началось словами высокопоставленного чиновника: «Получена информация из администрации президента: Христос воскрес!..» Если шутка, то глупая, если всерьез, то значит, живем в сумасшедшем доме. Какой-то не то профессор, не то академик из МГУ Павел Николаев заявил, что в России никогда не было «стратегического мышления», плывем по воле волн, не знаем истории и не хотим знать — «Надо знать. А мы ничего не знаем!..» Я слушал все эти заявления и сочинил строчки:

Жить надо проще
И не лезть во власть,
Ибо Старая площадь —
Дичь и напасть.

Но все там, кто внутри и вокруг, при кормушке и деньгах, а я бедолага, пролетарий умственного труда. Вечером в «Школе злословия» удивил Лев Аннинский, который с теплотой вспоминал СССР и талдычил про былую духовность. Дуня Смирнова его оборвала: «Я сатанею от этой духовности». Позднее, обсуждая программу, Ще меня укорила, что я не прав в отношении Аннинского, что это

у меня действует «Комплекс непризнанности». Может быть и так…

Единственно, с чем я согласен с Аннинским, что сегодня хоть «Войну и мир» напиши — никто не крякнет и не восхитится. Просто не заметят. Как не заметили «5-й пункт», «Огненный век», «Московский календарь». Никто из критиков и коллег-писателей не удосужился прочитать. «Мы не любопытны», — это еще Пушкин говорил, а уж сейчас всем все до фонаря!.. Ну, а если честно, то и я не читаю чужих книг. Современных. Только классику…

29 апреля — у Ще в «Студенческом меридиане» вышел Марк Шагал, а у меня в «Алефе» — Надежда Мандельштам. Гонорар хорошо, но беспокоит здоровье, а Ще сорвалась в крик: «Я уже хочу вернуться скорее — мне до того надоела Германия!..» Звонила Людочка из Нью-Йорка: «А почему вы в Ганновер не хотите поехать — там зоопарк красивый?..» Нам только зоопарка не хватает. В России свои звери, вроде Проханова, бродят!..

2 мая — завтра поездка в Германию, Наташа ждет в Дортмунде. Немного отвлечемся от России, где, как написала «Новая газета», правит «правительство троечников», «что бывает, когда к власти приходит посредственность…». Власть

критикуют все кому не лень, реформы буксуют, и одни лимоновцы ликуют: «Россия — все, остальное — ничто!» Но это оголтелые выродки. Как выразился по «Эхо Москвы» молодой Антон Орех, хочется взять автомат и стрелять всех. Он молодой и ему ужасно противно жить еще долгое время в условиях этого мерзопакостного режима. А вот поживший и много переживший Андрей Вознесенский говорит прозорливо:

Будущее стухло и прогоркло.
Не горюй. Покурим. Переждем…

3–16 мая 2003 года. Германия

3-я поездка в Германию и вторая в Дортмунд, кому-то на зависть 9-й вояж подряд, раз в году. Впору петь эмигрантскую песенку, то ли Гулько, то ли Шафутинского:

Ведь у меня все схвачено,
За все давно заплачено,
И жизнь моя налажена
На зависть всем.
Везде места заказаны…

И т. д. Оторвался от шрайб-машины, и в путь!..

3 мая. Прилет.

Проснулись в 6.10, взлет из Шереметьево в 11.35, и далее все время по-московски. Но до самолета дотошное общупывание на контроле. В аэропорту Дюссельдорфа нас встречает Наташа, и мы сразу пересаживаемся на поезд, и попадаем в вагон с немецкими фанатами, они кричат и размахивают флагами, но не агрессивно, а вполне миролюбиво, просто радость жизни бьет ключом. В новую Наташину квартиру попадаем в 17 часов, и сразу обед, сюрприз: салат с авока-

до с ореховым маслом. Немного коньяка, и тут же появляются гости: сын Саша и Боря — внук, поглазеть на московских пришельцев. Первая прогулка по Дортмунду, на улице попадаем на праздник вина, но в нем не участвуем. Обратно на отличном трамвае с бесшумным ходом (ну, все иное!). Легли в 23 часа, пробыв на ногах 17 часов. Первый день — он такой…

4 мая, Брюгге.

Завтрак — кофе со сливками и с нежно-вкусными немецкими сосисками. И сразу в автобус в заказанную экскурсию. Поездка в Брюгге интересует только русских эмигрантов и их гостей. Рассаживаются: «Морген! — Аналогично!..» По дороге гид рассказывает о жизни в Дортмундовщине, кёльнщине и дюссельдорвщине. В 14.50 добрались до Брюгге — это уже Бельгия. Ехали 5,5 часа, а в Брюгге пробыли всего 4 часа. Группа в 50 человек (автобус двухэтажный), и гид забросал всех датами и событиями давних времен, но Вильгельм Оранский мало кого интересовал.

В Брюгге я второй раз, спустя ровно 30 лет. Ничего не изменилось. Узкие средневековые улочки, мостики, цветы, машины, велосипедисты — все идет, едет, двигается, говорят, жуют, смеются, — а в атмосфере разлит праздник жизни, как будто в

мире нет противостояния между Россией и НАТО. Нет, Брюгге, в котором в давнее время придумали носить брюки и организовали первую биржу, полон бюргеровского миролюбия… В городе почти 600 статуй Мадонн и ни одного Ленина с Троцким. Но есть памятник местным Минину и Пожарскому — мяснику Яну Брейделю и ткачу Питеру де Конинку — они возглавили борьбу с французами за независимость Бельгии в 1302 году.

Брюгге — город для удовольствия. Старинные издания, много соборов и церквей, в том числе Богоматери (IX век), святой Анны (XVI). Четыре сохранившиеся башни для охраны города с воротами, в том числе Осла и Святого Креста. Узкие каналы со свисающими в воду ветвями деревьев. Лебеди, и невольно в голову лезут строки:

Ах, Брюгге, Брюгге,
Где не бушуют вьюги,
Где готика, каналы,
Цветасто все и ало.
Венеция — и только.
А Русь заплачет горько —
Провинция Европы,
Нехоженые тропы,

Болота и леса,
И хитрая лиса,
Которая приманит
И обязательно обманет…

Экскурсионный галоп закончен, и автобус возвращается в Германию, включен телевизор, а на экране — «Любить по-русски» с Евгением Матвеевым в главной роли. Любить по-русски в Бельгии и Германии? Абсурд. В Дортмунд возвратились в половине 1-го ночи…

5 мая — день отдыха в Дортмунде. Бесконечные разговоры с Наташей. Как говорится, хлебом не корми, а дай высказаться. Поездка в центр. Меня интересовали цены книг, в среднем 8–10 евро. Немного посидели в кафе, а обедали дома у Наташи: суп из шпината, шашлык из индюшатины с ломтиками ананаса (а где щи да каша — пища наша?). Вышли на балкон. Где-то рядом разговаривает и свистит попугай Феликс. Вечером к Наташе пришел клан детей и внуков. Старшие выглядели усталыми: вжиться в чужую жизнь уже не просто?..

6 мая — поездка в Мозельскую долину, Люксембург и Трир. На этот раз не большой автобус, а микро, вполне комфортно. За баранкой Володя

из Харькова, всю дорогу жаловавшийся на жизнь и на отсутствие санатория ВЦСПС, все советские мифы. А гид Саша из СССР писал доклады для работников Днепропетровского обкома и подробно об этом рассказывал.

Техническая остановка в Кёльне (туалет), и вперед, по дороге рассказ о герцоге Брабантском и прочее. Но мы не слушаем. Доехали до замка Виандан, но в замок не пошли и немного походили по окрестности.

Тишины хочу, тишины,
Уши гидом прожужжены.

Покинули замок, и Саша милостиво объявил: «Сейчас я немного помолчу, и посмотрим пейзажи».

Новая остановка — Берндорф, не доезжая до поселка, осматриваем скалы, которым многие миллионы лет. В скалах вырублены узкие расщелины-проходы, ведущие куда-то в глубь веков. Протискивались сквозь скальные породы с каким-то небывалым ощущением. Далее мимо Мюлерталя, и в 17.30 въезжаем в Люксембург, на который отведено по экскурсии три часа. Снова памятник Шарлотте. Во времена Наполеона Бонапарта Великое герцогство было «депар-

таментом лесов» и считалось самым бедным во французской империи. А сейчас преуспевающая страна-карлик с развитой индустрией, выплавляет много стали, синтетических волокон, автомобильных покрышек, текстиля и т. д. Международный финансовый и банковский центр Европы. Высокий уровень жизни. Тот еще карлик, который утер нос гиганту России по многим показателям, и это при малюсенькой территории. Ау, дядя Степа и дядя Володя!..

Покидаем Люксембург, и снова Германия. В 21.20 — Трир, город, где родился Карл Маркс. Проезжаем по улице имени Маркса, и обращает на себя внимание магазин «Эротика». Эротический марксизм — как заманчиво!.. В Трире проводим ночь на окраине города в какой-то большой гостинице в номере 214 с громадной кроватью, на которой можно было бы разместить многие тома «Капитала» на разных иностранных языках.

7 мая. Трир, замок Эльц, возвращение. Римляне колонизировали Трир в 30-е годы до н. э. Трир — самый древний город Германии. Первоначальное название — Августа Треверорум. В течение 100 лет был императорской резиденцией. Город многократно разрушался, в том числе викингами (832 год). Сегодня в Трире живет 100 тысяч жителей…

Завтрак — обильный шведский стол. Затем пешая прогулка по городу. И первое удивление. Порт Нигра — сохранившиеся античные ворота. Монастырь св. Симеона. Неожиданно — еврейский переулок (и Гитлер его не уничтожил?). Рыночная площадь. Не удержался, и купили традиционного медвежонка в зеленых трусах и при зеленой шляпе. И, конечно, соборы, в том числе Базилика императора Константина. Дворцовый парк при дворце курфюрста. Уютный маленький город, был бы рядом, то непременно в него заезжал бы. Ну, а заходить в квартиру-музей Карла Маркса не обязательно. Карла Марла ныне не в моде…

В 13.10 выехали из Трира. Красивейшая дорога — долина реки Мозель. Еще одно зрелище — каньон. «Здесь мы становимся немецкими романтиками», — говорит Саша, и действительно, места романтические. Остановка — Байхштейн. 140 жителей — и все знают друг друга. Дом Меттерниха. Собор. И магазинчики…

Далее Кохем, это уже городочек, 6 тысяч жителей. И 2 миллиона туристов в год. На уровне Сочи или больше?.. Кохем похож на Зальцбург, город притулен к горе и рядом протекает река. Толпы праздных туристов. Много кафе, ресторанов. Мы

заглянули в одну «едальню» — колбаски с картофелем фри и кофе. Подкрепившись, уверенно оглядываемся вокруг: живописная природа, ухоженность, чистота и общая эстетика жизни, чего совершенно нет у нас. В России не Германия, а муравьиный хаос.

Из Кохема в замок Эльц. Он расположен на возвышенности и как бы парит над зеленой долиной. В замке собраны экспонаты ушедших времен: оружия, алебарды, шлемы, кубки, трофеи. Посмотрели, и дальше-дальше. Мимо городочка, где родился Калигула. Римский император Гай Калигула, годы правления 37–41. Сумасбродный деспот, Калигула жестокостями и бесчинствами вызвал к себе ненависть войска и был убит заговорщиками-преторианцами. Пока я вспоминал про Калигулу, мимо проносились поля желтого рапса. Снова остановочка в Кельне и Дортмунд, куда мы прибыли в 23 часа, и Наташа уже ждала нас с блинчиками и творогом с клубникой. Изысканно и не по-московски.

8 мая, день в Дортмунде. Наташа на дежурстве, мы одни и спускаемся вниз — булочная, дверь в дверь. И никуда не надо идти. А там все свежее, хрустящее, аппетитное. Частная выпечка — перший сорт, как говорят на Украине.

Вышли на прогулку. Трехэтажные домики с неизменным зеленым палисадничком. Уют, достаток и спокойствие. И никакого нацизма-фашизма, все в прошлом. Страница истории перевернута… Тишина, птицы, цветы… Вечером отправился в гости к Саше и Алене. Торт, коньяк, клубника. Виноград и сладко мурлыкающий кот Саймон.

9 мая — и снова Дортмунд. У Наташи восторг по поводу военного парада в Москве, увиденного по ТВ. А у нас с Ще печаль и раздражение: из благополучной и сытой Германии Россия кажется особенно жалкой и обиженной… Поездка на трамвае в центр города. Остановка «Пукенбок» вызвала во мне приступ веселья. Гуляние, улицы, магазины, кафе и снова торт. Обтортились совсем. И весь день, без машинки и беготни по редакциям. Размеренно и буржуазно.

10 мая. Поездка в Утрехт (Голландия). Однодневная поездка вместе с Наташей (60 евро с носа). Поездом до Дюссельдорфа, а оттуда автобус. В 13.45 были уже на голландской земле, в Национальном парке. Но сначала музей Ван Гога. Большая экспозиция, внушительная. Но, увы, Ван Гог не мой художник, чересчур кричащий и безумный. И как писал Арсений Тарковский:

Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог,
За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге….

После беспокойного и тревожного Ван Гога пошли в умиротворяющий гигантский по размеру парк. Густо, зелено, тишина, пение птиц и рассредоточенные туристы.

Ну, а для некоторого будораживания посетителей парковой зоны скульптурные композиции Генри Мура. Вздрогнули — и пошли дальше. Понаслаждались прогулками и перед отправкой автобуса попили кофе из термоса и заели бутербродами. О, жизнь, как ты прекрасна! И как не ценил тебя Ван Гог! Почти как стихи…

А автобус покатил дальше по дорогам Голландии. По обе стороны узорчатые домики с красивыми палисадничками. И не картинки, не потемкинские деревни, а живая реальность. И привет, Россия!..

В 16.45 прибыли в Утрехт. Крупный город. В первом веке — римская крепость. Романо-готический собор — XI–XVI век, многочисленные готические церкви. Много старины, но есть и модерн — потрясающий ж/д вокзал, огромнейший,

и тут же торговый комплекс — все сияет, сверкает, блестит. Походили по улицам. Водоворот людей. Где-то в отдалении маленький памятник Анне Франк. Еще памятник маленькому зайцу, сидящему в позе роденовского мыслителя с надписью: «Мы все мыслители».

Перекусили в открытом на воздухе ресторане. Много людей и много шума. Все говорят и спорят. Может, вспоминают Утрехтскую унию 1579 года, когда возникли буржуазные республики 7 соединенных республик Нидерландов. Или Утрехтский мир 1713 года, который положил конец испанскому наследству. По этому договору все что-то выиграли: Англия — Гибралтар, Северная Америка — монопольное право от Франции на поставку негров-рабов. Утрехтский мир усилил морское и колониальное могущество Англии…

В 20.07 покинули Утрехт — один из крупных цветоводческих центров, и доехали до немецкого Эссена, а далее на поезде до Дортмунда.

11 мая, воскресенье. Аахен.

Самостоятельный поход без всяких групп. Наташа купила билет, и мы без знания языка смело поехали в Аахен на поезде на мягких синих диванчиках. По дороге миновали Кёльн и снова увидели и могучий Рейн, и великолепный собор.

Прибыли в Аахен и пробыли в нем около 5 часов.

Аахен — город на границе с Нидерландами и Бельгией, бывшая столица франков. Город культуры, музыки и спорта… В XIII веке Аахен — королевская резиденция Священной Римской империи. В соборе покоятся останки Карла Великого. Собор — соединение готики и барокко. Городскую ратушу украшает 50 скульптур королей и императоров. Внушительная компания!..

«Путешествие — очень удобный способ самопознания», — отмечал Петр Вайль. Действительно, сравниваешь, анализируешь, — и все не в нашу пользу. В Германии все для людей, у нас все — для родины, для государства, для величия страны и очень мало что для людей. Люди — разменная мелочь для государственных интересов.

Вышли на какой-то канальчик. Тишина, цветы, птицы, белочки, хотя, может, это был не Аахен, а Мюнстер, — какая разница, везде уютно, красиво, спокойно и благонравно. Посидели за столиком на улице от ресторана, взяли огромный салат и пиво. Покайфовали, поахали в Аахен-Бабахене и поехали обратно в Дортмунд, дали отчет, где были и что видели, хозяйке дома Наталье Григорьевне, и запили рассказ Мозельским вином.

12 мая — не выезжали из Дортмунда и ощутили

на 10-й день основательную усталость: где вы, где вы, годы молодые?! День отдыха и небольших прогулок. Обалденно вкусные йогурты, чистый воздух, прекрасная экология. Рай для тихих пенсионеров…

13 мая — выступление в клубе. С утра вышли, +14, сходили в книжный «Карлштадт» — простор и обилие книг, и все как-то лучше наших и «Библио-Глобуса», и «Молодой гвардии», все четче и удобнее и без всякой толковищи. Вечером выступление в Доме знаний в рамках встреч «Русский чай», собралось человек 30 бывших соотечественников. Говорил и отвечал на вопросы в течение двух часов. Слушали сначала недоверчиво, а потом все потеплели, и руководительница мероприятия Инна заявила, что все прошло отлично и «теперь все будут читать Безелянского», русского «шрифтеллера», то бишь писателя. Две моих книги разыграли на аукционе, и выручил 20 евро. Плюс за выступление — 50 евро. Первое выступление перед читателями на Западе.

14 мая. Мюнстер, земля Северный Рейн-Вестфалия. Жемчужина Вестфалии. 55 тысяч жителей, ратуша (1335 год). Город древний и молодой, считается студенческим и все на велосипедах, от которых успевай только увертываться. Ко-

лоритная скульптура лошадей. И много цветов. Все осмотрели и даже побывали на рынке, всем московским рынкам 100 очков вперед. Такова побежденная Германия… Приехали, довольные увиденным, и по видео смотрели фильм «Восток-Запад» режиссера Варнье. В роли русского эмигранта — Олег Меньшиков. Фильм о СССР, о том, как калечили и убивали людей, прикрываясь какими-то неведомыми высокими целями.

Это история и, кстати, многим известна Парижская коммуна, а ведь была еще и Мюнстерская, начало которой произошло 23 февраля 1534 года. Город восстал против князя-епископа Франца фон Вельдена. Во главе бунтарей встал Ян Матиас, потом Иоанн Лейденский. Организовали совет 12 апостолов. Мюнстер объявили общиной (коммуной) истинных христиан и ожидали «царства Христова». 25 июня 1535 года Мюнстерская коммуна была жестоко подавлена. Мюнстер пал…

15 мая — у Ще разразился кризис жанра: хочу домой! Все надоело!.. В последний день в Дортмунде прошлись по магазинам и кое-что купили того, чего нет у нас или плохого качества. От кофты для Ще и маечки до сыра Груэр и шоколада.

16 мая — отлет. Последнее пирожное с клубникой под кофе. Отклики вдогонку по поводу

выступления в программе «Русский чай». Из Дортмунда в Дюссельдорф, аэропорт. Аэробус 310. 2 часа 45 минут полета, и мы в Шереметьево. В 9-м часу вечера мы уже дома… И уже не «руссишь шрифтшеллер», а снова — русский писатель.

* * *

20 мая — приехали в пятницу вечером, а за субботу-воскресенье я сходу напечатал 10 страниц о поездке. В субботу ходили на рынок — загрузили холодильник. Новация: кругом кладут асфальт. Уехали — зелень только пробивалась, сейчас в густоте, цветет сирень, яблони около «Ленинграда». Короче, и дым отечества нам сладок и приятен. В Дортмунде мы жили у Наташи, в комнате-пенале, спали на узкой кровати. Непривычно чужой дом. А наш по приезду показался раем, простор с хаосом, но со стилем и интеллектуальным налетом, и везде книги и бумаги. А в Дортмунде — одна лишь этажерка и малость книг, в том числе и восемь моих, которые Наташа все время дает кому-то почитать…

В первые дни сражался с ворохом накопившихся газет, а 19-го поехал и в «Династию» за гонораром за Марию-Антуанетту (выписали 300 у.е.). И где эта «Династия»? Редакция расположи-

лась на Арбате, в бывшем здании родильного дома им. Грауэрмана, там, где я родился. И как сюжет? Спустя 71 год я приезжаю туда, где лежал новорожденным и дрыгал ногами. И вот пенсионером пришел на это место получить деньги за французскую казненную королеву.

Один из первых фильмов по «Культуре» о Стефане Цвейге. Сделан плохо, казенно, неэмоционально. Я бы сделал лучше, но «съесть» Цвейга на ТВ мне не дали.

25 мая — я, конечно, хорохорюсь, но возраст дает о себе знать. Где былая легкость, быстрая походка?.. Прочитал верстку «Жизнь и гибель принцесс» и надорвался. Каждая книга дается все тяжелее. А тут еще отказы: Прохорова, как и «Эксмо», отказалась от энциклопедии поцелуев. Непонятно, вроде тема — огонь. Но, очевидно, какие-то подспудные мотивы отказов. И нет того, кто бы пробивал, нет литературного агента, нет пиара. А в одиночку да в возрасте!.. — и вот результат. И все же, все же! Вышел на издательский дом «Олма-пресс», и 21 мая отправился на Звездный бульвар. «Олма» входит в тройку ведущих издательств страны: «Эксмо», АСТ и «Олма-пресс». «Рипол-классик» на 11-м месте, на 12-м — «Радуга», 36-м — «Вагриус», 94-м — «Молодая гвардия»

(где был издан «Налог на любовь»). Такой расклад на март 2003 года.

У «Олмы» свой особняк, зав. редакцией Дина Робертовна приняла меня тепло и сказала, что если редсовет утвердит, то издаст мой «Огненный век» в форме большой энциклопедии с иллюстрациями. Это была бы моя мечта!.. Из «Олмы» поехал в «Радугу», там уныние — дела идут неважно. Взял набор принцесс. И дома состоялась встреча двух наборов. Наборы читали в разных комнатах. А потом выпили понемножку старого ликера по этому поводу.

31 мая — вовремя подоспел Звенигород, и 28-го поехали снять психологическую усталость. После обеда спали, поставив рекорд — 2.15. Вечером выступление. Пришло немного, человек 20. Я выбрал тему: гибель принцесс. Салон угрюмо молчал: судьба принцесс никого не затронула. Лишь один в зале хотел меня срезать по известному рассказу Шукшина: «А достоверно ли все это, что вы рассказываете?» В подтексте: вы что, держали свечку?.. Словом, одно из самых неудачных выступлений. 30-го после завтрака вернулись на электричке домой.

6 июня — в первый день лета выдался серым и холодным. Но я сел за машинку и напечатал для

«Алефа» представление Сары Бернар — удивительная женщина!.. Потом занимался разбором архива, чем я занимаюсь время от времени (игра в бирюльки?). И, перебирая бумаги, подумал, нет, помечтал: а не сделать ли мне книгу «Моя литературная энциклопедия» (стоящая в шкафу «Литературная энциклопедия» академична и суха, годится для справки, но не для чтения). И сделать несколько книг: Русская классика, Серебряный век, советская литература, Западная. И, как говорится, дух захватило от такого проекта. Но сразу охлануло: а где взять силы?..

Примечание: прошло 13 лет, и издано несколько книг из той давней моей мечты: «Культовые имена», «Золотые перья», «99 имен Серебряного века», «69 этюдов о русской литературе», «55 портретов знаменитых писателей Запада», «Опасная профессия: писатель» (от Горького и Луначарского до Сергея Довлатова, 57 персон, если не ошибся…) да еще готовы три книги, а среди западных авторов — объемное исследование о Шекспире — 3 июля 2014… И прибавим три тома «Огни эмиграции», где удалось представить всех русских поэтов и писателей, оказавшихся в эмиграции (17 июля 2019). Как ни странно, но иногда мечты сбываются… Не сбылась только

одна мечта: создать Календарь русской поэзии, хотя русской поэзией пронизаны все мои книги, включая дневник и воспоминания…

Однако вернемся к началу лета 2003 года. Позитивы: вышел июньский «Алеф», там — «Страдалица по чужому горю» (Симона Вайль). Из Франкфурта-на-Майне пришло письмо от переводчицы Эмилии Кардовской: она с упоением несколько раз перечитала «Веру, Надежду…» и просит мой телефон. А негатив: Костанян в «Вагриусе» отклонил энциклопедию поцелуев на основании того, что само слово «поцелуй» чрезмерно замылено. В наборе «Принцесс» в «Радуге» вырубили несколько кусков, в том числе фильмографию Роми Шнайдер (в кино она играла императрицу Сисси).

8 июня — горячей воды нет, помывка в тазике — сюжет для небольшого гонорара. В принципе любую чепуху, любую деталь можно превратить в литературу, как это умел делать, к примеру, Чехов.

В «МК» участвовал в опросе выбора лучшего футболиста мая, в компании Хусаинова, Маслаченко, Вяч. Соловьева и др.

В «Новой газете» Андрей Пионтковский выразил мою мысль, к которой я пришел давно:

пространство пожрало Россию. «Это вечная песня российской элиты, обращенная к русскому народу: вы там совершайте подвиги, приносите огромные жертвы и терпите лишения, а мы здесь будем руководить великой державой и «обширным пространством».

11 июня — лета пока нет. Сегодня с утра серое небо, холодный ветер и +12. Издательства, с которыми я работаю, тянут резину, но впереди — «Жираф», его можно переименовать в Жирафстрой: третий год, и никак, заткнулись на части набора. А я себя развлекал и печатал небольшой материалец «Небо и судьбы» об отважных летчицах.

Грустное интервью в «МК» с Михаилом Козаковым: «Судьба моя очень путаная — с надломами, переломами… Мне есть что вспомнить на ночь… Я склонен к размышлениям, к рефлексии…» Ще прочитала и сказала мне, что я в чем-то похож на Козакова: переживания и желание высказаться…

Допечатал Грейс Келли… Пришла идея сделать представление французских актрис, от Даниэль Дарье до Софи Марсо (а кто будет печатать?). И постоянные уходы: Наташа Бубновская, и VIPы — Евгений Матвеев, Грегори Пек, дирижер Евге-

ний Колобов (всего 53 года). Можно, конечно, не замечать, но как-то грустно…

По ТВ смотрел две передачи, посвященные 100-летию Михаила Светлова. Тоже мучился с деньгами. И однажды отбил телеграмму в издательство: «Вашу мать беспокоит отсутствие денег». Юморист…

21 июня — в дневнике каждую запись обязательно оглавляю, эту так: «Лета нет. А есть старость». Стал частенько чувствовать себя старым. Осторожно выхожу из троллейбуса, перехожу дорогу, хожу по ступенькам… А когда-то бегал, прыгал, торопился, легко преодолевал пространство. А многокилометровые гуляния по просекам Сокольников? Вот уж воистину: сначала гуляния, потом воспоминания…

Мы с тобою станем старше.
Загрустим. Начнем седеть… —

так писал Иосиф Уткин. Он часто задумывался о старости:

Средь седых и старящих,
Сходящих с ума,
И моя, товарищи,
Тащится зима.

Постучится палочкой,
Сядет у стола.
«Ну-с, Иосиф Павлович,
Вот и я пришла…»

Иосиф Уткин родился в 1903 году (100 лет назад). До старости не дожил. Погиб в автокатастрофе 13 ноября 1944 года. Его нашли мертвым под обломками самолета с зажатым в руке стихотворением Лермонтова. Уткин вошел в мою книгу «Золотые перья» (2008).

И славы ждал, и славы не дождался… —

это Анна Ахматова об Иннокентии Анненском.

Что говорить о недостижимой славе, а вот маленькая мечта Ще сбылась, на заработанные деньги я купил ей в «Снежной королеве» красивую дубленку — 26.460. Это аванс от ругаемого мною «Жирафа». Ще мечтала о дубленке, вот она есть, а счастья — нет. Хотя что такое счастье? Химера…

27 июня еще один ушедший — Василь Быков. Он замечательно как-то сказал: «Будущее неуловимо, и в этом его прелесть и ужас».

В телеграфном стиле: первая черешня (60 ре.), хороший фильм «Полковник Редль» (1985), в глав-

ной роли Клаус Мария Брандауэр, мощный актер. Расправился с французскими кинозвездами — и они легли в архив. В «Новой газете» любопытная версия о Шолохове — проект ОГПУ…

30 июня — в «Династии» отдал Ветрову Грейс Келли. Он пробежал глазами текст и сказал: «Все хорошо, но слишком академично, нужно добавить немножко бульварщины…» Перефразируя Вознесенского: желтизны хочу, желтизны…

7 июля — давно не возили в Останкино, в «Доброе утро». Выступал после экономиста Ясина. Об Александре Грине, о романтизме…

Звонок из Дортмунда от Наташи: «Твои книги идут нарасхват…»

15 июля — Ще подарила свою вышедшую книгу «Поговорим о странностях любви» в еженедельнике «Сударушка». Реакция Натальи Зайцевой: «Наконец-то хоть кто-то утер нос Безелянскому!»

Далее — в разные дни. И зубы, и Звенигород, и книжный марафон в «Библио-Глобусе», который директор Романова предложила открывать именно мне, и разные материалы о Саре Бернар, об Александре Шелепине и т. д.

4 августа — добил, допечатал своего любимого Франца Кафку — почти 40 страниц.

«Жизнь, — писал Кафка, — все время отвлекает

наше внимание, и мы даже не успеваем заметить, от чего именно».

А закончил эссе я стихотворными строками:

Милый, не надо,
Милый, не слушайте, —
Чего вы думаете, что вы только травка?
Что вас только трут и тиранят?
Деточка,
Каждый из нас немножечко Кафка.
Каждого жизнь мучительно ранит.

5 августа — день «Радуги» в «Библио-Глобусе». Выступал и подписывал книги, а еще дал интервью двум радиостанциям — «Маяку» и «Юности».

19 августа — вышла моя 15-я книга — «Жизнь и гибель принцесс». У меня была только «Гибель», но все в издательстве воспротивились, и появилась еще и «Жизнь». В «Вечорке» Наталья Зимянина выступила с рецензией и, в частности, написала, что императрица Сисси «страдала странным заболеванием — охотой к перемене мест, которому не нашел объяснение даже Безелянский...».

4 сентября — в Доме русского зарубежья познакомился с Рене Герра, с коллекционером русских рукописей и книг из Ниццы. На своей книге «Они унесли с собой Россию» Герра начертал: «Юрию в знак симпатии, уважения и добрых чувств».

Добавление: прошло 15 лет, и вот у меня вышел 3-й том «Огни эмиграции» о русских поэтах и писателях. В 2003 году я об этом не подозревал и не догадывался… (8 августа 2018).

9 сентября — в «Алефе» рубрику «Золотые перья» открыл Генрих Гейне. В начале 50-х годов любимая девушка Наташа Пушкарева подарила мне увесистый том Генриха Гейне, и я его читал и перечитывал (какое было время: девушки своим возлюбленным дарили стихи). Я был очарован лирикой и скептицизмом Гейне.

Ах, я знаю, нас обманут
Слишком радостные грезы,
И в снегах сердца увянут,
И умрут от стужи розы.

И остынем неизбежно,
И простимся без возврата, —
Мы, любившие так нежно,
Мы, пылавшие когда-то…

18 сентября — после магазина на Красной Пресне магазин «Москва». За час подписал 27 книг про принцесс. Одна из читательниц заявила, что интересуется принцессами профессионально.

— А вы кто по профессии? — спросил я.

Ответ озадачил:

— Гинеколог.

23 сентября — презентация на Ордынке в «Молодой гвардии». Устал и заговорился. Пошутил от усталости в микрофон: «Жизнь и гибель песика Тузика». Народ ничего не понял…

24 сентября — Звенигород. Тема: две Ольги Чеховы — две судьбы.

26 сентября — все трубят о Солженицыне, который в своей последней книге затронул тему евреев в России. Н-да, мой «5-й пункт» прошел без широкого резонанса. И получается, что не книга привлекает внимание, а имя, и чем скандальней оно, тем лучше для продаж. Горькая истина.

В романе Милана Кундеры «Книга смеха и забвения» (1978) запомнились строки: «Каждый человек страдает при мысли, что он исчезнет в равнодушной вселенной неуслышанным и незамеченным, а посему сам хочет вовремя превратиться во вселенную слов».

1 октября — в октябрьском «Алефе» вышел Саша Черный, и, конечно, я вставил в текст мое любимое стихотворение «Желтый дом» (1908):

…Где наше — близкое, милое, кровное?

Где наше — свое, бесконечно любовное?

Гучковы, Дума! Слякоть, тьма, морошка…

Мой близкий! Вас не тянет из окошка

Об мостовую брякнуть шалой головой?

Ведь тянет, правда?

Подставьте современные фамилии, и безнадега не рассеется…

3 октября — для какого-то журнала отгрохал очерк о Маргарет Тэтчер, 10 стр. С Тэтчер — приключение. Я написал о ней в 1995 году и потерял, много лет безуспешно искал среди бумаг. Вот и пришлось писать новый вариант.

4 октября — еще одна поездка в Марьино, в филиал «Молодой гвардии», и неудачная: не подписал ни одной книги. Обратно в вагоне рядом со мной сидел парень и увлеченно читал журнал «Хулиган», увидел заголовок «Бить или не бить?!». Вот что интересно: бить, а не читать

умные книжки. А я, как анти-хулиган, за свое: приехал и сел писать про Умберто Эко.

9 октября — когда-то в газете «Век» опубликовал заметку «Лучше Эразм, чем маразм», и вот снова вернулся к Эразму Роттердамскому на предмет будущей книги. Толчком послужил другой писатель-мыслитель Умберто Эко.

10 октября — по приглашению Геннадия Хазанова были в Театре эстрады на его спектакле. Пообщался накоротке с Ксенией Лариной, Ириной Петровской, Юлием Кимом. Спектакль «Смешанные чувства» по пьесе Ричарда Бауэра. Два героя — Хазанов и Инна Чурикова. Получили удовольствие, хотя героиня пьесы и заявила про своего партнера: «Он не оправдал моих завышенных ожиданий».

13 октября — и снова неприятности: зубы, снятие моста, уколы и т. д. А еще денежки. И настроение резко вниз, впору повторять вслед за Тимуром Кибировым:

Объективности ради
Мы запишем в тетради:
Люди — гады, а смерть — неизбежна.
Зря нас манит безбрежность
Или девы промежность —

Безнадежность кругом, безнадежность.

Кибиров еще молодой (1955), а уже унылый и весь в грустных одеждах. Я тут листал свой личный архив и натолкнулся на собственные стихи от 15 ноября 1988 года:

Какая жизнь кругом, Анюточка!
Она, увы, не благодать.
Хочу кричать…
А дни, как уточки,
Плывут куда-то. Не видать.
И остаются только шуточки,
Смеяться, чтоб… не зарыдать.

14 октября — еще одна панама: переговоры с главным редактором молодежных программ на ТВЦ Шелогуровым о новой программе «Даты» (название условное) с выездами и репортажами. В своих фантазиях Манилов — Шелогуров представлял меня нечто средним между Парфеновым и Сванидзе. Компьютерная графика, музыка, «и вы, как мэтр».

18 октября — в «Тверской, 13» публикация «От Клеопатры до Дианы», точнее, интервью.

Выступление Ще в Тургеневке, где бюст писателя и рояль. Ще рассказывала о книге «Московский календарь» и устала, пришлось прийти на помощь и вздрючить зал.

22 октября — в «Крестьянке» получил гонорар за публикации о Катрин Денёв и Мадонне. Звезды немножко подкармливают?.. После «строительства моста» поднялось давление: 160/100. «Давление чувствуете?» — спросил терапевт. «Нет». — «Тогда плохо». И что делать? Лечиться или работать? Совмещать то и другое весьма трудно.

25 октября — арест Ходорковского. И что делать против этих арестов и сажаний? Правозащитница Людмила Алексеева: «Мы должны бодаться». Как Солженицын: бодался теленок с дубом?..

29 октября — в «Алефе» в «Золотых перьях» — Эдуард Багрицкий. «А вам не хотится под ручку пройтиться? — Конечно, хотится…»

30 октября — отвез на ТВЦ на Б. Татарскую 20 страниц сценариев на выбор и взялся за Джона Кеннеди. Эко, вас, батенька, бросает из огня да в полымя.

11 ноября — в Домжуре вместе с Ильей Симанчуком выступал перед студентами журфака.

Молотьба и сбор урожая: в «ВМ» — Тургенев

с Виардо, эссе о Феллини, «Декабрь в русской истории»; Борис Пастернак для «Алефа», в «ВК» появился Джон Кеннеди, в «Крестьянке» — Фанни Ардан и т. д. и т. п.

15 ноября — только начал печатать очередной материал, как настигла осенняя тьма. На кухне темно, в моем кабинете под лампой неудобно. Пришлось чехлить машинку и садиться за газеты. Несколько высказываний:

Борис Резник: «Сегодня ситуация отчаянная. Мне иногда жутковато становится за наше будущее, как не было страшно даже в советские времена».

Юрий Афанасьев: «Власть бандитская, но как зашкаливают рейтинги того, кто стоит во главе этой власти…»

Борис Стругацкий: «Мы — пришельцы из страны перестоявшегося феодализма, мы — вчерашние холопы…»

25 ноября — в дополнение к выступлению на Ленгорах, в МГУ, пред студентами спецкурса «Неизвестные имена Серебряного века», пригласившая меня профессор Михайлова познакомила со своими коллегами после моей лекции (или рассказа). Все — сплошные профессора. И я среди них был единственный, неостепененный. Без

степени, без званий, без мантии и наград. Так, зашедший в аудиторию любитель поэзии и литературы. В конце выступления почти овация.

2 декабря — Останкино, программа «Город женщин». Ю. Б. рядом с Яной Поплавской и Татьяной Догилевой, а точнее: между ними. Лариса Кривцова схохмила, представляя меня как «автора 15-ти книг о блондинках». Я вознегодовал: «Какие блондинки! Я пишу о Серебряном веке!»

8 декабря — сам себе удивляюсь, какие совершаю исторические и литературные прыжки. Закончил представление великих русских князей, и тут же взялся за еврейского писателя Шолом-Алейхема. Услужливая память подсказала запись из записной книжки Ильи Ильфа:

«Он посмотрел на него, как царь на еврея. Вы представляете себе, как русский царь может смотреть на еврея?»

10 декабря — в «Олма-пресс» подписал договор на книгу «Россия. XX век. Хроника». Приехал, включил радио, — поет Андрей Макаревич: «Пчела в сиропе… тонкий шрам на любимой попе…» Кому — попа, кому — книга.

12 декабря — вечер в ЦДЛ «Календарь как жанр литературы!» — иногда гоняю одни и те же темы. Было с ползала, помешал праздник День России.

После меня выступали активно. Маша Штейман вспомнила Шекспира: «Распалась связь времен». И сказала, что ныне время вывихнуло суставы, а вот Ю. Б. как раз и «вправляет суставы на место», соединяя исторические факты, события, идеи в единое целое…

16 декабря — в «Радуге» увидел розовую обложку своей книги с ангелочками-амурами, и дали набор на вычитку. Конечно, есть опечатки: Душкин вместо Пушкин; лиловались вместо целовались и т. д.

Зайцева из «Сударушки» считает, что я не вписываюсь в ее еженедельник, ибо «пишу «слишком интеллектуально, а теткам-читательницам нужны сопли и вопли…». Я не собираюсь угождать теткам, напротив, я стараюсь повышать их умственный уровень. И поэтому дерзко взялся за Марселя Пруста. Печатал под стрекот вертолета. Сначала подумалось, что чеченский фронт переместился в Москву. А потом выяснилось, что вертолет возводил шпиль над Триумф-Паласом. Отсюда непривычный гул. «Ну, не дают работать!» — как говорил незабвенный Банан.

17 декабря — позвонил Вознесенскому, вместо него Зоя Богуславская:

— Над чем работаете?

— Делаю 16-ю книгу.

— Вы блестяще работаете!..

Похвала от маститой музы Андрея.

25 декабря — допечатал Марселя Пруста, 24 стр. И достал досье на Бальзака. Перпетуум-литература… Затем Гейне. Весь в классиках, в лучах чужой славы. А еще успел побывать на презентации в «Молодой гвардии», подписал 23 книги.

23-го поехал в «Геликон-оперу» на празднование 80-летия «Вечерней Москвы». Скучновато. Кто-то без воодушевления пел: «Кто может сравниться с Матильдой моей?!» Познакомился с Филиппенко, других знаковых фигур не было. И фуршет не привлек.

27 декабря — после новых вариантов Бальзака и Гейне приступил к Беккету для книги «Культовые имена». Сэмюэла Беккета в Советском Союзе долго не признавали и бичевали: «Апостол отчаянья и одиночества», а его театр — «гнездо патологических комплексов». Но пришла гласность, и советские люди познакомились с этим странным апостолом. В 1989 году только в Москве были поставлены четыре спектакля беккетовского шедевра «В ожидании Годо». Неведомый Годо, которого все ждут, навис над всем миром. Мы все в ожидании Годо — смены власти, войны

конфликтов, социальных, экологических, природных катастроф и многого другого, ужасного и кошмарного. А возраст каждого, а старость, а смерть?..

Ровесник Лев Колодный пригласил на презентацию своей книги о Зурабе Церетели. Отказался. Ехать, слушать, разговаривать, пить? Увольте.

31 декабря — финиш года. 29-го приводил в порядок главу «Еврейское счастье» — о женщинах (от Рахили до Стрейзанд). Весь погружен в новую книгу «Культовые имена» — Беккет, Зигмунд Фрейд… От развлекательных «Принцесс» и «Поцелуев» к «Культовым именам». Печатал на кухне и мешал Ще, но именно так создается интеллектуальная кухонная литература. А потом модернизировал Зигмунда Фрейда все под те же «Культовые имена».

Вот и последний день года: Ще готовила кулебяку, а я занимался Фрейдом. Кулебяка с Фрейдом — это оригинально!.. А за окном моросящий дождь и +4.

Итоги года не подсчитываю? Они обширны.

* * *

Дополнения ко второй половине года оказались весьма уместными. И при желании весь 2003 год

можно было развернуть в целую книгу, столько в течение его произошло. Но, может быть, когда-нибудь и кто-нибудь этим займется. А пока подведем все же краткие творческие итоги.

Вышла одна книга — «Жизнь и гибель принцесс». Вторая — «Тысяча и два поцелуя» в издательстве готовилась к печати.

Опубликовано 55 газетно-журнальных материалов. Давал интервью, участвовал в опросах, выходили рецензии. И 14 выступлений — творческие вечера и презентации книг в магазинах и на книжных ярмарках. Плюс выступления по различным каналам ТВ и радиостанциям.

Плодотворный год для человека пенсионного возраста.

2004 год — 71/72 года

Изданы две книги: в январе — «Тысяча и два поцелуя» с прицелом на Валентинов день; и в августе — «Культовые имена от Э до Э. От Эразма Роттердамского до Умберто Эко». 32 персоны: от Спинозы до Сары Бернар… Вышли 46 газетно-журнальных материалов, в том числе в «ВМ» — Карл Брюллов, Мария Спиридонова, Троцкий. В «Алефе» среди прочих — Франц Кафка. Неожиданный дебют в «Пентхаузе» — эссе о Феллини. Представлен в справочнике энциклопедии «Новая Россия: мир литературы». Поездка с «Радугой» в Питер, выступление в лучшем книжном магазине на Невском проспекте. 21-й выезд в Звенигород с темой «Бес в ребро». В июне — Париж, Шартр, замки Луары… На канале «Культура» заменял Разлогова в афише программ. В декабре — Эренбург в «Алефе».

Какая-то американская читательница прислала отзыв о Ю. Б. — невыносимо едкий, но при этом лиричный и даже забавный.

Всю правду сказать невозможно, но все сказанное тобой должно быть правдой.

Отто фон Бисмарк, 1-й рейхсканцлер германской империи

1 января — встали в 9.30. Никакой бурной новогодней ночи не было. Все скромно: вдвоем с Ще у телевизора с шампанским Абрау-Дюрсо и красной икрой (живут же люди!). Несколько телефонных звонков. Поздравил Римму Казакову, она еще раз укорила меня за то, что я не так написал о ней в «Клубе 1932», но тут же великодушно: «Я вас прощаю… Вы очень эрудированный человек». По ТВ беспечно пела Татьяна Шмыга: «Когда мне будет 60…» (А ей уже 70). Звонила Людочка из Нью-Йорка: «Иду по Бруклину и звоню вам…»

Все это 31 декабря, а 1 января, после завтрака, не теряя времени, сел за машинку допечатать историю доктора Фрейда. Ну, трудоголик, энтузиаст, фанатик, что с него взять?!

7 января — удивило ТВ, показали фильм про Лидию Чарскую — «даст ист фантастиш!». То все про Зою Космодемьянскую, а тут Чарская!.. Ну, а я занимался рукописью «Культовых имен», доделал предисловие и добавочки, и вставочки к Эразму, Бальзаку, Эренбургу (вспомнил его

любовный роман с Ядвигой Соммер). Перекрутил ранее написанного Бодлера и т. д. Не выходил из дома — дорвался до работы… К 5 января все собрал, все допечатал, и можно «Культовые имена» отвозить.

Ну, а сегодня Рождество. Работать нельзя. «Мах мальпаузе» — сделай паузу.

12 января — все живут по-своему. Я вожусь с культовыми именами, за стеной соседская девочка поет, нет, скорее, воет: «Офицеры, офицеры, офицеры!..» А Андрей Вознесенский на странице «МК» филологически резвится: пишет о цветах. «Умирающая роза — от наркоза… Камелии — проститутки. Фрезии — самоубийцы» и т. д. И про МУР, уголовный розыск:

Наши муровцы — не тимуровцы,
Вечно ссорятся у корыта.
Из стреляющих лишь Амуры
Бескорыстны.

Забавляется Андрей. Играет в слова. Жонглер…

16 января — в «Берегине» — журнале для бедных, перепечатали мой материал «Михаил и Наталья», о младшем брате Николая II. Получил набор из «Олмы-пресс» — это «Огненный

век», переделанный в энциклопедию с массой фотоснимков, с которыми пришлось долго разбираться. 16-го в эфире «Город женщин», где я с блондинками. Эпизод, как Догилева падала на меня, конечно, вырезали. А так забавно…

Неожиданный звонок от Кати Московской (внучки Адалис). «Давно хотела с вами познакомиться… телефон достала через Петю Вегина…» Проговорили почти час. Но жаль, что на этом все и оборвалось. Продолжения не последовало… Катя — художница, журналистка. А о чем пишет и что рисует, осталось за кадром.

20 января держал в руках вышедший том Сергея Чупринина «Новая Россия: мир литературы. От А до Я» (считай: энциклопедия!). Ю. Б. представлен на стр. 132 после Марии Безденежных, а за мной — Геннадий Беззубов (живет в Иерусалиме). В краткой биографии перечислены 11 моих книг. Полистал весь том. Оказывается, в современной литературе работают 28 Козловых, один Козлик, один Козлевич и 15 Барановых плюс Барановы-женщины. Животный мир русской литературы… А вот мечтавшего стать писателем Игоря Горанского в книге нет.

28 января — главное событие: 27-го получил несколько экземпляров 16-й по счету книги

«Тысяча и два поцелуя» — розовый квадрат с игривой обложкой и эротическими заставками — 332 стр. Сделано рекордно быстро: 30 октября отвез рукопись, 27 января — вышла. Изящно оформленная «занимательная энциклопедия» с роскошными стихами, от старых классиков вроде Василия Туманского: «Лобзаний полные уста мои дрожат…» до Маяковского, сравнившего женщин с «фабриками без дыма и труб», «миллионами выделывали поцелуи, всякие…».

28-го снова ТВ, «Город женщин», выступал, как эксперт, среди психиатров и актрис о том, как строить отношения между полами. А пока в телеящике витийствовали какие-то эксперты, в стране разбушевалась инфляция — почти 25 %. Оп-па!..

31 января — у Ще проблемы с глазами: дистрофия сетчатки. Сплошные идут консультации с врачами. Федоровский центр… И Юрий Рост добавил радости, написав статью (или комментарий) — «Здравствуй, прошлое. Дежа вю». «Претерпели 10 лет воли. С трудом. Теперь избавляемся…»

По ТВ показали фильм «Неверная» (США, 2002) Эдриана Лайна. В роли неверной жены Кони — Дайан Лэйн — потрясающая работа! В роли мужа — Ричард Гир. «Неверная» перечеркнула все

наши фильмы о женщинах своей обнажающей реальностью.

8 февраля — печатал про актрису Николь Кидман… 6-го — взрыв в метро. Харитонов надрывался: «Надо погоны срывать!» Но никто этого делать не собирается. Власть себя не наказывает… Ще начала лечение в глазном центре… В «Алефе» вышел Борис Пастернак. В «Вечорке» — разворот о Грейс Келли. А еще зубы и пломбы. Болит нога, вспухла вена. Короче, насыщенная жизнь: всего хватает — и творческих успехов, и проблем со здоровьем. И тянем дальше…

15 февраля — вдвоем с Ще застряли в лечебной полосе, и что делать? Как бороться? Или поднять белый флаг, мол, сдаюсь?.. Нет, «врагу не сдается наш гордый «Варяг»!.. И 12-го я завершил печатанье Марка Шагала. Художник жил на земле, где несчастье бродило по дворам, а он улетал в небо со своей подругой. «Летающие любовники», что может быть замечательней?..

На следующий день в Доме книги на Арбате презентация «Поцелуев», лежат на столике розовые книжки, как котята, бантиков только не хватает. Подписывал книги и параллельно давал интервью для «Нового времени», «Говорит Москва» и «Книжной газете». А вот «Эхо» меня

высокомерно проигнорировало, но и Бог с ним!.. А 14-го продолжение уже в «Молодой гвардии» на Полянке да еще в Валентинов день. Казалось бы, книга должна была идти в драку, но нет, покупали, но вяловато. Или денег совсем нет, или пропаганда давно съела всю куртуазность читателей. Из «Молодой гвардии» в «Библио-Глобус» (и откуда силы?), но и там продажи шли со скрипом. Огорченный, вечером набросал строки:

Думал: голубая фишка.
Оказалось — розовая муть.
Никому не интересна эта книжка,
И народ почти вприпрыжку,
Подбегает и хватает жуть.

Жизнь повсюду, что не надо
Изысков, изящества и блеск.
Интеллект находится в блокаде,
Огурец вкуснее шоколада,
Хрясть по морде — всем понятен треск.

Думал: голубая фишка.
Спутал: магазин не казино.
Детективы давят сверху слишком,

Не пролезет никакая мышка.
Только кровь, коварство и вино…

28 февраля — сплошные выходы. В цветаевском музее были на презентации чужой книги: переписка Цветаевой с Гронским. «Он любил меня первую, а я его последним…» Были музыканты: «Лунная соната» и Сен-Санс. Эсфирь вытащила меня на выступление. Я отметил, что в своих книгах часто обращаюсь и цитирую Марину Ивановну.

Отказываюсь — быть
В бедламе нелюдей,
Отказываюсь — жить
С волками площадей…

Это цветаевское отчаянье настигает порой и меня. «На твой безумный мир / Ответ один — отказ».

19-го в «ВК» вышел материал об Аркадии Островском к его 90-летию. Аркадий (на самом деле — Авраам) — оптимистичный, солнечный композитор. Песни: «Комсомольцы — беспокойные сердца», «А у нас во дворе», «Спят усталые игрушки», «Песня остается с человеком» и, конечно, «Пусть всегда будет солнце» (1962). У Аркадия-

Авраама светило солнце, а у Марины Цветаевой не рассветало в пору эмиграции и возвращения в СССР. Классический пример: два мира — два Шапиро. Авраам и Марина…

Расписал Аркадия Островского и схватился за Фанни Каплан. Совсем иной мир: мир злобы и мести. Душа жаждала отмщения…

20-го были с Ще на презентации книги Льва Колодного, и там выступали два художника — Глазунов и Церетели. Колодный предоставил слово мне, но я отказался. Фальшивить не хотелось, а славословить — тем более. Немного фуршета, и домой…

21-го допечатал Каплан, даже возникли строки наставления:

Чтоб не попасть в какой-нибудь капкан,
Не надо следовать за Фанни Каплан.
Лично советую всем мадам
Лучше идти дорогой Фанни Ардан.

Не террористической, а кинозвездной, как будто это так просто…

29 февраля — главное событие: вместе с руководством «Радуги» отправился в Питер и провел

там весь день 27 февраля. Третий раз в городе на Неве: в 1972 году вместе с Ще в отпуске, второй раз — командировка от «Лесной промышленности» в сентябре 1979 года. И вот третий. В ночь на «экспрессе» (а не на «Красной стреле»), и в 8 утра Санкт-Петербург. Выступление в Доме книги (бывшая фирма «Зингер») назначено на 15 часов, соответственно до него было семь часов.

Вышли с вокзала, и сразу Невский проспект. Зашли в Казанский собор, завтрак и предварительное знакомство с Домом книги (архитектор — П. Сюзор, 1904–1906). И далее свободное плаванье. Я — в Русский музей. Машков, Чекрыгин, Филонов, Татлин, Малевич с «Черным квадратом» и куча советских шедевров. Пластов — колхозный праздник, 1937 г., апофеоз соцреализма и т. д. Большая экспозиция Кустодиева. Бросаются в глаза бабы в бане с вениками — запарю до смерти! Берегись, мужики!..

Дворцовая площадь. Зимний дворец, Александровская колонная, арка главного штаба. Все грациозно и имперски. «Дворцов гранитные громады / Над потемневшею Невой…» (Агнивцев). И сразу видения: Петр I, Сенатская площадь, декабристы, Пушкин… А был ли счастлив наш гениальный Александр в Петербурге, когда его

супруга Натали блистала на придворных балах? У Агнивцева есть стихотворение «Дама из Эрмитажа», довольно едкое: Натали отвечает какому-то кавалеру:

Pardon! Вы, кажется, спросили,
Кто муж мой?.. Как бы вам сказать…
В числе блистательных фамилий
Его, увы, нельзя назвать!..
Но он в руках моих игрушка!
О нем слыхали вы иль нет?
Александр Сергеич Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..

Но хватит. Оставим в покое классика, а что Ю. Б.? Выступал на 2-м этаже, на фоне книжных шкафов, где выделялись фолианты Овидия и Вольтера. Внимательные взгляды с книжных обложек Распутина и Николая II. Слушали меня внимательно, подписал более 20 книг (были представлены 4: «Ангел», «Клуб», «Принцессы» и «Поцелуи»). И снова свободное время, и купил билет на спектакль в театр комедии им. Акимова. Лирическая комедия «Яблочный вор». Вполне ничего. А актриса Татьяна Полонская (игравшая роль Шуры Дрозд) получила бешеные аплодис-

менты — кустодиевские телеса и канканные движения…

Вышел из театра — моросит. И снова вспомнился Агнивцев (хотя можно вспомнить Блока и прочих серебристов): «Серебряно-призрачный город туманов!» И топот Медного всадника, и плач Лизы у «Канавки». Московский вокзал, и снова ночь перед столицей, под оглушительную песню:

Поезд Питер — Москва,
Восемь часов без сна…

Да, перед Питером в «Новом времени» в рубрике «Лица» вышла рецензия с фото «Триста страниц поцелуев».

3 марта — в первый день весны печатал главу «Судьба художников» — новая книга, как новое наваждение. Ну, а 2 марта — новая цифра «72». И новый премьер-министр — Фрадков (очередная загогулина Путина). Кто-то о Фрадкове сказал: «Экономист с пистолетом в кармане». Да, куда ни кинь — всюду чекисты, выходцы с Лубянки. Время «ЧЕ»…

А как отмечали 2 марта? Поехали с Ще в Третьяковку на выставку «Встреча через столетие. Роден, Голубкина, Клодель». Из двух музеев Па-

рижа. Немного коньяка «Хенесси», торт «Венский вальс» и видео Тинто Брасса не по возрасту, и тем не менее…

7 марта — запись в дневнике обозначена как «Караван идет дальше». Анисим жаловался, что ему приходится работать, т. е. писать по 6–8 часов в день. Спрашивал меня: «А ты как работаешь, целый день?» Я ответил: «Нет, 2–3 часа, не более». Анисим ахнул: так мало, и какой огромный выход продукции!..

2-го не печатал, а 3-го засел за Альберта Эйнштейна. 5-го заходил в «Москву» на Тверской, там за месяц продали 124 книги о поцелуях. Мало или нормально? В Книжном обозрении попал в рейтинг продаваемости книг — на 4-е место, выше воспоминания балерины Екатерины Максимовой. Но я не виноват, это — рейтинг… 5-го выступал в «Молодой гвардии» — у магазина юбилей — 30 лет. И странное совпадение: я подписал ровно 30 книг. И ужасно: на полках стоят невостребованные Ахматова, Цветаева, Набоков, Ницше и другие корифеи. А в улет идут Донцова и Акунин. Грядут пещерные времена…

11 марта — мы оба в полосе возрастных недомоганий. А еще в трех бултыхающихся и невыходящих книг. В отчаяньи? Нет, приступил еще

к одной книге о художниках. С детства любил рисовать, но потом все это забросил, а интерес к живописи остался. Как говорил Поль Валери: «Художник пишет не то, что видит, а то, что будут видеть другие». 10-го поехал на ВДНХ на открытие ярмарки «Книги России». Около метро полыхал пожар торговых палаток и куча радостного народа: зрелище! А на ярмарке было менее интересно, и подписал всего лишь одну свою книгу. С таким бизнесом и на новые лапти не заработаешь…

21 марта — 11-го приезжал Эд с альбомом, коньяком, конфетами и цветами. Эх, хорошо быть богатым и делать подарки. Увы, я на этот уровень никак не выйду. Деньги приходят и тут же уходят на медицину, и как говорил герой из пьес Островского, купчик: «Маменька, у меня к вам финансовый вопрос…» Но маменьки нет и рассчитывать не на кого…

13-го были выборы. Не пошли принципиально. Нет достойного кандидата. Мы не пошли, а страна спокойно легла под Путина — 71,2 % и ВВП снова президент. Заголовок в «Независимой газете»: «Эпитафия свободы». И знаменательно, когда по ТВ объявили итоги голосования, горел Манеж, зловещий мистический пожар…

Ну, а я на молотьбе, на пахоте и прочем процес-

се: Эдуард Мане для книги о художниках, Мария Каллас для «Крестьянки», Михаил Кольцов для «Алефа». Да, еще успел прочитать «Мемуары» Моруа. «В старости особенно важно жить каждую минуту», — мудрый совет Андре Моруа. Над биографией Бальзака он трудился три года. Явно не торопился, Моруа был фабрикантом и был защищен немалым доходом. А я? Пенсия — это не защита, поэтому надо вкалывать и вкалывать, молотить и пахать…

28 марта — Ну, и как идет жизнь, «в стране родных мерзавцев и осин», как выразился поэт Александр Кушнер. И он же: «Я вижу, как тяжело живут многие люди моего поколения. Мне повезло: я пишу стихи — значит, у меня есть ежедневный смысл существования…»

Я тоже пишу, и много (и очень редко стихи), и тем самым превращаю быт в бытие.

22 марта в поисках нового издания отправился за Курский вокзал, в 4-й Сыромятниковский переулок (никогда не был в этом районе Москвы) в редакцию журнала «Пентхауз» на встречу с главным редактором, вдовой Юрия Саульского. Я ей подарил книгу «Принцесс» и предложил несколько тем для публикаций. Она в ответ отстегнула четыре роскошных глянцевых журнала,

полных фотографиями в стиле ню: лучшие груди и попы Европы и мира. Ну, прямо антитеза нашего советского журнала «Работница» — никакого трактора, но какие завлекательные позы… Кажется, у Всеволода Емелина есть строки:

Девки глянули в окно,
А в окне все ближе
Едет Путин в кимоно
И на горных лыжах…

Попы и лыжи — удивительное сочетание! Ну, а я неужели докатился от журнала СПК до «Пентхауза»? Вот они, как в песне, этапы большого пути.

3 апреля — печатал Иммануила Канта для «Культовых имен» и в газете «Губерния» получил гонорар за старый материал про Бонни и Клайда, как раз на коммунальные услуги. На Пятницкой на 8-м этаже на р/с «Содружество» записывал большую программу. От Юрия Гагарина до актера Луспекаева, от хрестоматийных фраз: «Поехали!» до «За державу обидно».

В «АиФ» вышла рецензия под названием «Целуйтесь по книге». Это мое мнение: не устраивайте войн и не убивайте людей, лучше увлекайтесь поцелуями. И бодрит, и повышает рождаемость…

Какая-то дама на канале «Культура» причитала, обращаясь ко мне:

«Не понимаю, почему вы не востребованы в полной мере?..» Вопрос к руководству ТВ, у меня ответа нет.

5 апреля — умер Никита Богословский, немного не дожил до 91 года. Внимательно читал меня в «ВК». А вот Андрюша Тарковский прожил 57 лет. У каждого свой отмеренный срок. В «Известиях» вспомнили об Андрее, о том, как трудно ему пришлось материально и психологически жить во Флоренции, на ул. Святого Николая, 91. Да, еще родственники отторгали Ларису…

11 апреля — Вознесенский пригласил в Большой театр на вручение Пастернаковских премий. В Бетховенском зале. Кое с кем пообщался с литературной тусовки. Екатерина Мечетина прекрасно исполнила Баркаролу. Вручение премий и фуршет. Я был далек от премий да от фуршета: съел один пирожок да выпил бокал белого вина и гордо удалился. А зря. В зале произошел мордобой среди поэтов. Россия без мордобоя не Россия!

По ТВ была программа Льва Аннинского о Серебряном веке. Как плохо, заоблачно, неинтересно, неэмоционально, глухо и занудливо. Я бы без ложной скромности сделал бы программу

лучше, но Аннинский вхож в ТВ-культуру, а я нет. Единственный промельк с фильмом о Марлен Дитрих…

В «ВК» паника, ожидают нового главного редактора и боятся, что газета для интеллигенции, какой она была в самом начале, превратится в простенькую афишу культурных новостей… Зашел в «ВМ», и там с Михайловым обговорил новую рубрику «Семейные тайны». И первый материал о двух полководцах: о Суворове, рожденном лишь для военных кампаний, и о Кутузове — прекрасном семьянине.

Несколько высказываний из газет для памяти. Балерина Ольга Лепешинская: «Мы были все влюблены в Сталина…» (Неужели не понимала, что он — палач русского народа?)

Владимир Познер: «Я знаю, что я нигде полностью не свой…» (что-то подобное и я ощущаю, хотя я никогда не жил ни в Америке, ни во Франции).

Александр Сокуров о России: «Вечный подросток… Общество абсолютно инертно…»

Философ Пятигорский: «Дешевый путь написать то, о чём другие мало знают. Самый верный путь — написать о том, о чем знает бездна людей, и написать лучше всех». (Это как раз мой путь. По крайней мере, я так стараюсь.)

Никита Богословский: «Я просто живу так, как мне хочется. Естественно, в рамках закона. И, в общем, я доволен тем, как это мне удается. Может быть, это стыдно, но я никогда не интересовался страной. Все мои мысли были направлены на творческое благополучие и на свою судьбу в этом мире, который я воспринимаю иронически…»

Тут я не разделяю позицию Никиты Владимировича. Я очень интересуюсь страной, ее историей и что с нею вытворяют разные властители. Защищаюсь иронией, но избежать боли и сострадания мне не удается.

15 апреля — «Жираф» попросил узнать в РЦГАЛИ возможность получения в архиве фотоснимков. Узнал. А заодно: можно ли сдать им на хранение свой личный архив и, в частности, дневники. Директриса мне сказала, что нужно решение комиссии. Но пока свои бумаги сдавать в архив рано.

Еще одно участие на ТВ в программе, где пел певец Войнаровский и главная феминистка страны Маша Арбатова. Обратно нас отвозили вместе в одной машине. Еще из встреч отмечу мою попытку узнать через Литвинец (а она ныне важная дама в Минкульте), как попасть в делегацию писателей на какую-нибудь ярмарку

(Франкфурт, Варшава или что-либо подобное). Литвинец долго рассказывала систему отбора. Без поддержки, толкача — ну, никак! Немного грустно, но переживем и это!

19 апреля — еще одно подтверждение, как все работает: только свои и ни одного чужого. В программе «Культурная революция» была тема «Современна ли улыбка Джоконды». Два чуха — один политик, другой художник — несли какую-то банальную хрень без единого умного и оригинального слова. А меня, автора книги «Улыбка Джоконды», которая, кстати, была в хитах, не пригласили: «чужой останется чужим…» — всплыла в памяти какая-то строчка.

Нет, только китайский вариант: опора на собственные силы! И Быков, и Министерство печати — все это только фуфло.

22 апреля — в «ВК» — Иммануил Кант — «Философ на все времена» на целой полосе. Один из четырех великих немецких философов-идеалистов (Фихте, Шеллинг, Гегель). И как жилось мудрецу Канту в Кёнигсберге? Не сладко, подробности в книге «Культовые имена». От Э до Э. от Эразма Роттердамского до Умберто Эко», подписана в печать 23 июля 2004 г. Приведу только строки Евгения Винокурова о Канте:

Старый Кант подсел поближе к лампе
И листает вырезки цитат…
Но вздохнул лакей ворчащий Лампе,
Честный, старый отставной солдат:

Что-то, дескать, пишет все в тетрадку!
А ведь мог бы… Да с его умом!..
…Кант спокоен: в мире все в порядке:
Звезды в небе, совесть в нем самом.

«Работа — лучший способ наслаждаться жизнью», — утверждал Кант, и он наслаждался вовсю! Я — кантианец не по философии, а по натуре Канта.

2 мая — не бывает дней, про которые я бы посетовал на скуку. Скука — это не про меня. Все время идут какие-то события, зачастую, конечно, мелкотравчатые, но события. На Пятницкой на радио столкнулся с литературным критиком Андреем Немзером. Я хотел его расспросить о книгах. Он угрюмо на меня посмотрел и холодно сказал, что мою фамилию никогда не слышал и книг моих не знает и не читал. Современный Добролюбов, который не интересуется современным литпроцессом. Ему интересен он сам.

Самовлюбленный индюк!

В какой-то день ездил в «Сельскую новь» — они сами нашли мой материал про Фаину Раневскую, напечатали и пригласили за гонораром. Познакомился с главным редактором журнала, поэтом Виктором Кирюшиным. Кирюшин — не Немзер, наполнен благожелательством. В курсе многих моих книг и публикаций. Все хорошо, но редакция далековато, где-то на пересечении улиц двух ученых — Вернадского и Лобачевского.

Да, еще ток-шоу «Короткое замыкание», канал «Россия», ведущий — Антон Комолов. В роли экспертов я оказался в компании Бори Львовича и Татьяны Устиновой.

29 апреля — на р/с «Содружество» рассказывал о празднике 1 мая и о датах рождения Тараса Шевченко и Петлюры. Импровизировал на ходу, а это не так просто…

30 апреля — явление: симпатичная Чой Сун Ми, аспирантка МГУ из Южной Кореи. Прочитала «Веру, Надежду…» и просит разрешения на перевод и издание в Южной Корее. И за деньги. Пришла, да еще с тортом. Капиталистический подход?..

1 мая прошло разнообразно. С утра печатал на свежую голову о художниках. Закончил главу «Кражи из Эрмитажа» и начал «Трофейное ис-

кусство». Немного погуляли по нашей роще. А далее ТВ: юбилейный концерт Сергея Никитина «Под музыку Вивальди» и футбол. И читал непрочитанные газеты, про широко рекламируемую пасху, Минкин в «МК» вздыхает: «Свечка теперь как комсомольский значок»... Минкин — это сегодня, а когда-то гремел Гавриил Державин:

Не внемлют! Видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Как гневно звучат державинские строки!

Старославянское слово: очеса. Что означает? Очески — это счесывается с кожи? То есть поверхность кожи покрыта мздою — заботой, денежным интересом, выгодой?..

7 мая — сегодня День радио — был когда-то такой советский праздник. И сегодня инаугурация президента. Наверно, и дальше будет душить свободу и народ, и, разумеется, интеллигенцию с ее вечным инакомыслием. Как сказал Петр Алешковский: «Я думал, что в нашей стране литература что-то значит. Оказывается, что ничего...»

Да, забыл записать веселый эпизод в Остан-

кино. У дверей строгая девушка со списком приглашенных на эфир:

— Ваша фамилия?

— Барон Ротшильд, — сказал я.

— Вас в списке нет, — ответила страж-девушка, пробегая глазами по списку гостей.

Да, юмор у молодого поколения отсутствует.

3 мая — по ТВ американский фильм «Доктор Живаго», в главной роли — красавчик Омар Шариф. Нонсенс!

6 мая — в консульском отделе получили визы во Францию. Впору вспоминать: «Ты помнишь, Алеша, дороги Парижчины?..» И снова греет перспектива.

10 мая — неожиданно нагрянула бригада из НТВ с Катей Гордеевой и с просьбой рассказать коротко о капитуляции Германии и почему День Победы Сталин перенес с 8-го на 9-е? Вечером был показ в главной информационной программе. Ще гордилась мужем. А еще вышел майский «Алеф», а там два материала: о Фанни Каплан и Владиславе Ходасевиче. Печальный Орфей Ходасевич:

Теперь себя я не обижу:
Старею, горблюсь, — но коплю
Всё, что так нежно ненавижу

И так язвительно люблю.

Звонок из немецкого Шверина от Бурнштейн: «Ваши книги у меня настольные…»

23 мая — 19 мая был 21-й выезд в Звенигород. Отдых с выступлением на тему «Бес в ребро» — от Лопе де Вега до Михаила Пришвина. Кислород, зелень, дорожки. «Изумительный гастроль», — как пел ранний Розенбаум. Ну, а дома работа, стук машинки: писал о коллекционерах Харджиеве, Костаки…

30 мая — устал перечислять, что выходит: Карл Брюллов в газете, Николь Кидман в журнале, что-то еще. Получение гонораров. А в «Новой газете» вопль: «Россияне не доживают до пенсионного возраста. Это национальный позор!» Я выживаю, но ценою большого напряжения всех сил. А в четверг 27-го казус: выходил из троллейбуса, зацепился каблуком за какую-то оттопыренную металлическую пластину и буквально вывалился из троллейбуса. Сильно ушиб правую руку. Случайность, нелепость или знак судьбы?

Падение-выпадение произошло, когда я возвращался из ЦДЛ, где был вечер, посвященный 70-летию ЦДЛ. Желающих было полно и билеты спрашивали чуть ли не от Садового кольца. Под руки привели еле живого классика Вознесенско-

го. Пообщался с Вишневским, Глоцером, Кублановским, Мнацаканяном, со Славой Тарощиной… дал короткое интервью каналу «Столица» Любе Якимовой, которая когда-то выступала у меня в «Академии любви» на «Дарьял ТВ»… Вечер вел Аркадий Арканов. Был концерт: Мацуев, Алена Свиридова и др. На экране показали хронику корифеев советской литературы: Фадеева, Симонова, Толстого, Маршака… Они — титаны, а в зале собрались титанчики. Фуршет проигнорировал и поспешил домой. А далее метро, троллейбус и выше описываемое падение. Может быть, в наказание, что проигнорировал писательскую выпивку с закусью?..

29 мая проигнорировать юбилей Игоря Добронравова в ресторане «Динамо» не мог. Было человек шестьдесят: и члены пресс-центра, и футболисты. Приятно было вспомнить футбольную молодость…

31 мая — а Париж все ближе и ближе, а самочувствие обоих никак не улучшается. И как поедем? Любопытненько…

Париж-2004

2–18 июня. Париж, Санлис, Мезон-Лаффит, Шартр, замки Луары. Поездка, организованная Эдуардо, вместе с ним и у него в квартире на острове Джатт, в районе Нейи.

2 июня — отлет. У меня проблемы с рукой (то ли перелом, то ли вывих), бок и насморк, но это не препятствие. Втроем в Шереметьево. Аэробус 310. Взлет в 13.05, приземление в 17.35. Часы, как всегда, не переводил, жил по московскому времени. Такси (за все платил Э. как «принимающая сторона»). И в 19 часов мы в районе Нейи, на острове Нейи-сюр-Сен, бульвар Буо, 48 — остров Иль-де-ла-Жатт. Эксклюзивное местечко. Закинули вещи, сели в серебристое «Пежо», и в Пиццу-Хатт на авеню Шарля де Голля. Громадный салат, вкусная пицца, яблочный пирог, мороженое. Все — гран мерси. А далее в универсам «Монопри», где затарили продукты в четыре сумки для дальнейшей беспечной жизни (привет советским временам!). В 24 часа легли спать. Опустили жалюзи, и ты в железной клетке, как попугай Кеша — спи!.. Квартира-студия на первом этаже с тремя комнатками и просторной кухней-столовой и с окнами в сад.

3 июня — встали в 10 часов. Эдик уже суетился с завтраком, все режет и раскладывает. Непривычная еда: различные сыры, катаж (вроде домашнего сыра), ронделли (брынза со специями), красная рыбка, колбасы, сок Тропикано, вода Эвиан, кофе и т. д., можно сказать, пир. За столом радостный гвалт и крик хозяина: «Дайте слово местному жителю!» Огромный экран телевизора, мягкая музыка. Элитный санаторий!

Первая прогулка по набережной острова, вдоль Сены (один из ее рукавов). Дошли до местного стадиончика. Какое поле! Мечта! Много студентов, негров, все спортивны и все мирно… Всюду ухоженность, чистота, все ласкает взгляд, и чистый воздух…

Далее отдых, обед, ужин, песни Сержа Генсбура. В 23.05 сели в «Пежо», прокатились до Триумфальной арки, по Елисейским Полям, до Булонского леса. И перед сном клубника со сливками. Как прекрасно все это вспоминать, спустя годы, когда Париж уже недостижим из-за возраста и по финансам. Только альбом с фотографиями да воспоминания о тех далеких днях…

4 июня — первые неудобства: туалет и умывальник в разных концах коридора. Где раковина, нет зеркала и трудно бриться, ну, и другие мелочи.

После завтрака Эдик вызвал такси и отправились в Дефанс, в новый район небоскребов. И там же небольшое кладбище, где захоронена жена Эдуарда — Светлана. В парижской земле. И тут же, как по заказу, немного проплакал дождь…

Далее по моему желанию отправились в Пон-Неф, к «Самаритянину», в редакцию газеты «Русская мысль». Познакомился с главным редактором Ириной Кривовой, подарил ей «Огненный век» и договорился об интервью, но, увы, оно не состоялось: кто-то там заболел. И я, конечно, был разочарован. Несостоявшееся интервью в Париже…

После обеда второй выезд в Булонский лес, на озерцо, где мирно проплывают рядом лодки с гуляющими и уточки. Вечером в студии вкусно кушали и услаждали слух музыкой Моцарта.

5 июня — странно, но утром у Ще и у меня было жгучее желание уехать домой. Но я твердо сказал: «Париж — это наш Сталинград, и надо продержаться». Откуда такое настроение, трудно даже объяснить, а может быть, и ничего не надо объяснять. Вдруг появилось солнце, запели птицы, и желание вернуться домой исчезло. А появилось желание поехать и увидеть Шантийи — что-то новенькое. Эдик вооружился картой и лупой и

принялся изучать маршрут поездки.

Поехали, и Эдуардо запутался в лабиринте дорог, то и дело восклицая: «А где Санлиз? А где Шантийи?..»

Удивительно, но добрались до замка Шантийи — это целый ансамбль архитектурных памятников XVI–XIX веков. Самая большая коллекция старой живописи после Лувра. Первый собиратель — коннетабль де Монморанси. Походили по залам и поахали в восхищении. Одни «Три грации» Рафаэля что стоят! А еще Боттичелли, Филиппо Липпи, Перуджино, Тициан, Ватто, Делакруа, Коро, Ван Дейк, Дюрер… О, принцы Конде умели ценить красоту!

Насладившись живописью, отправились в Санлис (Senlis), откуда пошла династия Капетингов, 967 год, Гуго Капет. Походили по городку, зашли в собор, рядом руины замка, по которому когда-то давным-давно ходила Анна Ярославна. Древние, священные камни Европы. Сюда приезжали знатные туристы: Достоевский, Д, Аннунцио, Хемингуэй… И вот мы…

Обратная дорога напоминала цирк: Эдик, плохо ориентирующийся в дороге и дорожных знаках, снова запутался и в шутливом отчаянье кричал: «Где Париж?.. Ах, вот табло, — не промахнуться

бы! Париж — направо? Наконец-то!»

И благополучно вернулись. Сколько проехали? 119 км. О поездке вспоминали за борщом (сварила какая-то женщина из Кишинева) и за пивом «Хейнекен». А потом смотрели финал тенниса на Ролан Гарросе: Мыскина — Дементьева под сок манго.

Перед сном вышли и посидели на лавочке около Сены. Где-то прохаживались полицейские, охраняя особняк, где жили родственники президента Николя Саркози, совершали пробежки какие-то француженки, а я вспоминал каламбурные стихи Дмитрия Минаева:

В полудневный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где на сене
Лежа, слушал песни Сени:
«Ах, вы, сени мои, сени!..»

6 июня — воскресенье решили отметить посещением музея Родена. Он замечательный: экспонаты размещены на воздухе в саду и в помещении. Задержались около «Мыслителя» и сделали несколько снимков. О чем мыслит роденовский герой? О судьбе мира, о собственной

судьбе или о какой-то частности, издать новую книгу или изваять прекрасную обнаженную женщину. Не менее знаменитый «Поцелуй», который экспонировался на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году. И другие работы Родена: «Страдание», «Крик», «Плачущая женщина».

Продолжение маршрута: отель де Виль, музей Помпиду, Бобур. Зашли и попали на выставку произведений Хуана Миро, не мой художник, но все равно интересно.

Вечером гуляли по острову. В парке компания французов расстелила подстилки и устроила «ужин на траве». Это не фантазия художника, а обычная реальность.

Поздно вечером смотрели футбол по ТВ Франция — Украина, Зидан забил решающий гол и лишил Эдуардо 400 евро в лотерее тото.

7 июня — приложение к поездке: переедание, животы, у Ще — кашель. Но утром Эд уехал по делам, и мы одни блаженствовали в квартире. Санатории на Сене. Ничего не читаю, ничего не печатаю, о тебе заботятся: кормят и возят на машине. Редкие дни…

Днем сели в «Пежо», доехали до метро, оставили машину, и уже плавали на пароходике от пристани Эйфелевой башни. На бато-муш проплывали

мимо дворцов, памятников, под мостами и сошли на берег острова Сите (ile de la Cite). Сите — колыбель Парижа. Когда-то в древние времена тут жили галлы и римляне. Тут и Нотр-Дам, и Сен-Шапель, и дворцы XVII века. Посидели в кафе: мороженое, клубника… Покрутились вокруг собора Парижской Богоматери (вспомнили Гюго), побродили по улочкам, жарко, и вернулись через станцию метро Отель де Вилль. В метро рядом сидела какая-то латиноамериканка, и я блеснул осколками испанского языка: «мухер бонито» и т. д. Эдик разинул рот от удивления, а девушка засветилась от радости: ее заметили…

У станции Саблон нас ждала огненная машина, пришлось включить кондиционер. Большая поездка-прогулка закончилась. На обед среди прочего была маленькая дыня — «мелон». Вкусно. Прогулка перед сном, среди особняков богатых буржуа. Очень хотелось шипеть: ну, гады!.. А они не гады, а респект, уважаемые граждане свободной страны, не ставившей цели построить коммунизм. Вернулись, и эти мысли заели салатом с мазареллой и запили вином. И «спокойной ночи, малыши!»…

8 июня — утром пытался читать газету «Экип», не зная французского, ничего не понял и со

вздохом отложил. Какая обида: так и не выучил толком ни одного языка! Потом с Э ездили в центр, заходили в кафе, магазины, купили диск Сержа Генсбура. Обед с «бон аппетитом». Составляли план дальней поездки — в Довиль… Вечерняя прогулка по острову. Воздух теплый, обволакивающий, как на юге.

9 июня — поездка в предместье Парижа, 15 км, в Мезон-Лаффит. Шедевр замковой архитектуры времен Людовика XIII, вершина французского классицизма. В этом Мезоне когда-то гостил Вольтер и писал свои сочинения. Жила тут принцесса Альбина Московская (или Москворецкая) и где-то рядом художник Верещагин. Городок утопает в зелени: тополя, эвкалипты, каштаны… Сады — дело рук знаменитого гения французских садов Ле Нотра.

Посидели в элегантном кафе «Кази». Замечательный яблочный пирог (клумбль) с вазочкой крема. Короче, Мезон Лаффит — лафитничек — оставил приятное впечатление. А поздно вечером из Нейи в центр Парижа. И восхождение на Эйфелеву башню. Стояли в очереди под охраной полицейских с автоматами (страх перед террором). Мы поднялись только на первый уровень (7 м), и все равно — Париж, как на ладошке. Па-

риж в синеве вечера и огней. Красиво.

10 июня — метео: в Париже +27ş, в Москве +13ş. Поездка в еврейский район Сенспольт — старое обиталище парижских евреев. Их тут много — в шляпах, с пейсами и бородами, как правило, все в черном. Походили по району, скученно, без парижского шика. Посидели в кафе: пирог с еврейскими штучками — сладостями и капучино.

А еще побывали в музее Пикассо — отель Сале. И попали на выставку-парадокс: Пикассо-Энгр. Удивительно красивые гармоничные девушки Энгра и изломанные, изуродованные линии женских фигур и лиц Пикассо. Как бы Гимн и Издевка. Эффект потрясающий. В других залах уже один Пабло Пикассо. Обратно до метро «Бастилия», проход по бульвару Бомарше, зашли в магазин русской книги «Глоб». И вместо продажи своей книги «5-й пункт» подарил ее магазину. Щедрый русский писатель… И возвращение в Нейи, к супу томато.

11 июня — знакомая Эдика — Женя Коган организовала нам экскурсию с израильской группой (15 человек) по замкам Луары. Оплата — от «принимающей стороны». И на автобусе в долину Луары, где буквально тысячи замков, больших и малых. Леса, полные дичи, чернозем для посевов,

холмы для виноградников — благодатные места и очень отличаются от долин Рейна, Дуная и Мозеля, где мы были…

По дороге Женя Коган рассказывала неинтересные истории про обитателей замков, а какой-то израильтянин, бывший советский, допытывал у жены, какое мясо будем есть на обед — «с кровью или поджаренное»? Долина Луары с ее замками интересовали его в меньшей степени.

Первая остановка — замок Амбуаз, его длинная история вряд ли может уместиться в одну книгу, ибо Амбуаз — это история Франции. Тут скрывалась от заговора Екатерина Медичи, и мятежный принц Конде, вождь гугенотов, который пытался схватить юного короля Франциска и убить Гизов. В Амбуазе шла вражда между графами Анжуйскими и Блуа. Еще Маргарита Наваррская и знаменитый царедворец (королеводворец — такого слова нет), и еще много других исторических персонажей. В Амбуазе нашел пристанище и здесь умер великий Леонардо.

Мы походили по территории, полюбовались внушительными башнями, капеллой Сент-Юбер, осмотрели королевские покои, усыпальницу Леонардо. Все грандиозно и впечатляюще, но тут следует отметить: для нас с Ще, а для некоторых

наших групповиков, долгое время живших в Виннице и Жмеринке, все увиденное не производило почти никакого восторга. История, архитектура, интерьеры — все, как говорится, мимо кассы. Их интересует в основном быт, и кто-то с пристрастием спросил меня: «А разве евреи еще остались в Москве?» Вопрос для замков долины Луары.

Быстрый обед. «Мясо как подошва!» — ворчал экс-житомирец, а ныне житель Хайфы. Заморив «червячка», отправились в другое «шато» — замок Шенонсо. И снова грандиозо! Ничего подобного в России нет. Веками все строилось, улучшалось, модернизировалось, совершенствовалось. У королей и французской знати было врожденное стремление к красоте. Сначала красота, а потом уже военная мощь.

Побывали внутри одного дворца. Поразила картина «Три грации» кисти Карла ван Леа — портрет трех сестер Несле, которые были знакомы с Людовиком XVI. Три грациозные ню. Но особенно поразил в Шенонсо парк, одна половина сооружена в честь Екатерины Медичи, другая — Дианы де Пуатье, фаворитки Генриха II. Река, мост, фруктовые сады, павильоны и беседки. Все для жизни, любви и наслаждения… И наши парки моей юности — ЦПКО им. Горького и ВДНХ

померкли в густом примитиве, а если бы не побывал в замках Долины Луары, то, наверное, считал бы, что наши парки и здания (какие уж там дворцы!) — лучшие в мире. Лучшая в мире — это советская пропаганда!

И, наконец, грандиозный Шамбор. Тут и готика, и фламандское, и итальянское влияние. Внушительно и эффектно. У Шамбора тоже длинная история: кто им только не владел и кто только не жил. В 1725 году Людовик XV поселил в Шамборе Станислава Лещинского, низложенного короля Польши. И последняя глава: в 1930-м Шамбор был приобретен французским правительством.

В Шамборе впервые была поставлена комедия Мольера «Мещанин во дворянстве» в 1670 году. К сожалению, под рукой нет Мольера, и не помню точно имя главного героя. Не он ли удивлялся, что говорит прозой, когда ему объясняли разницу между стихами и прозой… Может быть, г-н Журден? И уж точно не Тартюф…

Шамбор был третьим и последним замком, который мы посетили. А еще в долине Луары замки Ангерс, Беригар, Блуа, Бриссак, Шеверни, Шинон, Ланже, Сомюр, замок Вален, владельцем которого был прославленный Талейран, и т. д.

Увы, все не расскажешь, все не опишешь.

Возвращались из долины Луары уже к вечеру и попали в пробку — «бушон» по-французски. Вернулись на свой остров в 23.57. По Вере Инбер: «Ну, думаю, однако!..» Проголодались и в ночь ели фаршированную рыбу и «баклажанку», как назвал некое блюдо Эдуард.

12 июня — тихий день после Луары, точнее утро. А днем отправились с визитом к Мише на улицу Мориса Тореза. Молодая Ева в окружении комфорта и достатка. Манерная и отчаянная патриотка: гордится Россией. Во время гуляния всей компании в Булонском лесу я стал рассказывать разные эпизоды из российской истории. И вдруг Ева:

— А вы знали Владимира Ильича Ленина?

— Конечно, — мгновенно отреагировал я. — И еще ходил в походы вместе с Александром Македонским.

Ще впала в ступор от глубоких познаний очередной супруги Миши, на что он снисходительно заметил: «Она еще молодая...»

«Я из лесу вышел...» Нет, не я в одиночестве, а все мы покинули тропинки Булонского леса, а потом, распрощавшись с Мишей и Евой, втроем, то бишь с Эдуардо, отправились в Пиццу-Хат, и каждый съел по две пиццы — одну с тунцом,

другую — вегетарианскую под вино и капучино. А вечером футбол по телевизору.

13 июня — с утра впали в ностальжи: в Москву! В Москву!.. Все-таки в маленькой студии (а цена-то не маленькая!) некомфортно. Отдохновением стала поездка в Шартр. Поехали на двух машинах: мы втроем и на другой — хорошая пара новых парижан — Люба и Коля. Коля — бывший физик из Дубны (кого только не встретишь за рубежом Родины!). Ехали по дороге А-2, 83 км.

Знаменитый собор в Шартре, первый камень которого был заложен аж в 1194 году. Высота главного Нефа — 37 метров. Чудесные витражи. Вслед за нами к собору подкатил Миша с Евой в своем красном спортивном «Ягуаре». Уже большая компания. Все вместе прошлись по лабиринту узких улочек Шартра. Побыли там пять часов с сидением в ресторане. Чувствовал себя французским рантье, а не очень обеспеченным русским писателем. Все было хорошо: познавательно, интересно, гулятельно и вкусно. Смешной момент. Среди немецких туристов, тоже приехавших лицезреть собор в Шартре, оказался немец в одинаковой со мной тенниске. Мы воззрились друг на друга и посмеялись. Глобализация: одеты одинаково, путешествуют одинаково, едят и пьют одно и то

же, думают… а вот тут, наверное, нет, думают и ощущают мир и людей по-разному.

Возвращались снова втроем, и Эдик вновь запутался и издал крик: «Где Переферик?!» На что я сочинил экспромт:

И ответил я: «Ужо
С тобой не сяду я в «Пежо».

А про себя сказал: «Не зарекайся, Юрий Николаевич! «Пежо» — штука полезная».

14 июня — опасный номер — помывка в студии. Помылись и призыв: «Товарищи, за стол!» Так бы в Москве, но дома приходится делать все самим… Днем Эд отвез нас в Булонский лес, опять же не московский, а с цветами, мостиками, пагодами и прочим. И не только лебеди, но и ламы. А далее — Богатель, райское место: дворец-парк-сад. История такова: Park de Bagatelle вырос вокруг небольшого замка, возведенного графом Артуанским, который поспорил с Марией-Антуанеттой, что сумеет за три месяца построить дом. И граф выиграл пари, а замок иронично назвали Bagatelle (безделица). Так, шутка… Около замка оранжерея с тысячами роз, а по соседству — бесподобные ирисы. По территории спокойно расхаживают павлины (у нас бы ходили хму-

рые полицейские). Посидели в кафе, где рядом «миллион, миллион алых роз», красота, и дых, и дух. Благодатная картинка для будущих воспоминаний.

Вечером дома, на острове. Футбол под красную рыбку, ронделли и прочие западные яства. И сок манго…

15 июня — среди прочего побывали еще в одном парке: Ранелаг, а их в Париже, кстати, много: Андре Мальро, Бют-Шомон, Зоологический, Монсури и т. д. Из парка в музей Поля Мармоттана. Мебель, скульптура, живопись Фландрии, французские импрессионисты. И главное: 100 работ Клода Моне: кувшинки, Руанский собор и т. д. Эстетическое удовольствие. Вышли и натолкнулись на памятник Лафонтену, у ног которого изображена ворона с сыром (Крылов шел по стонам Лафонтена?), а к вороне подбирается лиса: мировой сюжет!.. В заключение поездки — Дефанс, торговый центр, чтобы осуществить странную мечту: купить клеенку, и купили дорогую, за 79 евро. Купили еще чего-то, от помады до трусов, и альбом члена «Клуба 1932» колумбийского художника Фернандо Ботеро, мастера пышных форм. Его батерочки, изображаемые женщины чрезмерно пышных форм, фемины

бон аппетит…

На остров вернулись без сил, без ног, без всего. Вечером индейка под коньяк и снова футбол. Россия проиграла Португалии. Вместе с Эдиком болели шумно.

16 июня — утром занялся привычным делом. Эдик принес кучу отпечатанных фотографий, и я их обрезал и кадрировал. Эдик: «Я тоже хочу так научиться».

В первом часу отправились на Монмартр, поднялись к Сакре Кёру. Монмартр — самая высокая точка Парижа. Именно здесь построили базилику (или собор) Сакре-Кёр «во искупление грехов Коммуны». Храм начали строить в 1875 г., а закончили в 1919 году. Он имеет суровый византийский вид. К нему ведет лестница — 257 ступенек. Можно подниматься по ступенькам, а можно за денежку в огромном лифте-подъемнике. Ну, а сам Монмартр — прибежище художников. И в помещении, и на воздухе сотни картин. А еще рисовальщики-портретисты. Кто-то по-русски обратился к нам: «Не хотите ли? Недорого». А кругом толпа из интернациональных туристов, и почему-то очень много женщин-ботеро. Пышечки на холме Монмартра. Посмотрели, налюбовались, посидели тут же, в

кафе, и спустились вниз, к бурлящим магазинам и магазинчикам. Вбирай — не хочу! По мелочи что-то прикупили. Получился насыщенно торгово-развлекательный день, закончившийся «Монопри» и мороженым.

17 июня — утром прошлись вдоль Сены. Пахнет водой. Мелкие волны бьются о берег. Тишина и умиротворение. Пришли, и родилась идея: взвеситься и узнать свой вес. Результат: одинаковый вес — 79 кг. Отъелись в Париже?..

С Эдиком поехали в книжный магазин Струве, в котором мы были с Ще еще в 1998 году. В магазине взяли на комиссию четыре моих книги, и тут же одну — «Ангел над бездной» — купила пожилая русская женщина за 15 евро (на наши рубли — свыше 500). Тут же стала листать и выдала автору оценку: «У вас дар… пишете очень легко…» Кое-что закупили, и обратно на остров.

Вечером — объеденье с горячей рыбой Сен-Жак и разными салатами, на десерт — ликер с пирожными. Завтрак, да и только!..

18 июня — последний заключительный 17-й день в Париже. Отлет. Поехали на рыночек, раскинутый на Шарле де Голля, все аккуратно, чистенько и цивилизованно, и кое-что купили для Ще, в том числе палантин из Милана, ну, и

шоколад, кофе «Черная карта», халва…

Прощальный обед, и в 16 часов поехали в сторону аэропорта. Прощание, целование и облегчение: вояж закончился!..

В очереди оформления билетов и багажа вдруг увидел Василия Аксенова, подошел к нему и сказал: «Помните, я вам подарил «Клуб 1932», и вы обещали прочитать и высказать свое мнение». Аксенов растерянно улыбнулся: «Не помню… нет… такое суматошное время… не успеваю…» Я пожелал ему доброго пути, а сам был разочарован. Вот они — маститые, известные, классики, а к «младшим братьям» по литературе без внимания…

В 18.55 аэробус взмыл в небо и летел 3.05. От предложенной в самолете рыбы отказались, чтобы не испортить впечатления от последнего парижского лосося. Из Шереметьево домой на Сокол нас отвез Серега (последняя услуга Эдуардо — спасибо ему за все, гран-мерси!). И Сергей помог дотащить сумки на 4-й этаж, в ответ подарил ему книгу, как валюту. Дома последовали звонки Эдика из Парижа: как долетели, как самочувствие, дела, футбол и т. д.

* * *

20 июня — в летний день (+26) допечатал парижские заметки — 11 страниц. Маловато, без деталей, но иначе было уже нельзя: труба звала к печатному станку. Пора приниматься за работу…

27 июня. Послепарижье. 20-го начал печатать заметки по Франции. 22-го ездил в «Радугу», получил набор. Зимина жаловалась на плохие продажи и вздыхала: «А вот «Эксмо»!..» Что «Эксмо», они крутятся, вкладывают деньги в рекламу, а в «Радуге» гоняют чаи. Вот в чем разница!.. Отказался от Звенигорода, и начал засасывать быт: магазины, продукты, вынос мусора, мытье посуды (надо же помогать Ще!) и т. д. А вкупе со творчеством — целая куча дел.

24 июня — поехал по приглашению в Дом записи, и меня сходу повели в студию на запись. Главный киновед Кирилл Разлогов ушел в отпуск, и канал «Культура» попросил меня его заменить. И вот мне дали слово перед ретроспективой фильмов Феллини на «Культуре». Я не раздуваю щек, мне просто смешно: 10 мая выступал по ТВ в роли военного эксперта.

26 июня — с Ще вырвались в Третьяковку, в Инженерный корпус на выставку «Русский аван-

гард». Удивили огромные плафоны хризантем — работа Врубеля, 1894 год.

27 июня — в роли киноведа. И кто бы мог подумать!.. Итак, выступил, после чего напоили кофе (гонорар?) и заключили официальный договор. Да еще спросили: «А в штат наш вы не хотите?..» Нет, я вольная птица и в штат не хочу…

3 июля — среди позитива вышел Исаак Бабель в «Алефе». Прямой и острый Бабель, о котором критики писали, что он «дал своеобразный вариант мелкобуржуазного варианта революции». Бабелевский старик-еврей спрашивал: «Мы падаем на лицо и кричим на голос: горе нам, где сладкая революция?..» А, действительно, где? Везде кровь, боль и нескончаемый кошмар с ужасом…

В каком-то издательстве (в каком — не имеет значения, ибо все это очередной воздушный замок) руководящая дама-пресс мечтательно предложила мне сделать том «Культура России». Я мечтательно кивнул головой: хорошо бы! И на этом все закончилось. Приехал домой — по «Культуре» мой рассказ о фильмах Феллини. Выходит, не только мечтания… А еще занимался дизайном фотоальбома по Франции.

11 июля — от ошибок в верстке можно упасть в обморок: «Пуст» вместо Пруста и «Человесная

вомедия» Бальзака. Н-да… 7-го снова в маленьком студийном закутке в Доме записи на улице Качалова запись семи телепрограмм недели, на 12 июля — о Бабеле, затем — о фильме «Июльский дождь» Марлена Хуциева (с недоумением министра Фурцевой о картине: «И это все?!»). На 14 июля — программа «Между Брехтом и Беккетом», далее «Граф Монте-Кристо» и в конце кинонедели — «Вишневый сад» и «Лебединое озеро». Все это я представил коротко, эмоционально, с какими-то интересными деталями. Даже странно: откуда у меня появились навыки импровизации на камеру. Это ТВ. А еще в «Вечорке» вышел мой Суворов, и добил объемное эссе о Пабло Пикассо (24 стр. с хвостиком).

18 июля — всю неделю, начиная с 12-го, Ю. Б. в программе «НОТАБЕНЕ». Но мне уже было не до «Культуры», я бился на других творческих фронтах.

22 июля — расшифровка этих «фронтов»: переделывал Александра Галича, расширил для «Алефа». Завершил книгу о художниках — «Приключения «Венецианской дамы». А в ночь на среду 21-го на машине отвезли на ТВЦ в программу «Синий троллейбус», программа с телефоном доверия для полуночников. Ведущая — Ирина

Палей (не княгиня ли?). Разговор о распавшихся семьях и детях. Звонили люди, я совместно с психологом Майей отвечал на жгучие вопросы…

А вчера — р/с «Содружество», а затем книжный марафон в «Библио-Глобусе»… Итак, ночь с ТВ, потом запись на радио и выступление в книжном магазине. Братцы, а может быть, хватит?..

27 июля — как говорят по радио: «А теперь о погоде». Лето какое-то гнилое — идут дожди, грозы, страшная духота, воздух насыщен электричеством, геомагнитные бури, и насмешкой звучат слова о том, что «у природы нет плохой погоды…».

Ездил в «Радугу»: отвез вычитанный набор «Культовых имен» и рукопись о художниках. Зимина: «Оставьте. Я посмотрю…» А пока идет смотрение и решение, я придумал еще одну и начал ее структурировать под условным заголовком «Кино, эстрада, жизнь» (книга не вышла, но какие-то ее части вошли в другие издания. Ничего не пропадает — все идет в дело — 1 августа 2019 г.).

3 августа — пока Франц Кафка готовится к выходу в свет под обложкой «Культовые имена», он вышел в журнале «Алеф». Один из моих любимых писателей. Человек — страдание, бедолага, про-

живший и умерший в 41 год — 3 июня 1924 года, 80 лет тому назад. «Жизнь все время отвлекает наше внимание, и мы даже не успеваем заметить, от чего именно», — писал Кафка. О, этот мистический кафкианский мир!.. Кафка вышел в журнале, а Денис Давыдов застрял и потерялся в «ВМ».

Денис Давыдов и Франц Кафка — полярные люди. Один — мрачный пессимист, стоящий на краю гибели. Это — Кафка. Другой — Денис — «поэт, рубака, весельчак» (по определению Вяземского), не задумывавшийся о мистических загадках бытия. Большой любитель выпить, о чем сам и писал в своих виршах:

А завтра — черт возьми! — как зюзя, натянуся;

На тройке ухарской стрелою полечу;

Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся

И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!

И что можно сказать? Как я далек от Дениса Давыдова и как близок к Францу Кафке…

На 1 августа Ще написал строки: «Живи. Лю-

би. Не вешай носа. / Забудь о возрасте своем. / Не ставь глубокие вопросы, / Кто что добился / Кто стал кем…» и т. д. Хотели поехать в парк в Кузьминки.

Две свинки
Собрались поехать в Кузьминки…

Но — духота, и не поехали. А отправились в дальнюю рощу, съели по мороженому и купили новый торт «Джейс Бейкер». А в ночь по ТВ смотрели старый фильм Бергмана «Женские грезы». Вот и все 64-летие.

8 августа — Ще занимается глазами: дистрофия сетчатки. Беда… Меня добивает поэт Сальников, так он себя величает. Хочет дружить, а я отказываюсь. Подарил книгу своих стихов. Явный графоман:

Подхожу я к ней поближе
И дарю ей труд пера.

Вот этот «труд пера» — вывеска его творчества. Но человек пишет, ему нравится это, и он раздаривает свои опусы женщинам. Многие балдеют. Обычно мужик пьет, матерится и бьет, а этот — стихи…

А у меня свои проблемы — барахлит «Консул»,

плохая лента, и процесс печатанья становится мучением. Бьюсь, как рыба об лед… И, преодолевая трудности, печатал про Самуила Маршака.

— Розалия Ивановна! Ваши прилетели! — говорил Маршак своему секретарю, немке, во время войны при налетах на Москву.

Ну, а что делается в сегодняшней России? В «Новой газете» крупный заголовок «Оккупация собственной страны?» с веселым предупреждением: «Придут за всеми». Опять вариации на тему 1937 года? Несчастная Россия!

14 августа — творческие будни. Начал писать о Лени Рифеншталь, выступал на дне «Радуги» в «Библио-Глобусе», вел какие-то переговоры. Все это рутина. Еще рассказывал о своей книге «Культовые имена» по р/с «Говорит Москва». Получил гонорар за «Нотабене». Из прочитанных газет можно выделить лишь слова Сергея Мостовщикова: «Занимаюсь оптимизмом в пессимистической ситуации». И он тоже?!.

22 августа — приезжал Эдуард с духами «Шанс-Элизе», кофе «Черная карта», конфетами и арбузом. Смотрел сделанный мной парижский альбом и возмущался, почему он «кривой и толстый, а Юра такой стройный?..» Эдик — прелесть!

Добиваю Лени Рифеншталь, уже за двадцать

страниц. В «Крестьянке» получил заказ на три звезды: Мишель Мерсье, Изабеллу Юппер и короля ужасов Хичкока. В параллель звездам пишу об Альберте Швейцере — праведник и подвижник. Да еще читаю книгу о нем. Автор — мой конкурент по «Радуге», писатель Борис Носик. Книга так себе.

27 августа — 23-го ездил в «Радугу» и получил сигнальный номер «Культовых имен от Э до Э», тираж — 5 тыс. экз., отпечатана в Можайске. Моя 17-я книга. От Эразма Роттердамского до Умберто Эко. От обличителя человеческой глупости и гражданина мира Эразма до Умберто Эко, забытого члена «Клуба 1932» (когда писал «Клуб», то не знал года его рождения). Эко родился 5 января 1932 года, за 56 дней до моего рождения. Интеллектуал высокого уровня. Его тексты умны, печальны и ироничны. Именно ирония роднит меня с Эко.

В книге 32 культовых имени (Спиноза, Кант, Байрон, Гете, Оскар Уайльд, Бернард Шоу, Томас Манн и др.). Во второй части книги — «Еврейское счастье» — 13 женских имен: Сара Бернар, Роза Люксембург, Надежда Мандельштам и др. Свой «список Шиндлера». Эко-Кафкианская книга.

«Культовые имена» — 10-я книга, изданная

«Радугой», и ее «обмывали» роскошным белым сухим чилийским вином.

30 августа — Ще ходит по врачам, и везде и за все надо платить. Здоровье покатилось под откос. Живем на пенсию и гонорары, но гонорары не ахти какие. Это Хемингуэй за один только рассказ «В снегах Килиманджаро» мог прожить целый год. У нас таких килиманджар нет, и я согласен с криком Ильи Фонякова и написал упаднический стих с подачи его строки:

«Где слава, гонорары, тиражи?»
А молодость куда запропастилась?
Мы проскочили через рубежи,
Где и паслась когда-то божья милость.
Чего добились мы? Чего?!
Нет ни признанья и ни денег,
Нет ничего…
Лишь старое пальто
На плечи давит, как священник.
Свет гаснет где-то за углом.
И меркнет тусклое сознанье.
Кругом ни отклика, а в горле ком
И рядом волчье завыванье…

И откуда этот пессимизм? Вроде бы, не так уж и все плохо. Не так много писателей, за спиной которых 17 книг. И тем не менее: «Откуда у парня испанская грусть?» Написал строки, облегчил душу, и все покатилось дальше. На глаза попался Кандинский, и сразу: а не написать ли книгу о художниках? Странно устроена моя голова, все идеи и придумки!

2 сентября — открыл утром «Независимую газету» («Независьку», как некоторые говорят уничижительно), а там заголовочек «Россия. Осень. Царство террора». Взорванные террористами самолеты, взрыв в метро «Рижская», захват школы в Беслане… Прямой призыв президента «мочить в сортире» обернулся морем крови ни в чем не повинных людей. Непрофессионалы во власти — это бедствие для народа. Но не буду превращать дневник в криминальную хронику.

Был на Пятницкой по одним делам, зашел на «Маяк» и незапланированно дал интервью на полчаса по поводу «Культовых имен». А в голове уже крутятся «Культовые имена-2», как будто я в силах воплотить все задуманное…

5 сентября — трижды ездил на Международную книжную ярмарку на ВДНХ, и каждый раз подписывал свои книги. Повстречал Рейна, Женя

только что приехал из Бухареста и сказал, что там в русском магазине я — самый популярный автор. Придумал и сказал приятность? Кто-то затащил меня в павильон на презентацию книги Самухиной (дама из Питера) «Камасутра для офиса: практическое пособие» с фотоснимками: любовь на рабочем столе (вот уж, действительно, дожили после распада пуританского СССР!). Автор книги сообщила в своем выступлении, что создала целый Институт соитологии.

Дернули выступить и меня: я говорил о сексе с юмором и сорвал аплодисменты…

А что кроме ярмарки? Занимался Кандинским, в «Алефе» вышел Михаил Гершензон — «Интеллектуал из Кишинева» (потом он вошел в книгу «Золотые перья» — 01.08.2019). Мэйлэх Иосифович был разносторонне образованный литератор и философ. Ему повезло: после революции он избежал расстрела. Его не тронули, и он умер своею смертью. На похоронах Гершензона какой-то комиссар в кожанке сказал, что хотя Гершензон был «не наш», все же пролетариат чтит память этого «пережитка буржуазной культуры».

Итак, напечатан был Гершензон, а я писал уже о Василии Кандинском.

9 сентября — в какие только не приглашают

ТВ-программы, 6-го — шоу «Что хочет женщина» с ведущей Еленой Яковлевой, «интердевочкой». Выступил, что-то комментировал и получил денежку в конверте. Ну, а сегодня вернулся к теме женщин и написал сходу текст о Любови Дельмас, певице, в которую влюбился великий поэт. Для всех Дельмас была «рыженькая и некрасивая», а Блок увидел ее иначе, и «зубов жемчужный ряд», и «певучий стан», и «хищную силу прекрасных рук». Короче, Блок влюбился, как гимназист.

И кровь бросается в ланиты.
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

«О, как блаженно и глупо — давно не было ничего подобного. Ничего не понимаю», — записывал Блок в период увлечения Любовью Дельмас. «Все поет, поет».

12 сентября — настроение паршивое. Начитался прессы о Беслане, о России, о Путине. Непрофессионалы и коррупционеры. Доведут Россию до ручки, и скукожится Русь до какого-то Рязанского княжества… Нет, лучше не читать, а рассматривать цветные пятна и причудливые линии на полотнах Кандинского, которого, кстати, довел до 32 страниц.

19 сентября — звонил Эдик из Парижа: «А что у тебя там еще в типографии?» Смешной вопрос. До типографии рукописи еще надо доползти.

15-го подписывал книги в Доме книги на Арбате. Покупают, но слабо. Для памяти записываю продажные цены: «Московский календарь» — 172 руб., «Поцелуи» — 147, «Культовые имена» — 137, «Принцессы» — 131, «Клуб 1932» — 65 (для сравнения, как растут цены, — «Огни эмиграции» в 2019-м продаются по 690 ре).

Допечатал Хичкока, отвез в «ВМ» Дельмас, а Денис Давыдов лежит без движения — не везет бравому гусару! Занимался рукописью о художниках, в том числе о бульдозерной выставке 1974 года. Как сказал Юз Алешковский в одном из интервью: «Моя жизнь полна келейности и милого сосредоточения». Значит, не я один так живу, но с поправкой: много приходится бегать и встречаться с людьми. А так, конечно, келейность…

25 сентября — сунулся в газету «Культура», зам. главного — Марина Старуш сказала прямиком, что я представитель старой журналистики, которая скончалась в 90-х годах. Не согласен, я стараюсь идти в ногу со временем. Из «Культуры» в «Крестьянку», «Работницу» и «Смену». Эх, лучше бы не выходить из своей кельи… По дороге

встретил Сашу Стрижева. Обменялись новостями, кто что делает. Саша: «Мне преуспевающие неинтересны». Пишет о забытых…

1 октября — Если горы не идут к Магомеду, то Магомед сам идет к горе и холмам. Так вот я в роли этого Магомеда: ищу новые площадки. В конце сентября выступал и подписывал свои книги в «Молодой гвардии», по нынешним временам неплохо — 26 книг. Потом магазин «Москва», там подписал 23 книги. А Ще ездила по делам в «Москвичку», и там доброхоты встретили ее словами:

— Вы из Парижа вернулись?

— Почему вернулась? Я там живу, — обозлился Щекастик.

И новость: закрылось издательство «Жираф». Книга не вышла, аванс можно не возвращать, и привет из далекого Серебряного века. Горевать некогда, приступил к Фридриху Ницше.

10 октября — стремительно сокращается световой день, и я от этого страдаю. Сокращается время работы, и возникает проблема вечера, что делать? Сидеть в кабинете под лампой — темновато. Читать — напрягать голову, но пришлось прочесть всю книгу Даниэля Галеви о Ницше. Плохо. Длинно, занудливо, путано. Я предпочитаю текст сжатый, сконденсированный, динамичный…

4 октября пригласили в программу «Домино» на тему «Обратная сторона секса», ведущие — Ханга и Ищеева. Перед съемкой схватка со сценаристкой. Я хотел говорить по-своему, а она настаивала на своем варианте. Другие не возражали, ни эксперт Анатолий Вассерман весом в 106 кг, знаток из Одессы, ни певица Лобода из группы «Виагра». Я должен был быть последним и подвести итоги программы. Уже приготовился выйти, чтоб воссесть на центральный диванчик, как погас в студии свет. Что-то произошло и программу отменили. Я так и остался на старте. Передо мною извинились, но тем не менее на следующий день я написал комментарий «Домино и террор», но на газетную полосу он не попал из-за резкости суждений. Но Бог с ним! И вряд ли мой комментарий мог остановить шествие по телеэкранам «ментов», «оборотней», «вампиров» и «бригад» со звоном от «разбитых фонарей»…

Через тройку дней с Ще выбрались в Коломенское, где были много лет назад. День был сухой, солнечный, с желтыми листьями, и мы неплохо погуляли. Набрался сил, и снова Ницше…

15 октября — я люблю точность в делах: отдал-обещали-напечатали. А когда идет мурыжево, то как-то противно, — или я стал капризным с

признаками звездной болезни? Короче говоря, разозлился и свою злость вылил в строках:

Жизнь катилась и катится,
Но все не так, как колобок.
Порою так тоска накатится,
А то прихватит левый бок.

И от надежд одни осколки
Хрустальным светом бьют в глаза.
И ты — овца. А рядом волки.
И надвигается гроза.

Ты беззащитен перед всеми:
Тебя задвинули, как стул,
И вместо «Тэффи» или «Грэмми»
Тебе достался «Ка-ра-ул!».

Кричи, мой бедный, старый Йорик!
На помощь некому бежать.
Ты — парус одинокий в море.
Тебе тонуть. И погибать…

Все это написано, можно считать, за пару минут. А пока парус полощется на ветру, нас с Ще пригласили на благотворительный обед в Союз

журналистов Москвы в ресторан на Старом Арбате «Хард Рок». Три часа ели, пили и произносили всяческие речи.

Борщ, лосось, блинчики с икрой, кофе, пирожные, вино, шампанское (на деньги не бедного Союза журналистов, а правительство столицы отщипнуло кусочек от своего бюджета). За столом журналисты и артисты: Алексей Локтев («Я шагаю по Москве»), Стеблов, Конюхова, Гребенщикова, Меньшикова, Вера Васильева. Из работников пера выделялся Георгий Зубков. Мне все это действо было до фонаря, а Ще немного развлеклась, и я был рад за нее…

13-го выступал в библиотеке им. Погодина, за метро «Семеновская». В зальчике человек 25 и слушали внимательно. Возвращался вместе с одним читателем, он — фронтовик, увлекается историей, но напечататься никак не может. Проблема…

19 октября — в «ВМ» Блок и Любовь Дельмас. Звонок из «Пентхауза»: ждут материалы.

17-го поехал в РИА «Новости» на Зубовскую на запись «Апокрифа». Программа «Опасные связи» (слово «любовницы» начальство запретило, а вот «киллеры» — пожалуйста, такие ныне нравы). Два основных говоруна были слабые (и даже

режиссер по фамилии Учитель), а я с Волгиным, Третьяковой, Лилей Гущиной сидел на лавочке и подавал реплики. Неинтересно все это. Интересна была лишь Мария Розанова, с которой столкнулся перед съемкой, она сидела одна, на стуле, и выглядела печальной и одинокой. Я хотел к ней подойти и поговорить, но почему-то застеснялся (спустя годы написал о ней небольшое эссе «Мария Розанова: сторонница матриархата, Кассандра и немножко ведьма» — «Огни эмиграции», 2018).

23 октября — в запись 19 октября не вошел Оскар Уайльд, напечатанный в «Вечерней Москве», и выступление на Ленгорах в МГУ по приглашению профессора Михайловой. Собралось 16 человек: 8 студентов-филологов старших курсов и 8 профессоров (все они читали мои книги и публикации, и им было интересно узнать этого неожиданного автора поближе). Что-то вроде экзамена перед профессурой. И я выдержал его, кажется, на пятерку, судя по откликам. По приезду рассказал Ще, своему домашнему филологу. Она была в восторге: «Тебя признали в университете!» И тут же фавор: приезжал курьер от «Пентхауза», привез журнал с публикацией о Феллини. И университет, и гламурный журнал!

А я сетую на «Одинокий парус в море». Прибедняюсь, значит?..

20 октября — Звенигород. На выступление пришло 23 человека, я выбрал тему «Любовные истории из ЖЗЛ» — от Наполеона до Хармса, казалось бы, но публику расшевелить не удалось, возможно, в зале собрались одни тупые чиновники с тупоголовыми женами? О Наполеоне, возможно, что-то слышали, а кто такой Даниил Хармс, им неведомо совсем. Но это мелочь, главное: отдохнули…

28 октября — с подачи Эдуардо ездил в медицинский еврейский центр «РАМБАМ». «Прикрепился», и теперь можно лечиться бесплатно. Подарил две книжки главному врачу. Книги давно стали валютой или сезамом, который открывает двери. Сходу анализы и предварительный диагноз: какой-то кардиосклероз и артериальная гипертония 2-й степени, плюс остеохондроз и плоскостопие. И что профессиональный больной? И надо лечиться, лечиться? Нет, так дело не пойдет! Буду работать и работать!..

В «ВМ» напечатали «Влюбленную в террор» — Марию Спиридонову. Плохо себя чувствовал, но добил Эренбурга. И кстати, о курсе доллара: при сдаче 26,75, при покупке — 29,05.

27-го закончил наконец-то Ницше — 60,5 стр. Увесисто. Невозможно оставить Ницше без цитат. Вот только три из книги «Так говорил Заратустра»:

— «Взгляни! Я пресытился своей мудростью, как пчела, собравшая слишком много меда: мне нужны руки, простертые ко мне».

— «Жизнь тяжело нести; не притворяйтесь же такими нежными! Мы все прекрасные вьючные ослы и ослицы…»

— «Государство? Что это такое?.. Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Холодно оно лжет; и эта ложь ползет из уст его: «Я, государство, есмь народ».

В 2005 году вышла книга «Прекрасные безумцы. Литературные портреты», и в ней Ницше во всей своей интеллектуальной красе — «Сумерки и рассвет Фридриха Ницше». А впервые это имя я услышал в 16-летнем возрасте в 1949 году, в сталинскую эпоху. Игорь Шмыглевский в школе шокировал своих соучеников фразой из Ницше: «Падающего — толкни!»

28 октября — праздник 75-летия Иновещания. Удивил Симанчук, сказав, что из Иновещания вышли три писателя — Путко, Зубков и Борис Носик. И не упомянул меня. А в глаза — одна лесть…

Но писательство пришло уже после радио, а тем не менее Радиокомитетя вспоминаю с благодарностью — эти 14 лет были лучшими в моей рабочей карьере. На Пятницкой я научился умению быстро работать, печатать, настоящему журнализму, а главное — расширил свой горизонт и разобрался, как делается пропаганда для широких масс народа.

6 ноября — в РАМБАМЕ хирург уговаривал меня лечь в СКЛИФ и сделать операцию «“всего” за тысячу долларов», я отказался. Лечился своим способом: печатал на машинке. После Ницше приступил к Репину. От философа к художнику — смена регистра.

7 ноября — отмечали старый Октябрь с широким набором кумиров: кто с Лениным, кто со Сталиным, ну, а кто с Зюгановым и Путиным. Народ, как стадо, никак не хочет жить без пастуха. А накануне в «Вечорке» вышел мой материал «Люцифер революции», о Льве Троцком. С юных лет слышал ужасные слова о Троцком и троцкизме и только в пенсионные годы занялся изучением биографии второго человека в Октябрьской революции.

Вдруг потянуло к старым дневникам, залез в ноябрь 1981 года, и сразу всплыла картина: дурац-

кая работа в СПК, окружение ни уму, ни сердцу, никаких перспектив в будущем и жесточайший дефицит товаров и продуктов, за которыми гонялись долгими часами: выбивало-доставало. Как в романсе: «То было раннею весной…»

Запись от 12 марта: «До пенсии осталось 10 лет, 11 месяцев и 20 дней». Считал. Надеялся на пенсионный рай. Не ходить на работу, не видеться с неприятными людьми, заниматься своими «бумажками». И вот ныне я в «раю». В Эдеме (правда, гурий не хватает). Ставлю далее многозначительное «и» — и на этом обрываю текст. Получил то, что получил.

14 ноября — как хорошо, что отрываешься иногда от машинки и архивов и «выходишь в люди».

11-го были в Третьяковке на выставке «Пленники красоты. Русское академическое и салонное искусство 1830–1910 годов». Любопытно, но, правда, без «ах». Было интересно увидеть картину «Поцелуй» Федора Моллера, о которой вспоминал в книге «Тысяча и два поцелуя». И, увы, не знал, что Василий Перов изобразил поцелуи на картине «Весна» (1880), где ангелочек целует в губы почти обнаженную молодую женщину — Весна. Не Боттичелли, но все же…

Неизвестные мне картины Семирадского, а еще Тимофей Нефф — «Две девушки в гроте» — такие вкусные лесбияночки. Очаровательный Тимоша не вошел в список 100 знаменитых русских художников. Не девушек надо рисовать, а бурлаков и каторжан.

Ну, а машинные дела? Печатал про Александра Введенского. Один из обэриутов с печальной судьбой. Мои любимые строчки Веденского:

Но однако шли года,
Шел туман и ерунда…

16 ноября — самочувствие не ахти: вена, бок, насморк и далее по списку. Но работаю. Сражаюсь…

14-го по пропуску от Веры Васильевой были в театре Сатиры — какое-то перелопачиванье Франсуазы Саган. В роли актрисы Элизабет — Вера Васильева, так и хочется добавить: из «Сказания о земле Сибирской». В целом отнюдь не шедевр, но смотрится… Пошел за кулисы, за спиной шепот: «Вера Кузьминична, к вам мужчина!» Подарил книгу «В садах любви» и чмокнул в щеку. Мы на равных: писатель и актриса.

Встречался со Славой Тарощиной, одной из ведущих журналисток. Пожаловался на суету. Она:

«Не суетитесь. Делайте свое дело. У вас все хорошо. Что касается телевидения, то, будь моя воля, я бы вас взяла: у вас есть харизма, у вас хорошие манеры, вы эмоциональны, есть драйв, но сами понимаете: нужна удача, стечение обстоятельств — попасть в обойму трудно…» И что возразить? И далее Тарощина: «Время таких культурологических людей, как Рассадин и Вы, прошло». В ответ я ухмыльнулся. Н-да… И подтверждение — журнал «Родина», Татьяна Максимова, взяла материалы и… это самое стечение обстоятельств. В «Родине» царствует Лев Аннинский и, вполне возможно, что именно он меня тормознул (как и Вульф на ТВ). Пытался проникнуть в «Караван историй», не получилось: там своя сложившаяся компания.

Позвонили из «Домино», я отказался (вырубленный свет забыть невозможно). И звонок из «Радуги»: начали делать книгу о художниках — «Приключения «Венецианской дамы».

26 ноября — 19-го выпал первый снег, и сразу 15 см. Начал готовиться к первому вечеру в Доме русского зарубежья, печатал шпаргалку, которыми, как правило, не пользуюсь. Заготавливаю одно, а импровизирую по-другому…

Звонил Вячеслав Басков, бывший публицист из «ЛГ», жаловался: нигде не печатают. Торжествует

новая генерация журналистов, старых — на свалку!.. Удивительно, как держится в моде Андрей Вознесенский, умело приспособляясь к времени. И вот в «МК» читаю:

У каждой женщины семь дыр —
уши, ноздри, рот и др.

«И др.» — это завораживает! И хочется читать дальше (ну, это я шучу, а то кто-нибудь из читателей примет за чистую монету).

24-го состоялся вечер в Доме русского зарубежья, сначала было мало народа, а потом набралось около сорока человек. Малый зал.

Приехали из «Радуги» с книгами — «Культовые имена», «Клуб», «Поцелуи» и «Московский календарь». На вечер прибыл профессор Бокучава из МГУ и купил несколько книг, сообщил, что отправит их в Италию к своей знакомой графине Марии Пален, может быть, переведет на итальянский?..

В целом все прошло нормально. Устал, но был доволен. И повторяю вслед за Николаем Глазковым:

Да здравствуют мои читатели,
Они умны и справедливы:

На словоблудье не растратили
Души прекрасные порывы.

Хотя, конечно, встречаются и «эрудиты» настоящие, считающие, что Толстой — автор многотомного романа «Война и мир» о событиях Первой мировой войны… Левитан — художник эпохи Просвещения…

А стиль барокко упорно путают со страной Марокко и т. д.

Напоследок своего выступления я напомнил завет моего любимого Редьярда Киплинга: «Наполни смыслом каждое мгновенье…»

2 декабря — газеты полны событиями на Украине, как выразился Леонид Радзиховский, мы «лезем в чужой монастырь со своим уставом, да еще как лезем! С ногами! В этом — вся российская политика». И еще цитата из «НГ» от 25 ноября:

«Пусть русская власть посмотрит на себя в зеркало. Ворье. Лизоблюдство. Некомпетентность. Абсолютная, интегральная ложь. И вот с этими хохмами мы едем в Одессу?»

И ответка, как модно говорить, из митинга во Львове: «За Урал отбросим проклятых москалей!» Ответ на ответ: бандеровцы! Фашисты! И понеслась, и завертелась буря ярости и агрессии: два

братских народа превратились во враждующие народы. А дальше — захват Крыма, война на Донбассе, жертвы и трупы (это я уже пишу позднее — 4 августа 2019 года).

Оставим на время русско-украинскую драму и продолжим хронику жизни Ю. Б.

25 ноября были на вечере Евгения Рейна в ЦДЛ. Рейн рассказывал о себе и читал стихи. «Я люблю тебя, НКВД…» (жаль, что под рукой нет этого иронического текста). И еще запомнилась строчка: «…в потонувшей проклятой отчизне…». Бывают удивительные переклички поэтов. Беглец из России Владимир Печерин (о нем в «Огнях эмиграции», 2018), даты жизни 1807–1885, писал с горьким признанием:

Мне сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!..

От Печерина — к Фету. Получил декабрьский номер «Алефа» с Афанасием Фетом. В отличие от Печерина, Фет не эмигрировал из России, а преспокойно в ней жил и уживался. Помещик, крепостник и тончайший лирический поэт. Как справедливо отмечал Корней Чуковский: «Читать Фета — это слаще всякого вина…»

Да, все эти «я пришел к тебе с приветом, расска-

зать, что солнце встало…» — увы, не читаются и не воспринимаются, и «никаких дней минувших благодать». И все же Фета никак нельзя вычеркнуть из классиков.

7 декабря — телевизор, конечно, лучше не смотреть, но иногда надо. В последней программе «Школы злословия» суперполитизированная Сажи Умалатова бабахнула: «Государство — это семья!» Ведущая Дуня Смирнова так и ахнула: «Путин — член моей семьи?!»

А мой любимый времен радио американский журналист Джеймс Рестон определил: «Государственный корабль — единственный, который дает течь на самом верху». Он еще дымит и смердит, — добавим к Рестону.

13 декабря как сводки с литературного фронта: напечатал Казакевича, в «ВК» вышла Алиса Фрейндлих. Занимаюсь исправлениями в верстке из «Олмы». Звонил Витенька из Аугсбурга: зачем писать новые книги? Можно переиздавать старые, и как хорошо жить в Германии!.. Не сманите, герр Черняк!..

18 декабря — гнилая зима с оттепелями — белый снег и черный асфальт. Страдаю из-за короткого светового дня, да еще пускаю какие-то капли в глаза… Удивила смелость Зюганова, заявившего,

что «власть просто одурела от безнаказанности». Ну, революционер!.. А по ТВ Сергей Никитин распевает в свой юбилей: «Собака бывает кусачей только от жизни собачьей…»

Трудный день 14-е. Отвозил в далекую «Олму» исправления, потом ругался с Атаровой в «Радуге». Но это не все: на радио выбивал деньги за выступления на р/с «Содружество».

25 декабря — газеты начали подводить итоги года. По мнению «Московских новостей», итог правления чекистов — «все дальше в пропасть». Я подводил итоги на р/с «Говорит Москва». Маленькие успехи: печатаю Франсуазу Саган, в «Крестьянке» вышла Мишель Мерсье, в «Работницу» отнес Марию Башкирцеву. Старая присказка: контора пишет!.. Главное, что дают деньги, иногда, правда, с задержкой и выбиванием… Книжный рынок затоварен, и теперь средний тираж некоммерческих книг (не детективов) от 500 до 1500 экз.

31 декабря — много политических комментариев. Иноземцев о первом лице: «Головокружение от угроз, ну, да, кругом враги… и куча провалов и просчетов во внешней политике… Сомнительные подвиги постсоветского Штирлица». И полоскают элиту: гребет только под себя и напрочь забыла о

народе… В советские времена подобной критики в прессе не могло и быть! А сейчас дозволено…

Первый предновогодний звонок от Евгения Рейна. Потом последовали другие. В январском «Алефе» напечатан Илья Эренбург. Когда-то его роман о Хулио Хуренито привел меня в восторг, повесть «Оттепель» внушила надежду, а мемуары «Люди, годы, жизнь» открыли для меня много новых имен и натолкнули на создание своей портретной литературной галереи… А еще стихи Эренбурга:

Было в жизни мало резеды,
Много крови, пепла и беды…

И рядом с Эренбургом в журнале напечатана рецензия на «Культовые имена» и письмо читательницы-американки Элизабет Шоу, в котором она признается, что любит читать в журнале особенно Юрия Безелянского, и что он «невыносимо едкий, но при этом лирический и даже забавный…». Едкий, ехидный — да, это есть.

30-го с шампанским и подарками приезжал Эдик. Выпили и за старый, и за новый год. Грядет год Петуха, о чем я написал в последнем номере «Вечерней Москвы».

В 2004 году плохо себя чувствовал, но это не

помешало выходу двух книг — «Тысяча и два поцелуя» и «Культовые имена», а также запустить в производство книгу о художниках. Пресса: 22 журнальных публикаций и 16 — газетных. Многочисленные выступления на ТВ, на радио, презентации книг, выступления. Так что на урожай можно не жаловаться…

2005 год — 72/73 года

Продуктивный год, которым можно тихо гордиться: 4 вышедших книги.

1. XX век. Календарь российской истории (сокращенный вариант «Огненного века» с иллюстрациями).

2. Мировая история. Хроника человечества. XX век. Россия. Книга вышла в рамках школьной энциклопедии.

3. За кулисами шедевров, или Приключения «Венецианской дамы» («Радуга», вышла в апреле).

4. Прекрасные безумцы (Мопассан, Жорж Санд, Ницше, Бальмонт и др.).

И много всяких масс-медиа: газет, журналов, радио, ТВ. В частности, в магазине «Мосмарт» с подарками… Славистка из Южной Кореи. ТВ-программа Ерофеева «Апокриф». Творческий вечер в Тургеневской библиотеке. В мае — Франция, Париж, Руан, Страсбург, Нормандия-Довиль… Переговоры с издательством АСТ. 7 сентября в «Российской газете» интервью «Упорнограф Безелянский». Октябрь — аллергическая вспышка, и

снова больница № 24. Из больницы 18 октября повезли в Липки на 5-й форум молодых писателей. Выступил с успехом. Кто-то из молодых поэтов: «Вы сделали чудовищно много!..» Перечисление, как анонс.

Ну, а теперь хроника, весело-грустная пробежка по дням и неделям года.

4 января — Новый год по традиции вдвоем. Шампанское как-то не пошло, выпил немного коньяка и ликера, на столе — в основном фрукты и орехи. Президента слушали с большим скепсисом. Как кто-то выразился, он из президента Надежды стал президентом Безнадежности. А Сердючка по ТВ — это кошмар дебилизации населения… 1-го тихо кайфовали: мороженое «Венетто», ананасы из банки, вырезки непрочитанных газет. Ну, а 2-го засел за работу. Крутил и модернизировал Сальвадора Дали для книги. Несмотря на погоду (0 градусов, слякоть и ветер), поехали в центр. Непривычно на Манежной не видеть Манежа и гостиницы «Москва». Ну, а далее: допечатывал Дали, доклеивал альбом. Нет чтобы что-то прибить, покрасить, постолярничать — этого никак, одни только бумажные «штучки». Новая версия «Двенадцати» стульев» с Николаем Фоменко не понравилась.

Собственные книги и прочие проекты подвешены, и отсюда усталость и разочарование.

9 января — из написанного: этюд, эссе (как назвать?) об Иосифе Уткине и панегирик о Варламовой в ее очередной каталог картин. Приезжал Эдик, как обычно с дарами (вино, зефир, рыба-севрюга, форель, и, конечно, цветы). Обсуждали новую поездку во Францию: сначала Париж, потом Ницца, Канны, набережная Круазетт и прочий бриллиантовый дым…

В субботу 8-го ходили на рынок, сплошной экстрим — снег и лужи. Устал, но заставил себя сесть за Франсуазу Саган. А тем временем заканчиваются государственные каникулы — никто не работает, газеты не выходят, в провинции беспробудно пьют…

14 января — по радио бубнят о зимней депрессии: отсутствие солнца, серые дни и ранняя темнота. И соответствующее настроение — отнюдь не блажь… Да, и я в миноре: нет дальних перспектив, только ближние: ну, выйдут две книги в «Олме» и «Радуге», ну, пристрою «Серебряный век», ну, закончу и издам «Культовые имена-2», ну, и что? Коренным образом ничего не изменится, денег не заработаешь, популярность не приумножишь, и в этом весь ужас. Сколько

лет вел рубрики и гремел в «Вечернем клубе» и «Вечерней Москве». Сейчас рубрик нет, один журнал «Алеф». И всякие опусы-биографии клепают другие. Новые проекты так и остались проектами, как незавершенные здания. И у Ще закрылась «Москвичка». Но печатный станок остановить невозможно. Добил Франсуазу Саган, 30 стр., и взялся за Жорж Санд. Интересные дамы! Кто-то может сказать: «Мишигинер!» (сумасшедший). Но можно помягче: одержимый. Поставлена цель — и надо ее выполнять. Как однажды сатирик Алексей Пьянов сказал мне: «У вас такая миссия! Что вы жалуетесь…»

22 января — погода жуть. Впору пить водку, но я не пью, а веду дневник горемычной жизни. В газетах прочитал про формулу Александра Кабакова: «Все гораздо хуже, чем хотелось бы, но гораздо лучше, чем могло бы быть».

Всю неделю занимался Жорж Санд, а еще террористом Каляевым, в честь которого в Москве была названа улица Каляевская, потом ее переименовали. Ездил за гонораром в «Вечорку» (вышла Алиса Фрейндлих). Короче, как писала Лидия Чуковская: «Живу я в спешке, в галиматье, в зарабатывании… Суечусь, много суечусь…» Восклицаю «Господи!» — не я один. Многие зара-

батывают на хлеб в поте лица.

В «Крестьянке» получил журнал и гонорар за Мишель Мерсье и попутно — в «Работницу». Ирина Скляр сказала, что купила «Культовые имена», внук впился в нее и сдавал экзамен по философии, используя мои тексты по Эразму Роттердамскому и Канту. Мне на хлеб, а кому-то на ум.

27 января — в «Радуге» маленькая битва за заголовок моей книги. Мне предложили: «Судьба шедевров и их создателей». Я отверг и настоял на своем: «За кулисами шедевров, или Приключения “Венецианской дамы”». Товароведы «Радуги» готовят к продаже на ярмарке книгу о поцелуях и вяжут бантики. Все столы в розовых бантиках — увидел и обомлел. Из «Радуги» отправился в «Пентхауз» за Курский вокзал. В декабрьском номере мои представления о Клеопатре и Мессалине. Писал-писал и докатился до эротического журнала. «Ты лети с дороги, птица, / Зверь, с дороги уходи, / Видишь: облако клубится…» Это песня о тачанке, и добавляю слова: «И «Пентхауз» впереди!..»

29 января из-за снежных заносов не выходил из дома, благо есть чем заняться.

2 февраля — закончил Жорж Санд — 45 стр., на нее ушел почти весь январь. Придумал рубрику

«После свадебного марша». Для «ВМ» и печатал про февральские женитьбы: от Пушкина до Леонида Пастернака-отца.

Давно не писал о стране любимой. Привожу разные мнения: «Путин ведет себя со страной, как малолетний имбицил, тупо мучащий кошку. Именно тупо, с тупым упорством малолетки…» («Новая», 24 янв.). Будберг в «МК» (28 янв.) дает оценку Грызлову, Слиске, Миронову — никчемные люди, которые держатся наверху из-за «путинской милости». И стихи из «Советской России» (29 янв.):

Почему я должна умирать,
Как в блокаду, в холодной постели,
Когда Путин и вся его рать
Постоянно жируют в пределе?..

Придут года, все прояснится окончательно, и будет интересно вспомнить дорогу к краху, а он, увы, неминуем…

6 февраля — ошарашило ТВ: в программе «К барьеру» генерал Макашов с триумфом победил бедного космонавта Леонова. Антисемитский бред снова в повестке дня. Когда-то я написал комментарии «Зоологический генерал», но его не

напечатали: побоялись…

3-го в «ВМ» напечатан Каляев, убивший великого князя, концовку про сегодняшний день сняли, — вновь боязнь. Пока только несколько газет — «Новая», «МК» и некоторое другие врезают власти по полной программе, а все остальные, провластные, тихи, как мыши, по поводу критики, и крикливы по поводу якобы успехов. Такова ныне сервильная журналистика.

А что вышло у меня: Николай Минский в «Алефе», Грейс Келли в «ВК» и, кажется, 4-я публикация о ней в разных изданиях. Ну, а Минский потом перекочует в книгу «99 имен Серебряного века» и в «Золотые перья».

Николай Минский — особая фигура. Патриарх русского декаданса.

Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою…

Про народ Николай Максимович Виленкин (подлинная его фамилия) писал: «несет «ярмо без ропота и цели» — «жизнь не манит тебя, и гроб тебе не страшен». Минский шарахался от одного «изма» в другой и даже перевел «Интернационал» на русский:

В Интернационале сольется род людской...

Он прожил 82 года и умер в Париже...

От Минского перешел к Иосифу Бродскому, и тоже для «Алефа». А закончив, перешел к Мопассану для «Культовых имен». Перечитал его прекрасный роман «Жизнь», а потом искал в своих архивах что-нибудь о Мопассане. Читая «Дневник» Эдмона де Гонкура, натолкнулся на запись:

«1 апреля 1889 года: «Я решительно думаю, что интеллектуальная жизнь, ежедневная отточка вашего ума при встрече с другими умами противодействует старости и отодвигает ее. Я замечаю это, сравнивая себя со знакомыми буржуа моего возраста. Конечно, они старше меня».

Увы, я общаюсь с «умами» только виртуально, изучая их жизнь и сочиняя их биографии.

11 февраля — главное событие: вышла моя 18-я книга, шикарная, изданная в типографии «Красный пролетарий» — «XX век. Календарь российской истории». И ниже заголовка мелким шрифтом: «История, которая читается на одном дыхании». И еще: «Коротко, наглядно, познавательно, интересно!» «Иллюстрированная история» — много прекрасных снимков. Гарни-

тура School Book, тираж — 2500. Официально:

научно-популярное издание. И как эта книга большого формата отличается от первой — куце изданной «От Рюрика до Ельцина» (1993). В издательстве сказали, что будет допечатка для библиотек.

Мне позвонили, что книга вышла 8 февраля, но поехать за ней не смог из-за какого-то желудочного приступа с отравлением и резкой болью. 10 февраля еле пришел в себя и отправился в «Олму-пресс» на Звездный бульвар, где мне и вручили несколько экземпляров книги, которая издавалась два года, первый разговор в «Олме» был 21 мая 2003 года.

До выхода книги «XX век. Календарь российской истории» продолжал заниматься Мопассаном. Прочитал переводную книгу Эд. Мениаля о Мопассане — плохая, и Ломброзо «Гениальность и помешательство». И вычитанные какие-то детали пригодились…

7-го ездил в «Радугу», где произошла смена караула: Зимина ушла, назначена Атарова. Она просто сияет. И вот что любопытно: из моего конкурента она превратилась сразу в моего сторонника и давала художникам задание сделать обложку книги яркой и эффектной: «Это же Бе-

зелянский!» Теперь я не конкурент, а курица, несущая для издательства золотые яйца. Из «Радуги» в Дом русского зарубежья на презентацию книги Бориса Савченко «Кумиры российской эстрады» (он в отличие от меня занимается только одной темой). Савченко подарил мне свою книгу и сказал, что читает мои. Выступал муторно, запомнилось его определение «меццо-пропито».

12 февраля — хотел пойти на Тверскую, в «Москву», посмотреть, как продаются «бантики», но все перекрыто полицией, которая боролась с манифестантами, вышедшими против монетизации — нового экономического гнета. Пришлось ехать в «Молодую гвардию». На Полянке тихо и в магазине тоже. «Поцелуи» с бантиками вышли неудачно: у народа нет денег на книги — баловство, едва хватает на еду… Остается только песенка Аркадия Северного «Когда с тобой мы встретились — черемуха цвела…» А далее о воровской жизни: «Лепил я скок за скоком, а утром для тебя / Швырял хрусты налево и направо…»

Нет «хрустов», не хватает рублей и мало кто знает в нынешнее время, как «рубить капусту».

14 февраля — Валентинов день. Печатал Мопассана да смотрел видео «Девушка моей мечты», фильм моей далекой молодости. Читал верстку

«За кулисами шедевров», на полях слова редактора: «Я дико извиняюсь: а это не Пастернак?» Я ответил там же, на полях: «Я дико извиняюсь, это — Заболоцкий». «Не позволяй душе лениться…» — как можно спутать автора?

А какие ошибки в стране? «Галопирующий хаос в системе управления (Мих. Ростовский, «МК»). В «Новом времени» разные приколы: «Отечество в госбезопасности», «Чекизм в России». Сверху внедряется шпионская схема: внедрение-вербовка-провал… Эх, куда ведут нас чекистские Сусанины?..

Листал тут свои старые дневники и натолкнулся на запись — 4 марта 1984 года (20 лет тому назад): «…И ничего светлого не вижу впереди».

27 февраля — «А время свистит красиво…» — строчка Андрея Вознесенского. Тут показывали его по ТВ: еле говорит, еле стоит, еле живой. Горькая концовка жизни…

И как приговор, его же собственные строки:

Но итоги всегда печальны,
Даже если они хороши.

Дал интервью для кабельного канала «Сокол» о своих любимых местах в Москве. А вечером услаждали слух «Ритмы зарубежной эстрады» по

ТВ. И Джо Дассен журчал: «Экзисте па…»

А 26-го в «Литературке» круглый стол о будущем России, и все в один голос: некомпетентная власть, деградация, гигантский разрыв между богатыми и бедными и т. д. Удивил Александр Дугин, заявив, что Россия находится в состоянии проклятия. Полная потеря воли. Отчаянная жадность. «У власти явный дефицит ума…» Интересно, читают ли газеты в Кремле? Или им оценки умных людей по барабану? «А Васька слушает и ест…»

1 марта — предпоследние денечки 72-летнего возраста. «Культовые имена-2» трансформировал в «Прекрасные безумцы». И завершил, наконец, Мопассана — 50 стр. И ездил на далекую улицу Лобачевского в «Сельскую новь», в январе там вышли «Цветы запоздалые» (вариант «Беса в ребро»). Из увиденного на ТВ лучшее — фильм Висконти «Смерть в Венеции» по Томасу Манну. В роли композитора Ашенбаха — Дирк Богард. Любовь к белокурому подростку…

3 марта — к дню рождения одна печальная новость: прооперирован после автокатастрофы Николай Караченцов. Положение тяжелое (а 10 лет назад был другой «подарочек»: убит Влад Листьев). И хорошая новость: «Известия»

разыгрывали какой-то конкурс, и в призах среди четырех лучших книг «XX век. Россия».

А как отметили 2 марта, 73-летие? В театр решили не идти, заменили тортом «Фруктовая фантазия» и побывали в Третьяковке на выставке Марка Шагала. Замечательная выставка. «Прогулка», «Над городом», обнаженная молодая женщина, летящая над Витебском (год создания — 1933, спустя год после моего рождения)… Вечером дома, и мистическое совпадение: только что закончил писать о Мопассане, бац — по ТВ экранизированные рассказы Ги де Мопассана — «Иветта» и другие. И таких совпадений было уже немало.

10 марта — 3-го Варламова устроила в Новозеландском посольстве презентацию своих картин (молодец!), и там был каталог на русском и английским с моим представлением художницы. И был фуршет…

4-го — получил мартовский «Алеф» с Эммануилом Казакевичем и отдал следующий текст о Бродском.

Очерк или эссе о Казакевиче я назвал «Большой и умный талант». Но, увы, живший в неподходящее время. И Казакевич развлекал себя и окружающих шутками, прибаутками, розыгры-

шами и мистификациями. Сегодня бы сказали о нем: прикольщик! Ну, и я в этом отношении похож на Казакевича. Однажды он с женой был в Большом театре на балете с участием Галины Улановой. В конце спектакля — долгие овации. Уловив момент, когда стало несколько тише, Эмма (домашнее имя) сказал супруге довольно громко: «Слушай, Галя, может быть, остаться на второй сеанс?» Многие не поняли юмора и стали возмущаться, а Казакевич лишь улыбался.

Только вот судьба не шутила, и в 49 лет его сразила болезнь. В дневнике Казакевич писал: «Господи, разве можно так поступать? Дать человеку талант и не дать ему здоровья!..»

Звонил Стрижев. Трафаретный вопрос: как дела? чем занимаешься? Я коротко и вежливо ответил: тем-то и тем-то. На мое перечисление Стриж отреагировал строго: «Не стоит рвать штаны из-за копеечных гонораров». Совет хорош, но непригоден для жизни. Моя позиция: и гонорары, и новые штаны. Начал заниматься Бальмонтом, новый расширенный вариант. В «Библио-Глобусе» подписывал свои книги. Читал верстку. Веселые ошибки: вместо «взлеты и падения импрессионистов» набрано «валеты и падения». У редактора Петровны истерика по поводу главы

«Трофейное искусство». Патриотка. Кричит: «Все наше и ничего не надо отдавать!»

На 8 Марта преподнес Ще тюльпаны и печально-иронические стихи:

Восьмое Марта, Восьмое Марта!
Сейчас бы в школу! Да сесть за парту!
И быть девчонкой с косичкой тощей,
И без проблем бы жить попроще.
Смеяться громче и прыгать бойко,
И не бояться головомойки.
И видеть даль и перспективу
И что там дальше, за объективом…
Но все ушло и пролетело,
Что там бурлило, то обмелело.
И стало грустным все и так печальным,
Унылым, ужас как, и тривиальным.
Восьмое Марта, Восьмое Марта,
Картина глупая поп-арта:
Здесь перевернуто, там перемазано,
Здесь скособочено, там перевязано.
Тут где-то колет, а там болит.

Восьмое Марта — нелепый вид.

Прочитал Щекастику. Она: «Ну, знаешь!»

9-го поехал на ВДНХ на ярмарку. На стенде «Радуги» подписи девяти книг. На стенде «Олмы» выставлен мой XX век — 355 ре., пока это самая дорогая книга.

12-го поехал вторично на ярмарку, и впервые на стенде «Олмы» меня представляли. Какой-то Виталий, профессиональный представляльщик-говорун: «Уникальное издание», «впервые собрано» и прочее, представил меня каким-то выдающимся историком и писателем и даже обозвал драматургом, кем я отродясь не был. Короче, пример, как надо продавать, а точнее, впаривать книгу. В «Радуге» я обычно отдувался сам за себя.

19 марта — ярмарка прошла, и снова творческие будни. Предложил «Крестьянке» Франсуазу Саган, Марина (жена Льва Новоженова) отвергла: «Она вся облизанная, лучше Изабель Юппер». Юппер так Юппер, и начал сочинять про Изабель. Тоже искательница жизненного пути. Родилась в Париже, дочь крупного промышленника, училась в университете на факультете восточных языков… бросила. Окончила консерваторию и ушла с головой в кино — невысокая рыженькая блондинка с точеным профилем. Голубые глаза

и характерная полуулыбка. В 80-е годы Юппер стала международной кинозвездой. Снималась в «Бесах», в «Мадам Бовари», в «Даме с камелиями», в «Школе плоти» и т. д. Любопытно было разобраться в судьбе самой Изабель Юппер и в женских разнообразных ролях, в которых она сыграла. Это Юппер, а еще писал о Давиде Самойлове. Совсем другая история и биография. И какие знаковые стихи. Вот что писал Самойлов (Давид Самуилович Кауфман) о судьбе России:

На нас, как ядовитый чад,
Европа насылает ересь,
И на Руси не станет через
Сто лет следа от наших чад.

Не будет девы с коромыслом,
Не будет молодца с сохой.
Восторжествует дух сухой,
Несовместимый с русским смыслом…

Признаюсь, что в моем дневнике нет стихов Самойлова, они приведены в тексте готовящейся публикации, и впоследствии очерк-эссе о поэте будет представлен в книге «Золотые перья». Так почему я добавил в старый дневник эти строки

о России? А потому, что не хочу превращать эту книгу воспоминаний и дневников в надоедливую хронику своих дел, недугов, тревог и бытовых забот. В малых дозах, возможно, это интересно: «И писатели ходят в магазин и думают о том, как бы поменять прокладки в кране на кухне». Именно поэтому, исключительно для читателей, в книге много “оживляжа” — стихов, цитат, чужих высказываний. Все должно быть коротко, динамично, эмоционально и увлекательно. Время тягучих, длинных романов и мемуаров прошло. Это XXI век, детка! (16 августа 2019 г.)

Однако вернемся в 2005 год.

17-го марта не поехал на презентацию книги Анисима об Алле Баяновой (пытается идти по моим стопам) в Доме русского зарубежья. Анисим расстроился: «А ты в афише…»

На следующий день воленс-неволенс, а ехать пришлось куда-то далеко в гипермаркет «Мосмарт», и мне тут же презентовали огромный торт, сверху — отрывной календарь и шоколадом выложена дата «18 марта», по краям — гроздья винограда и большие клубнички. Это Миша организовал подобный почет и уважуху (слово не из моего словаря). К торту прилагалась бутылка французского вина и мобильник «Нокия» — все

это подразумевалось как подарок ко дню рождения, которое уже прошло. После церемонии вручения пошли в торговый зал, и там я что-то говорил перед случайной публикой и подписал около 20 книг. И обратно нас отвезли на машине домой. И тут уж как не перефразировать: о бедном писателе замолвите слово!.. Бедным такие подарки не преподносят.

Дома пили чай с тортом, но прежде никак не могли всунуть большую коробку с тортом в холодильник — и такие бывают сладкие проблемы… А тут еще и ТВ сделало подарок, показав фильм Антониони «Тайна Обервальда» по пьесе Жана Кокто и с Моникой Витти в главной роли.

29 марта — в дневнике запись названа так: Злющая весна. То есть весны никакой нет и за окном — минус 12. Дневниковая запись обширная, поэтому только выжимка.

20 марта закончил Сержа Лифаря для «Вечорки» и приступил к Юлиану Тувиму в «Алеф». Тувим — польский поэт-сатирик, по национальности — еврей. Алхимик слова.

Ваши слова — как салонные моськи,
А мои — как разъяренные псы!..

На следующий день — развоз материалов. То

пишешь, то развозишь, то получаешь отпечатанное и деньги, как белка в колесе или Чаплин в «Огнях большого города». А в последующие дни читал первый том кинорежиссера Эйзенштейна (для будущей публикации), сочинил наперед текст про майские свадьбы знаменитых людей. И взялся за Михаила Светлова. «Гренада, Гренада, Гренада моя!..» И, кстати, Светлова называли красным Гейне. Едкий пародист Александр Архангельский в довоенные годы высмеял Светлова в пародии «Лирический сон»: «Светлову приснился Генрих Гейне, и советский красный Гейне хотел почитать немецкому классику свои стихи, но тут Гейне побледнел

И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!»

Нет, не согласен, у Михаила Аркадьевича было немало хороших стихов и человек он был замечательный (он вошел в мою книгу «Золотые перья»). Ироник и хохмач, о себе говорил:

Я ведь не профессор МГУ,
А всего лишь скромный сын Бердичева.

И добавим тем, кто не знает: Светлов родился в бедной еврейской семье Шейнкманов.

Когда я занимаюсь кем-то, то стараюсь поглубже вникнуть в судьбу поэта или писателя, провести параллели с сегодняшним днем и поискать ассоциации с самим собой. О том же Светлове писали Аннинский, Рассадин, Озеров. Но они писали исключительно в литературоведческом ключе, а я делаю в человеческом, живее и теплее…

1 апреля — в предпоследний мартовский день ходил в ЦДЛ на собрание писателей Москвы. Неинтересно. Нет кворума, ибо сплошной хворум… старые и больные, и не приходят. Долго считали, собирали. Потом решили начать с музыки. Ведущий: «Пианист Константин Лившиц, где вы?» Откликнулся и с трудом дошел до рояля, сыграл Шопена. Хотел играть дальше, и его еле уволокли со сцены.

Основной доклад делала Римма Казакова: «Не знаю, как мы будем жить дальше…» Казалось, должна была подняться буря. Нет, прения были скучные и вялые. Оживился зал, когда начали

выбирать счетную комиссию. По поводу кого-то раздались крики: «Бездарь, стукач!» Короче, явно проявились литературные нравы, и вот почему я — писатель-одиночка… Решался и вопрос об объединении с писателями-патриотами. Вадим Рабинович вышел и сказал, что с некоторыми он встречался: «Антисемитизм у них — это работа, с 9 часов до 18-ти, а так, писатели-патриоты — нормальные ребята». В зале возник веселый смех. Но объединиться так и не захотели. Мы сами с усами!..

А 31 марта неожиданный визитер — корейская славистка, учащаяся в Москве, по заданию какого-то профессора Южной Кореи просила право на перевод и издание книги «Вера, Надежда, Любовь». Пришла с тортом «Комильфо». Сторговались на 400 долларов (для кого-то это, возможно, смешно, а мне как звездочка с неба). Подписал разрешение, а что дальше, неведомо: издали — не издали? Обещали прислать книгу… и никакой книги. Такова история первого перевода на иностранный язык, но, может быть, все еще впереди?..

А вот журнал «Алеф» все конкретно и точно: отдал Самойлова, получил журнал с напечатанным Иосифом Уткиным и гонорар: 60 долларов

(курс — 27,75). Итак, есть представление «Рыжего Мотэле», то бишь Иосифа Уткина. Его герой Мотэле хотел жениться на дочери раввина, но ему отказали, ибо дочке нужно «большое счастье и большой дом».

Так мало, что сердце воет,
Воет, как паровоз.
Если у Мотэле все, что большое,
Так это только нос…

2 апреля — сообщение о том, что умер Папа Иоанн Павел II. Весь мир погрузился в скорбь. А у нас на Первом канале ТВ скакала и плясала Верка Сердючка с подпевками и подтанцовками: чита-брита! и ай-нанэ!.. Какой позор и какая стыдобища! И застарелое неприятие к католикам…

13 апреля — 8-го закончил печатать Сергея Эйзенштейна, включая главу о драматической постановке фильма об Иване Грозном — 51 стр. Получил предложение пойти работать ответственным секретарем в газете Центрального округа — 12 тыс. Отказался. Сидеть с 10 до 8 часов и заниматься чужими писаниями, — увольте!..

8-го по приглашению побывали на спектакле «Вишневый сад» в Центральном молодежном

театре (Театральная площадь). И после спектакля повели меня без очереди к худруку театра — Бородину, чтобы я высказал свое мнение о постановке. Стоявший в очереди Смехов смотрел на меня с расширенными глазами: а это кто такой?!

Закончил Эйзенштейна, взялся за Лени Рифеншталь (это все герои будущей книги «Прекрасные безумцы»)… Утраты вслед за Папой: правитель Монако — Ренье III (о нем писал в связи с Грейс Келли), профессор Александр Шерель на 67-м году, футболист Гиви Нодия на 57-м.

10 апреля — «Апокриф», тема: «Идеальный муж» в литературе. Был в компании Екатерины Гениевой, Юрия Мамлеева, Людмилы Максаковой, шефом канала «Альджазира», который заинтересовался моими книгами. Может, переведут на арабский? А пока на моих полках ни одной переводной книги, даже на чукотском нет: чукча — не переводчик?..

11 апреля — событие в жизни Ю. Б.: вышла 19-я по счету книга «За кулисами шедевров». Яркая, броская обложка с обнаженными фигурами из картин Поля Дельво (330 стр., тираж — 3 тыс. экз.). От написания книги до ее выхода — один год, 2 месяца.

Атарова сделала заявление: «Я не поклонница

ваших книг, но я человек прагматический: они хорошо продаются…» Подтекст: приносите следующую…

12 апреля — творческий вечер в Тургеневской библиотеке, около 40 человек, почти полный зал. Подписал 15 книг. Как мне сообщили, в Тургеневке в фонде 16 моих книг.

21 апреля — очередная поездка определилась: 12 мая летим в Париж вместе с Эдиком. Есть приглашение, визы, билеты. Самочувствие так себе и рокировка в погоде: вместо весны — осень. Как написала в своем журнале (считай: дневнике) Софочка Греч (дочь литератора Греча) в какой-то августовский день 1825 года: «Несносные погоды». 14-го поехал в Домжур на презентацию книг своего ровесника Льва Колодного о Москве, собралось много народа: волшебное слово «фуршет». Колодный в своем выступлении отметил, что пришли такие знаковые люди, как академик Шмидт, москвед Муравьев, писатель Безелянский, и спел отдельный мне дифирамб. Рядом со мной сидел Зураб Церетели, впился в меня глазами и что-то рисовал. Оказалось, мой портрет. — Страшный человек. Я спросил, почему я такой? Художник ответил: «Таким я вас вижу!» Шутка Церетели.

После сборища дал коротенькое интервью каналу «Столица» о Москве, о книгах Колодного. А вечером читал в «Вечорке» свой материал к 75-летию гибели Владимира Маяковского.

Маяковского прошли, доделал Лени Рифеншталь и закончил Бальмонта («Я весь весна, когда пою, я — светлый бог, когда целую...») (34 стр.), это расширенный вариант. В «Родине» обещали поставить Бальмонта на июль, но он так и не вышел: какие-то злобные силы в редакции не пустили меня «на Родину». Может, не злые, а просто не пускают конкурента по литературным портретам?

А 20-го Сперанский по поводу вышедшего журнала «Аккорд» устроил выступления, музыкальные номера и фуршетик. А в номере на развороте — материал об Альберте Швейцере. Потом этот материал, подработанный и скорректированный, — «Человек мысли и дела» — был напечатан в книге «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов», в главе «Мыслители» в 2000 году. Второй урожай...

24 апреля — «Радуга» неутомимо устраивает презентации моих книг. Снова «Молодая гвардия», но с новой сотрудницей с интересным именем Снежана. Подписал около 20 книг. Поку-

пали те, кто меня давно читает (а одна женщина похвасталась, что собирает все мои публикации), другие — новенькие, а кто-то покупает для кого-то, так купили одну из книг для Марфы Назаровой, актрисы театра «Модерн», дочери Юрия Назарова. Я тоже купил книгу для своей будущей книги — «Повседневная жизнь публичных домов во времена Мопассана и Золя» — для пряности… Мои книги подчас собираются из отдельных деталей, как гоночный автомобиль.

Для истории приведу две цитаты из газет (в круг моих интересов входят не только книги и публикации в СМИ). Писатель Михаил Шишкин: «Вся мировая цивилизация пытается жить по законам, охраняющим право слабого, а в России все живут по ненаписанному закону, охраняющему права сильного». Татьяна Москвина («Московские новости», 22 апреля): «Интересы России? Да нет у России никаких интересов, а есть полоумные игроки, готовые в угаре азарта разнести в клочья что угодно».

Могу добавить: нет сегодня Салтыкова-Щедрина, чтобы представить публике всех этих карикатурно-колоритных персонажей, правителей первого ряда, включая генпрокурора Устинова, слугу тугих кошельков, как определили «Моск.

новости». Временное торжество бесов и бесенят над измученной и истерзанной Россией…

От политики к ТВ (а это все взаимосвязано). «Фабрика звезд» готовит новые кадры, обслуживающие богатых и сытых. Один из новых звезд, фамилию приводить не хочу, в интервью поделился мечтами, что хочет сидеть у моря на золотом унитазе и, «может быть, напишу книгу». Они и в литературу лезут со своим свиным рылом.

Юрий Николаевич, спокойней, спокойней, не горите и не пылайте! Ваши слова ничего не решают, вы — пылинка в этом мире, а мир крутится сам по себе… И все же: как жить? С кем общаться? Рассказывают, что Мераб Мамардашвили любил повторять, что надо жить так, чтобы твоим собеседником был не сосед по квартире, а Декарт, Платон, Кант, Достоевский… Кажется, я и живу по советам Мераба. Только список воображаемых собеседников можно расширить: Руссо, Кьеркегор, Шопенгауэр, Эко и многие другие.

23 апреля — наконец-то настоящая весна: почки, листочки, зеленая дымка. На эту пору написаны горы восторженных стихов-восклицаний, но приведу строки в ином окрасе. Это строки гонимого поэта Михаила Михайлова, год 1871-й:

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Под окном тюрьмы…

Умер Аркадий Александрович Вайнер, мой шеф по «Дарьял ТВ». Тут по телевизору показывали его новую квартиру: хоромы, роскошь, картины… Живи и наслаждайся. А жизни уже нет, и это богатство лично Вайнеру не нужно…

А живые собрались 27-го в малом зале ЦДЛ, где Евгений Рейн вел вечер о шестидесятниках. Зал был неполный, выступали — художник Анатолий Браиловский, поэт Михаил Синельников, Александр Тимофеевский (он, оказалось, с 1933-го, а выглядит ветхим). Дернул выступать Женя и меня, предваряя словами: «А сейчас я приглашаю писателя Юрия Безелянского, книги которого я очень люблю. Он уникальный человек: летописец Нестор нашей эпохи». Все с интересом воззрились на нового Нестора. Я выступил коротко, хотя можно было нагрузить словами и воспоминаниями целый вагон с тележкой…

Пообщался с двумя женщинами из «Вечернего клуба», они вздыхали о том замечательном времени, когда выходила газета.

Вышел майский номер «Алефа», там на трех полосах — Иосиф Бродский.

По возрасту я мог бы быть уже в правительстве.

Но мне не по душе а) столбики их цифр, б) их интриги, в) габардиновые их вериги…

Написал о Бродском и тихо горжусь собою. А когда-то, тянув служебную лямку, писал о завмагах на селе, о лесорубах и пропагандировал советский образ жизни и советский строй как все самое лучшее в мире…

Очередное послание президента, и снова огромная пропасть между словами и жизнью. «Московский комсомолец» дал заголовок: «Над пропастью во лжи».

4 мая — накануне мая сел за Леонида Мартынова: 22 мая ему исполняется 100 лет. Для «Вечорки», хотя она не давала в свое время Василия Каменского, потеряли Кандинского, угробили Лифаря, — а вдруг дадут Мартынова? Но делаю, скорее, для самого себя: пообщаться с хорошим поэтом.

1 мая гуляли по дальней роще, наслаждаясь пробуждающейся природой. А потом дома слушали «Эхо Москвы», а там цитировали:

Товарищ Берия всех рассудит,
Товарищ Берия — наш рулевой.
Товарищ Берия нравится людям,
Товарищ Берия вечно живой…

Лаврентия Павловича давно нет, а у руля другой «товарищ» из подвала Лубянки. По ТВ дали картину, где молодежь отважилась кричать: «Раз, два, три! Путин, уходи!..»

Светлана Алексиевич: «У меня есть ощущение поражения: мы опять живем в прежнем мире». Корреспондент спросил писательницу про фашизм. Она ответила: «Да не фашизм это! Сейчас появились совершенно другие измы… Сегодня будет все в новом жанре. Еще невиданном…»

3-го отвез в «Радугу» рукопись «Культовые имена-2». Атарова взяла, но при этом что-то бурчала о продажах и тиражах.

8 мая — перед поездкой мелкие неприятности: воспалилась десна — и к стоматологу… К десне добавился жуткий насморк плюс вспухнувшая вена на правой ноге. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо…»

5 мая, в день советской печати, полоскал горло не портвейном, а шалфеем, и печатал материал про Кирка Дугласа, отца Майкла. Звонил Эдик из

Лондона, в восторге: Биг Бен, Темза, Тауэр, двухэтажные автобусы… А мы с Ще до Англии никак до доедем, но собираемся 5-й раз в Париж.

7-го, в День радио, добил «Династию Дугласов» — 11 стр. А в преддверие Дня Победы идет пропагандистский шум. Гремят литавры. И диссонансом прозвучали слова 30-летней Дуни Смирновой: «Сегодняшнее всеобщее «камлание» по поводу празднования 60-летия Победы не вызывает во мне ничего, кроме раздражения. Что празднуем? Столкнулись два фашистских режима, в результате погибла масса людей и с той, и с другой стороны. Какая «победа», господа?..»

Да, решительная Дуня! Не в бровь, а в глаз…

Вышла майская «Крестьянка», там на шести полосах со снимками Альфред Хичкок. Король фильмов ужасов.

11 мая — в День Победы поехали на Речной вокзал, думали, там будет местный праздник, — ни хрена! если говорить грубо… Тишина полная: ни оркестров, ни праздничного народа, лишь у причала молчаливо стоят корабли, в том числе, «Феликс Дзержинский», кумир нынешней власти. Все праздничные мероприятия проводятся в центре. И не для народа, для избранных по спецпропускам. Вернулись домой. По ТВ показуха,

парад с милитаристским угаром. Вечером салют, и молодежь кричала «Ура!». Да еще запах распустившейся черемухи.

12–27 мая 2005 года — Франция: Париж, Страсбург, Довиль, Трувиль, Онфлёр

16-й выезд за рубеж, в том числе 11-й совместно с Ще.

12 мая — отвозил в аэропорт Сергей, человек, на которого можно положиться. Шереметьево, небольшой «Боинг Аэрфранс», всего 40 человек. 14.02 взлет — 17.32 посадка, как обычно, часы не переводил. В аэропорту Шарля де Голля нас встречал Эдуард.

Снова дом на берегу или рукаве Сены, квартира-студия. Забросили вещи, посидели у воды на острове Гранд Жатт. Плотно покушали под мартель, и хозяин, разложив карты, стал составлять маршруты наших поездок. Затруднения с переводом денег, и поэтому на Ницце и Каннах бы поставлен крест. Чуть расстроились, но утешились клубникой и прогулкой вдоль берега по аллее Клода Моне. Удивились целому дереву роз. И снова на ночь — железные жалюзи.

13 мая — ночью проснулся и никак не мог сообразить, где я, где дверь, где туалет и т. д. Затем очухался. Утренний призыв Эдика: «Выползайте

в залу! Считайте, что вы в санатории». Ще уселась, как барыня, на диванчике, Эдик готовил, я подносил на стол. Счастливые, праздные минуты. К завтраку ТВ и газета «Экип».

Наконец, выехали на машине по-московски в 13.19 (по-парижски в 11.19). Как ритуал: Дефанс, кладбище, цветы Светлане. Далее оставили машину на Саблоне и на метро. Вкусный перекус в Макдональдсе. Потом по дороге еще выпили чаю с эклером с шоколадным кремом, — в Москве таких нет. И музей д, Орсе. И начали осмотр с экспозиции «Неоимпрессионизм. От Сера до Клее». Не будучи поклонником живописи, Эдуард определил картины предельно просто: то море, то речка. Но как?! Тот же «наш» Гран Жатт вырисовывался из мириады крошечных точек, прижатых друг к другу. Все они искрились и переливались светом. Стиль дивизионизм, так рисовали Шарль Ангранд, Тео Руссель, Максимильен Люс и многие другие. На их картинах все расплывается, вибрирует, бликует, мерцает…

Если возвращаться к названию экспозиции, то Жорж Сера — мастер мозаичных мазков, в которых преломлял реальность, то немецкий художник и график Пауль Клее разрабатывал свой странный, почти сказочный стиль, входил в

группу «Синий всадник». В своем дневнике 1915 года Клее писал: «Чем ужаснее этот мир, тем абстрактнее искусство». Некоторые свои картины художник разрезал на части, из которых затем собирал новую, на манер коллажа.

Нацисты в Германии развернули кампанию против представителей «вырожденческого искусства», и Клее вынужден был уехать в Швейцарию, где его творчество погрузилось почти во мрак… Умер Клее в июне 1940 года.

Из д, Орсе на РЕРе (в Париже удивительные транспортные коммуникации) продолжили знакомство с городом. Пять часов гуляли и на бровях отправились на обед: пиво, грандиозный салат на оливковом масле, селедочка, цыплячий суп и т. д.

Да, днем был эпизодик из парижской жизни. Ще и Эдик отлучились за духами в магазин, а я остался на переходном островке один, ожидая их возвращения. И тут на красный остановилось авто, и молодая женщина (путана?) вперилась в меня глазами и стала посылать знаки губами и пальцами и даже начала сосать один из них, сверкая глазами: ну, давай быстро садись в машину и поехали!.. «Интересно, а сколько это стоит? — думал я, никак не реагируя на призывы, удивляясь

тому, что не Булонский лес, не вечер, а утро и оживленный проспект Шарля де Голля, и на тебе! Зажегся зеленый свет, женщина со злобою опустила тонированное стекло и умчалась дальше. Я рассказал со смехом об этом своим спутникам, на что Эдуард спросил: «На ходу придумал?» — Нет, не придумал. Но такой откровенный призыв встретил впервые в жизни…

14 мая — с утра сероватый день, без солнца, но с дождичком. На завтрак сосисочки (но какие!), мазарелла, трюфели, сок… Долго соображали, куда поехать? Решили в Дефанс, в огромный торговый центр что-то прикупить. Прикупили. Посидели в кафе. Вернулись. Обед. Сон. И это парижская жизнь?! Вечером поехали на Елисейские Поля, присоединились к праздной толпе белых, черных и цветных. Потом подземный паркинг, и на машине с ветерком до площади Согласия — до Конкорд (Place de la Concorde). Образец классицизма, создана в 1757 году, и ее украшала статуя Людовика XV, после революции вместо памятника поставили гильотину. А в 1856 году на площадь пристроили египетский обелиск из Луксорского храма в Фивах, ему более 3 тысяч лет и весит он, как гласит справочник, 220 тонн. Колонну везли из Египта во Францию два года по морю, а

потом еще два года из Тулона в Париж. Короче, в Париже все представляет собою увлекательную историю. Говорящие памятники, дворцы, здания, мосты, парки…

С площади Согласия — к Эйфелевой башне, и именно в тот момент, когда она стала зажигаться и засветилась огнями. На сон отправились в час тридцать, отвергнув предложение хозяина: «Не хотите ли покушать?..»

15 мая — воскресный день. Брился, бегая из ванной в коридор к зеркалу. Четко поставленная цель: по дороге А-13 в Руан. В 12.20 выехали, а в 15.10 остановились уже в Руане, у мэрии и огромного собора. Руан — старинный город, когда-то столица Нормандского герцогства. Готический собор XIII–XVI веков. Много архитектурных строений в стиле «пламенеющей» готики. Руанский собор многократно рисовал Клод Моне. Руан — это Жанна д, Арк, Руан — это Флобер и Эмма Бовари. Сена, город-музей, фахверковые дома, здесь 30 мая 1431 года сожгли Жанну д, Арк. А еще знаменитый фаянс…

После осмотра части города устали и зашли в ресторанчик, где у входа стоит памятник Флоберу. Писатель в расстегнутой куртке, с бантом, одна рука в кармане, лицом обращен вперед.

Посмотрел я на Флобера, повздыхал, а далее за стол, по Северянину: «Гарсон, съимпровизируй блестящий файф-о-клок!..» Нет, какое-нибудь вкусное второе блюдо с пенящимся пивом. Сфотографировались у фанерной фигуры Жанны д, Арк, и в машину. Ехали два с половиной часа обратно и, конечно, опять заблудились. А заблуждался ли Флобер? Сохранились записки писателя, — он страдал от объедания в Руане. А потом перебрался в Круассе под Парижем и по неделям не выходил из дома. Сартр написал книгу о Флобере — «Идиот в семье», и был в ней безжалостен к писателю. Ну, и вспомним знаменитый «Лексикон прописных истин» Флобера:

«Блондинки — более пылки, чем брюнетки».

«Брюнетки — более пылки, чем блондинки».

16 мая — день отдыха на Гран Жатт. Приходили в себя после поездки в Руан. Помывочка. Нескончаемая трапеза. Клубника. И половодье всяких разговоров. И до Парижа долетело печальное известие: умерла 57-летняя Наталья Гундарева, которая мне очень нравилась как женщина, мой типаж. Не блондинка, не брюнетка, а шатенка.

Объедались фруктами, гуляли по острову. Не Париж, а какой-то Звенигород.

17 мая — утром вылезли из неудобной спальни, как медведи из берлоги. Эдик поет на кухне: «Ах, какие на Волге закаты!..» И это на Сене.

Долго собирались и поехали: машина, метро, РЕР и — Люксембургский сад, о котором так завлекательно пел Джо Дассен. Сначала кафе: коньяк на донышке бокала (9 евро), горячее кондитерское изделие. И пошли в музей Анри Матисса, в основном декоративные работы. Ну, а потом в «садик», и сразу вышли на скульптуру Жорж Санд. Грех не сфотографироваться с такой знаменитой дамой. Побродили по Люксембургскому саду, примечательно, что сад без аллей и много голого пространства. Посидели на лавочке… и обратно. На станции Шателе всех развлекли молдавско-украинские музыканты с громкими выкриками «Эй!» и «Ух!», и в ведерко собирали звенящие монетки…

18 мая — опять утреннее теление, куда поехать. Из многого я выбрал знаменитое кладбище Пер-Лашез, по существу, музейный город печали и смерти. Открыли в 1803 году, но так как оно было далеко от центра Парижа, то его посещали не очень охотно. И тогда Наполеон для поднятия

престижа кладбища приказал перезахоронить на Пер-Лашез тела Мольера и Лафонтена, после чего знаменитости «пошли косяком». На кладбище похоронены Шопен, Россини, Бизе, Бомарше, Бальзак, Марсель Пруст, Аполлинер, Оскар Уайльд. На могиле последнего сидит сфинкс, такой же загадочный, как и личность писателя…

Мы искали захоронение Оскара Уайльда, но, увы, не нашли. Но я написал о нем эссе «Денди в арестантской робе». Денди, эстет, любитель парадоксов, язвительный и порочный Оскар Уайльд.

Мы побродили по холмам Пер-Лашез и покинули их с каким-то просветленным чувством. «Под всякой могильной плитой лежит всемирная история», — говорил Генрих Гейне.

Вернулись на Гран Жатт. Обед: лосось с морковочкой, молодая картошечка с кошерными огурчиками, вкусные колбаски… и не менее вкусный аппетитный сон. А встали — и на Елисейские Поля. А там в каком-то изысканном и дорогом кафе Laduree посидели компанией: наша троица и родители Ольги, жены олигарха Михаила Фридмана, Наталья Николаевна и Аркадий Михайлович (родом из Иркутска). Приятная, милая женщина в блеске миллионов зятя. У меня нет миллионов, но я блистал эрудицией, чем покорил

Наталью Николаевну, и она, обращаясь ко мне, сказала: «Юрий Николаевич, вы такой замечательный собеседник, и почему бы вам не купить виллочку в Сан-Тропезе, по соседству с нами. Там рядом и вилла Бриджит Бардо. Будем вечерами пить кофе и беседовать…»

Мне как-то не пришло в голову купить виллочку в Сан-Тропезе, я незаметно полез в карман и нащупал несколько монет евро. Хватит ли — нет, не хватит. И я понял, что не сидеть мне на веранде в Сан-Тропезе и не любоваться белоснежными яхтами. Короче, Наталья Николаевна изрядно меня насмешила… Но кофе и пирожные в кафе на Елисейских Полях были на высоте, особенно пирожное — розовое безе с малиной и украшенное лепестками розы, да еще под шампанское. А потом мороженое. Так прошла встреча с членами клана Фридмана, одного из богатейших людей России.

На острове, не будучи олигархом, а так человеком, чуть-чуть имеющим деньги, Эдуардо самолично в ночь на завтра варил борщ из 15-ти компонентов, включая лимон, аромат от которого шел по всей студии.

19 мая — планируемая поездка в Ниццу не состоялась, и произошла, как говорят на Укра-

ине, «замина», финансово более облегченная: Страсбург, где мы уже были с Ще и поехали туда с удовольствием. На такси до Восточного вокзала, и в 9.44 тронулись в путь. Краткая остановка в Нанси. Вышел на минуточку на перрон и увидел контур города в стиле рококо. Приехали в Страсбург и на трамвае добрались до улицы Бухера, где был заказан номер в отеле «Бюкур» (три звезды), № 402, двухуровневый. Наверху на канапе расположился Эдик, а мы с Ще — на лежанке внизу, и переговаривались сверху вниз. И почему-то было смешно.

Расположились, оставили вещи и пошли на площадь Гутенберга, которая в 2004 году казалась большой, а на этот раз — миниатюрной (причуды восприятия). Сели в уличном ресторанчике напротив памятника Гутенбергу и неплохо пообедали. Далее по городу: к собору, Петит Франсе, а затем водная прогулка на пароходике (бато) по реке Иль. Часовая. Хорошие места были заняты, и я начал искусственно громко чихать, и тут же осторожные европейцы пересели на худшие. Эдуардо умирал от смеха. Понравился рулевой или командир «бато», усатый полный мужчина, вылитый мопассановский «Милый друг». В каком-то ресторанчике поужинали при свечах, и снова хо-

хотали по поводу омлета, напоминающего газету. Словом, были в хорошем расположении духа.

20 мая — утром в отеле шведский стол. Вкусно и сытно. Потом хотели поехать в Германию, в Саарбрюккен, но не совпали с расписанием поездов и решили догулять по Страсбургу. От набережной Келлермана до площади Республики. На фронтоне одного из зданий висит полотнище — портрет Шиллера. Я щелкнул фотоаппаратом. Эдик тут же: «И я хочу у Шиллера!» Повстречали двух французских ветеранов мировой войны. Благодушные старички в орденах и лентах. Охотно попозировали нам. В каком-то парке посидели на лавочке. Молодая женщина с ребенком, русская речь. Я спросил: «Из Люберецкой группировки?» Она без смущения: «Нет, из другой».

Вернулись к Гутенбергу. Заказали рыбу — какая вкуснятина! Салат, пиво. И снова рядом русские, хотя не совсем — из Одессы. Узнав, что я — писатель, попросили сфотографироваться на память. Память так память!..

В 20 часов поездом из Страсбурга направились в Париж. В поезде разносят еду. Снова перекусили. С вокзала на остров нас довез негр-таксист.

21 мая — день 10-й отдыха в Париже. Завтрак: спаржа, авокадо, сыр трех сортов… Разбирали

отпечатанные фотографии. Гуляли по острову. Спорили, на кого лучше ставить в футбольном тотализаторе. Читали русскую прессу, в частности, «АиФ», про нашу «необустроенную, исковерканную жизнь» (статья Вяч. Костикова). Особенно это видно из Парижа. Эдик включил диск с песенками какого-то Александра Шапиро:

Обойдем тоску на повороте,
Зачеркнем обиды, огорченья,
И мечту поймаем на излете.
Дай нам Бог удачи и терпенья —
Поживем, ребята, поживем…

22 мая — поездка в Нормандию, к морю, на север Франции поездом с вокзала Сен-Лазар. В 9.30 вышли, вернулись в 22.50. Прибыли на вокзал Довиль-Трувиль. И на такси в Онфлёр — маленький живописный курортный городок (9 тыс. жителей). Здесь, в Онфлёре, река Сена впадает в пролив Ламанш. Все кругом миниатюрно, уютно и живописно, недаром виды Онфлёра любил рисовать Клод Моне. Рядом море, сплошные яхты, водная стихия. Все хорошо, но холодрыжно и ветрено. Согревались в ресторане: рыбный суп — объеденье, коньяк, сыр пармезан, салаты и

горячее капучино. Отогрелись и пошли вдоль маленьких домиков — студии художников и выставочных зальчиков. Искусство у моря. Побродили, поахали, поудивлялись. И на такси — в Довиль. Проехали вдоль примечательностей городка и выкатились к огромному песчаному городскому пляжу. Мы вышли и пошли по пляжу. Отлив. Под ногами куча ракушек. Купающихся нет, лишь одинокие туристы под цветными зонтами… Йодистый воздух Северного моря. Освежает и бодрит. Порция морской бодрости.

А далее в центр цивилизации — в казино (в Париже казино нет, запрет, и все искатели удачи отправляются в Довиль, называя его 21-м округом Парижа). Тут тебе и столы, где крутится рулетка, и игральные автоматы по прозвищу «однорукие бандиты», и прочие ухищрения потрясти карманы клиентов. Мы тоже немного поиграли на автоматах, и Ще — о, чудеса! — выиграла 26 евро, а радостей было на 500!.. Я же остался в проигрыше, но не в обиде на Довиль. Из казино в брассерию «Дроккар», где пообедали в отдельном кабинете. Главное блюдо — треска. Но какая! Свежевыловленная и тут же приготовленная мастерами французской кухни. Ничего подобного никогда не ел! И облизывался, как кот. На этом

не успокоились и зашли в магазин — парфюм и всякие покупки-подарочки. И все на улыбках: «Мадам», «Месье», «Мы счастливы, что вы у нас что-то купили!..» Естественно, по-французски.

Вокзал Довиль-Трувиль, и в обратный путь на поезде, на скоростном, у нас такие не ходят, у нас они ползают…

Приехали, немного кино по ТВ, и с целым блюдом клубники.

23 мая — с утра Ще сделала серьезное заявление: «Не хочу никуда ехать!» Оставили Ще на острове и с Эдиком проехались с Шарля де Голля на бульвар Бено, закупили необходимые продукты. Потом Эдик исчез, и мы остались «в ожидании Эдо». Мы сами по себе погуляли по острову (это не Сокол — он не надоедает). А вечером с появлением Эда сели в машину и поехали снова на Шанз-Элизе, которые до 1616 года были болотами, а потом по распоряжению Марии Медичи соорудили удобную дорогу, которая впоследствии стала районом для богачей и туристов. Зашли в музыкальный и книжный магазины — затошнило от изобилия предложений, — что хочешь и на любой вкус. Вечером ТВ под каберне, если каламбурить.

24 мая — поездка на Сите — сердце Парижа.

Красавица-капелла Сент-Шапель, собор Парижской Богоматери, или иначе Нотр-Дам, зашли, причастились. Посидели рядом в кафе «Ле Парнас», шустрый официант сразу предложил Ще: «Наполеон, мадам?» А я взял Dame Blanche. Затем дошли до Отель-де-Виль, и далее без четкого плана, удивляясь многочисленному числу женщин с оттопыренными попами. Я пошутил: «Фестиваль задниц». И на очередную мадам Попа вздыхал: «И эта с фестиваля!»

Поездка завершилась рестораном на острове «Мальчик с пальчик» — «Петит-пусе». Расплачивался, естественно, Эдик, а я представлялся как профессор-джапан из Иокогамы, был важным и раздувал щеки. Короче, саморазвлекался. На столе коллекционное бордо и разнообразные фрукты, — от ананаса до манго…

25 мая — посещение «Галери Лафайет», по-нашему грандиозный универсам, но с невиданным у нас красивым куполом. Вход в этот торговый район непосредственно из станции метро «Обер» (в честь автора оперы «Фра-Дьяволо»). Ходили по галерее в состоянии ошеломления и единственно, что купили, рубашку английской фирмы «Пинк» за… 135 евро. Разврат, да и только.

Вечером футбол по ТВ Милан — Ливерпуль, 3:3

и по пенальти выиграли англичане.

26 мая — после товарной феерии у Лафайета пробуждались долго и лишь в 10 часов вышли на дворик к Сене. Ссора с Эдиком по причине обоюдной усталости. Помирились и поехали в Булонь. Рядом ипподром, но на него не хватило сил. И закатились на три часа в Богатель. Роскошный парк с лебедями, павлинами и розами. В кафе еле справились с огромной порцией мороженого. Затем подъехали в другую часть Булонского леса, где озера и издали видна Эйфелева башня. На траве лежат парижане, пьют, едят, наслаждаются жизнью.

Вернулись, вкусно поели, включая трюфельный торт, поспали. Жизнь сибаритов! И поехали смотреть «огоньки» Эйфелевой башни, через Конкорд, по набережной, Тюильри, Риволи, Елисейские Поля и обратно в Нейи. Вернулись около 3 часов ночи (по-московски). Эдуардо устало спросил: «Сыр, баклажанка?..» «Нет», — в тон ему устало сказал я. И довольствовался ТВ-программой: мягкое порно. Никакого коммунистического целомудрия…

27 мая — день 16-й, последний. Отъезд из Парижа и прилет в Москву. Проснулись от заливчатого пения птичек в саду за окном… сборы, и Эдо

кое-что подсортировал нам в дорогу и на первое время скудного московского житья, от кофе до сыра. В аэропорту попрощались с гостеприимным, но уставшим от нас хозяином (ну, и мы от него — все по жизни). Самолет Эйр Франс взлетел в 17.32. Летели три часа с минутами. Встретил нас Сергей и быстро домчал на машине до дома да еще две сумки поднял на 4-й этаж. Уважил профессора-джапан из Иокагамы.

Вошли в квартиру — горячей воды нет, отключили, а потом отключили свет. Авария? Отдых и сибаритство кончились, начались суровые будни на родине. Работа, суета, преодоление все время возникающих трудностей…

31 мая — первые дни после Парижья. Горячей воды нет — отключили, вырубилось электричество. Ще в панике из-за холодильника, а как там продукты. Я отринул быт и с головой нырнул в омут работы. Печатал парижские заметки, потом занялся парижским фотоальбомом и разбирал ворох скопившейся прессы. В мое отсутствие в «Вечорке» вышел Леонид Мартынов. Но для книги надо его обязательно расширить.

В майском номере журнала «Алеф» впервые мой материал дан первым — «Клезмер на маленькой скрипке играет». Текст для меня необычный,

и поэтому имеет смысл привести его полностью. Сначала врезка:

«Случайно в середине марта я попал на московский концерт Пурим-фест-шоу «Лехаим!». Случайно — «случай, вообще, Бог!» — говорил Анатоль Франс. И первый парадокс: где проходил концерт? В Театре содружества актеров Таганки — в самом логове русских ура-патриотов. Второй парадокс — идиш. С детства помнил два слова: цудрейтер и шлимазл. И вся жизнь советского периода текла между буйным сумасшествием и тихими неудачами. А еще помню вздох соседки тети Аси: азохен вей. И все. Для евреев идиш — язык предков, бабушек и дедушек, живая и трепетная история народа. А еще музыка. Клезмер, который переживает ныне настоящий бум — и в США, и в Западной Европе. Явление клезмера народу.

Клезмер на маленькой скрипке играет…

Слушая клезмерскую музыку, неожиданно для себя попал в ласковый и грустный плен. От ее бесконечных повторов, то мажорных, то печальных, то громко кипящих, то затихающих вдали. От фидэле, то есть скрипочки, а она была не одна, а целых пять (а какой скрипичный класс показал Марк Ковнацкий!). Скрипки пели так, что хотелось смеяться от радости и плакать от горя одновременно. Я сидел на концерте и ловил вибрации. Музыкальный кайф. Клезмер вонзался в самое сердце.

«Господи, — подумал я, — ву ист дос геселэ, ву из ди штиб…» (где эта улица, где этот дом…), — почему я всю жизнь просидел в Москве и не побывал на родине евреев, создавших эту поистине божественную музыку, — где-нибудь в Пшисихе, в Руменье, Лемберге…».

Я открыл для себя клезмер. До этого только слышал Леонида Утесова с его дядей Элей и сестер Берри. Теперь мой кумир — капелла Мерлина Шеперда. Он — музыкальный экс-директор шекс-

пировского театра «Глобус», энтузиаст высшей марки, душа интернациональной музыкальной группы. Он потрясающий дирижер и — простите за эпитеты! — гениальный исполнитель на кларнете, на бас-кларнете и саксе. Пластичный до невероятия. И рядом с ним «боевая подруга» — Полина Шеперд из Брайтона (родом из Казани).

Концерт доставил истинное удовольствие. Не только я, но и весь зал, захваченный клезмером, начинал «зинген лидер» (петь песни). Бить в ладоши. Стучать ногами. Экстазировать каждый на свой лад. Прекрасно выступили солисты: 80-летний Аркадий Гендлер и его молодые коллеги (эстафета молодого поколения) — Псой Короленко, Анатолий Пинский, Ваня Жук и другие. Они исполняли разные песни. Печальные и жалобные. Задорные и смешные. Одна только песня про «машке» (водку) чего стоит!

И слова, и исполнители, и музыканты, и сам клезмер — все это вихрь, самум, кружение, верчение, трясение, ветер с восторгом пополам. Удивительная энергетика. Жизненная сила, которая помогает еврейскому народу преодолеть все невзгоды и выстоять, несмотря на любые трудности. Хочешь — не хочешь, но эта энергетика заряжает любого. И вот уже я не «поэт интерн

бет» — не сочинитель из-под кровати, а человек, который пританцовывает, прихлопывает, взбудораженный и вспененный, в кругу всех. Как поется в песенке «Йидэле мит фидэле» («Еврей со скрипкой») в переводе с идиш:

Смеется рыжий Арье
С Йидлом-скрипачом.
Йидэле со скрипкой,
У Арье — контрабас,
И вся-то жизнь их — песенка
О чем? О всех нас.
Так им ли быть в печали?
Зайт фрэйлах! В добрый час…

Отслушав, отхлопав, отдышавшись, кто-то сказал: «Не знал, что так весело быть евреем! Это просто здорово!» Возможно, кто-то сходу стал собирать чемоданы. Лично я остаюсь в Москве. Здесь мой Иордан. Но отныне клезмер и идиш — мои новые друзья. Лехаим!..

* * *

8 июня — еще неделя пролетела в заботе и беготне. Можно выделить лишь встречу с главным

хранителем Третьяковки — Екатериной Селезневой. Подарил ей две книги о художниках, она мне тоже что-то презентовала. Я предложил ей поспособствовать изданию серии книг о художниках, не дорогих альбомов, а нормальных книг для народа, и продавать их в киосках Третьяковки, ведь наши книжные киоски в галереях не идут ни в какое сравнение с парижскими. Селезнева кивала головой: да-да, нужно. Но боюсь, что ничего из предложенного не реализуется. Так оно и произошло.

А я неутомим в своих проектах и надеждах и набросал список возможных новых книг, аж 14 штук!.. Звонил в «Аграф», хотят поговорить, но ехать в Свиблово на метро, а потом на трамвайчике. И я отказал.

А пока мелочевка: написал небольшого Мопассана в рубрику «Великие грешники», комментарий «Любовь и Время» для журнала «Только ты». Вышел июньский «Алеф» с Давидом Самойловым.

Продолжаю перечисления. Серьезно занимался Лионом Фейхтвангером. А еще прикол, связанный с Томасом Манном. Звонок от Риммы Юкелис, с которой Ще работала в закрытом «ящике» (жившие во времена СССР знают, что это

такое). Говорит: «Видела передачу по телевизору о Томасе Манне и решила перечитать то, что у Юры о нем написано в книге, и до двух часов ночи провела время с Безелянским…»

Прямо: «Не спится, няня. Все Безелянский не дает мне глаз сомкнуть…»

20 июня — в газете «Среда» (500 тыс. тираж) опубликована рецензия на две книги: ЖЗЛовская «Ленин» и на мою «За кулисами шедевров». И как это сочетается? Занимался портфелем будущих рукописей. Было бы интересно написать, к примеру, такие: «Женщина и власть» (от Помпадур до Маргарет Тэтчер), «Одиозные фигуры» (Фидель Кастро, Каддафи, Арафат, корейский Ким и др.), «Звездный небосклон» о кинозвездах и т. д.

А еще занимался списками персон, о которых писал — в каких изданиях, когда. Имен так много, что я запутался. А каждодневная читка газет и прочей прессы? На это тоже уходит время. И, кстати, в каком-то материале натолкнулся на факт: мать Александра Фадеева — Антонина Кунц из обрусевших немцев. Не знал, а то обязательно вставил бы в свой «Коктейль «Россия».

И пришла мне в голову идея, и отнюдь не литературная, но связанная с малыми гонорарами: а не пойти ли на какую-то иную работу и немного

подработать. И по звонку 17 июня отправился в какую-то китайскую корпорацию «Тяньши», которая продает гай-бао, биожелезо, биоцинк и т. д. Работа: продвигать их на русский рынок. Представители фирмы с открытыми объятиями, а я подумал на холодную голову и отказался: это не мое, я не продавец иллюзий или чистого воздуха.

27 июня — нашел еще одну площадку для подработки — газету «Россия», там всплыл Феклушин из Клуба. Заказали материалы о Париже и об Александре Грине.

В «Радуге» редактор Петровна натолкнулась в моем тексте, что Альфред де Мюссе байронизировал, и спросила меня, а мог ли Байрон мюссенизировать? Н-да. Мог ли Байрон подражать 14-летнему мальчику Мюссе? Смешно… А пока Петровна путалась в дебрях мировой литературы, я занимался Александром Таировым в связи с его 120-летним юбилеем. «Жизнь и смерть Александра Таирова». Дерзко взялся за тему. Иногда мне кажется, что во мне сидит некий литературный авантюрист, который может легко и свободно подойти к любому великому без страха и почтения, нет, лучше: трепета… Но только к истинным талантам, а не к «героям вонючего

рынка», как однажды выразился царский премьер Витте. Фамилии не перечисляю…

3 июля — начну с Жванецкого: «Жалобы и стоны — прямой путь к дружбе и человеческому общению. Рассказы же об успехах и высоких заработках требуют слушателя редкой силы и самообладания». Это наблюдение сатирика я постоянно испытываю на себе. Жалуешься — сочувствуют, говоришь о новых вышедших книгах — все тут же мрачнеют.

29-го июня совершил двухиздательский поход. Сначала «Олма-пресс», а затем АСТ, благо они недалеко друг от друга. В «Олме» получил новый вариант своей книги «XX век» (первый вариант — тираж 2,5 тыс. экз.; второй — 12,5 тыс. экз., итого — 15 тысяч). Внутри книги все одинаково — текст, снимки, а вот обложка другая и название иное: «Руссика. Мировая история. Хроника человечества. XX век. Россия». И подзаголовок: школьная энциклопедия. И еще упомянут какой-то научно-редакционный совет: академик Чубарьян, министр образования Фурсенко, историк Мироненко и прочие. Интересно, кто-нибудь из них заглянул в книгу? Кроме, конечно, Чубарьяна, академика РАН, который написал в предисловии:

«Дорогие юные читатели! Перед вами — одна из книг многотомной энциклопедической серии «Мировая история»...»

Да, попал я в историю, бывший двоечник и троечник по математике, химии и физике, оказавшись в авторах школьной энциклопедии. И что мне, как автору, делать, считать ли эту вторую книгу как свою 20-ю по счету или нет? И все-таки буду считать 20-й!

В АСТе меня принимал директор издательства Юрий Вл. Дейкало. Я ему вывалил на стол кучу заявок. Он бегло посмотрел и тут же принял решение: переиздать «Веру, Надежду, Любовь» и издать «Женский календарь». Не мешкая, Дейкало вызвал зав. отделом Анну Голосовскую и приказал: работайте с автором. С ней мы отправились в редакции и все там обговорили. Переиздание понятно, а «Женский календарь» — это некий симбиоз моего «Сада любви» и Щекиной рубрики в «Сударушке». Щекастик возбудился от такой перспективы: «Жить хочется!..»

По непрекращающемуся нездоровью заглянул к врачу. И диалог:

— Мне болеть некогда.

— Что, внуки?

— Нет, хуже — книги.

1 июля ходил на р/с «Говорит Москва» и резвился на тему «тлетворное влияние Запада». На следующий день добил (в творческом смысле) Василия Гроссмана.

7 июля — в очередной раз чистил архив и выкинул модельеров и архитекторов, годами собирал, «хорошие ребята», но писать о моде и архитектурных стилях? Когда? И зачем? А вот с политиками никак не расстанусь, жалко. История и литература — это то, на чем я стою…

В «Вечорке» появился Таиров, сокращенный и с новым заголовком «Привет Андриенне». В газете жалоба режиссера Юрия Мамина: «В России продвинуться таланту невозможно, если он не причастен к корпоративному кружку, у которого есть доступ и к деньгам, и к телевидению». Мамочка Мамин Америку открыл!..

14 июля — согласно астрологическому и геомагнитному прогнозу для Рыб (а я — Рыба): 7-го — крупный успех (вышел очередной «Алеф», и 50 долларов), а 8-го — яркое событие (отказался лечь на операцию с веной).

Пришлось ехать в АСТ: уточнять детали и подписывать договор. Книги и текущие публикации. Я тревожусь: хватит ли сил? И Ще волнуется, и от волнения подгорела каша… А тут Лариса Токарь

из «Алефа»: «Не могли ли вы написать про Розалию Землячку?..»

28 июля — что-то стал записывать в дневник по четвергам. По Киплингу «Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам…» Эту песню пел Виктор Берковский, член Клуба 1932, скончавшийся на днях. А еще ушел Мишулин — Карлсон… Ну, а мы живем и боремся. В «Олме» получил ошеломительные роялти, вместе с гонораром в «Крестьянке» и авансом в «Радуге» — больше тысячи евро. А совсем недавно отчаивался и хотел устроиться на работу, чтобы получать з/п. Спросил Евсеева в «Вечорке», нет ли работы? А он глянул на меня с расширенными от удивления глазами: издающийся, преуспевающий писатель с книгами, и вдруг такой афронт (устарелое словечко). Финансовые качели, что делать?..

22-го впервые сел за «Женский календарь», первая дата — 1 января, нащупывал структуру книги. И за неполных 6 дней влез в 14 января…

Жара, духота, а я без рубашки, голый, долблю на машинке. Стол весь завален бумагами, книгами, и я хватаюсь то за одно, то за другое, и печатаю в каком-то угаре. Так создаются «шедевры»!..

На кухне и в ванной засор, приходил мастер Дима. Ще, как бы извиняясь:

— Муж не умеет это делать. Приходится мне.

— Так обычно все хозяйки сами этим занимаются. А у вас-то муж — ученый, профессор, книги какие-то пишет, вся квартира ими завалена. У этих других хозяек мужья — пьянь, ничего делать не умеют…

3 августа — жара, духота, ремонт в подъезде, некогда тихий отросток улицы Куусинена стал жутко транспортным — машины, мотоциклы, какие-то сигналы. Вот это, действительно, «Ну не дают работать!» — как восклицал на радио на Пятницкой незабвенный Бабкен (кулуарное прозвище «Банан»). И в такой обстановке я гоню по страницам «Женского календаря».

29-го июля долбил, стучал по клавиатуре с раннего утра до 17.30 и вышел на 55-ю страницу машинописной рукописи на 21 января. А там родился Кристиан Диор — мечта женщины: «Все от Диора!»

Великий кутюрье, одевший принцесс и кинозвезд. 21 янв. 1812 г. — родился Евгений Гребенка, украинский писатель. А как он попал в «Женский календарь»? Все просто, он — автор текста самого знаменитого шлягера «Очи черные»:

Очи черные, очи страстные,

Очи жгучие и прекрасные!..

Предполагаю, что многие читатели книги в этом месте начнут напевать: «Вы сгубили меня, очи черные!..»

А 1 августа — день рождения Ще.

Говорят: 65. Я отвечу тебе: не верю!..

Отбившись от поздравительных звонков, поехали с Ще в парк Кузьминки на разрекламированный праздник цветов. Но блюменфест оказался на редкость хилым. Походили по парку, не Багатель, но вполне зелено. Утром — Кузьминки, вечером — «Вечерняя Венеция» — торт-мороженое. Нет-нет, ошибся: «Вечерняя Венеция» была тоже в Кузьминках, в кафе вместе с блинами и сыром. И главное: не печатал. Не тарахтел!..

7 августа — в АСТе подписал договора на две книги с суммой гонорара — 45 тыс. рублей, или полторы тысячи долларов, если в валюте. Получше, чем в «Радуге».

3-го на электричке в Звенигород, но не выступать, а навещать отдыхающую там Людочку. Хорошо отдохнули.

14 августа — радовался гонорару в «Олме», так надо оплатить стоматологу: пошла очередная зубная эпопея. Очень смешно: как гонорар, так

сразу зубы. А кроме зубов и «Женского календаря» обязательство по «Алефу» — 10 стр. про Бориса Слуцкого — «Разочарований комиссар».

Нам, писателям второго ряда
с трудолюбием рабочих пчел,
даже славы собственной не надо,
лишь бы кто-нибудь прочел.

Возвращаясь к зубам. 11-го Ольга Вас. сделала анестезию и рванула несколько зубов. Еле вернулся домой. Ливанул проливной дождь.

Я добрался до дивана, лег, и тут же что-то загудело, застучало — ремонт в соседней квартире, за стеной. Картинка из жизни писателя.

18 августа — неделя жахнулась, и глазом моргнуть не успел: опять воскресенье. Устроил себе жизнь-вихрь. Над «Женским календарем» работаем вдвоем, — соавторы! — я печатаю, а Ще подбирает даты, вороша собранные ранее календари. Работа, конечно, эфиопская, но интересная. Работа захватила полностью и не остается времени на читку прессы, так, лишь бегло просматриваю. И это пенсия?!.

18-го узнал, что в «России» 11 августа опубликовали Грина, и никто не позвонил. Текст назван

так: «Штурман четырех ветров» с подзаголовком: «Если Грину что-нибудь не нравилось, он уходил в свой мир». Владимир Лидин вспоминал, как в начале 20-х годов в московском доме журналистов был какой-то банкет, было шумно, а в вестибюле одиноко сидел Грин.

— Александр Степанович, вам нехорошо?

Он поднял на меня несколько тяжелые глаза:

— Почему мне может быть нехорошо, — спросил он в свою очередь. — Мне всегда хорошо…

Грину всегда было хорошо только в своем гриновском мире. И я живу в своем книжно-литературном мире, и в нем мне уютно и тепло.

26 августа — 25-го вручили сигнал 22-й изданной книги и 13-й в «Радуге» — «Прекрасные безумцы» (девичье название «Культовые имена-2», 280 стр. Тираж — 3 тыс. экз.). Десять эссе: Мопассан, Ницше, Жорж Санд, Франсуаза Саган, Константин Бальмонт, Иосиф Бродский, Сергей Эйзенштейн — «Броненосец Эйзенштейна», Хичкок, Лени Рифеншталь, Федерико Феллини — «Маэстро фантазий и сновидений». Элегантная, рафинированная книга. На последней обложке несколько фраз из «Безумцев».

Фридрих Ницше: «В конце концов мы любим наше собственное вожделение, а не предмет

его».

Федерико Феллини: «Мне кажется, я всегда создавал фильмы только о женщинах. Они — миф, тайна, неповторимость, очарование… Женщины — это все».

Утром — книга, а вечером — газета «Вечерняя Москва», вторая подряд публикация — «Ассоль Грина», и не повтор, а вычлененный из большого материала рассказ о второй жене писателя — Нине Коротковой, отважной женщине. Они познакомились в феврале 1917 года, а поженились в марте 1921-го. Нина Грин отдавала всю себя памяти своего мужа: Александр Грин умер в 1932-м, в год моего рождения. Я родился в марте, а Грин умер в июле.

26-го приходил Игорь Шевелев из «Российской газеты» и потрошил меня в течение двух часов на предмет интервью, удивлялся объемом проделанной мною работы и утвердительно заявил: «Да вас все знают!..»

4 сентября — в Новом Орлеане пронесся разрушительный ураган, а у нас в квартире тоже бушует ураганчик. Я все время рыскаю по книгам, по энциклопедиям, ищу и прессую информацию для «Женского календаря». И мучаюсь из-за того, что плохая лента, и барахлит машинка, как на-

зло, как будто кто-то вставляет помехи…

11 сентября — в США ураган Катрина, а у меня свой: никак не вылезу из марта «Женского календаря». Но порадовал очередной «Алеф»: вышел роскошный Ильф на три полосы и на полторы полосы — Розалия Землячка. Илья Ильф — любимец еще со школы. Веселый, остроумный писатель в книгах и грустно-печальный в жизни. Великий комбинатор сатиры и юмора. Из записных книжек:

«Все талантливые люди пишут разно, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком».

«Никто не будет идти рядом с вами, смотреть только на вас и думать только о себе».

Каток репрессии определил по-своему: «Кирпич летит…» За книгу «Одноэтажная Америка» Ильф и Петров подверглись беспощадной критике: «Развесистые небоскребы».

Илья Ильф ушел из жизни 13 апреля 1937 года, оставив нам ироничный совет: «Пилите, Шура, пилите!»

Да, когда я получал в «Алефе» журнал, какой-то человек попросил подписать ильфовский материал дочери писателя Александре Ильиничне. Я подписал с удовольствием.

7 сентября в «Российской газете» (в парламентской) вышло интервью Шевелева «Упорнограф Безелянский». Тираж газеты — почти 300 тысяч. На вопрос о том, как много написано, я ответил: «Я даже слышал о себе, что это не он пишет, у него целая фабрика «литературных негров».

Прочитал интервью и рассмеялся: негр один, и это я сам. Его величество Упорнограф. Упорный до невероятия…

8-го казус с Останкино. Пригласили в шоу «Лолита. Без комплексов». Посадили на диванчик в качестве эксперта, а потом «сослали» в первый ряд среди зрителей. Я обиделся и демонстративно отказался отвечать на вопрос Лолиты, когда она подошла ко мне. Рядом в первом ряду сидели Звездинский и Сюткин, но я хотел именно на диванчик…

18 сентября — день сокращается, и после ужина уже не попечатаешь, про зубы и деньги упоминать не хочется: однообразно и скучно. А что, весело? Не столь весело, но было полезно съездить в Фонд социальных и интеллектуальных программ, который возглавляет бывший глава администрации Ельцина — Сергей Филатов. Обменялись с ним книгами, я ему «5-й пункт» и «Огненный век», он мне — свою «Совершенно

несекретно. Кулуары российской власти» (изд. «Вагриус») с надписью: «Очень рад нашему творческому знакомству. С пожеланием огромных Вам успехов. С уважением…»

Кирилл Ковальджи (он в Фонде вроде секретаря) не отстал и подарил сразу две свои книги, на одной написал: «Писателю Юрию Безелянскому с восхищением. Всегда Ваш…» И в другой: «Писателю Юрию Безелянскому от его верного поклонника и почитателя. От души».

Приятно, значит, что-то значу. Ковальджи старше меня — с 1930-го, как поэт публикуется с 1947 года, когда я еще учился в школе, был стилягой и увлекался футболом и девочками. И писал стихи в домашней тетрадочке…

Ремарка: увы, Кирилла Ковальджи уже нет, но я его вспоминаю с теплотой, мог с ним даже подружиться, но «все некогда, некогда, некогда…» (22 авг. 2019 г.)

Филатов включил меня в заявку маститых выступающих (Фазиль Искандер, Войнович, Римма Казакова и Ю. Б.) на Форуме молодых писателей в Липках, 18 октября.

25 сентября — в доме появилась новая пишмашинка «Олимпия». Тревеллер — дорожная, что ли?.. Напечатал по заданию газеты «Россия»

материал о Вере Мухиной и проделал тот же пируэт, как с Грином, дал в две газеты. 23-го Мухина вышла в «Вечорке» — только о скульптуре «Рабочий и Колхозница», а не о судьбе скульптора в России.

Смешной звонок от Додо из Тбилиси, она увидела меня по ТВ в шоу Лолиты Милявской, которое я определил для себя как провал, а Додо: «Так на тебя насмотрелась, как будто повидалась…» Одно событие, и две разные трактовки.

23-го с Эдиком на машине — на Востряковское кладбище, сначала к моему отцу, затем к матери Масе и брату Вите — дорогие близкие Эдуардо. Прошлись по кладбищу — памятники богатых евреев, и особенно горских, в полный рост — миллионщик Заур Гилалов. Много гранита и мрамора, и исключительно помпезные: Даниэль Портной, Ева Мебель и др. И где-то рядом могила Аркадия Вайнера.

2 октября — ничего нового, сплошной «Женский календарь». В какой-то день печатал Лукрецию Борджиа, заломило голову и пошел проветриваться на рынок, а заодно закупил то, что нужно по хозяйству.

Юбилей «Алефа» — 25-летие — отмечали в Домжуре. Собралось человек пятьдесят. Довид

Карпов играл на дудке — День сотворения мира. Вел торжество Леонид Гомберг. Первым выступал Леонид Млечин, после я, за мной — Александр Левенбук. И банкет-фуршет, но главное — вышел октябрьский номер журнала, а там — мой Лион Фейхтвангер «Воинственный гуманист».

Позиция Фейхтвангера — философское созерцание, у нацистов в Германии — неприятие книг гуманиста, и поэтому их сжигали на костре. И пришлось писателю эмигрировать. В последние годы жизни он признавался, что его страсти не так сильны, как и вспышки гнева, умереннее стал энтузиазм. «Я узнал, что человеческая глупость и злоба неистовы и глубоки, как все океаны мира, вместе взятые».

Снова всплыла идея издать «Серебряный век». Размечтался «Октопус», но издательство маленькое и хочет объединить усилия с Детгизом. Сколько уже попыток, а воз с «Серебряным веком» и ныне там…

8 октября — Женская книга дается тяжело, особенно когда надо представлять титульную даму за какой-то день — нужно сжато, интересно и емко и всего на одну страничку, например, Клара Петаччи. О, это непросто!..

Аллергическая вспышка, сыпь на ногах обна-

ружил 5 октября. Рецидив февраля 2002 года.

Больница № 24

11–17 октября — в больнице на ул. Писцовой. Коренева обследовала ноги, и положили в больницу, палата 327. И началось лечение: уколы, таблетки, пять капельниц. За 5 дней лечения красные пятна локализовались, и нога приобрела нормальный белый цвет. В этот раз все было в более легкой форме, чем прежде. Сахар был 6,58, при выписке 5,8. Лечащий врач — Ирина Ивановна Васильчикова. Подарил книгу «Принцесс», и в ответ верещание и воркование. В больнице было более или менее нормально, кроме питания. И как справедливо вопрошала «Комсомолка»: «Кто ворует продукты в московских больницах?» Задаю встречный вопрос: а где не воруют? Кругом тотальное воровство… В палатах нет радио, в холле — телевизора. Жуткие больные, пожилые и старые, нечесаные и грубые. Это Москва. А что в провинции?.. В палате — четверо больных. Один — технарь Забелин, говорил только о своих болезнях и «железках», книги и спорт его совсем не интересуют. Другой — тертый жизнью Бондаренко, ненавидит власть и, вообще, «эту гребаную страну», любит повторять:

Хорошо живет на свете Винни-Пух:
У него жена и дети. Он — лопух.

Считает, что все кругом только по блату, включая капельницы, а ему, бедному бедолаге, только градусник предлагают.

Приходили больные и уходили. Разговоров велось мало, каждый впадал в какой-то ступор и думал о своем. Единственное развлечение: хождение по коридору: 125–127 шагов в одну сторону. В один из дней накатили строки:

Поблекли краски за окном,
И в небе муть и дым.
А к горлу подступает ком,
Что был когда-то молодым.

И резко прыгал и скакал,
Как молодой олень.
А ныне — дряхлый — и устал,
Как встал на целый день.

Ах, все прошло, ах, боже мой.
Рыдай, коль скрипок нет.
И только слышен дикий вой,
И щелкнул шпингалет…

А за окном стадиона уже бегают и играют в футбол. Счастливые! Но они не знают, что они счастливые — молодые и здоровые. Они просто бегают, не подозревая о своем будущем, что с ними будет и что их ждет?.. Сбросил уныние, побрился и даже запел: «Не уходи, еще не спето столько песен…»

Две ночи долго не мог заснуть и обдумывал новые планы — собирать из уже написанного книгу «Звездный небосклон» — о звездах литературы и кино… и кое-что еще. В субботу-воскресенье больница опустела, остались, как сказал Бондаренко, одни «твердые искровцы» (видно, изучал краткий курс ВКП(б).

Утром 16-го последний анализ. Последний проход в буфет со своей тарелкой, ложкой-вилкой и кружкой. Все стоят в очереди, как сироты, и им при раздаче мечут в тарелку кашу — с голоду не умрешь. Ну, а в понедельник выписка и рекомендации, как жить и питаться дальше.

Приехал домой, считай: дом счастья! Своя квартира, свой туалет. С удовольствием разбирал и резал газеты. Как мало, оказывается, надо для счастья. И команданте Ще рядышком… Звонил Витенька из Аугсбурга, благодарил за присланные книги. Жаль, что не можем встретиться…

Пятый форум молодых писателей России

На следующий день после больницы, 18 октября, утром за мной приехал серый «Мерседес» и повез на 5-й Форум в Липки, но сначала заехали на Смоленскую и прихватили еще одного писателя — Владимира Маканина (1937), можно сказать, современного классика.

Словоохотливый Маканин рассказывал по дороге о коллегах-писателях и давал им (Проханову, Пелевину, Кирееву и др.) нелестные характеристики. Узнав, что я поздно пришел в литературу, Маканин сказал, что, возможно, это и к лучшему, ибо ранняя слава (популярность) губительно действует на писателя. Ранние яблоки — белый налив — не хранятся и портятся быстро…

Липки — большой вычурный комплекс. И сразу в штабной 154-й номер, перекус, а потом основательный обед — шведский стол с разносолами, только вот больничной манной каши нет, о чем я загоревал сразу. Аллергия и многое нельзя — ни соленого, ни острого, ни жирного. А в штабном номере, помимо прочего, коньяки

и вина, и это тоже нельзя. Короче, я был единственный трезвый-претрезвый писатель. И до своего выступления получил гонорар в конверте — 4 тыс. ре. Пообщался с коллегами: Ковальджи, Пьецух, Войнович — настоящий классик, он после моего выступления сказал, что «слушал вас с интересом». Еще там был Чупринин, Григорий Померанц с супругой, поэтессой Миркиной, и др. Да, и талантливый Кушнер.

И главное — Сергей Александрович Филатов (1936). Он сказал, что давно меня заприметил, и представил собравшейся аудитории таким набором: «Замечательный писатель, публицист, выпустивший столько книг, что я сбился со счета».

В форуме участвовало 170 молодых писателей из 69 регионов России. В вышедшей брошюре-программе я был представлен как биограф, историк, эссеист, журналист, писатель, культуролог, календарист. — «Ничего себе!» — сказал кто-то про себя, ну, и шустряк!..

Мое выступление было назначено на 17.30, и поэтому времени было навалом, и я трижды выходил из здания, чтобы подышать звенигородским кислородом. Ходил, дышал и ощущал слабость во всех членах (второй день после

больницы — с корабля на бал!). В кинозале амфитеатром собралось человек 70, кое-кто допивал пиво в буфете, — писатели, что с них возьмешь! Передо мной выступал Лев Зеленый, директор Института космических исследований, потом, после выступлений, он мне сказал, что лично закупил книгу «Клуб 1932», где упомянут академик Сагдеев, и раздал коллегам по институту, ну, и книга «Страсти по Луне» ходит по институту.

Ну, а как я, болезный, выступил? Взял микрофон в руки и, как говорили на радио, начал «чесать». Начал с родившихся 18 октября с Шодерло де Лакло, фон Клейста, Шевырева и т. д. Далее о своих темах, которые меня волнуют, о книгах. Отвечал на вопросы. Один какой-то молодой поэт, прежде чем задать свой вопрос, отметил: «Вы написали и издали чудовищно много!..» Так и сказал: «чудовищно». Для него издать одну книжку стихов — невиданное счастье, а тут почти гора. Я ответил, что все это не сверху свалилось, я лет 50, а то и больше, собирал интересную информацию, выписывал понравившиеся фрагменты из книг, собирал и учился на них…

Выступил, получил комплименты от коллег, и меня отвезли домой на «Мерсе». Успел немного поговорить с Филатовым, он мне что-то рассказал

из того, что был свидетелем, работая при президенте Ельцине, и что ныне у власти аналитики из спецслужб, которые моделируют и выстраивают современные процессы в обществе. Купили многих представителей интеллигенции, оттеснили на обочину оппозиционеров, политических противников. Крутят-вертят народом, но при этом запрограммированы на разрушение, на борьбу с якобы врагами. Хватать умеют. Созидать — нет…

* * *

1 ноября — после больницы принял решение жить более размеренно и не гнать лошадей. Решил, но не очень-то выполнил. Снова неофициальный участник гонки «Формула-1».

Вести с издательских полей. «Радуга» отгрузила в магазины «Прекрасных безумцев». В АСТе получил аванс за «Веру, Надежду…». Издательства «Эллис Лак» и «Октопус» молчат, как партизаны. Напечатали в рубрику «ВМ» ноябрьские свадьбы (Николая II и Бомарше). Начал раскручивать май в «Женском календаре».

29 октября в гости приезжал Эдик, помимо вкусностей, привез израильские газеты, в одной из них — перепечатка октябрьских свадеб из «ВМ». Но где шекели?!

13 ноября — конвейер под названием «Алеф» работает: отвез эссе о Юлии Айхенвальде, получил журнал с Василием Гроссманом, точнее, об Иосифе Соломоновиче, родившемся в Бердичеве. Внутренний эмигрант, посмевший стать советским писателем.

«Судьба ведет человека, — говорил Гроссман, — но человек идет потому, что хочет, и он волен не хотеть». И Гроссман написал недозволенный и своевольный роман «Жизнь и судьба». Чекисты нагрянули в дом писателя 14 февраля 1961 года и забрали не только машинописные экземпляры, но и черновики. Затем Гроссмана вызвали в ЦК партии, и серый кардинал Суслов сказал писателю: «Ваш роман — книга политическая… напечатать вашу книгу невозможно, и она не будет напечатана…» Но жизнь распорядилась по-своему, и роман увидел свет в 1988 году в журнале «Октябрь», а потом выпел отдельной книгой.

Я пока такие грандиозные вещи не пишу, но тоже борюсь за выход своих своевольных книг. Пока «Октопус» думает над «Серебряным веком», я предложил им рукопись другой книги — «Планета кино». А еще задумка — «Дорога на эшафот» об убиенных и растоптанных писателях. На книжном развале купил энциклопедию симво-

лизма. Прекрасная книга, а плохо продается: нет людей, интересующихся символизмом. Там, на развале, обнаружил свои «Клуб 1932» и книгу Вознесенского «Девушка с пирсингом», обе по 40 ре.

В субботу 12-го вдруг вспомнил, что в субботу в Израиле не работают — шабад, и написал шутливые строки:

У кого — шабад. Суббота.
Не работают. Лежат.
Лишь едят. Одна икота.
Утомленный ленью взгляд.

Только я один в субботу
Все пишу. Строчу. Верчу.
Гложет автора забота,
Как усища — усачу…

Ну, и т. д. «Но пока не до шабада. / Гонки. Обмороки. Ад. / Вот ведь доля акробата. / И этой доле я не рад…

21 ноября — сухая погода кончилась, вчера выпал снег.

15 ноября повезли меня на серебристом «Пежо-406» на Преображенку на новый ТВ-канал «Звезда». По дороге заехали за певицей, бывшей

звездой — Ниной Бродской (1947), была весьма популярной, выступала в оркестре Эдди Рознера, среди хитов — песня Зацепина «Звенит январская вьюга, / Находят люди друг друга…». Потом уехала в США, через десять лет вернулась… Любопытная информация о руководителе канала: он заявил, чтобы не было никаких еврейских фамилий! И вот: Бродская, Безелянский… Смех на елке!.. Я выступал после Бродской, рассказывал, как переходили с немого кино на звуковое, и что-то еще.

На следующий день пришлось ехать в далекий «Пентхауз» за гонораром. Коммерческий директор Нурди Вахиевич выдал 200 долларов, плюс сверху рублями (это больше, чем за книгу в «Радуге») и несколько номеров глянцевитого эротического журнала (еще не было духовных скреп, и эротика дозволялась — 3 сентября 2019 г.). А затем пригласили и в «Крестьянку» за денежкой — гонорар за династию Дугласов — Кирка и Майкла. Ще чуть не пела: «Я на подвиг тебя провожала…»

В воскресенье 20-го фавор от Эдика: пригласил на концерт органистов Гарри Бродберга в зал Чайковского. Оказывается, Эдуардо — поклонник Бродберга с 1975 года. На концерте звучали «Партиты и токкаты». Особенно мощно звучала

фуга ре минор. А «Пастораль» Баха звучала нежнейше… Повел нас Эдик и в буфет. Ще, глядя на цены пирожных, сказала: «Это очень дорого». На что Эдуардо заметил: «Ты неправильно рассуждаешь». Каждый рассуждает по доходам.

27 ноября — 24-го поехали с Ще в ЦДЛ на вечер, посвященный Катыни. Вел Филатов. Страстно выступали Мариэтта Чудакова, Шейнис. И жалко лепетал какой-то полковник из военной прокуратуры в оправдание советских преступлений. Общий пафос выступлений: идет откат, назад в СССР, к Сталину…

Из развлечений: по ТВ выступал Вайль и рассказывал о композиторе Малере и о Вене. И сразу захотелось в Австрию, к штруделю… Неплохо смотрелся телеспектакль «Чайка», актеры «Ленкома» — Янковский, Броневой, Чурикова и др. Но лучше всех Чехов. Сорин хочет лечиться, а доктор Дорн иронизирует: «Лечиться в 60 лет?..» А что же делать мне в 73?

5 декабря — Европу завалило снегом, даже Ниццу. Ну, а я завален работой. Дописываю, сокращаю, печатаю новое…

30-го ездил на Крымскую, на нон-фикшн. Подписал три своих книжки. В американском культурном центре на ярмарке поговорил я с

американцем Тобиасом. Он через каждое слово восклицает «О,К»! Наши так не говорят, лучезарных улыбок не встретишь!.. Ну, а первый день официальной зимы начал со стоматолога. Новый удар по финансам:

Перпетуум-зубиле. Перпетуум-зубиле.
В кармане только одни лишь убыли.
Сидим и стонем с Ще на мели.
А что там дальше? А что вдали?

Подарил Ирине Петровской, ведущей телеобозрение на «Эхо Москвы», две книжки. Книги должны «работать», но они подчас, подаренные с надеждой, спокойно лежат и не подают голоса, такова наша отзывчивая интеллигенция. Увы, последние взрыды книг по поводу исчезновения читателей.

Настроение плохое. Никак не закончу «Женский календарь», висит, как ошейник, на шее. И зубные проблемы не решаются, а тянутся и тянутся… А еще нескончаемый насморк…

12 декабря — закончил полгода «Женского календаря» и отвез. Параллельно в АСТе крутится «Вера, Надежда…». В «Вечорке» вышли декабрьские свадьбы. Ездил на Савёловский в «Алеф»:

отдал Льва Шестова, получил журнал с Борисом Слуцким. «Разочарованный комиссар» позднее из «Алефа» перекочевал в «Золотые перья» (2006):

Наслаждения столь кратковременны,
Огорчения столь велики,
Что не выдержать этого бремени
И не выплыть из этой реки.

Я согласен с этой печалью Бориса Абрамовича Слуцкого.

8-го предпринял еще одну попытку расширить свои творческий ареал: уговаривал директора издательства Международного института (бывшее здание ВПШ) издать «Серебряный век». «Да, да, это прекрасно! Это нужно!» И на этом точка. Машина стопорит!.. Идут какие-то промахи, то в «Вечорке», то в «Алефе»: то Гроссман пропал, то Айхенвальд, правда, потом все нашли, но дерганье, но нервы. И классическая фраза главного на радио, в Лат. Америке: «Ну, не дают работать!..» На радио я тогда смеялся в душе, а сегодня готов кричать сам…

Делал наперед Юрия Левитанского, большое досье, надо прочитать, осмыслить и выстроить свой материал, согласно собственному видению.

А тем временем в газете «Россия» вышел «Заказ на шедевр» о Вере Мухиной и ее скульптуре. В «Вечорке» — многострадальный Гроссман. Я доволен: Гроссман, Грин и Мухина вышли два раза в разных изданиях. Двойной урожай… Заключил договор в «Октопусе», который я зову «Автобусом», на книгу о кино. В издательстве просят добавить Одри Хепберн.

23 декабря — маленький позитивчик: в «Сударушке» вышло в рубрике «Литературная гостиная. Персона» интервью со мной и фото. А в «Литературке» вышел «Яр» за подписью Анны Харашвили. И негатив. Как же без него? — 21-го по телефону говорил с Атаровой, она не хочет подписывать договор и гундела по поводу падения продаж. Я разозлился, заявил, что забираю рукопись, и в итоге швырнул телефонную трубку.

Таков итог 8-летнего сотрудничества с издательством. «Радуга» взошла — и радуга померкла. 23 октября 1997 года я пришел к директору Литвинец и заключил договор на книгу «Вера, Надежда, Любовь». Все началось с любви, а кончилось при правлении Атаровой — ненавистью. За 8 лет сотрудничества издано 13 книг. Хватит. Забрал рукопись домой и успокоился. Раз появился открытый враг, то это означает, что я повышен в

литературной цене.

31 декабря — 11-й час утра, а темнотища! Как надоело это бессветье! У нас температура плюс, и все потекло… А Елисейские Поля в Париже в снегу. Парадоксы!..

25-го в воскресенье ходили в концертный зал «Россия» на праздник Хануки — еврейский 5765 год! Плохие ведущие — Новоженов и Ханга, и концерт не очень. После концерта прошлись. Красная площадь, Хрустальный переулок, где когда-то работал, Гостиный двор, — все в огнях. Зашли в магазин «Москва», из всех моих книг наличествует только одна — «Прекрасные безумцы», все остальные проданы…

Все последующие дни, помимо некоторых хозяйственных дел, печатал «Женский календарь». Вышел январский «Алеф», там — Юлий Айхенвальд, у которого я учусь импрессионистическим мазкам в портретах поэтов и писателей. Вышел Айхенвальд — сдан в журнал Юрий Левитанский, у него много замечательных строк, к примеру:

Собирались наскоро,
обнимались ласково,
пели, балагурили,
пили и курили.

День прошел — как не было.
Не поговорили…

Так и встречаемся, накоротке, в спешке, в обмене коротких фраз, вздохов и ахов, в громких жалобах на судьбу, начальство и на семью. И никаких философских обобщений о том, зачем живем, для чего живем, во имя чего вся эта кутерьма, именуемая жизнью…

Из АСТа в подарок с курьером прислали прекрасный альбом «Живопись Ренессанса»… Хотел поздравить Женю Рейна с 70-летием. Жена Надя не подозвала его, охраняет покой поэта, как сторожевой пес. И шли предновогодние звонки, выделю один: поздравила и пожелала творческих успехов дочь Ильи Ильфа — Александра Ильинична (а все из-за публикации в «Алефе»).

ИТОГИ 2005 ГОДА

2005 год канул в Лету. Он был продуктивен: 4 вышедших книги: XX век («Олма-пресс»), «За кулисами шедевров» («Радуга»), «Второй вариант XX века» («Олма»), «Прекрасные безумцы» («Радуга»). Плюс 45 газетно-журнальных публикаций. Презентации книг, выступления на радио и ТВ. Выступление на Форуме молодых писателей России в Липках. Поездка в Париж, больница с

аллергией и творческий задел впрок.

2006 год — 73/74 года

Если год мерить книгами, то вышли две: переиздание книги «Вера, Надежда, Любовь», издание «Астрель», АСТ, и вторая — «Кино-story» — взлеты и падения звезд, изд. «Октопус». Еще закончил книгу «Все о женщинах» — глыба-глыбище. И попытки пристроить книгу о Серебряном веке. Выступление на р/с «Говорит Москва» — о литературе и книгах. На р/с «Свобода» в программе Ерофеева: три гостя — режиссер Вл. Мирзоев, художник-авангардист Олег Кулик и Ю. Б. В августе тур «Вся Германия» и плюс Вена, Мюнхен, Аугсбург, Инсбрук, Зальцбург… В «МП» — статья «Достоевский без конца и без края». 4 декабря — в РГГУ — обсуждение спектакля Тома Стоппарда «Берег Утопии». По отзывам, блеснул… 18 декабря — по поводу издания «Золотых перьев»: «По рукам?!..» На Рождество обед-заседание под елочку и коньячок для членов выставочного зала «Творчество».

Это — анонс года. А теперь расшифровка. Подробности.

Служил забытому искусству

Жизнь выражать через слова…

Александр Межиров. «Поэт»

В начале года — даты нет — на сайте «Алефа» анонимная Марина Нецветаева составила интервью из моих разных высказываний. Среди ответов выделю:

«…Как говорил Эразм Роттердамский, «гражданин мира», ко всем национальностям, которые намешаны во мне, отношусь с симпатией… Я живу в России, и все мы чокнутые на политике… Если мыслить глобально, то я социальный пессимист. Но если по общечеловеческим меркам, то… у Георгия Иванова есть строки: «И, конечно, жизнь прекрасна, и, конечно, смерть страшна…» На жизнь надо смотреть, как на «дар небес», как выразился Гавриил Державин. Нагрузки? Кто-то сказал: «Ничего не делать — отличное занятие. Но какая огромная конкуренция. У таких трудоголиков, как я, конкурентов мало. Поэтому я работаю спокойно…»

Новогодние телефонные звонки:

Саша Стрижев: «Почему ты не переходишь на компьютер? Очень удобно. Он у меня есть, но я, правда, не подхожу к нему. Не люблю машинерию, да и вдохновения осталось на вершок…»

Виталий Соболев: «…Жизнь прошла, и ничего не светит впереди». Марина Тарковская: «Ты — молодец! Я удивляюсь, как ты пишешь такие сложные, насыщенные информацией книги…»

1 января — Новый год встретили вдвоем. Пили шампанское «Надежда» под красную икру, мандарины и шоколадные конфеты, смотрели немного ТВ. Щекастику написал строки:

В Новый год с зубами новыми —
Все бы съела и разгрызла —
Прежде президента Вову,
А потом Грызлова — гризли…

Ну, а к себе применимы чужие строки: «Ничего не попишешь — ничего не получишь!» И в первый день нового года залез в досье Фридриха Горенштейна. Очередной «клиент» литературной галереи.

3 января — первое выступление на радио — р/с «Говорит Москва». Беседа на 30 минут. Эфир 8 января. Говорил о литераторах, о книгах, читал стихи: Рубцов — «Я не один во всей Вселенной. / Со мною книги и гармонь…» А вот чего у меня нет, то это гармони.

4 января — за окном январь, а я печатаю лите-

ратурные даты на июль.

9 января — мучает насморк, но продолжаю работать. Сочинил двух юбиляров — Салтыкова-Щедрина и Константина Леонтьева — забавный стык.

К. Леонтьев (годы жизни 1831–1891) — удивительная фигура: военный врач в Крымской войне, дипломат, писатель, публицист. По мнению советских историков, Леонтьев стоял на «крайнем фланге реакции». Постригся в монахи и закончил жизнь в Оптиной Пустыни. Считал, что «идея прогресса (или улучшения жизни для всех) есть выдумка нашего времени».

> «День наш — век наш! И потому терпите и заботьтесь лишь о ближайших делах, а сердечно — лишь о ближних людях, а не о всем человечестве».
>
> «Терпите! Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли — вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите…»
>
> ***К. Леонтьев. «Восток, Россия, славянство», 1886***

Надежду на лучшее будущее не давал и летописец города Глупова Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. «Трифонычи сменяют Сидорычей, Сидорычи сменяют Трифонычей — вот, благодарение Богу, все политические перевороты, возможные в нашем любезном отечестве». Исторический приговор, вынесенный бедной России.

Занимаясь литературными портретами, я, по сути, учусь в школе политической и общественной жизни и хочу в эту школу завербовать новых учеников.

22 января — крещенские морозы, под 30 градусов. СМИ в истерике: «Хроника окоченевшего города». Нашей прессе нужны только скандалы и сенсации, ну, и, конечно, враги. Последняя шутка: во всем виноваты инородцы — фаренгейты и цельсии!.. Ну, а я? Выхожу лишь за хлебом, молоком и газетами. И долблю, долблю «Женский календарь», «Все о женщинах», отгрохал август — 80 стр.

13-го ездил в «Октопус» (проще — в «Автобус») и отнес порцию кинозвезд — Ава Гарднер, Элизабет Тейлор и др. Ще отдала деньги за новые зубы (красивые!) — 28 тыс. рублей, что более 2,7 тыс. долларов — цена двух поездок за рубеж. Запись в

дневнике: на сегодняшний день мы практически разорены.

Унываем? Нет. Ще читает Берберову и заявила: «Мы с тобой живем, как Ходасевич с Берберовой…» Я сразу вспомнил строчки Марии Петровых: «Нам хорошо и молодо вдвоем».

3 февраля — раздружился с дневником — некогда писать. Поэтому в данной книге лишь выжимки.

24 января в «Вечерней Москве» вышел Николай Рубцов, 27-го — Моцарт. В «Крестьянке» — Изабель Юппер, в февральском «Алефе» — Лев Шестов. Лев Исаакович Шестов в следующем 2007 году войдет в книгу «99 имен Серебряного века». В Киеве помогал отцу заниматься финансовыми вопросами, что ему было противно, ушел с головой в книги, став философом из собственной личности.

«Трагизм из жизни не изгоняют никакими общественными переустройствами, и, по-видимому, настало время не отрицать страдания, как некую «ее фиктивную действительность… а принять их, признать и, может быть, понять».

Удивляясь на самого себя, на свою всеядность: от «Капитала» Карла Маркса к детским стихам Агнии Барто (вышла в «ВМ» 15 февраля). И в

параллель идут «Женский календарь» и западные кинозвезды. Звонок из Останкино: «Можете поучаствовать в программе «Эйнштейн и женщины»? Ответил: «Могу». Телевизионщики спросили, булькнули и пропали. И такое бывает…

9 февраля — поехал в «Вечорку», там уныние: сняли с должности главреда и зама — Евсеева и Михайлова. Николай Николаевич растерянно меня спросил, а как я выживаю на вольных хлебах, не имея постоянной з/п?.. Как выживаю? Кручусь. Напряженно вкалываю… Тут по ТВ показали Андрея Вознесенского. Еле живой. Даже страшно стало за него. Еще была программа про Лялю Черную — спохватился, а есть ли она в моем календаре? Календарем измеряется вся жизнь.

20 февраля — дни летят, насыщенные всякой всячиной. Приезжал Эдик с дарами: альбом, теннисные носки, бумага, ручки, копирка. Вот уж истинно братская помощь…

14-го в Валентинов день поехал в «Молодую гвардию» на презентацию своих книг. «Поцелуи» идут вяло, лучше «Клуб», подписал с десяток книг. В магазине проводился какой-то конкурс, кто что читает, и одна школьница Аня (свежее имя), победительница конкурса, прислала — «нежный поцелуй Ю. Безелянскому за мои “5” при помощи

его великих книг». Великих — это перебор! Но все равно приятно. Еще ездил за денежками в «Автобус» и в «Радугу». Что-то все время капает, но, наверное, совсем не то, что хотел бы получать Н.Н.

18-го — р/с «Свобода», часовая программа со звонками в прямой эфир. Ведущий — Виктор Ерофеев. Три гостя: режиссер Владимир Мирзоев, авангардный художник Олег Кулик (потряс всех образом человека-собаки, сидел в конуре) и я. Разговор шел о гордости, гордыне и тщеславии. Мирзоев заинтересовался моим очерком о Сергее Эйзенштейне.

И организованный Эдиком выезд в Покровское на два дня — прогулки, домино, карты, биллиард и Костя со своей музыкой, и среди снегов странно звучал Сокольский: «В парке Чаир распускаются розы…»

25 февраля — приехали из Покровского, и неотложное дело: сочинял коллективное письмо в ЖЭК по поводу протечки с потолка. От творчества к быту… 23-го напугали телеграммой из АСТа: «Сердечно поздравляем с Днем защитника Отечества счастливы работать с вами…» Н-да, — только и остается хмыкнуть.

Поездка в «Вечернюю Москву» и «Московскую

правду», благо рядом. В кабинете Михайлова сидит молодой Антон Долин. Переговоры:

— Сотрудничать будем?

— Конечно, — уверенно заявил Долин.

— Могу сходу предложить материал о Врубеле.

— Это интересно: он ведь в психушке сидел…

Остается только удивляться: не прославился своим «Демоном», а вот психушка — это захватывающе интересно. Так и хочется воскликнуть словами Цицерона: «O tempora! O mores!» (О времена! О нравы!)

От Долина к Егорунину, зам. главного «Московской правды» и ведущего темы культуры и литературы. Подарил ему свою книгу о Москве, и легко договорились о сотрудничестве. И начнем с Аверченко.

Более десяти лет мы активно сотрудничали с Александром Геннадиевичем до его смерти, и в «МП» я напечатал кучу материалов за десятилетие, многие из которых вошли в мои литературоведческие книги (29 сентября 2019 г.). Хороший был человек, книжник, профессионал своего дела.

1 марта — в «Алефе» вышел Юрий Левитанский, а я уже готовлю Врубеля и Аверченко. У Левитанского есть строки, созвучные мне:

Жить среди книг, хотя бы не читая,
лишь ощущать присутствие вблизи,
как близость леса или близость моря —
вот лучшее из одиночеств…

А сколько раз в последнее десятилетие уподоблялся Левитанскому, его просьбе:

— Сезам, я говорю, — откройся! —
Не открывается Сезам.

2 марта — куча звонков по поводу 74-летия. Ида Давыдовна: «Сняла зубы и поздравляю без зубов» — какая прелесть!.. Еще Людочка из Нью-Йорка, Наташа из Дортмунда, Витенька из Аугсбурга… Хотел поехать на выставку, но метель. Сидели втроем с Эдиком с коньяком «Хеннесси» из Парижа, блины с икрой, кулебяка Щекиного изготовления.

7 марта — Эдик привез еще одну машинку «Любаву», но Рязань есть Рязань, никуда не годится. Теперь дома аж 6 пишмашинок, и ни одной стоящей. А я, преодолевая техническое несовершенство, клепаю материал за материалом. Воспалился палец. Пришлось делать перерыв. Приходил Лева Рудский — «шлимазл» (неудач-

ник? Но это как посмотреть). Взял интервью для газеты тверской и много нащелкал фотоснимков. Ездил в ЦДЛ, платил взносы. Там на меня «напал» Эммануил Бройтман, автор книги «Знаменитые евреи»: «Приезжайте ко мне, будем играть в шахматы и пить коньяк». Ехать? К кому-то? Пить коньяк? Бррр!..

11 марта — ошалев от печатания, пошли с Ще в ближайшую рощу. Метель, пурга, снега. Не весна, а зима. Аня Фернандес брала интервью на ТВ «Сокол». Попросила что-то сказать о скончавшемся экс-президенте Югославии Милошевиче. Я отказался: диктаторы и преступники — не мои герои. Давайте лучше о Гутенберге, основателе книгопечатания. Ще посмотрела телепрограмму и оценила: «Ты на экране такой вальяжный, утомленный славой…» Какой славой?! Районного соколиного масштаба?..

19 марта — 15-го с Ще были на Таганке в театре Николая Губенко на концерте еврейской народной музыки, концерт Пурим-Фест-шоу «Лехаим». И где? В логове русских ура-патриотов, что уже смешно. Для памяти набросал заметки «Звучит клезмер». Только отрывок из написанного:

«…Возглас одного украинца: а що це таке идиш?!

Для евреев идиш — это язык предков, язык бабушек и дедушек, живая трепещущая история народа. А еще музыка. Клезмер, который переживает ныне настоящий бум — в США и в Западной Европе. Явление клезмера народу.

Упоительная, захватывающая музыка, зачастую идущая по кругу. Но какая! Умри Равель со своим «Болеро». В клезмере такие закруты, что голова начинает идти кругом, а сердце сладко замирать. Оговорюсь: не специалист во всех этих чередованиях ладов, кадансов, секвенциальных движений и т. д. Но, слушая клезмерную музыку, неожиданно для себя попал в ласковый и грустный плен. От ее бесконечных повторов, то мажорных, то печальных, то громко кипящих, то затихающих вдали. От фидели, то есть скрипочки, а она была не одна, а целых пять, и звучали они так, что хотелось смеяться от радости и плакать от горя одновременно. Я сидел в зале и ловил вибрации. Испытывал музыкальный кайф. Клезмер вонзался в самое сердце…»

Помимо клезмера, еще одно событие: ноутбук. Евин подарок, чтобы помочь ей в написании книги. «Самсунг» (французский). Первый компьютер в доме. Ще приплясывала около него, а я недоверчиво обходил его стороной.

16-го побывал на книжной ярмарке и подписал всего лишь одну книгу. Пообщался с Гавриловым и Чуприниным. 17-го занимался Иваном Киреевским, 18-го делал новый вариант Гумилева.

23 марта — запустился в «Вечерней Москве» и «Московской правде». Вышел Аверченко. Ще пытается наладить контакт с «мышкой» в ноутбуке. Ее учит молодой Денис: мышка — «чистая моторика». А для меня мышка — это вроде какого-то чудища, гиппопотама.

2 апреля — вчера в 11.54 завершил «Женский календарь» — «Все о женщинах», в декабре получилось 93 стр., а всего — более 900 стр. Начал печатать 22 июля и печатал более восьми месяцев. В честь окончания книги купили по мороженому «Экстрим». Как дети… Эдику на 68-летие написал поздравительные строки. Приведу только концовку:

Осень ясного ума.
Осень опыта на складе.
И желаний кутерьма, —
Все читается во взгляде…

А в субботу 5-го к Эдику на день рождения. Были его старые друзья по работе. Стол обильный, а

выпили минимально. За столом обсуждали проблему «Эдик и женщины», с кем ему быть. Хотя подобные проблемы решаются индивидуально и без обсуждений. Но Эд — человек открытый.

В конце марта — приезжала бригада из телеканала «Домашний», и я рассказывал о дне 1 апреля. А далее допечатывал «Женский календарь», «в метель всеобщего равнодушия и похеризма», как выразился Андрей Архангельский.

Завершил «Женский календарь», глыба-глыбище. На следующий день поехал к Александре Ильиничне Ильф с красной роскошной розой и книгой «Клуб 1932», она в ответ подарила прекрасный фотоальбом из снимков отца, Ильи Ильфа. Живет одна среди книг, картин и фотографий.

4 апреля — в «МП» вышел «Русский Дон Кихот» — Иван Киреевский. Философ, критик, отвергший госслужбу. Жадно пополнял свои знания. Совершил поворот к православию. Тяготел к мессианству, хотя и сомневался: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше… Но есть в нашей природе…» (далее обрываю цитату)

Нет, вернулся к Ивану Васильевичу Киреевскому (1806–1856) спустя 13 лет, не поленился и

перечитал написанное. Удивительный человек, один из основателей славянофильства, и при этом редактировал журнал «Европеец». Отчаянно ругал Америку: «Казалось, какая блестящая судьба предстояла Соединенным Штатам Америки, построенным на разумном основании… Что же вышло? Развились одни внешние формы общества и, лишенные внутреннего источника жизни, под наружной механикой задавили человека… Нет! Если уж суждено будет русскому… променять свое великое будущее на одностороннюю жизнь Запада, то лучше хотел бы я замечтаться с отвлеченным немцем в его хитросложных теориях; лучше зазеленеться до смерти под теплым небом, в художественной атмосфере Италии, чем задохнуться в этой прозе фабричных отношений, в этом механизме корыстного беспокойства…»

Ну, а что вышло? Где Соединенные Штаты и где Россия? И где побежденная в войне Германия?.. На рывке и рабском труде Сталин провел индустриализацию Российской империи. Советская модель развития оказалась неэффективной. Бросились нагонять Запад с его «фабричными отношениями» и… отстали на 100 лет, не меньше. Оказались в тупике под серым российским небом, но при этом попискиваем: мы великие;

мы самые лучшие, самые душевные и т. д. А в итоге — сильнейший экономический спад и моральная деградация, достаточно почитать газеты и послушать радио: повсеместное воровство, преступления, дикие случаи, и СМИ со смаком их расписывают. И где ныне эти благородные славянофилы, Дон Кихоты типа Киреевского? Мошенников и ворюг полно, — Дон Кихотов нет.

Ну, а у меня свои фабричные отношения — машинный долбеж. Закончил декабрь, получил набор октябрь-ноябрь. Поздравил с днем рождения Элину Быстрицкую и сказал ей, что вот выходит «Женская энциклопедия звезд». Быстрицкая: «А я там есть?» Есть, конечно. Ответил, а сам продолжил западные звезды кино: Аву Гарднер.

5 апреля — сделал передых, и поехали с Ще на Крымскую, на выставку «Голубая роза». Много прекрасных работ: Сапунов — «Голубая гортензия», И. Милиоти — «Вечерний праздник», Петр Уткин — «Куст» (1916), Судейкин и т. д. Единственно что: картины явно потускнели, краски не полыхают…

В «Сударушке» неожиданно появилась Франческа Бертини (пролежала в газете год). Мы с Ще возбудились и по этому поводу купили торт.

6 апреля — вместе с Ларисой Токарь ходили на Пятницкую и на 8-м этаже в студии р/с «Алеф» записывались у Кати Веселовой, рассказывая о журнале и его публикациях.

9 апреля — допечатал Станислава Лема и сходу врубился в Василия Татищева — блуждание по странам и векам…

15 апреля — снова мысль: а не уехать ли на Запад? Но сомнение: а как и на что там жить?! Щекастик: «Я хоть сейчас!..»

18 апреля — с идеей о Серебряном веке отправился в издательство «Academia» в Мароновский переулок, где когда-то восседал опальный соратник Ленина — Лев Каменев. Нынешний рулевой издательства Попов возбудился от моей идеи, но… нет денег, «будем искать». Но так, разумеется, и не нашли…

23 апреля — бесконечная работа: поиск, чтение, печатание, отвоз. И приходится утешаться словами кинорежиссера Антониони: «Если я работаю — я живу». И Сергея Юрского: «Здоровье поганое. Настроение хорошее».

4 мая — допечатал Стефана Цвейга — 10,5 стр. И получил майский «Алеф», там два материала — клезмер и Карл Маркс, — сочетание! Ще в восторге. Ах, скрипочка! Ух, Маркс! Сергей Есенин

гордился, что Маркса-Энгельса «ни при какой погоде я этих книг, конечно, не читал». А я не только читал «Капитал» в студенческие годы, но кое-что оттуда конспектировал…

10 мая — в «ВМ» — мой любимый Василий Розанов.

16 мая — допечатал для какого-то интернет-издания материал для молодых писателей под названием «Старый — молодой»… В «МП» помещена 1-я часть «Май — месяц цветов». Урожайный месяц: от Батюшкова и до Бродского. И, конечно, Фофанов:

Певец весны, певец сирени,
И майских фей, и соловьев…

А Игорь Северянин?

Душа — как парус, душа — как арфа.
О чем бряцаешь? Куда летишь?..

Это одно видение, а вот Розанов (не майский): «Душа озябла».

25 мая — в «Тверской, 13» (тираж 100 тыс. экз.) интервью с фото «Кому «Мерседес», а кому «Оливетти», которую, кстати, купил и… выбросил.

30 мая — в «МП» — «Доктор Живаго и Борис Пастернак». И второй материал — рубриковый —

«Все это было в июне». В «Алефе» — Агния Барто.

2 июня — все в той же «Московской правде» — к 80-летию Мэрилин Монро. Егорунин похвалил: «Вы настоящий профессионал. Вам заказали, и тут же сделали, и превосходно».

5 июня — принимал дома Мирзоева. О Сергее Эйзенштейне по моей книге «Прекрасные безумцы». Для сценария нужно 25–27 эпизодов. А какой гонорар! Конечно, я что-то накропал, но, очевидно, Мирзоева это не устроило. А разговор о большом гонораре так и остался разговором, из-за которого забыл ключи дома, провожая Мирзоева, и пришлось ломать дверь, ну не совсем, конечно, но все же. Цена воспаленным мечтам!

8 июня — в АСТе вручили 22-ю книгу, их вариант «Вера. Надежда. Любовь». На обложке — веночек из цветов, очень по-женски.

18 июня — эпизод из семейной жизни: Ще сделала материал о Лермонтове, а я — о Михаиле Юрьевиче свой. В разные издания…

11 июля — мой Лермонтов вышел в «МП». Любопытно, что при разговоре с киоскершей «узнал», что поэта убили именно басмачи.

12 июля — в «Октопусе» «Планета кино» переназвана в «Кино-Story».

26 июля — в «МП» горохом посыпались матери-

алы 20-го — Рембрандт, 24-го — Керенский, 26-го — Бернард Шоу.

1 августа — ко дню рождения Ще подоспел Дмитрий Мережковский.

6 августа — на рынке пожилая беженка из Абхазии: «Знаете, как трудно вязать веники!» — «Знаю, — ответил я, — сам вяжу веники».

7 августа — прикатила бригада из «АТВ» (Малкин). Нина Плахова. Тема: семья и демографические проблемы.

Тур: Мюнхен, Зальцбург, Вена

В Мюнхене были во второй раз. Первый — сентябрь 1999 г., отель «Эрцгерцог Европы», в туре «Вся Германия». В Вене тоже второй раз. Первый — апрель 1997 г., отель «Меркурий», 23 апреля — Зальцбург. В этот раз плохая организация тура. Плохие гостиницы, не тот состав, а как угадать?..

11 августа — вылет из Москвы в Мюнхен. Шереметьево, аэробус 320. Взлет 10.52, приземление — 13.35. Отель «Стахус», две минуты до подземного перехода, и выход на главную улицу. Уйма магазинчиков, кафе-баров, множество турков и арабов, женщины в черном с закрытыми лицами, лишь щелочки для глаз. Не Мюнхен, а Восток. И в первый же день воссоединение с Эдиком: он прилетел отдельно. И первый совместный закус: пицца на сковородке, салат с оливками, графинчик с белым вином. Вышли, довольно прохладно: я в плаще, Ще в куртке, а боялись жары. Сытые, двинулись по главной улице к башне св. Петра, к церкви Фрауенкирхе и новой ратуше Мариенплатц, построенной еще при Людвиге I. Новая ратуша украшена скульптурными фигурками. Тут же фонтан Фишбруннен. Посидели в кафе, по

торту с клубникой, — ничего примечательного…

12 августа — шведский стол — объедение от колбас, ветчин, сыров и прочего. Первая экскурсия на маленьком автобусике с гидом, который начал свой рассказ с царя Гороха. Исторические места: канцелярия, пропилеи на площади Кенигсплатц, Дом Ленбаха, Ворота Победы, студенческий район Швабинг, Вилла Штука (модерн), замок Нимфенбург. Но на этот раз до галереи Красоты не дошли. Снова ратуша — бой колоколов и забавные сцены на исторические события.

И толпа туристов, запрокинувших головы, как дети, наблюдают движения фигурок. И сопереживает побежденному упавшему рыцарю…

Устали, поели в ресторане, вернулись в отель, передохнули и снова на Карлплатц с фонтаном. Однообразная жизнь туристов!.. Во второй половине дня вновь гуляли под скулеж Эдика: «Хочу супчика!..» Вместо супчика попали в кафе «Опера» — ни борща, ни щей, одни кондитерские изыски. Вышли к ратуше, а там импровизированный концерт, только вместо сладкого пения — истошный молодежный вой, чтобы покруче и помощнее. В каком-то магазине купили Ще ночную рубашку за 40 евро и, урча, вернулись в отель. По ТВ — Мирей Матье.

13 августа. Группа отправилась в какой-то городок, а мы — в Аугсбург навестить моего первого литературного соавтора Витеньку Черняка. Аугсбург — третий крупный город Баварии — 260 тыс. жителей. Когда-то имперский город, где господствовали купеческие династии Фуггеров и Вельцеров. Сюда дважды приезжал Лютер. Ну, а в XX веке здесь располагались авиационные заводы Мессершмидта.

На вокзале Аугсбурга нас встретил Витенька, 70-летний, сухой, постаревший, но сохранивший элегантность внешнего вида и изысканный русский матерный язык, что привело Эдуардо в полный восторг. Но Черняк есть Черняк, и я не удивлялся, впервые эти лингвистические загогулины я услышал тридцать лет назад во время турпоездки в Стокгольм. Витя сходу провел небольшую экскурсию по городу, средневековые улочки, местный собор, крохотный парк-сад, район социального жилья (одно евро — символическая плата в месяц). Потом Эдик отправился к своему брату Мише Осповату, а мы втроем на трамвае к Витенькиной «берлоге», — небольшая квартирка с выходом на крышу, не элитная, но хорошо обставленная разными раритетными вещами, купленными на местной барахолке.

Обменялись подарками: я ему «Прекрасных безумцев», а он за книгу — красивый галстук. Выпили две бутылки темного пива, какой-то скудный закус и, как говорится, «вся любовь». И разговор: как у вас? А вот у нас, — и две страны Германия и Россия никак не сопрягались…

Вернулись в Мюнхен и в привокзальном ресторане плотно поели: горячий штрудель и сливки с шоколадом.

14 августа — групповая поездка в Инсбрук. Это уже Австрия. На автобусе по живописной дороге и еще нырнули почти в 3-километровый туннель. Инсбрук — маленький городок (118 тыс. жителей), окруженный горами и на берегу реки Инн. Олимпийский и университетский город. Посетили музей и подивились гробнице Максимилиана, окруженного фигурами сподвижников и приближенных женщин. У одного рыцаря сияло отполированное яйцо, которое привлекало многих туристов, жаждущих мужской силы. Походили с Ще по городу с некоторой тревогой: не отстать, не потеряться. Пообедали в ресторане: суп томато, в центре тарелки плавал кружок сметаны, и ризотто — рис с грибами (лисички!). Разумеется, пиво и кофе. Две покупки: баварский плюшевый медвежонок и расписной тирольский

фартук для Ще.

Далее Сваровский — поселок, предприятие, музей знаменитых украшений. В музей не пошли, а наслаждались видами природы. Огромная поляна, окруженная горами, ручейки, камни, холмы, цветы и замысловатый лабиринт из кустарников. Да вдобавок вспыхнула в небе радуга и заморосил реденький серебристый дождь. Красотища! Редкий миг наслаждения от того, что жив и видишь всю эту божественную благодать…

Возвращение заняло чуть более часа. По приезду в Мюнхен (Мюнихен — старое название) — чай, яблочный пирог и короткое интервью русскоязычной газете «Мюнхен плюс» — впечатления писателя из Москвы.

Но это не все. Неугомонный Эдик предложил вечером основательно поесть в ресторане «Стефан» около отеля. Фирма платит! В зале почти никого, нас обслуживал любезный европеизированный турок. Отлично поели, выпили, посмеялись нашим приключениям, а турок неожиданно презентовал большой бокал под пиво «Левенброй» (благодарю — не ожидали!). Турку понравилась Ще?.. Легли спать уже во втором часу ночи.

15 августа. Первый солнечный день в Мюнхене. И неожиданно признаки простуды. Проблема:

разваливаться или нет? Решил: выстоять, и выстоял. У Э. идея: поехать в Гармиш. Мы отказались и решили походить по городу одни. И получили удовольствие, открывая все новые улицы и уголочки. Вышли даже на какой-то фонтан с Гераклом. И тут же перифраз Окуджавы: на фоне античного Геракла снимается турецкое семейство. Захотелось пить, нашли маленькую кафешку и хлопнули по апельсиновому соку. За стойкой — парень из… Питера. Какими судьбами?..

Дошли до Изарских ворот (XIV век). В южной башне находится музей знаменитого юмориста Карла Валентина. Вышли к зеленым водам Изара, где инспектор Дерек в популярном телесериале постоянно находил трупы. На этот раз трупов не было, все живы, и все устремлялись за Изар в Национальный музей. Зашли и мы… да еще и в книжный магазин. Погуляли по набережной. Перекусили в «Макдональдсе» и тихо отбыли в отель. Вернулся из Гармиша Эдик и начал лечить меня коньяком, бананами и абрикосами. Удивительно, но помогло…

16 августа — утром покинули Мюнхен. Конечно, посмотрели лишь какие-то верхушки, а музейные богатства остались неосмотренными.

И Старую Пинакотеку (а там Джотто, Леонардо, Рафаэль, Тициан). И галерею современного искусства (Пикассо, Мунк, Кирхнер, Бекман и т. д.). И не разглядели до конца Ворота Победы, сооруженные в середине XIX века, отреставрированные после Второй мировой войны и с новой надписью: «Победе посвящено, войной разрушено, к миру взывая». Знаменитый английский сад, скульптурный ансамбль «Ангел мира», алебастровая фигура «Юдифь» (начало XIV века) с отрубленной головой тирана. Не увидели доисторического «Барберийского фавна» и т. д. и т. п.

Готовя эту книгу, обратился к тому Петра Вайля «Гений места» (1999), но там о Мюнхене очень мало, в основном о Рихарде Вагнере, которого боготворил и чтил Людвиг Баварский, будучи покоренным в юношеском возрасте вагнеровским «Лоэнгрином-рыцарем-лебедем». И по существу Людвиг Баварский посвятил свою жизнь и казну княжества Вагнеру. А премьер-министр баварского королевства изгнал композитора из Мюнхена: «Я считаю Рихарда Вагнера самым вредным человеком на земле. По моральным соображениям, ибо Вагнер откровенно сожительствовал с Козимой Лист, женой фон Бюлова…»

Но все эти истории мало интересуют патри-

отов России: для них Мюнхен — это место, где было заключено соглашение между Гитлером, Чемберленом и Даладье по поводу расчленения Чехословакии.

Но так или иначе прощай, Мюнхен, в 8 утра мы погрузились в автобус и двинулись в Австрию. По дороге заехали в какую-то деревушку Обераммерхау, расположенную у подножия гор. Господи, и опять красота так и просится на полотно живописца. Все ухожено, красиво и никаких российских развалюх и примет запустения и откровенной бедности.

И вот новая встреча с Зальцбургом. И сходу экскурсия: дворец Хельбрунн, парк Мирабель с нескончаемыми розами. Площадь Моцарта с памятником композитору. И как не вспомнить слова Моцарта, обращенные к Сальери (конечно, Пушкина):

Нас мало избранных, счастливцев праздных,

Пренебрегающих презренной пользой…

Далее Кафедральный собор, через задумчивое кладбище св. Петра и еще через чего-то — все узнаваемо, вспоминается и щемяще приятно увидеть вновь… Маленький Зальцбург — «обитель

Бога небесного», основанный еще св. Рупертом примерно в 696 году. Лицо города, как отмечают справочники, — смесь феодального самовыражения и благородной духовности, наигранной серьёзности и игры всерьёз. Можно согласиться: несерьез с серьезом, что-то конфетно-игрушечное, но и суровая реальность, вырезания в горах… Барочный город. Город фестивалей. Здесь дирижировали Рихард Штраус и Густав Малер. Здесь… вот именно здесь по главной улице Гетрейдегассе мы с Ще брели, вдруг усталые и уже измученные поездкой (простуда все-таки не прошла) и в полном миноре затерялись в праздно веселой разноязычной толпе, и нас нашел Эдик и присоединил к группе. Пилигримы из нелетающего Сокола…

Ресторан по-быстрому… и снова темп, темп, темп — расписание поджимает: автобус, ж/д вокзал, поезд. 6-местное купе какого-то низшего класса. Два с половиной часа дискомфорта и — Вена. Отель на окраине — «Золотой тюльпан», но опять же не тот класс, не тот уровень. Перефразируя: но отели не выбирают, в них селят и загружают… Вышли на улицу перед сном: никаких достопримечательностей. Все стоящее и настоящее где-то далеко на такси или на трамвае,

и с этим огорчением пошли в номер.

17 августа — ночь в Вене. Под утро шум от разгрузки мусорных баков — заграница с разных ракурсов. В 10 часов — автобусно-пешеходная экскурсия — нас в автобусе 19 человек. Гид-австриячка Габи Юнкер с коверканным русским языком: «Гарантирую: Вену будете знать». И перлы: «Сложный парень Бетховен: менял в Вене 68 квартир…»

Вена, в отличие от Мюнхена, подарила нам голубой день и жару, что было, конечно, некстати: +28. На автобусе объехали многие достопримечательности. Оперный театр, его строили по заказу императора Франца Иосифа, и первоначальный вариант ему резко не понравился. Результат: один архитектор повесился, другого хватил удар. Но в итоге театр все-таки «получился» и стал одним из успешных в Европе. В открытие в 1869 году состоялась премьера «Дон Жуана» Моцарта. Во Вторую мировую здание было разрушено и с блеском восстановлено в 1955-м… Далее Ратуша, Хофбург, издалека стадион Пратер, до Шенбрунна и Бельведера не доехали. Распрощались с автобусом и на обед — в популярный ресторан самообслуживания. Все на высшем уровне и быстро: буквально за пять минут нам поджарили

вкуснейший кусок мяса на специальной плите-жаровне. Всякие салаты, сок, пиво, чего-то еще, и всё это стоило 22 евро, в Москве за эти 750 ре так не поешь!

Вышли из ресторана, а рядом — знаменитое кафе «Захер», — как удержаться! Отведали по куску фирменного торта с горой из сливок, капучино — блаженство и кайф! Сытые и довольные, отправились в парк Альбертина и полежали на изумрудной травке, урча и мурлыкая. Жарковато. В бар «Ла Дивина» с портретами Марии Каллас не пошли, сели за столик на воздухе и заказали сок со льдом. Выпили и еще больше сморились, решили закончить экскурсию в 6 часов и 30 минут. В отеле передохнули и вышли на вечернюю прогулку. Эд поехал в курзал на какой-то концерт, а у нас с Ще на это не хватило сил, и мы прошлись по длинной улице Рейнрехсдюрфер (и на трезвую голову не выговоришь). Пощелкали ТВ, есть эротический канал, но он платный, и по нему безостановочно идет «процесс». Мы же посмотрели благопристойный, но драматический фильм «Любители ли Вы Брамса?» Коллизия между стареющей женщиной (Ингрид Бергман) и молодым человеком (Энтони Перкинс). Актеры играли так выразительно, что перевод был со-

всем не нужен.

18 августа. Эдик уехал в Братиславу, а мы почти целый день оставались одни. Прошлись по центру, зашли в собор «Стефан», осмотрели Дом Хааса с отраженной зеркальной поверхностью, Грабен, Хофбург, насмотрелись на лошадей с экипажами, посидели на лавочке у здания Европейского Союза, нашли памятник Сисси — весь в розах, ну, и, конечно, величественный памятник Марии Терезии. И не менее внушительный «виннершницель» — два куска постной свинины под пиво в ресторане. О, этот «швайн!», и еле дотащились до номера в отеле. Но это не все. В кафе «Моцарт» нас ждала Светлана Вакер (гид прошлого раза), отсюда вчетвером в черном «Крайслере» поехали в пригород Вены — в Гринциг попить «винца» (повторение 1997 года), по дороге Вакер расхваливала мою книгу «Прекрасные безумцы». Выпили литр молодого красного вина, а еще к нашему столу подошел старый скрипач и устроил концерт, начав со Штрауса, а потом для русских гостей — «Подмосковные вечера» и «Сердце, тебе не хочется покоя...» Синева вечера, прохлада, вино, скрипка... Если не жизнь, то по крайней мере вечер удался.

19 августа. Отлет из Вены. Сборы, и уже швед-

ский стол не впечатляет, все мысли о возвращении в Москву. По аэропорту ходили как неприкаянные и что-то покупать на ходу не стали. В 14 часов — взлет, в 16.15 — приземление.

Вышли из самолета — все серо, и идет дождичек.

В 18 часов переступили порог дома. И постепенно стали освобождаться от усталости. Поездка, пусть не очень удачная, осталась позади, на очереди — сколлаживать фотоальбом о Мюнхене-Зальцбурге-Вене и иногда, выныривая из потока рабочих дел, доставать альбом и удивляться воспоминаниям…

* * *

20 августа. Первое утро после возвращения. Включил «Эхо Москвы», и первые слова (рекламный слоган): «Сливай воду!» А потом в программе Пикуленко, эксперта по автомобилям и дорогам: «Тормози!..» И пошел сплошной негатив: сбили насмерть корреспондента НТВ Максима Рогаленкова, стреляли в певца Руссо, взрыв на Черкизовском рынке, катастрофа питерского ТУ-154, летевшего из Анапы, — катастрофическая империя новоявленного Штирлица. Дышать тяжело, вода жесткая. Но Родина… И привет из

кондитерского кафе «Захер».

21 августа — наговорил что-то в ТВ-программе «Доброе утро, Россия!». Вопрос был, как влияет имя на судьбу человека? Я процитировал Пушкина (строки к Собаньской, 1830):

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный,
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом…

Немного об Австрии и о знаменитых австрийцах

В XIX веке Австро-Венгерская империя была ого-го, но она сумела в XX веке освободиться от чуждых территорий и превратилась в процветающую европейскую страну, ну, а Российская империя никак не может сбросить с себя имперскую кожу и освободиться от имперского величия. А императрица Мария Терезия (мать 16 детей) провела в стране серьезные структурные реформы в экономике, образовании, армии и вывела Австрию на дорогу прогресса.

В 1848 году кайзером стал 18-летний Франц Иосиф и правил Австро-Венгрией 68 лет. Он называл себя «первым гражданином своего государства». Его жизнь была полна трагедий — брат Максимилиан I, король Мексики, был убит, сын и единственный наследник кронпринц Рудольф покончил с собой в охотничьем домике в Майерлинге, любимая супруга императора Элизабет (ласкательное имя Сисси) пала в Женеве от руки итальянского анархиста Луиджи Лукени… В 1919 году Австро-Венгерская монархия распалась, и Ав-

стрия потеряла 7/8 своих территорий, население уменьшилось до 6 млн против 52 млн, проживавших в Австро-Венгрии. Потом была попытка фашистского переворота и убийство канцлера Энгельберта Дольфуса, оккупация Австрии Германией и т. д. Но выжили. И процветают. Честь и хвала австрийскому народу. Сколько блистательных имен он дал миру. Исключим сразу из этого ряда Адольфа Гитлера (у каждого народа был свой злой гений, палач и тиран). Зато все с благодарностью вспоминают и восхищаются красавицей Сисси, баварской принцессой, ставшей супругой императора Франца Иосифа.

А далее с кого начать? Конечно, с Зигмунда Фрейда — невропатолог, психиатр, психолог. Изучал конфликт между сознанием и бессознательными влечениями. По существу, фрейдизмом проникнута вся мировая литература. Начиная с 1933 года, фашисты сжигали книги доктора Фрейда. О нем я написал в книге «Культовые имена» (2004) — Зигмунд Фрейд — «Апостол сексуальной революции».

Сексизм — это Фрейд, а мазохизм — это другой австрийский писатель, Леопольд Захер-Мазох, родившийся в Лемберге (ныне Львове). Его главный роман — «Венера в мехах». Захер-Мазох

представлен в той же книге «Культовые имена», что и Фрейд. Эссе названо «Венера в мехах» на площади Ленина». Одна фраза оттуда: «Многие люди по натуре рабы. Они были рабами. Они хотят ими остаться. Так что «Венера в мехах» — это не только роман об эротике».

Отто Вагнер — архитектор, один из наиболее ярких представителей венского стиля модерн.

Если брать музыку, то тут, в Австрии, переизбыток гениев и мастеров.

Франц Иозеф Гайдн. Дирижер и композитор для правящей элиты — венгерских князей Эстерхази. Сочинил 104 симфонии, а сколько квартетов, сонат и опер.

Вольфганг Амадей Моцарт. Гений. С 7-летнего возраста гастролировал по Европе. В конце жизни Моцарт создавал шедевр за шедевром и умер в возрасте 35 лет, не дожив до пушкинских 37-ми.

Штраусы Иоганны — отец и сын и еще куча Штраусов. Сын заставил танцевать всю Европу. Лучше танцы, чем пушки! Однофамилец Рихард Штраус написал под влиянием Ницше симфоническую поэму «Так говорил Заратустра» и заставил европейцев задуматься над жизнью.

Густав Малер — еще одна знаменитость музыкального мира, австрийский композитор, ро-

дившийся в семье еврейского купца. Симфонист, разрушил привычные каноны четырех частей симфонии. Малер — не только композитор, но и дирижер, возглавлял Венскую филармонию. Успешно выступал в США. Пионер новой музыки прожил всего лишь 50 лет.

Представителем Новой венской школы был и Альбан Берг, его называли традиционно мыслящий авангардист. Создал интересную композицию «Лулу». В германском рейхе существовал запрет на произведения Берга.

А вот и «Отец» Новой музыки — Арнольд Шёнберг (1874–1951). Родился в Вене. Жрец атональности, разработал математическую методику сочинения музыки. Скрывая свое еврейское происхождение, в 1933-м бежал из Германии в США. В 1944 году написал «Оду Наполеону», в которой свел счеты с диктатурой. И еще поэму «Современные псалмы», однако положить ее на музыку не успел.

Открутим время назад и возвратимся к старым мастерам.

Франц Шуберт. Умер молодым в 31 год, за 17 лет смог встать в один ряд с Моцартом и Гайдном. Но при жизни, несмотря на целое море шедевров, никакого признания. И не случайно в советском

кинофильме «Волга-Волга» чиновник Бывалов (актер Игорь Ильинский) высокомерно говорит: «Какой еще там Шульберт!..» Короче, жизнь на птичьих правах, густо просоленная нуждой и лишениями, утонувшая в бездне горестей и несчастий. Сам он меньше всего думал об этом, — так сказано в одной из биографических книг о Шуберте. И как писал Давид Самойлов:

Шуберт Франц не сочиняет —
Как поется, так поет.
Он себя не подчиняет,
Он себя не продает…

Жаль, что дорог каждый талер,
Жаль, что дома неуют.
Впрочем — это все детали,
Жаль, что песен не поют!..

Шуберт получил посмертный «подарок»: похоронен рядом с Бетховеном.

Иоганнес Брамс родился в Гамбурге. С 13 лет играл на пианино в трактирах. В 29 лет поселился в Вене. Руководил хором Академии пения. Сочинил около 50 фортепианных пьес. Был властителем мира звуков.

Годами когда-нибудь в зале концертной

Мне Брамса сыграют, — тоской изойду…

Брамс — композитор, пианист, дирижер. Он классик и романтик, он страстен и нежен, изящен и стихиен… Брамс умер 3 апреля 1897 года в возрасте 64 лет.

Перенесемся из мира музыки в мир красок и линий, короче, в живопись. Австрия не может гордиться Леонардо и Рембрандтом, но все же несколько популярных художников породила.

И самый популярный — Густав Климт, растиражированный в мире на постерах, плакатах, открытках и календарях. А уж «Поцелуй» — шедевр из шедевров. Климт — организатор крупного художественного объединения «Венский Сецессион» (1897). В 1903 году Климт организовал в Европе огромную выставку работ импрессионистов.

Оскар Кокошка — последователь Климта. Резкая, экспрессивная манера Кокошки пришлась не по нраву императору Францу Иосифу, и на выставке Оскара в 1911 году император рявкнул: «Этот человек заслуживает того, чтобы ему пере-

ломали кости». У Кокошки было действительно трагическое мироощущение. Помимо живописи и графики, Кокошка еще был писателем, одна из его книг — «Мечтающие мальчики» была популярной. Во время Первой мировой войны был ранен, покинул Вену — работал в Лондоне, Праге и Зальцбурге. После войны в Вену не возвращался и последние годы жизни провел в Швейцарии. Прожил 93 года, художник-долгожитель. В жизни Кокошки был страстный любовный роман с Альмой Малер, вдовой композитора Густава Малера. Одна из картин художника — «Шквал» (1914): мужчина и женщина лежат после секса на скомканных простынях…

Эгон Шиле — живописец и график, один из основных представителей венского экспрессионистского авангарда. За эротические изображения обнаженных натур Шиле то и дело обвинялся в порнографии. Первые работы Шиле сделаны под влиянием Климта, но потом он отошел от учителя и организовал «Группу нового искусства». Его волновали проблемы экзистенциализма: рождение, смерть, страх, скорбь, страсть, чувственность. За сожительство с юной девушкой и серию непристойных рисунков подвергся к наказанию: к трем дням ареста и конфискации

рисунков. Истинно «драконовское» наказание!.. В дальнейшем — служба в армии и возвращение к живописи, почти к классическим нормам прекрасного человеческого тела. «Испанка» подкосила его беременную жену, заразился от нее и Эгон Шиле, умер он 31 октября 1918 года, всего в 28 лет.

Ну, а теперь любимая литература, конечно, самая любимая — русская, но существует и австрийская. В ней две вершины — Франц Кафка и Стефан Цвейг. О них я писал не раз. Оба представлены в книге «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов» (2008) — «Исследователь души» (Стефан Цвейг, 1882) и «Кафкианский мир» (Франц Кафка, 1883).

Цвейг — любимый писатель с молодых лет, живописатель «роковых мгновений», тончайший психолог и изумительный стилист.

Франц Кафка — мастер фантасмагорий, гротеска и абсурда. В советские времена народ радостно распевал: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!..» А остроумцы переделали: «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью…» Кафка ненавидел и презирал мир вокруг себя, ибо видел и ощущал всей кожей разлитое кругом мировое зло и абсурдность законов, установленных властителями

порядка.

Анна Ахматова считала, что весь XX век стоит на трех китах: на произведениях Марселя Пруста, Франца Кафки и Джеймса Джойса.

Но первым популярным австрийским писателем в дореволюционной России был Артур Шницлер, родившийся в Вене (1862–1931). В 1905 году Шницлера издали в России — сочинения в 9-ти томах. Шницлер входил в группу импрессионистов («группа Модерн»). Как последователя Зигмунда Фрейда его привлекали подсознательное, иррациональное, патологическое в психике человека. Утверждал, что жизнь — игра и иллюзия, что мир непознаваем. Любовь в книгах Шницлера сводилась в основном к эротике, к сексуальным вспышкам.

Скандальную славу приобрела книга Шницлера «Лейтенант Густль» (1901) — внутренний монолог, поток сознания (это еще до Джойса). Герой — ничтожество, недоучившийся гимназист с неразвитым умом (все мысли лишь о «сладких девочках»). Ненависть к социалистам, ко всем штатским, в голове вдолбленная мысль начальством, что страну надо защищать от китайцев. Густль — зеркало безнадежно государственного механизма. Разрыв между видимостью и сущно-

стью — вот что такое лейтенант Густль. Внешняя офицерская форма, внутри человеческое ничто, «вакуум ценностей». В 1999 году Стенли Кубрик снял фильм «С широко закрытыми глазами» по новелле Шницлера «Повесть-сон».

Нет, австрийская литература — не захудалая провинция (мы же меряем только Достоевским и Толстым), Вена породила много интересных писателей — вот пламенная Берта фон Зустер с ее антимилитаристским романом «Долой оружие», где описаны ужасы войны.

Странный писатель Роберт Музиль (1880–1942), живший на грани нищеты, и ему помогал выжить Томас Манн. Всю жизнь писал, так и не закончил роман «Человек без свойств». Основная идея романа: как человек может сметь выразить себя индивидуально, когда кругом так много людей внушают ему и знают лучше него, не говоря уж о власти, о СМИ, о пропаганде, куда нужно стремиться, кого любить, кого ненавидеть, как голосовать, как мыслить, что есть, читать, куда ездить и т. д. Кругом человеку все навязывается, а в итоге он — человек без свойств, обезличенный, стандартизованный, послушный маленький винтик в механизме власти и социума.

Музиль так ничего и не добился при жизни, и

«слава засияла над его могилой», как меланхолично заметил один из авторов о Музиле.

Иозеф Рот (1894–1939) — автор знаменитого романа «Марш Радецкого». Не путать с другим Ротом — американским писателем Филиппом Ротом (1933). Подданный Австро-Венгрии Иозеф Рот жил в Германии, потом во Франции. Бывал в России, писал о Гражданской войне. Еще один роман Иозефа Рота «Сказка 1002-й ночи». Родился он в Бродах (на территории нынешней Украины). В 1918 году писатель перебрался в Вену. Работал журналистом. Роман «Бегство без конца», ну, а «Марш Радецкого» написал в год моего рождения — в 1932-м. Скитался по Европе, много пил и умер от «белой горячки», оставив читателям свои книги — сплав вымысла и реальности.

Хватит? Можно перечислять и дальше, но пора завершать. И на посошок вспомним еще одну примечательную историческую фигуру — князь Клеменс Венцель Лотар Меттерних (1773–1859), австрийский государственный деятель и дипломат. Проводил политику «балансирования» с таким непринужденным мастерством, словно это был жонглер, глядя на искусство которого, посторонние наблюдатели не сразу замечали, что остался лишь один шар, — как написал в своей

книге о Меттернихе Генри Киссинджер.

«Когда народ танцует, он не опасен», — говорил австрийский канцлер и охотно давал разрешение на открытие новых танцевальных залов в Вене. Народ танцевал до упаду. Танцевали все: от придворных до кухарок. Хочется добавить: в сегодняшней России тоже отвлекают народ от политики, проводя бесчисленные фестивали, праздники варенья, заполняя телеэкраны бесконечными шумными шоу. Это умеют, а вот балансировать в международной политике не хватает интеллекта и изворотливости Меттерниха.

Советские историки определяли Меттерниха как «крайнего реакционера» и как одного из организаторов Священного Союза, который вел борьбу с революционным движением в Европе (сегодня мы боимся «цветных революций», а в XIX веке приветствовали их и мечтали о них в эмигрантском изгнании).

И еще одна пикантность. Русский император Павел I насильно женил князя Петра Багратиона, жутко некрасивого, на красавице графине Екатерине Скавронской. Брак, естественно, оказался неудачным. Жена-красавица крутила романы, не особенно даже скрывая их от супруга. Один из

них — любовная связь с австрийским канцлером Меттернихом. От этой связи родилась дочь Клементина. Гордый Багратион не упрекал неверную супругу, а супруга Меттерниха — Элеонора — восхищалась любовными подвигами своего мужа: «Я просто не могу себе представить, как смогла бы устоять против него какая-либо из женщин».

Но, правда, есть предположение, что дело было не только в любви Екатерины Павловны к австрийскому канцлеру, а в том, что при этом она выполняла некие шпионские обязанности, узнавая для русского двора иностранные секреты.

Эту историю остается лишь перебить, зайдя в какое-нибудь венское кафе, сказать звонкое «Грюсс Готт» и заказать апфельштрудель с яблоками или в ресторане «мясо по-кайзеровски» — копченые поросячьи ребрышки.

Приятного аппетита, и переходим к следующему году.

27–28 октября 2019 г.

* * *

20 августа — звонок из Вены от Светланы Вакер: «Начала читать вашу книгу «Прекрасные безумцы» — такая замечательная!..»

21 августа — еще одно нашествие телевизионщиков из Российского канала. Оказывается, я — ценный кадр для программы «Доброе утро, Россия!». Хотел посмотреть, как все это выглядит в эфире и… проспал.

30 августа — Останкино, группа «Цивилизация». Режиссер Александр Капков: «Вы для нас настоящий клад». И условия сотрудничества: заявка, сценарий — каждый 800–1000 долл., обсуждение и т. д. Выезжая из Останкино, решил пересесть на другой троллейбус и врезался в стекло на остановке — темнело, а я плохо вижу. Рассек правую бровь и вдребезги разбил очки. Еле доехал до дома. И понял: это знак! И прощай, «Цивилизация»! А прохождение сквозь стеклянные двери — не первый случай…

1 сентября — в «ВМ» — сокращенный вариант «Моцарт в фантиках и без».

3–5 сентября — накатило, и написал стихотворение «Миг отчаянья», оттолкнувшись от Пушкина: «И горько жалуюсь, и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю» (1828). Пушкину было 29, а мне — 74.

Еще живой. И даже странно.
Еще ползу, кряхчу, пишу.

Еще присутствую обманно.
Еще немножечко дышу…
…Что бунтовать? Кричать напрасно.
Судьба жестокая молчит.
А жизнь кругом цветет прекрасно,
Но мы над ней уже не властны,
И нам прощанье предстоит…

Господи, как мрачно! Хотя я себя мрачным не считаю. Парадокс…

11 сентября — выступление в МЕОЦе. Купили 14 книг и еще принесли из дома старые книги, чтобы я подписал.

15 сентября — три гонорара в один день: в «Крестьянке» за Одри Хепберн, в «Аккорде» — «От Вертинского до ТАТУ». В «Вечерней Москве» за материал о Зощенко и Ахматовой. Всего 10.051. Курс доллара — 26,60. Значит, где-то 400 долл. Ну, и что?!.

28 сентября — разбитые очки после Останкино — это не 30 августа, а 28 сентября. Я ошибся. И тогда же встреча и разговор с руководителем группы, знаменитым академиком Николаевым.

2 октября — в «МП» напечатан большой материал о Льве Каменеве и о сталинском терроре.

7 октября — уже террор нового времени: ко дню рождения президента убита оппозиционная журналистка Анна Политковская, давно раздражавшая власть своими расследованиями преступлений власти. Ну, а я не занимаюсь расследованиями (это другой жанр), а детализирую судьбы российских, советских и постсоветских поэтов и писателей, и их отношение к режиму.

Осенние публикации, в разные дни вышли Алданов, Евгений Шварц, Юрий Тынянов, Борис Эйхенбаум.

Марк Алданов — последний джентльмен русской эмиграции. Блистательный прозаик и мемуарист (Марк Александрович Ландау (1886–1957). Покинул Россию в марте 1919 года. Выступая по р/с «Голос Америки» 7 ноября 1956 года, пожелал всем людям мира, в том числе и подданным СССР, «свободы — бытовой, духовной, политической — «свободы от страха». Свободы веры и мысли и уверенности в том, что его не могут в любой день ни за что ни про что посадить в тюрьму или расстрелять» (слова Алданова звучат на злобу дня и спустя многие десятилетия — 20 октября 2019 г.)

Борис Эйхенбаум. Эссе о нем я назвал так: «Порядочный человек в непорядочной стране».

Лидия Гинзбург писала о профессоре и мэтре

филологии Эйхенбауме:

Его удел не грубый смех.
Ему на случай ссор, ошибок
Дана тончайшая из всех
Академических улыбок.

И была такая замечательная троица друзей: Эйхенбаум, Тынянов и Виктор Шкловский. В 1949 году Эйхенбаум попал под каток репрессий в компанию «безродных космополитов». Борис Михайлович, в отличие от меня (какая дерзость сравнений!), писал медленно, все шлифовал и шлифовал. А я, как шахтер, выдаю уголек на-гора, выдаю и выдаю…

А тем временем сужается творческая поляна, где можно печатать и резвиться — закрылись «ЛГ», «Век», «Вечерний клуб», журнал «Каприз», прекратились приглашения выступать в Звенигороде…

24 октября — выступал в синагоге на Бронной перед волонтерами. В «Московской правде» — «Австрия — это не только Моцарт».

1 ноября — вышла 23-я книга «Кино-Story».

3 ноября — первый творческий вечер в зале «Творчество» за Таганкой. Выступил вроде успеш-

но. Кто-то даже сказал, что я ему открыл новый мир…

8 ноября — в «МП» напечатано эссе о Данииле Андрееве и его «Розе Мира».

10 ноября — еще одна публикация в «МП», которым горжусь: «Достоевский без конца и без края». За Достоевским последовали Некрасов, Владимир Даль, Плеханов, Илья Сельвинский и т. д. Целая портретная галерея… Ще подхваливает: «Ты — настоящий просветитель!» Дремучих и невежественных читателей, к сожалению.

23 ноября — выступление в библиотеке им. Платонова на ул. Усиевича. Более 20 человек, включая двух поэтесс и одну вдову какого-то драматурга. После «вечерний чай» для избранных…

29 ноября — в декабрьском «Алефе» два материала: эссе о Леониде Лиходееве и «Галопом по Европам».

Лиходеев — прекрасный сатирик. «Суть сатирического произведения состоит в том, что сатирик щелкает мечом Ювенала, находясь под мечом Дамокла». «КГБ-боязнь» — определял Леонид Израилевич.

4 декабря — в РГГУ обсуждение спектакля Тома Стопарда «Берег Утопии», в зале более 200 человек — студенты, преподаватели. Мне выпала

честь сидеть в президиуме. Когда предоставили слово, то словно сиганул в ледяную воду. Говорил страстно и горько о судьбе России. Явлинский широко открыл глаза: кто такой, откуда взялся?! По окончании какой-то американец жал мне руку, говоря, что мое выступление было самым лучшим.

12 декабря — с криком «Где Коля?!» утром стал листать «Московскую правду» и нашел не одного Колю, а сразу двух — Николай Алексеевич Некрасов в рубрике «Книги», а в рубрике «Мегаполис» — Николай Михайлович Карамзин. Ну, и, конечно, своевольная трактовка того и другого.

Некрасов — поэт страдания и слез. Цензор Волков в рапорте министру просвещения в 1856 году доносил, что у Некрасова: «…ни одной отрадной мысли… Он видит все в черном цвете… Как будто уже нет светлой стороны?..

А Карамзин еще в июле 1813 года в одном из писем графу Сергею Уварову, будущему министру просвещения, вопрошал: «…Доживем ли до времени истинного, векового творения, лучшего образования, назидания в системе гражданского общества? Разрушение наскучило…»

Так и просится современная ремарочка: прошло более 200 лет, а гражданского общества как

не было, так и нет. Все деспотия и самодержавие… (18 августа 2018 г.)

16 декабря — допечатал Виктора Шкловского, чертыхаясь из-за плохой ленты. И, как Франц Шуберт, закончив одну пьеску, взялся за другую для «МП» «Маркиза Помпадур и современные Помпадуры».

18 декабря — сторговались с директором издательства «Согласие» на издание книги «Золотые перья»: 800 долл. Аванс и 80 авторских книг. «По рукам?» — «По рукам!»

24 декабря — увы и увы, полицейское государство набирает обороты. Власть начинают ненавидеть не только интеллигенты (за исключением тех, кто ушел в холуи и «адвокаты дьявола»), но и ветераны-чекисты. Один из них, Павел Басанец, обвинил в предательстве Путина: «Для меня не существует офицера Путина» («МК», 13 декабря). Обвинение в национальном предательстве, в унижении народа в положении нищего быдла. Вот и 18-го нацболы устроили «Марш несогласных», несли плакаты «Россия без Путина». Какая-то старушка увидела стражей порядка с собаками и заплакала…

Ну, а мне не до маршей с плакатами, я — боец исторических воспоминаний, и 16 декабря в

«МП» с удовлетворением читал собственное творение «Великий абстракционист» — о Василии Кандинском.

Газеты полны материалов, посвященных 100-летию Брежнева: кто — «за», кто — «против». Кому застой, кому тихая стабильность. Резко высказался Александр Проханов: «Бездуховность современного общества — последствия цинизма, фарисейства брежневского времени». Боже мой, какая смелость!.. А я приступил к первому юбиляру 2007 года — Викентию Вересаеву.

По ТВ в программе «К барьеру» — любопытная дуэль: Никита Михалков — Виктор Ерофеев. Тема: изучение православия в школе. Победил в аргументах и доводах Ерофеев. А у Корнея Чуковского в дневнике случайно натолкнулся на фразу о папе Сергее Михалкове: «…Ведь уже седой, а такой мазурик». Такой же мазурик и Никита Сергеевич, «Отче наш»…

23-го в дайджесте «МП» вышел повторно Карамзин. А в ночь шел спектакль «Лес» в постановке Кирилла Серебренникова. Гурмыжская — Тенякова, Несчастливцев — Дм. Назаров, Счастливцев — Авангард Леонтьев. Яркий и любопытный спектакль.

На Рождество 25-го допечатал Валентина Ката-

ева, тоже по лексике Корнея Ивановича, мазурик. В «Культуре» крик Александра Кабакова: «Сегодня писать становится все труднее, жить на литературные гонорары невозможно, получение премий — дело разовое… Писание становится своеобразным хобби… через цензуру массового вкуса сегодня пробиваться труднее, чем через политические запреты 20-летней давности…»

Оп-па! Куда доехали! Веселися, храбрый росс!..

26 декабря — обед-заседание в зале «Творчество» под коньячок и елочку. Редкий случай: индивидуал и нелюдим Ю. Б. в компании пишущих, рисующих и говорящих коллег. К примеру, Станислав Айдинян работал секретарем у Анастасии Цветаевой.

«О ком вы сейчас пишете?» — спросил известный галерист и критик Григорий Израильевич. Я ответил: «О Некрасове, Данииле Андрееве, Стефане Цвейге…»

Он: «Какая у вас хорошая компания». Но, увы, только виртуальная.

27 декабря — отвез в «МП» Вересаева и Катаева, а затем на Полянку в «Молодую гвардию». Подписал книг 20. Один читатель благодарственно жал руку: «Какие интересные книги: столько нового узнаешь!..» Если до меня кто-то мало читал, то,

конечно…

29 декабря — бью рекорды: в «Московской правде» в одном номере сразу три моих материала: об Андрее Тарковском, о маркизе Помпадур и гороскоп на следующий 2007 год — «Год Свиньи». А 30-го в дайджесте перепечатаны Некрасов и Кандинский.

«Какие были времена!..» — восклицаю я, собирая эту книгу осенью 2019 года. Я целиком тружусь на ниве просвещения и отечественной культуры, а Володя Вишневский резвится:

Любимая, пусть ты мой идеал —
Других же баб никто не отменял.

И туда же давно немолодой Эдичка Лимонов:

О, девки стройные! Как жопой вы виляли…

И совсем иное настроение у тяжело больного Андрюши Вознесенского: «Боль адская. Блядская акция».

Кому что: время резвиться и время сокрушаться и рыдать… А у меня вышли две книги, еще две готовятся. Плюс 85 газетно-журнальных публикаций. Много выступлений и презентаций в книжных магазинах, в библиотеках, по радио

и ТВ.

31 декабря — 30-го допечатал материал «Январские художники-юбиляры: Гюстав Доре, Эдуард Мане, Иван Шишкин — всем по 175 лет, они с 1832 года… По радио и ТВ подводят итоги года, и где-то прозвучали веселые частушки: «Прохерили страну…»

Ну, а мои личные достижения — результат упорного и усердного труда. «Не позволяй душе лениться…»

2007 год — 74/75 лет

Две книги: «Все о женщинах» (АСТ) в мае и «99 имен Серебряного века» («Эксмо» — три тиража). На книжной ярмарке выступал за АСТ и «Эксмо». Много материалов в прессе, только в «Московской правде» вышло 136 публикаций, в том числе в нескольких номерах переписка Цветаевой с Пастернаком. Весь год в «Алефе», среди прочего о трех друзьях — Тынянове, Эйхенбауме и Шкловском, в «Аккорде» — «От Вертинского до ТАТУ». 2 марта — юбилей, 75 лет, 11-го юбилейный вечер в ЦДЛ. Несколько интервью. В сентябре первый индивидуальный тур: Италия, Сан-Ремо, Франция, Монако, Генуя, Ницца, Монте-Карло.

Ну, а теперь эпиграф:

> *Художник видит перед собой единственную задачу — рассказать о себе, выразить себя, поделиться своими впечатлениями об окружающем.*
>
> ***Булат Окуджава***

1 января — тусклый, серый день. Снег, дождь, грязь, слякоть. По Саше Черному: восемь месяцев

зима, вместо фиников — морошка. Так и тянет из окошка о мостовую брякнуть шалой головой. Ведь правда тянет?.. Ще определила ситуацию по-своему: «Знаешь, что нам с тобой не хватает? Красоты…»

Новогодние звонки, около 30, среди них: Даль Орлов: «Пишу мемуары, пока ничего не забыл». Игорь Фесуненко: «Сколько у тебя книг? У меня 15…» Саша Стрижев: «Нет у нынешних людей уюта в душе…»

Ночью придумал новую книгу «Алфавит житейской мудрости», типа Флобера на современный лад. (Увы, проект не осуществлен — 29 окт. 2019 г.)

2 января — насмешила Лика звонком из Тбилиси: «Почему Юру не показывают по телевизору?»

5 января — вышел номер «Московской правды» — меня нет. Ще в ответ на мое недоумение: «Дай другим попечататься…» Сел печатать первый материал года о Бомарше и Фигаро. Устал. Слушал диск Тимура Шаова «Деревенька моя — хрен с петрушкою…» А потом включили фильм «Давай займемся любовью». Миллиардер Жан-Поль Клеман (Ив Монтан) и певичка Аманда (Мэрилин Монро). Классно снято. Легко и изящно…

7 января — Рождество. Запрет на печатание. А

читать можно? Читал дневник Юрия Нагибина: «Карябание пером еще доставляет радость, но если это уйдет, тогда конец. Надо, надо держаться за слово, как за спасительный круг, иного ничего не осталось…» (20 марта 1957 г.)

«Что со мной происходит? Нервы разболтались окончательно. Я все время стремлюсь в отчаяние…» (август 1984 г.) И это пишет успешный писатель? Меня тоже достает иногда уныние, но не настолько, как Юрия Марковича.

8 января — печатаю материалы наперед: решил объединить даты Джойса и Хармса. Потом взялся за Пушкина. Любопытно, как лихач Маяковский недоумевал в 1918 году: «А почему не атакован Пушкин?» Всех классиков и авторитетов сбросить с парохода современности? А капитан — Владимир Владимирович с кучей партийных книжек?..

11 января — погода — жуть. В 13 часов на термометре +9!

12 января — допечатал Пушкина к 170-й годовщине гибели, 12 стр., монтаж из пушкинских строк. Его убило отсутствие воздуха. Георгий Иванов в обращении писал:

> *Александр Сергеич, вам пришлось ведь тоже*

Захлебнуться горем, злиться, презирать,

Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

Конечно, Пушкин — это наше все. Но и стоматолога в жизни нельзя игнорировать. Приход к Ольге Васильевне: «Какой зубик сегодня?..» Увы, не лечить, а депульпировать и готовить опоры для будущего моста. Увлекательный сюжет, но не для читателей этой книги. Оставим зубную эпопею в стороне, отметив, что она очень досаждала, мучила автора и основательно опустошала кошелек. (30 окт. 2019 г.)

13 января — маленькая компенсация за зубы: в «Московской правде» три материала: «Искатель правды» — Викентий Вересаев и юбилеи художников: Доре, Эдуард Мане и Шишкин. И третий материал: повтор Даниила Андреева в дайджесте «МП». И гонорар на зубы?..

Итак, Викентий Викентьевич Вересаев. Имя почти забытое. На слуху бессовестные политики, полуобнаженные поп-дивы, поющие под фанеру, предприниматели-чекисты, делящие тайно или явно собственность, и еще Бог знает кто, кому сопутствует ветер дикого капитализма…

Так я начал свой материал, который вошел в книгу «69 этюдов русских писателей» (2008).

Вересаев признавался, что у него «далеко в глубине души, в очень темном ее месте прячется сознание, что я все тот же мальчик Витя Смидович…», а не писатель и не доктор.

В «69 этюдов» вошел текст «Роза Мира» Даниила Андреева» о борьбе сил добра и зла, об Антихристе, подручном Сатаны. Судьба самого Даниила Андреева была трагичной.

Мне иногда удивительно, чем я заполняю свою жизнь: собираю из разрозненных фактов и событий летопись русской истории и литературы. Да еще веду тягучий дневник. Дневник — как прием у врача-психотерапевта. Что-то узнал, осмыслил, выговорился сам, и стало легче.

21 января — до 75-летия осталось 40 дней. И печалят чужие уходы: поэт Натан Злотников, писатель Виктор Липатов (главред «Юности»). И 15 января накатило, и написал что-то вроде верлибра:

Старость — это когда
Ничего не хочется делать,
Никого не хочется видеть,
Ни с кем не хочется говорить.

И только одна мысль
Продолжает башку сверлить:
«Господи, когда кончится эта канитель?..»
Все равно жизнь — это стрела,
Не попавшая в цель,
Пролетевшая мимо.
Как и все прочее, об этом писал Блок
И, кажется, Есенин.
У всех были эти чувства —
Неисполнимость желаний
И времени, которое подлетает к концу,
Как в песочных часах —
струйка исчезла.
И пустота. Пустота. Пустота…

Сказал — и облегчил этим душу. Не помню, как это звучит по латыни. А пока переживал, еще одно известие: умер 52-летний Андрей Черкизов с «Эхо Москвы», ушел — и попал в разряд «великих» (ох, любят у нас мертвых, и сразу венок на голову).

15-го в «МП» вышел долгожданный Георгий

Валентинович Плеханов, 16-го — Надсон. Рыдающий поэт. Давно нет его, но эхо его слов доносится до нас:

Друг мой, брат мой, усталый
страдающий брат…
Верь, настанет пора и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!..

Верить, конечно, можно. Только вера эта напрасная, ибо никогда не придет любовь на землю. Никогда не осуществится гармония людских интересов. А зло, ложь и обман будут победно разгуливать по этой грешной земле. Я — не романтик. Я — пессимист.

Что еще? В «МП» напечатан Валентин Катаев. По ТВ был документальный фильм о Юзе Алешковском — Россия, Америка, джаз, Армстронг и, конечно, незабываемые строки Юза: «Товарищ Сталин, вы большой ученый…»

Римма Казакова в «МП» жаловалась на невостребованность и вообще на жизнь, в которой живется «погано». Ну, а я жалуюсь в основном на зубные проблемы…

23 января — допечатал Гоголя, 12,5 стр. Хорошо получилось или плохо — не мог оценить. В «Изве-

стиях» неплохая статья Явлинского. Наш Чацкий. По полочкам все разложил, но только это ничего не изменит. Бал правят Скалозубы и Молчалины из Лубянки. Каждый день в стране ЧП: пожары, убийства, дедовщина, репортажи из зала суда и т. д. А общество молчит. Эмбрион в зачаточном состоянии…

25 января — под утро свело ногу. Встал — вступило в поясницу. Во рту ералаш. Но тем не менее поехал в «Автобус»: киностори двигают к книге, но я мечтаю о «Серебряном веке». Но в целом, вроде бы, все неплохо, но все равно внутри какой-то скулеж. Но читаешь письма Марины Цветаевой, и стыдно: «Нет ли у вас немножечко свободных денег? Мы погибаем. Все ресурсы разом прекратились, а «Новая газета» статьи не взяла…» (из письма Гронскому, конец февраля — начало марта 1931 г.). Вечером читал переписку Цветаевой, устал, включил ТВ, там очередная хрень.

30 января — на Николо-Ямскую в издательство «Совпадение» привез рукопись «Золотых перьев», заключил договор и аванс 21.600–800 долларов. Бывает же такое? А по «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский выдал крик: «Я — никто! Дают немного повыступать, поговорить — и все!» И по поводу пресс-конференции в Кремле: «Все

подобострастно бросились туда и с радостью припали к копытам…» Однако лихо!

31 января — презентация журнала «Аккорд», в номере мой текст «От Вертинского до ТАТУ». Вспомнил, помимо Вертинского, про Изабеллу Юрьеву, Л. Русланову, Кето Джапаридзе, Тамару Церетели и других прежних кумиров, которых обожал в младые годы. И вот нынешние «татушки» — симпатичные мордашки, полуобнаженные и что-то лепечут, и пипл «хавает все». Прошлое ушло, ускакало, и только, как поется в романсе: «Вьется пыль из-под копыт».

Упомянул копыта в разных значениях: на эстраде и царских дворцах. Ну, а в «Аккорде» был еще фуршет и классическая фраза: не по зубам. Увы и ах!..

1 февраля приезжала молодая журналистка Наташа Рогило подбирать иллюстрации для интервью и рассказывала о первом своем визите с маленьким Егоркой, который всем рассказывает, что был «у настоящего писателя, у него борода и тетя, которая жена…».

Ну, а мне пришлось ехать в «Эксмо» на ул. Клары Цеткин и познакомиться с завотделом Анной Кориной, которая будет заниматься моей книгой. «Серебряный век». Не верю!.. А еще

взяли рукопись «Дорога на эшафот» — русские классики и советские писатели. «Лед тронулся, господа присяжные!» — подумал, вообразив себя Остапом Бендером. И отправился на Савеловский за февральским номером «Алеф». А там! Два моих материала: Борис Эйхенбаум и Андрей Тарковский (пошли подарки к 75-летию). Какие люди! И какие трудные судьбы. В 30-е Борис Михайлович был в немилости и занимался только предисловиями к русским классикам, на что его друг Виктор Шкловский возмущенно предлагал: «Брось ты эти комменташки!» А как мог бросить Эйхенбаум этот свой единственный заработок?.. А разве я не трачу свои силы и способности на те же «комменташки»? В «Алефе» получил 120 долларов и в авторском рейтинге занимаю первую строчку, а из Америки приходит много благодарственных писем с восхищением в мой адрес. Неужели обошел свою ровесницу Римму Казакову?.. И уж точно обошел по тратам на зубные протезы. Как гонорар — так сразу деньги на зубы. Смешная закономерность…

3 февраля — в жизни не только газеты и книги, но и хозяйственные заботы. Ходил на рынок, — ветер исхлестал все лицо, мерзнут руки, из носа льет. Натерпелся, но все купил и принес то, что

нужно, благо в вазочке на серванте появились деньги. В фильме Михаила Калика «И возвращается ветер» (1991) еврейская мама говорит сыну: «Господи, как ты будешь жить в этом поганом мире!» А совсем недавно, в советские времена, чуть не каждый день звучала «Песня о Родине» (слова Лебедева-Кумача):

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

Всюду жизнь и вольно и широко,
Точно Волга полная, течет.
Молодым — везде у нас дорога,
Старикам — везде у нас почет…

Ну, и прочая лапша на уши:

«Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек».

6 февраля — проснулся в 4 утра. Снилось, что нашел золотые монеты… и от радости проснулся. Медные есть, золотых нет. В «МП» вышел Пушкин. Поехал в редакцию и набрал газет. Отдал

Егорунину порцию написанного на март: Гоголь, архитектор Баженов, Дягилев, Замятин и мартовские страсти (любовь, любовь!..). Егорунин обласкал и назвал «любимым автором» (все в срок и качественно). Окрыленный, зашел в «Вечернюю Москву», благо рядом. А Сережа Борисов открытым текстом: «Вас больше не хотят… вы в черном списке…» Как туда попал, почему, чем неугоден? Или кому-то перешел дорогу, и убирают конкурента? Короче, прощай, «Вечорка»! От нее останется только куча вырезок в личном архиве. А я для «МП» уже долблю Алена Делона, киноодеколона, размахнулся аж на 14 стр.

Экономист Михаил Делягин, кажется, в «МК» подвел итоги: последний год «затухающего благополучия» путинского мира.

11 февраля — в какой-то день выступал в Синагоге на Бронной перед волонтерами (14 человек). Рассказывал всякие истории, в том числе про Шаляпина. Читал стихи… Ездил в Плехановку за билетами на торжественный вечер в Кремлевском дворце. Не узнал родные места. 9-го приезжала маститая журналистка Сергеева из «МП» брать интервью. Два часа пытала вопросами под диктофон. Принят к изданию «Серебряный век» в «Эксмо». В дайджесте МО повторение Пушкина и

Бомарше. По «Эху» резвился Виктор Шендерович: «фараонова вертикаль», «сероглазое наше эхо сталинской эры» (о В.П.). Власть делает столько ошибок, ляпов и глупостей, что сатирикам и юмористам любо-дорого развернуться.

12 февраля — комментарий какого-то западного издания на путинскую речь в Мюнхене: апофеоз наглости.

13 февраля — в «МП» напечатали «Дмитрий Кудрин — «летописец и лирик».

Как побил государь
Золотую Орду под Казанью…

Это — эпос, а вот лирика: «Есть у каждого бродяги / Сундучок воспоминаний…»

У меня этот сундучок воспоминаний переполнен, а еще целый сундучище вырезок публикаций из газет и журналов. Такой вот литературоцентричный человек, и эта книга, возможно, интересна лишь тем, кто любит литературу, шуршать страницами книг, вспоминать, сопоставлять и цитировать… (2 ноября 2019 г.)

15 февраля — в «НГ», в Экслибрисе рецензия на мою книгу «Кино Story». «Сквозь книгу беллетризатора» — мало про фильмы, все больше про судьбу…» А теперь коронная фраза про погоду:

жуткий снегопад. Все бело.

23 февраля — неделю не прикасался к дневнику, а что в ней было? 18-го ездил на запись ТВ-программы «Апокриф» к Виктору Ерофееву. Он обращался ко мне по-приятельски «Юра». Хотя какой я для него Юра: с ним я не дружил и водку не пил. Сидел за столом рядом с Катей Гордон. После записи Ерофеев улетел на писательский форум в Бомбей, а где же мой Бомбей, хоть тарелку разбей!..

9-го с Хачей в Кремлевский дворец на 150-летие Плехановки. Кругом серьезные люди. Я не удержался и пошутил при регистрации, мол, поступил в Плехановку еще до революции, в одной группе учился с Надеждой Крупской. Никто не удивился и не улыбнулся: в Кремлевском дворце не шутят. Среди пяти тысяч приглашенных никого не увидел из выпуска 1957 года. Расстроился и Хачатуров, что его не чествуют как заместителя министра, и явно заскучал…

22-го приходила солидная дама Ольга Мартыненко из «Московских новостей», брала интервью в связи с моим юбилеем.

28 февраля — последний день зимы, последние денечки 74-летия. Случайно достал свой старый дневник, где отмечал 52-летие. И что писал 4 мар-

та 1984 года: «…Ничего светлого не вижу впереди. И вообще настроение — писать завещание… Радуют только книги (добавлю: которые не писал, а только читал — 2 ноября 2019 г.). Старость стучится в дверь. До пенсии осталось 8 лет. Как сложится жизнь?»

Никто не знал своего будущего, и многие сошли с жизненной дистанции. А потом все вдруг поменялось: перестройка, распад СССР, новая Россия, и здравствуй, капитализм с его гримасами…

1 марта — с Эдуардо ездили в «Радугу», и спонсор закупил 75 книг «Клуб 1932» для вечера в ЦДЛ.

2 марта — пятница и аккурат 75 лет. В «МП» вышло интервью, которое брала Сергеева, — «Логика широкого дилентантизма» с подзаголовком «Человек-жанр». Все вроде бы по делу, но с убийственной ключевой фразой «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Углядела, интервьюерша. А в «Московских новостях» (тираж 55.750) материал Мартыненко «Весь слабый пол» о готовящейся книге «Все о женщинах». Две газеты — и только, и выразимая тоска о премии, если выражаться литературно. Ще подарила коробку конфет «Мерси», на что я тут же откликнулся:

За все тебя благодарю:

За эту странную весну,
За снег и слякоть,
За страну и за Луну, —
И даже за свою судьбу благодарю.
Merci — тебе я говорю.

Куча телефонных звонков, и выделяю приглашение в «Эксмо» на подписание договора. Приехал Эдик с огромным букетом из 13 кремовых роз (он любит цифру «13», считает, что она приносит удачу) и большую медную (?) медаль с цифрой «75», можно носить и сгибаться под ее тяжестью. Поехали на Волхонку, посетили в новом корпусе личных коллекций выставку Павла Филонова. Посидели в кафе. Прошлись по Волхонке мимо своих родных мест. Затем в «Седьмой континент», где Эдик щедро накупил всякой всячины и вкуснятины. Далее к нам домой, куда подъехал Леша с Алисочкой, и получилось небольшое родственное застолье. Короче, спасибо Э. за хороший юбилей.

6 марта — вернулись в рабочую обстановку, и куча скопившейся прессы. Мэра Архангельска раздавила госмашина за то, что он «руководствовался романтической книжкой — Конституцией своей страны» («Новая газета»). «У нас в России

не капитализм, а каннибализм. Богатые кушают бедных. Государство в роли официанта…» Это, если отвлечься от юбилейных приятностей…

Вышел мартовский «Алеф» с Ильей Сельвинским — «Гаргантюа поэзии». У него много любопытных и острых строк, к примеру, в стихотворении:

Кто-то насмешливо фыркнул: — Гений!
И тут-то певун заорал из дверей:
— Кто сказал «Гейне»? Никаких Гейне:
Гейне — еврей!

Или такие строки:

Бывал влюбленным я, но не любил.
Любовь? Не знаю имени такого.
Я мог бы описать ее толково,
Как это мне Тургенев объяснил…

Сельвинский, как и я, путешественник по векам, странам и именам. «С Петром Великим был я под Полтавой, / А с Фаустом о жизни говорил». И точное понимание: «Бессмертья нет. А слава только дым…»

А днем поехал в Домжур. В Белом зале за столом

собрались 32 женщины (от «Правды» до ЗОЖа (Здорового образа жизни). И один мужчина — это я, и пришлось после Щербины поздравлять женщин с наступающим 8 Марта. А потом угощение: рыбка и шампанское. И плюс подарок: духи. Переподарил Щекастику.

7 марта — никакой премии от Союза журналистов не получил (грамота не в счет), но в «МП» вышла рубрика «Это случилось в марте», и в «Литературке» помещено объявление о вечере в ЦДЛ.

Готовя эту книгу из дневниковых записей, я все время сокращаю и сокращаю личные записи: что писал, куда отвез, сколько получил за труд, с кем встречался, где выступал, зубы и прочие проблемы самочувствия, бытовые-хозяйственные заботы и т. д. Для читателей все это малоинтересно, поэтому подчас прибегаю к советскому журналистскому термину «оживляж». И вот рубрика «Это случилось в…» — как раз для читателей. Приведу выжимки из нее. Начало такое:

О первом месяце весны Тютчев писал:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят.

Весной шумят не только воды. Весной начинает

бушевать кровь. Многие поражены любовной лихорадкой. Всякое случается по весне, и «давайте вспомним, что именно происходило в марте.

7 марта 1563 года в замке на реке Луаре французская регентша Екатерина Медичи встретилась с вождем реформации, принцем Конде, и заключила с ним пакт о мире, а в качестве подарка предложила ему молоденькую Изабеллу де Лимей. Принц Конде с удовольствием отведал все прелести юной мадемуазели. А во Франции на некоторое время установился мир. И все были довольны.

14 марта 1719 года по приказу Петра I была казнена его любовница Мария Гамильтон за измену царю. Напрасно Мария Даниловна молила о прощении. Петр был непреклонен, и ее голова скатилась с плеч… Ну, а дальше чистое византийство. Петр поднял отрубленную голову, поцеловал помертвевшие уста и отшвырнул голову от себя. Крутой был у нас царь Петр Алексеевич, крутой!

13 марта 1890 года поэт Константин Бальмонт поссорился со своей первой женой Людмилой Гарелиной и в итоге выбросился из окна 3-го этажа гостиницы «Мадрид» на углу Тверской улицы и Леонтьевского переулка. В итоге Баль-

монт покалечил ногу, развелся с женой, женился еще дважды или трижды. Короче, по строчке стихотворения Бальмонта: «Я вольный ветер, я вечно вею…»

В течение марта 1914 года бурно развивался любовный роман Александра Блока с 35-летней исполнительницей роли Кармен, оперной певицей Любовью Андреевой-Дельмас… «О, как божественно и глупо — давно не было ничего подобного…» — записывал поэт в дневнике. 29 марта — «Все поет». Но недолго музыка играла.

Что было любимо — все мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути…

Снова Франция. 9 марта 1796 года — брачная церемония в парижской мэрии; генерал Бонапарт связал свою жизнь с креолкой Жозефиной. Писатель Алданов отмечал, что Наполеон любил Жозефину, хотя она порой чрезвычайно его раздражала.

5 марта 1826 года — еще один брак. Федор Иванович Тютчев женился на немке, вдове Элеоноре Петерсон. Не очень удачный брак. Тютчев был женат на Элеоноре, а стихи писал другой женщине…

Моя нога касается твоей,

Ты мне ответ даешь — и не краснеешь…

Непростые отношения с женщинами, как и у Тютчева, были у художника Пабло Пикассо. 2 марта 1961 года 79-летний Пикассо в очередной раз женился — на Жаклин Рок. В день свадьбы Пабло нарушил свой обычный распорядок и не ушел, как было принято, в 21.30 рисовать… Пикассо умер 8 апреля 1973 года, а 16 октября 1986 года Жаклин покончила счеты с жизнью, выстрелив себе в висок.

15 марта 1964 года в Монреале зафиксировали брак две кинозвезды — Элизабет Тейлор (член «Клуба 1932») и Ричард Бартон. Бурный союз. Ночью пылкие любовники, днем — непримиримые соперники, каждый хотел переиграть в славе другого, признавалась Элизабет Тейлор.

20 марта 1969 года — свадьба Джона Леннона и Йоко Оно. Спустя пять дней, 25 марта, Леннон и Оно провели первую публичную акцию «В постели за мир». Акция имела широкий успех. Лучше любить, чем воевать!..

Но это кратко, а в газете на целую полосу с подробностями, с концевыми строками Осипа

Мандельштама:

Я скажу тебе с последней прямотой:
Все лишь бредни — шерри-бренди, —
Ангел мой!

Немножко порезвились и вернемся к хронике.

11 марта — в субботу 10-го состоялся юбилейный вечер в ЦДЛ, афиши не было, оказывается, за нее надо было платить, и меня никто не предупредил. Эдик привез нас на машине за час до начала, и мы в буфете тяпнули по 50 грамм коньячку. В зале собралось, по подсчетам Бори Кузнецова, 121 человек. Много знакомых и незнакомых, из писателей — никого. Зато подарков было множество — от бутылок, цветов до ручек и книг. А Андрей Мирошин принес напечатанное интервью в «Книжном обозрении» в рубрике «Персона» с вынесенными моими словами «Пишу коротко, емко, эмоционально». Среди вопросов: почему вас так привлекает жанр коротких «портретных биографий? Я ответил: «Я потому и не пишу больших прозаических полотен, что убежден: жизнь моих персонажей круче любого придуманного романа…» И еще цитата из интервью: «Во всех книгах я пишу о том, что в данную минуту неинтересно публике, а исключительно

о том, что интересно лично мне. В судьбах героев я стараюсь находить ответы на свои вопросы, страхи, тревоги. Эта личностная нота, как мне кажется, и создает контакт между моей книгой и читателями».

Выступали на вечере многие, выделю слова Стрижева о том, что «книги Ю. Б. недооценены, и их популярность еще впереди». Многие даже читали стихи в мою честь, однако они меня не взволновали. Написали — и хорошо… Есть люди, которые любят юбилейные «зверства», я не из их числа.

А, кстати, о юбилеях. Корней Чуковский отметил почтенную дату таким четверостишием:

Ведь этот срок не шутка,
Хоть мил еще мне свет,
Шагнуть мне как-то жутко
За 75 лет…

Юбилей Корнея Ивановича отмечали в ЦДЛ. Поздравлений было много, а в ответ Чуковский записал в своем дневнике: «И я казался себе жуликом, не имеющим право на такую любовь». Такое не каждый может написать…

А Анна Ахматова сбежала от юбилея 75 лет в

Комарово, и в июне 1964 года в Ленинграде не было никаких официальных мероприятий.

Самуилу Маршаку исполнилось 75 лет — 3 ноября 1962 года. «Это не юбилей, голубчик, а убилей, — говорил Маршак Лакшину. — Юбилей надо праздновать в 14–16 лет, тогда от этого получаешь полное удовлетворение…»

18 марта — букеты цветов стояли во всех комнатах еще неделю, источая юбилейный аромат. 13-го в «МП» вышел Сергей Дягилев во всем творческом великолепии. 14-го в «Литературке» отмечен в «Колонке на троих», вместе с двумя женщинами-прозаиками из Кемерово и Твери. Судя по их жалобам, я — весьма успешный «товарищ». Ездил на книжную ярмарку на ВВЦ, на стенде «Радуги» стоят мои четыре книги. На следующий день поездка в АСТ за гонораром (роялти). Далее рабочие будни, а 17-го завершил материал о Герцене. И жизнь вся в ожидании 4 книг: «Все о женщинах» вот-вот должна выйти, «Золотые перья» в производстве, «Серебряный век» принят в издательстве, «Октопус» ждет продолжения «Киностори…»

25 марта — был звонок из Сеула, плохо слышно, но, кажется, готовят к изданию «Веру, Надежду…»… 19-го исторический в некотором роде день:

выбросил архив, связанный с мировым злом. Собирал-собирал и выкинул: не хочу заниматься злом!.. Отвез очередную порцию материалов в «Моск. правду» на апрель, и вышел Евгений Замятин. Его роман «Мы» предвосхитил утопии Оруэлла и Хаксли. Детей у Евгения Ивановича и его жены Людмилы Николаевны не было, и писатель говорил: «Мои дети — мои книги, других у меня нет».

21-го Наташа Рогило повезла нас с Ще до метро «Коломенское» в библиотеку № 225 (без имени писателя). Собралось 30 человек местных жителей. Выставили мои книги, газеты, журналы, выдержки из Интернета, снимали на кинокамеру, да еще я подписал 37 книг, заранее кем-то купленные в «Радуге». По такому приему я впал в кураж, и все прошло, можно сказать, на ура! А потом был чай с пирожными и «гонорар» — большая коробка шоколадных конфет. Даже мелькнула мысль: неплохо быть писателем, тебя почитают, любят и ублажают…

23-го занимался Лидией Чуковской, а на следующий день давал интервью газете «Сокол», журналистке-нацменке Айне. Ее отец — водитель авто, и охранник (все разом) с моего разрешения осмотрел нашу трехкомнатную квартиру

и озвучил вывод: «Юрий Николаевич, вы такой знаменитый человек, а живете так небогато…» Я рассмеялся. Книги, бумаги, архивы — вот мое богатство! Проводили гостей, пошли подышать, и неожиданно купили мне немецкую куртку-ветровку — гонорары позволяют… Ну, а 24-го отмечали 69 лет Эдуардо в ресторане на Сретенке, название иностранное, в переводе «Простые удовольствия». Вкусно и дорого. Ну, а сегодня, 25-го, поход на рынок за продуктами и допечатал текст о Черубине. Такая вот напряженная жизнь пенсионера!

27 марта — в «МП» появилась первая часть Гоголя. Болезненный крик Николая Васильевича:

«О, юность моя! О, моя свежесть!.. Отдайте, возвратите мне, верните юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего, того, который был, был! О, невозвратно все, что есть на свете!..»

И я так могу кричать и кричу иногда в стихах, да что толку в этих криках. Старость и немощь надвигается, как танк, а ты в окопе, такой маленький, жалкий и беззащитный (19 августа 2018 г.).

3 апреля — Останкино. Программа «Доброе утро». Ведущая — Наталья Потешная. Потешно и грустно то, что никто ничего не знает, и все, что я

рассказывал для них, — откровение. Боже, какая дремучесть наших СМИ!

Ну, а я весь в энциклопедическом разлете готовлю, печатаю, читаю уже вышедшее: Леонардо да Винчи, Гоголь, Герцен, Марлон Брандо, Ричард Гир, Лидия Чуковская и др. Для «Аккорда» придумал: музыкальные инструменты в русской поэзии — «Арфа, гитара, скрипка…». Для «Московской правды» — «Цицерон и цицерончики».

6 апреля — более подробно об еще одной публикации в «МП» — «Добрый Бармалей Корней Иванович». Начало такое: «Среди современных монстров и франкенштейнов, терминаторов и гарри поттеров, слава богу, не затерялся замечательный Бармалей и Мойдодыр — Корней Иванович Чуковский». Публикация относительно большая и подробная о его жизни и творчестве.

С детства нелепый простак, выгнанный из гимназии, мечтал убежать куда-нибудь в Австралию. Не убежал, а стал газетчиком и литературным критиком. Однако жизнь была далеко не сахарной. Достаточно вспомнить нападки Надежды Крупской в «Правде» от 1 февраля 1928 года: «Надо ли давать эту книжку маленьким ребятам, — писала она в «Крокодиле», — …не надо, потому что это буржуазная муть». А что надо? «Нужна

тематика строящегося социализма».

Я обожаю дневник Корнея Ивановича, в котором он поведал о своих творческих писаниях и мытарствах. Мало кто посмеет написать о себе так, как написал Чуковский:

«Я неудачник, банкрот. После 30 лет каторжной литературной работы — я без гроша денег, без имени, «начинающий автор». Не сплю от тоски…» Это написано в 1932 году, в июле, в год моего рождения.

И еще: «Я не знаю за собой никаких талантов, кроме одного — беззаветного труженичества».

22 апреля — в «МП» вышел Леонардо. В издательстве «Согласие» подбирают «мордашки» для обладателей «Золотых перьев».

Конец апреля — начало мая. Ще в гипсе — правая рука. Наш спаренный телефон распарен. Эпопея со стеклопакетами…

16 мая — на Тишинку на выставку «Эрос. Москва 2007», куда привезли только что отпечатанную книгу «Все о женщинах» — несколько пачек. Как почетный гость, разрезал красную ленточку открытия выставки. Участвовал в пресс-конференции «Женщина XXI века». Ну, а выставка «Эрос» не впечатлила. Если бы в 1949-м! Тогда был бы в восторге и ошеломлении.

Что в имени тебе моем?
Ты оцени груди объем…

И последний перл Володи Вишневского: «Ты мне роди, а я перезвоню».

Мне после выставки звонили из эротических изданий «Мистер Х» и «Искушение», но я отказался что-либо для них делать: не мой жанр, не по возрасту. Другое дело — деятели литературы и культуры. Ими в мае и занимался: Гончаров, Стравинский, Тенишева, Арсений Тарковский. В мае читал верстку «Серебряного века».

8 июня — в «Говорит Москва» в программе «КнигОбоз». Ведущий Дорохов сказал, что где бы он ни работал, везде на полочке стоят книги Ю. Б., как необходимые справочники.

Июль, август

Страшно даже перечислять, чем занимался, что писал и что выходило в СМИ: ровесники с 1932 года, Григорий Горин, художник Боровиковский, поэт Случевский, ученый Вавилов, Борис Пастернак, Изабелла Юрьева, Фолкнер, Сумароков, Сухово-Кобылин…

30 августа — напечатал Фонвизина, сел за Радищева. Ездил в «Алеф», там напечатаны «Ночь убитых поэтов» и Натан Эйдельман. Отдал Кир-

санова. Получил денежку. Такая вот се ля ви…

Натан Яковлевич Эйдельман не попал в толстенный биографический словарь «Русские писатели XX века» — это несправедливо. Он писатель и историк, любил даты, как и я. Преклонялся перед Герценом. В «Золотых перьях» я сделал такую концовку об Эйдельмане: «Он верил в альтернативность истории, а не в какие-то упертые, стоящие властным столбом вертикали».

* * *

Сокращал дневник, сокращал… перечитал сокращенный вариант, стало жаль опущенные строки и события. Откручу время назад, благо на бумаге все возможно, и восстановлю некоторые записи, да простят меня читатели за нарушение течения хроники.

7 апреля — в конце марта умер Володя Куриленко: не вписался в новые времена, в рыночные отношения, нечего было предложить СМИ, и мой успех болезненно повлиял на него, наверно, думал: «А чем я хуже?!..» Куриленко — 7-й из школьной поры: Смурыгин, Давидовский, Голубничий, Меркулов, Дина, Лена Чижова… Вот и Анатолий Щуплов (род. 3 апреля 1949 г.) — я с ним не встречался, но читал его опусы с удоволь-

ствием, — «Грустный скоморох», как написали в газете. Под влиянием этих печальных новостей (умер и Михаил Ульянов) написал строки:

Уходят люди. Исчезают,
Как легкий дым от папирос,
Куда уходят? Кто их знает —
В обитель ночи или роз.

Ушел Щуплов, ушел Ульянов,
Как длинен перечень смертей.
Кто запоздал. А кто и рано,
Не удостоившись статей.

Уходят люди. Исчезают.
Дымок рассеялся давно.
И никого не удивляет
Вот это жуткое кино.

Среди прочего напечатал текст о Леонардо — 555 лет со дня рождения. В «МП» передали письмо от «рядового пенсионера»: «Я читаю все, что выходит из-под Вашего пера, и это доставляет мне большое Удовольствие. …Поражаюсь энциклопедичности Ваших знаний. Недавно читал ваш чудесный очерк о блистательном чародее Сергее

Дягилеве...» Читатели восторгаются, профессиональные критики злобно молчат.

10 апреля — в большом зале ЦДЛ вечер, посвященный Андрею Тарковскому. Молодых было явно больше, чем стариков, которые знали и работали с Андреем, для молодых вечер памяти — просто тусовка. В целом получилось сбивчиво и сумбурно и обошлись без моего выступления. Моя задача: писать об Андрее, а не говорить зряшное и пустое, как получилось у Сергея Соловьева.

26 апреля — позвонил и поздравил с 85-летием академика Сигурда Оттовича Шмидта, он в ответ пожелал себе и мне не спешить попасть в Московскую энциклопедию, ибо там представлены только те, у кого две даты — рождения и смерти. Оба посмеялись.

1 мая — Ще с загипсованной рукой. Читает «Обрыв». Я помогал делать обед и попутно заявил, что являюсь «мастером эссе и салатов».

3 мая — в «Алефе» репортаж о моем вечере в ЦДЛ и напечатан материал о Викторе Шкловском. — «Филологический гений». (Потом из «Алефа» эссе перекочевало в книгу «Золотые перья»). Вот несколько цитат из книги Шкловского «Третья фабрика» (1926):

«Не хочется острить. Не хочется строить сю-

жет. Буду писать о вещах и мыслях, как сборник цитат».

«И дайте мне заниматься специальными культурами. Это неправильно, когда все сеют пшеницу».

«Жизнь не выходит, если думать, что она для тебя».

Гений и мудрец этот Виктор Борисович Шкловский… От таких личностей подзаряжаешься энергией и мудрыми мыслями.

23 мая — допечатал Наталью Гончарову, небольшого Стравинского и достал досье на Арсения Тарковского. Весь в знаменитостях… В «Эксмо» получил верстку «Серебряного века», — 638 страниц. Доброхот Стрижев: «Тебя надо выдвигать на Букера!» Ну и выдвигай. Молчит. А пока ни Букера, ни Пукера…

7 июня — смешной звонок из «Эксмо»: нет Адамовича — потеряли фотоснимок. Прямо по Маяковскому: где Прокопович? Нет Прокоповича…

16 июня — 14-го в «МП» вышел Батюшков:

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительные кары…

А сегодня появился на страницах «Цицерон

повлиял…» — долгожданный мой материал о Цицероне и цицерончиках, в котором я порезвился, приведя перлы современных политиков:

Владимир Путин: «Когда плохое настроение, общаюсь со своей собакой Кони. Она мне дает хорошие советы».

Дмитрий Аяцков: «От каждого зависит судьба России, от каждого! Кто сидит с сигаретой, кто стоит на кухне, кто еще не одел брюки — пусть знают, что от них зависит судьба России!»

Никита Михалков: «Русским может быть только тот, у кого чего-нибудь нет, но так нет, что нет — и хрен с ними…»

Аман Тулеев: «Я всегда говорю: деньги изобрели финикийцы, но ровно через неделю после изобретения денег перестало хватать».

И как я заключил в своем материале: «Ну, как, нацицеронились?!..»

Эх, Цицероны российские!..

21 июня — начал заниматься эссе Цветаева-Пастернак: отношения и переписка. Обложился книгами различных воспоминаний.

А 25 июня закончил свое исследование. «Роман без романа» — 24 стр. Сколько в нем интересных признаний, завихрений, откровений, отклонений от нормы и помрачнений, что диву даешься,

вот уж точно гениальные люди не от мира сего.

Цветаева: «Вокруг меня огромные любовные вихри, / Вы моя единственная неподвижность…»

Марина все время хвалит обожаемого Бориса, а тот жалуется на самого себя: «Во мне пропасть женских черт…»

2 июня — закончил материал о ровесниках, кто родился в 1932-м.

8 июля — в «МП» вышел многострадальный Варлам Шаламов. Он мог стать первым, а оказался вторым или третьим после Солженицына. Так распорядилась судьба…

По ТВ мелькнул на канале «Культура» в «Нотабене», рассказывал о великом хирурге Пирогове. Спокойно, уверенно, хотя медицина — это не моя тема.

11 июля — обычный рабочий день. Напечатал Юрия Казакова и схватился за Вампилова. А потом с визитом отправился к Юрию Бореву. 82 года, но как деятелен! Восхищаюсь!.. Обещал мне найти литагента в Америке (господи, сколько обещаний!.. Женя Рейн тоже обещал пристроить в какой-нибудь европейский университет на кафедру славистики, и что в итоге? Грустный осадок обещаний…)

17 июля — в «МП» напечатан Борис Корнилов.

Когда-то вся страна пела песню на его слова:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пенью гудка?..

30-е годы — все звенело и гудело от размаха стройки. Возводилось здание социализма! А 19 марта 1937 года Бориса Корнилова арестовали за шутливое стихотворение «Поросята и октябрята» с формулировкой «Активное сочувствие врагам народа». И шлепнули, — есть такое народное выражение. Корнилов погиб в возрасте 31 года. Короче, «нас утро встречает «расстрелом»…

Напечатан Борис Корнилов, а у меня новая встреча за письменным столом — Изабелла Юрьева, одна из лучших певиц советского времени:

Саша, ты помнишь наши встречи
В приморском парке, на берегу…

Щемящая любовная нота. Я пишу материалы по всему регистру человеческих чувств: пишу, работаю, но не забываю заглянуть в газеты, а что там в сегодняшнем мире? И ужасающая информация: Москва по качеству жизни стоит на

171-м месте, уступая столицам Зимбабве, Лаоса и Никарагуа. Ну, ни в какие ворота!..

22 июля — допечатал Сухово-Кобылина. Сочинялся он давно, а выходит по сегодняшний день: «Обещано благоденствие, а покуда кричите урррааа!..»

28 июля — на 67-летие Ще написал строки:

Усталость — да. И возраст — да.
Кто спорит? С этим надо сжиться.
Не думать, как бегут года.
Упорно жить. И биться. Биться!..

Как не вспомнить свой Календарь мировой истории, который я «бил» в стол, без всякой надежды и без гонорара. Как я записал в дневнике: «Буквально изнемогая, бью свой календарь. Устал безмерно. А бросать нельзя…» (18 авг. 1977 г.). Тогда я не знал, что своим упорством закладываю фундамент своего писательского будущего…

2 августа — вышел в «МП» 3-й фрагмент Цветаева-Пастернак. В журнале «Алеф» — Юрий Трифонов — «Летописец асфальтовой Москвы». И привел цитату Доры Штурман о том, что «Трифонов сумел в будничной повседневности, в ее скупых жестах и тихих ужасах воссоздать не

только драматизм бесчеловечной эпохи, но и вневременной трагизм человеческого бытия как такового».

Трифонов напечатан, а я уже крутил-вертел Сервантеса. Потом поехал на Пятницкую, на радио, дал интервью р/с «Алеф», а потом «Маяку» рассказывал о своих книгах. Грех не попиариться…

8 августа — еще раз возвращаюсь к этому дню. У меня с утра расстройство желудка, в «МП» — появились августовские любовные страсти. И поездка за вышедшей книгой в «Эксмо» «99 имен Серебряного века», — и все в один день. «Серебряный век» — 25-я по счету книга. И как долго шел этот век, насколько помню, еще 3 марта 2001 г. в изд.

«Жираф» получил аванс за «серьезность намерений». Но с «Жирафом» не вышло, были и другие попытки, и только «Эксмо» оформило выход «Серебряный век» в свет, за что им благодарность, букет из трех роз и плитка хорошего шоколада. Тираж 4 тыс. экз., стр. 638. Отпечатано в Твери. Немного белесая обложка и ошибка: вместо портрета Агнивцева — Адамович.

11 августа — успехи успехами, а насморк параллельно. И как написала Диана Арбенина:

Терзаюсь от капризов носоглотки.
Лечиться не в привычке — все само.

19 августа — изматывающая жара. Отвез в «МП» материалы на сентябрь: страсти, А.К. Толстой, Шпаликов, Фолкнер, Изабелла Юрьева, Сухово-Кобылин — шесть материалов. Бьюсь за деньги, но все равно не дотягиваю до помощника машиниста электропоезда в метро, он получает 18 тыс. руб. А машинист заоблачно — 33 тыс. Жить тяжело, хотя и сводим, вроде бы, концы с концами. И кто-то постоянно уходит: Тихон Хренников, бывший тренер «Динамо» Виктор Прокопенко, 62 года — тромб… А мы живем и бултыхаемся, и собираемся в вояж в Италию, уже купили авиабилеты — 32 тыс. ре.

На днях прочитал в интервью Риммы Казаковой горькое признание: «Большая часть членов Союза писателей Москвы — старые люди, больные, но с именами, а по сути материально необеспеченные и профессионально невостребованные… На наших глазах строится государство весьма богатых людей…»

Мне грех жаловаться: я востребован. Но… до Василия Аксенова мне далеко, он заявил, что собирается приехать в Москву на книжную ярмарку,

а «потом опять в тишину, в Биарриц, думать, творить…». И море рядом, и не надо ему биться за копейки… Тут у нас в парке встретил гуляющего Леонида Радзиховского, поговорили. Он: «Книгу писать тяжело. Не хочется…» Жареный петух не клюнул — и не хочется. В интервью Александра Гениса: «Мы живем в эпоху, когда столько пишут, сколько никогда в жизни не писали».

25 августа — допечатал Илью Чавчавадзе, в материале ратовал за восстановление русско-грузинской дружбы. 21-го вышел в «МП» Николай Рубакин, 23-го — Александр Вампилов.

Николай Рубакин: «Всякий может уделить время чтению. Один час в день, а в воскресенье — три часа… в год получается более 450 часов чтения. Это самое малое — 5 тысяч страниц! А при навыке в 2–3 раза больше». Про плохие книги Рубакин беспощадно говорил: «Мебель!..» Сам Рубакин прочитал 250 тыс. книг и написал более 350 статей. По прочитанным книгам я уступаю, и весьма много, Николаю Александровичу, а вот по написанному — его превосхожу. Рубакин прожил 84 года и умер в Лозанне.

Александр Вампилов погиб за два дня до своего 35-летия. Талантливый драматург. Из записной книжки: «Я люблю людей, с которыми все может

случиться». С ним и случилось…

25 августа — презентации в «Библио-Глобусе» двух книг «Все о женщинах» и «99 имен Серебряного века». Покупали вяло.

31 августа — в «МП» вышел Геннадий Шпаликов, тоже писатель с трагическим концом. Суицид. Беззаботно писал: «А я иду, шагаю по Москве…» А потом выяснилось, что шагать тяжело, да и куда идти? И пошла тоска-печаль:

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе, —
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Сколько загубленных жизней, и к новой книге к «Эксмо» начал писать предисловие «Великая литература, или Дорога на эшафот».

4 сентября — напечатан в «МП» Константин Случевский — «На грани дня и ночи» — еще один трагик и упадочник русской литературы. Если честно, счастливцы и благодушные оптимисты мне противны. В «Дневнике одностороннего человека» Случевский писал: «Что в России жизнь идет без цели… / Неужели?»

И Случевский, и Вампилов, и Шпаликов — все

вошли в книгу «69 этюдов о русских писателях».

5 сентября — 20-я международная книжная ярмарка. АСТ в своем павильоне выставил список лучших писателей по алфавиту. Смешно: я после Дианы Арбениной, а она разве писатель? Всего лишь сочинитель песен. АСТ и «Эксмо» — два гигантских книжных корабля, а где-то дальше затерялась «Радуга». АСТ гордится: 10 тысяч авторов! Куда их столько?! Меня АСТ представил так: «Юрий Безелянский. Для тех, кто хочет знать “Все о женщинах”». В «Эксмо» — «Живая энциклопедия Серебряного века». Выступал, разговаривал с «народом», устал и возвращался на бровях. В метро духота, темнота. И никакой радости.

6 сентября — выступал за АСТ минут 15, а потом «автограф-сессия». Подписал 10 книг (цена 300). На следующий день — выступление за «Эксмо», и подписал 25 книг «Серебряного века». Подходила для разговора дальняя родственница Адамовича, житель г. Ельца («Мой дом напротив музея Бунина»), работник музея Венички Ерофеева из Хибин. Наслушался много хороших слов: читают, собирают книги, вырезают публикации из газет, читают дома вслух и т. д. Значит, надобен людям, и это греет душу….

Да, забыл: подходил председатель Клуба кни-

голубов из Екатеринбурга и сообщил, что мои книги до них доходят, и все от них в восторге.

7-го в третий раз ездил на ВВЦ и подписал 25 книг «Серебряного века».

6 сентября — умер Лучано Паваротти, у которого пела душа. Он считал себя мажорным человеком, а я вот, напротив, минорный…

12 сентября — волнение перед Италией. Вопросы и страхи. Никогда не ездили по индивидуальному туризму, — дикие русские!

И крутил дела. В «МП» вышла 1-я часть А.К. Толстого. Печатал про Салтыкова-Щедрина. По моей просьбе Альбертик залез в Интернет и узнал, что обо мне свыше 860 всяких ссылок, информации и интервью. И мучает Сан-Ремо, чтобы туда попасть — «эскузи» (извините): три такси, два самолета и один поезд. И общение — «не откажите в любезности» («мифачча лакортезиа»).

Егорунину в «МП» отвез 8 материалов на октябрь: страсти, Луи Арагон, Сервантес, Ильф, Имре Кальман, Маршак, Джон Рид и Сумароков, — каков разлет имен! А еще печатал Рылеева под надсадные звуки дрели соседского ремонта. Господи, в каких условиях приходится работать, и удивительно, что получается. Спрашиваю Егорунина: «Как отклики?» Он: «Только хорошие!»

Италия, Франция, Монако (16–25 сентября 2007 года)

Сан-Ремо, Ницца, Монте-Карло, Генуя… Первый индивидуальный зарубежный тур — в 75 и 67 лет, без знания языка. Это нечто…

16 сентября. Дорога: три такси, два самолета, два автобуса по летнему полю и один поезд ж/д.

15-го легли в 21 час, встали 16-го в 1.45, в 3 часа ночи подкатило такси «Миледи». Самолетом летели три часа, приземлились по-московски в 9.00 в Милане и три часа ожидания самолета, чтобы полететь уже в Геную. Далее маленький самолетик «Дорнер 328». Около 30 пассажиров. Летели всего полчаса на небольшой высоте, и все видно прекрасно — Ще была в восторге. А тут еще дали выпить немосковский джус. Кусочек маленького счастья в небе Италии. В Генуе из аэропорта «Христофор Коломб» на ж/д вокзал Принчипе. Ще нервничала, а как мы купим билеты? Купили. И в 13.10 сели на поезд в Ниццу. Удобные кресла-диванчики. Поезд скоростной, проскочил несколько туннелей и выскочил к морю, и в окнах — морские аквамариновые волны,

промельк пальм и прочей южной растительности. Мы с Ще активно вертели головами и цокали языками, так и хотелось сказать «гарно», но это по-украински.

А вот и Сан-Ремо, выход в город по длинному подземному переходу с двигающейся дорожкой. Такси. Отель «Фестиваль», номер 25-й. В номер ввалились в 17.35, приговаривая: «Ну, и денек!» После отдыха встреча с гидом Вероникой, и дарим ей «Прекрасных безумцев» (хотя мы сами безумцы, отваживавшиеся на индивидуальный вояж), покупаем первую экскурсию Ницца — Монако (на двоих 140 евро). Выходим на улицу. В воздухе разлито блаженное тепло и особая ласковость, и ветерок с моря, — оно рядом.

17 сентября. Сан-Ремо — курортный городочек, всего 59 тыс. жителей. Возник в I веке до н. э. Курортный бум в Сан-Ремо начался в 1855 году, благодаря истории доктора и пациентки, описанной Джованни Раффини в романе «Доктор Антонио». Сюда приезжали англичане, чтобы пересидеть дождливые английские зимы. Над Сан-Ремо солнце светит 3 тыс. часов в году. Много зелени. Пальмовые променады сменяются тенистыми садами. Сюда, в лигурийский рай, устремляется много старых людей на своих ногах

и на каталках. Местные иронизируют: «Дом престарелых». Но в центре города много и молодежи на ревущих мотоциклах. Шум и бензинчик. Но отойди к морю — тишина и райское блаженство.

Первый завтрак: яйцо, ветчина, сыр, масло, булочки, джемы, кофе, сок. Вышли на улицу, где-то в пределах +23–25 (взятые с собою плащи выглядят нелепо, и они остались в отеле). Две основные улицы — Гарибальди и Маттеоти.

Джузеппе Гарибальди (1807–1882) — народный герой Италии. Вместе с Мадзини организовал отряды краснорубашечников и способствовал провозглашению единого Итальянского королевства в марте 1861 года. Раненого Гарибальди лечил наш Пирогов.

В 1870 году Гарибальди взял Рим, далее продолжил борьбу уже во Франции. И печальная концовка жизни: смерть соратников, прохладное отношение властей. Но все же он остался героем.

Далее мы вышли к морю, в тень к пальмам. Подошли к воде — чистейшая, виден каждый камушек. Вернулись к улицам и натолкнулись на виллу Адриано, где в 1901–1903 годах жила Леся Украинка. Далее вилла Нобеля. Сады виллы Ормонд. Все обалденно красиво. Зашли в какой-то бар и выпили «бьянко вино» под пиццу. И в

отель, первая пешая прогулка заняла почти три часа, одни, без группы, без разговоров, кто что купил и кто что видел. Отдохнули в номере и снова вышли и даже посидели в баре-кофе «Джолли». Одним словом, кайф, или как поют евреи: «немножечко шикуем».

18 сентября — Меркато и Императриче. Вторник — рыночный день, и мы два часа ходили по Меркато, утопая в разнообразных симпатичных товарах. Кое-что не выдержали и купили. Можно было больше, но как довезти, — мы оба ограничены в нагрузках.

Поход к набережной Императрицы — в 1874 году в Сан-Ремо всю зиму провела императрица Мария Александровна, супруга Александра II, и в знак благодарности городу подарила пальмы, которые до сих пор украшают набережную, названную в ее честь «Корсо Императриче». Весь проход уложен красивыми мозаичными плитами. И в конце променада — скульптура Примаверы (вечной весны). Дома и виллы в стиле модерн или эклектика — смешение стилей. Вернулись в отель, гуляли, что-то ели и накупили в номер разных фруктов, включая огромные сливы. Объелись. Пришли на ужин. Паста? Нет-нет! Только десерт, только мороженое!..

19 сентября — Ницца. Монако. Экскурсия в группе, не более 20 человек, собранных из разных мест. Петляющая дорога вдоль моря, мимо городков: Оспедалетти, Бордигера, Вентимилья, Ментона (это уже Франция), Монте-Карло и, наконец, Ницца. «Целодневная экскурсия». Во Франции мы с Ще уже в 7-й раз. Остановка у парфюмерной фабрики и музея Эз виллаж. Все нырнули в запахи…

В 12.30 въехали в Ниццу. Вслед за Тютчевым: «О, этот юг, о, эта Ницца… О, как их блеск меня тревожит!..» Ницца — всего лишь 343 тыс. жителей, неофициальная столица Лазурного берега. Столица цветов. Город знаменитых отелей: «Негреско», «Меркюр Нотр-Дам», «Франк Цюрих», «Нормандии», «Альберт Премьер», «Флоранс» и т. д.

У Ниццы богатая история. Она входила в Священную Римскую империю, ею правили графы Прованса, Тулузы, Барселоны, герцоги Савойские. На протяжении пяти веков ею правили итальянцы, потом Ниццу захватил Людовик XIV, а далее Наполеон. При Наполеоне III Ницца окончательно стала частью Франции.

На автобусе нас провезли немного по Ницце, но так и не заехали на главную торговую авеню Жана Медсена и фешенебельную Руе де Франсе.

Из всех соборов и церквей показали лишь Русский собор св. Николая в стиле нарышкинского барокко, и часовня, построенная в честь памяти цесаревича Николая, старшего сына Александра, умершего в Ницце в 1865 году.

А далее автобус вывез группу в начало Английского променада, знаменитого приморского бульвара — 6 км, от залива Ангелов и до аэропорта. С одной стороны Средиземное море, с другой — роскошные виллы и дворцы.

Променад дез Англе был открыт в 1931 году, и у него уже богатая история. Здесь погибла, кстати, Айседора Дункан. Среди отелей на променаде выделяется отель «Негреско», его основал и построил предприимчивый румын Анри Негреско. Отель для королей, шейхов, президентов и премьер-министров. Мы зашли лишь в вестибюль отеля, но и в нем, и в апартаментах одни шедевры. Королевский салон украшает стеклянный купол, выполненный по проекту Гюстава Эйфеля, под куполом — гигантская люстра, изготовленная в мастерских Баккара. Но не будем описывать того, чего не видели.

Рядом с отелем «Негреско» дворец Масена, названный в честь наполеоновского маршала, родившегося в Ницце, ну и т. д. Мы ходили по

набережной-бульвару и только ахали, боже, как красиво. От роскоши рябит в глазах. Устав, посидели в каком-то кафе-баре, выпили кофе с яблочным паем. И снова по променаду мимо затейливых зданий в стиле либерти.

И очень грустно: увы, увидели крайне мало, — в Ницце надо пожить, — и вне нашего обзора оказались многие дворцы, в том числе монументальный Средиземноморский дворец (палас), многочисленные церкви, соборы и часовни, сад Альберта I, башня Белланда, в которой некоторое время жил композитор Берлиоз, кладбище Шато, где упокоились многие знаменитые люди, в том числе Гарибальди и наш Александр Герцен. Ну, и т. д.

Из Ниццы в Монако — всего 16 км. Все Монако возвышается над морем и утопает в экзотических растениях, внушительный кафедральный собор, дворец Гарибальди и прочее, чего я касался в книге «Жизнь и гибель принцесс». Удивительно красивые дорожки на возвышенности, внизу плещется море. Побродили по дорожкам, по которым когда-то в задумчивости ходил Гийом Аполлинер. Зашли в собор, там надгробная доска, вся в цветах, — память о принцессе Грейс Келли.

В крошечном Монако (30 тыс. жителей) много

примечательного: дворец принцев, музей Наполеона, опера, знаменитое казино Монте-Карло (1878, архитектор — Шарль Гарнье, который создал Гранд-опера в Париже). Внутри казино не были (на какие шиши?!), а здание казино обошли со всех сторон. Подивились бюстам Дягилева и Берлиоза. Рядом «Кафе де Пари», в котором любили бывать Дягилев, Карузо и другие знаменитости. Походили, повздыхали и покинули этот праздник жизни без сожаления. Каждому свое: кому Монте-Карло с казино, а кому улица Куусинена с магазином «Магнолия»…

Вернувшись из поездки в 22.20, бросились на ужин: ракушки с томатом и на второе блюдо: кусочки нежной баранины. В номере нас ждала вода «Санта Анна» и вкусные сливы.

20 сентября — в Сан-Ремо без поездок. После завтрака в отеле неторопливая прогулка. Напирожничались, накапучинились, вернулись в номер и лежали-спали часа два или три, а потом пошли осматривать виллу Альфреда Нобеля, где сфотографировались возле пушек, стоящих в саду — ну, да, Нобель, порох… Вилла скромная. В книгу гостей внес запись, несколько игривую. Вспомнил о нобелевских лауреатах Бунине и Пастернаке, намекнул Нобелю на небесах, мол,

тоже пишу и не худо бы меня отметить какой-нибудь премией. Что-то вроде «Молитвы» Булата Окуджавы:

Пока Земля еще вертится, пока еще ярок свет,

Господи, дай же ты каждому, чего у него нет:

Мудрому дай голову, трусливому дай коня,

Дай счастливому денег... И не забудь про меня.

Если не Нобеля, то дай хотя бы Шнобеля, чтоб перестало быть «и кюхельбекерно, и тошно» (это уже Пушкин).

Обедали в номере пиццей и фруктами. А потом снова вышли в бывший рыбачий поселок, на виа Ромола Морена, по извилистым мрачным ступенькам. Дохнуло грязным Средневековьем. «А что, здесь пытают?» — спросила Ще. Забрались высоко, и сверху Сан-Ремо, как на ладони, белоснежный и рядом с голубым морем и небом. И обратно по тяжелым выщербленным ступенькам. Легли спать рано под тяжестью накопившейся уже усталости.

21 сентября — ночь с приключениями с животами, возможно, последствие от острого сока тропикано. Пришла идея написать заметки «Старый и больной москвич на Лазурном берегу». Собрали все мужество, и вперед! Но не в Портофино, где продают тончайшие кружева и где в бухте стоит «Христос Бездны», и не в Рапалло — в самый модный курорт в заливе Тигуллио, а в Бордигеру — в красавицу, которую неоднократно писал Клод Моне. Бордигера — город пальм, здесь находится самая северная пальмовая роща Европы. Но не только пальмы, но и агава, эвкалипты и лимоны… И сразу услужливая память помогла вспомнить строки Николая Заболоцкого:

Я трогал листы эвкалипта
И твердые перья агавы.
Мне пели вечернюю песню
Аджарии сладкие травы.

Нет, не Аджария, а итальянская Бордигера. Доехали поездом быстро и сходу вышли на Корсо Италию, далее дворец-башенку Элиса и множество вилл. Искали виллу Клода Моне и не нашли, редкие прохожие не смогли нам объяснить, где жил творец кувшинок и Руанского собора. Нашли

виа Мимомоза (это не какая-нибудь улица Халтурина у нас). Выпили кофе и вернулись в Сан-Ремо, продолжив изучение: в год Сан-Ремо посещают 360 тыс. туристов, туризм, цветоводство и казино — три краеугольных камня экономики города. Знаменитость — театр «Аристон», где проходят фестивали песен. Первый прошел 29 января 1951 года, победитель — Нилла Пицци с песней «Благодарю за цветы».

Долго бродили по городу и нашли даже улицу Гете, но совсем неинтересную… На ужин в наш отель нагрянула группа работяг с Сардинии — шум, гам, смех, очень горластый народ…

22 сентября — крутились в Сан-Ремо. Осмотрели русский православный собор, освященный в декабре 1913 года. И кто построил? Проект сделал Алексей Щусев (а потом мавзолей Ленина?), а итальянскую привязку осуществил итальянский архитектор Пьетро Агости. Некогда большая русская община Сан-Ремо ныне оскудела, и свечи продает итальянка. Мы поставили за здравие и за упокой наших мам. Что еще? Снова рынок Меркато, очень хотелось увезти многое в Москву, но… Вот именно «но»!

К вечеру пошли к Императрице, посидели на лавочке, потом пошли по Корсо Инглези, которая

петляла, как заяц. Поднялись куда-то вверх, а потом с высокого холма отсчитывали более 100 ступенек вниз. То ли спустились, то сползли, короче, сплошная забава с криками и ахами — «вот доска кончается, сейчас я упаду» (Барто). Мимо большущего отеля «Ангеле по Корсо Матуциа». С остатками последних сил зашли в бар и съели по пицце Маргарита, запивая ее вкусным пивом. Эту Маргариту и пиво в Москве вспоминали еще долго.

23 сентября — решили разнообразить Сан-Ремо и поехали поездом в Геную, одни, вдвоем, без гида. Генуя — ворота Средиземноморья. Город зажат между морем и горами и растянут вдоль берега на 34 км. Родина Колумба, Паганини, Мадзини и других знаменитостей. По-итальянски название иное: Дженова. Чуть больше полумиллиона жителей, столица Лигурии. Знаменитая Генуэзская республика со славным прошлым. Мореплаватели — купцы — завоеватели. Крупнейший порт.

Генуэзский поход начали с улицы Балби. Дошли до какого-то туннеля и вместо того, чтобы найти подъемник и подняться в центр города, чесанули по транспортному длинному туннелю. Если кто-то увидел, то подумал: «Сумасшедшие русские!» В конце концов вышли на улицу

Гарибальди (это как Ленин) и удивительную виа дворцов: Палаццо-Россо, Палаццо-Бьянка и другие внушительно торжественные палаццо богатых генуэзцев-победителей морей. Зашли в какой-то внутренний дворик: красота, роскошь и величие, чего мы со своим рылом кичимся? Всего лишь подражатели…

Походили по Дженова часа четыре, в полной мере ощутили дыхание истории. Во времена Рисорджименто Генуя играла важную роль благодаря тайному обществу «Карбонари». Сохранены средневековые кварталы, много соборов, в том числе Сан-Лоренцо с изумительным готическим фасадом. Капелла Иоанна Крестителя. В городе много музеев и картинных галерей. Картины Веронезе, Тинторетто, Липпи, Караваджо, Ван Дейка и др. Увидели в Генуе только частицу, но все равно осталось культурно-историческое послевкусие.

24 сентября — можно только себе удивляться — утром проснулись с чувством «надоело» и скорее бы домой, в район Сокола. На завтраке в отеле столы были полупустые: сардинцы разметали все. Не народ, а чума! Это в кино Софи Лорен, Лоллобриджида и Орнелла Мути, а сардинские женщины на отдыхе кряжистые и некрасивые…

Пошли к морю на пляж, выпили капучино. Тихо, уютно, море, чайки, где-то вдали яхты, рядом пальмы — это вам не улица Отто Куусинена, нашего кандидата на пост правителя Финляндии. Это Сан-Ремо! Еще побывали в каком-то парке сплошных роз. Снова к морю. Потом в центр, на Маттео купили серьги для Ще — слезка под жемчуг, что вдохновило подругу собирать вещи в обратную дорогу.

25 сентября — 10-й день, отъезд. Ночь прошла в тревоге. Мысль о сложной дороге не давала глубоко уснуть. В 11.59 пришло такси, и мы покинули отель «Фестиваль». Далее в Геную, уже знакомые остановки: Порто Маурицио, Империя, Диано Марина, Алассио… Из поезда в такси, и в аэропорт. Маленький самолетик, и через полчаса мы в Милане. Полчаса маеты в аэропорту. Последняя покупка: большая плитка шоколада, оказалась не итальянская, а швейцарская.

Самолет «Анталия» взлетел в 22.50, а приземлился в Шереметьево ночью в 1.45 — уже 26 сентября. Снова такси. И в 2.48 мы переступили порог дома.

* * *

Короткие заметки об Италии завершены. «Кока-финиш», — как сказала молоденькая итальянская подавальщица в отеле, когда мы запоздали на ужин. И чем завершить? Вспоминаются советские времена: «Какая песня без баяна?..» А Италия без стихов? Данте мрачновато. А «Итальянские стихи» (1909) Александра Блока в самый раз. Вот только отдельные строчки:

Тень Данте с профилем орлиным
О новой жизни мне поет.

Как? Годится? Или:

На корзине — белая записка:
«Questa sera… — монастырь Франциска…»

Перевод слов с итальянского: «Нынче вечером…»

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

(17 мая 1909 г.)

26 сентября — ночью добрались после Италии до порога собственного дома. Не разбирая сумок, легли спать. А в 8 утра уже на ногах. Прохладно, +12°. Разбирал ворох газет. В «МП» вышел Сухово-Кобылин. Описание хождения русского автора по «дремучему лесу законов» в связи с загадочным убийством любовницы Луизы Симон-Деманш. Сухово-Кобылин продолжил традицию гоголевского смеха и насмешек, только вот Гоголь верил в прощение, а у Сухово-Кобылина нет никакой веры. Смех-содрогание, смех-боль, смех-отчаяние…

30 сентября — яркое голубое небо, как в Италии, +21°. Начало листопада, занимался итальянскими записками, подробно, с деталями (но в книге все сокращено и упрощено — 13 апреля 2021 г.). Эйфория от поездки сменилась усталостью и депрессией.

Как горько вернуться обратно
В Россию, в Москву, там, где Сокол.
В Италии было приятно,
А тут — полицейское око,
Свободу сжигают, как Бруно,
И скалятся рожи начальства,

Народ озирается хмуро.

Никто не танцует уж вальсы…
Здесь танец один: как бы выжить.
Спасти свою бедную шкуру,
Пока на ней Путин не выжег
Свою кэгебистскую суру.
А там, где мы были — в Сан-Ремо —
Уют, тишина и приливы.
И ангел летает, не демон,
Весь белый и нежно красивый.

Сан-Ремо — оазис покоя,
Где сердце так радостно бьется,
Где песня в преддверие зноя,
Легко и душевно поется.
Лазурь голубеет. Синеет.
Но это не здесь, а далече.
И хочется мне все сильнее
Судьбе и дерзить, и перечить.

А родина продолжает удивлять. Президент отправил в отставку премьер-министра Фрадкова: «Ни шиша не сделали…» Оценочки у г-на президента. О Путине много пишут: «Носиль-

щик власти» (Минкин), «Президент российской конспирации». Тот же Минкин: «Вы увольняете и назначаете по собственной воле. Читаешь и понимаешь: какое счастье наша жизнь. Стыдно жаловаться, ведь не убивают же…»

1 октября — очередная публикация в «Мосправде»: Александр Сумароков — «Забытый первый». Евтушенко отметил о нем: «Он был не в меру унижаем». А сам Сумароков о себе:

На что писателя отличного мне честь,

Коль нечего ни пить, ни есть?

2 октября — закончил итальянские заметки — почти 20 стр. И в газете опубликован Уильям Фолкнер, не мой писатель, не Пруст, не Моруа, но все равно было интересно поглубже с ним познакомиться. Мои опусы — это мой личный литературный институт. Как говорил Фолкнер, он писал о человеческих сердцах, а не об идеях. В 1958 году он обратился к молодым писателям с призывом «спасти душу человека прежде, чем человека не лишат души так же, как холостят жеребцов или быков…».

Фолкнера считали «затворником» и «отшельником». Я, наверное, из той же фолкнеровской

породы…

В «Алефе» вышел Вениамин Каверин — 70 долларов (ныне курс — 24,5 и, соответственно, 1700 ре с рублями). Но инфляция, цены ползут. В магазинах продавцы переписывают ценники. Жизнь дорожает и хватает за горло. А тут еще насморк, беспокоит вена на ноге, не появляются рецензии. И хочется затянуть песню Фарады-Абдулова: «Уно, уно моменто… сантименто…» и прочее. Евгений Блажеевский все это выразил в стихах:

Мы — горсточки потерянных людей,
Мы затерялись на задворках сада…
…Мы понимаем: кончилась пора
Надежд о славе и тоски по близким,
И будущее наше не вчера
Сошло-ушло тихонько, по-английски…

Хороший поэт Блажеевский, да рано ушел, в 52 года, в 1999 году.

14 октября — в «Эксмо» название книги «Дорога на эшафот» отклонили: очень мрачно. Предложил другие: «Литература и власть», «Вольнодумцы на привязи», «Виражи и загогулины русской литературы» и что-то еще. Забраковали. Остановились на нейтральном: «69 этюдов о

русских писателях».

6-го с подачи Маши Штейман были на спектакле «Берег Утопии» Тома Стоппарда в Молодежном театре, рядом с Большим. Театральный марафон: спектакль начался в 12 часов, а в 7-м часу мы ушли, не дождавшись финала. И был перерыв на обед: для «випов» шведский стол. Актеры играли с подъемом. Больше всех понравился отец Бакунина и припадочный Белинский. Менее удачны Герцен и Огарев. Карикатурен Карл Маркс. Женщины в основном щебетали.

По ТВ как-то в ночь смотрели американский фильм «Имя Розы» по роману Умберто Эко. Интересное кино: сначала пишу о чем-то и о ком-то, а потом с этим сталкиваюсь: так было с Парижем, с членами «Клуба 1932», с Монако, с Эко и т. д.

21 октября — в понедельник 15-го ездил по договоренности с издательством ЭНАС (ЭНАС, «Эксмо» — адская аббревиатура), точнее, поехал и не доехал. Спутал номер трамвая и от Павелецкой завезли бог знает куда. Плюнул на ЭНАС и поехал домой. В издательстве хотели переиздать «Улыбку Джоконды», а вместо улыбки вышла ухмылка и насмешка. Корил себя, а потом успокоился: значит, так надо…

Кто-то сказал, что в Израиле видел в продаже

мою книгу под чужим названием «Не только русские» — пиратское переиздание «5-го пункта». Издали, а где шекели? В чужом кармане?

18-го печатал до одурения и остервенения Чаадаева (конечно, сам Чаадаев тут не при чем). Перебил пластинку и позабавил пришедший брать интервью некто Александр Попов из швейцарского издания «Who is who» в России из списка успешных людей. Нашли самого бедного, без домов, коттеджей, прочей недвижимости, яхт-пароходов-самолетов, банковских счетов и т. д. Только книги, но это ценность, — стал утверждать мне представитель швейцарского издания — вклад в историю и культуру России. Потом приходил другой «дядя» и все выспрашивал и задавал вопросы.

28 октября — только что закончил эссе о Георгии Шенгели, чтобы выйти на цифру «69», ибо книга обозначена как 69 этюдов. Профессор поэзии Шенгели — ниспровергатель Маяковского, за что и пострадал, став литературным изгоем. Маяковский презрительно отозвался:

В русском стихе еле-еле
Разбирается профессор Шенгели.

Нет, Георгий Шенгели был знаток и эрудит, но

ему явно не хватало жесткости, чего он и сам не скрывал:

Я — не боец. Я мерзостно умен.
Не по руке мне хищный эспадрон.

Я тоже не боец, хотя с кем-то и с чем-то сражаюсь, и, кстати, в мартовском номере московского журнала «Человек. Культура. Город» Наталья Рогило поместила материал обо мне с фрагментами интервью «Неравный бой с гламуром». В нем я пел осанну Серебряному веку и наскакивал на современную моду, на женщин, которые становятся все более агрессивными, с концовкой: «А ведь безудержное стремление к внешнему лоску может погубить глубину и многоцветье уникальной женской души».

Так и написал, чему сегодня (24 ноября 2019 г.) только удивляюсь…

Что еще из конца октября? На Пятницкой на радио выступил в редакции «Войс оф Россия» в рубрике «15 минут со знаменитым человеком». Неужели? А я и не знал!..

У американского юмориста Роберта Бенчли есть наблюдение: «Для писателя-профессионала самая большая помеха — необходимость менять ленту в пишущей машинке». Вот и я все время

страдаю из-за ленты, да и все наличные машинки барахлят. И возникают дополнительные трудности в творческой работе. Иногда желание разбить, расколошматить машинку. Но читатели об этом не догадываются. Я уже не говорю о трудностях издания книг. Но это распространенное явление. Тут натолкнулся на строки у Некрасова:

Пропала книга! Уж была
Совсем готова — вдруг пропала!..

В прежние времена барьером была цензура, сейчас — деньги. Нет денег — нет книги.

8 ноября — знакомая телевизионщица ругает ТВ: «Все нормальное, человеческое снимается с эфира, отменяется, топчется…»

1-го сидел с рукописью, нумеровал страницы (тоже работа!). Устал и решил переключиться: в книгу вместо Макса Волошина (о нем много известно) вставить поэта-мстителя Леонида Каннегисера. Достал досье, и «пошла писать деревня»…

2-го отправился на ул. Маршала Бирюзова на квартиру к знаменитому мемориальцу Семену Самуиловичу Виленскому (1928). Он узник Колымы и сразу задал вопрос: «А где вы сидели?» — Бог миловал, я нахожусь во внутренней оппозиции в

столице нашей Родины.

Хорошо поговорили, но я все же не автор «Мемориала», хотя и пишу об узниках и жертвах сталинского режима. Виленский подарил мне несколько своих книг. С горечью читал стихи Анны Барковой:

Во имя стада ты входишь в стадо,
Целуешь на коленях кнут.

3-го наш праздник с Ще: 40 лет браку — дворец бракосочетания под названием «Аист» на Ленинградке… Поехали погулять в Центр, зашли в магазин «Москва» — лежат четыре мои книги, в том числе «Серебряный век» — 200 руб. Дома скромно отметили юбилей.

4-го придумал для «Эксмо» следующую книгу «Запад есть Запад…» о зарубежных писателях. 6-го печатал про Анну Баркову. В газете вычитал фразу Кувалдина: «Замалчивание — тоже очень сильная критика». Меня, мои книги, вроде бы замечают, но, конечно, хочется большего…

12 ноября — в предыдущие дни клеил и дизайнировал итальянский альбом. Своеобразный отдых от печатной работы. Но и печатал материал о двух дамах — Рекамье и Зинаиде Волконской, потом о философе и публицисте Льве Карсавине.

12-го поехал на Покровский бульвар и купил пятый том «Русские писатели. 1800–1917». Его готовили к печати семь лет и большой коллектив редакторов и авторов. С такими темпами я бы подох с голоду и остался бы без зубов… Цена тома — 1890 ре. Но выложил спокойно и шел по бульвару с легким снежком. Завернул на Савеловский и получил очередной «Алеф», напечатан Семен Кирсанов, и отдал следующего — Айзек Азимов. Кирсанов называл себя оригинально: «Зыбкий инкубаторный холеныш». Из Одессы Семен Исаакович перебрался в Москву в 1926 году, дружил с Маяковским, который басил: «Кирсанчик, отчего штаны драные?..» Кирсанчик, а еще Сема, виртуозно владел стихом: «Серый жесткий дирижабль / Ночь на туче пролежабль…»

А игра в букву «М»:

Малиновое М —
мое метро…

И «многоголевский бульвар» и т. д. Долго болел, писал печальные стихи:

Время тянется и тянется,
Люди смерти не хотят,
С тихим смехом: — Навсегданьица! —

Некударики летят…

В «МП» напечатан Александр Бестужев-Марлинский. Другой поэт, иная эпоха. За год до восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге писал:

Ах, тошно мне
И в родной стороне.
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать?

Идет уже третье столетие, а просвета к лучшему нету. Свобода только в мечтах…

15-го выступал в магазине при Доме русского зарубежья. Пришло не много людей, но в основном мои читатели, которые помнят меня по «Вечернему клубу», хранят вырезки публикаций.

По ТВ были симпатичные фильмы «Де Сад» и «О, женщины», французские, пряно-эротические. Ныне, спустя 12 лет, по официальным каналам ТВ таких вольностей не показывают, и опять же с Западом рассорились, только боевики, фэнтези, триллеры и наша сериальная муть, от которой тошнит, да еще диковинки, типа «Возвращение Мухтара-2». Хочется плюнуть… (26 ноября 2019 г.)

21 ноября — звонил Эдик из Иерусалима. Купил «Веру, Надежду, Любовь» за 80 шекелей (20 долларов, или 500 ре). А мы с Ще поехали чуть развеяться в галерею «Творчество» на выставку восьми художников по теме: «Подмосковные усадьбы». Резко выступил на сегодняшний момент нашего бытия. «Ваше слово — это уже поступок…» — сказал некто Цурганов из журнала «Посев».

24 ноября — с азартом вбухался в книгу о западных писателях. Лучше заниматься книгами, чем причитать: «Ну все болит!..», лежать на диване, жаловаться на плохую погоду и бесконечно ругать правительство. Надо дело делать… Постоянно слушаем «Эхо Москвы» и, в частности, программу «Выхода нет!», разных аналитиков, экспертов, политологов. И вырисовывается чудная картина: Россия — полигон жути и зла. Кинутый властью народ живет по завету Варлама Шаламова: не верь, не бойся, не проси.

28 ноября — ходил на 9-ю выставку интеллектуальной литературы в ЦДЛ. Много пустого общения и нет конкретных договоренностей об издании. Поэтесса Лилия Гущина: «О, как вы много пишите!» Да, много. Вот и в «Аккорде» получил гонорар за материал «Скрипка, арфа

и другие музыкальные инструменты в русской поэзии». И соответственно, лазил по книгам и сборникам, чтобы найти строки о музыке. А уж сколько сил трачу на книгу «Запад есть Запад» — мало кто согласится на такую кропотливую поисковую работу.

9 декабря — половина 12-го, а темень жуткая. Короткий день, да еще темный. Плохо переношу темноту и серость. Глаза плохо видят… Жду прибавку света… И в ожидании трех книг, а они все не выходят. Многие материалы складируются и в «МП». Журнал «Алеф» то ли помирает, то ли выживет в условиях перебоев с финансированием. Короче, все не так просто — дорога к успеху вся в рытвинах и ямах, куда все время проваливаешься…

2-го проигнорировали голосование в Думу, это не выборы, это чистый фарс. Опять что-то вступило в поясницу и ползаю по дому, обвязанный шерстяным платком. Замучился с Хемингуэем: материал ползет и плывет, не могу скомпоновать…

7 декабря приезжали из ТВ-канала «Столица», и я рассказывал телевизионщикам об Андрее Тарковском, достал школьный альбом фотографий, и его тут же сняли на камеру.

Президент у нас — лингвист, все время подкидывает новые словечки, про недовольных соотечественников сказал: «шакалят у посольств». У него паранойя: кругом враги… Сегодня все полыхает враждой и ненавистью. Тяжело нормально пишущим людям. В дневнике Корнея Чуковского за 2 февраля 1958 года прочитал: «Я начал писать о Брюсове и бросил. Начал об Алексее Толстом и бросил. Начал об Оскаре Уайльде и бросил. Сейчас нужно: Чехов, Чехов, Чехов…» А сегодня, спустя полвека, нужен не Чехов, а патриотизм, агрессия, гламур и скандалы…

16 декабря — в «Эксмо» запустилась книга, в «Алефе» вышел Борщаговский и сделан Лев Кассиль. Подарил Гале Новиковой свой «Серебряный век». Она в ответ: «Я тоже творческий человек и даже котлеты готовлю творчески». Н-да… Посетили грандиозную выставку современных художников в Манеже — не очень впечатлила. Ну, а я, творческий человек под вопросом, допечатал папу Хэма — за 30 стр. Затем взялся за Алексея Толстого. Ну, и прочая творческая «всячина».

18 декабря — в «МП» вышли два материала — Свифт (создатель Гулливера и Лилипутов) и галерист Павел Третьяков. А я: «кто на новенького?» И взялся за сложного художника Павла

Филонова… Были в галерее Гинзбурга, где я, оказывается, член Художественного совета. Было развлекательно: шампанское, музыка, танцы. Какая-то художница прижималась: «Хочу нарисовать ваш портрет». Самое интересное другое: жена сохраняла олимпийское спокойствие, а Люда Варламова возмущалась: «Да что это она себе позволяет?!..»

22 декабря — Эдик привез пять французских лент для машинки, а мне и 100 мало!.. В основном номере «Московской правды» и в дайджесте — Илья Чавчавадзе и декабрьские страсти. Расправился с Филоновым и вгрызся в Льва Ландау — 100-летний юбилей.

24 декабря — творческие и хозяйственные подвиги. Получил новую книгу «Золотые перья» — 43 портрета — от Фета до Бродского — все поэты и писатели с еврейской кровью. (366 стр.) А еще закупил 4 кг картошки, и по одному кг лука, моркови, квашеной капусты и еще кочан, и тащил сумки на 4-й этаж (сегодня — 28 ноября 2019 г.) — такую тяжесть уже не подниму. Вечером смотрел программу Александра Невзорова «600 секунд» — циничную и эпатажную с фразой «Труп украшает программу». А я-то, глупенький, все лезу со своим гуманизмом и просвещением.

30 декабря — последние денечки уходящего года — поразило признание дочери, которая как бы уже и не дочь: «Сижу на шее мамы» — 53-летняя дочь на шее 76-летней матери. Я тружусь из последних сил, а она меняет работы, не работает и ждет пенсии. Мой самый неудачный проект в жизни!

По ТВ была программа о Вадиме Мулермане, который, в отличие от Кобзона, не лег под власть и получил по полной программе. В феврале 1970 г. Лапин — шеф радио и ТВ, заявил, что «мы обойдемся без мулерманов, мондрусов и александровичей». И обошлись…

Вспомнилось и другое: 20 лет назад, в декабре 1987 года, сидел дома и редактировал корреспонденцию из Краснодара, в которой незабвенный корр Шевяков писал о кооперативных начальниках: «они стали ночевать на лаврах…». Тогда, в 1987-м, мы не знали будущего и того, что будет с нами…

31 декабря — поздравительные звонки. Катерина из санатория-дома отдыха Звенигорода: «Ваш “Серебряный век” у меня на столе — настольная книга…» И поразил Хача: «Ты не видел, тут показывали меня по телевизору на похоронах Кевелиди, я стоял рядом с Черномырдиным…»

Услышав такое, я сполз с дивана. И без комментариев…

Ну, а Новый год встречали дома вдвоем в компании шоколадного ликера «Бейлиса» под грохот петард.

ЧТО-ТО ВРОДЕ ЭПИЛОГА:

2007 год был плодотворным: 75 лет, 40 лет брака, 3 книги — «Все о женщинах» вместе с Ще, «Серебряный век» — 3 тиража, 10 тыс. экз., «Золотые перья». Только в «МП» — 136 материалов (с повторами в дайджестах плюс 12 материалов в «Алефе» (или больше), один — в «Аккорде», один в «Крестьянке». 11 выступлений. Радио, ТВ. Подготовлен Хемингуэй, но не опубликован. А поездка в Италию, Сан-Ремо?

2008 год — 75/76 лет

Поехать в тур на Запад не получилось. Но вышли три книги: «69 этажей о русских писателях», в апреле (от Сумарокова до Венечки Ерофеева). Затем в «Эксмо» — «Знаменитые писатели Запада» (55 портретов от Вольтера до Сартра) — ноябрь. И «Золотые перья», держал ее в руках 7 октября. В книге сплошные евреи: от Фета и Гершензона до Галича и Бродского. Презентация в «Российской газете» дневника Андрея Тарковского. С увлечением сочинял Джеймса Бонда, затем взялся за Анатоля Франса. 2 мая в «МП» вышло эссе об Андрее Вознесенском — «Интеллигент в эпоху беззакония». Еще печатал про художника Тышлера. Целую неделю посвятил Набокову — 40 стр. В «Москвичке» вышел разворот «Прогулки с писателем по Москве» и с фотоснимком в кепке, который пошел гулять по газетам… И негатив: с Ще боролись с нездоровьем, глаза, зубы и т. д.

Жить — значит бороться.

Сенека. «Письма»

1 января — Новый год встречал в санремовской

желтой кофте. Посмотрели немного новогодние программы — муть жуткая, и легли спать под грохот петард за окном. Утром встали — ясный голубой день с легким морозцем (–5) и полное бесснежье. Вышли в нашу рощу — никого, пусто, отсыпаются. Зашли в аптеку, первые траты: валокордин и глазные капли. Первый телефонный звонок от Эльвиры: «Вы люди творческие, а я только подтираю носы внукам…» И кто виноват?.. По ТВ смотрели новогодний роскошный концерт из Вены и виды Вены — так приятно: мы это видели…

2 января — по «Эхо Москвы» большой разговор: Путин — герой или не герой? Голосование: 16 % утверждали, что Путин — хороший, 84 % — что плохой. Мнения аналитиков. Федотов: ВП — это всего лишь проект консервации общественных процессов в стране. Попцов отметил, что прошлое П. как разведчика доминирует во всей его деятельности: хитрый, изворотливый. Лев Гудков: Путин — это симптом тревожного состояния общества, его диагноз, и никакой он не герой.

Все национальные проекты — всего лишь имитация деятельности. Не решена ни одна проблема: преступность, коррупция, экономическая отсталость… Слушать это не втихомолку на кухне,

а открыто по официальной р/с удивительно.

Я послушал, намотал на ус и сел за машинку, добил Эрнеста Хемингуэя — 54,5 стр. Не столь литературоведческий материал, сколь биографический, но с разными оценками.

3 января — все средства СМИ посвящены смерти Александра Абдулова, 54 года. Рак легких. Все пели с Фарадой «уно моменто», а надо бы постоянно твердить «мементо мори» — помни о смерти…

11 января — Ще 10-го начала тур по глазным врачам, и я собираюсь. Год начался как-то слезно. Но сдаваться не собираюсь. Расправившись с папой Хэмом, взялся за Жюля Верна и Вахтангова для февраля. Звонил Иосиф из Пушгор, сказал, что я подтолкнул его к идее издания календаря, посвященного Пушкину.

Ще время от времени причитает, что мы стали старые и больные. А тут концерт Яна Арлазорова почти со слезами и просьбой: «Жизнь, не уходи!» А она потихоньку уходит. Лишь в телешоу «Дом-2» резвятся жизнерадостные денежноуспешные кобылы. Противно…

9-го не выходил из дома и надел все теплое. Гриппозное состояние. Ночью задыхался и издавал разные звуки. Утром Ще: «Спала как будто с поросенком». Ну, а 11-го — первая публикация го-

да — в «МП» «Ночь, фонарь. Год мыши». Ехидный комментарий почти по цветаевскому Крысолову. Задача власти: «Выловить. Выудить. Выедать. Выгадать…» Так было. Так есть. И так будет.

14 января — активно лечусь: таблетки от аллергии, капли в глаза, «Витаун» в нос, горчичники на спину — набор удовольствий. Прочитал в газете интервью Василия Аксенова. Оля Кучкина спросила его: являются ли женщины для него движущим стимулом? Вася ответил: «Мы пожилые люди, надо умирать уже…» Лучезарный ответ. Альбац по «Эху» говорила о политической апатии в России. Все устали, всем все надоело. Мне тоже кое-что надоело, но не имею права расслабляться.

12-го в «МП» вышел Лев Карсавин. У брата, философа, была одна судьба — ГУЛАГ, у сестры, балерины Тамары Карсавиной, в эмиграции почти королевские почести. Еще печатал Юлиана Семенова для «Алефа» и «Философы февраля» для «МП» — Монтень, Шопенгауэр, Бентам, Бубер, Ясперс. О каждом фитюлечка, но ее нужно создать. Есть заказы от новых изданий — «Имена», «Московский корреспондент», но они требуют электронные версии, а я, как говорят интеллигенты: «Не Копенгаген». К компьютеру ни ногой. И отказался.

И давит серость — хоть лезь на стенку…

18 января — вчера с Ще ездили вдвоем в глазную клинику «Прозрение» на Б. Тишинский пер. По поводу меня: катастрофы нет, но нужны витамины, специальные желтые очки, не волноваться, больше гулять и т. д. У Ще положение иное: «У вас хуже, чем у мужа». При разговорах с врачами использовал все свое обаяние, подарил «Принцесс», но все равно визит обошелся недешево.

Вот так начался январь. А 15-го закувыркался Василий Аксенов, член моего «Клуба 1932»: инсульт, парализовало правую часть тела, больница, операция и все стабильно плохо… И мне урок: надо прекращать стоны — нет откликов, рецензий. Да провались все это! Нужно просто жить, как говорил в «Бриллиантовой руке» Папанов, «без шума и пыли».

Зубы, глаза, деньги — переплел 65-ю тетрадь дневников и, разумеется, за деньги.

16-го ездил далеко, в комплекс «Измайлово», в издательство «Новый коллекционер», фирмачи-супруги Гольманы. Хотят книгу о художниках и начать с Кандинского. А в итоге, конечно, ничего не вышло: пустые хлопоты, напрасные надежды…

17-го веселились по «Эху Москвы», на учениях в

Нахабино около дачи президента упала какая-то болванка. Задали вопрос слушателям: а вы бы промахнулись или нет? 89 % лихо заявили, что не промахнулись. «Вот такие садисты!..» — довольно усмехался Сергей Доренко.

27 января — похоже, что проскочили темный период времени, и стало посветлее. Но все равно с диван-кровати встаешь еле-еле, носки одеваешь с трудом, поясницу прихватывает. А тут еще Аксенов в коме, переживаешь за него, и уходы: Бобби Фишер, актер Игорь Дмитриев. Вспоминается песня-баллада Высоцкого:

«Но учти, что Фишер очень ярок, —
Даже спит с доскою — сила в ём,
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок, —
У меня в запасе ход конём...

Шахматы — игра. А что представляет собою политика? Российские коммунисты разбушевались: «Медведева — в цирк! Зюганова — в президенты!» Эту старую галошу, философа из деревни Мымрино?

Матерый Армен Джигарханян высказался о выборах так: «Победа Мамулькина над Кукуль-

киным?!..» Времена стыдные, противные, черные (потом пришли и мракобесные — 20 авг. 2018 г.).

В «Эксмо» получил часть верстки. Много ошибок, вместо «здравого смысла» — «здравый синол». Вопросы в издательстве по поводу лермонтовских строк: «Страна господ, страна рабов». Полез в книги, везде разночтение: царей — пашей, укрыться — сокрыться, народ преданный — народ послушный и т. д. Позвонил Стрижеву, он говорит: авторского оригинала нет, все записано со слуха. Выбирай по собственному вкусу.

1 февраля — в конце января две публикации в «МП» об академике Ландау и о двух дамах — Рекамье и Зинаиде Волконской. 1 февраля напечатан художник Павел Филонов — «Пир королей», в цвете, но цвет ужасный. А еще вышел «Алеф» с очередным героем еврейской национальности, а я уже «гоню» следующего — Бенджамина Дизраэли, политика и литератора, который гордо утверждал: «Да, я еврей, и когда предки моего оппонента были дикарями на никому не известном острове, мои предки были священнослужителями в храме Соломона».

Неожиданная подработка: представление какой-то выставки современных художников, и сразу гонорар: 100 долларов в конверте.

5 февраля — в ресторане «Монте-Кристо» (в советские времена такое название было невозможно) отмечали 75-летие Хачи. Все собравшиеся хвалили юбиляра за блестящую карьеру. Министр! «Как много в этом слове!..» Лично для меня оно чуждое. А вот долгие поиски пропавшего досье короля балета Мариуса Петипа — это мое. И в отчаянии поисков пришли в голову строки:

Вот какие па
Придумал Петипа!..

Ну, а по «Эхо Москвы» предвыборные баталии и брань. Евгений Киселев о главном кандидате: «Оголтелый, изощренный популист». Новодворская: «Поддержать П. — поддержать злодейство». Оценка Шендеровича: не король, а королек! Иртеньев предлагает сдать «гаранта» в аренду американцам. Короче, интеллигенция изощряется…

7 февраля — прощание сначала в морге, а потом на Перепечинском кладбище с Аркадием Богомоловым (Арнольдом Ивановичем). Был человек, и нет человека. Восемь молодых землекопов все сделали быстро и забросали гроб глиной. Потом поминки. Лариса вспоминала, как Аркадий любил ходить по грибы и закатывать огурцы в

банки, — единственный интерес на пенсии.

Ну, а я закатываю в страницы свои опусы и этюды о писателях и поэтах. И появилась допечатка — 3 тыс. экз. «99 имен Серебряного века». Это вам не грибочки, не рыжики и не грузди.

17 февраля — Путин продолжает удивлять своими «путинками» — словесными перлами. «Вы что, хотите, чтобы я ел землю из горшков с цветами?!..» О своих то ли критиках, то ли оппонентах: «Все выковыривают из носа и размазывают по бумажкам». И финальная фраза из выступления: «Я все эти годы пахал, как раб на галерах». Не греб, а пахал?.. Нет, у меня галер нет, так, слегка помогаю Ще: то в магазин схожу, то мясо проверну в мясорубке для котлет, то еще какое-то хоззадание. Ну, а главное — машинка. Последняя фигура — Генрик Ибсен, который был в конце XIX века властителем дум. Любопытно, что в XX веке Ибсеном занимался Венечка Ерофеев, по «притяжению души»...

В одном из интервью Ксения Собчак чуть не всплакнула: «Почему меня ненавидят, как Гитлера?» Почему, почему? За стандарты гламурности, вульгарности, за большие деньги, за успех. Тут и Ще пожаловалась подруге Лиле, а та возмутилась: «Ты должна гордиться собой, своим мужем, не то,

что я — такая протоплазма…»

24 февраля — главное событие — 21-го — презентация в «Российской газете» дневника Андрея Тарковского «Мартиролог» на итальянские деньги (наши не сподобились). Пригласила помощница Андрея Маша Чугунова. Собралась элитная и богатая публика. Хотел выступить и рассказать о школьных годах Андрея, но как-то упустил момент, когда можно было выйти к микрофону. Лишь подарил сыну Андрея Андрею (1970) «Клуб 1932». Выпил бокал красного вина за память Андрюши и получил том дневников. Дневники за период 1970–1986 (а вел с 1949 г.). Вот запись Тарковского от 30 июля 1976 года: «Кругом ложь, фальшь и гибель… Бедная Россия!»

И примечательная запись от 28 марта 1981 года: «Очень плохо себя чувствую… Вечером был у Юры Безелянского. Он очень милый…»

Что значит «милый»? Ще сказала: теплый, «ему было у нас хорошо». Вполне возможно… А в целом дневники Андрея Тарковского — это боль и крик. Странное название дневника: «Мартиролог». И к презентации этого мартиролога череда уходов: актер Борис Хмельницкий (1940), балерина Бессмертнова, рок-музыкант Егор Летов с его песней «Ангел устал»: «Ангел устал, / Он сидит на табу-

ретке, / Ест колбасу / и смотрит, как падает снег. / Ангел устал…» А еще ровесник Аксенов в коме, а Александра Белявского дома ставят на ноги две жены — первая и вторая, ну, и прочие печали.

О своих делах. Довел Ибсена до 17 стр. Вставил стихи Блока о Сольвейг. «Это небо — твое! / Это небо — мое!..» И просьбы: «Дай мне отдохнуть, освежить мою грудь!.. Дай расколоть это зеркало мглы!» и т. д. Занимался Верленом, напечатан материал о Карузо и Шаляпине. Отвез в «МП» март: Нуриев, Петипа, Кустодиев, Шагинян и Даты знаменитых женщин в марте. А по «Эхо» в программе «Плавленый сырок» костерят «другана Вову» и задают вопрос, сколько натырил инкогнито в Сан-Петербурге? При Сталине и пикнуть не могли, а тут власть, скрипя зубами, терпит, — свобода слова!..

1 марта — последний день 75-летия. Как не вспомнить Корнея Ивановича, который записал в дневнике 1 апреля 1958 года: «Мне 76 лет. How stale and unprofitable (Как банально и бесполезно — англ.). Никогда не считал себя талантливым и глубоко презирал свои писания, но теперь, оглядываясь, вижу, что что-то шевелилось во мне человеческое — но ничего я не сделал со своими потенциями…»

Как жестко самокритичен был к себе Чуковский. Многие задирают нос после первой напечатанной строчки… Лично я не упиваюсь своими публикациями и книгами, просто тружусь и тружусь. Закончил эссе о Поле Верлене. И это не пустячок. Дополнил эссе о Стравинском, нырнул в досье Флобера. 28-го ездил в Хохловский переулок, в «Литературку», с надеждой, что возьмут интервью, отвез «Серебряный век» и несколько материалов, зам Колпаков сказал: «Подыщем вам равного» (но так и не подыскал, интервью не было взято, и лишь 10 лет спустя, в 2018-м, в «ЛГ» появилось одно интервью, на следующий год другое — «Формула Вольтера» — 21 декабря 2019 г.).

2 марта — за окном пасмурно, лежит снег, на столе стоят цветы, «живенькие», как сказала торговка, коробка конфет «Комильфо». День рождения — 76 лет, а Ще — 67, перевертыш цифр. Куча звонков, в том числе Эдуардо из Лондона — он там. Из писателей один Володя Вишневский. К вечеру пришли гости — две дамы — Галя Мишта и Лена Толкачева со стихами «Рыцарь успеха». Какого успеха? Где Нобель-Шнобель, где бедный Кюхельбекер? Всего лишь некий успех без шума и оваций. Мило посидели под шампанское из «золотой коллекции». Все чинно, благородно и

книжно.

8 марта — рабочий день. Начал заниматься Павлом Антокольским для «Алефа» и ездил в «Эксмо» за деньгами — гонорар за второй тираж «Серебряного века». Возвращаясь обратно, увидел у нас во дворе машину из Нижнего Новгорода с картошкой, купил 6 кг. И странно: обрадовался картошке больше гонорара за книгу.

16 марта — вихрь дел — разные герои, разные сюжеты, от Ярослава Гашека до Сильвии Кристель. Печальные страницы про Эммануэль на пенсии. Ну, а Швейк — прелесть с его девизом: «Никогда так не было, чтобы никак не было».

12-го ездил на Книжную ярмарку, на стенде «Радуги» — пять моих книг. Мой дальний родственник Альбертик укорил меня нежеланием работать с Интернетом, а там, в Гугле, в международной поисковой системе обо мне более 4 тыс. упоминаний, в российском Яндексе — более 8 тыс. А я и не в курсе! В «Учительской газете» напечатано интервью со мной, взятое Наташей Рогило. Что еще? Много чего по мелочи. Ушла из жизни Софико Чиаурели.

За окном довольно хмуро.
Настроенье неважнец.

Уходящая натура.
Финиш. Точка. И — конец.

Строки как бы сами выплыли из головы. А я вспоминатель давно ушедших: Адалис, Демьян Бедный. Слышу политические новости, и меня бьет колотун от возмущения. Во всех СМИ новоизбранный подставной Медведев в обнимку с Путиным. Доренко задает вопрос: будет ли все время Медведев сидеть на коленках Путина? Медведев — ученик, а Путин — мудрый учитель и вождь… Очередная лапша: умопомрачительные цифры доходов и пенсий. Кто-то съязвил: «12 лет до счастья». А пока бушует инфляция, и «батоны хлеба идут на взлет». Глядишь, и хлебные бунты не за горами.

21 марта — завершил Джойса — 21 стр. Разбираться с автором «Улисса» было интересно. Джеймс Джойс — это феномен, у него немало последователей, которые безуспешно «джойсируют», по образному выражению Герберта Уэллса.

Однако я забежал вперед, и придется по хронике вернуться назад.

17 марта — гонорар «Эксмо» за «69 имен….» — для памяти и сравнения — 25 тыс. ре., что более тысячи долларов, или примерно 700 евро. И

за второй тираж «Серебряного века» — 32 тыс. ре, и это явно больше, чем в «Радуге». А к деньгам получил ксерокс обложки «69 этюдов», где моя фамилия с портретами гигантов: Пушкина, Лермонтова, Гоголя и Достоевского. Ще оценила обложку как школьный учебник — «Родная речь». А тем временем я уже в новой книге — писатели Запада.

25 марта — в «МП» публикация об Эйфеле. Привет Парижу!..

28 марта — закончил Анатоля Франса, писателя иронии и надежды. Последние 10 лет жизни он прожил в городе Тур в старинном особняке. Проводил многие часы в башне — библиотеке, где были собраны многие тысячи книг, и писателю приходилось пользоваться передвижной лестницей. Анатоль Франс прожил 80 лет.

«Молодость прекрасна тем, что она может восхищаться, не понимая. Позже появляется желание постигнуть известные соотношения вещей, а это уже большое неудобство».

Мое любимое определение Франса: «Случай — псевдоним Бога, когда он не хочет подписываться своим собственным именем».

И мое собственное: «Случай — это Бог, он подстерегает каждого, но не все умеют воспользоваться

предоставленным шансом».

31 марта — звонок: не хотите ли поехать в Берлин на фестиваль русской литературы? Спрашиваю: за чей счет? — За собственный. — Нет, благодарю.

Начало апреля. Опубликованы эссе о Мариэтте Шагинян, Мариусе Петипа, Юлиане Семенове («Алеф»), Генрихе Гейне, Демьяне Бедном и т. д. Добил Ремарка — 21 стр. Еще Нуриев и даже Робеспьер — к 250-летию со дня рождения. Далее Джон Рид, Эдмон Ростан, Эжен Ионеско — и сорвался…

21 апреля — давление, скорая, вкололи магнезию, срыв выступления в Цветаевском доме. Пришлось лечь, и в голове крутились строчки:

Быстро или медленно —
Кто там разберет, —
Но с косою верною
Точно уж идет…

Понимаю: играю с огнем. И не могу остановиться: игра в литературу затянула. Надо больше гулять, отдыхать. И резко сократить объем работы. План-иллюзия…

1 мая — из первомайских народных лозунгов: «Матвиенко — в Шепетовку! Возьми с собою Вов-

ку!» и «Нам нужна другая Россия!»

12 мая — в «Московской правде» — аккурат в день 75-летия Андрея Вознесенского — вышло мое эссе «Интеллигент в эпоху беззакония». В уста Петра Великого Андрей вложил строки:

Смысл России я предвидел.
Война. Кнут и стон в степи.
Я назвал столицу Питер.
Питерпитерпи терпи.

Вознесенский откликнулся на убийство Анны Политковской:

Врезала правду Политковская
За всех и, может, за меня?..

То, что было напечатано в «МП», вошло в книгу «Опасная профессия: писатель» (2013).

19 мая — в последнее время что-то нервно реагирую на уходы знаковых людей. В Олимпийский год умерла Римма Казакова. Ушел чукотский писатель Юрий Рытхэу — ушел в «долину Маленьких Зайчиков». Не стало артиста Борцова, колоритно певшего «Розамунду» в фильме «Покровские ворота» и успокаивающего сожительницу: «Натюрлих, Маргарита Павловна!..»

Впрочем, нет и Инны Ульяновой… В принципе, можно сделать книгу об ушедших по годам. Но кто издаст и кто будет читать этот печальный свод?..

20 мая — рецензия на «Серебряный век». Елена Плахова: «Книги Юрия Безелянского всегда доставляют массу удовольствий для читателей… Такие книги хорошо всегда иметь под рукой — это очень интересное чтение, расширяющее горизонт — да! — возвышающее душу…»

21 мая — узнал, что книга уже в продаже, и помчался на Тверскую. «69 этюдов о русских писателях» (тираж — 4 тыс. экз. Цена 210 руб.)

22 мая — окрыленный изданной книгой, начал собирать следующие: «Говорящие картины» (о художниках), «Лица и маски» — сборная: литература, театр, политика. «Тайные исповеди» (строки из дневников) и «Звезды ретро-эстрады» — она оказалась единственной, которая была издана. Подписана в печать 2 ноября 2011 года.

26 мая — обследование в медцентре за 5 тыс. руб. Гипертоническая болезнь 2-й степени, риск средний. Невролог: «Сознание ясное». Какая прелесть!..

6 июня — допечатал художника Тышлера — 16,5 стр. Анисим по поводу книги «Прекрасные

безумцы»: «Твой стиль — совершенство». Редкий независтливый человек.

19 июня — в Домжуре с опозданием вручили грамоту «За большой вклад в развитие отечественной журналистики». Вручающая Валентина Степановна сказала: «Вы счастливый человек!.. Многие из вашего поколения уже ушли, спились, пребывают в забвении, в отчаянии, а вы пишете и издаетесь. Это — редкость!..»

30 июня — отвез в «Эксмо» набор западных писателей в сумке — 10 кг. Писатель-такелажник. На обратной дороге попал под дождь. «Вы счастливый человек!..»

4 июля — допечатал Безыменского. В «Алефе» вышла Адалис. «В дайджесте “МП”» — повтор Ремарка. 60-я публикация в «МП».

8 июля — допечатал Михаила Бакунина — 31 стр. Солидно.

10 июля — еще одна издательница загорелась идеей издать две подарочные книги и попросила две главки — об Элвисе Пресли и художнике Александре Иванове, но, увы, «явления» подарочных книг так и не состоялось. А я тем временем схватился за Лебедева-Кумача. «Мажорный и трагический Кумач» (сначала в газете, потом в книге «Опасная профессия»). Главный советский

«запевала»:

Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек…

Какая ложь и панама! Но песни, конечно, были замечательные (для недумающих) и звонкие:

Кто весел — тот смеется,
Кто хочет — тот добьется,
Кто ищет — тот всегда найдет!

И никаких арестов, лагерей и расстрелов!.. Этого как бы не было, а только:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля…

15 июля — в «МП» — антипод Кумача — трагический пессимист Франц Кафка.

В июле еще сочинял и появились в СМИ: Уильям Сароян, Николай Олейников, Поль Гоген, сподвижник Ленина — Зиновьев и др.

30 июля — в «ЛГ» рецензия Ольги Шатохиной на «69 этюдов» — «Пижоны и пророки» с утверждением, что в книгах Ю. Б. «проблескивает загадочное очарование».

1 августа — на 68-летие Ще написал верлибр с

такой концовкой:

Жизнь — это все-таки прекрасная штука,

Хотя, может быть, всего лишь шутка господина Бога.

4 августа — умер Александр Солженицын. Его призыв «Жить не по лжи» никто не услышал, а власть надсмеялась над его призывом о «сбережении народа», власть продолжает народ гнобить, опускать, дебилизировать, уничтожать…

8 августа — с утра стон Щекастика: «Опять готовить!». Я ей в тон: «Опять сочинять!»

10 августа — звонила Лена Левина, она теперь на Первом канале и сообщила, что моими информационными материалами все пользуются и на меня открыто 500 файлов. А я, выходит, мимо кассы!..

20 августа — звонок Бурштейн из Шверина (ФРГ): «Ваши книги в диаспоре — настольные» — «Клуб 1932», «Пятый пункт», «Вера. Надежда. Любовь»…

23 августа — закончил Владимира Набокова, 40 стр. Потратил неделю.

25–31 августа — краткий отдых в санатории работников прокуратуры РФ «Истра». Неинтересно,

утло. А приехали домой — книжно, комфортно…

4 сентября — в «Алефе» — Эжен Ионеско — «Носорог». Поддакнул ему и Вознесенский:

Люди — это носороги.

Нет людей.

16 сентября — какая-то художница Маша купила «99 имен Серебряного века» для музея русской поэзии в Вашингтоне. Книги летят по миру…

30 сентября — неожиданный звонок Меры из Хайфы: «Читаю твои волшебные книги… Борис тоже работает: выгуливает собаку и ходит в магазин за продуктами…»

7 октября — вышла 27-я книга — «Золотые перья. Литературные портреты». Отпечатана в Вологде, на улице Челюскинцев, которые ждали спасения на льдине (мы все на льдине, и все ждем спасения. А иногда кажется, что живем в самом кратере вулкана).

11 октября — занимался дневниками академика Вернадского. В «МП» вышел долгожданный Шатобриан, в дайджесте повторен Галич. «А где Бизе с Верди?» — спросил ненасытный Безелянский.

15 октября — появились Верди с Щусевым (зодчий церквей и Мавзолея Ленина), а 17 октября

— Иван Шмелев.

18 октября — вечер в зале «Творчество», продавали «Золотые перья» по сниженным издательским ценам. На вечер приехал мой ровесник Георгий Михайлович Вайсман, работник Гидрометцентра, с подарками, как поклонник моих книг. Начало эпопеи «Погода».

21 октября — в «Москве» на Тверской появились «Золотые перья» по 370 руб. В «Аккорде» гонорар за Стравинского — 4915 руб.

3 ноября — 41-я годовщина свадьбы, которой практически не было, но это абсолютно не повлияло на наш союз, личностный и творческий.

Эдуардо с розами. Поехали в Дом Нащокина на выставку художников Целкова, Шемякина и Любарова. А потом пиццерия «Патио», где когда-то находилась «София» и я обмывал там первый свой гонорар на радио вместе с Горанским.

14 ноября — дочь Агнии Барто благодарила за публикацию о маме в «Алефе».

17 ноября — бригада с ТВ «Звезда». Не моя тема: брачный аферист, но пришлось напрягаться и что-то рассказывать.

18 ноября — рекорд не рекорд, но достижение: 3-я книга за год. «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов» (686 стр.). От Вольтера до Сартра

и Симоны де Бовуар. С каким восторгом я читал бы подобную книгу в 30 или 40 лет, но таких не издавали, и пришлось ее сочинить в свои 76…

22 ноября — в библиотеке Платонова рассказывал лицеистам о Серебряном веке. И преподавать, оказывается, могу… 26-го — музей Брюсова на проспекте Мира. В зале 7 человек. Провал? Нет, хорошо посидели с работниками музея за чаем. О жизни и литературе по душам…

28 ноября — выступление на Ленгорах у студентов-вечерников МГУ.

Общаюсь средь филологинь,
И это очень интересно.
Они не знают ни фига —
Ни Зину Гиппиус, ни Пяста…

Дальше строки почему-то не пошли, возможно, от негодования…

30 ноября — звонок от ветерана из Царицыно: «…Напишите о Шкулеве: наши коммунисты им интересуются…»

Филиппа Шкулева практически не знаю. То ли он написал:

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастия ключи…

То ли:

Наш паровоз, вперед лети!
В коммуне остановка…

Лично у меня другая остановка и никаких коммун. И поэтому отказался.

В ноябре у меня были другие герои и персоны, о которых я писал, и выходили публикации: Тургенев, К.Р., Петров-Водкин, Жорж Бизе, Эдгар По, Уильям Сароян… А Филипп Степанович Шкулев (18681930) — один из зачинателей пролетарской поэзии. Как сказано в Советской энциклопедии: воспевал освобожденный труд. Кстати, а где он, этот освобожденный труд? Сгинул? Есть бизнес, есть подневольная работа, есть хищения и мошенничество. И не услышаны ныне «Мы — кузнецы». Совсем другие песни: мы — олигархи, мы — силовики, мы — чиновники, у молодежи — мажоры (22 августа 2018 г.).

1 декабря — записывался на 3-м канале ТВ, и даже за денежку.

3 декабря — Ще привезла из «Москвички» аж 16 газет с разворотом «Прогулки с писателем по Москве». Один из снимков — фото с кепкой — потом пошло гулять по различным изданиям и Интернету. Ю. Б. в кепке. А вот Боярский в

шляпе…

4 декабря — радиостанция «Маяк» на Ямском поле. Со мной вели беседу Фекла Толстая и Петр Фадеев с подключением звонков радиослушателей.

6 декабря — в «МП» вышел материал «Абсурд, Сизиф и Камю». А я тем временем допечатывал Поля Сезанна.

10 декабря — вечер в Цветаевском доме — «О времени, о книгах, о себе».

11 декабря — звонок Кориной из «Эксмо»: низшее начальство одобрило 5 моих заявок и отправило их к высшему начальству. Пришлось срочно залезать в огромный короб и поднимать давно написанные материалы, в том числе о Дзержинском, некогда сделанном для французского издательства «Лаффон».

12 декабря — приглашение в Литературную гостиную Некрасовки. Координатор Раиса Васильевна объявила, что в первом ряду сидит писатель Ю. Н., с которым она познакомилась в Интернете и влюбилась в него, а рядом — его жена. Все стали крутить головами, где, где?.. И знакомство со Светланой Комраковой.

16 декабря — в «МП» вышел Ростислав Плятт (13-го — Валерий Брюсов).

Звонок Вайсмана: возможно, Гидромет издаст книгу о погоде. И Ще бросилась к дневникам, выискивая описание погодных явлений.

20 декабря — в «МП» — Гиляровский. И плюс то ли комментарий, то ли рецензия на две мои книги, вышедшие в «Эксмо», с подзаголовком «Постоянный и любимый автор «Московской правды». Егорунин привел мнение неких критиков: слишком легко и изящно. И тут же дал отповедь: главное — просветительство. «Читайте книги Юрия Безелянского и будьте счастливы и горды за нашу литературу», — сказано в конце публикации.

23 декабря — в «МП» — Пуччини, тот самый — Джакомо, родившийся в Тоскане. Ему повезло: у него был друг издатель Рикорди, который помогал композитору всю жизнь. Оперы «Богема», «Тоска», «Манон Леско», «Мадам Баттерфляй». К сожалению, у меня нет друга-издателя, друга-спонсора (чуть-чуть помогает Эдик, то бумагой, то ручками, то машинками) и поэтому я бросаюсь, в отличие от Пуччини, в пучину творческую без всякой поддержки. Ну, а в тот декабрьский вечер засел за Сталина — в книгу о политиках и тиранах. Печатал сходу и без черновика, напевая популярную песню своей юности: «Артилле-

ристы, Сталин дал приказ…» Слова, конечно, подзабыл и все время путал, сбивался. Но пел громко и бодро стучал по клавишам машинки. «Из сотни тысяч батарей за слезы наших матерей…» И, конечно, команда: «Огонь!..»

31 декабря — первый Новый год без елочки и вместо шампанского столовое вино. «Дом у реки» — подарок Вайсмана. И куча иностранных звонков, в отличие от советских времен, — Париж, Дортмунд, Аугсбург, Сан-Франциско. Ну, прямо по Вертинскому:

И снится мне — в притонах Сан-Франциско
Лиловый негр Вам подает манто.

И когда подавал манто? В 1916 году…

ИТОГИ 2008 ГОДА:

Вышли три книги: «69 этюдов о русских писателях», «55 портретов знаменитых писателей Запада» и «Золотые перья». 114 публикаций в СМИ, включая повторы в дайджестах, 12 публикаций в «Алефе», ТВ, радио и прочие выступления. 10 декабря подписан в печать сборник «Читающая Москва. Что читать?» («Московская правда», 8 тыс. экз.). Там глава «Люди и судьбы» состоит из

семи моих материалов: Андрей Болотов, Николай Олейников, «Лев Толстой в Москве», «Тургенев и тургеневские женщины», Уильям Сароян, виконт Рене де Шатобриан / «Замогильные записки — вечно живые» и Иван Шмелев — «Московский сказочник, оказавшийся во Франции».

Дополнения

Все да не все. В дневниковой тетради № 66 сброшюрованы 127 страниц, то есть из них выбрано в книгу менее 10 процентов. Многое, как говорится, осталось за бортом, ушло на дно, в глубину памяти. Может быть, следует что-то вспомнить и добавить?

К примеру, 6 марта, спустя четыре дня после дня рождения, в «МП» напечатан Евгений Вахтангов, в «Алефе» — Лев Кассиль. Хороший и добрый Кассиль. Начальник детства. Страна Швамбрания. «Мама, а наша кошка — тоже еврей?» Брата Осю уничтожили во времена террора, а Льва не тронули, и он стал правоверным советским писателем. Про молодого Льва Маяковский писал:

Мы пахали, мы косили,
Мы нахалы, мы Кассили.

А еще печатал про Демьяна Бедного. Когда-то на заре советской власти Демьян гремел наравне с Максимом Горьким. А потом был забыт и практически вычеркнут, ибо поэзия и лакейство несовместимы. Способный человек, но и

великолепный приспособленец, подсюсюкивал партийным вождям, считая, что борется «с мироедской разбойной оравой». Доживи Демьян до наших дней, он упал бы в обморок, как в конечном счете в России победила и крепко уселась на трон своя «мироедская разбойная орава». Разбираться в этих разных персонах не просто. Когда ехал обратно из «Алефа» с Савеловского, сел не на тот автобус и уснул от усталости, проснулся, выскочил на Планетной улице и дунул пешком по улице Владимира Коккинаки, — был такой прославленный советский летчик, но кто его помнит сегодня. Где летал? Даже Чкалов ныне неопознанный объект. Нет. Мои герои — поэты и писатели, а не летчики и моряки.

24 марта — 70-летие Эдуардо в ресторане МЕОЦа. Стол вела Ще, «наша Ермолова», — съехидничала Таня. Гостей было человек 50, их слух услаждал знаменитый музыкант Игорь Бутман и, наверное, за большие деньги.

10 апреля — в «МП» опубликован Рудольф Нуриев, великий Руди с неправильной сексуальной ориентацией. Перепечатка из книги «Поцелуй от Версаче» (1998) — «Идолы XX века». 16 июня 1961 год Нуриев (Нуреев) во время гастролей Большого театра остался в Париже. Беглец из СССР. За Ну-

риевым потянулись другие: Наталья Макарова, Барышников, Годунов… Все жаждали творческой свободы… Подробности о многих бежавших и уехавших в трехтомнике «Огни эмиграции».

22 мая — слушал по «Эхо» всякую правительственную «лапшу» про сияющие дали в будущем, и возникли строчки: «Снова народу обещано счастье…»

Напрасны надежды. Все будет, как было.
Узда. Принужденье и кнут.
Пока пугачевы не возьмутся за вилы —
Родимую власть не снесут…

Это не прогноз, это, как ныне говорят, «оценочное суждение» (16 января 2020 г.).

24 июня — взялся за Михаила Бакунина, анархиста и революционера. Когда-то, точнее в 1976 году, написал в стол о нем небольшой этюд, а тут принялся основательно за портрет яркого борца против тиранических режимов. Ну, а Ще в который раз перечитывает свою любимую книгу «Волшебная гора» Томаса Манна и дружит с главным героем Гансом Касторпом…

27 июня — получил набор-верстку писателей

Запада, 686 стр. мелкого шрифта. И за три дня все прочитал и, конечно, ошибки: у Манна — «Вуденброкки», вместо Франса — Транс и т. д. Что-то выловил, но, наверно, не все, — где корректоры былых советских времен?..

4 июля — уже упоминал, что закончил печатать про Александра Безыменского и назвал «Комсомолец и маркиза». И просто поставить на этом точку, наверное, неправильно. В детстве, когда мы жили на Мытной в Замоскворечье, нам часто звонили: «Это квартира Безыменского?» И мама возмущалась: «Нет!..» Безыменский — Безелянский — есть какое-то созвучие, но по сути — пропасть. Безыменский только в начале гармонировал со мной: «Помню, я вырос, а мама рыдала: “Мальчик за книжкою почти не спал…”» Оба — книгочеи, только Безыменский ушел с головой в революцию и в коммунизм, сочиняя бодрые маршевые песни:

Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе…

Шустрый юноша из Житомира, ну, а я из Моск-

вы, поклонник Серебряного века, писавший в 17 лет вместе с Андреем Тарковским декадентские строки: «Проходят дни густой лиловой тенью…»

Безыменский очень старался быть отличным бойцом партии, но все равно был уничтожен Маяковским: «Ну, а что вот Безыменский? (Так ничего…) морковный кофе…»

И все же я чту Александра Ильича за одну переводную французскую песенку: «Все хорошо, прекрасная маркиза, за исключеньем пустяка…» И разворачивается длинный список неудач и несчастий. И оптимизм вопреки всему: «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, всё хорошо…»

3 июля — пришлось ехать в «Октопус» забирать вторую книжку о кино, точнее, рукопись — тянули-тянули, как кота за хвост, и отказались издавать, и можно было вполне напевать песенку о маркизе: «Все хорошо, все хорошо…»

13 июля — в музее Пушкина лицезрели картину Пармиджанино, не хуже Джоконды. И кстати о Леонардо, киоскерша в музее с гордостью: «У меня есть ваша книга о Джоконде». Ще с удовлетворением: «Тебя знают…» Также посетили выставку начала XX века итальянских и русских футуристов. Певцы упадка и разложения.

А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб? —

писал молодой Маяковский в 1913 году. «Скрипка и немножко нервно» и т. д. «Там, где жили свиристели, / Где качались тихо ели…» Это — Велимир Хлебников. «Слепая стерва, / Не попадайся! Ввa!..» (Василий Каменский. «Сарынь на кичку»). Ну, и т. д.

23 июля — в «Эксмо» слово «Запад» в моей книге отвергли: Запад — это крамола (бедный Киплинг: «Запад есть Запад…»), ну, а «Писатели Запада» оставили. Это как-то понейтральней?.. Швейцарская энциклопедия «Кто есть успешный в России» выйдет, вроде бы, в начале следующего года, а пока собирают деньги с представленных авторов по 611 евро, я отказался. А вот в «Голос России» на Пятницкую сходил и с удовольствием представлял свои книги.

28 июля — объединил трех художников — Тинторетто, Караваджо и Франсуа Буше и сделал миниатюрку на 5,5 стр. Пустячок, но изящный. А потом принялся потрошить звезду старого МХТ (в основном усилиями Немировича-Данченко), ну, и, конечно, о том, как Ольга Леонардовна добавила к своей фамилии Книппер фамилию

популярного писателя Чехова. Для этого пришлось прочитать несколько воспоминаний, чтобы разобраться, как Книппер удалось заарканить, захомутать, заполонить (глаголов можно подобрать много) сопротивляющегося Антона Павловича.

Из письма Максима Горького: «Да, говорят, вы женитесь на какой-то женщине-артистке с иностранной фамилией…» Да, на артистке, ветреной и вздорной, любящей крутить головы мужчинам. Чехов мягко укорял ее за это, а Книппер даже не оправдывалась: «Я увлекаюсь и изменяю тебе на каждом шагу — это верно. На то я человек и женщина». Бедный Антон Павлович оказался в капкане. Если честно, то она сократила ему годы жизни, Чехов умер в 44 года. Ольга Леонардовна ушла из жизни на 91-м году, в марте 1959-го.

Материал о Книппер вошел в совместную книгу с Ще «Жила-была женщина» (2017). Ну, о Чехове я писал в «Московской правде» и в книге «99 имен Серебряного века» (2007). В июле 1904 года интеллигенция оплакивала Чехова. «Что вы все рыдаете: умер Чехов, да умер Чехов! Этот умер, другой отыщется! Не на Чеховых, а на полицейских держится природа», — отозвался на кончину великого русского писателя градоначальник

Ялты, генерал Думбадзе. Прав генерал, и спустя более 100 лет Россия держится на полицейских и силовиках. Лубянка как свет в окошке России… (8 января 2020 г.)

Россия — это вечный Фирс из «Вишневого сада», слуга хозяев жизни. Раневская спрашивает его, что он будет делать, если продадут имение? На что Фирс покорно отвечает: «Куда прикажете, туда и пойду». Полная холопская покорность: на войну, на завод или в колхоз, если надо, то и в ГУЛАГ, только смирение и «на все воля Божья». Глубинный русский народ…

8 августа — Россия начала войну с непокорной маленькой Грузией. Бешеный Жириновский призвал бомбить Тбилиси и стереть Грузию с лица Земли. Патриот-человеконенавистник. В ответ пытался переиначить нежно-патриотическую песню «С чего начинается Родина?..» И выдвинул свою версию: «С Лубянки и КГБ…»

13 августа — киплю от возмущения. Выходил из дома только за газетами и картошкой. Чтобы отвлечься от безумного времени, врубился в Андрея Болотова. Господи, какие были замечательные люди в старой России! Жадные до знаний, до живого полезного дела, а нынешние только болтуны и рвачи, деньги, бизнес — и все

дела! Грызловы и компания! Придумали «операцию по принуждению к миру», и куражатся над грузинами. Очевидно, следующая операция будет «принуждение к любви к власти», а то ведь не уважают, гады!..

Ну, а Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833) истинно ренессансный человек, вел большую научно-агрономическую деятельность, занимался землеустройством, рыболовством, вывел новые сорта яблок, изобретал различные инструменты, редактировал первый в России сельскохозяйственный журнал, оставил после себя знаменитые «Записки» Болотова, огромные по объему, ну и т. д. Да, был помещиком, но каким просвещенным!.. Ну, а нынешние деятели, которых вовсю расхваливают и возносят? Мелкие, ничтожные, пустые люди. Да и интеллигенция, писатели ныне не те. Даже сочинил строки: «О друг Горацио, для чего мы, мучаясь, живем…» И далее:

Мы что-то пишем и творим,
А что в итоге? Что?
Все исчезает, словно дым,
И превращается в ничто…

Да, суровая оценка, суровая… А все потому, что из того, что написано, пробуксовывает. СМИ все дальше уходят от культуры и литературы.

23 августа — уже писал ранее, что закончил Владимира Набокова, что отняло много сил. Другой вариант, ранее опубликованный в книге «Страсти по Луне» (1993) к 100-летию Владимира Набокова. А тут несколько другой вариант для придуманной новой книги «Люди и маски» (которая в итоге не состоялась — 10 янв. 2020 г.).

Тоска, и тайна, и услада,
И словно тайная мольба…

Набоков все время возвращался к России, к теме потерянного рая:

Ибо годы прошли и столетья,
И за горе, за муку, за стыд,
Поздно, поздно, никто не ответит,
И душа никому не простит.

Владимир Владимирович Набоков даже не предполагал, какой станет Россия со временем, в период другого Владимира Владимировича, в «страну спецслужб».

7 сентября — занимался выборкой дневни-

ковых чужих записей. Юрий Карлович Олеша, получив маленький гонорар, записывал с тревогой: «Как выкрутиться?..» Как «как»? Крутиться и вертеться, протирать штаны, бегать по редакциям… Я, тоже получив гонорар, часть истратил и купил стереосистему «Панасоник» за 3.700 (100 евро). Ще подбодрила: «Настоящий мужской поступок».

15 сентября — ездил в ЦДЛ платить взносы. Жанна с грустью поведала: ЦДЛ угасает, старики умирают, молодежь не ходит. Был какой-то банкет. Богуславская кормила, как младенца, Вознесенского, а у него все вываливалось изо рта. Господи, не приведи до распада… А поэт Танич заявил, что нет ничего лучшего, чем 80 лет: ничего не можешь и ничего не хочется…

21 сентября — расправился с художником Петровым-Водкиным и взялся за знаменитого актера Щепкина — юбилей, 220 лет. Ну, а в промежутках работы слушаю по «Панасонику» лихие песенки и тут же придумываю свои варианты:

«Поспели вишни в саду у дяди Вани…»
И тетя Груня счастием полна.
А у меня стоит лишь книжка в плане
И неизвестно, выйдет ли она…

Был в Доме книги на Арбате, и знакомая продавец-консультант сказала мне: «Вас читают — у вас все интересно».

29 сентября — звонил во Французский культурный центр, хотел организовать там презентацию книги о западных писателях, тем более что много французов. «Вы говорите по-французски? По-английски?..» А я в языках ни бум-бум, как сундук. Извиняйте дядьку! Так же и с иностранной библиотекой: «Присылайте свои предложения по электронной почте». А я с компьютером не в дружбе. Отсталый, дремучий человек и непонятно, как еще держусь на поверхности…

2 октября — умер знаменитый политический карикатурист Борис Ефимов, брат Михаила Кольцова. 108 лет — рекордсмен-долгожитель: за себя и расстрелянного брата. Как жил в последние годы, как мучился?

9 октября — ездил за авторским экземплярами «Золотые перья», а потом еще на Савеловский за вышедшим «Алефом» и гонораром.

В журнале опубликована Римма Казакова. Из «Алефа» она потом перекочевала в книгу «Опасная профессия: писатель» (2013) — «Орлеанская дева российской поэзии». Соревновалась с Беллой Ахмадулиной, но проиграла в известности, кра-

соте и таланте. И все же писала хорошие стихи про горемычную жизнь:

Читающая публика читает,
Болтающая публика болтает,
Торгующая публика торгует,
Воруюшая публика ворует…

И страдала и за свою судьбу, и за судьбу Союза писателей Москвы, который возглавляла. «Деньги, деньги, / Дребеденьги! — / Цель и суть твоей души». У меня с Риммой Федоровной были непростые личные отношения.

18 октября — в субботу по «Эхо Москвы» истерика по поводу кризиса. Сначала эксперты, потом народ. «Будь что будет!..» «А я и впроголодь проживу». «Сильные выживают, слабые погибают…» «Никакой надежды на государство. В магазинах ажиотаж, скупают все на случай голода, вплоть до люстр (голод в прекрасном свете?). На помощь евреям пришла синагога, и нам доставили «заказ»: две курицы, подсолнечное масло, сахарный песок. Я глубоко вздохнул и подумал: «Всякое даяние есть благо».

Вечером в зал «Творчество». Привезли «Золотые перья» по 200 ре. Кто-то подошел и пустил слезу:

нет денег, не могу купить. Я вынул 200 рублей и купил просящей книгу. Надо тоже делать благо.

На следующий день видел в «Москве» на Тверской «Золотые перья» по 370 р. Подарил книги бывшим своим «начальникам» по «ВК» и «ВМ», ныне «сосланным» в «Журналист». Поблагодарили, но чувствуется скрытая зависть. А я продолжал пахоту и молотьбу: вникал в дневники академика Вернадского, критика Полонского, печатал про Пуччини, потом взялся за Ростислава Плятта. Предложил Вайсману издать в Гидрометцентре книгу о погоде на каждый день с пейзажно-природными стихами. Позднее придумал название «Погода и слово».

8 ноября — в «МП» на странице «Книги в Москве» ждал давно отданных Тургенева, Альбера Камю и Кантемира, а вышел Петров-Водкин с купанием красного коня. В дайджесте — Ираклий Андроников. И допечатал К.Р. — 12 стр. А в «Вечорке» о книгах почти не пишут: литература в изгнании…

23 ноября — допечатал Эдгара По — 12 стр. Nevermore — это приговор во всех столетиях и странах. В переводе Михаила Зенкевича:

> *Только приоткрыл я ставни — вышел*
> *Ворон стародавний,*

оправляя траур оперенья своего;

Без поклона, важно, гордо, выступил он чинно, твердо:

С видом леди или лорда у порога моего,

Над дверьми на бюст Паллады у порога моего

Сел — и больше ничего…

Поэма длинная и страшноватая, ибо крикнул Ворон: Nevermore!

Никогда! — всем надеждам, иллюзиям и ожиданиям… Эдгар Аллан По (1809–1849) — поэт и новеллист с драматической судьбой.

25 ноября — Еженедельник «Москвичка» реализовал идею: интервью-прогулку с известным писателем — на машине с корреспондентом Марией Егоровой и фотокором. По воспоминательным местам: Волхонка, где жил в первые годы, роддом им. Грауэрмана, где родился, а напротив Дом книги, где лежат на прилавках мои писания и где их не раз представлял читающей публике. Далее ЦДЛ, членом которого являюсь, и Полянка, где книжный магазин «Молодая гвардия», а до возникновения новых высотных зданий, в конце 50-х начал свою трудовую деятельность в зачуханной конторе Мосхлебторга. Выходили из

машины, и я вел рассказ, фотокор делал снимки. Поездка-интервью длилась два часа.

Поздравлял Гришу П. с днем рождения, спросил, какие новости? Ответил: вчера был в бане. Живут же люди: ходят в баню, не пишут книг, не дают интервью. Покой и благоденствие…

4 декабря — Ще, как литературный секретарь, привезла из «Москвички» аж 16 номеров с разворотом «Прогулки с писателем по Москве». А я уже в других темах: «Звучащая раковина» о сестрах Иде и Фриде Напельбаум — вышла в «Алефе». В «МП» — «Абсурд, Сизиф и Альбер Камю». И допечатал Поля Сезанна, ну, прямо Университет культуры на дому!..

22 декабря — сделал пробные три дня о погоде. Ездил в «Эксмо» за гонораром, там уныние: кризис, увольнения, выход книг под большим вопросом. Звонил Вайсман: купил моих западных писателей, бросил читать Сарнова и начал читать меня. Выиграл заочное соревнование?.. Прочитал новые стихи Андрея Вознесенского, еле живой, но пытается сражаться, вдохновляясь Аввакумом: «Бесовщина правит страной… вас, нажравшиеся по три хари…» и т. д. Отметился Андрей и в «Известиях»:

Кризис, он не идиот.

Не сожрамши, не уйдет.

26 декабря — жутко серо-мглисто — небеса против моей работы, но все равно сражаюсь. Постоянно слушаю радио. По «Эхо» тихо издеваются про власть: 2008 год — удвоение власти… два президента сопели и находились в несознанке… Ну, а я в сознании и в нездоровье…

Ну, а если серьезно, то обратимся к специалисту, к экономисту Дмитрию Прокофьеву, в «Новой газете» (13 янв. 2020 г.) он поместил на полосу итоги последних 10 лет «Развитие наоборот» — о том, что 2010-е привели к обнищанию народа и обогащению начальства. А началась эта тенденция (или вектор) с 2008 года, когда разразился мировой кризис, упали цены на экспортное сырье и прекратились дешевые западные кредиты, и тогда в 2008-м в РФ был принят комплекс по спасению российского высшего класса (1 %) наиболее состоятельных граждан России, что контролируют почти 60 % всех материальных и финансовых активов страны — никаким Ротшильдам и Рокфеллерам такое и не снилось. Власть срочно принялась спасать богатых и топить бедных. Прокофьев иронизирует: «Настоящая политика для настоящих хозяев». И пошла мания «снижения издержек» и «оптимизации», что расцвело

пышным цветом в 2019-м. «Развитие наоборот».

Ну, а теперь можно перейти к следующему, 2009 году, к хронике жизни одного московского интеллигента в очках, культуролога и писателя, бившегося за знания, просвещение, за книги читателей.

14 января 2020 г.

2009 год — 76/77 лет

Книга одна: «Плата за успех» о кинозвездах. Немного газетно-журнальных публикаций, в том числе в «Науке и жизни» — «Герой, бунтарь, анархист» (Михаил Бакунин). В «Алефе» — Жаботинский, Надсон, Андрей Синявский, Юлий Даниэль, братья Вайнеры и др. В «Московской правде»: Эдгар По, Сезанн, Талейран, Роберт Бернс, Иван Крылов, Василий Кандинский, Мусоргский, Нижинский и др. В «Аккорде» — Стравинский. 30 мая выступление в Переделкино на даче Корнея Чуковского. В ресторане «Синдбад» обсуждение издания книги «Погода и слово», первый выход к «Никитским воротам», книга Ще «Искушение». Уход Василия Аксенова. В какой-то студии ТВ на Арбате выступил по теме Локкарт, заговор трех послов. Октябрь — тур «Жемчужины северной Италии»: Сан-Марино, Венеция, Верона, Генуя, Портофино, Милан, Флоренция…

Мысль о смерти побеждается только самогипнозом работы — все прочее пасует.

Дм. Быков. «Манифест трудоголика»
«Новая газета», 22 июня 2009 г.

3 января — два первых дня нового года бездельничал, отдыхал, а 3-го — за работу. Подводил итоги ушедшего года, сколько чего написал, сколько и где выступил, — все это в памяти удержать невозможно. Крутил книгу об истории России, собирал воедино ранее написанное о Витте, Столыпине, Пуришкевиче, Гапоне. Дописывал Сталина. Совпадение: о нем по ТВ и Радзинский — «Усмиритель революции». Нашел в своих архивных залежах материал о Метрополе, а там о Бухарине, жившем какое-то время в гостинице. Все это интересно, но преследовала мысль, что все труды зря, и книга не выйдет (и точно! — это уже написано со вздохом 21 окт. 2018 г.).

Ще ездила в гости к университетской подруге — поговорить, пообщаться. Не вышло. Ще после долгих лет нашла себя в журнальном деле с применением филологии. И с удовольствием рассказывала о Зинаиде Гиппиус, о ее неприятии Октябрьской революции:

Как скользки улицы отвратные,
Какая стыдь!
Как в эти дни невероятные
Позорно жить!

И в адрес большевиков: «Но вас, Иуды, вас, предатели, / Я ненавижу больше всех». И разговор-прощание перед эмиграцией с Александром Блоком. Ще рассказывала об этом как бы в пустоту, ибо Люлек давно ушла из филологии и истории в сплошной быт и рассказу о Гиппиус противопоставила свои страдания по цементу (то ли строит, то ли обновляет дачу). Так что поговорили…

7 января — купили большой телевизор, экран 81 см. «Сони-Бравия 32» словацкой сборки. Надо сказать, что в молодые годы я как-то спокойно обходился без телевизора — дома его не было. Он появился поздно, в период моего «возвращения обратно». Я с интересом начал его настраивать и тут же сломал. А уже потом во втором браке появился тещин телевизор, и я в основном смотрел фигурное катание. Новости с колосящимися полями и весело гудящими тракторами я игнорировал. Полностью согласен с американским юмористом Фредом Алленом: «Телевидение — это

когда люди, которые ничего не делают, смотрят на людей, которые ничего не умеют».

В первый же вечер с большим экраном явление Казарновской в роли Кармен. Бездарно, смешно и нелепо. Ну, не дано певице быть Кармен…

10 января — Анна Нетребко на концерте из Вены, в замке Шебрунн — это вот настоящее!

15 января — ресторан «Синдбад», переговоры о написании и издании книги о погоде. Посредник Вайсман, федеральный министр по метеослужбе Александр Иванович Бедрицкий и Ю. Б. Изысканный обед с зеленым чаем. Срок сдачи рукописи — к 1 мая, а «финансовый вопрос будет решен».

16 января — подбирал стихи о погоде из разных поэтических сборников. Почти у каждого автора есть что-то погодное. Почти классик Алексей Будищев:

Был май, веселый месяц май, —
Кому же скучно в мае?
Цветов в полях хоть отбавляй,
А лес, а птичьи стаи…

Или Новелла Матвеева:

Короток май и недолог.
Точно досуг между делом…

17 января — первая публикация года — «МП» — Эдгар По и, конечно, с цитатой из «Ворона» (перевод Михаила Зенкевича):

Я воскликнул: «Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!

Дьявол ли тебя направил, буря ль из подземных нор

Занесла тебя под крышу, где я древний Ужас слышу,

Мне скажи, дано ль мне свыше там, у Галаадских гор,

Обрести бальзам от муки, там, у Галаадских гор?»

Крикнул Ворон: «Nevermore!»

22 января — и опять жизнь, как вихрь. В «МП» напечатан «Сезанн и русский авангард». Вышел декабрьский «Алеф», там Ханна Арендт и рецензия на «Золотые перья». Сходу напечатал коротенького Роберта Бернса, начал дедушку Крылова, а до всего этого завершил Талейрана, 11 стр. И кто все это делает?

— Как ты прийти ко мне посмел?

— Посмел, — сказал Финдлей.

— Небось наделаешь ты дел.

— Могу! — сказал Финдлей.

Я, как герой Бернса — Финдлей (в переводе Маршака), ворочу и ворочу кучу творческих дел. И откуда только силы берутся? Неужели великая любовь к литературе? Деньги? Ну, и немного и это…

26 января — в «Эксмо» из-за кризиса отклонили все мои заявки. А зачем я возился с Лениным, Сталиным и Распутиным? Чтобы, как говорил Безбородов на радио, «складировать»?

27 января — Егорунин вручил мне сборник «Читающая Россия», составленный из лучших материалов «Московской правды». Моих там — семь.

28 января — умер член Клуба 1932 — Джон Апдайк. Роман «Беги, кролик, беги!» — и уже не бежит…

1 февраля — Виктор Шендерович заявил: «Люди в России встали с колен и легли под телевизором». Это не про нас. Ще вся погружена в погоду — ищет, набирает. «Скорей бы утро — хочется понабирать!» А я в точном соответствии с записью в дневнике Людмилы Бердяевой: «Какая у меня сильная, неугасимая жажда (или желание)

познания! Многие устают от познания, а я нет. Мне хочется знать все больше и больше…»

4 февраля — в «МП» появился Талейран и, о ужас! — спутали портрет: дали не Талейрана, а маршала Мюрата. Без ошибок не обходится…

11 февраля — копаясь в архивах, натолкнулся на письмо Пушкина, в котором он пишет: «Бедный Глинка работает как батрак, а проку все нет».

Это о Михаиле Ивановиче Глинке, хотя можно примерить глинковскую работоспособность на себя. Только осколки каких-то признаний долетают до меня. Какая-то американка спрашивала Ларису Токарь: «Вы знаете самого Безелянского?!» Другой американец Юрий Зыскин в своей книге упомянул Ю. Б. как «писателя-эрудита». Письмо из Австралии от эмигранта Михаила Грановского о том, что книга «5-й пункт, или Коктейль “Россия”» произвела «огромное впечатление».

10-го в жуткую влажно-ледяную погоду отправился на Вятскую в районный еврейский центр («Хама»?) выступать перед теми, кто туда ходит, кормится, лечится. Как говорят на ТВ, уходящая натура. Меня они читают в «Алефе» и знают. Полтора часа отговорил, не хотели отпускать…

Умерла Маргарита Эскина, возглавлявшая

Дом актера на старом Арбате. Я собирался с ней пообщаться, но так и не собрался, также как и с отцом Александром Менем. Если Эскина умерла естественной смертью, то Меня убили его ненавистники.

14 февраля — в кафе «Гол» на территории стадиона «Динамо» отмечали 75-летие Игоря Добронравова. Было любопытно встретиться с членами пресс-клуба, которые выпустили сборник «Динамо»-68 и последующий. Я отошел от футбола и с головой погрузился в литературу и в книги. А они остались с футболом, живут только им, в душе и в голове только «Динамо». Молодцы! Наверное, так легче жить. А Леонид Радзиховский гундит по «Эхо»: у нас в России сплошные неврозы от отсталости и ущербности, мы на обочине мирового прогресса, мы — лузеры и т. д. А вот с одним этим жить тяжело.

16 февраля — прихватило поясницу, обвязался платком и принялся сочинять свое субъективное мнение о Мусоргском. Композитор в какой-то период жизни служил чиновником Лесного департамента и для музыки оставались только вечерние и ночные часы. Соответственно, переутомление и депрессия. Сплошная «Хованщина»…

17 февраля — в «МП» два материала: «Женщины февраля» и Иван Андреевич Крылов. Разоблачитель национального русского менталитета. «…Да Лебедь рвется в облака. / Рак пятится назад, / А Щука тянет в воду…» И что в итоге в России?

Да только воз и ныне там. (1814)

18 февраля — нет, прогресс: куплен ноутбук-компьютер HP — 25 тыс. руб.

Язвительная ремарочка: прошло 10 лет, а я так и не освоил компьютер (и даже не пытался), по-прежнему долблю на машинке: «А воз и ныне там…»

20 февраля — фуганул на машинке главу «Март» в книгу о погоде — 15 стр. в два приема. Среди прочего отметил: весна и осень — вот два времени года, которые особенно вдохновляют поэтов. Весной, как правило, они ликуют, осенью — грустят.

Ничего — проживем. Вот и март.

Долгий день. Легкий свет. Новый старт.

Кажется, Юрий Благов. А вот Бальмонт:

Душа всегда желает чуда,

А чудо первое — свобода,

А радость лучшая — весна…

Звонил Игорю Кудрину, бывшему коллеге по Иновещанию Радиокомитета. Он жаловался на однообразие тем для комментирования: Лат. Америка, Куба, Фидель Кастро, Венесуэла… Про замечательную Россию и плохие Соединенные Штаты… Кудрин жаловался, а я радовался в душе, что 30 лет назад, в 1979-м, ушел с радио, от тенет назойливой пропаганды, и стал вольным казаком по просторам российской и мировой культуры. Фидель давно забыт, и я вращаюсь в мире поэтов, художников, композиторов, артистов. И это изобилие тем держит меня в тонусе.

А еще мне интересны дневники знаковых людей. В дневнике Лидии Бердяевой, супруги философа, натолкнулся на такую запись:

«Какая у меня сильная, неугасимая жажда познания! Многие устают от познания, а я нет. Мне хочется знать все больше и больше». (2 ноября 1944 г.) И мне тоже…

25 февраля — допечатал Плеханова, более 16 стр., и отвез в «Науку и жизнь». Получил гонорар за Бакунина. Возвращение в журнал спустя 14 лет? И журнал уже не тот, не миллионный тираж, а всего лишь 44 тыс. экз. Да и второй раз в реку по-настоящему войти не удалось.

27 февраля — ездил в «Эксмо» с новыми за-

явками. Обратно с тяжелой сумкой, набитой отвергнутыми рукописями. Шел-ехал, чертыхался, а в голове зародилась мысль: а не сделать ли книгу «Плач по возрасту»?..

28 февраля — по приглашению Черторицкой поехал на 3-й съезд конгресса женской социал-демократической партии (здание бывшего Политиздата). Посидел в зале, послушал… неинтересно и, на мой взгляд, бесперспективно. Мы — страна мужского шовинизма. Только особым дамочкам дают дорогу.

2 марта — 77 лет. Две семерки, в советское время был портвейн «Три семерки». Много звонков и поздравлений. И неожиданное — от главного раввина России Берла Лазара: «Всевышний ниспошлет Вам благословление на праведную и счастливую жизнь, полную успехов и духовной радости». Материальная радость, видимо, не предвидится. Ну, да, зачем она праведникам… Звонки из Нью-Йорка (Людочка), Дортмунд (Наташа), Аугсбург (Витенька). А я с утра за машинку и строчил про погоду. Унывное стихотворение Ходасевича «Март» (1922):

Размякло и раскисло, и размокло,
От сырости так тяжело вздохнуть.

Мы в тротуары смотримся, как в стекла.

Мы смотрим в небо — в небе дождь и муть.

Мне кажется, что книга «Погода и слово» (так она будет названа впоследствии) будет интересна для эмоциональных и рефлектирующих россиян, а уж для любителей поэзии тем более: сколько замечательных строк, находок, метафор, сравнений! (Увы, книга так и не вышла: не судьба. Сначала сняли министра по метеослужбе Бедрицкого, а он хотел ее финансировать, потом ушел из жизни энтузиаст идеи издания Вайсман, — и все!) (26 янв. 2020 г.)

4 марта — совещание у Вайсмана в Гидрометцентре. Отдал готовую рукопись январь-март. Получил аванс — 35 тыс. руб. (где-то одна тысяча долларов). С издателем из «Летнего сада» обсуждали, как будет выглядеть будущая книга (сегодня об этом читаю со слезами. Был затрачен гигантский труд).

6 марта — если слушать радио и читать газеты, то каждый день кого-то убивают, грабят, банкротят («кошмарят бизнес» — крылатое выражение Дмитрия Медведева) и вообще: «даже в войну на

улицах было спокойней…» (фраза из «Московской правды»).

8 марта — в «Науке и жизни» сомнения по поводу Плеханова. Редактор Елена Вас. заявила, что у Плеханова менее яркая и интересная жизнь, чем у Бакунина. Ну, не угодил Георгий Валентинович Плеханов, не угодил журналу «Наука и жизнь», не угодил, скучновато жил, без страстей!

В дневнике Михаил Пришвин по случаю своего 71-летия признал, что теперь свои мысли надо приводить в благоговейное состояние. У меня же «благоговейно» не получается: все в борьбе, в напряжении, в преодолении…

На Женский день вечером развлекался, поставив свой домашний фильм Тинто Брасса «Шалунья»: раздолье мелькающих поп. Смотри и расслабляйся, и забудь слово «благоговейно». Немного эротики — это все равно, что поперчить рыбный супчик.

12 марта — поехал на книжную ярмарку. Своих книг не увидел и, соответственно, скучно. Лишь удивила издательница из Эстонии, которая знает меня и у нее дома пять моих книг. Очень хотела бы издать что-то новенькое, но нет денег. Супернезнакомая ситуация…

17 марта — получил запоздалый январский

номер «Алефа», там сестры Наппельбаум. Ну, а в марте — Гиляровский. Ничего в редакции не спутали, точно на снимках мои герои. Это я к тому, что бывает всякое, к примеру, в начале года, 4 февраля, в «МП» вышел Талейран — «Слуга всех господ», а на портрете — наполеоновский маршал Мюрат. Хорошо, что не было рекламаций: народ не знает ни Талейрана, ни Мюрата. А Талейран — великий дипломат и политик, бесконечные клятвы верности и последующие нарушения и обманы. «Мое мнение? — спрашивал Талейран и отвечал. — У меня одно мнение утром, другое — после полудня, а вечером я больше уже не имею никакого мнения».

Раз затронул февраль, то вспомню 21 февраля. Эмоциональное обсуждение кризиса в стране по р/с «Эхо Москвы». 76 % опрошенных — за отставку правительства Путина. Любовь к В.П. тает на глазах вместе с падением цен на нефть. Все дорожает. Мой любимый конфитюр стоил недавно 70 ре., а ныне уже 90. Ну, и т. д. А кого-то из уехавших одолевает ностальгия по Родине: «Хочу стоять в очередях и плакать». А аналитик Илларионов пишет об «ордене чекистов», что в стране установлен режим офицеров секретных служб, чекистов и мафиозных бандитов. У всех

разное восприятие России. Где-то в начале марта набросал строки:

Все вздыхают: ох и ах!
Всюду кризис, всюду страх.
Что нам делать? Караул!
И в какой бежать аул?
От Кремля и от элит,
От которых так тошнит…

Но далее публицистический запал пропал.

18 марта — на Тверской в «Москве» представлял свои книги, подписал примерно 25 экз. Кто-то из продавцов-консультантов определил: это успех. Какой-то поэт Ветров подарил книгу своих стихов, а незнакомый владелец книжного салона старинных книг, Вадим Забелин, купил три моих книги и долго распинался, что потрясен моими писаниями, что они бросают какой-то новый свет на известное старое. А профессиональные критики молчат. Парадокс…

21 марта — выступление в библиотеке имени К. Симонова. Мнение слушателей: «Большое удовольствие от яркого, эмоционального, артистического выступления». Был в кураже. И от читателей Коломенского района три гвоздички и

плитка шоколада. Если сложить все подаренное за годы выступлений, то можно открывать цветочно-кондитерскую лавочку.

25 марта — хочешь — не хочешь, а надо выходить из дома, на этот раз музыкальный магазин-салон «Аккорд» — владение Сперанского. Он издает журнал и устраивает презентацию. В новом выпуске — мой Игорь Стравинский. Два соревнующихся гиганта XX века — Стравинский и Прокофьев. Конечно, можно привести отрывки из моего эссе, но тогда возникает вопрос: почему Стравинский, а не другие мои герои — Бизе, Верди и прочие, если говорить только о композиторах?.. Только одно: покинул Стравинский Россию в 1914 году, умер 6 апреля 1971 года в Нью-Йорке, похоронен в Венеции. Гражданин мира.

В сталинские времена — космополит и отщепенец… Ну, а в «Аккорде» было много слов, джазовых композиций и шампанское. Сперанский — молодец, это частный предприниматель, бизнесмен, а не чиновник, госслужащий.

28 марта — решил посидеть дома. Из-за книги о погоде в квартире ералаш: все сдвинуто, перевернуто, нарушен привычный книжный дизайн полок. Хочется все выбросить и ничего не делать. Но тогда как жить? Только на пенсию — убого.

Вот в чем трагедия. И я с каким-то остервенением печатал про Льва Озерова, не очень известного и нераскрученного поэта, но очень достойного человека.

Устал и решил отдохнуть за газетой, но разве «МК» — это отдохновение? Это горячая сковорода жарких, огнедышащих новостей. На этот раз — резкая статья Станислава Говорухина «И так жить нельзя». У нас нет того, сего, а есть «огромная армия здоровых мужиков, равная по численности вооруженным силам РФ, занятая тем, что охраняет жуликов». Не каждый отважится на такую правду-матку. А Говорухин рубанул!

1 апреля — поход в издательство «У Никитских ворот», договорился с «хозяйкой» Олесей об издании книги Ще «Искушение». За денежки: 100 экз. за 27 тыс. ре. (И в сентябре книга была подписана в печать.) Никаких сомнений, надо поддержать любимого и боевого «товарища», изнемогающего в борьбе за кухонный стол, за которым жена готовит еду, а муж строчит, как пулеметчик, свои тексты. Кухня — самое светлое и самое пригодное место для работы. Отсюда и возникающие раздоры, и борьба за кухонное пространство.

2 апреля — в «Алефе» напечатан авангардный художник Александр Тышлер в цвете. Живописец

с буйной фантазией.

3 апреля — по приглашению Ешанова, моего поклонника по «Алефу», ходили с Ще в Эрмитаж на спектакль «Безразмерное Ким-Танго» — тексты и музыка Юлия Кима, постановка Михаила Левитина, веселое ироничное шоу с навязчивым напевом «Как прекрасна страна Аргентина!..»

Всё замечательно, но почему-то расстраивают уходы людей: умер футболист и тренер Володя Федотов, меня познакомил с ним Бесков по какому-то не помню поводу, 65 лет, еще поэт Алексей Парщиков, 55 лет, хотя его не знал и не читал. А вот старенького Евгения Весника особенно жалко. Первый Остап Бендер. Мы с ним выступали вместе в ЦДРИ. И странно: он очень волновался перед выступлением, а я — нисколько. Весник был большим книжником и неплохо знал мои книги, что мне было, конечно, приятно.

5 апреля — для кабельного ТВ «Сокол» в парке к/т «Ленинград» рассказывал о снесенном кладбище участников Первой мировой войны. Было кладбище, ныне парк, — все очень исторично.

8 апреля — выступал на Вятской перед старыми, нуждающимися в помощи евреями. Развлекал их историями и получил необычный гонорар: коробку мацы и бутылку виноградного сока. Вот

уж воистину: всякое даяние — благо.

10 апреля — звонок из «Эксмо»: «Срочно везите рукопись о кино». Пришлось в авральном порядке дописывать кинозвезд: Ингрид Бергман, Де Ниро, Изабель Юппер и др.

14 апреля — мир сходит с ума: погромы в Молдавии, оппозиция на улицах Тбилиси, землетрясение в центральной Италии, в Таиланде попытки свержения власти, пираты захватывают торговые суда… Ну, и на этом фоне наш лидер сказанул: «Нам все завидуют!» Завидуют элите, которая обобрала народ? Редкий цинизм… Ладно, оглянулся на мир и уткнулся в свои дела. Получил гонорар за 3-й тираж «Серебряного века» (общий тираж «99 имен…» — 10 тыс. экз. и общая прибыль за книгу: около 3 тыс. долларов). А вот «Московская правда» похоже что загибается. И Куклачев с кошками явно теснит рубрику «Книги в Москве».

17 апреля — и все ж «МП» пока еще дышит: опубликован мой Александр Вертинский:

Пей, моя девочка, пей, моя милая,
Это плохое вино.
Оба мы нищие, оба унылые,
Счастия нам не дано.

И продолжаю долбить книгу о погоде. Влез в ноябрь. Был бы жив Борис по кличке «Земфира», он бы похвалил: «Ну, Юрок, ты даешь!..»

Пока Юрок неостановим. Пока и боюсь заглядывать в будущее.

19 апреля — занимался архивом. Он каждый день прирастает вырезками из газет и журналов, разбирался с актерами и режиссерами. С каким-то садистическим остервенением выбросил досье на Никиту Михалкова. Когда-то он мне очень нравился, и как актер, и как режиссер, но со временем он стал неприятен своим верноподданичеством, сервильностью, патриотизмом и показным православием с постоянным цитированием молитвы «Отче наш». И все — выпал из сферы моих интересов.

21 апреля — зачастил Евгений Данилов с 3-го канала ТВ с бригадой. Тема: аферы и аферисты. Пришлось напрягаться и вспомнить аферу про строительство Панамского канала. Оператор похвалил: «Вас камера любит!» Эх, если бы еще любили издатели!..

30 апреля — умерла прима балета Екатерина Максимова. Мне нет прощения: обещал подарить Кате свою книгу, и не выбрал время для встречи с ней. Все трабахо и трабахо, работа и работа.

Закончил эссе о Борисе Савинкове. Хотел написать небольшой материал, но бился с ним целую неделю, в итоге 50 стр. «Конь бледный» и «Конь вороной». Революционер, террорист, писатель. И как отмечал философ Степун, у Савинкова было природное, метафизическое чувство смерти.

1 мая — как писал Николай Агнивцев:

Май веселый пришел…
Распустилась листва,
Появилась трава,
Стали дамы вдвойне интересней!..

Ныне дам нет. Есть девушки, женщины, работницы, сослуживицы и какие-то особы, считающие себя женщинами, но такими не являющиеся. Ну и добил Брижит Бардо для книги о кино. Она — дама? Она — взбивалочка…

Смотрел по ТВ Первомай в Европе, там все яростно борются за свои права. Митинги, манифестации, процессии. А у нас все тишь и гладь, божья благодать: шарики, песни, улыбки. Народ обобрали, задушили демократию, и при этом все довольны. Рабская психология…

2 мая — печатал в праздники про кинозвезд и дизайнировал фотоальбом, и болел за футбол —

«Динамо» обыграло «Спартак» 2:0. И вспоминал, как 2 мая 1949 года отмечал победу «Динамо» над ЦСКА у динамовского полузащитника Александра Малявкина (он почему-то мне симпатизировал) и напился: за Родину, за Сталина… Глупый был в 17 незрелых лет!

4 мая — третье по счету выступление на Вятской. Рассказывал о Борисе Савинкове, читал стихи Северянина, — все остались довольны. Одна слушательница принесла из дома показать мне свою тетрадь с выписками из книги «5-й пункт, или Коктейль “Россия”». Значит, не только читают.

11 мая — и опять литературные прыжки: от Конан Дойля к нашему Андрею Синявскому. Еще раз крутил-вертел подготовленные рукописи пяти книг: «Россия без грима», «Говорящие картины» (о художниках), «Опасная профессия: писатель», «Ретро-эстрада» и «Театральные слезы» (театр, балет, музыка). Но нет сил куда-то ехать, предлагать, уговаривать и наталкиваться на отказ.

19 мая — в «Алефе» вышел Надсон, не первая моя публикация о нем.

Друг мой, брат мой,
усталый страдающий брат,

Кто б ты ни был, не падай душой…

«Не падай душой», «Не позволяй душе лениться», «Без надежды надеюсь» и прочие советы и призывы коллег литераторов. Подытожил Козьма Прутков: «И терпентин на что-нибудь пригоден». Или полезен? Надо проверить, но опять нет дополнительных сил.

20 мая — отвез Вайсману остатки рукописи про погоду. Как лучше назвать: Погода и Поэзия, или Погода и Слово?.. Скинул погоду и схватился за Юлия Даниэля, но прежде чем писать о нем, прочитал взахлеб «Говорит Москва» о том, как 10 августа 1960 года объявили день Открытых убийств. Фантазия, попахивающая зловещей реальностью…

23 мая — вновь ТВ-канал «Звезда». Комментировал отретушированные фотографии прошлого. Исчезнувшие со снимков враги народа и прочие нежелательные личности.

27 мая — по приглашению Вайсмана побывал на вечере в Колонном зале — 175 лет Гидрометеу. Пошел исключительно из-за книги. Досидел, поскучал и тихо удалился, проигнорировав фуршет, на который все погодные работники ломанулись…

28 мая — замучили приглашения: на этот раз

Домжур, выставка художницы Евгении Кокаревой. И, конечно, пришлось выступать, а уж там избежать фуршета не удалось.

30 мая — снова отставил машинку, и поехали с Ще в Переделкино на очередное выступление. Нашли дом Корнея Ивановича Чуковского, где он писал свои книги и вел дневник. На заборе дачи висит объявление предстоящей встречи с писателем Ю. Б. «Дожили!» — как сказал бы попугай. Организатор встречи — Алла Рахманова, писательская вдова. Выступал я, а поддерживал меня Стасик Айдинян, бывший секретарь Анастасии Цветаевой. Алла восторгалась: «Два мощных интеллектуала!» После таких определений оставалось только надувать щеки. Собравшиеся с упоением слушали столичных говорунов. Среди них была Наташа Шмелькова, муза Венечки Ерофеева, она мне пожаловалась, как зачитали мою книгу с эссе о Венечке. Хранитель дома Чуковского, некий Павел после выступления признался, что когда-то зачитывался моими полосами в «ВК». Приятно было услышать.

В Переделкино все прошло, как по нотам. А вот до этого в Доме журналистов был инцидент, когда после моего упоминания Роберта Фалька кто-то в зале запротестовал: «Фальк — это мазня». Тут на

защиту меня и Фалька встала грудью Ще. Мужчина оторопел: «А вы что его защищаете? Что он вам, муж?» На что Ще гордо объявила: «Муж!»

И что еще добавить к выступлениям? Жизнь, которая удручает. Как написано в «Комсомолке»: «цены в России растут в 10 раз быстрее, чем в Европе». В мае пополнился список утрат: если к генералу Варенникову отнесся спокойно, то ушедшего Льва Лосева (в Нью-Йорке) очень жалко. Ерник, смехач, придумщик и очень серьезный печальный поэт:

Был в нашем крае некто Шиллер,
Он талер у меня зажилил.

Умер Олег Янковский, настоящая отечественная кинозвезда. По сообщению газет, в Москве после Высоцкого таких многочисленных толп, пришедших проститься, не было… Умер журналист Рубинов, а в Америке нашел успокоение Александр Межиров. О нем обязательно напишу…

Но вернусь к выступлению в Переделкино. К нему подготовил несколько дат на 30 мая: 1451 год — сожжена Жанна д, Арк, 1672 — родился Петр I, 1811 — родился Белинский. В одном из писем вздыхал о Европе: «Счастливцы, а нашему

брату, батраку, разве во сне придется видеть Европу!..» 1931 — письмо Михаила Булгакова Сталину: «…Я был литературным волком. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашеный волк, стриженый волк, все равно не похож на пуделя…» 1960 — умер Борис Пастернак, в «Вечерней Москве» скупо о нем: «Писатель, член Литфонда».

Помимо исторических дат отпечатал выборку своих на 30 мая в разные годы. Забава для памяти. Кто ведет дневник, может проделать такой же фокус: Один день — сквозь призму прожитых лет. Вставлю в эту книгу, может быть, кто-то пойдет по моим воспоминательным стопам.

30 мая — в разные годы из жизни Ю. Б

1942 год — война, мне 10 лет, эвакуация, скудная жизнь в каком-то селе под Казанью или за Казанью.

1953 — поездка в Сибирь, где под Канском жил в ссылке отец как «враг народа». Отрезок пути Ачинск — Красноярск. В этом же поезде Андрей Тарковский ехал с геологами.

1968 — первый отпуск с Ще — подмосковный Дом отдыха в Полушкино.

1969 — на этот раз отдых на юге: из Ялты на пароходике в Одессу.

1974 — Крым. Подъем на гору Кошка в Симеизе.

1975 — Радиокомитет на Пятницкой, латиноамериканская редакция. Первый и последний опыт читать в эфире свой материал на португальском языке.

1977 — очередной отпуск в Прибалтике, парк в Паланге.

1980 — один из командировочных дней в Запорожье.

1998 — в «Народной газете» публикация «Париж — это нечто».

2001 — занимался Сальвадором Дали, эссе о нем вошло в книгу «Улыбка Джоконды».

2006 — в «Московской правде» публикация «Доктор Живаго и Борис Пастернак».

Это очень кратенько, нет сил и времени ворошить все дневниковые тетради, там еще много чего про 30 мая. А я вслед за Игорем Северянином повторю:

Я чувствую, как угасает май,
Томит июнь, и золотятся нивы…

* * *

Вернемся в лето-2009.

1 июня — Ще мыла окна на кухне, а меня сослали в изгнание, в свой кабинет, где я занимался Львом Лосевым: «Вот уж правда — страна негодяев (и клозета приличного нет…)»

3 июня — отвез в «Эксмо» прочитанную верстку книги о кино из ранее написанных материалов и только что сочиненных, плюс главка «Кино моей юности».

5 июня — Ваганьково, маме — 100 лет. Дома помянули и вспоминали, как жили раньше. И навязчивый Лев Лосев: «Вы человек?» — «Нет, я осколок, голландской печки черенок…»

11 июня — жара, духота. И тем не менее засел за Луначарского: его можно давать и в историю, и в литературу. Листал сборники «Лица», «Минувшее», воспоминания Розенель «Память сердца». И в итоге получился большой материал. Но, честно говоря, эфиопская работа.

12 июня — очередной поход в зал «Творчество». Выставка художников на тему Белого движения (Колчак, Врангель и др.). Выступал и говорил страстно. После фуршет — «наливайко» (любимое выражение директора зала). Приходили смешные юноши, одетые в белогвардейскую форму, для них «та Гражданская» — всего лишь игра. Стас Айдинян рассказывал, что был в Шуе, куда каким-то образом попали «Прекрасные безумцы», и тамошние любители книг с упоением читали об их земляке Бальмонте. «Вас знают и любят», — заключил Стас.

23 июня — молодец Дима Быков, выступивший в «Новой» с «Манифестом трудоголика». Я тоже трудоголик. Быков отмечает: «В стране повальное безделие. Вместо культуры — попса… вместо работы — имитация…» Трудоголиков, несмотря ни на что, Дима призвал: «Пой свое, как глухарь, тоскующий…»

25 июня — поправлял Щекин материал «Андрей

и Лара» о Тарковском. Ще — молодец! Моя школа. Ну, а я вынул из книги якобы неинтересного Кантемира и вставил Кукольника, про которого писали: «Он мнил себя выше Пушкина». Кукольник и Греч — два столпа из другого литературного лагеря. Нестор Кукольник, по отцу галицийский словак, прозаик, поэт, драматург. Придерживался политической схемы: монарх — народ.

2 июля — события набегают, как волны на берег. Умерла Людмила Зыкина. Мы с Ще параллельно бегаем по врачам (всякие болячки). На меня вышел Илья Павлович, ученик из 554-й школы, и нахлынули воспоминания, в том числе об Игоре Шмыглевском, который стал блестящим физиком, в школе писал стихи: «Старая, дырявая калоша…» Напечатан Вацлав Нижинский. Звонок от Елены Озеровой, благодарила за публикацию в «Алефе» об отце — Льве Озерове. Ну, а я дал слабину, написал письмо главному редактору «МК» Гусеву с предложением напечатать интервью. И нарушил завет: «Никогда, никого не проси». Попросил — ни ответа, ни привета. А в вожделенном «МК» бушует Юлия Калинина по поводу непомерного воровства и наглых ворюг: «Опостылели супостаты. Ничего не делается, чтобы изменить ситуацию…»

8 июля — хватает за горло нездоровье, врачи, уколы, диета.

Раньше жизнь была с улыбкой,
А теперь, увы, с присыпкой.

Дочь Льва Озерова подарила книгу стихов отца «На расстоянии души», изданную во Фрайбурге (и его настигла любовь на склоне лет):

Все пламенело, все дымилось
Из года в год, из боя в бой.
И это все звалось судьбой.

А две первые строчки такие:

В такую пору нам с тобой
Случалось жить, какая милость!

9 июля — не пошел на прощание с Аксеновым. Плохо переношу эти душераздирающие ритуалы. Достал досье на Василия Павловича и прочитал все собранные материалы. А спустя время написал эссе-воспоминание об Аксенове, которое вошло в книгу «Опасная профессия: писатель» (2013) — «Жизнь по звездному билету». Вот начало:

«6 июля 2009 года в Москве скончался Василий

Аксенов. Я с печалью перебирал газетные публикации разных лет о нем. «Великий антисоветский писатель», «Вася Аксенов — воплощение русской мечты», «Вася, стиляга из Москвы», «Человек богемы», «Василий Аксенов как хранитель русского авангарда», «Соловей асфальта», «Сладостный новый Аксенов», «Вольтерьянец Василий Аксенов»… А еще он член виртуального «Клуба 1932», созданного мною из своих звездных ровесников (от Жака Ширака и Элизабет Тейлор до Андрея Тарковского и Бориса Жутовского).

Мы с Аксеновым из одного поколения. Почти одинаковое детство: репрессивные родители. В юности — увлечение стиляжеством. Затем долгие годы дышали одним тоталитарным воздухом, жили при Сталине и Хрущеве, Брежневе. Оба запали на литературу. А дальше все разное: я — это я, а Аксенов — это Аксенов. Он знаменит. Но и я не жалуюсь…»

Аксенову достался (естественно, не за глаза, а за талант и труд) звездный билет, а мне билет без звезд. Но это не важно. Мы — единомышленники, мы люди одной крови. Нас объединяет многое, вот только несколько высказываний Аксенова, которые мог высказать и я:

Вопрос: Главное в характере? Ответ: Я люблю

писать.

— Для меня Россия — это прежде всего люди страдающие.

— Если начнется восстановление памятников Сталину, — я откажусь от родины.

Я дважды встречался с Аксеновым: первый раз в Москве и подарил ему свою книгу «Клуб 1932». Он сказал: «Интересная идея, жаль, что она не пришла ему в голову». И второй раз в парижском аэропорту, где он признался, что не помнит о подаренной книге…

Зимою 2008 года Аксенов дал свое последнее интервью Оле Кучкиной для «Комсомольской правды»:

— Мы пожилые люди, надо умирать уже, — неожиданно сказал Аксенов.

— Ты собираешься?

— Конечно.

— А как ты это делаешь?

— Думаю об этом.

— Ты боишься смерти?

— Я не знаю, что будет. Мне кажется, что-то должно произойти. Не может это так просто заканчиваться. Мы дети Адама, куда он, туда и мы…

15 января 2008 г. Аксенов попал в автоаварию

(резко поднялось давление), отнялась правая сторона тела. Больницы, операции, полтора года адская борьба со смертью, во время которой неожиданно умерла ухаживающая за ним дочь Елена. В общем, конец очень печальный. Василий Аксенов ушел из жизни в 76 лет.

Аксенов умер 6 июля, а чуть ранее, 10 июня, ушел из жизни Георгий Вайнер, теплый и жизнерадостный человек, с которым мы успели сдружиться. Он прожил 71 год…

* * *

Вернемся к хронике.

10 июля — на Самсона, как написала газета «МК», «Москва стала судоходной, по Ленинградскому проспекту можно было пускать баржи…» И в эту погоду я с анализами в баночках отправился в медцентр РАМБАМ. Вернулся и бездыханно рухнул на кушетку, оклемался лишь к вечеру. И — о, откуда силы?! — допечатал про Василия Шукшина, про его «чудиков».

18 июля — врачи, анализы, уколы, диета. Ни жирного, ни соленого, ни острого есть нельзя. Настроение соответствующее. Спасающее лекарство — работа. А Вознесенский выкрутасничает: «Фастум-гель, Фауст — гей?» И никаких социаль-

ных мотивов, а Евтушенко — только они, и почти никакого лиризма.

22 июля — в «Аккорд» отдал свой опус. «Музыка и частная жизнь». О Бахе, Гайдне и прочих великих. Сперанский вручил мне свою книгу с упоминанием обо мне, о «романтической натуре писателя и историка». Смешной наив, но все равно приятно, как кошке, которую гладят.

23 июля — не дожидаясь авторских, поехал в «Москву» и купил свою 29-ю по счету книгу «Плата за успех» — 250 ре. Издана не ахти, но главное — вышла.

30 июля — завершил печатать о Юрии Домбровском (1909–1978). Замечательный прозаик, автор многих романов — «Хранитель древностей», «Факультет ненужных вещей»… Диссидент, сидел, был реабилитирован и вернулся в Москву в 1956-м. Герои его книг — нонконформисты, поборники свободы. И еще поэт. Одно из известных стихов: «Меня убить хотели эти суки…» А меня колют врачи. Последний, третий укол В-6 и В-12.

24-го в «МП» опубликованы «Страдающие чудики» Шукшина. Один из них с тоской признавался: «А я не знаю, для чего работаю». Таких вопросов Шукшин ставил много, он был честен до предела. В рабочей тетради есть запись: «Вся Россия по-

крылась ложью, как коростой». (1969)

«Все — печки-лавочки, Макарыч, / Такой твой парень не живет», — предрекал Владимир Высоцкий. И Шукшин сгорел в 45 лет.

1 августа — подбадривал Ще в день ее рождения:

Сколько лет сегодня деве?
Говорят, что вроде девять.
А еще плюс шестьдесят.
Я в отпаде, Божья мать!..

Приезжал Эдик с букетом пурпурных роз. Праздничный обед с баклажанами и свиными отбивными, яблочный пирог и французское вино. Кто-то мог бы и позавидовать: живут же люди!..

2 августа — звонил Х., почти требовал отчета о самочувствии и болезнях. Я наотрез отказался. Он обиделся. Некогда жизнерадостный гедонист, ныне он — певец болезней. Песни только о них…

3 августа — умер пан Зюзя — мой ровесник, член «Клуба 1932» (вслед за Аксеновым). Шутил-шутил и дошутился. Зиновий Моисеевич прекрасно рассказывал анекдоты: «Одесса. — Фима, жарь рыбу. — Так рыбы нет! — Фима, ты жарь… жарь… жарь… Рыба будет».

Жаль Зюзю. Поймал ли он большую рыбу?..

5 августа — в какой-то студии ТВ в Кисловском переулке записывал рассказ (и заплатили!) о заговоре Локкарта — «Заговор трех послов». Английская, американская и французская дипмиссии летом в 1918 году организовали заговор с покушением на Ленина, но ВЧК 31 августа заговор раскрыла, и главный заговорщик Локкарт был арестован и выслан в Англию… Господи, о чем только не приходится рассказывать, ну, чистый энциклопедист! В 1918 году — заговор Локкарта, в 2009 — волнения в Пикалеве (а где это?), и народ тут же откликнулся частушкой:

Путин-Путин едет в Пикалево.

Путин-Путин сделает нам клево!..

Все хотят жить «клево»! Не трудясь, не зарабатывая, не вкалывая… Вечером смотрел квалификацию Лиги чемпионов: «Динамо» — «Селтик» (Глазго). Сдули — 0:2. Никак не могу дождаться успехов любимой команды. Вся слава динамовцев в прошлом.

6 августа — в «Эксмо» получил авторские экземпляры книги о кино. Корина жаловалась, что трудно работать, начальство хамит, процветает холуйство… Господи, как хорошо, что я не рабо-

таю в штате. Я свободный человек. Гуляй-поле! Новую книгу поставил в свою пирамидку. Не Хеопс, а уже Микерино.

В «Мосправде» вышел Шолом-Алейхем. Он писал о многом и многих, о касриловском гешефтмахере и о бедняке-неудачнике. «И скажу я вам, нет на свете ничего лучше и спокойнее, чем быть бедняком: никаких тебе забот, понимаете ли, ни платежей, ни одолжений, ни беготни, ни суеты». («Семьдесят пять тысяч»).

И незабываемый мальчик Мотл: «Мне хорошо — я сирота».

10 августа — звонок из Германии — Рената, подруга Льва Озерова, благодарила за публикацию о поэте в «Алефе».

13 августа — удивила терапевт в медцентре: принесла из дома шесть моих книг и попросила их подписать. «Отец-библиофил читает их с удовольствием». Вместо литературных премий многочисленные «спасибо» от читателей… Ну, а я из медцентра на Савеловский за очередным журналом «Алеф», — там мой Андрей Синявский (он же Абрам Терц). Что ни писатель — драматические повороты судьбы, и, конечно, Синявский вошел в книгу «Опасная профессия: писатель». Жена Мария Розанова записывала в дневнике:

«Ждем публикации и ареста…» Ну, и 8 сентября 1965 года Андрея Донатовича арестовали аккурат у Никитских ворот (где почти полвека спустя, в крошечном издательстве, выходили мои книги (5 февраля 2020 г.). С 1978 года — эмигрант, жизнь в Париже. Продолжал писать, легко и воздушно, в жанре искусства фрагмента, детали, «опавшего листа», как у любимого им Василия Розанова. Впрочем, и мой стиль чем-топохож на Синявского…

17 августа — с Эдиком на его «Пежо» поехали на Никитскую, но дороге он замучил рассказами о шиномонтаже. У него проблемы с шинами, у меня с книгами. На этот раз в издательстве «У Никитских ворот» договорился об издании Щекиной книжки и внес аванс 15 тысяч (ныне таких цифр уже нет).

21 августа — была идея вести литературный кружок в досуговом центре рядом с домом, ходил на переговоры… и отказался: много времени и мало денег. Пол-августа занимался актерами, и замучила Лайза Миннелли, для ретро-эстрады.

24 августа — в контору «Радуга-тур» донес деньги: 80 тыс. за поездку в Италию на двоих, а накануне гонорар в «Эксмо» — 41 тыс. ре. В основном деньги уходят на лечение и на Европу. По

песенке: «Сукно в Европу!»

25 августа — кинорежиссер Сергей Соловьев в интервью заявил, что он «лично шибанутый». Ну, и я, наверное, шибанутый трудоголик. Вообще, я люблю читать интервью знаковых людей, непременно вычитаешь что-нибудь эдакое. Недавно Сергей Доренко огорошил выражением: «Все сыпется к свиньям». И еще: «Деньги мне не нужны, мне нужна движуха». Противное слово «движуха», но точное: движение вперед.

26 августа — приезжал в гости Вадим Забелин, бизнесмен, антиквар, живет в Лондоне, познакомились на книжной презентации.

Говорил, что мои книги ценятся, в частности, видел их у Вексельберга, у того, кто приобрел яйца Фаберже. Но опять же, все закончилось милым трепом.

28 августа — по наводке Забелина поехал в издательство «Рипол-классик», якобы хотят переиздать «5-й пункт, или Коктейль «Россия», а я придумал новое название: «Россия — «понаехали тут!..» Когда-то в «Риполе» должны были выйти мои «Лабиринты чувств» — и верстка была, и аванс получил, а книга не вышла. И вот второе вхождение в реку. И если вспоминать — неудачное…

29 августа — закончил печатать Плевицкую — 17 стр. Надежда Плевицкая — «Звезда, попавшая в сети спецслужб». Она еще до Утесова пела «Раскинулось море широко…» — «…На палубу вышел, сознанья уж нет. / В глазах у него помутилось…» У меня с юных лет эта песня вызывала какие-то особые чувства. Ну, а, закончив Плевицкую, взялся за Майкла Джексона — это уж совсем другая история.

Печатаю, а еще успеваю раскрыть газеты и что-то в них вычитать. Снова Дима Быков: «Родина движется в ад, и над нею потешается планета… 20 лет как в Отечестве длится регресс — череда перекупок, убийств и аварий… а госканалы ТВ кричат, что на горе врагам укрепляется Раша…» Ну, и т. д. Все здравомыслящие люди, а не чокнутые патриоты, в ужасе от нашей действительности. Режиссер Сергей Соловьев: «…А здесь придурки. Раздражает все. Раздражает халтура. Вся формула современного успеха — сделать коммерческую панаму… Тотальная безвкусица. Жуткая, отвратительная…»

Поэтесса Алина Витухновская:

> *Россия как дно, что дано нам как порно.*

Немое кино. В нем все дамы покорны.

И она не в стихах: «Весь мир — тюрьматрица. Достало маньячество, лишенное смысла…» А кто-то смотрит на мир светлыми глазами и чему-то восторгается. Андрей Дементьев удивил: «Для меня все женщины — богини». Женщины — богини, а кремлевские рулилы — боги? И их надо почитать, им верить и выполнять все приказы беспрекословно. Извините, это не для меня. Тут как-то написал о главном:

Играет мускулами. Топлес.
Не любит жать на тормоза.
Ему ничто чужие вопли.
Не видят ничего глаза.

Народ считает только быдлом —
Им можно ловко управлять.
Размазать будто бы повидло
И целиком его сожрать…

2 сентября — снова ТВ, канал «Столица», перед записью общался с модной актрисой Нелли Уваровой.

Пригласили выступить на «Ночном канале». Отказался: после 11 часов вечера меня валит с

ног.

4 сентября — Книжная ярмарка, новый 75-й павильон. «Эксмо» не захотело пиарить «Плату за успех». Одно достижение — увидел современного классика: полулежащего на стенде Диму Быкова. Он вяло протянул мне свою царственную руку. Мне осталось только хмыкнуть в ответ. Он на Олимпе, а я где-то пребываю у подножия…

9 сентября — разобрался с Майклом Джексоном и взялся за Мадонну. Кино-помолот.

10 сентября — впервые в библиотеке Тютчева на Чонгарском бульваре. Восторженная публика (чем дальше от Центра, тем она восторженнее). «Вы подарили нам праздник!» Потом чай и кулек с пирожками с капустой — в дорогу. Как трогательно и просто, без интеллигентского «фи!»

А с бульвара на Савеловский — вышел «Алеф», там Юлий Даниэль. Ну как не поехать? Мой вариант, мое видение, моя оценка. Название: «Жил отважный Даниэль…» Юлий Даниэль и Андрей Синявский — друзья, решили писать вместе, под псевдонимами — Абрам Терц (Синявский) и Николай Аржак (Даниэль). И печатать в Тамиздате.

«А тюрьма?» — спросил Синявский

«Не пугает», — ответил Даниэль.

Какие были раньше люди — несгибаемые, отча-

янные, дерзко бросающие вызов режиму. В одном из стихотворений Даниэль писал:

Профессия, конечно, не без риска.
Но все ж она отменно хороша.
Ведь для нее достаточно огрызка
Карандаша!
А со стихами срок совсем недолог.
Шизо — пустяк, баланда — не беда:
А был бы я, к примеру, гинеколог —
И что тогда?

Юлий Даниэль — не только отважный капитан, но еще и печальный юморист. Юлий Маркович прожил только мало — 63 года.

11 сентября — довел Мадонну до 40 стр. Не эссе, а целое мадонноведение.

13 сентября — в этот день должны были проснуться не в Москве, а в Милане, но поездку отменили: «группу не набрали». И вместо «Тайн северной Италии» предложили другой тур: «Жемчужина северной Италии», на конец сентября. Мы согласились. Вместо Турина и Мантуи — Флоренция и Портофино.

16 сентября — опять ТВ, «Столица», программа «Герой города». Снимали сначала в квартире —

книги, стол, за которым работаю… Потом проход по двору. Оператор предложил заснять меня на лавочке (и сразу старая песенка: «Мы на лавочке сидели, целовались под луной…»). До меня бригада была на съемке Льва Колодного. Я спросил: «Как у него?» Ответ: «Везде одно и то же: кабинет, книги, разбросанные бумаги…»

23 сентября — пока Италии нет, то молочу без остановок. Для «МП» — Флорентий Павленков, тот, который придумал и осуществил, до Горького, серию ЖЗЛ. Вот и я продолжатель традиции со своим мини-ЖЗЛ. А для Ретро-эстрады печатал французов: Эдит Пиаф и Жорж Брасенс. И не механически, а самому интересно узнать о неординарных людях.

25 сентября — холод, дождь, пришлось вынуть плащ. Получили визы, паспорта, ваучер. Летим завтра. Я в Италию в четвертый раз: декабрь 1989, апрель 1996, сентябрь 2007 — Сан-Ремо.

Италия — 2009

26 сентября — 3 октября. Север Италии: прилет в Анкону и сразу Сан-Марино. 27 — Венеция, 28 — Верона, 29 — Милан, Лугано (Швейцария), 30 — Милан, Генуя, 1 октября — Портофино, Риомаджоре, 2 октября — Флоренция.

Итак, все прошло. Все прошло, как все проходит. И я шел сегодня по московским привычным улицам: а была ли Италия? Была. Временами она наплывает: другой мир, иная красота, другой быт и все другое — отличное от Москвы и улицы Куусинена. Как хорошо, что побывали. Мой 19-й заграничный вояж, в том числе 14 — с Ще. Что можно сказать о последнем кратенько: было очень тяжело — возраст есть возраст. Сплошные переезды, длительные гуляние, а ноги-то больные. Но мы выдержали, и это геройство. Решил кратенько все записать без литературных изысков — не до них. Вехи для памяти.

26 сентября, суббота. День 1-й.

Подъем в 3.45. Такси от фирмы «Миледи» — по ночной Москве за 45 минут за 1.400 (с чаевыми). Таксист — молодой парень из провинции, женился на москвичке, и ругает свое поколение

молодых: думают только о деньгах, ничего не хотят знать другого, коверкают русский язык, и его тошнит, как и меня, от Ксюши Собчак… Домодедово большое, неудобное, некомфортное, сидячих мест для ожидания мало, космические цены в буфетах, — все русское и родное. Сели в «Боинг-737» и долетели до Римини за три часа, и первый сюрприз. ЧП. Предыдущий самолет задел какие-то огни, что-то повредил, и мы никак не можем сесть. Пилот объявил: «Еще кружок, другой… наслаждайтесь полетом!» Кружили-кружили над Римини, и нас отправили в другой аэропорт в Анкону, — лишние 1,5 часа провели в воздухе.

Анкона — столица области Марке в самом центре Италии. Аэропорт «Фальконара». Анкона была основана жителями Сиракуз, бежавшими от тирана Дионисия I. Когда-то Анкона соперничала на Адриатике с Венецианской республикой. Ныне город-порт в упадке, но мы его и не видели, как и собор Сан-Чириако, и знаменитую арку Траяна, мы сидели с вещами в зале ожидания и стрессовали: а как будет дальше. Кто-то куда-то звонил. Дергался. Мы с Ще, учитывая прошлый опыт, старались сохранить спокойствие. Старались, хотя особенно это не получалось. Ожидали что-то около трех часов. Наконец появились автобусы (а

нас было несколько групп) и повезли в Римини. Мы попали в гостиницу «Коронадо» — аэропорт Римини напротив — номер 115. Хиленький, душ не работает. Полчаса, чтоб закинуть вещи, привести себя в порядок, и первая экскурсия — Сан-Марино.

Сан-Марино — республика, анклав на территории Италии, в предгорье Апеннин. Крошечное государство, 31 тыс. жителей. Наполеон заявил: «Необходимо сохранить Сан-Марино как пример свободы». Санмаринцы и остались свободными, независимыми и богатыми. Над городом возвышается гора Титано — труднодоступная скала. И три крепости: Гуаита, Честа и Монтале. В Сан-Марино много достопримечательностей: музей курьезов, восковых фигур и орудий пыток, старинных автомобилей и т. д. Мы этого ничего не посетили, ибо были там всего 2 часа. Но эти два часа были двумя часами сказки: так красиво вокруг, и горная терраса, на которой мы были. Мы прогулялись немного, продегустировали вина и ликера (бесплатно), съели по куску пиццы, выпили капучино, круассан… Купили какую-то игрушку, Ще — помаду от Шанель (25 евро), а потом сидели на лавочке и смотрели на горы, прикрытые вуалью тумана, и закат солнца — ска-

зочно красиво. ЧП с посадкой в Анконе куда-то сразу ушло, и на душу спустилось умиротворение. Красотища от Сан-Марино… В отель вернулись поздно, от ужина отказались: вид макарон не вдохновлял. И легли спать.

27 сентября, воскресенье. День 2-й.

Часы, как обычно, не переводил, встал по-московски в 7.30. Вышли на воздух — гулять негде, аэропорт и проезжая дорога. Завтрак скудный. В 10.17 выехали на автобусе, добрались до отеля в 23 часа (все по-московски). Группа маленькая: 20 человек (и это была большая удача, ибо в параллельной группе 57 человек — набитый автобус, а у нас простор и воздух, мы с Ще сидели сзади сразу на четырех местах). Нашим гидом был некий Игорь, бывший москвич, желающий в Москве открыть ресторанный бизнес, неприятный парень с кашей во рту. Водитель — пожилой итальянец Луиджи. С ними пропутешествовали весь тур. Публика была не наша, т. е. идеологически не наша, в основном тряпишники и разговоры только о тряпках, о детях и внуках. Лариса из Монино, краснодарец Сергей с женой, программист Андрей, две евреечки из Одессы, ныне живущие в Сан-Франциско (интересно, живет ли там «лиловый негр, который подает манто»?)… Ну, и т. д.

Но бог с ней, с группой, главное — мы и наше путешествие.

Доехали до Венеции (дорога была из Римини не очень примечательная, если не считать туалет по дороге во время остановки — живот прихватило). Но вот Венеция в третий раз! Большой катер «Кондор». Погода в блеске — ясная и солнечная, солнца даже в избытке. И зачем брали зонты?!.. И сразу экскурсия к мастеру-стеклодуву, который при нас выдул лошадку. Прекрасные изделия из стеклянного бисера.

Во дворец дожей и на Мост вздохов не пошли. Решили гулять сами без ненужных слов сопровождающего. И сплошное дежавю: тут были, тут ходили… Огромное количество разноязычного народа, от которого пестрит в глазах и глохнет в ушах — все говорят, кричат, жестикулируют. Ходили в основном по набережной и главной площади около базилики Сан-Марко, вглубь не удалялись в кривые переулочки и мостики, а надо заметить, что в Венеции около 150 каналов и 109 мостов. Хотели вначале покататься на гондоле (36 евро на двоих), но раздумали, ну, и, конечно, не отважились на дальние прогулки на островах Бурано, Мурано и Торчелло, — пусть Дягилев и Бродский нас простят.

Наступило время обеда. В ресторанчике русская девушка помогла разобраться в меню. Решили брать не «полпетта» (бифштекс), не «витэлло» (телятина), а рыбный суп, и принесли тарелку с морепродуктами — «ди маре» — устрашающая клешня, торчащие усы, раковина с устрицами, моллюски и т. д. Бульон вкусный, а все остальное не тронул. Лосось («салмоне») был вполне приличный, плюс бир, салат, — гуляние на 85 евро! Насытившись, гуляли повеселее, но все равно слишком много часов на ногах, и измаялись, дожидаясь возвращения. Снова катер-пароход, а рядом плывут или стоят на приколе суда-дома, аж 8 этажей палуб, с вертолетами наверху. Далее автобус по каким-то виноградным полям.

И наконец, гостиница «Астория» на отшибе, номер 107, обширный. Время — 23 часа — на ужин не пошли — не было сил и аппетита.

28 сентября, понедельник. День 3-й.

Проснулся в 7.30, и в кабинку с душем. Вот это удовольствие: смыл венецианское хождение. Завтрак с ветчиной и сыром. В 10.15 отъезд. В 12.15 въехали в Верону и объехали ее немного с обзорной экскурсией. Затем вышли и пробыли в Вероне три часа. Снова статуя Джульетты. Арена и т. д. Верона на склоне альпийских пред-

горий у входа в долину Адидже. Красивый город, некрасивых в Италии нет. Но губит, конечно, туристический галоп. Слегка отдохнули в кафе Барбарини на пл. Эрбе.

В 16.25 уже были в городке Сирмионе (6 тыс. чел.) — полуостров, врезавшийся в озеро Гарда, здесь когда-то жил и умер поэт Катулл. Маленький туристический городок. Гардо — самое большее озеро Италии. Прогулка на катере. «Капитан» Энцо лихо его водит, закладывая виражи с адреналином, — все только ахают, а он лихо улыбается: вот я какой!.. Вдали виден замок Скалиджеро, Ще его фотографирует, но… пленка засветилась…

После замечательной прогулки по озеру бродим по длинной торгово-магазинной улочке Сирмионе — все красиво до обалдения. Мороженое восхитительно. Фруктовый салат тает во рту. Купили филина с книгой и фартук с картой Италии.

В Сирмионе вышли к пляжу, посидели на камне, наблюдая за накатом волн. Затем снова в автобус, и на другое озеро — Изео, тоже весьма красивое, зажатое горами. Но усталость начинает губить красоту. В 23 часа добираемся до Милана, отель «Галлес» на плаццо Лима, 123-й номер — 4

звезды. Все хорошо, но проблемы с включением света по карточке. Легли, и почему-то что-то зеленое светится.

29 сентября, вторник. День 4-й.

Шведский стол в «Галлесе» — уже хорошо. Далее автобусом до центра Милана и ножками к Миланскому собору. На этот раз он что-то не впечатлил, несмотря на свой необычный белый цвет и 135 шпилей и барельеф на фронтоне «Сотворение Евы». Собор Дуомо был освящен в 1572 году.

Затем крытый пассаж Галерея Витторио-Эммануила II и театр «Ла-Скала» (арх. Пьермарини, финансировала австрийская Мария-Терезия, открытие было оперой Сальери). Заглянули и в замок Сфорцеско, — там выставка с полотном плачущей мадам Баттерфляй. Жарко. Солнце. Все время наваливается усталость. Но впереди — факультативная поездка в Швейцарию (12 человек из 20) — на двоих 100 евро (по 40 и 10 за билет в парк Swissminiatur). Миниатюрная Швейцария не очень понравилась — все же для детей. И какой-то малыш бежал впереди едущего паровозика и кричал от радости. Сделано все отменно, но не для нас. Большее впечатление произвело озеро Комо перед швейцарской границей, озеро в долине. При подходе много туннелей.

В миниатюрной Швейцарии допустили ошибку: не поели (еда и антураж не понравились) и захотелось красивого кафе в Лугано, куда мы вскоре поехали.

Лугано — курорт в южной Швейцарии (18 тыс. чел., в 1950 г.) вдоль озера Лугано в Ломбардских Альпах, на высоте 274 м. Красиво до жути: зеленые горы с вкраплениями домов, гладь большого озера и прекрасная набережная — гуляй — не хочу! И Лугано — это не наш бывший Луганск (Ворошиловград), это нечто. Одно плохо: пошли вдоль набережной, и нет никаких кафе, прошли километра полтора, перешли улицу, нет кафе, — как ветром сдуло, — не Ницца! Редкие рестораны закрыты, — не сезон или фиеста? А кушать хочется, словом, голод перебил всю красоту. И все же нашли что-то и взяли по большому подогретому бутеру с дольками помидора и огурцов, навернули, выпили кофе, съели мороженое, — и, как говорил рекламный кот Борис: «Это дело!» А далее мирно и комфортно сидели на скамейке после еды «фреш». И подумалось, что, может быть, и Ленин сбежал из Цюриха из-за отсутствия кафе, — возможно, швейцарцы любят пить и есть дома, а не на улицах, не французы?.. Но все равно хорошо: мы были в Швейцарии. Сбылась мечта

идиота!.. В 19.50 покинули Лугано. Были там 2.20. В отель вернулись в 21.40. И опять 10 часов в разъездах и гулянии. Ехали, а в глазах озеро Лугано и красивый белый лебедь, отбившийся от пары. Приехали и провалились…

30 сентября, среда. День 5-й.

Проснулись в 9 часов. Завтрак с ветчиной, сыром, горячими сосисками (опять же не нашими), яйцом, вкусными джемами и т. д. А главное, сок. По приезду купили в Москве — совсем не тот. Там свежее, тут консерванты. С утра нет переезда, и часа полтора пролежали и проспали в номере. Отдых. Вышли на улицу, рядом с отелем рыночек. В кафе напротив замечательное капучино. Прошлись немного по улице (и плюс впечатления из автобуса), — Милан громадный, массивный и несколько тяжелый город. Основан галлами около 600 лет до н. э. Жил тут Вергилий. Столица Ломбардии. Самый аристократический город Италии. Плюс мода. До галереи Амброзианы и до музея науки и техники Леонардо не дошли. И «Тайная вечеря» осталась за кадром. Так, лишь общий абрис Милана. Но он внушителен. Затем в автобус, и покатили дальше.

3,5 часа добирались до Генуи. Перед ней — лесистые горы, много туннелей. Сплошные повороты

и виражи. Въехали в Дженову. Кто-то по телефону в Москву: «Я в Генуе. Серьезный город…» В 2007 году мы с Ще так и не добрались до порта, теперь тут остановился автобус. Вышли. Генуя — центр Лигурии. Крупнейший порт Средиземноморья. Сначала шли по знакомой нам виа, где шикарные дворцы на Виа Балби, а затем Игорь провел нас по какой-то извилистой длинной улочке и очень узкой среди лавчонок мини-баров и всяких товаров, и даже живого (портовый город: все хотят быстрого наслаждения). Шли долго. Потом решили отстать и вышли к порту, где цепь едален. Но очень пахнет рыбой и какие-то подозрительные типы, ушли чуть вглубь и в какой-то маленькой пиццерии съели по пицце, а потом в старинной кондитерской с кассовым аппаратом XIX века выпили кофе с пирожными (не Париж, но все же). Вернулись в порт и маялись, когда же обратно.

3,5 часа на Геную, и отъезд в 21 час. Выехали к Средиземному морю, местечко Селла Лигурия (в плане — Вараззе), отель «Ривьера», 212-й номер. Красивый переезд: горы, кромка моря, туннели. На этот раз помчались на ужин: от зуппе отказались, котлета-подошва и шоколадный мусс, — но что-то. Взяли пиво за 8 евро. «Однако!» — сказал Воробьянинов. Вышли к морю. Маленькая, но

уютная набережная, плещется рядом волна. Дышится великолепно, — в Москве бы так! Луна. Людей практически нет. В 23 часа вернулись в отель. И отрубились.

1 октября, четверг. День 6-й. В Селле Лигурии погулять не дали, в автобус, и в путь-путь. В Рапалло, в курорт на Лигурийском море. Знаменитый Раппальский договор между РСФСР и Германией. Подписан 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции. Аннулировали все претензии и договорились о сотрудничестве. Англия была против… Приехали в Рапалло и сюрприз: надо пересаживаться со «своего» автобуса на общественный: далее не ходят!.. С полчаса постояли на «Фермата», оглядываясь по сторонам и наслаждаясь видами, — красиво, конечно. Море, горы, красивые растения, красивые дома и виллы. Пришел автобус, в него еле влезли (чище московского!) и ехали стоя.

Приехали в Портофино, когда-то тут отдыхал Шаляпин, ныне вилла Мадонны. Красивая бухточка с яхтами. И предложение: подняться по горе вверх, мол, виды — пальчики оближешь. Виды хорошие, но до конца мы с Ще не поднялись — тяжело. И обратно ползли осторожно (господи, это все для молодых!). Потом красиво посиде-

ли в кафе у бухты. Снова маялись в ожидании автобуса. Доехали, пересели на свой, и в 14.25 покинули Рапалло. Приехали к вокзалу городка Сестри-Леванте (у него две бухты — Сказок и Молчания, но их не видели). А далее — поездка на поезде за свои деньги (!). Полчаса ждали, полчаса ехали, и Игорь умудрился пропустить нужную остановку (гигант!). В Ла Специа час ждали обратного поезда. Очередное ЧП, происшествие. Наконец, сели в долгожданный поезд и сошли на следующей остановке в Риомаджоре. Вышли по длинному голубому туннелю на улицу ничем не примечательную, а дальше куда-то по лестнице резко вверх. Опять долгий проход, томительное ожидание, снова Ла Специя. И автобус с Луиджи, в него ввалились, как в дом родной. На часах 22.05 по-московски. Далее отправление во Флоренцию. Отель Аэропорт на виа Дон Перосси, где-то на окраине города. 112-й номер, ужин приличный — овощной зуппе, нежная свинина, взяли по бокалу красного (это уже за свой счет). И сон — блаженный и долгожданный.

2 октября, пятница. День 7-й.

Завтрак в «Аэропорте», и в 10.30 (8.30) отправились во Флоренцию. Красивая дорога, несмотря на усталость. Я во Флоренции в третий раз.

«Флоренция, ты ирис нежный…» — писал Блок, побывавший здесь 100 лет назад — в июне 1909 года. С одной стороны, город его околдовал, с другой отвратил: «Хрипят твои автомобили, / Твои уродливы дома…» Какие автомобили 100 лет назад? И тогда не было совсем ревущих мотоциклистов. А вот что-то Александру Блоку было не так. Романтик, ему хотелось красоты:

«Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой…
На корзине — белая записка:
…монастырь Франциска…»

Короче: нынче вечером!.. Но хватит лирики. Флоренция в этот раз была замечательна, вот только живот подвел (ох, эти физиологизмы!). Туалет не получился, и я немного ходил отяжеленный, под конец выбрал какой-то бар, дальний — специально, но… ничего не получилось! Вдобавок принесли две огромные пиццы, хотя я просил «смол» и «литтл». Одну еле съели, другую отдали, хотя нам ее вложили в коробку, — и прощай, 17 евро!.. Но это все же мелочи.

Не будем касаться истории, борьбы Черных и Белых гвельфов, банкиров Медичи и короткого

периода как столицы Италии (18651871). Главное: исторические памятники: кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре, Баптистерий, купол Брунеллески, кампанила Джотто (колокольня) и т. д. На этот раз не пошли ни в одну галерею — ни в Уффици, ни в Питти, ни в сады Боболи. Только в Санта-Кроче — пантеон, где захоронено около 300 знаменитых людей города — Микеланджело, Галилей, Маккиавелли, Россини и др. Но идет реставрация — шум от молотков и никакой благоговейной тишины. Увы… До Кроче с гидом Татьяной прошлись немного по улицам и подошли к церкви и к дому, связанные с именем Данте. Тут неожиданно выступила Ще, а потом и я прочитал строки Заболоцкого из стихотворения «Гробница Данте»: «Я пожелал покоиться в Равенне, но и Равенна мне не помогла». Группа была ошарашена: чего знают!

А потом мы гуляли одни. Всего были во Флоренции 7–8 часов. Вышли к набережной Арно. Нашли тенечек в садике лютеранской церкви, посидели-отдохнули там, затем посидели в баре на ул. Коста дель Поззо на 20 евро — два вкусных фруктовых куска торта, капучино, фруктовый сок со льдом, — замечательно. Это вам, батенька, не Лугано, куда приезжал на велосипеде Ильич.

Вышли на Золотой мост — какие «лавочки»! Ще завороженно смотрела на сверкающие камни, золото и серебро. Делали фото. Я даже сфоткался, как ныне говорят, с двумя полицейскими-женщинами, нежно взяв их за руки… Ходили-ходили, погода солнечная, но не жарко. Всякие рынки и базарчики, купили шарфик, покрытие для подушки (30 евро) и еще что-то. Красивые улицы и улочки, красивые дворцы и дома, куча кафе и баров, миллион товаров, праздная, сытая публика, — праздник жизни. Наслаждайся, коли есть деньги. А коли нет евриков, то беда, конечно…

В 19.00 мы двинулись из Флоренции. И на «десерт» заехали в Аутлет-центр дизайнерской одежды «Барберино». Нас снабдили шопинг-картой, и в шоп! Целый городочек, изящно оформленный. Все уже устали, но активно интересовались. Купили мне две рубашки за 70 евро (со скидкой) — красивые. Ще искала кофточку и мерила пальто, но ничего не нашла для себя подходящего, — бывает…

Вернулись в Римини, отель «Грифоне» на вилле Франческо, номер 202. Какой номер — какая разница, лишь была бы широкая кровать, а она была. Приличный ужин: макароны с мясом (но не наши), рыба с картофелем фри и сливы. И сразу

легли: приехали-то в 23.25. Римини так и не видели, только из окна автобуса. Родина Федерико Феллини. Где-то арка Августа, площадь Кавур и другие достопримечательности. Главное: цепь отелей вдоль Адриатического моря.

3 октября, суббота. День 8-й. Возвращение

Утром встали и вышли к морю. Хорошо. Свежо. Перекусили, и началась гонка-ожидание. Автобус, багаж, аэропорт Феллини, регистрация, ожидание, покупка сыра, колбасы и шоколада. В 12.30 загрузились в зеленый самолет — вылитый гигантский кузнечик авиакомпании «Глобус». За 3.20 долетели — Загреб, Будапешт, Львов, Киев. Летели нормально. Причуда была только с получением багажа: около часа ждали, когда конвейерная линия «выплюнет» нашу сумку на колесиках. Далее вышли к толпе таксистов и отдали предпочтение пожилому. Ехали долго из-за пробок и светофоров. По дороге «водила» замучил разговорами о том, как ограбили народ, как трудно с работой, какие высокие цены и т. д. Все жалуются…

Около 20 часов были дома и побежали за хлебом. Дома топят, тепло. И хорошо. Хорошо, что съездили. Хорошо, что вернулись, и остались одни воспоминания (усталость пройдет, и память

очистится).

Я тело в кресло уроню,
Я свет руками заслоню,
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучило «вчера»
И не томили цепи долга.
...Я свет руками заслоню
И буду плакать о Леванте.

А до этого рифма: «Ну что же, раньте сердце, раньте». И у Гумилева есть стихотворение «Генуя»:

В Генуе, в палаццо дожей
Есть старинные картины,
На которых странно схожи
С лебедями бригантины.
Возле них, сойдясь гурьбою,
Моряки и арматоры
Все ведут между собою
Вековые разговоры.

Ну, а стихов о Венеции не счесть. «Но не тесно

в этой тесноте, / И не душно в сырости и зное» (Ахматова). А вот строки, написанные Игорем Северяниным в Базеле, в мае 1931-го:

Мы ехали вдоль озера в тумане,
И было нескончаемо оно.
Вдали горели горы. Час был ранний.
Вагон дремал. Меня влекло окно.

Наверное, только языком поэзии можно выразить ощущения от путешествий, только вот возраст, годы очень мешают. Как там у Вячеслава Иванова:

Что порхало, что лучилось —
Отзвенело, отлучилось…

Московское послесловие

3 октября — возвращение домой в 20 часов, и сразу за хлебом.

В воскресенье 4 октября обнаружилось, что Ще простудилась, закашляла и к вечеру температура 37,5. Я пошел на рынок один. Потом во второй раз в магазин за молоком и прочим. Потом напечатал первые 2 стр. итальянских заметок и просмотрел и вырезал все газеты. Умер Иван Дыховичный, 62 года, Игорь Голембиовский, 74 года.

5 октября — засел за заметки по итальянской поездке. Это не для денег, а для памяти и души. Первое «фе» отечественным продуктам: купили сосиски — есть невозможно, и выбросили. Э. пригласил в Иерусалим на свадьбу сына (очередная жена, очередная свадьба), — мы отказались. Ближний Восток — не мой регион.

7 октября — привезли домой Щекину книжку «Искушение» (что значит издано за деньги!). 83 экз., достойная книга. Ще так ждала ее, а вышла — и нет радости. Мы оба не умеем радоваться. Увы…

А в «Риполе» редактор Лена Дмитриева мечтает издать аж три мои книги о художниках Запада:

«Летающие любовники» (Шагал и др.), «Фантазии и безумства» (Пикассо, Дали и др.) и «Страсти по Лукреции» (кражи из Эрмитажа). Честно говоря, я устал от этого бриллиантового дыма. По дороге в «Рипол» остановила какая-то старуха: «Милок, а где тут Матрона?» (чудодейственная икона в Андроньевском монастыре). Она к Матроне, а я к Мамоне… Звонила Лариса (Лора) из итальянской группы: «Залезла в Интернет, а вы, оказывается, замечательный человек!»

11 октября — по «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский вместе с Бутманом возмущались по поводу правящего тандема: они, кто, граждане или портянки?!.. Раньше власть обладала некой сакральностью, ныне ее не только нет, власть откровенно презирают, настолько она дискредитировала себя в глазах народа, разваливая и добивая Россию. Алчностью, жадностью (только себе!) и полнейшим непрофессионализмом…

Голосование в Мосгордуму. Все то же самое: фальсификации, недовольство. Жириновский вопит: «Только ЛДПР, или терпи дальше!» Та еще альтернатива! Бардак или балаган?..

15 октября — по просьбе Лены Павловской поехали (прислали машину) в Московский гуманитарный университет им. Шолохова, чтобы

выступить на факультете изящных искусств и визуальной культуры (дизайн). Тема: красота в искусстве. У первокурсников (в основном девочки). Мое выступление оценили больше преподаватели, чем студенты, оно и понятно: ни хрена не знают. Заработал букетище цветов и конверт…

18 октября — нервно реагирую на уходы: Виктор Боков, поэт, 95 лет, футболист из команды лейтенантов Валентин Николаев, 89 лет, поэт Юрий Влодов, режиссер Мих. Калатозашвили… А за окном ясно и спокойно: голубое небо, сухо, желтизна деревьев и осеннее неяркое солнце, +14.

24 октября — в «МП» вышел Мусоргский, мартовский юбиляр с опозданием долго лежал в редакционных папках. С утра ходил на рынок, потом печатал Шиллера. А вечером телеспектакль «Король Лир» — это уже Шекспир. Высокое искусство, в главной роли — Константин Райкин.

25 октября — пресса кипит по поводу выборов 11 октября. Трудно сохранять спокойствие и не кипеть самому:

Жизнь становится дремучей
И совсем уже негодной,
Торжествует тот, кто круче,

Тот, кто бьет всегда по роже.

Слабаки понуро бродят —
Им осталось выживанье.
Подлежат они по моде —
Добиванью… добиванью…

Строки вырвались из души, как некрасовский выкрик «Кому на Руси жить хорошо?»

26 октября — поехал в библиотеку иностранной литературы на презентацию книги «Пастернаковская Москва» (он ранние годы прожил на Волхонке, где я родился, в доме почти рядом). Хотел выступить, но раздумал. Спросил главного редактора «Вопросов литературы»: знает ли он мои литературоведческие книги? Он: «Не знаю…» Как же так?! Он по должности обязан следить за новинками, но нет. Я не из их стаи, поэтому для них, избранных знатоков, неинтересен, чужак. Итак, Шайтанову я не интересен, ну, и шайтан с ним!..

27 октября — отвез Ще в больницу на Писцовую ул., где я когда-то лежал с аллергией. Вручил врачу книгу «Принцесс» со словами: «Вручаю вам самое дорогое…» Ще увели в палату, а я тоскливо побрел домой. Первый вечер без Ще. А у Ще пер-

вый день в проктологическом отделении.

28 октября — дома никто не ворчит и не ругает, любя, естественно. Хотел сесть за работу — все валится из рук…

30 октября — взял себя в руки, напечатал про Далиду для книги «Ретро», а потом за следующего артиста и певца — Шарля Азнавура. Вечером поехал в Дом ученых, чтобы поддержать Светлану Комракову. Каминный зал, собралось человек 30. Я открыл вечер и немного представил, что такое женская поэзия. Вспомнил Каролину Павлову (Яниш, 1807–1893), которая жила «среди забот в людской пустыне», и ее выручала, спасала поэзия:

Моя напасть! Мое богатство!
Мое святое ремесло!

Коснулся и Серебряного века. Нимфа Бел-Конь-Любомирская (Анна Городецкая):

Нет, не скажу: твои уста —
Сказать хочу я жарче: губы!

Ну, и, конечно, Черубина: «От поцелуев губы / Только алей и нежней…» и т. д. Настоящих поэтов — Ахматову и Цветаеву — не тронул. У Светланы все ясненько и просто, даже луна сияла «ярко, как

блинчик». И никаких ребусов и загадок Бытия.

31 октября — с тяжелой сумкой в больницу (вода, продукты, лекарства и т. д.). Все принесенное взяли, а к Ще не пустили — карантин.

3 ноября — Ще сделали операцию. Хожу в больницу. Дома пытаюсь что-то приготовить: варил пельмени «Дарья». Продолжаю пополнять галерею «Ретро».

— Какой у вас следующий проект? — спросили Азнавура.

— Жить и стариться, — ответил патриарх (Азнавур родился 22 мая 1924 года).

После Азнавура — Джо Дассен, Серж Генсбур… Истерическую ноту в работу вносит машинка: барахлит, будь она неладна…

10 ноября — живу в сериале «Быт и творчество Ю. Б.». Приходится что-то готовить. Сварил пакетную лапшу и… выбросил. Завершил очередную биографию-эссе про Эдди Рознера — 12,5 стр. В школьные годы заслушивался песенками в исполнении его джаз-оркестра.

Да-да, да-да… как джаз —
Мандолина, гитара и бас.

И «Мерилю… О тебе я все песни пою…» И «зачем смеяться, если сердцу больно…» и т. д. Ну, а сам

Рознер — золотая труба Европы, по существу неоцененная в СССР, более того, репрессированная. В 1972 году Рознер получил разрешение на эмиграцию и вернулся в Берлин, где когда-то жил с родителями. Через четыре года его золотая труба окончательно замолчала… Ах, эти утраты. И вот «свеженькие»: ушел из жизни 62-летний Арамис, мушкетер, еще лауреат Нобелевской премии, академик Гинзбург. О последнем написали скупо, а об актере (мушкетер — это манко!) расписали вовсю. Живем в мире перевернутых ценностей: кино выше науки!..

11 ноября — привез Ще домой из больницы. Она счастливая бродила по квартире. Вечером сплошные рассказы о больнице, о больных, о болезнях, о судьбах людей. Вникай и пиши роман. Но это по линии худлита, я числюсь в отделе нон-фикшн.

12 ноября — напечатал Петра Лещенко, а Ще сварила вкуснейший борщ.

Маша чай мне наливает,
А взор ее так много обещает…
У самовара я и моя Маша,
Вприкуску чай пить будем до утра.

Бедный Петр Лещенко (в отличие от советского,

благополучного и счастливого Льва Лещенко) был насмерть замучен в тюрьме и лагере. Еще одна жертва безжалостного сталинского режима.

15 ноября — еще один страдалец — Вадим Козин, талантливый исполнитель душевных песен и отправленный ни за что в Магадан, как он пел в «Чубчике»: «Но я Сибири, Сибири не боюся. Сибирь — ведь тоже русская земля!..»

17 ноября — быт налажен и материалы щелкаются, как орехи: после Козина — Ив Монтан и Клавдия Шульженко. О Монтане пришлось прочитать книгу, и как она плохо, неинтересно написана, только удивляюсь... В «МП» напечатан стародавний русский поэт Алексей Кольцов. Своя судьба, свой жизненный сюжет и стихи тоскливо-слезливые:

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела...

А как эти строки? — «Сяду я за стол / Да подумаю: / Как на свете жить / Одинокому?..»

19 ноября — ездили с Ще на Крымскую на выставку «Видение танца», посвященную Сергею

Дягилеву. Костюмы, рисунки, портреты, афиши… Аромат эпохи. Серебряный век…

27 ноября — наконец-то добрался и закончил Леонида Утесова (Лазаря Вайсбейна). Мой любимый артист и певец. В юности постоянно напевал: «С одесского кичмана бежали два уркана…», «У меня есть новый патефончик…» «С лейкой и блокнотом, а то и с пулеметом…» Странно, что я любил Утесова и Вертинского, двух антиподов — богемно изломанного, капризного Вертинского, и неунывающего, бодрого, лукаво простонародного Утесова. Леонида Осиповича не посадили, но постоянно шпыняли, критиковали и долго не хотели признавать его народность: Сталинскую премию зажали, Героя Соцтруда не присвоили. Леонид Осипович по этому поводу переживал…

5 декабря — вечер в ЦДЛ, который я сам придумал и организовал, но неудачно. Обещали прийти, но не пришли многие корифеи, в частности Арканов. Откликнулись лишь Яков Костюковский и Феликс Медведев. А как заманчиво звучал вечер: «Да, были люди в ЦДЛ!» Короче, вечер провалился, и мало пришло народа.

Но что провал вечера! С утра сообщили о пожаре в Перми, в кафе «Хромая лошадь». (Хромая Россия?) И, разумеется, жертвы… И еще: не стало

Штирлица. В последнем интервью Вячеслав Тихонов с горечью заметил: «Все звонки кончились… Сейчас живу воспоминаниями». На этот счет есть крылатое латинское изречение — Sic transit gloria mundi — так проходит земная слава. Можно перефразировать Мюллера: «А вы, Штирлиц, мне больше не нужны!» Отработанная натура. Реплика через многие годы. Вот и мне сегодня уже мало кто звонит, и я в основном занят книгой дневников и воспоминаний… (10 февраля 2020 г.) Глория мунди…

17 декабря — закончил печатать про Майю Кристалинскую. Когда занимался «Клубом 1932», то под рукой не было даты ее рождения, а она ровесница, с 32-го. В «МП» запоздало появился Шиллер. Великий Фридрих, певец свободы, увы, не попал в книгу «55 портретов писателей Запада». Знаменитая максима Шиллера: «Что не запрещено, то разрешено».

21 декабря — скоропостижно скончался Егор Гайдар, 53 года, человек, который уберег Россию от голода и гражданской войны. В Думе никто не встал, чтобы почтить память Егора Тимуровича. Мерзавцы! Семья Гайдара отказалась от пышных правительственных похорон и, соответственно, каких-то напыщенных, фальшивых слов…

26 декабря — жуткая погода: снег, дождь, лед. И самочувствие не из лучших. Как говорила Наталья Дмитриевна из «Горя от ума»: «Все ревматизм и головные боли». Кстати, Грибоедов — один из последних персон, которыми занимался в конце уходящего года.

30 декабря — снегопад, и в голове роились какие-то строки:

Закончились метанья
И поиски — чего?
Утихли все желанья.
И боле — ничего.

И это о чем и к чему? Сам не понимаю. И последний перл квази-президента Медведева: «Это у вас реплики, а у меня — приговор. Все, что я говорю, в граните отливается». Нет слов комментировать: в граните отливается… А 2009 год пролетел. Сгорел, исчез, не отлитый в граните, а зафиксированный на бумаге… и кратко.

2010 год — 77/78 лет

Баланс творческих дел

Без новых изданных книг, хотя некоторые крутились в разных издательствах. Но 79 газетно-журнальных публикаций, в том числе: 29 выпусков рубрики «Заметки ворчуна», 7 выпусков «Плача по возрасту», 6 выпусков, посвященных Борису Савинкову. Кроме того, «датные» материалы о Грибоедове, А.П. Чехове, Твардовском, Шопене, Сент-Экзюпери, Чайковском и т. д. В «Науке и жизни» — Плеханов — «Отец русского марксизма». В «Алефе» — Тарле, Домбровский и др. И впервые в печати — «Дневник интеллигента в очках». Сентябрь — отдых в Хорватии «с поглядом на море». Пореч — городок на Адриатике, Истрия — город Пула. И прочее: невыступление в Останкино на юбилее Собчака, мое время «съел» Виктюк. 1 апреля — выступление в колледже в Строгино. Уход Андрея Вознесенского. 31 октября — встреча с олигархом и меценатом Дмитрием Зиминым — «Дай миллион!..» Последние публикации года: в «МП» 30-го — Татлин, 31 — Андрей Белый.

Войди в архипелаг воспоминаний,
Где Жизнь, давно угасшая, жива!

Всеволод Рождественский

И в голову не приходило, что буду жить в 2010 году. Вообще, XXI век казался мне чем-то абсолютно нереальным, космически далеким, как Марс. А вот, — и это чудо, — оказался в этих далеких далях и неизвестных сферах. Если мерить годами, то в совершенно чуждой стране…

1 января — новогодние звонки, самый смешной от Ларисы (Монино), она мою книгу «5-й пункт, или Коктейль «Россия» назвала иначе: «Коктейль № 5». Позвонил Витенька из Аугсбурга: «Какой у тебя молодой голос!» Единственно, что осталось — это голос. В порядке отдыха начал крутить и дизайнировать новый фотоальбом. Может, надо было бы стать дизайнером (все-таки сын портнихи), а не писателем?.. По ТВ шел фильм Валерия Тодоровского «Стиляги». Я сам был стилягой, и мне фильм показался слабым и почти карикатурным.

5 января — вчера приезжала в гости племянница Оля Манохина, суперэнергичная, вся в деда, т. е. моего отца. Привезла приглашение на свадьбу, которая состоится 15 мая в итальянском

городе Удино. Жених — карабинер Фернандо. И продолжит образование в каком-то итальянском университете. Молодец! И очень отличается от анемичной О.Ю.

А сегодня после альбома сел за машинку, делал некую модификацию А.П. Чехова. Сделал и взялся далее за академика Тарле.

7 января — поехал в зал «Творчество» и откомментировал картины пензенского художника Смирнова. Гинзбург вручил мне грамоту «За экспертную оценку выставочных проектов в 2009 году». Грамот много — премий нет.

10 января — придумал комментарии для «Московской правды» на актуальные темы (или на злобу дня) и сходу написал два: «Исчезающая Москва» и «Мы увязли в политике». На следующий день отвез к Егорунину, испытывая сомнения: запущусь или нет?..

Первые утраты года: Сергей Козлов, 70 лет, создатель «Ежика в тумане». И известный джазист Георгий Гаранян, 76 лет. У меня была мысль попросить его написать предисловие к «Ретроэстраде», но как-то не собрался…

14 января — книга об эстраде закончена. Теперь пошли отдельные работы. В «МП» опубликован Константин Сомов, серебрист. Подготовлен реа-

лист Венецианов. Крестьяне и пейзане.

15 января — и первый запущенный комментарий «Исчезающая Москва». Рубрику Егорунин назвал «Заметки Ворчуна». Пусть будет так. В связи с рубрикой можно сказать, что я — колумнист. Если по-американски.

16 января — а колумнист мчит дальше, и уже готов этюд о Шопене, польском гении. Ще прочитала и вынесла вердикт: «Из тебя вылез польский пан Безелянский». И опять приходится соглашаться: панове так панове. И тут же взялся за очередного клиента — Бориса Пастернака (грядет 120-летний юбилей). Достал досье на поэта и увяз с головой: Борис Леонидович как любимец публики. О нем часто и много… В какой-то момент подумал: не потяну. Нет, потянул…

19 января — отказался от приглашения 3-го канала в программу «Настроение». И с плохим настроением отправился на улицу Тухачевского, к зубомучителям — Тамаре Ал. и Саше. «Откройте ротик», «Закройте ротик»… а в итоге 29 тыс. ре. Спас вышедший в «Алефе» Домбровский — 50 долл. На один зуб или на ползуба?.. Получил Юрия Домбровского, профессор с факультета «Ненужных вещей», и отдал подготовленного Семена Липкина — «Еврей в окопах Сталинграда». Вот

так и живу: то ли в окопе, то ли на передовой, под обстрелом…

22 января — вернулся Анисим из Штатов, гостил у дочери в Филадельфии. Поделился выводом: «Мы Америку никогда не догоним!» Недаром еще в 1962 году Вознесенский признавался в любви к Америке: «Обожаю твой пожар этажей…»

26 января — занимался Александром Ароновым: сколько в России хороших поэтов. В «МП» опубликована Галина Уланова. Но все это меркнет и перекрывается бытом: рухнул поржавелый бачок в ванной, и надо вызывать водопроводчика. Поэты бачки не чинят… Но имеют возможность купить новый.

27 января — скандал в «Аккорде». Медведева из музея Глинки устроила хай по поводу моего материала о частной жизни композиторов: зачем нужны любовные приключения, которые снижают образ творца? Сперанский встал на мою сторону, и Медведева заткнулась.

31 января — пришла идея собрать книгу «Тринадцать безумцев». И отпечатал первого: Вуди Аллена, кинорежиссера-парадоксалиста.

1 февраля — поездка в издательство «Олимп», хозяин и издатель — Михаил Соломонович Каминский, старый еврей. «Можно мне рассказать

про свою аденому?» Боже мой, как интересно! После захватывающего рассказа немного об издании моих книг: «Будем думать…» Все думают. Долго и безуспешно. Я понял: кашу с Каминским не сваришь, и предался воспоминаниям о знакомых местах: в молодые годы ездил в Донские бани, а потом пил ледяное пиво из кружки в рядом стоящем киоске. А в другие годы в сквере перед Даниловским рынком, опять зимой, на лавочке сидел с врачихой Нелли Владимировной из пионерлагеря. Она в шубке, я в легком демисезонном пальто. И — любовь!..

2 февраля — добил Вуди Аллена — 12 стр. Дал почитать Анисиму, он похвалил: «Ты на уровне Юлия Айхенвальда!..»

Как правило, я выбираю своих героев по уникальности судьбы и творчества, а еще по внутренности близости и схожести. Мне кажется, мы с Вуди Алленом одной группы крови. У нас с ним почти одно внутреннее восприятие мира — невротическое, скептическое и ироническое. Самоирония со скепсисом. «Я никогда не был счастливым человеком», — признавался Аллен. Он ненавидел мысли о старости и горько шутил: «Маркс умер, да и я себя неважно чувствую…»

5 февраля — в «Московской правде» вышли

сразу два материала: Ворчун — «Где деньги, Зин?» и Борис Пастернак — «Гамлет русской поэзии».

Вот начало Ворчуна:

«Сегодня деньги — это все. О них болит голова, надрывается сердце и разрывается душа. Где достать? Как прожить? Как свести концы с концами? И это не моя личная забота, а общероссийская. Треть россиян живет за чертой бедности…»

Ну, а в жизни Бориса Леонидовича деньги не играли значительной роли, его жизнь — нескончаемая борьба с собственными сомнениями и с сердечной смутой. «Душа моя, печальница / О всех в кругу своем…»

Работал, печатал и маялся от простуды — это уже мой удел. Комракова спросила Ще: «А как вы его лечите?» Ще ответила: «Утром хожу и покупаю газеты, чтение его излечивает…»

6 февраля — машина под литером Ю. Б. работает бесперебойно: закончил материал о Баратынском. Ще:

— И сколько у тебя получилось?

— Двенадцать страниц.

— А у меня 13 котлет.

И что? Можно только улыбнуться.

А когда материал появился в газете, Ще раздумчиво заявила:

— Ну, не знаю, что делать: читать Баратынского или кормить Безелянского?

Отличное чувство юмора…

Евгений Баратынский родился 2 марта по новому стилю в 1800 году (132 года до моего рождения). «Гамлет-Баратынский» — так прозвал его Пушкин за глубокомыслие стихов. Вот хрестоматийные строки:

Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам;

Не испытав его, нельзя понять и счастье…

И удивительное пророчество, ощущение перемен:

Век шествует путем своим железным,

В сердцах корысть…

И далее, что минуло время, когда близки «поэзии ребяческие сны», «И не о ней хлопочут поколенья, / Промышленным заботам преданы…» Что мы и видим спустя два века: главное — развитие, валовой продукт, эффективность и т. д.

Баратынский просил: «Не трогайте парнасского пера». И горький вздох:

Немногим избранным понятен
Язык поэтов и богов…

Баратынский прожил на свете не на много больше Пушкина и ушел в 44 года.

10 февраля — и опять простуда, из носа льет. Стало получше, и поехал в издательство «Роспэн». Предложил несколько заявок, в том числе и свой дневник (они только что издали «Дневник танкиста» — «броня крепка, и танки наши быстры…»). И старая история: будут думать, соображать, прикидывать… Ну, а я увлекся новой идеей: подготовить к издаю свои дневники, сократить и олитературить. Подтолкнул идущий по ТВ сериал — «Подстрочник» — монолог о жизни Лилианы Лунгиной (1920–1998).

11 февраля — в принципе каждый день чем-то отмечен, а этот — поездкой на Тверскую и покупкой сборника Николая Агнивцева, которого в студенческие годы я переписывал в специальные книжечки от руки.

…Чтобы некая миссис прилежно
Разливала бы кофе и нежно
Начинала глазами лукавить,
Потому что иначе нельзя ведь…

Цитировать можно без конца.

Она поправила прическу
И прошептала: «Вот и все!»

А еще получил очередной «Алеф» с напечатанным Львом Лосевым. Если Агнивцев насквозь куртуазный, то Лев Лосев — насквозь иронико-циничный и, можно сказать, без креста.

Вот уж правда — страна негодяев:
И клозета приличного нет.

И о советском времени:

Давали воблу — тысяча народу.
Давали «Сильву».
Дуська не дала.

19 февраля — раз в неделю выходят «Заметки ворчуна», но этого мне оказалось мало, и я решил заняться своими дневниками. Сделать литературную выборку под названием «Наедине со временем, или Дневник интеллигента в очках». Это, как говорится: вали до кучи!..

23 февраля — Останкино. Приглашен в качестве историка в программу, посвященную памяти Собчака (с Нарусовой и Ксюшей). Среди пригла-

шенных — Роман Виктюк, Михаил Боярский, Дружинина, Свиблова и кто-то из питерских друзей Анатолия Александровича.

Вился фимиам и лился елей. Я по замыслу должен был выступать после Виктюка и как бы завершить программу. «После Виктюка — вы!» — сказал мне Андрей Малахов, но не учел при этом, что Роман Виктюк — классический одеяльщик, все время потягивал одеяло на себя: «Еще одну минуточку!» И съел всю концовку передачи. Я так и остался без слова, и Боярский после программы в комнате гостей ехидно спросил: «Молчание — золото?» Мне нечем было парировать. 27 февраля программа вышла в эфир, и было видно на моем лице, как ходили желваки от злости. Все, кто смотрел ТВ, обратили внимание на мою разъяренную мимику. А ведь я собирался дать жесткую оценку деятельности Собчака…

Звонила Лариса Копнина: «Я два дня мучилась: это Юра или не Юра в программе? Внушительный такой…»

25 февраля — простуда. Не выходил из дома, по телефону дал интервью на тему «Женщина: вчера и сегодня» для какого-то журнала. И разные разности: сломалась стиральная машина (она с 1998 г.), умер режиссер Владимир Мотыль,

творец фильма «Белое солнце пустыни» с его горькой констатацией: «За державу обидно!..» Нашу хваленую хоккейную сборную разгромили на олимпиаде в Ванкувере, ну, и т. д. Невольно пришли строки:

Мне мила отчизна наша,
Где бордель уж поутру,
И такая пахнет каша:
Рашен хаос, точка ру…

Все медали ждут так жадно,
А в итоге — унитаз.
Ах, Ванкувер, будь неладен.
Все успехи не про нас.

2 марта — стукнуло 78. Подарок от «МП» — публикация Венецианова. Вдвоем с Ще. Выпили немного водки «Пять озер». Отвечал на поздравительные звонки. Анисим: «Я счастлив, что встретил тебя в жизни…»

16 марта — занимался в прошедшие дни дневниками. Не поехал в библиотеку в Царицыно, но побывал на книжной ярмарке. Вышел мартовский «Алеф» с «Итальянским каприччо». В начале привел цитату Бориса Зайцева — «Вечное опья-

нение сердца» — об Италии. Вспомнил Рапалло, где был подписан договор с молодой советской республикой — «На таком курорте можно подписать все что угодно…» И рядом, в Портофино, Мопассан писал своего «Милого друга».

В «Науке и жизни» после некоторых мытарств появился Плеханов — «Отец русского марксизма». Отдал дань институту, носящему имя Георгия Валентиновича. Кстати, цена «Науки» с Плехановым — 110 ре. Для сравнения: «Серебряный век» — 389, «Золотые перья» — 319 и т. д. Эти цены в «Библио-Глобусе».

13 марта в «МП» опубликован «Польский гений» к 200-летию со дня рождения Фредерика Шопена. Большой материал, где нашлось место любви Шопена и Жорж Санд, она звала его — Шип, Шипетт, Шопинский. А вот пассаж об отношениях России с Польшей Егорунин снял: неожиданная цензура.

22 марта — материалы выходят чередой: Баратынский, Леонид Утесов, колонка «Футбол — это жизнь» и т. д. Стрижев по телефону: «Все уголек выдаешь!..» Странно: то ли похвалил, то ли укорил, то ли позавидовал? А я тем временем рубил новый пласт: убитые поэты в войне — Коган, Майоров и др. Загубленные войною молодые

жизни. Незадолго до гибели Павел Коган писал: «Нам лечь, где лечь, / И там не встать, где лечь…» А в мирное время на днях ушел из жизни Хачин родственник Володя, которого все ласково звали «Лифчик», 70 лет.

Немного о погоде. Зима долго не сдавалась, а теперь началась весенняя вакханалия. 19-го была настоящая пурга. Снова торжество снега, а вчера пошел дождь, сегодня все серо, дождь смывает последние грязные остатки снега, — ну и климат, в котором живём!

И режим в стране под стать: грязный, циничный, глупый. Выступающие по «Эхо Москвы» не стесняются в выражениях: «правящая свора». Ганапольский: «Эти ребята курочат страну!..» Ну, а ненавистники режима пытаются раскачать лодку…

И, конечно, у всех свои личные проблемы. Говорил с Феликсом Медведевым. Он возмущается: меня не печатают, будто забыли, кто такой великий Феликс. «Как же так?! Я столько сделал, работая в «Огоньке». Меня знают во Франции?» Н-да, можно только грустно вздохнуть и повторить: «Глория мунди транзит…»

Говорил со Славой Тарощиной, она процветает в «Новой газете» и возмущена поведением своих

коллег по цеху: бегают в Кремль по взмаху мизинчика. «Где цари, там и поэты!.. Подхалимляне!» И среди них много уважаемых людей, как-то неудобно приводить имена.

23 марта — Егорунин: «Подумайте о пенсионерах, — у нас в газете будет вкладка». А что думать? Все давно готово: когда-то я «в стол» написал текст «Плач по возрасту» — 26 стр. И преспокойно готовился к выступлению в библиотеке им. Бунина. По воспоминаниям Бориса Зайцева, Бунин в эмиграции, в Грассе, писал под стрекот цикад. А мне приходится сочинять под постоянный ремонтный шум, то на улице, то где-то рядом за стеной, в чужой квартире. Ремонт, понимаешь, — сказал бы Ельцин со своей особой интонацией.

В библиотеке им. Бунина

24 марта — библиотека на ул. 1905 года. Собралось у бунинцев человек 30, как оказалось, начитанных людей. Поймал кураж и страстно говорил о Бунине, вспомнил и революцию, и «окаянные дни», и о том, что советская власть не простила Бунину яростную критику в свой адрес, последующую эмиграцию и получение Нобелевской премии. В БСЭ (1951) Ивана Алексеевича клеймили «как космополита и изменника», прославлявшего интервенцию, а по поводу великих вещей, написанных Буниным в эмиграции, Большая советская энциклопедия отметила, что все написанное писателем на Западе проникнуто «пессимизмом, мелочным по тематике…» Обо всем этом я говорил и возмущался. Дома Ще сказала: «Никак не могла понять: всерьез ты горел гневом или играл гневом?..» Конечно, всерьез, и никакой игры!

27 марта — по «Эхо» зачитывали какое-то коллективное письмо о неприятии путинизма с категорической просьбой: «Путин, на выход!» В «МП» вышел материал о певце Козловском, и ошибка: не Иван Семенович, а Иван Сергеевич,

как Тургенев. И все пропустили: я, редактор, корректор…

29 марта — с утра по радио сообщение о взрывах в метро на станции «Лубянка» (привет спецслужбам!) и «Парк Горького». А мне надо ехать в «Московскую правду». Спокойно поехал. На «Полежаевской» пустынно — на перроне не более десяти человек. Многие в страхе побоялись спускаться в метро. Но и без взрывов уходят, исчезают люди. Умерла Валентина Толкунова, песенка «Носики-курносики», — красивая русская статная женщина, 63 года и сгорела: рак… По НТВ вспоминали ушедших: Абдулова, Янковского, писательницу Галину Щербакову (известная как автор повести «Вам и не снилось»).

И другая тема: ассоциация поклонников Бунина предложила присоединиться к группе и поехать во Францию, по бунинским местам. Заманчиво. Но 2 тыс. евро с носа — не потянем!..

31 марта — газеты кипят по поводу терактов в метро. Юлия Калинина в «МК» об очередном совещании по борьбе с терроризмом написала: «…производит тяжкое впечатление. Малохольные огурцы какие-то сидят за столом и переливают из пустого в порожнее. Что они могут?.. Только призывы: поймать и уничтожить?..».

1 апреля — откликнулся на просьбу Светланы Казеновой и поехал в Строгино. Новое здание, большой зал, в нем около (или больше) 100 старшеклассников. Я рассказывал о Серебряном веке, о судьбе знаменитых поэтов. А начал выступление с прикола: «Я только что прилетел из Америки, там, в Вашингтоне, знают о вашем замечательном лицее и передают всем вам приветы…» В зале гул удивления. Выдержал паузу и сказал: «С первым апреля, дорогие дети!..» Все радостно захлопали. Но после ко мне подошел мальчик-ботаник в очках и спросил: «А какая была погода в Вашингтоне?» Ботаники шуток не понимают…

4 апреля — разбирался для будущей книги с 50-ми годами. Вечером по ТВ фильм Анджея Вайды «Катынь», фильм-обвинение про страшные сталинские преступления… 4-го, воскресенье. Пасха. Отдыхали и пишущая машинка, и стиральная. Ще покрасила яйца. Купили кулич. И пили какой-то кагор. Все тихо и чинно.

Тут было любопытное интервью с Глебом Горбовским, поэтом (старше меня на один год, с 1931-го): на вопрос «Стареете?» ответил: «Мозгами не старею… Я пока еще светел, при памяти и в извержении словесном…» Да, еще попивает, чего

не скрывает…

11 апреля — вчера пришли с рынка, включили радио — катастрофа польского правительственного самолета на подлете к Смоленску.

Летели в Катынь, и вот дважды Катыньская трагедия: весною 1940го органы НКВД уничтожили 4 тыс. польских офицеров, интернированных осенью 1939-го. И свалили это преступление на фашистов и долгие годы утверждали: це не мы!.. И вот новое несчастье, и кто виноват? У поляков свои обиды и доводы, да и во мне бурлит частица польской крови…

К событиям в Катыни добавилась еще одна напасть — проснулся вулкан в Исландии, и пепельное облако накрыло пол-Европы. Какой-то мистический шлейф от Катыни, будто бы мертвый Сталин хватает всех за ноги… Катынь и вулкан — две большие новости и еще куча обычных новостей: стреляют, убивают, поджигают, арестовывают и т. д. Россия как разбойничий вертеп.

18 апреля — Лариса попросила для «Алефа» сделать Ромена Гари: она о нем услышала и заинтересовалась. Для меня тоже новое, неизвестное имя. Собрал крохи информации о нем и напечатал материал. Ще: «Из ничего!.. Я тобой

восхищаюсь!..» А что восхищаться — отточенное ремесло. Отвез Гари и получил апрельский «Алеф», а там — Семен Липкин. И уже молочу новый: об Ольге Берггольц. Без остановки…

А вот знаменитая «Радуга» погасла: в издательстве работает комиссия по ликвидации. На полу россыпь изданных книг, в том числе и моих: за 12 лет — (первая — «Вера, Надежда, Любовь», 1998) — издано 13 книг. Лежат на полу (аж сердце защемило) — покупай по дешевке. И купил 10 книг на общую сумму: 725 ре. Эх, надо было бы взять больше и вызвать такси, — как-то не сообразил и тащил книги на себе. Со стороны, наверное, я не выглядел счастливым автором.

25 апреля — 21-го выступление в каком-то кафе на Бутырском валу в клубе Светланы Комраковой. Тема: «Мужчины и женщины». Рассказывал и читал стихи, серьезные и не очень. Семен Кирсанов Лиле Брик: «Ваш лифчик — счастливчик». И много Игоря Северянина: «В шумном платье муаровом…» и прочие известности, но обидные строки Северянина не прочитал, затаил:

Все девы издали прелестны
И поэтичны, и милы, —
Вблизи скучны, неинтересны

И еще читал Вознесенского: «За что нас только бабы балуют, / И губы, падая, дают, / И выбегают за шлагбаумы, / И от вагонов отстают?!»

Кто-то из дома принес старые мои книги и просил подписать. И гонорар: коробка трюфелей отечественного производителя из Егорьевского р-на. Дома попробовали, и тут же выбросили в мусор. Отечественные неумехи, горе-профессионалы, ничего не умеют делать…

26 апреля — у меня в «МП» вышел Юрий Нагибин, а Ще привезла журнал «Студенческий меридиан» со своими публикациями, и в редакции ее похвалили, что она — хорошая ученица «школы Безелянского».

Материал о Нагибине я назвал «Писатель-плейбой» (плейбой в том смысле, что хотел всегда быть на виду и в моде). Эссе о Нагибине вошло в книгу «Опасная профессия; писатель» (2013). Вот начало:

«Время затеняет память. Еще 10–15 лет назад Юрий Нагибин был на слуху. А сейчас он забыт. Не вспоминают ни его, ни Юрия Трифонова, ни Володина, ни прочих былых кумиров. Впрочем, и вся литература куда-то ушла, сгинула. Остались лишь жалкие книжные островки.

Юрий Нагибин — один из редких писателей, с которыми меня столкнула судьба. Мы вместе публиковались в 90-е годы в газете «Вечерний клуб» (была такая газета, рассчитанная на интеллигенцию). Более того, вместе — Нагибин и я, — стали первыми лауреатами газеты и получили звание «Почетного кавалера «ВК». Потом после смерти Юрия Марковича мне отдали его место на газетной полосе, где он печатал выдержки из своей книги. Получается, что я — вроде преемника Нагибина. Он разрабатывал жанр исторических очерков и эссе, а я этот жанр продолжил…»

И еще одна объединяющая черта (это я пишу уже спустя годы — 19 февраля 2020 г.) — дневник. Он вел дневник почти полвека и решился опубликовать его при жизни. Нагибин отдал подготовленную рукопись издателю и через 10 дней умер. Дневник вышел посмертно в 1996 году в изд-ве «Книжный сад», без указания тиража, на серой газетной бумаге с блеклыми фотографиями. Были ли повторные издания, — не знаю, но Юрий Маркович был достоин лучшей памяти…

Юрий Нагибин прожил 74 года. Его Дневник открытый, без сдержек и умолчаний, зубодробительный, как говорится, всем сестрам по серьгам. О врагах и недругах, завистниках и недоброже-

лателях написано наотмашь, весьма зло. Только несколько фраз: «Крепко сидит татарщина в русской душе»… «Почти все советские люди — психически больные»… «Человечество во все времена отвратительно»…

Последняя запись в дневнике Нагибина — 13 декабря 1986 года. Он выступал в Доме архитектора, рассказывал о судьбе Осипа Мандельштама, ушел со сцены, забыв рукопись своей статьи об Осипе, вернулся — рукописи уже нет. Украли. Сперли. «Возможно, кто-то подобрал из стукачей», — записал Юрий Маркович.

От Дневника Юрия Нагибина к дневнику, хронике жизни Юрия Безелянского.

2 мая — Первомай отметили в дальней роще — в Покровско-Стрешнево. Погуляли-подышали, вернулись и вкусно покушали под чилийское вино «Фронтера». И никаких демонстраций, шествий, криков и визгов: «Россия без Путина, Москва без Лужкова!» Колыханье и кричанье только на телеэкране.

Не спеша разбирал прессу. В «Литературке» натолкнулся на неизвестного мне Игоря Алексеева из Саратова (1959–2008):

> *Мне хреново, Тимур, укачали меня эти годы.*

Все болтается врозь, даже нищая эта кровать…

Из статьи Никиты Кричевского: «Униженное и растоптанное российское общество… вертикаль власти, как оказалась, не предназначена для решения социальных проблем…» («МК», 21 марта).

«По правилам рынка в Кремле играть не то что не хотят, — не могут. Они играют по правилам империализма: и только вместо танков угрожает газопровод…» (Юлия Латынина)

«Все гниет, и все это понимают, и никому это не нравится, включая руководство страны…» (Юлия Калинина, 23 апреля).

«Вынесем из Мавзолея невыносимого Ленина!» — призывает Игорь Чубайс.

2-го с утра ездили на Ваганьково. Какие-то новшества: новый колумбарий, новые захоронения. Умиротворенно тихо. Положили цветочки, постояли, каждый подумал о своем. А в итоге как-то полегчало…

9 мая — грандиозный военный парад. Помпезно-пафосная показуха. Современной власти нечем гордиться, поэтому приписывают как бы себе ту давнюю Победу. И что после Победы? Расслоение общества на богатых и бедных. По ТВ и в газетах много пишут, как относятся к ве-

теранам войны: «Квартир нет. Вам президент обещал? Пусть он и дает. Может, свою отдать?! А у нас квартиры появятся к 2020 году. Заходите…» Куча позорных фактов. Грабят, воруют ордена и продают на рынке и т. д. Нет дорог, заброшенные деревни, ветхий жилой фонд. Накануне 9 мая в Кемеровской области техногенная катастрофа: 10 погибших, 80 оказались заваленными в шахте. Но праздник не отменили. Танки грохочут, все танцуют и поют!

По ТВ показали старое интервью Константина Симонова с «товарищем Жюковым» — так Сталин называл маршала Жукова. Ну, и логично вспомнить стихи Бродского «Памяти Жукова» (1974):

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись с адской
области с ними? «Я воевал».

10 мая — первая майская неделя. 3-го засел за Петра Чайковского. Зацвела черемуха, приятный

мягкий запах…

В День советской печати — 5 мая «Новая газета» — монолог актера Алексея Девотченко с призывом не сотрудничать «с преступным, глубоко порочным и циничным режимом, установившимся в нашей стране 10 лет назад». Не участвовать в лживых и тенденциозных передачах ТВ, не участвовать в озвучках агиток власти, не давать интервью официозам, не участвовать в корпоративах таких монстров, как ФСБ, МВД, Газпром и т. д. Смелое и дерзкие выступление актера поддержали другие авторы «Новой» и заявили, что «нужно для себя обозначить границы допустимого компромисса». Дима Быков тоже против того, чтобы «отмывать» режим. Я певцом власти никогда не был. Моя сфера: история, культура, литература, а уж там я позволяю себе кое-что…

6-го влез в записи 1987 года. Многое забылось, но, читая, мгновенно вспомнилось. Закончил писать о Чайковском, и к месту фильм о нем по ТВ. Смоктуновский в роли Петра Ильича, неубедительно…

7-го военные песни в исполнении Людмилы Гурченко. Подтяжки лица и пластика сделали из нее монстра. Господи, зачем?!.

17 мая — дни свистят, уходят…

11 мая удивила «Комсомольская правда». На первой полосе о трагедии на шахте «Распадская» — «Я понял, что такое ад». И тут же внизу подверстано: «Лолита выходит замуж в четвертый раз». Новость № 2? Какая-то вопиющая человеческая глухота. Этический цинизм.

13-го закончил печатать Твардовского — 10 стр.

«Не стойте только над душой, / Над ухом не дышите», — просил Александр Трифонович. Правдолюб из «Нового мира». А 15-го в «МП» опубликована Ольга Берггольц — «Дневные и ночные звезды» (И Твардовский, и Берггольц вошли в книгу «Опасная профессия: писатель»). Какие драматические судьбы! Особенно у Берггольц: подлая власть почти буквально растоптала ее жизнь и, пройдя тюремные круги ада, она писала:

Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить…

В зрелые годы Берггольц отказалась от плохого Сталина, но продолжала верить в хорошего Ленина, так и не разобравшись до конца в природе советского государства.

25 мая — допечатал Сент-Экзюпери и получил

майский «Алеф» — «Этот невротик Вуди Аллен». Прославленный режиссер признавался: «Это самое дрянное время моей жизни. Мне 74 года, и я уже не становлюсь умнее, мудрее, чувствую себя рыхлым, малоподвижным, у меня болят суставы, портится зрение, стучит сердце, и ничего хорошего со мной уже точно не может произойти…»

Был звонок от Кориной: в «Эксмо» закрыли все мои проекты. Тут же звонок из «Центрполиграфа»: предложили сделать книги с цифрой «100» каких-то биографий и историй. Я отказался. Позвонил в журнал «Знамя» Наталье Ивановой, главной критикессе журнала:

— Вы меня знаете?

— А кто вас не знает?

Предложил Луначарского и Савинкова, — отказалась. Дневник?

— Приносите, посмотрим…

А вот моему ровеснику драматургу Михаилу Шатрову, члену «Клуба 1932», уже не до публикаций: скончался во сне. Ушел искатель исторической правды. «Сталин — тиран, тут сомнений нет, — утверждал Шатров, — но Ленин все же другой: — иначе что ж, 70 лет коту под хвост? Жили и боролись впустую?»

26 мая — презентация вышедшего журнала

«Аккорд» в салоне с тем же названием. Четыре цветных полосы, шикарно. О частной жизни великих композиторов под игривым заголовком «У любви, как у пташки, крылья». И для читателей данной книги устрою небольшой дивертисмент (от французского слова, означающего «развлечение»). Вот начало моего текста:

Музыка, любовь, разочарование

Что есть музыка? «Музыка — она всегда с тобой, / Только ты ее сумей услышать…» — писал Михаил Волин, поэт русского зарубежья. А великий Фридрих Ницше отмечал: «Без музыки жизнь была бы ошибкой».

Что есть личная, частная, приватная жизнь? Увлечения, любовь, брак, дети, тревоги, страдания, слезы, разводы, размолвки, разлуки, боль, утраты и так далее по списку жизненных событий и коллизий. Сегодня ни одна биография знаменитого человека не может обойтись без упоминаний деталей личной жизни.

Что ж, коснемся кое-каких коллизий из ЖЗЛ — композиторов. Сочиним некое биографическое пиццикато.

С кого начать? Кто наше все в музыке? На Западе это, конечно, Моцарт, а у нас, без сомнения, Чайковский.

Бедный Моцарт. Он прожил 35 лет, 10 месяцев и 9 дней, из которых был в пути 10 лет, 2 месяца и 8 дней — по плохим дорогам и в тряских каретах. И все ради проклятых, но необходимых денег — талеров. Заурядный человек в быту и боже-

ственный — когда сочинял музыку.

Он любил Констанцию Вебер, свою жену. Любила ли она его — вопрос спорный. Но она оплатила все долги Моцарта после его смерти — это ли не лучшая память о нем?

Перейдем к Чайковскому, к его жизненной драме. Однажды он надумал жениться. Но скорее даже не он решил, а его вынудила на этот шаг весьма энергичная выпускница консерватории Антонина Милюкова: «Не возьмете меня замуж — наложу на себя руки!..» Чайковский женился и впал в состояние, которое называют как «нервусбрекдаун». Тут можно вспомнить и вероломную французскую певицу Дезире Арто, которую он любил, но она предпочла испанского баритона Мариано Падиллу русскому гению.

Иоганн Себастьян Бах не признавал неофициальные связи и любовь на стороне. Был женат дважды. Первая жена, Мария Барбара, скоропостижно скончалась. Второй раз композитор женился на дочери придворного трубача — Анне Магдалене Вилькен. Брак не отвлекал, а помогал творчеству. В итоге — 20 детей, 1200 произведений в различных жанрах. И как определил Шуман: «Бах — не новый, не старый, он гораздо больше — вечный...»

Роберт Шуман и пианистка-вундеркинд Клара Вик. Совсем другая история. Наперекор воле отца Клара вышла замуж за бедняка-композитора. На первых порах это была идеальная пара: они часто садились за фортепиано вместе, играли, причем оба играла одной рукой, а свободными руками они обнимались. В браке родилось 8 детей. Правда, ходили слухи, что младший сын — ребенок от друга семьи Брамса. Но Брамс после смерти Шумана не предложил Кларе своей руки и сердца.

Феликс Мендельсон был счастлив в браке с Сесиль Жанрено. Счастье длилось 10 лет, а потом вмешался злой рок, и в 37 лет (пушкинский возраст) Мендельсон умер. Последние его слова были: «Устал, очень устал». Мендельсона сгубила работа. Он задохнулся от музыки…

У Эдварда Грига был идеальный музыкально-артистический брак со своей кузиной Ниной Хагеруп. Потом наступил кризис отношений, и композитор увлекся норвежской художницей Лейс Шельгеруп. Но в конце концов вернулся к жене. Песня Сольвейг?..

Далее в материалы шли Джоаккино Россини — «упоительный Россини, Европы баловень, Орфей». Наш Антон Рубинштейн, жена которого Вера не признавала музыку мужа, а восхищалась

только итальянскими тенорами и пением цыган. То есть полный разлет вкусов… Не повезло с женой Жоржу Бизе. Она завела любовника и отлучила Бизе от спальни. Свою личную драму Жорж Бизе превратил в музыкальный шедевр — оперу «Кармен».

Людвиг ван Бетховен, Морис Равель, Фридерик Шопен, Бородин, Алябьев, Мусоргский, последний, Модест Петрович, сгорел в 42 года. Он так и не нашел личного счастья и искал утешения в алкоголе — ночные кабаки, трактиры… Не всем удавалось внять совету Глинки в его романсе: «Уймитесь, волнения страсти! / Засни безнадежное сердце…» Свои роковые страсти композиторы отражали в музыкальных сочинениях. Музыка успокаивала, возвышала и, как утверждал еще в древности Аристотель: «Музыка облагораживает нравы».

И уже от себя: если нравы дикие, то никакой музыки в душе нет (20 февраля 2020 г.).

Помузицировали и возвращаемся к хронике.

29 мая — Эммануил Бройтман пригласил в «Мак кафе» на Пушкинской. Живет один, жена умерла, сын в Канаде. В память жены издал книгу «Эти загадочные еврейки», за свои деньги, 1000 экз. — 90 тысяч ре. Книгу подарил и за столом почти

причитал, что я ему симпатичен и удивляется тому, что много пишу и печатаюсь. Без зависти, а с восхищением.

6 июня — 1-го позвонил Анисим — умер Андрей Вознесенский. Уходит наше поколение. В последнее время он печатал печальные стихи, предчувствуя свой уход. «Кофе — жизнь, как турочка, пролилась…» «Мы все — «ку-ку» — внизу, хоть наверху» и т. д.

Ты худеешь и чахнешь,
Тихий агнец, держись!
Этот страшный диагноз
Называется — жизнь.

В школе я с Андреем не общался — учились в разных классах. Когда он вышел со своими стихами, я стал за ним следить, и ранний Вознесенский мне очень нравился. К позднему Андрею я несколько остыл, но мы с ним общались и, можно сказать, приятельствовали. Он приходил ко мне на творческий вечер в ЦДЛ, вспомнил мою кличку «Беза» и назвал «Поздней ягодой» за книги, появившиеся лишь в начале 90-х. Надо было, конечно, с ним поближе подружиться, но он был нарасхват, каждый день при деле, и поэтому

только краткие встречи. А теперь поезд ушел и, как писал Андрей: «Спасибо жизнь, что была». Прожил 77 лет, — не мало и не много. В последние разы на ТВ выглядел высохшим, странным и потерявшим голос. «Но итоги всегда печальны, / Даже если они хороши», — это Андрей про себя.

И что делать нам, оставшимся? Как говорили древние (эпикурейцы) — carpe diem: по-русски — «лови день», наслаждайся тем, что живешь, пишешь, бьешься за выход книг, борешься с недугами и т. д. В этом году, как никогда, распелись соловьи и птички, весь двор зеленый, и они поют с раннего утра до вечера, — и это повышает настроение.

В «МП» 1 июня вышел материал об Эмиле Золя в рубрике «Книги в Москве». Ездил в издательство «Грифон», на Хорошевке, в здании «Красной звезды». Выложил заявки и проекты издания и переиздания книг, руководство издательства было ошеломлено, обычно приходит автор с лишь одной худосочной рукописью, а тут многопудье на выбор. Выбирай — не хочу. А в конечном итоге пшик: есть желание — нет денег.

2-го был в «Аккорде» в связи с моей идеей «Джаз и поэзия», раньше с чем-то подобным выступали Валентин Никулин, Арканов, и вот мое пред-

ложение. Один из лучших гитаристов страны Алексей Кузнецов загорелся: давайте план, будем репетировать. Я тоже пылал, а потом остудился: когда репетировать? А есть ли силы? Эх, всё бы это да пораньше!..

3 июня — на Песчаной в библиотеке им. Хикмета выступал с рассказом о турецком поэте Назыме Хикмете, который жил в домах на Песчаной и умер 3 июня 1963 года в возрасте 61 года. Пришло всего 7 человек, но слушали замечательно, рассказал, как в марте 1953-го в Барвиху к лечащемуся там Хикмету приехал друживший с ним Константин Симонов и громко убивался, как дальше жить без Сталина, ведь он даже «думал за нас». На что Хикмет рассмеялся и сказал: «Думать будем сами, сами!..»

13 июня — Чемпионат мира в Южной Африке — грандиозный футбольный праздник, и опять без наших. «А наши растяпы!» — Цыбанев. «Сегодня в день праздника мы, убогие, опять сидим в углу», — другой спортивный комментатор Поликовский. А что остается нам? Газпром, дубинки, разгон «несогласных». А в ЮАР исключительно спортивные страсти.

9-го поехал на Смоленскую в Трубниковский пер. в холдинг «Совершенно секретно». Редактор

Наталья нашла меня по книге «Улыбка Джоконды» и пригласила рассказать по ТВ о Леонардо да Винчи. Вопросы задавала Елизавета Шергова, дочь знаменитой журналистки Галины Шерговой. Часовая беседа о Леонардо (очевидно справился, коль эту запись крутили несколько лет — 20 февр. 2020 г.).

20 июня — занимался разными писаниями, в том числе крутил Андре Моруа. Но что нам до Моруа, когда есть не писатель, а говоритель Медведев, который заявил, что мы должны стать «страной мечты». Еще один кремлевский мечтатель, оторвавшийся от реальности. Как написал Матвей Ганапольский («МК», 15 июня): «Что отныне они могут? ВСЕ. Что можете Вы? НИЧЕГО». Александр Минкин возмущается, что эти верховодные, без всякого согласования с народом, сядут вместе и решат, кто будет следующим президентом. И Минкин в гневе: «Уроды. За те же деньги можно было построить счастливую страну, где не надо охраны, где бесплатно любое лекарство для больных детей. Это не сказка. Мы знаем, что такие страны есть. Там полиция не берет взяток, да и чаще увидишь ее на экране, чем на улице…»

И что нужно для перемен? «Всего-то и надо хоть сколько-нибудь честности и величия души». А

вот этого как раз и нет. Есть обман, надувательство, воровство и много низости в душе. Только грести под себя, любимого…

27 июня — сумасшедшая погода: в Москве жарче, чем в Африке. Все время за 30 градусов, побиты многие рекорды столетней давности. Я в начале недели как-то держался, а вчера начал рассыпаться. Но тем не менее отвез в «МП» три материала: Моруа, «Женщин июля» и «Ворчуна»: «Ах, лето!..» В «Алефе» вышли Ромен Гари (июнь) и академик Тарле (июль). Вчера Михаилу Ходорковскому исполнилось 47 лет, и уже 7 лет как он сидит в тюрьме. У Евг. Рейна есть строки: «Вернись в Москву и там на Лобном месте / Скажи Кремлю: «Я не боюсь тебя!»

4 июля — в конце июня ездил в «Знамя» и забрал свои рукописи. Иванова хамски: ни да, ни нет. Да кто она такая? Мои книги лежат во многих библиотеках Москвы, а ее? Кому нужны ее сю-сю? Короче, кипел страшно…

Пускай эта напыщенная дамочка посоревнуется со мною. В «МП» вышли два «Ворчуна»: «Ах, лето?..», художник Саврасов и отдельно Сент-Экзюпери. С детства помню маленького принца и серебристый голос Марии Бабановой в радиопостановке. Ну, а про лето изысканный подбор

стихов: «Эти жаркие летние дни, / Эти долгие ночи бессонные…» (Апухтин). «Лето солнцем прослоено, / Как малиновый пирог…» (Ирина Снегова). Совсем иное — Алексей Саврасов:

знаменитая картина «Грачи прилетели…» Грачи прилетели, а талант ушел. Творческие муки, алкоголь, разрушение семейной жизни, полунищенское существование и уход в 56 лет. На похоронах Саврасова присутствовал меценат Третьяков и швейцар из художественного училища.

Мало этого? Еще модернизировал старый материал о Зощенко.

11 июля — пытка жарой продолжается… главная тема газет: ремонт Ленинградки — «комедия национального масштаба». Падение Ще, — солнце, шляпа, бетонные плиты, каблук попал в расщелину и падение, слава богу, без последствий. А дома рухнул карниз со шторами. Прямо сюжеты для чувствительных рассказов. Звонил Эдик из Парижа. Ему там одному скучно. Все разговоры вокруг футбольного тотализатора…

18 июля — такой июльской жары не было 130 лет. Даже африканцы жалуются и говорят, что в Африке полегче… А мои тексты выходят и выходят: 10-го — Чайковский, 12-го — Бердяев, «Русский Гегель». Пролежал в редакции 16 меся-

цев, и вдруг о нем вспомнили… Перед высылкой на «философском пароходе» Бердяева допрашивал сам Дзержинский. «Имейте в виду, — сразу сказал Бердяев, — что я считаю соответствующим моему достоинству писателя и мыслителя прямо высказать то, что я думаю…»

16-го в «Новых Известиях» короткое интервью под заголовком «Я шагаю по Москве…» Пустячок, а приятно.

И вернусь к Бердяеву. Николай Александрович (умер в Кламаре, под Парижем в 1948-м) вывел типологию «русской души». Она по Бердяеву содержится в таких «началах», как утопизм, нигилизм, анархия, экстремизм, фанатизм и тоталитаризм. В своей последней работе «Царство Духа и царство кесаря» философ отмечал, что «наша эпоха отличается исключительной лживостью… утверждается лживость, как священный долг».

25 июля — приезжал Вл. Пронин, молодой бизнесмен в сандалиях на босу ногу, взял мой подготовленный текст для книги-альбома, посвященной Плехановской академии, и выложил деньги чистоганом без всякой расписки и ведомости. Частный издатель. Очень кстати, ибо пришлось отдать в фирме «Дель авио» 61.400 за

тур в Хорватию 7 ночей / 8 дней.

А 23-го вышел наконец-то «Плач по возрасту» — мой сериал с пометкой «Продолжение следует». Теперь по пятницам, то Ворчун, то Плач. Я доволен: «Плач» был написан 13 декабря 1981 года, в стол, исключительно для себя, и вот модернизированный, расширенный вариант предъявлен читающей публике. Читайте, вникайте, сопереживайте… Эпиграф из Самуила Маршака:

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, — на счету его круглые сутки,
И месяц, и 70 лет.

«Время уносит всё, — утверждал древнегреческий философ Платон, — длинный ряд годов умеет менять и имя, и наружность, и характер, и судьбу».

Один американец ехидно заметил: «Жизнь делится на три части: когда ты веришь в Санта-Клауса, когда ты не веришь в Санта-Клауса и когда ты уже сам Санта-Клаус».

Так я огорошил обилием цитат, серьезных и шутливых, в начале своего «Плача» и привел

многочисленные строки отечественных классиков и, конечно, Пушкина:

Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега, —
А время гонит лошадей.

И как еще гонит! Ошалело. Быстро. Неостановимо и неудержимо… «О, моя юность! О, моя свежесть!» — горестно восклицал Гоголь. Ну, и так далее.

Я мечтал о книге и написал ее. Искал спонсоров — не нашел. Издал за свой счет. 100 экз. — это практически ничего. Но, может быть, кто-нибудь и когда-то издаст. Не оставляет надежда… (21 февраля 2020 г.)

2 августа — никакой Анны-макриды, никакого Ильи-пророка, никакого дождя, — центральная Россия в аномальной жаре. Трудно печатать: пальцы липнут к клавишам и по телу стекают струйки пота. 26-го был зафиксирован рекорд тепла: 37,2 градуса.

27-го приезжала Людочка с подарками. Я тоже хочу быть щедрым! Но как восклицал Генрих Абрамович Рогинский в журнале СПК: «Я не скуп.

Я нищ!»

1 августа Ще — 70 лет. Звонки-поздравления. Посидели, повспоминали, смотрели футбол по ТВ. Суперскромно. Фрукты и красивая красная роза…

9 августа — продолжаются климатические безобразия: пекло, духота. И тем не менее занимаюсь дневниками — 80-е годы. Делаю выборку на предмет будущей книги.

Получил гонорар за свои публикации, за старание и изящество совсем немного. Много только анекдотчикам и шоуменам, которые вызывают полный восторг: ха-ха-ха и гы-гы-гы!.. «А вас, Штирлиц, я попрошу постоять в сторонке».

Вот так, в сторонке от большой литературы, занимаюсь газетной литературой. К 250-летию Ивана Дмитриева пишу о забытом поэте. Он служил и дослужился до тайного советника и писал чувствительные стишки. Выпустил сборник «И мои безделки», вслед за Карамзиным. И суровый Белинский похвалил Дмитриева.

Что с тобою, ангел, стало?
Не слыхать твоих речей,
Все вздыхаешь! А бывало,
Ты поешь как соловей!..

Ах, эти российские соловьи. Штучный товар на рынке интересов и спроса.

На «Эхо Москвы» выдали перл: «Если говорить по-серьезке…» По-серьезному трудно, по-серьезке легче.

15 августа — изматывающая жара толкает людей к уходу. Умер Юрий Черниченко, один из героев перестроечного времени. Ему было за 80, а вот Миша Палиевский помоложе. Учился вместе с Ще в университете. «Такие люди как веселящий газ: пообщаешься — и легче на душе», — отмечено в некрологе.

Одни уходят, другие возмущаются положением дел в стране: статья в «Новой газете» (2 авг.): «Как «Россия бандитская» сплелась с Россией «чекистской». В «МК» — «Как дела с Россией? Воруют хамски». «Московская правда»: «Кремль во мгле». А еще пожары. Путин в самолете лично тушит огонь, чего-то там нажимая… Медведев в белоснежной рубашечке выехал к погорельцам, а они навстречу к нему в фольклорной расписной одежде. И все радостные, счастливые барина встречают. Бред и сюр какой-то!.. Город Глупов. Абсурдистан…

А что я? Могу только возмущаться и катить, как Сизиф, камень кверху. Отбирал, кого надо отпи-

сать в октябре: Сен-Симон, Сен-Санс, Писарев… А сентябрь готов: художник Анри Руссо, кардинал Ришелье и Куприн — прогулки со знаменитыми персонами под ручку.

20-го по ТВ повтор программы о Собчаке, где я — «молчание — золото». Надменный и злой. Хотел сказать о романтике перестройке, о Чацком тех дней, о благородных порывах и о затоптанном человеке прагматиками, функционерами и бонзами… И в этот же день в «МП» — очередной Ворчун и опус о Зощенко — «Солнечный зайчик». Тоже растоптанный и оболганный. Зощенко описывал грубости, нелепости и абсурд окружающей жизни. И мечтал: «Рисуется замечательная жизнь. Милые, понимающие люди. Уважение к личности. И мягкость нравов. И любовь к близким. И отсутствие брани и грубости». А тем временем один из героев Михаила Михайловича: «… лежит, знаете, на полу скучный. И кровь кругом».

28 августа — в отличие от сталинской эпохи есть свобода слова, и журналисты с удовольствием оттягиваются, иронизируют, надсмехаются. Шендерович: «Путин тут, Путин там и ни дня без репризы». Быков: «На нашей Родине паленой, / что 40 дней горит огнем, / тоски такой вечнозе-

леной / я не припомню, как при нем…» Можно цитировать дальше, но не буду. Поднимите подшивки газет и прочитайте сами.

Пропала в магазинах гречка. То жара, то гречка. Куда податься бедному писателю?.. Для памяти: курс доллара: 30,60.

В субботу 27-го «МП» вышел третий выпуск «Плача по возрасту», кстати, тираж газеты 268.900 — люблю цифры, недаром Плехановку закончил.

5 сентября — мне 2 сентября исполнилось 78,5. В далеком 1861 году русский Фауст, Владимир Одоевский, писал: «Сегодня мне минуло 57 лет», спустя два года: «Сегодня мне хватило 59 лет», в 1866-м — «Сегодня мне клюнуло 62 года».

Итак, — минуло, хватило, клюнуло… «А время гонит лошадей»…

1-го поехал на книжную ярмарку, обошел издательства, с которыми контачу, — обещания, раздумье… Огорошила издательница книг «Серебряного века»: «Вы не писатель, вы блестящий журналист от Бога». Я оторопел. Писатель, журналист, — какая разница, главное, пишущий, сочиняющий.

31 августа в «МП» вышел Александр Грин, получил два «Алефа»: август — Джо Дассен, сентябрь — «Андрей Вознесенский. Интеллигент в эпоху

беззаконий».

Мы — как пустотелые бюсты,
С улыбкой до дна,
Глотаешь, а в сердце пусто —
Беда!

У многих беда пустоты, а у Андрея — бездна находок, сравнений, метафор: «Гонорар. Гонор — арт». «Мы стали экокамикадзе». «Прощальную белую рощу / Брошу к твоим спелым ногам». И т. д. Фокусник, жонглер стиха…

Не думай, что бывает жизнь напрасной,
как будто есть удавшаяся жизнь.

7 сентября — в МЕОЦе отмечали выход тысячного номера «Алефа». Полный зал. Выступил и я, процитировал старого поэта Семена Фруга:

Два достояния дала судьба:
Жажду свободы и долю раба!

Зал грохнул от оваций. А потом Люда сказала: «Юрий Николаевич, вы, оказывается, трибун?»

10 сентября — готовимся к вылету на отдых — в Хорватию (бывшая Далмация), часть отко-

ловшейся Югославии, гостиница «с поглядом на море».

Хорватия: 11–18 сентября 2010 г

Спустя 10 лет уже не помню, почему выбор пал на Хорватию. Но слетали, и нисколько не жалею. По-хорватски «Сколько это стоит?» — «Колико ова кошта?» Всего на круг более 81 тыс. ре. Повидали новые места, отдохнули и благополучно вернулись живыми, если не считать Щекиного кашля и моего насморка (что-то хронически-аллергичное). А в Хорватии море, лагуны, острова и островки (их более 1.100), чистая вода, чистейший воздух. Действительно, Хорватия — одно из лучших экологических мест в Европе. С удовольствием гуляли по Зеленой лагуне и берегу Адриатического моря.

Подружились с гидом — хорваткой Драганой, бывшей шахматисткой. Подарил ей книгу «Принцесс», она очень обрадовалась и сказала, что попробует узнать, можно ли книгу перевести на хорватский. Ответный подарок: конфеты и связанная крючком салфетка в форме рыбки (увы, потом куда-то таинственно исчезла уже в Москве). Еще познакомились с автором детективов Ириной Левит из Новосибирска и двумя «милиционерами» из Самары, у которых на от-

дыхе ничего следственно-милицейского не было.

А теперь кратко по хронике дней.

11 сентября — не могу не вспомнить, что это за день в календаре, тем более для экс-латиноамериканиста — 11 сентября 1973 года в Сантьяго во дворце Ла Монеда во время военного переворота был убит президент Чили Сальвадор Альенде. «Черный сентябрь» в Чили. Приход к власти генерала Аугусто Пиночета. А накануне этого дня мы легли спать после отечественных новостей: рьяно мочили московского мэра — пчеловода Юрия Лужкова. Проснулись в 2 часа ночи, в 3 часа пришло такси из фирмы «Миледи». По ночной Москве до Домодедово. Строгая проверка: снимите ботинки, ремень, руки кверху. Далее американский «Боинг» нашей компании «Ямал». Полет около трех часов. От аэропорта Пулы до Зеленой лагуны минут 50 на автобусе. И первое разочарование: дорога неприметная, неживописная.

12 сентября — отель «Лагуна Молиндрино», 4 звезды, номер 302. Из дома до кровати в отеле — более 12 часов. Отдохнув, вышли и поменяли евро на местные куны. И первый перекус: кофе с яблочным пирогом.

Утром отшторились, и перед глазами голубой

бассейн при отеле, а далее синь лагуны. Завтрак: горячие и холодные колбаски, сыр, яичница, сок грейпфрута, кофе с круассанами. Кондитерские изделия похуже, чем во Франции и Германии. После завтрака сразу гулять.

Ну, а потом обед — шведский стол — вкусно и обильно, ешь — не хочу. Мы пообедали вполне умеренно, без излишеств, в отличие от многих соотечественников, которые не ели, а… жрали. А завершили мы обед ломтиками дыни и арбуза.

Первые шесть дней были солнечными и тепло-приятными. Изучали местные окрестности, вырезные берега лагуны. Дышалось великолепно. Уже в Москве нашел у Игоря Северянина цикл стихов «Адриатика»:

Как обвораживает мне глаза
Адриатическая бирюза!

Облагораживает мне уста
Непререкаемая красота…

…Омузыкаливает мой слух,
Обеспечаливает мой дух.

Строки, написанные в Дубровниках в 1931 году:

Господи! Голубоватые
вижу брызги на весле.
Это ж просто немыслимо:
неземное на Земле!

Увидели почти игрушечный паровозик с открытыми вагончиками — рейс в ближайший городочек Пореч, и не устояли перед искушением (туда и обратно 10 евро, или 15 кун). Пореч — полуостров, одной стороной выдвинут к Адриатике. Многие постройки воздвигнуты на фундаменте древнегреческих построек. Дома в стиле венецианской готики, главная магистраль — Декуманская улица, магазинчики, кафе. Уютно и как-то умиротворенно — никаких ракет и никакой геополитики.

Вечером гуляли по своей Зеленой лагуне: южная темнота, фонари, плеск морской воды, — благодать…

13 сентября — гуляние-гуляние, мимо серии отелей — ну, мини-Елисейские Поля. Вдоль моря, по дорожке по вознесенным скалам. И воздух, воздух. Обедали в ресторане, на открытой веранде, своего отеля у Марио, — вегетарианский супчик, отбивная из индейки, салат, пиво, вода — 176 кун (где-то 25 евро). И далее гуляние, опла-

ченный ужин в отеле, отечественный сериал по ТВ — «Дыши со мной».

14 сентября — ничего особенного. Драгана, кофе. Снова капучино, мороженое. Прогулки вдоль обрыва, над берегом…

15 сентября — экскурсия по Истрии (около 130 евро на двоих) «целодневная» на автобусе, человек тридцать с гидом Бранко. Посетили Пулу с Амфитеатром (I век) типа Колизея — красочные развалины. Обед на ферме: мясо с макаронами и пончиками (!). Затем пещеры, но мы с Ще туда не полезли. Посидели в таверне, а потом Ще мерила шляпы в лавочке, и фото. Где-то рядом городок художников Грожнян, но не сезон, покупателей нет, миниатюрные галереи и бутики практически пусты, по улицам лениво слоняются кошки, вот их почему-то много. В целом неплохо, но явно не итальянские Ассизи.

По времени экскурсия длилась десять часов.

На следующий день болели и ныли ноги. Возраст, батенька, возраст!..

16 сентября — приходили в себя. Гуляли. Обедали в ресторане «ТриРиббара», а что означает эта «рибарра»? Некоторые словечки созвучны с нашими: завтра — «сутра», спасибо — «хвала», извините — «опроститэ», я не понимаю — «нэ

разумемьем» и т. д.

К вечеру совершили чудесную прогулку вдоль морского берега, безлюдно, только чайки кричат, и волнуется море в преддверие плохой погоды.

17 сентября — и ненастье пришло с мелким и теплым дождем. И что делать? Поехали в Пореч, маленький и уютный городок. Куча лавочек и ресторанчиков. В одном из них старый официант обратился ко мне: «Вы хорошо говорите по-русски». Я благодарственно склонил голову: благодарю — не ожидал!.. И расплачивался по-грузински: сдачи не надо! И отлично прогулялись по набережной, округляющей городочек от моря. А оно волновалась, волны вздыбливались кверху и с шумом дробились на мелкие брызги. И как не вспомнить поэму Пастернака «Морской мятеж».

Приедается все.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Дни проходят,
И годы проходят,
И тысячи, тысячи лет.
В белой рьяности волн,
Прячась в белую пряность акаций,
Может, ты-то их, море,

И сводишь, и сводишь на нет…

Это был последний хорватский аккорд. Возвратились в отель и уже не выходили вечером. Дождь разошелся и хлестал по дорожкам.

18 сентября — по-московски встали в 7.30, получили завтрак в пакете. Автобус. Аэропорт в Пуле. И в 14 часов мы уже в Домодедово. Транспортер не работает, и народ лезет на круговую карусель за своими чемоданами. Таксист заломил внушительную сумму, но спорить и сопротивляться не было сил. В 15.30 были уже дома. Разборка, магазин, беглый просмотр газет. За время отсутствия вышли в «МП» три публикации: поэт Иван Дмитриев, кардинал Ришелье и «Ворчун» про болезни. Здоровье одно, а болезней тысячи…

Хорватия получилась маленьким кусочком. Столицу Загреб не посетили, в Опатии не побывали, Дубровник, о котором говорят, что красота, победившая время, не увидели, не побывали на острове Хвар, который баловень солнца, и т. д. Эх, была бы молодость, силы, деньги, автомобиль, то можно было бы роскошно попутешествовать. А так, долечка от апельсина.

1 марта 2020 г.

* * *

26 сентября — отвез в «Московскую правду» материалы на октябрь.

24-го вышел 5-й кусок «Плача по возрасту» и запущен следующий сериал про Бориса Савинкова. Звонил в Аугсбург, поздравлял Витеньку с 65-летием (какой молодой!). Он сказал, что мои пять книг ходят по рукам русской колонии, а, точнее, в еврейской, и все в восхищении. И спрашивают Витеньку: «Ты знаком с ним лично?..» А тем временем с меня, как с работающего пенсионера, сняли лужковскую надбавку. Государство озабочено: вдруг много заработаю?

3 октября — 27-го ездил в «МП», набрал кучу газет: напечатан Александр Куприн и первая часть «Борис Савинков — всадник революции». И это не датная мелочовка, а вполне солидная работа (она войдет во 2-й том эмиграции «И плеск чужой воды», 2017). Пассионарный человек. Революционер, террорист, писатель. О молодом Савинкове Максимилиан Волошин написал:

> *…Таким он был. Бесстрастный и мятежный —*
>
> *В руках кинжал, а в сердце крест.*

Судья и меч… с душою снежно-нежной.
На всех путях хранимый волей звезд.

Для большевиков Борис Савинков — опасный враг советской власти, и 7 мая 1925 года Бориса Савинкова ликвидировали.

28 сентября гром среди ясного неба: отставка всесильного мэра Москвы Юрия Лужкова «за утрату доверия». Это уже из подковерных игр. А вот мои. Позвонил Льву Аннинскому и предложил ему совместный проект для ТВ-Культура: «А и Б сидели в литературном кафе». Интеллигентный разговор двух маститых спецов. Аннинский отказался: у него умерла жена, и он процедил: как-нибудь потом… Еще один звонок — Святославу Бэлзе. Он купил книгу «55 портретов писателей Запада» и лукаво заметил: «Я уже не надеюсь, что вы мне подарите какую-нибудь свою книгу…»

Продолжается мор знаменитых людей. Прима оперетты Лиля Амарфий, старый академик Георгий Арбатов, писатель Михаил Рощин (род. в феврале 1933 г.), был четырежды женат. Актер Тони Кертис, 85 лет, и можно сказать: «Прощай, Жозефина!» («В джазе только девушки»). Сын еврейского портного из Бронкса, настоящее имя — Бернард Шварц. Шесть браков и бесчисленное

количество романов. Красавчик, сердцеед. И их уже никого нет. Беззубая смерть с косою выкосила их… А пресса резвится по поводу веселых высказываний живого классика Армена Джигарханяна. Я читал и диву давался. Раньше относился к нему с почтением, а тут неожиданные неприятные откровения: «Я играл лучше Марлона Брандо. Я люблю эти слова: «компромисс», «проституция»… Актерскую профессию назвал «педерастическим делом»… «Сиськин»… «Ты с другой ляжешь в постель, а вдруг это будет зловонный человек» и т. д. Может быть, это всего лишь старческое ерничество? Но с другой стороны, Вера Васильева выглядит и говорит благородно и печально.

Не надо читать интервью, лучше читать книги. На эту тему вышел мой «Ворчун»: «Без книги — нет мозгов», где я писал:

«В советские времена было перепроизводство достижений и, соответственно, гордость распирала всех. Мы первые в космосе. У нас лучший балет в мире. Мы самая читающая нация и т. д. Самые и самые. Сегодня вместо достижений — одни проблемы и крики о недостатках и бедствиях. И один из криков: «Караул! Не читают!»

Из высказываний нынешней молодежи: «Саша Пушкин — это круто!» «Горький прикалывался,

когда писал роман «Мать».

В 1909 году «Вестник знаний» провел опрос среди «трудовой интеллигенции»: кого из писателей более всего читают и ценят. В десятку лучших попали Лев Толстой, один из основателей германской социал-демократической партии Август Бебель (не путать с нашим Бабелем!), Иван Тургенев, Чарльз Дарвин, немецкий биолог Геккель, Достоевский, Гоголь, Чехов… Карл Маркс лишь на 16-м месте…

Ремарка, спустя почти 10 лет: возникает вопрос: а что изменилось к лучшему? Только все хуже и хуже. В 2017 году многие из неправительственных СМИ отмечали наступление откровенного мракобесия в России. Какой Толстой? Какой Дарвин?.. (24 февраля 2020 г.).

5 октября — по приглашению Евгения Рейна выступал в Литературном институте на его семинаре. Десять поэтов и поэтесс с горящими глазами. Полтора часа. Рейн представил меня, и я рассказывал молодежи, как вступил на литературный путь, о том, что кумирами моей юности были Блок и ранний Маяковский и что игнорировал советских поэтов типа Долматовского. Тут Рейн вздрогнул и обратился ко мне: «Юрий Николаевич, ты сидишь под портретом именно

Евгения Абрамовича Долматовского, будь осторожен…»

6 октября — встреча с Мариной, издательницей из Германии, в «Смоленском пассаже», в маленьком кафе. Я подарил ей две книги и выложил издательский план на 12 изданий. Марина цокала языком. На прощанье легкий поцелуй с приятной женщиной… Потом у нее что-то поломалось в жизни, умер богатый муж, и все мои заявки так и остались только заявками… бумажкой, не более того. Еще одна иллюзия. Вспыхнула и погасла.

10 октября — в трудах и в газетах. Напечатан в МП Сергей Есенин, занимался другим поэтом — Алексеем Апухтиным, потом взялся за Марка Твена. О Есенине и Твене известно многое, а вот об Алексее Николаевиче Апухтине весьма мало. Поэт, который дружил с Чайковским и знал множество стихов Пушкина и Лермонтова наизусть, сам писал, но считал себя дилетантом. Одно время числился в чиновниках и даже вел следственные дела при орловском губернаторе. Разочаровался: «Теперь никакие силы не заставят меня выйти на арену, загроможденную подлостями, доносами и… семинаристами». В своем творчестве часто обращался к форме дневника (скажу с интонацией Горбачева: «И Апухтин тоже?!» — 24 февр. 2020 г.).

Многие тексты Апухтина стали известными романсами, вроде: «Ночи безумные, ночи бессонные…» В поэзии Апухтин занимал среднее место между Фетом и Блоком. «Поэт третьего разбора», сказавший новое слово в интимно-повествовательной лирике. Стоп! Куда-то меня занесло, надо выходить из литературоведческих джунглей.

17 октября — день все сокращается и сокращается. После 6-ти начинает темнеть, и финиш работе… Ходили с Ще на вечер, посвященный 110-летию Павла Лукницкого, собирателя творчества Гумилева и Ахматовой. Неинтересно, какой-то бубнеж, хотел выступить и раздумал… Звонил Пронин: как лучше назвать книгу? Я предложил: «Плехановский альбом. От училища до академии».

15-го в «МП» вышел один из лучших комментариев: «Чиновник — голубая мечта».

24 октября — печатаются в «МП» и Ворчуны, и сериал про Бориса Савинкова, для «разнообразия» — хирург вскрыл нарыв на животе, а когда все пришло, срыв повязки. Хирург: «Сейчас будете кричать!» Я: «Не буду». И не кричал. Литератор-стоик. У Межирова есть «Монолог, обращенный к хирургу»:

Что терапевты?! Сочувствуют, —

При сем, так сказать, присутствуют.
Рецепт по-латыни выпишут
И на работу выпишут.

Места болевые трогать
Не очень-то захотели;
А вы ежедневно по локоть
В трагедии — в нашем теле.

Взорвалась Юлия Калинина по поводу вернувшейся из Штатов шпионки: «Если Анну Чампан награждают, значит, у нас и вправду все через задницу». Голая попа и орден — современная Россия. «Рабское сознание. Мир живет в XXI веке, а нам еще долго ходить по пустыне…» («Новая газета»). И кто-то перефразировал: «С чего начинается Родина? / С реальной добычи бабла. / С козлиной бородки Дзержинского, / Что Путина нам родила…» Народ изощряется и выпускает пар…

Ну, и я развлекаюсь: «Время вскачь, то “Плач”, то врач…» Чтобы не сойти с ума в «стране Кошмарии», занимаюсь литературной ретроспекцией: написал про Огюста Родена и принялся за Анатолия Рыбакова.

31 октября — 25-го состоялось приглашение «на чашку чая» к олигарху «Билайна» Дмитрию

Зимину, к создателю фонда «Династия». Я ему подарил две свои книги и попросил проспонсировать очередную. Он отметил, что я занимаюсь благородной просветительской работой, и сказал: подавайте на грант. Да еще предложил тему своей книги, но я отказался: это не мое. Операция из «12 стульев»: «Дай миллион!» провалилась. Цифру в миллион подсказали товароведы из магазина «Москва»: «А что вас не печатают, у вас такие книги!..» Короче говоря: проехали…

На ТВ был крикливый поединок: Никита Михалков против Димы Быкова. Никита Сергеевич кричал: «Мы не нация торгашей, мы нация героев!..» Да, героев, готовых спереть все подчистую в России.

29-го выступал в библиотеке им. Добролюбова на Смоленской. Вместо неполученного «миллиона» — скромный букетик цветов. Выступление собравшимся понравилось.

7 ноября — миллион не дали, более того, прислали электронное сообщение, что Зимин и его помощница по культуре Анна Пиотровская (дочь директора Эрмитажа) долго совещались и вынуждены отказать в финансировании моего проекта. А жизнь без миллиона продолжается, я увлечен выстраиванием трагической биографии

поэта Павла Васильева. Приезжал Эдуардо с дарами: четыре пачки бумаги, семь парижских лент для машинки, много сладкого, включая коробку с импортной клубникой. Тысячекратное спасибо!..

3-го поехали в галерею «Творчество» на выставку художника из Феодосии Ал. Худченко. Дал короткое интервью каналу «Доверие», а потом выступил о своих впечатлениях и ассоциациях о картинах. Еще был фуршет… (Спустя 10 лет могу поностальгировать о «Галерее», о выставках, о теплой обстановке, многих знакомых и Гинзбурге — его уволили, и все закончилось — 24 февраля 2020 г.).

Уходы под конец года — премьер Черномырдин. На 73-м году. Классика «Это вам не тут!» Он был мне симпатичен своими оригинальными изречениями. А вот другие верховоды… красноречивые три точки. И как писал Игорь Губерман:

Россия — трудный сон истории
С его кошмаром и величием.

По «Эхо» передавали последнюю речь Ходора перед приговором: «От суда у меня ощущение страшноватой комедии в крепостном театре…» И вопрос: «Кто будет модернизировать экономику страны? Прокуроры? Милиционеры? Чекисты?..»

14 ноября — «Дневник интеллигента в очках», первая часть вышла в ноябрьском номере «Алефа», в декабре — вторая. Читать забавно и странно. Вел-вел записи для себя в стол, и вот спустя 61 год (!) фрагменты появились в печати, «и все тайное стало явным».

В «МП» напечатан Дмитрий Писарев — знаменитый критик и неудачник личной жизни. «Что выше: Шекспир или сапоги?» — вопрос Писарева озадачил русскую общественность. Утверждал, что «прикосновение критики боится то, что гнило…».

И еще: «Русская жизнь, в самых глубоких своих недрах, не заключает решительно никаких задатков самостоятельного обновления: в ней лежат только сырые материалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны влиянием общечеловеческих идей».

А вот наша сегодняшняя жизнь: газеты гудят по поводу жестокого избиения журналиста Олега Кашина, который боролся за сохранение Химкинского леса. Квази-президент Медведев бубнил: разберемся, найдем, накажем. Нет, не разберутся, не найдут и не накажут. Дело из разряда «висяков» (Влад Листьев, Щекочихин, Политковская и др.). Ну, а главный человек де факто гоняет

на болиде и развил скорость до 240 км. Это захватывающе интересно. И плевать на какого-то прыткого избитого журналиста!..

10 ноября — теплынь, за балконом +14.

12-го вышла последняя часть «Плача по возрасту». А тут еще конкретика: ушли из жизни бывшие коллеги из латиноамериканской редакции: Валя Крауц и Алексей Грамотов.

21 ноября — очень серо и снова депрессион. В «Риполе» все обсуждают и тянут с «Коктейлем «Россия». Задерживается набор дневников. Но за неделю вышли 4 публикации. По ТВ был тягучий западный фильм по Прусту — «Любовь Свана». Хорош был лишь Джереми Айронс.

16-го в кафе у Комраковой рассказывал и читал Вознесенского. «Научи, говорю, горизонту?..» «Вы — Америка? — спрошу, как идиот…», ну, и «Бани»: выскочила из парилки сибирская ню и игриво «кинет маленьким снежком». Некоторые слушали эти строки как бы впервые, а, может быть, и на самом деле в первый раз.

Белла мне не отвечает,
думая: «Как все ветшает».
Может, думает она:
«Господи, пошли все на…»

Отговорил, отчитал и помчался домой на концовку телерепортажа Россия-Бельгия. Как заявил один болельщик: «Мы ждали победы, а нам плюнули в душу…» Но что поражение? Куда больнее кровавое событие в станице Кущевская на Кубани. Вырезали семью, даже детей…

28 ноября — милое событие: Лена Толкачева родила второго ребенка и, довольная, сказала: «У меня теперь есть свой Юрий Николаевич!» Эту шутку я не понял…

24-го получил готовый набор дневников, расплатился, и с тяжелой сумкой в «Эксмо». Дождь, снег, слякоть… Новая начальница приболела, и мне в утешение подарили три книги: ««Русскую идею» Бердяева, «Доктор Живаго» и «Мастера и Маргариту». И с еще более тяжелой сумкой обратно домой…

Удивил всех Леонид Парфенов, назвав телесообщество «тараканьими бегами». И Артемий Троицкий отличился, заявив, что всех достала «густопсовая путинская безнадега». Какой-то кубанский бизнесмен в «МК» по поводу событий в Кущевке: «Это обыкновенный фашизм». Актриса Татьяна Догилева: «Стало страшно жить в стране Россия». Страшно — не страшно, а жизнь не подлежит обмену.

7 декабря — снова в «Эксмо», на этот раз встреча с новой начальницей состоялась. В переговорной комнате она обрисовывала мне ситуацию: кризис, денег нет, упали тиражи, изменилась структура читателей, вкусы, предпочтения, что шло на «ура», ныне лежит без движения и т. д. Закат эры «Эксмо», как недавно закатилась и отсияла «Радуга».

А вот в газете резвится пока мой Ворчун — вышли «Путешествия вокруг дивана», а 7-го — Велимир Хлебников, «Новейший Колумб словесной Америки». Что еще? В Цюрихе наши (Кремль?) проломили чемпионат мира по футболу 2018 года. Сколько мне будет? 86 лет? До футбола ли будет? Вот Владимир Маслаченко не дожил. И теперь никто не пошутил: «Откройте глаза! Все в порядке. Гола нет!..»

Вслед за Вознесенским ушла Белла Ахмадулина, из той блестящей плеяды остался один Евтушенко, да и тот в Америке и болеет. Остается примириться с определением Гавриила Державина: «Жизнь есть небес мгновенный дар».

Ну, а я допечатываю 90-е годы дневника, будущая книга как «пробник» духов.

14 декабря — 10-го — ресторан «Пушкин» на Тверском бульваре. Пригласила Людочка, еще

была миллионерша Наташа. Стало быть, вчетвером. Вспоминали Иду Давыдовну, маму Люды. Вкуснейшая и дорогущая еда. Что-то около 20 тысяч. Еще бы: седло домашней косули — отродясь такого не ел.

11-го — футбольные фанаты устроили погром на Манеже из-за убийства некоего Егора, болельщика «Спартака», какими-то кавказцами. «Новая газета» откликнулась на побоище: фашизм, бандитизм и продажные менты — три составляющие современной жизни. И на этом фоне уход Леонида Завальнюка (1931 г.р.) с его печальными строчками:

В просторной яме отсижусь.
Над стылым полем ветер свищет.
Тепла земля. Я к ней прижмусь.
Никто меня не ждет, не ищет.
Есть в одиночестве полет…

21 декабря — в Европе бог знает что творится: все утопает в снегу, гигантские пробки на дорогах, отменены тысячи авиарейсов. В Москве снега много, но не бедствие. Двор наш убирают и скребут гастарбайтеры, — спасибо им. Но где-то в других районах не остыли после побоища, и

несется клич «Бей хачей, жидов и очкариков!» То есть «дружба» народов и классов.

Тусклые дни, очень короткие, и не дождусь никак весны. А как двигается работа? Получил набор дневника, в «МП» вышел Сен-Симон — «Гражданин Простак». Хотел заняться Врубелем, но в своих архивах не мог найти «исходники» — газетных и журнальных вырезок. Короче, стон: «Где Врубель?!» И эти поиски — тоже часть моей работы. Устал, все отложил и перечитывал для отдохновения «Мастера и Маргариту».

— Пошел вон, — сказал ему Воланд.

— Я еще кофе не пил, — ответил кот, — как же это я уйду?

26 декабря — какие скучные газеты были во времена СССР и какие сейчас: критичные, ехидные, зубодробительные. Вот заголовок в «Новой газете»: «От Кущевской до Манежной мы проложим магистраль». Не стесняясь, полоскают первые лица, типа «Хрюн Владимирович». Юлия Калинина в «МК»: «Жалко страну… Кругом сплошное вранье. Ни слова правды. Подмена смыслов. То, что нужно людям, подменяется тем, что нужно правителям…» (24 декабря). Цитировать можно без конца…

31 декабря — последние публикации года в

«Московской правде»: 29 — Татлин, 30 — Андрей Белый. В сборнике «Пепел» (1909) определил Россию так: «роковая страна, ледяная».

Довольно, не жди, не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади и разбейся
За годом мучительный год!

Века нищеты и безволья.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, в пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать…

Нет, каков Борис Николаевич Бугаев, он же Андрей Белый:

Исчезни в пространствах, исчезни,
Россия, Россия моя!

Удивительно, что его не расстреляли. Он умер 8 января 1934 года: за три года до Большого террора. А вот нашим современникам — Михаилу Ходорковскому и Платону Лебедеву припаяли по 14 лет. Мать Ходорковского крикнула в зале суда: «Будьте вы прокляты, подонки!..» По выражению «МК», судья Данилкин сделал «новогодний

подарок Владимиру Владимировичу». На этом поставим точку.

Занимался подведением итогов. Несколько книг в 2010 году готовились, крутились в издательствах и мурыжились, но ни одна не вышла в свет. Товарный выход был только в газетах и журналах, в «Московской правде» 79 публикаций, в том числе «Заметки ворчуна» — 25, сериал про Бориса Савинкова — в 8 номерах, «Плач по возрасту» — в 7. Выделю Ворчуна «Россия и Америка» (17 декабря). В нем привел строки Андрея Вознесенского, которые мог написать и я (но не написал):

Почему два великих народа
Холодеют на грани войны,
Под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны — увы.

И эта тема взаимного непонимания прозвучала в рок-опере «Юнона и Авось»:

И в твоем вранье, и в моем вранье
Есть любовь и боль по родной стране.
Идиотов бы поубрать вдвойне
И в твоей стране, и в моей стране.

Кроме «МП», 13 — в «Алефе», в том числе две части «Дневника интеллигента в очках», с юношеской фотографией Ю. Б. с папироской и с подписью «Юрий Безелянский зажигает!..» Но я ли это?

Еще одна публикация в «Аккорде» и одна в «Науке и жизни» (Плеханов). Итого 93. И добавим 16 выступлений: ТВ, МЕОЦ, библиотеки, Лицей в Строгино, Литературный институт…

И, напевая «Все хорошо, прекрасная маркиза…» и пропуская всякие «пустяки» о нездоровье, прощаемся с ушедшим годом.

Эпилог

Закончена книга «Нулевые, боевые, пенсионные…» На очереди 4-й том, 10-е годы с заголовком «Жизнь из последних сил». Оно и понятно: возраст за 80 лет и все ближе к 90. Солидно и уважительно. Голова еще работает, есть желание творить и даже не угасли амбиции. Но… но силы уже не те. Угнетает нездоровье. Конь Боливар надорвался на длинной дистанции, а всадник уговаривает сам себя: «Не думай о том, что стареешь, — это старит».

Итак, впереди еще книга, 4-я по счету, дневников и воспоминаний. И баста! Хватит! Только на диване с «поглядом» на окно, где цветет и буйствует молодая жизнь.

23 апреля 2021 г.

Приложение

Большой Брат рядом

Итак, Джордж Оруэлл. Английский писатель. Главное произведение — роман «1984», написанный в 1948 году, и многие исследователи полагают, что Оруэлл просто поменял последние цифры года написания своего романа — 1948 — и вывел заглавие: «1984». Выходит, что дата случайная. В книге Оруэлл взглянул на три десятилетия вперед и увидел там неприглядную картину будущего устройства мира на примере некоего государства Океании. Оглядываясь сегодня назад, любопытно сравнить предсказания писателя с тем, что было в том пресловутом 1984 году.

Реальные события 1984 года

Итак, 1984 год. В Европе промышленные государства решали вопрос о помощи развивающимся странам. Шел военный конфликт между Ираком и Ираном. В Тунисе происходили голодные бунты. Беспорядки сотрясали Индию, к тому же в Индии была убита Индира Ганди. В СССР умер генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, и на кремлевскую вахту засту-

пил Константин Черненко. В США переизбрали Рональда Рейгана. Папа римский Иоанн Павел II совершил поездку по Восточной Азии. Во время космического полета «Челенджера» американский космонавт Брюс Маккендлес первым вышел в открытый космос без страховочного троса. А в Австралии родился первый ребенок из пробирки. В Сараево прошли зимние Олимпийские игры, а летние — в Лос-Анджелесе. В Москве за «экономическое преступление» был расстрелян бывший директор Елисеевского гастронома Соколов…

Мир бурлил. Бушевал. Пытался сбрасывать свою старую кожу. Две системы — капиталистическая и социалистическая — искали новые пути, чтобы сдержать недовольство масс, укрепить свою власть. На Западе предоставляли чуть больше свободы. На Востоке шли по пути дальнейшего закручивания гаек. Человечество разделилось на блоки государств и находилось в состоянии холодной войны. Все это предвидел Джордж Оруэлл в романе «1984», хотя его предвидение подверг сомнению историк Уоррен Уэйгар, который писал: «Вот мы живем в этом Лондоне 1984 года, и где же всё описанное Оруэллом? Ни трупов на улицах, ни дрожащих от холода и страха толп в одинаковых синих комбинезонах,

толп, постоянно окрикиваемых, одергиваемых и подстерегаемых вездесущим оком и стальным голосом с телеэкранов… Да, мы не изжили еще ненависть, ложь, лицемерие; но кто помнит времена, когда всего этого не было? При чем же здесь будущее и почему этого автора считают пророком?..»

Короче, никаких мрачностей, и, как утверждал Маяковский, «жизнь прекрасна и удивительна!». Нет, товарищ Маяковский и господин Уэйгар, свинцовые предсказания Джорджа Оруэлла сбылись. Только не так, как он описал, но суть его футурологических картин оказалась точной; наступление на свободу, на права человека, дальнейшее развитие и укрепление тоталитаризма. Не везде. Кое-где…

В романе «1984» Джордж Оруэлл представил во всей красе апофеоз власти: тотальный контроль с расклеенными плакатами «Большой Брат видит тебя» — наблюдение за всеми и всегда, для чего действует специальная Полиция Мысли и активно работает Министерство Правды с партийными лозунгами:

Война — это мир.
Свобода — это рабство.

Незнание — сила.

То есть полное извращение всех понятий и смыслов: на словах одно, а на деле — все другое, противоположное. Для чего был придуман особый упрощенный язык — новояз.

Канва жизни Оруэлла

Джордж Оруэлл — это псевдоним, который он принял в 1933 году (Джордж — святой покровитель Англии, а Оруэлл — название небольшой речушки). На самом деле он — Эрик Артур Блэр. Родился 25 июня 1903 года в Бомбее (Индия) в семье английского служащего, выходца из обедневшего аристократического рода. Эрик Артур был вторым ребенком в англо-индийской семье. «Мой отец, — писал он, — служил в английской колониальной администрации, моя семья принадлежала к среднему классу — классу военных, священнослужителей, правительственных чиновников, учителей, юристов, врачей и т. п. Я получил образование в Итоне, самой престижной и дорогой, самой аристократической среди английских частных школ для юношей. Я-то сумел попасть туда благодаря знаниям, в противном случае отец не мог бы меня отправить в учебное

заведение подобного типа».

Но до Итона была Индия, именно там рос будущий Оруэлл капризным и болезненным ребенком, который уже в раннем возрасте был способен на особые выверты и поступки. Отец мало уделял внимания маленькому Эрику, и тот ощущал себя одиноким и заброшенным.

Из Индии мальчика отвезли в Лондон, на родину предков. Сначала он учился в элитарной школе Св. Киприана, а затем поступил в Итонский колледж, готовивший своих воспитанников к высокому служению на поприще политики и искусства. Но в Итоне Оруэлл невзлюбил аристократию и предпочел считать себя представителем «низшей прослойки верхнего слоя среднего класса», так он это формулировал. Оруэлл не был прагматиком и игнорировал дружбу с будущими лордами и министрами. Он: «Я писал полукомические вирши и помогал редактировать печатные и рукописные журналы». Никаких амбиций и полная неопределенность в будущем. Итон— это собрание аристократов и снобов. Эрик Артур Блэр не был ни тем, ни другим. Его постоянно одолевали сомнения, и он тяготел к справедливости и правде, его привлекали социалистические идеи. По своему характеру и

взглядам он никак не вписывался в общую систему самонадеянных и горделивых выпускников Итона. Словом, он был иным. Белой вороной. Чужаком.

Кто-то из литературных критиков назвал Оруэлла «беглецом из лагеря победителей». Он действительно не хотел быть победителем. Не знаю, читал ли Оруэлл Достоевского, но его привлекали униженные и оскорбленные люди больше, чем напыщенные и успешные. Не случайно его любимым героем в детстве был Робин Гуд, борец с богатыми и защитник бедных. Джордж Оруэлл довольно рано понял, что «закон жизни — это постоянный триумф сильных над слабыми». И что делать? Надо изменить мир, а если это невозможно, то «признать свое поражение и сделать из него победу». Разумеется, слабое утешение. Но все же утешение…

После окончания Итона Оруэлл не смог найти себя в Англии и снова отправился на Восток. В Бирме нанялся на службу в королевскую полицию и отдал целых пять лет укреплению колониальных порядков. За безупречное служение его даже хотели повысить по службе, но именно в этот момент Оруэлл решил завязать и покинуть Индию. Его начальник недоумевал:

«Что за идиот!» Нет, Оруэлл не был идиотом. Он просто устал нести «бремя белых». Помните, это стихотворение Редьярда Киплинга, любимого, кстати, поэта Оруэлла: «Несите бремя белых — / И лучших сыновей / На тяжкий труд пошлите / За тридевять морей; / На службу к покоренным / Угрюмым племенам, / На службу к полудетям, / А может быть — чертям…»

«Мне открылось тогда, — вспоминает Оруэлл, — что, становясь тираном, белый человек наносит смертельный удар по своей собственной свободе». Откликом на служение белого человека стал первый роман Оруэлла «Бирманские дни», но до этого он писал стихи, статьи и эссе. В романе Оруэлл рассказывал, как хотел побыстрее «уйти из мира респектабельности» в мир небритых и оборванных бродяг, безработных и калек, но по-своему гордых и свободных людей. В 1927 году Оруэлл вернулся в Англию и решил стать писателем. На первых порах никакого успеха не имел: «Мне приходилось месяцами жить среди обездоленных, живших в беднейших кварталах, среди людей, промышляющих попрошайничеством или мелким воровством… Вплоть до 1930 года я в общем-то не считал себя социалистом, — вспоминал впоследствии Оруэлл. — Действительно, я не

определился в ту пору в своей политической позиции. Я склонялся к социалистическим взглядам в силу того, что осуждал угнетение и пренебрежение, которым подвергается беднейшая часть промышленных рабочих, а совсем не потому, что испытывал восторги по поводу теорий планового общества».

Из Бирмы Оруэлл перебрался в Париж. Начинающего писателя никто не хотел печатать, и ему пришлось сочетать творчество на пишущей машинке с работой посудомойщика в отеле. И это — с дипломом Итона!

Из Парижа — в Лондон, но мало что изменилось, и будущей литературной знаменитости приходилось частенько ночевать на скамейке под мостами через Сену или Темзу. Случайная работа репетитора и учителя в частной школе, помощника продавца в книжном магазине и что-то подобное не приносило дохода, а только позволяло с трудом сводить концы с концами. Об этом периоде Оруэлл написал в книге «В полном отчаянии в Париже и Лондоне». И все же Оруэлл не отчаивался, а упорно продолжал писать. За «Бирманскими днями» последовали другие романы: «Дочь священника», «Не бросай ландыши», «Дорога на пирс Уиган». Сначала Оруэлл

только описывал то, что видел и чувствовал, но постепенно стал касаться и политики, пытаясь ответить на извечные вопросы: кто виноват и что делать. Сама жизнь заставляла писателя ставить вопросы и искать на них ответы. Как отмечал Бертран Рассел по поводу Джорджа Оруэлла: «Живи он в менее тяжелое время, он был бы человеком добродушным». Да и сам Оруэлл признавался: «В мирное и благополучное время я мог бы писать повествовательные и просто описательные книги и мог бы остаться почти в неведении о своих политических привязанностях. Случилось же так, что я вынужден был стать кем-то вроде памфлетиста… Чего я больше всего желаю в последние десять лет, так это превратить политическую литературу в искусство… И когда сажусь писать книгу, я не говорю себе: «Хочу создать произведение искусства». Я ее пишу потому, что есть какая-то ложь, которую я должен разоблачить, какой-то факт, к которому надо привлечь внимание, и есть желание — главная моя забота — постараться быть услышанным».

Мир 30–40-х годов был тревожным и огненным. Военные конфликты, политические схватки, социальные потрясения. Тоталитарные режимы Германии и Советского Союза входили в свой

зенит. Джордж Оруэлл с болью следил за событиями и никак не мог оставаться спокойным и равнодушным, он весь кипел, и когда заполыхала Гражданская война в Испании, отправился туда, на Пиренеи. «Сражаться против фашистов за всеобщую порядочность!» — вот что захотел Оруэлл.

Не совсем понимая, что происходит в Испании, Оруэлл бросился в испанское пекло как корреспондент одного из лондонских еженедельников и был зачислен в отряд барселонской милиции, в аппарат ПОУМ (Объединенной марксистской партии). Оруэлл пробыл на фронте полгода. Его многое ужасало в ополчении: неразбериха, хаос, необученность бойцов, нехватка всего самого необходимого — на весь гарнизон, насчитывающий 100 человек, 4 миномета, 20 заржавленных винтовок и 12 шинелей (а в декабре было холодно), и ни одного одеяла. И в этих условиях ополчение держало фронт. Держало потому, что был крепкий воинский дух. Оруэлл писал: «В испанском ополчении никто не стремился занять место получше, не было ни привилегированных, ни лизоблюдов. Многие из общепринятых побуждений — снобизм, жажда наживы, страх перед начальством — просто-напросто исчезли из на-

шей жизни. Мы дышали воздухом равенства».

Но, увы, все кончилось печально. Республиканцы в Испании были разгромлены, и к власти пришел в 1939 году фашистский диктатор генерал Франсиско Франко. Одна из причин поражения — разношерстность и разобщенность в стане республиканцев. Барселонскую милицию, в которой был Оруэлл, с подачи московских коммунистов, сражавшихся в Испании, объявили троцкистской организацией.

Последовали массовые аресты, тюрьмы и убийства. Парадокс: антифашисты истребляли антифашистов.

На фронте Оруэлла тяжело ранили. «Узнав, что пуля пробила шею, я понял, что моя песенка спета», — написал позднее Оруэлл. Но он ошибся. Его основные песни были впереди!.. Оруэллу грозил арест и, соответственно, смерть, и он тайно покинул Барселону и Испанию, где погибли тысячи невинных людей, испанцев и иностранцев, приехавших на помощь испанскому народу в его борьбе против фашизма и погибших от рук коммунистов. Об этом Оруэлл поведал в книге «Дань Каталонии».

Реальность, открывшаяся Оруэллу на испанской войне, стала травмирующей раной на долгие

годы. И он сказал об этой войне горькую правду. Оруэлл был убежден, что идейная нетерпимость, расправы над теми приверженцами Республики, кто имел смелость отстаивать независимые политические мнения, наносят великому делу непоправимый ущерб.

«Дань Каталонии» вышла в 1938 году, а на следующий год вышел четвертый роман: «На свежий воздух». Советский исследователь Вячеслав Недошивин в послесловии к однотомнику Оруэлла (Лениздат, 1990) отмечает: «Одиночка, скептик, бунтарь, Дж. Оруэлл отныне борется и разоблачает все, что связано с той или иной властью. Уже в романе он предрекает, что после войны (ее он тоже предсказывает!) наступит век тоталитаризма, век резиновых дубинок и очередей за продуктами, лозунгов и садизма. В романе появляется ненависть как позиция, там уже звучит мотив, что и Сталин, и Гитлер (впервые он поставил эти два имени рядом, кажется, еще в 1934 году, в рецензии на «Майн кампф») думают о гаечных ключах и разбитых физиономиях, разбиваемых гаечными ключами. В последнем романе, «1984», гаечный ключ как символ заменит «кованый сапог тоталитаризма», который с легкостью будет наступать на лицо человека…»

Немного личного

Незадолго до Испании Оруэлл женился на одной из самых умных женщин из всех, кого он встречал. Особенно Оруэлл ценил в Эйлин ее чувство юмора. Они прожили в браке девять лет, писатель любил свою музу, но часто уходил от нее в свой собственный мир. В марте 1945 года Эйлин умерла на операционном столе. Ей было 39 лет…

Оглядываясь назад, Оруэлл вспоминал: «Это был настоящий брак в том смысле, что мы вместе прошли через суровые испытания, она понимала все, что касалось моей работы, и так далее». От брака с Эйлин у Оруэлла был сын Ричард. Через год после смерти жены писатель сделал предложение молодой женщине Энн Попхэм, но получил отказ. Других попыток он не делал и с головой погрузился в работу.

Когда началась Вторая мировая война, Оруэлл снова захотел стать участником горячих событий, но слабые легкие не позволили ему этого. И тем не менее он вступил в добровольную местную оборону и активно работал на Би-би-си, а также публиковал многочисленные материалы в газетах и журналах. Был не пламенным Ильей Эренбургом, но все же проявлял патриотизм,

полагая, что именно Англия превыше всего, а сражающиеся между собою страны, а точнее, их вождей — Гитлера и Сталина, — считал двумя хищниками. Он их откровенно побаивался. В результате этого страха появилась небольшая сказка (или притча) «Скотный двор» (другие названия — «Скотский хутор», «Ферма животных» и т. д.). Эта политическая сказка была написана в 1943 году, но опубликована позднее, ибо издатели встали на дыбы: разве можно так писать о союзнике Англии в борьбе с Гитлером?!

За «Скотным двором» появился роман «1984» — оба эти произведения сделали Оруэлла знаменитым. Он приобрел много поклонников во всем мире, но и нажил много врагов. Слава к писателю пришла, а здоровье уходило. В январе 1949 года он был помещен в частный туберкулезный санаторий на юге Англии. Скончался 21 января 1950 года в Лондоне в возрасте 46 лет.

«Скотный двор»

Не все читали эту сатирическую сказку Оруэлла, поэтому кратко расскажем, в чем суть. Это история о животных, которые восстали против жестокого и злобного фермера Джонса, хозяина Господского Двора. Обитатели скотного двора

свергают тирана под лозунгами: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо» и «Кто ходит на двух ногах — враг, кто ходит на четырех (равно как и тот, у кого крылья) — друг».

В конечном счете животные победили. Но победа была пирровой, ибо они оказались под пятой нового эксплуататора и диктатора — им стал мощный хряк по кличке Наполеон. И сразу появились формулировки: «Наш Вождь, Товарищ Наполеон», «Отец всех животных», «Гроза людей», «Защитник овец», «Друг утят» и тому подобное. И знаменитый вывод: «Все животные равны, но некоторые животные более равны, чем другие».

«Свиньи» — вот кем являлись для Оруэлла вожди всех мастей. Представление о правящем классе как о стаде свиней, разумеется, возмутило многих. Но писатель стоял на своем: как только с человека уходит верхний культурный слой, он сразу превращается в животное, и вместо лица является миру хрюкающая харя.

Финальная сцена «Скотного двора» такая: «…Стоящие в саду животные вновь и вновь переводили глаза со свиней на людей и с людей на свиней и снова со свиней на людей, но не могли сказать определенно, где люди, а где свиньи».

«1984»

В романе «1984» Оруэлл ярко рисует, как раздавлены последние остатки и крохи свободы в тоталитарном государстве, где властвует Большой Брат. Герой оруэлловского романа 39-летний Уинстон Смит, обычный человек, рядовой работник Министерства Правды в государстве Океании, задыхается в созданном мире тотальной слежки, страха предательства и мучений. Никто не ропщет, а Смит негодует. Его начальник О'Брайен презрительно говорит ему: «Если ты человек, Уинстон, то — последний человек. А наследники — мы. Ты хоть понимаешь, что ты один?»

Уинстон Смит — как последний человек эпохи гуманизма. Не случайно Оруэлл хотел назвать свой роман-памфлет «Последний человек Европы». На смену таким, как Смит, приходит новый человек, верный исполнитель и подручный Большого Брата, не размышляющий и не рефлектирующий.

Это новая генерация людей (или полулюдей) — работников, чиновников, боссов и эффективных менеджеров. Уинстон никак не может понять, с какой целью все опутано тоталитарной ложью,

вселенским обманом, для чего? Может быть, для блага всех нас, для блага народа, размышляет он. А в ответ получает электрический удар, сопровождаемый окриком О'Брайена: «Это глупо, глупо. Нас не интересует благо других. Нас интересует только власть, власть в чистом виде… От всех олигархических групп прошлого мы отличаемся тем, что знаем, что делаем… Власть — цель, а не средство. Диктатуру устанавливают не для того, чтобы защитить революцию, а революцию делают для того, чтобы установить диктатуру. Цель насилия — насилие. Цель пытки — пытки. Так вот, цель власти — власть…»

В своем романе Оруэлл показывает, как давление и насилие способны превратить человека не просто в раба, а во всецело убежденного сторонника системы, которая раздавливает его сапогом. И вот уже принуждение и унижение переходят в убеждение и даже в восторг. Ликующие лица. Крики «Ура!» — разве нам это незнакомо?.. Оруэлловская цитата: «Трудящиеся покинули заводы и учреждения и со знаменами прошли по улицам, выражая благодарность Большому Брату за новую счастливую жизнь под его мудрым руководством…»

А кругом враги? А недели ненависти? А поли-

ция мыслей в поисках мыслепреступников?.. Это что, выдумки Оруэлла? Или почти явь?.. А сегодняшний взрыв по поводу геев и лесбиянок — это всего полшага до создания оруэлловского Министерства Любви (Министерство Правды, по существу, создано). И концовка «1984»: «... Две пахнувшие джином слезы скатились по его носу. Но теперь все хорошо, все хорошо — борьба окончена. Он победил себя. Он любит Большого Брата».

Уинстон Смит с упоением слился с общей массой. Мысли и чувства перестали тревожить его душу и ум.

Западные интеллектуалы и СССР

Джордж Оруэлл был патриотом Англии, но, тем не менее, не стеснялся критики в адрес власти и истеблишмента. Но главными объектами его неприязни были фашистская Германия и Советский Союз, причем Советы больше, чем Германия. Почему? Нацистский порядок был широко известен в Европе. От пылающих костров из книг и преследования и уничтожения евреев бежали многие немецкие интеллектуалы — Томас Манн, Альберт Эйнштейн и другие. Нацизм, фашизм, Гитлер, Третий рейх были заклеймены и прези-

раемы. Другое дело — социализм сталинского образца, отгороженный от европейцев железным занавесом. Нет, занавеса еще не было, но приезжих иностранцев держали на поводке, и они, по существу, ничего не знали о негативных явлениях в стране, «где так вольно дышит человек». Практически никто не знал о ГУЛАГе и о судебных расправах, и никаких дебатов по этому поводу не велось. Если кто-то и знал чего-то, то предпочитал об этом молчать. И многие верили, что Советский Союз — это новая ступень в развитии человечества. Это светлая дорога в будущее.

Летом 1935 года СССР посетил Ромен Роллан. Его принимали на ура. Коньяки, рябчики в гостинице «Савой», роскошные пиры на даче Максима Горького. А французский писатель хотел узнать другое — как живут советские люди. Во время пребывания он вел дневник, который был опубликован лишь спустя 50 лет. В дневнике Ромен Роллан удивлялся и возмущался многому: от расстрелов подростков до цезарианского возвеличивания вождя.

Помимо Роллана в СССР побывали Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер, Бертольд Брехт. Все они пытались разглядеть то, что им не хотели показывать, но, даже увидев, не смогли (или не захотели?!)

осмыслить увиденное и остались в плену иллюзий, что Советский Союз — оплот социализма и что нет никакого перерождения свободной России в термидорианскую диктатуру.

Джордж Оруэлл не был в СССР, но пристально наблюдал за тем, что в нем происходит, и как мыслитель и социолог мысленно выстроил модель якобы социалистической страны. В книгах «Скотный двор» и «1984» он демифологизировал представление о Советском Союзе как о свободной и демократической стране, развеял миф о форпосте социализма и поставил диагноз режиму — тоталитаризм: насильственное внедрение единомыслия, атмосфера приспособленчества, доносительства и страха, беспринципность и ложь, беззаконие и парадная кичливость государственной машины и т. д. Об этом он даже не говорил, а кричал. Тоталитаризм по Оруэллу — это ничтожество человека и абсолютная власть. Однако следует заметить, что тоталитаризм — явление отнюдь не только российское, а мировое, встречается в разных частях света.

В романе «1984» люди слепо верят тому, что слышат от власти, и безропотно покоряются ей. Все привыкли к Большому Брату. Он наблюдает, опекает и дрессирует граждан, как животных

в цирке. Как в оруэлловской Океании, ее жителей постоянно пичкают реляциями о великих победах, перемежая их тревожными вестями о грозящих родной стране опасностях. Враг не дремлет — об этом не надо забывать.

Джордж Оруэлл считал себя демократическим социалистом, но такого социалиста в СССР знать не хотели. Его называли антикоммунистом и пасквилянтом, а его книги расценивали как идеологическую диверсию. В СССР его, конечно, не печатали, а когда кто-то пытался привезти Оруэлла из-за рубежа, то при таможенном досмотре книги изымались как «не подлежащие ввозу». Как оружие и яд.

Книга «1984» проходила в одной связке с романом-утопией Замятина «Мы». Показателен документ, составленный в управлении КГБ по Ленинградской области от 15 июня 1978 года. В нем отмечено, что книги Оруэлла и Замятина являются «произведениями негативной направленности по отношению к Советскому Союзу, Коммунистической партии, советскому образу жизни».

И далее: «Книга Джорджа Оруэлла — фантастический роман на политическую тему. В мрачных тонах рисуется будущее мира; разделение его

на три великие сверхдержавы, одна из которых, Евразия, представляет поглощенную Россией Европу. Описывает противоречия, раздирающие эти три сверхдержавы в погоне за территориями, богатыми полезными ископаемыми. Рисуется картина зверского и безжалостного уничтожения женщин и детей во время войн. Книга в СССР не издавалась, распространению не подлежит».

Не подлежит. И точка. Но история совершила кульбит, в Советском Союзе началась перестройка, и сверху было велено смотреть на книги Оруэлла (и других ранее запрещенных писателей) не столь «однозначно». И более того — попытаться поставить их на службу текущей политики и идеологии. Велено — сделано. И в январе 1984 года в «Известиях» и «Литературной газете» появилась новая точка зрения на Оруэлла, и английский писатель (бывший ярый антисоветчик) был представлен чуть ли не нашим союзником по борьбе с империализмом.

И — о ужас, а для кого восторг! — Оруэлла первым напечатал «Новый мир». Разрешили напечатать «1984» как жгучую сатиру на тоталитарное общество «любой природы», как «главную отповедь антигуманизму, какие бы мундиры и мантии он ни примерял».

О, чистый оруэлловский новояз!..

Первая публикация романа «1984» сопровождалась словами, что Оруэлл «не метил ни в кого специально, он не описывал — он угадывал и предугадывал, и оторопь от снайперских его попаданий носит без преувеличения снайперский характер». Писатель-снайпер?.. Вот так осторожненько и выверенно главный редактор «Нового мира» Сергей Залыгин предварил публикацию «1984»: мол, всего лишь социальная фантастика, и она всегда международная. В подтексте таился старый страх. Кыш-кыш! Это не про нас… Это не мы…

Оруэлла в Москве стали печатать, но старые обиды не забылись, и когда в 1996 году на Западе всплыло одно компрометирующее Оруэлла письмо, отечественные идеологически заточенные критики воспрянули духом: «И Оруэлл поступал по-свински», мол, писатель по призванию — фискал по совместительству. Особенно усердствовали журналисты-международники, они как бы брали реванш за обвинения и разоблачения Оруэлла в его книгах. И купались в злобных догадках: Джордж Оруэлл — стукач или герой? То есть вынули из шкафа старые одежды сталинского покроя…

«Ах, злые языки страшнее пистолета!..» — крылатое выражение из «Горе от ума». О языке и поговорим.

Новое оружие — Новояз

Роман «1984» ценен еще и тем, что в нем Оруэлл показал, как тоталитарное государство использует язык, применяя особый анти-язык, чтобы скрыть подлинную суть вещей и явлений. Оруэлл ввел такие понятия, как Большой Брат, Министерство Правды, Двоемыслие, Мыслепреступление, Новояз… Свой роман писатель закончил приложением «Принципы Новояза»: «Новояз — официальный язык Океании — был разработан в соответствии с идеологическими потребностями Ангсоца — Английского Социализма…» Эту тему политических клише писатель поставил в более ранней своей статье «Политика и английский язык», в которой призывал соотечественников видеть суть происходящего в стране и мире, продираясь через частокол штампованных фраз. Оруэлл был уверен, что «язык политики делается так, чтобы ложь звучала правдиво, а убийство выглядело респектабельно, и чтобы пустозвонство выглядело солидно».

Как это нам знакомо еще с самых юных лет!..

Новоязом пользовались у нас сразу после Октябрьской революции: безумные сокращения названий учреждений и объединений, политические призывы и лозунги, общественно-политические лингвистические конструкции, в которых был утоплен или искажен реальный смысл, и т. д. Напрасно Иван Бунин, полный тревоги, писал в стихотворении «Слово»:

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы
и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.

Ни речь, ни письменный язык не сберегли и довели его, как говорят в народе, до ручки. Но это особая тема. Вернемся однако к Оруэллу. Он увидел Химеру Новояза, порожденную войною, экономическим кризисом, в расшатывании морали, в падении нравов, в цинизме властей — в передовицах газет с их «трупным запахом», в пропаганде ведомства Геббельса, в стенограммах судебных процессов СССР, в телетайпной абракадабре, в разговорной речи своих сограждан. Новояз народился и проникал всюду. Оруэлл

лишь четко сформулировал его принципы и логистику.

Новояз — это идеальная модель мышления и речи в тоталитарных странах, где нет демократии и власть принадлежит диктатору или группе лиц при Большом Брате, где правда всегда искажена ложью, где черное неотделимо от белого, где все упаковано в скользких эвфемизмах и затасканных идиомах, где мысль, рождаемая во плоти слова, заменяется «утиным кряканьем», как выразился Оруэлл. И разве мы не слышим сегодня постоянное удивление и восхищение от радости жизни в кликах «вау!» и «супер!»? Или новомодное словечко «шок». Шок — это по-нашему?!

«Новояз был создан не для расширения, а для сужения горизонта мысли, что косвенным образом и достигалось сведением выбора слов к минимуму», — вот краеугольный камень тоталитарного языка по Оруэллу. Минимум слов и освобождение мысли от ассоциативных значений. Новояз — это быстрый «тараторящий» стиль языка. Такой язык предполагает думать как можно меньше и оценивать вопреки правильным политическим и этическим суждениям. Слова просто «вылетают автоматически, как пули из ружья».

Слова из советских передовиц при жизни Оруэлла: «крестовый поход», «мир социализма», «империалистическая реакция», «идейный противник», «торжество коммунистических идей», «их нравы» и т. д.

«Неужели вам непонятно, — написано в романе «1984», — что задача Новояза — сузить горизонты мира? В конце концов, мы сделаем мыслепреступление попросту невозможным — для него не останется слов. С каждым годом все меньше и меньше слов, все уже и уже границы мысли… Атмосфера мышления станет иной. Мышления в нашем современном значении вообще не будет. Правоверный не мыслит — не нуждается в мышлении. Правоверность — состояние бессознательное».

Эпилог

1984 год стал Годом Оруэлла. Английская газета «Ивнинг стандарт» послала своего корреспондента на пять дней со спальным мешком, зубной щеткой и мелочью в кармане по стопам юбиляра в Париж и Лондон, чтобы понять, каково было там будущему знаменитому писателю.

Ныне Джордж Оруэлл канонизирован как исторический провидец, как политический мыс-

литель, как аналитик и ниспровергатель тоталитарных режимов. Монографии и исследования о нем выходят как из рога изобилия. Разбирая писательскую генеалогию Оруэлла, все сходятся на том, что в нем сильно влияние Свифта. Тут и академия прожектеров в Ладаго, отыскивающая способ повсюду насадить умеренную правильность мыслей, и государство Требниа, где выучились в зародыше истреблять любое недовольство. И это не только литературные параллели, тут напрямую схожие взгляды Свифта и Оруэлла на социум и на человека. Единомыслие, но в хорошем смысле… Почти все исследователи жизни и творчества Оруэлла отмечают его некое донкихотство. Презрев неудобства и даже некий остракизм, Оруэлл упорно гнул свою линию: писал о тех явлениях, которые большинство не хотели ни знать, ни замечать. Именно поэтому против Оруэлла ополчились консерваторы и либералы. Консерваторы потому, что Оруэлл стойко верил в социалистический идеал (в идеал, а не в советский эксперимент) и связывал с ним возможность гуманного будущего, когда исчезнут диктатуры, колониальный гнет и общественная несправедливость. Для либералов Оруэлл был чересчур острым и радикальным

критиком и, соответственно, явным чужаком. К примеру, Герберт Уэллс считал, что фашизм, геноцид, тоталитаризм и массовая военная истерия — это лишь временное помрачение умов. Нет, не временное, считал Оруэлл. Это тенденция, переходящая в постоянство, просто меняются структурные модификации.

И сегодня мы можем сказать, что Оруэлл действительно обладал провидческим даром. То, что происходит в Америке, в России и в ряде других развитых стран, приобретает черты его знаменитой утопии. Под прикрытием угроз от мирового терроризма ведется тотальное прослушивание с помощью новейших технических средств буквально всего, вплоть до частных разговоров обычных граждан. И, соответственно, слив информации, громкие разоблачения Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена. Проделки Старшего Брата… (Существуют разные переводы: Большой Брат, Старший Брат.)

О, этот Большой Старший Брат. От его всевидящего ока и от его всеслышащих ушей укрыться невозможно. Он даже спит рядом с нами. Возможно, спрятавшись под подушку или притаившись в углу комнаты.

Тайный привет от Джорджа Оруэлла…

По книге «Избранное из Избранного» (2015)

Ровесники из 1932 года

В 2000 году я издал книгу «Клуб 1932» о своих звездных одногодках, которых обнаружил около 80. Получилась интереснейшая панорама бега по жизни. Кто-то одолел лишь спринтерскую дистанцию, кто-то — среднюю, да еще с препятствиями, а кто-то еще наматывает круги в марафонском беге…

Когда вышла книга, в редакции «Вечерней Москвы» прошла презентация этого придуманного мною виртуального клуба. Пришли с десяток ровесников и любопытствующие журналисты. И во время произнесения тостов один журналист-фронтовик неожиданно для всех высказал свое недоумение: «А почему, собственно, книга о родившихся в 1932 году? Я с 1922 года, я родину защищал, а они, эти, которые попали в клуб, были всего лишь мальчишками и девчонками…» Как говорится, повисла тишина.

Первым нашелся прыткий Фокс — актер Александр Белявский, который сказал: «Найдите своего Безелянского, и он создаст ваш «Клуб 1922»…» Увы, ничего подобного никто не написал. Трудоемкое это дело: копаться в чужих биографи-

ях, создавать концепцию чужой судьбы на свой лад да еще проводить какие-то личные параллели. Мне удалось, и книга, кажется, имела успех. Возможно, кто-то ее читал. А если нет, то коротко представим несколько жизней из звездной команды родившихся в 1932 году. 85 лет назад.

Начнем с экс-президента Франции Жака Ширака по прозвищу Бульдозер. Он был мэром Парижа, премьером Франции и, наконец, в мае 1995-го занял президентское кресло. Не любитель оперы, Ширак любит литературу и, в частности, даже читал «Евгения Онегина» по-русски. Двери Елисейского дворца при нем были широко открыты для интеллектуальной элиты. И там, в бывшем королевском дворце, проходил торжественный концерт в честь 70-летия Мстислава Ростроповича. Других подробностей не привожу — они в книге.

С 1932 года две первые дамы России: Раиса Горбачева (ей больше подходит: леди) и Наина Ельцина. Разные женщины, но одно их сближает: они были крепким тылом двух президентов — СССР и Российской Федерации.

Первая дама по красоте и звездности, бесспорно, Элизабет Тейлор. От нее исходила удивительная нежная женственность. Восемь раз выходила

замуж, была богата, слава, как шлейф королевского платья, тянулась за ней. Но в конце жизни судьба преподнесла Лиз жестокие испытания, связанные с болезнями. И надо отметить, что при этом Элизабет (Лиз) проявила редкое мужество. После сложнейшей операции она произнесла жесткие слова: «Мне надоело играть в игры. Да, пусть весь мир увидит, что я старая, седая женщина. Я хочу позволить себе роскошь жить со своим настоящим лицом, со своими морщинами и трясущимися руками. Мне хочется жить, вкушать каждое мгновение жизни и не сожалеть об утраченном…»

Раз уж мы заговорили об актрисе, о великой актрисе, то вспомним и других представителей лицедейства. Еще одна прекрасная дама — Анук Эме. Эме — псевдоним, что означает «любимая». А так Анук — по отцу Дрейфус, печально знаменитая фамилия в еврейском сообществе. Снималась у Феллини, но более известна по фильму Клода Лелуша «Мужчина и женщина» (1966). Какие тонкие, акварельные нюансы чувств… Из мужчин-актеров необходимо отметить красавца Омара Шарифа, рожденного в сирийско-ливанской семье. По амплуа — романтический любовник, жгучий и неотразимый. Тут тебе и

Лоуренс Аравийский, и доктор Живаго в фильме Дэвида Линна.

Совсем иных героев представлял родившийся в Нью-Йорке Энтони Перкинс. Он блестяще сыграл в фильме Альфреда Хичкока «Психо», после чего никак не мог отделаться от персонажей убийц и маньяков. Одна из картин этого рода — «Кто-то стоит за дверью». По-иному смотрится на экране немецкий актер **Хельмут Грим.** Трудно забыть уверенного в себе эсэсовца Ашенбаха в фильме-эпопее Висконти «Гибель богов». Он создал образ обаятельного губителя и растлителя.

Если перечислять российских актеров, то они, как правило, играли положительных героев, как **Евгений Урбанский** в яростном фильме «Коммунист». К горькому сожалению, Урбанский ушел из жизни в 33 года — погиб на съемках кинокартины «Директор». Фактурный актер, почти мачо. Рано ушла из жизни **Изольда Извицкая,** Марютка из фильма «Сорок первый». Тот случай, когда красота не принесла никаких дивидентов, а только лишние проблемы.

Более уравновешенно и относительно спокойно протекала жизнь у **Лили Толмачевой,** одной из создательниц театра «Современник». Первая жена Олега Ефремова, актриса, а позднее режис-

сер — от «Фантазий Фарятьева» до пьесы «Все кончено» по Эдварду Олби. Еще из актерских рядов рожденных в 1932-м — **Майя Булгакова, Валентин Никулин…** А теперь режиссеры. И, конечно, первый — **Андрей Тарковский,** мой одноклассник по 554-й школе. О нем я вспоминал и в книге, и в «Алефе», не буду повторяться. Лишь начальная строчка совместного стихотворения (ноябрь 1949 года): «Проходят дни густой лиловой тенью…»

Среди российских театральных режиссеров широкой известности добился **Петр Фоменко.** Его жена Майя Тупикова рассказывала о Петре Наумовиче в его ленинградскую пору: «Слишком режиссер, чтобы быть главным…» Главным он расцвел уже в Москве в созданном им театре. Его Театр — это даже не храм, а «душевная польза и радость», где искали не истину, а «возможность движения». Фоменко умер в августе 2012 года. О нем в газете написали: «Одна абсолютно счастливая жизнь, целиком посвященная творчеству». И эпитеты: светлый, легкий, гармоничный, солнечный, мудрый… По мнению других, театр Петра Фоменко стал явлением не меньшим, чем театр Мейерхольда.

Фоменко мучили сердце и диабет, а он от рабо-

ты выздоравливал. Петр Наумович повторял тем, у кого зашкаливали амбиции: «В жизни не надо быть индюком». И павлином. Как посмотришь сегодня, то аж в глазах рябит… Совсем другая судьба выпала **Александру Аскольдову,** полумифическому режиссеру с его единственной гениальной картиной «Комиссар». Он — подлинное дитя сталинского времени: родителей, директора киевского завода «Большевик» Якова Аскольдова и его красавицу-жену, арестовали в 1937 году. Пятилетнему пацану сказали, что за ним придут потом. И Саша сообразил: надо скитаться и прятаться.

Таково было «счастливое детство», за которое дети Страны Советов горячо благодарили любимого отца, вождя и учителя. И все же Александру Аскольдову удалось окончить школу, поступить в институт, но за агитацию статьи Померанцева о дефиците искренности в советском искусстве был исключен из института. Четырнадцать лет провел Аскольдов в квартире Елены Булгаковой, занимаясь архивом мастера. Устроился в театр — уволили. В 1964 году Аскольдов прочитал рассказ Василия Гроссмана «В городе Бердичеве» и решил снять фильм. Это оказалось архисложным, ибо еврейская тема тогда была табуирована властью,

и актеры бежали от роли Ефима Магазиника, как от чумы.

Единственным смелым человеком оказался Ролан Быков. С громадными трудностями фильм был снят и положен на полку на многие годы. А самого Аскольдова исключили из партии и выгнали со студии. И что в итоге: через 20 лет «Комиссар» завоевал полное международное признание и имел успех почище «Списка Шиндлера». Это к тому, что нет пророка в своем отечестве. Итак, «Комиссар» получил сотни кинопремий, его изучают в киношколах и киноакадемиях, сам режиссер удостоился пить чай у шведской королевы Сильвии, его дети и внуки нашли свое место в разных европейских странах. Горькое начало и хеппи-энд в конце…

Западные кинорежиссеры: Франсуа Трюффо, Луи Маль, **Милош Форман.** Выделим последнего. Родился в Чехии, его родственники погибли в концлагере. Как режиссер Милош снимал поначалу легонькие ленты типа картины «Любовные похождения блондинки». Советские танки, вторгшиеся в Прагу в августе 1968-го, покончили не только с Пражской весной, но и с романтическими иллюзиями. Форман осудил эту агрессию и эмигрировал в США. В 1975 году его фильм

«Кто-то пролетел над гнездом кукушки» собрал отличный урожай: пять «Оскаров»! Прогремел и другой его фильм, «Амадей», на извечную тему: гений и злодейство.

Весной 1997 года Милош Форман побывал в России. В интервью «Комсомолке» отметил разницу между СССР и новой Россией: «Советский Союз был хорошо организованным зоопарком. Каждый был под надзором, и у каждого были еда и питье, никто не перетруждался…» И далее Форман обрисовал перспективу: вновь организованного зоопарка и клетки для отдельных социальных групп. Вот так, между прочим, пролетая над гнездом двуглавого российского орла…

А теперь писатели. В разные годы Владимира Войновича, Василия Аксенова, Михаила Шатрова, Фридриха Горенштейна я представлял в «Алефе». Книгу «Клуб 1932» лично вручил **Аксенову** и **Войновичу.** Помню, Василий Павлович с грустью отметил: «А мне такая идея не пришла в голову». На что я ответил: «Ну а мне — написать “Звездный билет”». **Роберт Рождественский** проделал путь от пылкого комсомольского поэта до сомневающегося интеллигента-скептика. Честно признавался: «Я усомниться в вере не пытался. / Стихи прошли. / А стыд за них остался».

Такая же метаморфоза произошла и с Риммой Казаковой: от торжествующего «да» к холодному «нет». Разделение страны на богатых и бедных ужаснуло поэтессу…

Людям, родившимся в СССР в начале 1930-х годов, было тяжело перестроиться на новую систему взаимоотношений и молиться не Вождю, а мамоне. Намучившись с больной темой свободы слова, один из моих ровесников, Феликс Кандель, автор знаменитого мультсериала «Ну, погоди!», покинул страну, где родился. В 1977-м Кандель добился разрешения на отъезд из СССР и в Израиле опубликовал много замечательных книг: «Врата исхода нашего», «На ночь глядя» и другие.

А вот у Умберто Эко подобных проблем не было. Он жил в демократической стране, без революционных и радикальных потрясений, и спокойно писал свои замысловатые интеллектуальные романы, и при этом утешал читателей: «Спите спокойно, книги никуда не денутся. Хотя бы потому, что Интернет пока что нельзя читать, лежа в ванной, а книгу можно». Увы, уже нет с нами Эко, этого литературного чародея с его фонтаном идей из Лейбница и Паскаля, Декарта и Шопенгауэра. Но его позиция иронии по отношению к событиям позволяет нам, оставшимся на земле,

более или менее спокойно переносить все исторические бури.

Не забыть бы и когорту журналистов-публицистов из ряда 1932 года: Алла Гербер, Лев Колодный, Ярослав Голованов, Леонид Баткин, Юрий Буртин. Конечно, названы не все. Каждый достоин отдельной публикации, но, как говорится, в другой раз. Художники. Биологический оптимист и немного бунтарь Борис Жутовский. Борис Иосифович вместе с другими художниками-авангардистами попал в Манеже осенью 1962 года под раздачу Никите Хрущеву. Разгневанный вождь потом смилостивился и, обращаясь к художникам, сказал: «Мы вас сажать не будем, мы будем вас перевоспитывать!» Слава Богу, Жутовский не перевоспитался…

Не перевоспитался и Виктор Попков, хотя он никаким авангардистом не был, а был реалистом и традиционалистом: картины «Бригада отдыхает», «Строители Братска», «Шинель отца», «Хороший человек была бабка Анисья» и другие знаковые полотна. Художник рано ушел из жизни: нелепо и трагично. Будучи чуть нетрезвым, бросился к инкассаторской машине, спутав ее с такси, и погиб от пули в самом центре Москвы, на улице Горького (ныне Тверская).

От художников к композиторам. Наш Родион Щедрин и пара знаменитых французов. Франсис Лей. Помните его замечательные мелодии из фильма «Мужчина и женщина»? А многочисленные песни из репертуара Эдит Пиаф и Мирей Матье? Соперник Лея по популярности — Мишель Легран: музыкальные композиции к фильмам «Шербургские зонтики» и «Девушки из Рошфора». А ещё 1932 год украсили ученые, спортсмены и представители других областей. А в заключение — десерт. Эстрада. Те, кто нас веселил, развлекал и утешал в ненастный час.

Исполнители Гелена Великанова и Майя Кристалинская, Юрий Богатиков и Виктор Берковский, Борис Рубашкин и Юрий Кукин. Как их не вспомнить: «Под музыку Вивальди» — это Берковский, «Не плачь, девчонка» — Богатиков, а старинное танго «Татьяна» — Рубашкин, и он же воскресил для нас Мурку из 1920-х годов. И конечно, из эпохи романтиков 1960-х — Юрий Кукин с его тревожащим вопросом для всех интеллигентов: «Что же, что же не так, не так? / Что же не удалось?»

Этот вопрос, разумеется, задавали не только рожденные в 1932-м, но и представители других годов и поколений. Извечные российские вопро-

сы: кто виноват и что делать…

Не будем повторять эти вопросы. Как пел Александр Галич: «Историки разберутся, кто из нас мародеры…» Кто герои, кто палачи, кто жертвы…

Закончим тихо и миролюбиво цитатой из моего любимого Василия Розанова (да, он был антисемитом, но потом покаялся) — точно цитату не помню, все-таки 85 лет, но почти точно: «Некий петербургский юноша горячился и восклицал: «Что делать? Что делать?» Как что делать? Летом собирать ягоды, а зимой пить чай с вареньем. Вот и все, что надо…»

На чае с вареньем все и закончим. Несколько сумбурную картину из 85-летних юбиляров пытался эскизно нарисовать.

«Плач по возрасту»

Так называется моя книга, изданная в 2013 году, увы, крошечным тиражом. Возраст, преклонный, разумеется, — это повод для плача или причитания: «Ах, где мои молодые годы? Куда подевались, укатились, исчезли?!», ну и так далее. Каждому человеку в возрасте знакомы подобные переживания, если он, конечно, не твердокаменный большевик.

Обычные люди часто бывают сентиментальными и порой даже слезливыми. Особенно в старости, ибо, как сказал немецкий юморист XIX века Мориц Готлиб Сафир, «жизнь — это неизлечимая болезнь, от которой все умирают, и выживают лишь те, кто никогда не рождался».

Но ближе к книге! Ее я собирал долго, более сорока лет: высказывания философов, ощущения долгожителей, выдержки из мемуаров и дневников, анекдоты, притчи и, конечно, поэзия. В итоге получился коктейль из многих ингредиентов — из слез и печали, из юмора и смеха, из назиданий и даже статистики, — из всего того, что отражает тема «Плач по возрасту»: уходящие годы, старость, одиночество, тоска, смерть… Та-

кая вот раздумчивая, печальная, но вместе с тем и забавнолюбопытная книга. И я предоставляю читателям возможность взглянуть на нее хоть краешком глаза.

Итак, возраст. На мой взгляд, возраст — это лестница, по которой мы сначала со своими надеждами и иллюзиями поднимаемся вверх (там хорошо — «Летающие любовники» Марка Шагала!), а затем постепенно спускаемся вниз, на землю (надежды разбиты, в душе одно разочарование) и далее — в подземелье…

«Время уносит все, — утверждал древнегреческий философ Платон, — длинный ряд годов умеет менять и имя, и наружность, и характер, и судьбу». «Вам всегда будет не хватать либо времени, либо денег», — гласит современный закон технологии Лернера. Это — время. «Три возраста человека: молодость, средний возраст и «Вы сегодня чудесно выглядите!» — так классифицировал возраст американский кардинал Франсис Спеллман.

Хотя следует заметить, что есть разница в восприятии возраста у женщин и мужчин. На этот счет английский писатель XIX века Мортимер Коллинз высказался так: «Мужчине столько лет, на сколько он себя чувствует; женщине столько,

на сколько она выглядит». А теперь строки из антологии:

Сначала жизнь пленяет нас.
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Нам ум причудливый лелеет…
…Но кончится обман игривый!
Мы привыкаем к чудесам —
Потом на все глядим лениво,
Потом и жизнь постыла нам:
Ее загадка и развязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

Кому-то покажется, что это писал какой-то старец, много поживший и перечувствовавший. Нет. Это написано молодым человеком — Дмитрием Веневитиновым. Он прожил очень мало и ушел из жизни на 22-м году.

Ах, юность, юность, как желанна она и прекрасна. Когда она есть, то почему-то ее не ценишь, а когда прошла, то тяжко вздыхаешь о ней. Как восклицал другой классик, Гоголь: «О, моя юность!

Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего, того, который был! О, невозвратимо все, что ни есть на свете!..»

Вот и поэты второй половины XX века причитали об ушедших годах. «Отстарались кони, / Отстрелялись копья…» (Виктор Соснора). «Пролетели мои самолеты, / Просвистели мои поезда…» (Николай Рубцов). Кони, самолеты, поезда да еще пистолеты — бесшабашная гонка молодости. Динамика. Драйв. Мелькание кадров и событий. Но все проходит, и остается, как правило, печаль (если не иметь в виду отчаянных оптимистов). Как заключал Андрей Вознесенский:

Но итоги всегда печальны,
Даже если они хороши.

В стихотворении «Барселона» Маргарита Алигер от лица старшего поколения писала:

Нет, я не ропщу и не тужу,
Не казню себя, не бью поклоны.
Не спеша по Рамблас прохожу,
Улыбаясь птицам Барселоны.
А они, как смолоду, поют,

Им плевать на то, что путь мой прожит,
Что в душе разор и неуют,
И помочь никто уже не может…

Хотя есть другое виденье возраста и пенсии, которое я отразил в строчках:

Какое блаженство
не быть молодым…
Не быть бизнесменом —
распил и раздел,
А мирно дремать
в стороне от всех дел.
Не видеть ни смысла,
не чувствовать толк.
Блаженно лежать
и плевать в потолок…

Но это шутка, хотя, возможно, кто-то так и поступает. Я сторонник завета Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться

И день и ночь, и день и ночь!..

И нельзя забывать совет вольтеровского Кандида: «Надо возделывать свой сад». Нужно трудиться так, чтобы не оставалось времени для вопросов «Зачем?» — и тогда, как говорил Вольтер, скука нас не посещает. А коли нет скуки — это уже многое…

Однако есть наука, которая неостановима в своих изысканиях и экспериментах. И вот уже ученые заявляют, что скоро технологии продлят жизнь человека еще на 25 лет.

Вы хотите жить вечно, как лермонтовский Демон? Лично я — нет. И киборгом быть не хочу с компьютером вместо головы. Пускай не торопятся «товарищи ученые» со своими новациями. Мы, старшее поколение, будем жить по-старому и петь наши старенькие песни: «Я люблю тебя, жизнь, / Что само по себе и не ново. / Я люблю тебя, жизнь, / Я люблю тебя снова и снова…»

Это бодро и оптимистично. Но надо помнить и другое. Омар Хайям (XI–XII века):

Что миру до тебя?
Ты перед ним ничто:
Существование твое лишь дым,

ничто.
Две бездны с двух сторон
небытием зияют,
И между ними ты, подобно им, —
ничто.

Мудрые строки, особенно для тех, кто заносится чинами, орденами, рейтингами… И тут же ветерком поднятые зашелестели «Опавшие листья» Василия Розанова: «Одни молоды, и им нужно веселье, другие стары, и им нужен покой, девушкам — замужество, замужним — «вторая молодость»… и все толкаются, и вечный шум… Мир вечно тревожен, и тем живет».

Нет, нет, все не так, ребята! Хватит мрачности! Хватит возрастного брюзжанья! Хватит ныть! «Жизнь прекрасна и удивительна!» Или скажем иначе: менее прекрасна и более удивительна, особенно у нас, в России. И никаких плачей.

Нужно внять совету французского писателя Анри Дювернуа, который говорил, обращаясь к знакомой женщине: «Как бы искренне ты ни плакала, рано или поздно нужно заглянуть в пудреницу».

Практичный совет. Попудрили носик, и сразу возникает интерес: «А что у нас сегодня на обед?»

Это совсем другое дело! И при чем здесь возраст, скажите мне на милость?..

Обед. Дрема на диванчике, а потом — книга. Четвертый том дневников Ю. Б. «Жизнь из последних сил», 2011–2021. Тоже интересно, а, может быть, и нет…

21 ноября 2021